Археологические вести

— 52 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

52
(2026)

Saint Petersburg
2026

Археологические вести

52
(2026)

Санкт-Петербург
2026

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:
О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:
Н. В. Хвощинская (отв. ред.), М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина, Е. В. Беляева, М. В. Медведева

Издательская группа: Т. С. Дорофеева (редактор), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 52** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2026. — 312 с.: ил.

В выпуске 52 журнала «Археологические вести» собраны статьи по новым исследованиями памятников палеолита, бронзового и раннего железного веков, античности и средневековья разных регионов России. В разделе «Актуальные проблемы археологии» рассматриваются дискуссионные вопросы, позволяющие сделать исторические заключения на археологическом материале. Три статьи посвящены современным методам исследования. Традиционно интересен и наполнен раздел об истории науки.

Issue 52 of the journal “Archaeological News” brings together articles presenting new research on sites dating from the Paleolithic, Bronze and Early Iron Ages, as well as the Classical and Medieval periods, across various regions of Russia. The section “Current Issues of Archaeology” addresses topics of debate that allow for historical conclusions to be drawn from archaeological material. Three articles focus on modern research methods. The section dedicated to the history of the discipline is, as always, engaging and rich in content.

ISSN 1817-6976

Первая и четвертая страницы обложки — керамические фигурки (см. с. 62, 68)
First and forth pages of cover — ceramic figurines (see p. 62, 68)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2026
© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2026

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Надежды Игоревны Платоновой 9

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Е. Щелинский, А. К. Очередной, Я. Д. Иванов. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка на юге Русской равнины. Новые данные 10

А. Л. Пелих. Металлические топоры-тесла позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа 29

В. П. Власов. К характеристике поселения Тууш 3 в Юго-Восточном Крыму 42

С. Б. Вальчак, Ю. В. Марченко. Предскифское погребение воина в подбое из могильника кобанской культуры Нижний Куркужин (Кабардино-Балкария) 52

В. Л. Денисенко. Образ всадника в коропластике Кушанского царства 60

В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев. Южный пригород Херсонеса Таврического как сакральное пространство 74

В. А. Горончаровский. Пантикапейский склеп Юлия Каллисфена 84

И. Ю. Шауб. О богине Ангиссе (КБН, № 27) 97

О. А. Хомякова. Женский убор Юго-Восточной Прибалтики I–V вв.: историографические традиции и подходы к реконструкции 107

А. В. Плохов. Стеклянные сосуды с «расчесанным» декором Великого Новгорода и Рюрикова городища. Часть 1: терминология, обзор находок и их социальный контекст 122

К. В. Горлов, И. С. Аракчеева, Е. М. Калинина, К. С. Косовец, М. И. Кулакова. Нумизматический материал из раскопок в Печорах в 2019–2023 гг.: вопросы хронологии, исторической топографии, денежного обращения. Часть 1 145

А. Н. Каменский. Экспериментальное моделирование лирообразных гуслей из раскопок Великого Новгорода: к вопросу о реконструкции технологического процесса 162

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

А. М. Скоробогатов. Появление признаков производящего хозяйства на Среднем Дону. Итоги изучения вопроса и перспективы исследования 178

Р. А. Мимоход. Феномен старообрядчества в днепро-донской бабинской культуре (2200–1800 calBC) 189

Н. А. Кренке. Смоленск — Гнёздово: некоторые параллели 208

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Ю. В. Кожуховская. Археометрические исследования инвентаря из детского погребения катакомбной культурно-исторической общности из кургана Токарево (Присивашье, Крым) 220

М. А. Стрельцов, М. А. Кулькова. Археометрическая база данных «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма»: принципы организации и методы автоматизированного анализа 236

И. Е. Зайцева, С. И. Валиулина, А. Н. Федорина, С. И. Милованов, Е. С. Коваленко, П. В. Гурьева, Н. М. Родионов, О. А. Кондратьев, К. М. Подурец, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина. Новые находки древнерусских перегородчатых эмалей в Суздале: технология изготовления предметов и состав эмалей 246

ИСТОРИЯ НАУКИ

М. В. Медведева. «Ревностный член анийской школы»: трагический жизненный путь Николая Николаевича Тихонова (1882–1915) 263

К. В. Конончук, Д. С. Филимонова. Система камеральной обработки и передачи в музеи археологических коллекций ГАИМК (1931–1937) 275

Ю. А. Виноградов. «Скифский хлеб» и «125 блокадных грамм» (о судьбе В. А. Петрова) 290

ПЕРСОНАЛИИ

В. А. Алёкшин, В. П. Никоноров. Античная и раннесредневековая проблематика Средней Азии в полевых исследованиях и научных публикациях Владимира Алексеевича Завьялова (10.02.1946–02.08.2020) 299

AD MEMORIAM

Памяти Ольги Александровны Соффер (1942–2026) 308

Список сокращений 310

Contents

HEROES OF THE DAY

On the anniversary of Nadezhda Igorevna Platonova 9

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

V. E. Shchelinsky, A. K. Ocherednoy, Ya. D. Ivanov. Gerasimovka, the Lower Paleolithic site in the south of the Russian Plain: new data 10

A. L. Pelikh. Metal axe-adzes of the Late Bronze and Early Iron Ages in the North Caucasus 29

V. P. Vlasov. On the characteristics of the Tuush 3 settlement in Southeastern Crimea 42

S. B. Valchak, Yu. V. Marchenko. The pre-Scythian burial of a warrior in a chamber grave from the burial ground of the Koban culture Nizhny Kurkuzhin (Kabardino-Balkaria) 52

V. L. Denisenko. The image of a horseman in the coroplastics of the Kushan Kingdom 60

V. V. Vakhoneev, S. L. Soloviev. The Southern Suburb of Tauric Chersonesos as a Sacred Space 74

V. A. Goroncharovsky. The Panticapaeum crypt of Julius Callisthenes 84

I. Yu. Shaub. On the Goddess Angissa (КБН, № 27) 97

O. A. Khomyakova. Women's headwear in the Southeastern Baltic region in the 1st–5th Centuries AD: historiographical traditions and approaches to reconstruction 107

A. V. Plokhov. Finds of tableware glass with "marvered combed" decoration in Veliky Novgorod and in Rurikovo Gorodishche. Part 1: Terminology, overview of finds and their social context 122

K. V. Gorlov, I. S. Arakcheeva, E. M. Kalinina, K. S. Kosovets, M. I. Kulakova. Numismatic findings from the excavations in Pechory, 2019–2023: issues of chronology, historical topography, and monetary circulation. Part 1 145

A. N. Kamenskiy. Experimental modeling of lyre-shaped gusli from the excavations of Veliky Novgorod: on the question of reconstructing the technological process 162

CURRENT ISSUES OF ARCHAEOLOGY

A. M. Skorobogatov. The emergence of signs of a producing economy in the Middle Don region: current results and future directions of the research 178

R. A. Mimokhod. The "Old Belief" phenomenon in the Dnieper-Don Babino culture (2200–1800 cal BC) 189

N. A. Krenke. Smolensk — Gnezdovo: some parallels 208

MODERN METHODS OF ANALYSIS IN ARCHAEOLOGY

M. A. Kulkova, M. T. Kashuba, A. M. Kulkov, Y. V. Kozhukhovskaya. Archaeometric studies of the grave goods from a child's burial of the Catacomb culture at the Tokarevo burial mound (Sivash region, Crimea) 220

M. A. Streltsov, M. A. Kulkova. Archaeometric Database "Bronze Age Ceramics from the Archaeological Sites of the Steppe Crimea": Principles of Organization and Methods of Automated Analysis 236

I. E. Zaitseva, S. I. Valiulina, A. N. Fedorina, S. I. Milovanov, E. S. Kovalenko, P. V. Guryeva, N. M. Rodionov, O. A. Kondratyev, K. M. Podurets, E. Yu. Tereshchenko, E. Yu. Yatsishina. New finds of Old Rus cloisonné enamels from Suzdal. Manufacturing technology and composition of enamels 246

HISTORY OF SCIENCE

M. V. Medvedeva. "A zealous member of the Ani school": the tragic life of Nikolay N. Tikhonov (1882–1915) 263

K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova. The system for the cataloging and transfer of the State Academy for the History of Material Culture Archaeological Collections to museums (1931–1937) 275

Yu. A. Vinogradov. "Scythian bread" and "125 grams of the Siege" (on the life and work of V. A. Petrov) 290

PERSONALITIES

V. A. Alyokshin, V. P. Nikonorov. Problems of Antique and Early Medieval Archaeology of Central Asia in the fieldworks and scholarly publications by Vladimir A. Zav'yalov (10.02.1946–02.08.2020) 299

AD MEMORIAM

In Memory of Olga Alexandrovna Soffer (1942–2026) 308

List of abbreviations 310

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Надежды Игоревны Платоновой

28 июля 2026 г. отметила юбилей Надежда Игоревна Платонова, ведущий научный сотрудник отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, доктор исторических наук, выдающийся специалист в области археологии и истории Северной Руси, истории советской и российской археологии XIX–XX вв.

Н. И. Платонова родилась и выросла в Ленинграде, здесь же в 1978 г. окончила исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии. Ее главными учителями в университете были Г. С. Лебедев и Л. С. Клейн. С 1978 г. она работает в ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, пройдя все ступени пути от лаборанта до ведущего научного сотрудника. В 1988 г. под руководством Е. А. Рябинина Н. И. Платонова успешно защитила в ЛОИА АН СССР кандидатскую диссертацию «Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным)». В 2008 г. в ИИМК РАН защитила докторскую диссертацию «История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX в.)».

Экспедиционная деятельность Н. И. Платоновой началась в студенческие годы. С 1978 г. она руководила отдельными отрядами и экспедициями; в 2004–2006 гг. была начальником Передольской, в 2012–2013 гг. — Костёнковско-Борщёвской археологических экспедиций ИИМК РАН и руководителем отдельного отряда последней.

Трудовую деятельность Н. И. Платоновой характеризует необычайная широта научных интересов. Во-первых, это средневековая археология Северо-Западной Руси VIII–XV вв., сельские поселения и погосты, образование городов Древней Руси и их место в процессе урбанизации Северной Европы. Это не только полевые исследования, но руководство и участие в грантах, редакторская подготовка коллективных монографий: «Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.» (2017), «Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования» (2018, 2022, 2025). Во-вторых, работа в палеолитических экспедициях и участие в фундаментальной коллективной монографии «Человек и мамонт в Восточной Европе» (2011, 2019).

Надежда Игоревна Платонова
Nadezhda Igorevna Platonova

И в-третьих, изучение развития археологической мысли в России на протяжении XIX–XX вв., итогом которого стали монография «История археологической мысли в России (вторая половина XIX — первая треть XX века)» (2010) и участие в коллективных трудах: «Императорская Археологическая комиссия (1859–1917)» (2009), «Академическая археология на берегах Невы. От РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.» (2013) и др.

Н. И. Платонова — автор более 240 работ, в том числе автор и редактор нескольких монографий. Научные достижения и организаторский талант Надежды Игоревны по достоинству оценены коллегами, которые ее уважают и любят. Редакция «Археологических вестей» и весь коллектив ИИМК РАН сердечно поздравляют Надежду Игоревну с юбилеем, желают ей здоровья и дальнейших творческих успехов на благо отечественной науки.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка на юге Русской равнины. Новые данные[1]

В. Е. Щелинский, А. К. Очередной, Я. Д. Иванов[2]

Аннотация. *Статья посвящена новым исследованиям нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка в Северном Приазовье на юге Русской равнины, открытого Н. Д. Прасловым в 1959 г. Разведочными работами на местонахождении был обнаружен ранее неизвестный культуросодержащий слой с каменными изделиями и фрагментами костей млекопитающих, залегающий в базальной части мощной толщи раннесреднеплейстоценовых аллювиальных песчано-гравийных отложений, охарактеризованных пресноводной малакофауной и фауной млекопитающих тираспольского комплекса. По мнению авторов, нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка синхронно началу донского оледенения Русской равнины (MIS 16, ~650–600 тыс. л. н.). Его каменная индустрия относится к варианту ашеля.*

Ключевые слова: *нижний палеолит, ранний средний плейстоцен, MIS 16, местонахождение Герасимовка, Северное Приазовье, юг Русской равнины*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-10-28

Введение

Нижний палеолит на Русской равнине изучен плохо. На такой обширной территории известны лишь единичные стратифицированные местонахождения этого времени. Они расположены в разных, значительно удаленных друг от друга районах (*Stepanchuk*, 2022; *Anisyutkin et al.*, 2012) и представлены малочисленными, в основном невыразительными, а нередко и сомнительными материалами.

На Юге Русской равнины наиболее важными и перспективными для изучения являются два нижнепалеолитических памятника — стоянка Хрящи в низовье Северского Донца и местонахождение Герасимовка в Северном Приазовье. На стоянке Хрящи в последние годы были возобновлены раскопки и получены новые геологические и археологические данные (*Щелинский и др.*, 2020). Местонахождение Герасимовка оставалось совершенно неисследованным.

Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка расположено в юго-восточной части Северного Приазовья на Миусском берегу одноименного полуострова в пос. Герасимовка, в нескольких километрах к западу от г. Таганрога (рис. 1, *1*, *2*). Оно было открыто в 1959 г. Н. Д. Прасловым (*Праслов*, 1968). Единичные каменные изделия (7 экз.) (рис. 2) были найдены им на пляже Миусского лимана в пределах пос. Герасимовка примерно в 300–500 м к востоку от устья Платоновой балки, впадающей в лиман, вблизи обнажения отложений высокой плейстоценовой террасы. По мнению Н. Д. Праслова, изделия выпали из галечников этой террасы. Однако, как полагала геолог И. К. Иванова, побывавшая на месте находок, это мнение могло быть только предположительным. При этом оставался неясным и геологический возраст галечников (*Иванова*, 1982. С. 387). Высказывались также сомнения в подлинности изделий из этого местонахождения. Тем не менее Н. Д. Праслов, основываясь на геологических исследованиях Н. А. Лебедевой, твердо отстаивал свою позицию и полагал, что каменные изделия, собранные на пляже, происходят именно из обнажавшихся поблизости галечников,

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 26-18-01024, https://rscf.ru/project/26-18-01024/).

[2] Щелинский В. Е., Очередной А. К., Иванов Я. Д. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: shchelinsky@yandex.ru, a.otcherednoy@gmail.com, yadivanov66@gmail.com.

© Щелинский В. Е., Очередной А. К., Иванов Я. Д., 2026

относимых к бакинско-чаудинской террасе среднего плейстоцена (*Праслов*, 2001; *Praslov*, 1995). Однако это утверждение не было подкреплено находками изделий в самих галечниках. Не вполне ясен был и общий геологический контекст местонахождения.

Разведочные работы, проведенные нами недавно на местонахождении Герасимовка, помогли уточнить его геологические условия и получить новый археологический материал, в том числе залегавший *in situ* в конкретном литологическом слое.

В статье представлены результаты этих разведочных работ. Описаны и предварительно атрибутированы найденные каменные изделия. Проанализированы также данные геологических и палеонтологических исследований, ранее проводившихся в Северном Приазовье, что позволило более обоснованно датировать это местонахождение.

Геологические условия и возраст нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка

Миусский полуостров образован Миусским лиманом и Таганрогским заливом Азовского моря и протягивается на юго-запад от Таганрога сравнительно узкой полосой (до 10 км) на расстояние около 30 км. Максимальная высота его в целом ровной поверхности составляет около 60 м над уровнем моря (в северо-западной части Таганрога). Минимальные высоты (около 15 м над уровнем моря и меньше) отмечаются на юго-западной оконечности полуострова в районе Беглицкой косы (рис. 1, *1*).

На этом полуострове выделен и изучен ряд разновысотных и разновременных аллювиально-морских плейстоценовых террас (*Лебедева*, 1965; 1972; 1978; *Величко и др*., 1973; 2017; *Фёдоров*, 1978; *Константинов и др*., 2015). В субаквальных и покровных лессово-почвенных отложениях некоторых из них залегают культурные остатки среднего и нижнего палеолита.

Наиболее древней из выявленных в настоящее время в пределах полуострова является платовская терраса (по Н. А. Лебедевой), датируемая по наличию в ее аллювиальных отложениях тираспольской фауны крупных и мелких млекопитающих ранним средним плейстоценом. Высота ее ближе к Таганрогу достигает 40 м. Однако по берегам Миусского лимана и Таганрогского залива она снижена до 25–20 м, поскольку верхняя часть ее покровных отложений срезана эрозией. Именно с этой террасой, как предполагалось, связаны находки изделий нижнего палеолита у Герасимовки.

Согласно Н. А. Лебедевой (*Лебедева*, 1972. С. 52–55), на берегу Миусского лимана в Герасимовке и примыкающем к ней с востока пос. Дарагановка распространена только эта терраса. Она имеет следующее строение (снизу вверх) (рис. 1, *3*).

1. Цоколь террасы, сложенный песчаниками и известняками сармата, высота его над уровнем лимана 1,0–1,5 м.

2. Пачка переслаивающихся разноокрашенных песков (белых, светло-серых, серых, желтых, коричневато-рыжих), косослоистых, с линзами гравия и прослоями серых и желтовато-коричневых глин и обильной фауной пресноводных моллюском. Мощность 10–15 м.

Пресноводные моллюски из этих песков были изучены А. Л. Чепалыгой, определившим среди них *Unio tumides* Retz., *U. socolovi* Bog., *U. Pictorum* L., *U. rumanus* Font., *U. crassus* Retz., *Paludina tiraspolitana* Pavl., *P. aethiops* Pazz., *P. socolovi-getica*, *P. conoid-angusta*, *P. getica* Pavl., *P. fasciata* Mull., *Sphaerium corneum* L., *Pisidium astartoides* Sandberger. В составе перечисленных моллюсков совместно с видами, широко распространенными в плейстоцене, присутствуют формы, характерные для раннего и среднего среднего плейстоцена (*Unio socolovi* Bog.), для раннего среднего плейстоцена (*Paludina tiraspolitana* Pavl., *P. aethiops* Pazz.) и для раннего плейстоцена (*U. tumides* Retz. плиоценового типа, близкого *U. chasaricus* Bog.). Наличие видов, характерных только для раннего среднего плейстоцена, и отсутствие типичных раннеплейстоценовых левантинских форм позволили предполагать раннесреднеплейстоценовый возраст вмещающих отложений.

Важно отметить, что эта пачка песков охарактеризована также фауной млекопитающих. В ее средней части в линзе ожелезненного гравия были найдены костные остатки (зуб) *Archidiskodon wüsti* M. Pavl. (определение В. И. Громова), типичного представителя тираспольского фаунистического комплекса, а также кости конечностей этого слона. В нижней части, ближе к основанию песчаной толщи, в линзе ожелезненного гравелистого песка обнаружена фауна мелких млекопитающих. В составе ее определены: *Mimomys lagurodontoides* Schevt., *M*. ex gr. *reidi, M*. Ex gr. *intermedius majori*, *Pitymys hintoni* Kretzoi, *Lagurus* cf. *pannonicus* Kormos, *Microtus* ex gr. *arualis* Pallas, *Citellus* sp., *Cricetus* sp. По мнению Л. П. Александровой, ближайшим возрастным аналогом обнаруженной фауны можно считать фауну тираспольского комплекса. Таким образом, как полагала Н. А. Лебедева, фауны мелких и крупных млекопитающих в этой пачке отложений вполне согласуются.

97 м
Миусский лиман
Герасимовка
40 м
15 м
Заведенская балка
Таганрогский залив
0
2500
5000 м
1

Поселок Герасимовка
Платонова балка
Расчистка 2
Расчистка 1
0
300 м
В
2

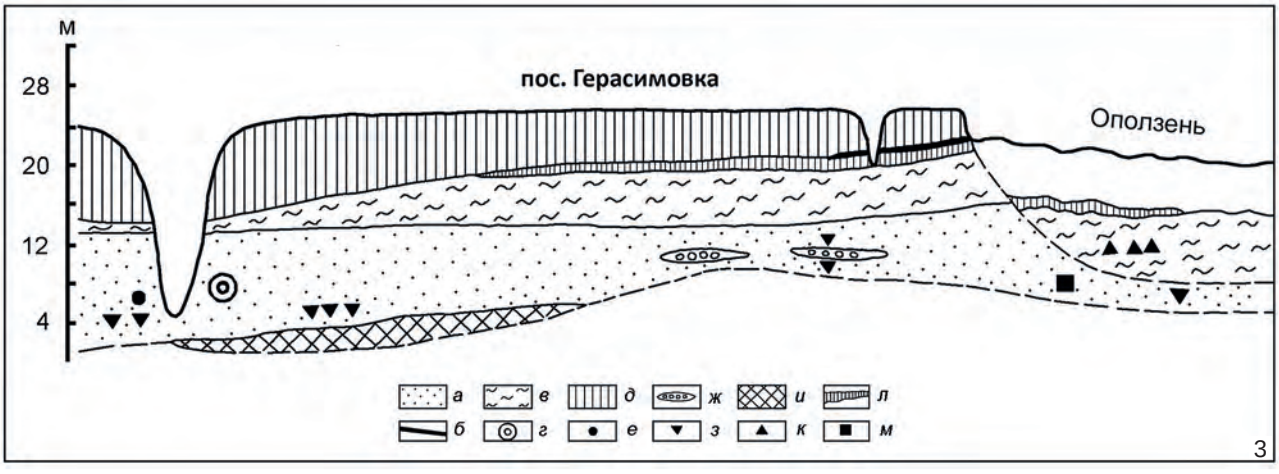

м
28
20
12
4
пос. Герасимовка
Оползень
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м
3

Рис. 1. Нижнепалеолитические местонахождения Герасимовка и Заведенская Балка: *1* — космоснимок района местонахождений с отметками высот; *2* — расположение разведочных расчисток на местонахождении Герасимовка; *3* — схематический сводный разрез отложений раннесреднеплейстоценовой платовской террасы в пос. Герасимовка (*а* — аллювиальные песчано-гравийные отложения прибрежно-пляжевых фаций с пресноводной фауной моллюсков и костными остатками крупных и мелких млекопитающих тираспольского фаунистического комплекса; *б* — лиманные глины и алевриты с солоноватоводными моллюсками, характерными для позднечаудинских слоев Черного моря и позднебакинских слоев Каспийского моря; *в* — лессовидные суглинки; *г* — линзы гравия и галек; *д* — доплейстоценовые породы; *е* — красно-бурая погребенная почва; *ж* — черноземовидная погребенная почва; *з* — остатки *Archidiskodon wüsti*; *и* — остатки крупных млекопитающих; *к* — раковины пресноводных моллюсков; *л* — раковины солоноватоводных моллюсков; *м* — остатки мелких млекопитающих)

Fig. 1. The Gerasimovka and The Zavedenskaya Balka Lower Paleolithic sites: *1* — satellite image of the area of locations with elevation marks; *2* — location of exploratory excavations at the Gerasimovka; *3* — schematic composite section of Early-Middle Pleistocene Platovskaya Terrace deposits in the village of Gerasimovka (*а* — alluvial sandy-gravel deposits of coastal-beach facies with freshwater mollusk fauna and bone remains of large and small mammals of the Tiraspol faunal complex; *б* — estuarine clays and siltstones with brackish-water mollusks characteristic of the Late Chaudinian strata of the Black Sea and the Late Bakinian strata of the Caspian Sea; *в* — loess-like loams; *г* — lenses of gravel and pebbles; *д* — Dopleistocene rocks; *е* — reddish-brown buried soil; *ж* — chernozem-like buried soil; *з* — remains of *Archidiskodon wüsti*; *и* — remains of large mammals; *к* — freshwater mollusk shells; *л* — brackish-water mollusk shells; *м* — remains of small mammals)

[*3 — Лебедева*, 1972. С. 52, рис. 9, с сокращениями]

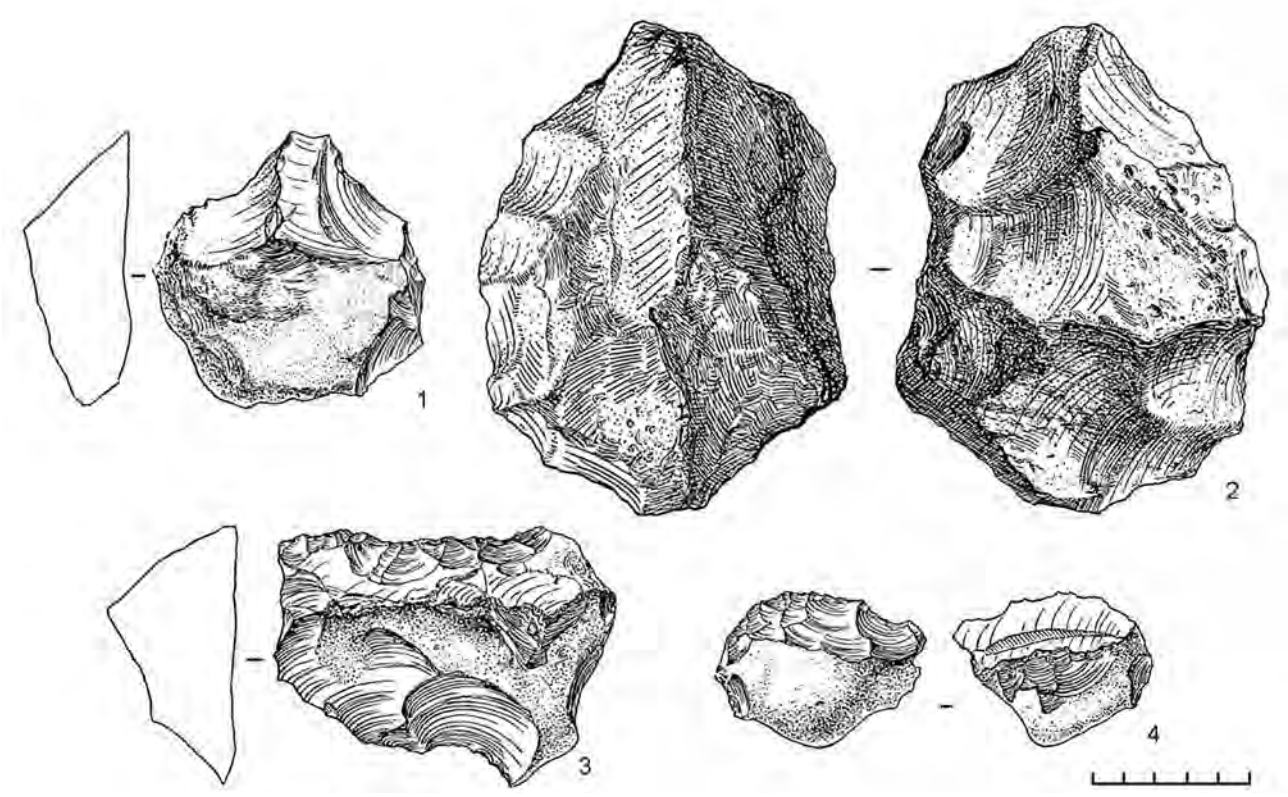

Рис. 2. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка. Кремневые изделия, найденные на пляже Н. Д. Прасловым: *1* — заостренный чоппер; *2* — ручное рубило; *3* — массивное скребло; *4* — скребло

Fig. 2. The Gerasimovka Lower Paleolithic site. Flint artifacts found on the beach by N. D. Praslov: *1* — pointed chopper; *2* — handaxe; *3* — massive scraper; *4* — scraper

[*Праслов,* 1968. С. 21, рис. 2 с изменениями]

3. Пачка лиманных горизонтально переслаивающихся глин оскольчатых, серых, голубовато-серых алевритов и песков глинистых, тонкозернистых, ожелезненных, желтовато-палевых. Встречены раковины дидакн и унионид. Вверху отложения затронуты почвообразованием, имеются кротовины, заполненные красно-бурой глиной. Мощность 4,0–4,5 м.

Эта пачка представляет собой лиманно-морские отложения. Охарактеризованы они фауной солоноватоводных моллюсков чаудо-бакинского типа, представленной, по определению Г. И. Попова, видами *Didacna baeri-crassa* Pavl. и *D.* ex gr. *parvula* Naliv. П. Ф. Фёдоров нашел здесь также *D. nalivkini* Wass. и *D. pseudocrassa* Pavl., близкую *D. eulachia* Bog.

4. Погребенная почва — глина красно-бурая, с глянцевыми поверхностями на изломе, испещрена белыми гнездами извести. В основании наблюдаются кротовины. Мощность 1,7 м.

5. Погребенная почва — глина песчанистая, темно-коричневая. Мощность 0,5 м.

6. Суглинок палевый, делювиальный, залегает на нижележащих породах с размывом. Мощность 2,0 м.

7. Современная почва. Мощность 0,7 м.

Интересно, что Н. А. Лебедева не указывает на наличие слоя галечника в отложениях террасы у Герасимовки, из которого, по мнению Н. Д. Праслова, могли происходить найденные им на пляже лимана нижнепалеолитические каменные изделия. Отмечается, что в песках имеются лишь линзы гравия, иногда с галькой. Однако М. Н. Грищенко, обследовавший по приглашению Н. Д. Праслова место находок каменных изделий, наблюдал прослой галечника в низах песчаной толщи террасы (*Праслов*, 1968. С. 19), но не описал его более подробно.

На местонахождении Герасимовка мы провели детальное изучение нижней части отложений платовской террасы с целью поиска в них культуросодержащего слоя. Обследовалась прежде всего мощная пачка слоистых песков с раковинами пресноводных моллюсков и тираспольской фауной млекопитающих, залегающая на коренном цоколе и местами обнажающаяся в береговом обрыве Миусского лимана (пачка 2 описанного выше Н. А. Лебедевой разреза отложений платовской террасы). При этом были сделаны две врезки-расчистки этих отложений (рис. 1, *2*). Располагались они вблизи мест некоторой концентрации подъемного археологического материала на пляже лимана.

Расчистка 1. Эта расчистка располагалась в Герасимовке, в 350 м к востоку от устья Платоновой балки, приблизительно там, где Н. Д. Прасловым были найдены нижнепалеолитические каменные изделия на пляже Миусского лимана (рис. 1, *2*). Высота бровки расчистки составляла 3,0 м над уровнем лимана. Для предотвращения обвала сыпучих песков разрез был расчищен со ступенькой. На полученном разрезе снизу вверх была зафиксирована следующая последовательность слоев (рис. 3, *А*).

1. Песок рыхлый, неравномерно окрашенный, в основном желто-серый. Переход к вышележащему слою отчетливый. Уходит ниже уровня лимана. Видимая мощность 0,25 м.

2. Глина желтовато-серая, плотная. Переход к вышележащему слою отчетливый. Мощность 0,1–0,2 м.

3. Галечник разреженный, рыхлый, с желто-коричневым песчано-гравийным заполнителем, представлен хорошо и слабо окатанными гальками песчаника, кварца, мергеля от 2–3 до 10–15 см в поперечнике, крупными неокатанными плитчатыми обломками песчаника; содержит окатанные и почти неокатанные конкреции (целые и десквамационные обломки) серого, темно-серого, коричневато-серого просвечивающего кремня размером до 10–15 см. Переход к вышележащему слою отчетливый. Мощность 0,2 м.

4. Пачка слоистых песков, рыхлых, косо- и горизонтально слоистых, разноокрашенных (белесых, желтовато-светло-серых, серых, ржаво-коричневых) с линзами и прослойками серых глин и гравия, содержат раковинный детрит и обильные раковины пресноводных моллюсков. Мощность 1,2 м.

5. Современная почва. Суглинок черный, комковатый, местами неоднородный. Мощность 0,4 м.

Важным результатом этой расчистки является обнаружение слоя галечника (слой 3) в основании песчаной толщи террасы. Культурные остатки в нем, как и в других слоях разреза, не обнаружены. Однако, как удалось установить, он является единственным слоем во всей толще отложений платовской террасы на обследованном участке берега лимана, в котором имеются довольно многочисленные обломки и целые конкреции кремня. Этот же кремень вместе с нижнепалеолитическими изделиями, изготовленными из него, встречается поблизости от расчистки на пляже лимана.

Расчистка 2. Эта расчистка также располагалась в Герасимовке приблизительно в 800 м к востоку от расчистки 1 (рис. 1, *2*). Вблизи ее на пляже лимана были найдены довольно многочисленные каменные изделия.

Высота бровки расчистки над лиманом 6 м. В ней снизу вверх наблюдалась следующая последовательность отложений (рис. 3, *Б*).

Рис. 3. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка: *А* — расчистка 1, разрез отложений (*1* — песок желто-серый; *2* — глина желто-серая; *3* — галечник с желтовато-коричневым песчано-гравийным заполнителем, содержит обломки и конкреции кремня; *4* — пачка слоев песка, разноокрашенного, с линзами и прослойками глин и гравия, содержащими раковинный детрит и раковины пресноводных моллюсков; *5* — современная почва); *Б* — расчистка 2, разрез отложений (*1* — коренной серый плитчатый песчаник, образующий цоколь террасы; *2* — галечник с ржаво-коричневым гравийно-песчаным заполнителем, с раковинами пресноводных моллюсков, содержит обломки, конкреции кремня и кремневые изделия (культуросодержащий слой); *3* — песок рыхлый, желтовато-светло-коричневый с гравием и единичными мелкими гальками; *4* — галечник, аналогичный галечнику слоя 2 (культуросодержащий слой); *5* — пачка пестро окрашенных прослоев песка, с линзами и прослойками серых глин и гравия, содержащими раковинный детрит и раковины пресноводных моллюсков; *6* — современная почва)

Fig. 3. The Gerasimovka Lower Paleolithic site: *A* — unearthing 1, stratigraphic section (*1* — yellowish-gray sand; *2* — yellowish-gray clay; *3* — cobble layer with yellowish-brown sandy-gravel fill, containing flint fragments and concretions; *4* — a series of sand layers of varying colors, with lenses and interlayers of clay and gravel containing shell detritus and freshwater mollusk shells; *5* — modern soil); *Б* — unearthing 2, sediment section (*1* — bedrock gray slabby sandstone forming the base of the terrace; *2* — cobble layer with rusty-brown gravel-sand matrix, containing freshwater mollusk shells, flint fragments, flint concretions and flint artifacts (cultural layer); *3* — loose, yellowish-light-brown sand with gravel and scattered small pebbles; *4* — cobble layer similar to that in layer 2 (cultural layer); *5* — a sequence of variegated sand layers, with lenses and interlayers of gray clay and gravel containing shell detritus and freshwater mollusk shells; *6* — modern soil)

1. Коренной серый плитчатый сарматский песчаник, образующий цоколь террасы высотой около 1,0 м над уровнем лимана.

2. Галечник рыхлый, разреженный, с ржаво-коричневым гравийно-песчаным заполнителем, с хорошо и средне окатанными гальками песчаника, кварца и других горных пород, со слабо окатанными обломками песчаника, окатышами желто-коричневой глины и довольно многочисленными конкрециями (целыми и десквамационными обломками) серого, темно-серого и коричневато-серого кремня от 2–3 до 20 см в поперечнике, содержит в большом количестве раковины пресноводных моллюсков. Слой деформирован и залегает в прогнутом виде. Переход к вышележащему слою отчетливый. Мощность 0,25 м.

3. Песок рыхлый, желтовато-светло-коричневый с гравием и единичными мелкими гальками. Переход к вышележащему слою постепенный. Мощность 0,25–0,40 м.

4. Галечник, аналогичный галечнику слоя 2, с более светлым гравийно-песчаным заполнителем. Переход к вышележащему слою отчетливый. Мощность 0,05–0,15 м.

Несколько восточнее от расчистки этот слой соединяется со слоем 2, образуя один слой галечника мощностью около 0,5 м. В слое обнаружены нижнепалеолитические кремневые изделия и единичные обломки костей млекопитающих.

5. Пачка слоистых песков, рыхлых, косо- и горизонтально слоистых, пестро окрашенных (белесых, желтовато-светло-серых, желтых, серовато-коричневых, ржаво-коричневых), с линзами и прослойками серых глин и гравия, содержит раковинный детрит и многочисленные раковины пресноводных моллюсков. Мощность 3,5 м.

6. Современная почва. Суглинок комковатый, черный, местами неоднородный. Мощность 0,7 м.

Как видим, разрез расчистки 2 существенно не отличается от разреза расчистки 1. Он также показывает мощную пачку слоистых песчаных отложений с обильной фауной пресноводных моллюсков. Пачка залегает на цоколе из неогеновых песчаников. В основании этой пачки также имеется слой галечника. Как и в расчистке 1, он содержит окатанные и почти неокатанные десквамационные обломки и целые конкреции кремня. В отложениях выше по разрезу кремень не встречается.

Важнейшим результатом этой расчистки является то, что в слое галечника были обнаружены нижнепалеолитические кремневые изделия (около десятка) (рис. 4), а также единичные обломки костей млекопитающих (два мелких неопределимых обломка). Таким образом, было установлено, что этот слой галечника, выявленный в основании толщи песков платовской террасы, является культуросодержащим слоем нижнего палеолита.

Возраст этого культуросодержащего слоя определяется возрастом включающих его отложений.

По данным Н. А. Лебедевой, отложения платовской террасы на месте обнаруженного культуросодержащего слоя состоят из двух частей — субаквальных и субаэральных отложений, и в каждой имеются выраженные литостратиграфические подразделения. В субаквальной части разреза выделены две генетически различные разновременные толщи (нижняя и верхняя), обоснованные разной фауной моллюсков и фауной млекопитающих. Нижняя толща образована аллювиальными песчано-гравийными прибрежно-пляжевыми фациями. Она содержит раковины пресноводных моллюсков и костные остатки крупных и мелких млекопитающих тираспольского фаунистического комплекса. Эта толща соотносится с аллювиальной свитой пра-Дона и пра-Днепра, отвечающей периоду регрессии Черного моря (Понта), разделяющей раннечаудинскую и позднечаудинскую трансгрессии этого морского бассейна (*Горецкий*, 1970; *Лебедева*, 1978) и синхронизируемой с донским оледенением на Русской равнине (*Янина*, 2012). Выявленный культуросодержащий слой нижнего палеолита залегает в низах именно этой толщи. Верхняя субаквальная толща представлена морскими алеврито-глинистыми слоями, охарактеризованными в основном солоноватоводными моллюсками, характерными для позднечаудинских слоев Черного моря (верхняя чауда). При этом, как полагала Н. А. Лебедева, между этими толщами нет перерыва в осадконакоплении, и они плавно переходят одна в другую (*Лебедева*, 1972; 1978). По мнению П. В. Фёдорова, морские отложения на этой террасе могут быть несколько моложе — раннедревнеэвксинскими (*Фёдоров*, 1978).

Надо сказать, что платовская (она же семибалковская) терраса, с которой связан обнаруженный нами культуросодержащий слой нижнего палеолита, прослежена во многих местах Северного и Юго-Восточного Приазовья. При этом субаквальные отложения, залегающие в основании этой террасы, как и в Герасимовке, повсеместно представлены аллювиальными или аллювиально-дельтовыми отложениями, охарактеризованными тираспольской фауной крупных и мелких млекопитающих. На этом основании они надежно датируются большинством исследователей ранним

Рис. 4. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка: *1* — кремневые изделия в культуросодержащем слое (показаны разноцветными кружками); *2* — пик, рис. 5, *2*; *3* — нуклеус, рис. 5, *1*; *4* — асимметричный остроконечник, рис. 5, *5*; *5* — нож сегментовидной формы, частично двусторонне обработанный, рис. 5, *9*

Fig. 4. The Gerasimovka Lower Paleolithic site: *1* — flint artifacts in the culture-bearing layer (shown as multicolored circles); *2* — a point, fig. 5, *2*; *3* — a core, fig. 5, 1; *4* — asymmetrical point, fig. 5, *5*; *5* — segment-shaped knife, partially bifacially worked, fig. 5, *9*

1
2
3
4
5
6
7
8а
8б
9
а
б
10

Рис. 5. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка. Кремневые изделия из культуросодержащего слоя: *1* — нуклеус; *2* — пик; *3* — чоппинг; *4* — нож асимметричный, обушковый, частично двусторонне обработанный; *5, 6* — асимметричные остроконечники; *7* — клювовидное орудие; *8а, 8б* — резчик; *9* — нож сегментовидной формы, частично двусторонне обработанный; *10* — комбинированное орудие (резчик и клювовидное орудие)

Fig. 5. The Gerasimovka Lower Paleolithic site. Flint artifacts from the culturally significant layer: *1* — core; *2* — pick; *3* — chopping; *4* — asymmetrical, heeled knife, partially bifacially worked; *5, 6* — asymmetrical pointed tools; *7* — beak-shaped tool; *8a, 8б* — scraper; *9* — segment-shaped knife, partially bifacially worked; *10* — combined tool (scraper and beak-shaped tool)

средним плейстоценом (кромерским периодом) (*Лебедева*, 1965; *Величко и др.,* 1973; *Tesakov et al.*, 2007; 2021).

Раннесреднеплейстоценовый возраст аллювиально-дельтовых отложений платовской террасы подтверждается и структурой развитых на ней субаэральных отложений и прежде всего палеопочв. В полных разрезах этой террасы субаэральные отложения включают в себя до семи палеопочв, разделенных горизонтами делювиальных суглинков (*Лебедева,* 1978). В Герасимовке, как было отмечено Н. А. Лебедевой, субаквальные отложения платовской террасы перекрываются красно-бурой палеопочвой. Н. А. Лебедева ее не интерпретировала. Однако красноцветность этой почвы указывает на то, что она может иметь среднеплейстоценовый возраст. Ее положение в разрезе характерно для воронского палеопочвенного комплекса первой половины среднего плейстоцена (основной оптимум его, по: *Величко и др.*, 2012, коррелируется с MIS 13, ~500–470 тыс. л. н.), поскольку в Приазовье этот палеопочвенный комплекс обычно прослеживается в самом низу покровных отложений платовской террасы вблизи контакта их с субаквальными отложениями этой террасы.

Таким образом, геологический контекст обнаруженного нами в Герасимовке культуросодержащего слоя нижнего палеолита четко указывает на его раннесреднеплейстоценовый (кромерский) возраст. При этом возможна предварительная уточняющая датировка его началом донского оледенения на Русской равнине (MIS 16, ~650–600 тыс. л. н.).

Каменная индустрия нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка

Обнаруженный нами в аллювиальной толще платовской террасы слой галечника является культуросодержащим слоем нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка. Тем самым мы подтвердили мнение Н. Д. Праслова, что найденные им на пляже в Герасимовке каменные изделия могли быть связаны с этим слоем. Из этого же слоя, скорее всего, происходят и нижнепалеолитические каменные изделия, собранные нами на пляже Миусского лимана поблизости от наших расчисток. Это тем более вероятно, так как установлено, что культуросодержащий слой местонахождения располагается в самом низу аллювиальной толщи платовской террасы, не намного выше современного пляжа, а часто и на его уровне, и интенсивно размывается Миусским лиманом. Поэтому каменные изделия, происходящие из культуросодержащего слоя, и каменные изделия нижнепалеолитического облика, найденные на пляже вблизи расчисток, мы объединяем в одну коллекцию и рассматриваем их как единый комплекс, хотя и не исключаем того, что он, будучи в целом нижнепалеолитическим, не гомогенный.

Каменные изделия из культуросодержащего слоя

В культуросодержащем слое местонахождения обнаружены 11 каменных изделий (рис. 5, *1–10*). Все они изготовлены из довольно качественного просвечивающего кремня разного цвета: желтого — три изделия; серовато-желтого полосчатого — два изделия; серо-желтого пятнистого — одно изделие; коричневато-желтого — одно изделие; желтовато-серого — одно изделие; розовато-желтовато-серого — одно изделие.

Исходными отдельностями этого кремня были окатанные конкреции, встречающиеся в культуросодержащем слое вместе с кремневыми изделиями.

Все изделия имеют хорошую сохранность, хотя поверхность их заглянцованная. Семь из них — слегка окатанные и с коричневатой патиной, четыре — почти не окатанные и без патины.

Состав изделий: нуклеус, отщеп, орудия — девять экземпляров.

Нуклеус (рис. 5, *1*): размеры — 5,3 × 4,9 × 3,0 см, с негативом одного скола и скошенной гладкой ударной площадкой.

Отщеп: длина 2,4 см, грубый, с неясной огранкой, ударная площадка корковая.

Орудия относятся к нескольким категориям. Выделены: пик, чоппинг, ножи (2 экз.),

остроконечники асимметричные (2 экз.), резчик, клювовидное орудие, комбинированное орудие.

Пик (рис. 5, *2*): грушевидной формы, размеры — 7,3 × 5,6 × 4,8 см; изготовлен из конкреции кремня, с грубо обработанными боковыми лезвиями; рабочее острие узкое, толстое, с ромбовидным поперечным сечением; боковые лезвия, образующие острие, прямые; на верхней стороне протягивается продольное ребро (гребень), обработанное мелкими сколами, снятыми по направлению к боковому лезвию; нижняя сторона необработанная, покрыта коркой конкреции; пятка массивная, выпуклая, оформлена разнонаправленными сколами.

Чоппинг (рис. 5, *3*): подчетырехугольной формы, со скошенным лезвием, массивной пяткой, двусторонне обработанный, размеры — 9,9 × 6,2 × 5,0 см, изготовлен из конкреции кремня; верхняя сторона угловато выпуклая, оббита крупными поперечными сколами, снятыми от одного продольного края; верхняя часть орудия, прилегающая к лезвию, уплощена; нижняя сторона плоская, сплошь оббита крупными поперечными и продольными сколами; рабочее лезвие тонкое, с извилистой кромкой, подправленной ретушью с обеих сторон; боковые края нелезвийные, прямые, образованы крутыми краями конкреции, покрытыми коркой; пятка — наиболее толстая часть орудия, она слегка выпуклая и оформлена разнонаправленными сколами.

Нож (рис. 5, *4*): асимметричный, обушковый, полуторалезвийный, частично двусторонне обработанный, размеры — 8,2 × 4,9 × 1,8 см, изготовлен из отщепа кремня; дистальный конец узкий, неострийный, с закругленной кромкой; основное лезвие протягивается по всей длине орудия, оно прямое, слегка извилистое; короткое лезвие, расположенное на скосе обушка, слабо выпуклое; обушок оформлен несколькими крутыми сколами; проксимальный конец узкий, лезвийный.

Нож (рис. 5, *9*): сегментовидной формы, двухлезвийный, частично двусторонне обработанный, размеры — 4,5 × 2,7 × 1,7 см; изготовлен из первичного отщепа кремня; верхняя сторона выпуклая; нижняя (брюшко отщепа) — плоская и дополнительно уплощена сколами; оба лезвия протягиваются не намного больше половины длины орудия, одно из них прямое, другое — выпуклое.

Остроконечник асимметричный (угловатое скребло) (рис. 5, *5*): размеры — 4,9 × 6,8 × 1,8 см, изготовлен из десквамационного обломка кремня, лезвия, образующие острие, оформлены мелкими сколами и ретушью, одно из них выпуклое, другое вогнутое.

Остроконечник асимметричный (рис. 5, *6*): размеры — 5,1 × 2,5 × 1,3 см, изготовлен из отщепа кремня, частично двусторонне обработанный, одно лезвие оформлено зазубривающей двусторонней ретушью.

Резчик (рис. 5, *8а, 8б*): размеры — 9,4 × 5,3 × 3,0 см, изготовлен из десквамационного обломка кремня, частично двусторонне обработанный; рабочая часть узкая, заостренная, асимметричная, с тонким режущим кончиком, оформлена сколом на одном (выпуклом) крае и крупной ретушью на другом (прямом) крае, с нижней стороны уплощена широким продольным сколом; на противолежащем конце выражена широкая пятка, частично обработанная с обеих сторон.

Клювовидное орудие (рис. 5, *7*): размеры — 6,0 × 4,0 × 2,9 см, изготовлено из обломка кремня, заостренный рабочий конец оформлен двусторонней ретушью по одному краю.

Комбинированное орудие — резчик и клювовидное орудие (рис. 5, *10*): размеры — 8,4 × 5,2 × 2,4 см, изготовлено из десквамационного обломка кремня; рабочая часть резчика (*а*) заостренная, асимметричная, оформлена вертикальным сколом на верхнем диагональном крае и плоским продольным резцевидным сколом; режущее лезвие короткое, прямое; клювовидная часть расположена на противоположном конце орудия (*б*), она заостренная, симметричная, оформлена ретушью боковых краев.

Представленный набор изделий из культуросодержащего слоя, хотя и явно некомплектный, свидетельствует о разнообразной производственной деятельности людей на стоянке.

В технологическом плане обращает на себя внимание наличие нуклеусового расщепления кремня с целью изготовления отщепов — заготовок для орудий и орудий для непродолжительного использования. Вместе с тем в качестве заготовок для орудий часто использовались обломки и целые конкреции кремня. При оформлении орудий, по-видимому, в равной мере применялись и односторонняя, и двусторонняя обработка заготовок.

Типологические особенности набора орудий проявляются, прежде всего, в наличии среди них пика, ножей и асимметричных остроконечников.

Показательно присутствие пика. Он представлен грушевидной формой, типичной для ряда раннеплейстоценовых ашельских каменных индустрий Западного Предкавказья.

Ножи разнотипные — одно- и полуторалезвийные, обушковые и без выраженного обушка. Оформлены двусторонней или частично двусторонней обработкой.

Имеющиеся в составе орудий асимметричные остроконечники похожи на такого рода орудия, широко распространенные в каменных индустриях среднего палеолита, однако технология их изготовления более архаичная.

Рассмотренный нижнепалеолитический комплекс каменных изделий из культуросодержащего слоя местонахождения пока небольшой, что затрудняет его культурную атрибуцию. Тем не менее можно констатировать, что технологические и типологические признаки этого комплекса не противоречат отнесению его к варианту ашеля.

Это подтверждает и анализ каменных изделий, найденных на пляже Миусского лимана, но происходящих, скорее всего, из культуросодержащего слоя местонахождения.

Нижнепалеолитические каменные изделия, найденные на пляже Миусского лимана вблизи расчисток культуросодержащего слоя местонахождения

В коллекции подъемного материала местонахождения 20 каменных изделий. Они также изготовлены из качественного кремня: желтого — одно изделие; серо-желтого пятнистого — шесть изделий, коричневато-серого — одно изделие, желтовато-серого — четыре изделия; серого — три изделия; темно-серого — пять изделий.

Использовавшийся кремень был в виде обломков и целых окатанных конкреций. В основном это тот же кремень, из которого изготовлены изделия из культуросодержащего слоя местонахождения. Отличие заключается в несколько большем количестве кремня темно-серого и серого цветов.

Все изделия в разной степени окатанные и с заглянцованной поверхностью. Большинство из них имеет желтовато-коричневую или коричневато-желтую патину, на отдельных изделиях патина слегка белесая.

Состав изделий: отщепы — 9 экз., орудия — 11 экз.

Отщепы (рис. 6, *1, 2*). Длина их колеблется в основном от 5,5 до 8,0 см. Три отщепа первичные, два — с негативом одного скола, огранка других отщепов однонаправленная (1 экз.), разнонаправленная (1 экз.), неопределимая (1 экз.). Сохранившаяся ударная площадка на отщепах гладкая (3 экз.) и корковая (1 экз.). Некоторые отщепы имеют частичную обработку в виде нерегулярной ретуши и единичных сколов.

Орудия: рубило, пики — 3 экз., чоппинги — 3 экз., ножи обушковые двусторонне обработанные — 2 экз., остроконечник, зубчатое орудие.

Рубило (рис. 7, *1а, 1б*): миндалевидной формы, асимметричное, размеры — 13,5 × 8,4 × 3,6 см, изготовлено из десквамационного обломка окатанной конкреции или отщепа кремня, частично двусторонне обработанное, с плоско-выпуклым поперечным сечением; нижняя сторона уплощенная, сплошь оббита крупными и мелкими сколами; верхняя, более выпуклая, сторона обработана краевыми сколами, на ней сохранился крупный участок корки конкреции; одно боковое лезвие выпуклое, другое — вогнутое; дистальный конец суженный со слегка закругленной кромкой; пятка сильно выпуклая, тщательно оформлена разнонаправленными сколами. Нижняя сторона орудия повреждена крупным свежим выломом.

Пик (рис. 7, *2а, 2б*): грушевидной формы, размеры — 10,7 × 9,3 × 6,9 см; изготовлен из окатанной конкреции кремня, частично двусторонне обработанный; узкое толстое острие оформлено продольными продолговатыми сколами, снятыми от самого острия, и мелкими поперечными сколами по одному краю; лезвия отсутствуют; пятка массивная, частично оббита разнонаправленными сколами.

Пик (рис. 6, *3а, 3б*): подовальной формы, с одним лезвием, размеры — 8,8 × 7,2 × 4,4 см, изготовлен из окатанной конкреции кремня, частично двусторонне обработанный; толстое острие оформлено продольными продолговатыми снятиями, сколотыми с обеих сторон от самого острия, и частично ретушью; лезвие прямое, грубо обработано с обеих сторон сколами и крупной ретушью; пятка выпуклая, образована краем конкреции с коркой.

Пик: треугольной формы, с грубо подготовленными боковыми лезвиями, поперечное сечение плоско-выпуклое, размеры — 7,4 × 5,3 × 4,5 см, изготовлен из толстого отщепа кремня; верхняя сторона выпуклая, с выраженным продольным гребнем, образованным серией сколов по направлению обоих боковых лезвий; нижняя сторона плоская, частично обработана сколами с заломами; толстое острие подправлено ретушью; пятка массивная, оформлена разнонаправленными сколами.

Чоппинг (рис. 8, *1*): заостренный, укороченных пропорций, размеры — 5,8 × 7,0 × 4,0 см, изготовлен из окатанной конкреции кремня; рабочая часть довольно тонкая в виде широкого острия, оформленного сколами и частично ретушью; ему противолежит массивная пятка, являющаяся краем конкреции с коркой.

Чоппинг (рис. 8, *2*): заостренный, укороченных пропорций, размеры — 5,2 × 8,3 × 4,3 см,

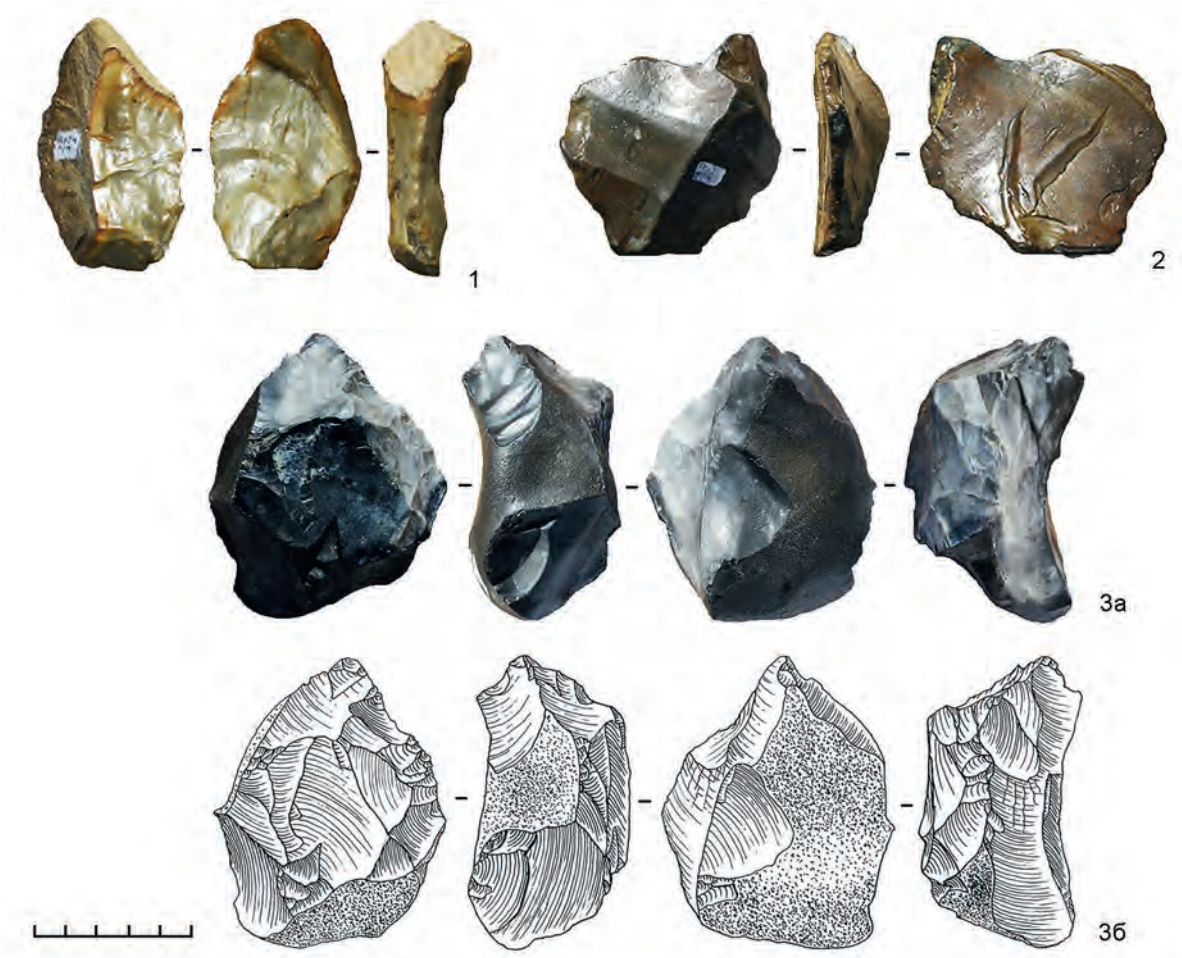

Рис. 6. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка. Кремневые изделия из культуросодержащего слоя: *1, 2* — отщепы; *3а, 3б* — пик

Fig. 6. The Gerasimovka Lower Paleolithic site. Flint artifacts from the cultural layer: *1, 2* — flakes; *3а, 3б* — pick

изготовлен из обломка окатанной конкреции кремня; рабочая часть в виде сравнительно тонкого широкого острия, оформленного сколами и разреженной ретушью преимущественно с одной стороны; острию противолежит массивная пятка, образованная краем конкреции почти без дополнительной обработки.

Чоппинг (рис. 8, *3*): заостренный, неправильно округлой формы, размеры — 8,0 × 7,2 × 3,8 см, изготовлен из толстого отщепа кремня; рабочая часть в виде сравнительно тонкого широкого острия, оформленного сколами с одной стороны и частичной ретушью — с другой; пятка не выражена. Проксимальный край лезвийный, частично обработанный.

Нож (рис. 8, *4а, 4б*): обушковый, однолезвийный, овальной формы, размеры — 10,0 × 6,3 × 3,8 см, изготовлен из окатанной конкреции кремня, двусторонне обработанный, с плоско-выпуклым поперечным сечением; верхняя часть орудия с обеих сторон уплощена продольными крупными и мелкими сколами, нижняя его часть массивная, обработана разнонаправленными сколами; лезвие выпуклое, тонкое, с извилистой кромкой; дистальный конец суженный, с закругленной и зазубренной кромкой; обушок толстый, необработанный, образован краем конкреции с коркой.

Нож (рис. 8, *5*): грубо сделанный, обушковый, полуторалезвийный, подтреугольной формы, размеры — 7,9 × 5,2 × 3,6 см, изготовлен из толстого отщепа кремня, частично двусторонне обработанный крупными сколами, преимущественно с верхней стороны; нижняя сторона (брюшко отщепа) почти без обработки, дистальный конец поврежден; лезвия плохо оформленные, извилистые; обушок образован краем конкреции с коркой.

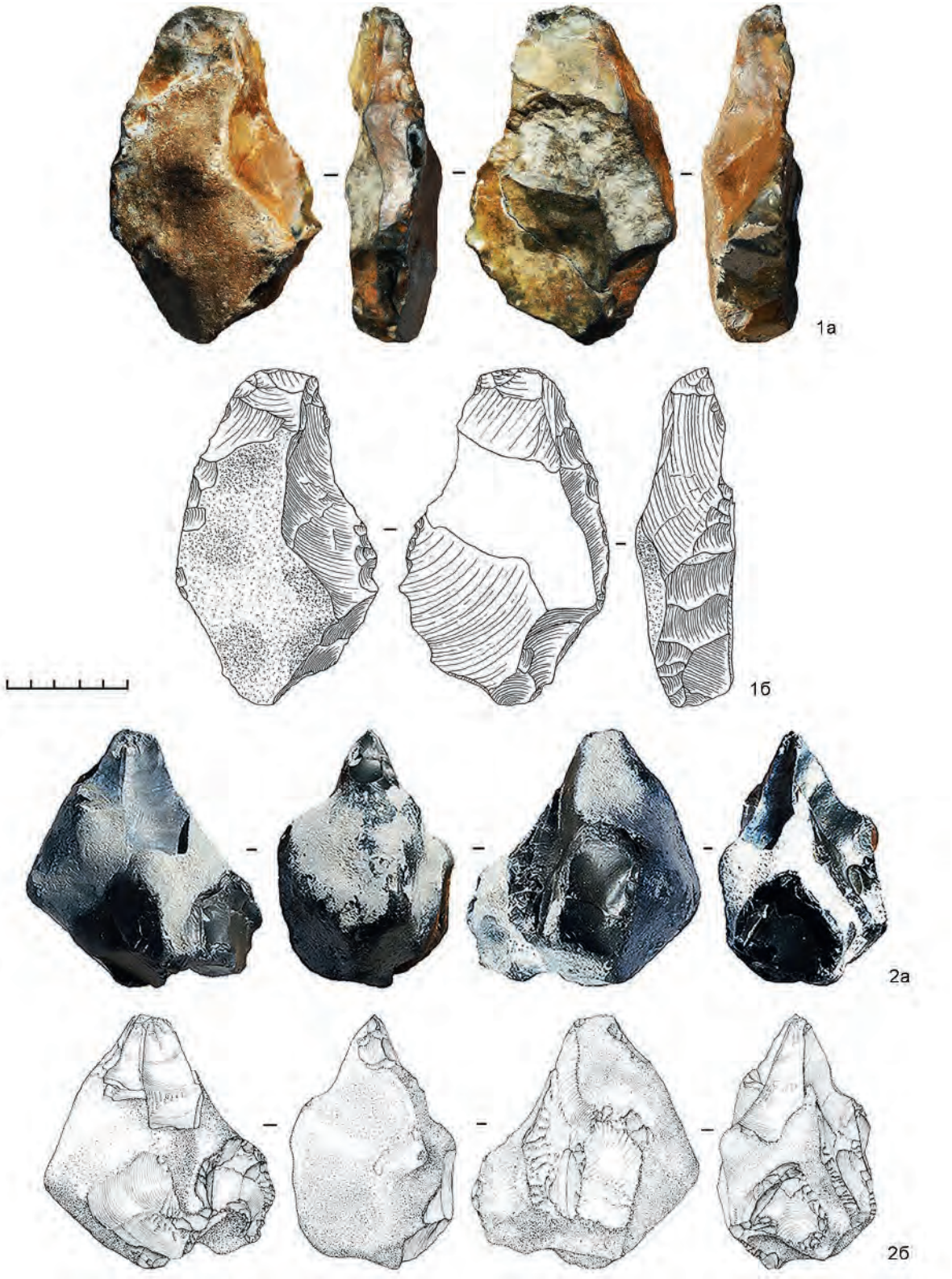

Рис. 7. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка. Кремневые изделия, найденные на пляже: *1а, 1б* — ручное рубило; *2а, 2б* — пик

Fig. 7. The Gerasimovka Lower Paleolithic site. Flint artifacts found on the beach: *1a, 1б* — handaxe; *2а, 2б* — pick

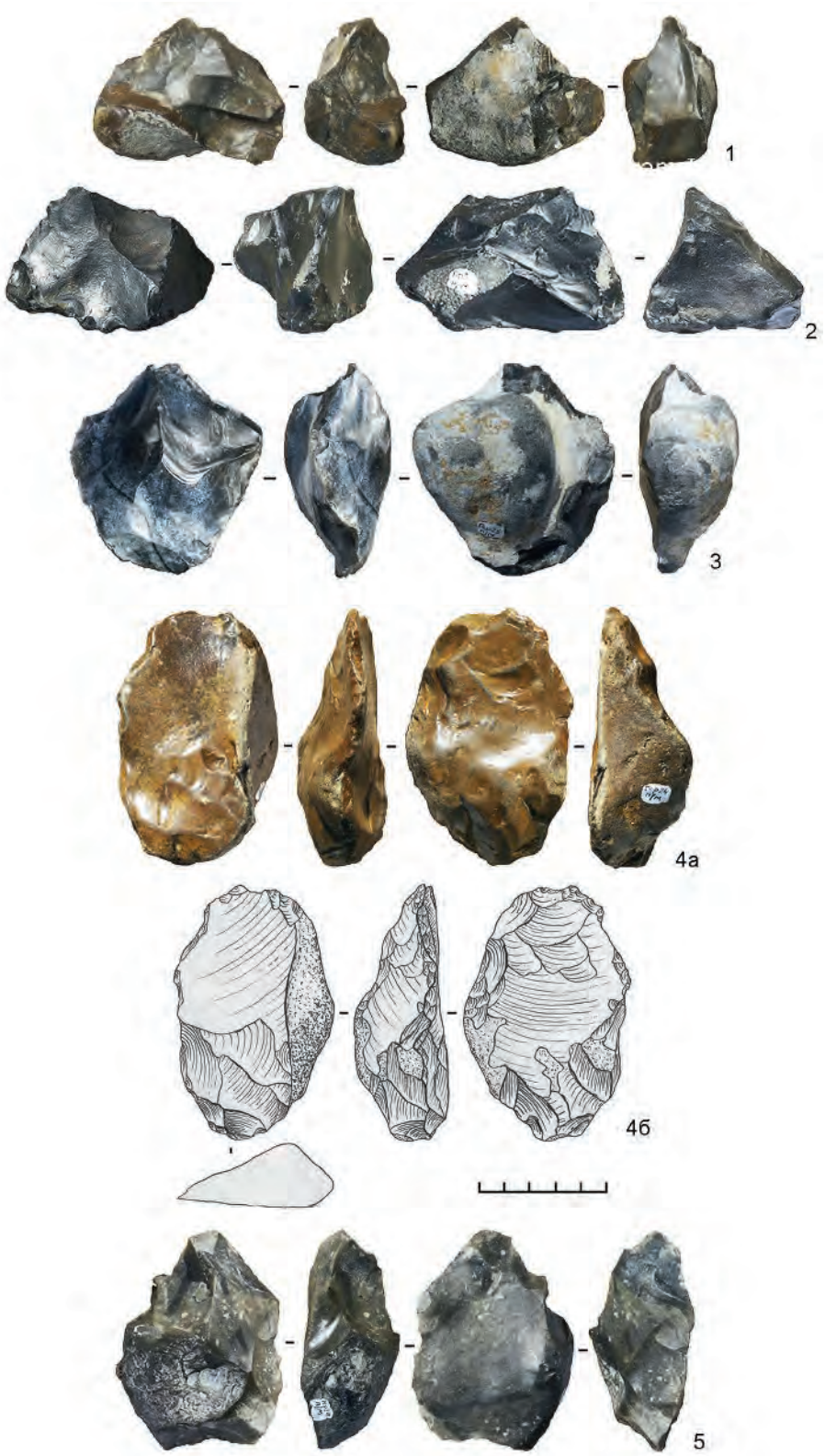

Рис. 8. Нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка. Кремневые изделия, найденные на пляже: *1–3* — заостренные чоппинги; *4а, 4б, 5* — обушковые частично двусторонне обработанные ножи

Fig. 8. The Gerasimovka Lower Paleolithic site. Flint artifacts found on the beach: *1–3* — pointed choppings; *4а, 4б, 5* — partially bifacially worked knives with a heel

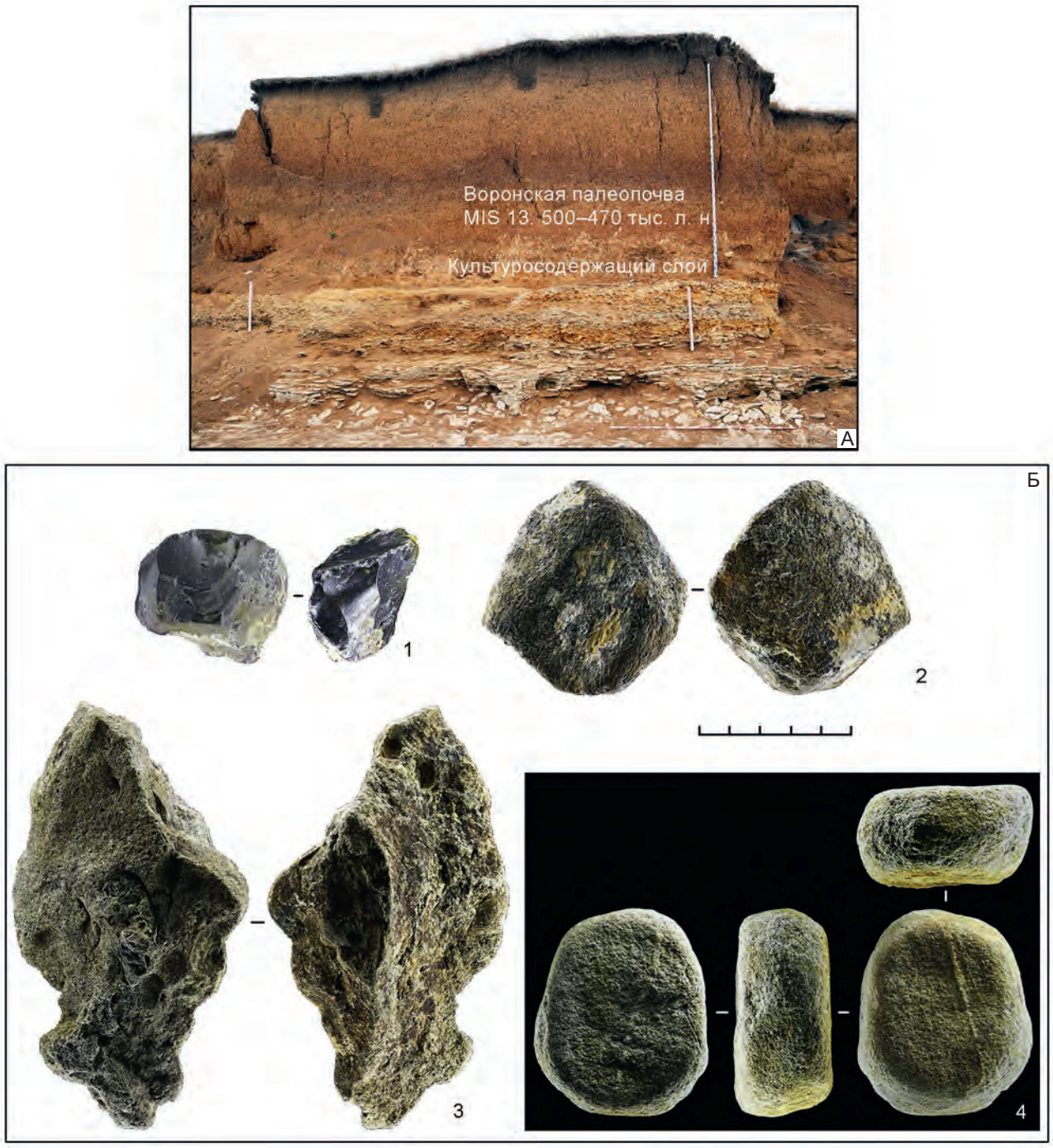

Рис. 9. Нижнепалеолитическое местонахождение Заведенская Балка: *А* — разрез отложений и хроностратиграфическая позиция культуросодержащего слоя; *Б* — изделия из культуросодержащего слоя (*1* — нуклеус из кремня; *2* — отщеп из кости с частичной обработкой; *3* — крупный отщеп укороченных пропорций с частичной обработкой из известняка; *4* — отбойник/ретушёр из гальки песчаника)

Fig. 9. The Zavedenskaya Balka Lower Paleolithic site: *A* — location (indicated by a red triangle); *Б* — stratigraphic section and chronostratigraphic position of the cultural layer; *B* — artifacts from the cultural layer (*1* — flint core; *2* — partially worked bone flake; *3* — large, shortened flake with partial working made of limestone; *4* — striker/retoucher made of sandstone pebble)

Остроконечник: асимметричный (конвергентное скребло), размеры — 3,8 × 2,5 × 1,2 см, изготовлен из обломка отщепа кремня, частично двусторонне обработанный; боковые лезвия, сходящиеся к заостренному дистальному концу, оформлены грубой ретушью, преимущественно обработано одно (вогнутое) лезвие; нижняя часть орудия утончена сколом с нижней стороны.

Зубчатое орудие: размеры — 10,0 × 5,0 × 3,5 см, изготовлено из конкреции кремня. Лезвие оформлено сколами и ретушью с обеих сторон.

Изделия из подъемной коллекции ни по сырью, ни по технологии изготовления не отличаются от изделий из культуросодержащего слоя местонахождения, хотя более разнообразны по категориальному составу орудий. Они полностью согласуются с подъемным материалом местонахождения, собранным Н. Д. Прасловым.

Выводы и заключение

Каменная индустрия нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка содержит весьма показательные в культурно-хронологическом отношении категории орудий, такие как рубила с довольно грубой отделкой (рис. 2, *2*; 7, *1а, 1б*), пики двусторонне обработанные (рис. 6, *3а, 3б*; 7, *2а, 2б*), заостренные чопперы и чоппинги (рис. 2, *1*; 8, *1–3*), массивные скребла (рис. 2, *3*), а также обушковые ножи (рис. 8, *4а, 4б, 5*). Этот набор орудий характерен для ашельского культурно-хронологического технокомплекса, что позволяет атрибутировать эту индустрию как ашельскую. Надо отметить, что ее технолого-типологические особенности выражены довольно хорошо. Они заключаются в следующем.

1. Использование местного каменного сырья в виде конкреций кремня (целых отдельностей и десквамационных обломков), реже кварцита, происходящих из аллювиальных отложений.

2. Расщепление нуклеусов и изготовление отщепов не было приоритетным, заготовками для орудий часто служили конкреции и десквамационные обломки кремня.

3. Среди орудий наиболее представительными являются довольно грубо обработанные рубила, пики двусторонне обработанные, заостренные чоппинги и обушковые двусторонне обработанные ножи.

Эти технолого-типологические признаки ашельской каменной индустрии местонахождения Герасимовка хорошо коррелируют с ее раннесреднеплейстоценовым возрастом.

Приуроченность местонахождения Герасимовка к основанию толщи субаквальных отложений, охарактеризованных пресноводной малакофауной и фауной тираспольского комплекса, и предшествующих по положению в хроностратиграфической последовательности мучкапскому (воронскому) межледниковому педокомплексу, позволяет предварительно датировать его временем начала донского оледенения на Русской равнине, синхронизируемого с MIS 16 (~660–600 тыс. л. н.).

Таким образом, нижнепалеолитическое местонахождение Герасимовка является в настоящее время древнейшим стратифицированным археологическим памятником восточной части Русской равнины и свидетельством, по-видимому, самого раннего заселения первобытными людьми этой территории в начале среднего плейстоцена.

Нет сомнений, что в этом регионе со временем будут обнаружены и другие нижнепалеолитические памятники близкого или более раннего возраста. Подтверждением этому является открытое нами, но пока еще совсем не изученное нижнепалеолитическое местонахождение Заведенская Балка. Это местонахождение находится на берегу Таганрогского залива Азовского моря поблизости от среднепалеолитической стоянки Рожок, приблизительно в 25 км к юго-западу от нижнепалеолитического местонахождения Герасимовка (рис. 1, *А*). На местонахождении единичные изделия (рис. 9, *Б*) вместе с обломками костей млекопитающих залегают в слое аллювиально-дельтового галечника, перекрытого толщей лессовидных суглинков с палеопочвами. При этом нижняя из них относится к воронскому (мучкапскому) педокомлексу (рис. 9, *А*). Такая хроностратиграфическая позиция культуросодержащего слоя местонахождения ясно указывает, что оно имеет раннесреднеплейстоценовый возраст и, по-видимому, одновременно с нижнепалеолитическим местонахождением Герасимовка.

Статья поступила в редакцию 5 июня 2026 г.

Величко и др., 1973 — *Величко А. А., Морозова Т. Д., Певзнер М. А.* Строение и возраст горизонтов лессов и ископаемых почв на главных террасовых уровнях Северного Приазовья // Палеомагнитный анализ при изучении четвертичных отложений и вулканитов / Отв. ред. М. А. Певзнер, В. П. Чичагов. М.: Наука, 1973. С. 48–70.

Величко и др., 2012 — *Величко А. А., Морозова Т. Д., Борисова О. К., Тимирева С. Н., Семенов В. В., Кононов Ю. М., Титов В. В., Тесаков А. С., Константинов Е. А., Курбанов Р. Н.* Становление зоны степей юга России (по материалам строения лессово-почвенной формации Доно-Азовского региона) // Доклады Академии наук. 2012. Т. 445 (4). С. 464–467.

Величко и др., 2017 — *Величко А. А., Борисова О. К., Захаров А. Л., Кононов Ю. М., Константинов Е. А.* Смена ландшафтных обстановок на юге Русской равнины в позднем плейстоцене по результатам исследования лессово-почвенной серии Приазовья // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 1. С. 74–83.

Горецкий, 1970 — *Горецкий Г. И.* Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука, 1970. 491 с.

Иванова, 1982 — *Иванова И. К.* 1982. Ископаемый человек и его культура. Палеолит СССР // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Полутом 1 / Отв. ред. Е. В. Шанцер. М.: Недра, 1982. С. 382–412.

Константинов и др., 2015 — *Константинов Е. А., Курбанов Р. Н., Захаров А. Л.* Развитие рельефа плакоров Северо-Восточного Приазовья // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 4. С. 80–94.

Лебедева, 1965 — *Лебедева Н. А.* Геологические условия местонахождения мелких млекопитающих в антропогене Приазовья // Стратиграфическое значение антропогенной фауны мелких млекопитающих / Отв. ред. К. В. Никифорова. М.: Наука, 1965. С. 111–140.

Лебедева, 1972 — *Лебедева Н. А.* Антропоген Приазовья. М.: Наука, 1972. 108 с.

Лебедева, 1978 — *Лебедева Н. А.* Корреляция антропогеновых толщ Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 136 с.

Праслов, 1968 — *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона / Отв. ред. П. И. Борисковский. Л.: Наука, 1968 (МИА; № 157). 156 с.

Праслов, 2001 — *Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Дона (проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры): Автореф. дис. … д-ра ист. наук — 07.00.06 (археология). СПб., 2001. 46 с.

Фёдоров, 1978 — *Фёдоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 168 с.

Щелинский и др., 2020 — *Щелинский В. Е., Очередной А. К., Тесаков А. С., Фролов П. Д., Симакова А. Н., Титов В. В.* Новые данные об ашельской стоянке Хрящи в низовье Северского Донца (Нижний Дон) // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 49–71.

Янина, 2012 — *Янина Т. А.* Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.: Географический факультет МГУ, 2012. 264 с.

Anisyutkin et al., 2012 — *Anisyutkin N. K., Kovalenko S. I., Burlacu V. A., Ocherednoi A. K., Chepalyga A. L.* Bairaki — A Lower Paleolithic site on the Lower Dniester // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2012. № 40 (1). P. 2–10.

Praslov, 1995 — *Praslov N. D.* The earliest occupation of the Russian Plane: a short note // The earliest occupation of Europe: proceedings of the European Science Foundation workshop at Tautavel (France), 1993. Analecta Praehistorica Leidensia 27 / Eds. W. Roebroeks, Th. Van Kolfschoten. Leiden: Leiden University Press, 1995. P. 61–66.

Stepanchuk, 2022 — *Stepanchuk V. N.* Early human dispersal at the western edge of the Eastern European plain: Data from Ukraine // L'Anthropologie. 2022. № 126 (1). P. 102977.

Tesakov et al., 2007 — *Tesakov A. S., Dodonov A. E., Titov V. V., Trubikhin V. M.* Plio-pleistocene geological record and small mammal faunas, eastern shore of the Azov Sea, Southern European Russia // Quaternary International. 2007. Vol. 160 (1). P. 57–69.

Tesakov et al., 2021 — *Tesakov A., Titov V., Frolov P., Syromyatnikova E., Penkman K., Kurshakov S.* Late Early and Early Middle Pleistocene biostratigraphy of the Eastern Sea of Azov region // Proceedings of INQUA SEQS 2021 Conference, Wrocław, Poland / Eds. U. Ratajczak-Skrzatek, O. Kovalchuk, K. Stefaniak. Wroclaw: University of Wrocław & Polish Geological Society, 2021. P. 111–113.

Gerasimovka, the Lower Paleolithic site in the south of the Russian Plain: new data

V. E. Shchelinsky, A. K. Ocherednoy, Ya. D. Ivanov[3]

Keywords: Lower Paleolithic, Early Middle Pleistocene, MIS 16, Gerasimovka site, Northern Azov region, south of the Russian Plain

This article presents new research on the Lower Paleolithic site Gerasimovka in the Northern Azov region in the south of the Russian Plain, discovered by N. D. Praslov in 1959. Exploratory work at the site revealed a previously unknown cultural layer containing stone artifacts and mammal bone fragments, lying in the basal part of a thick strata of Early-Middle Pleistocene alluvial sand and gravel deposits, characterized by the freshwater malacofauna and mammalian fauna of the Tiraspol Complex. According to the authors, the Gerasimovka Lower Paleolithic site is synchronous with the onset of the Don Ice Age of the Russian Plain (MIS 16, ~650–600 thousand years ago). Its stone tool industry belongs to the variant of Acheulean tradition.

[3] Vyacheslav E. Shchelinsky, Alexander K. Ocherednoy, Yaroslav D. Ivanov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: shchelinsky@yandex.ru, a.otcherednoy@gmail.com, yadivanov66@gmail.com.

Металлические топоры-тесла позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа[1]

А. Л. Пелих[2]

Аннотация. *В работе проанализированы трапециевидные топоры-тесла и тесла с боковыми выступами с территории Северного Кавказа, датируемые поздним бронзовым — началом раннего железного века. Проведена классификация материала, выделен особый бекешевский тип трапециевидных тесел. Представлены дробная хронология, данные по культурной характеристике и географии распространения в регионе.*

Ключевые слова: *Северный Кавказ, поздний бронзовый век, начало раннего железного века, топоры-тесла, классификация, типология, культурно-хронологическое определение*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-29-41

В работе рассматриваются две группы бронзовых тесел позднего бронзового — раннего железного века, известных на Северном Кавказе: тесла трапециевидные и тесла с боковыми выступами-цапфами. Эти изделия считаются предназначенными в первую очередь для обработки дерева и кожи, предполагается их использование при землеройных работах. Отмечено также присутствие топоров-тесел в ряде воинских захоронений. Всего из указанного региона и соседних территорий известно более 50 таких предметов, а также три литейные формы. Большинство находок происходит из комплексов — кладов, погребений и культурных слоев поселений, что делает эту категорию изделий значимой для культурно-хронологического определения памятников.

История изучения

Трапециевидные топоры-тесла многократно являлись предметом изучения при характеристике различных культурных общностей Северного Кавказа и юга Восточной Европы эпохи бронзы и начала раннего железного века (далее — РЖВ). Поздние типы бронзовых трапециевидных тесел на Северном Кавказе были впервые определены А. А. Иессеном. При выделении прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ ПБВ) он не только обобщил известные предметы этой категории, но и обосновал их местное происхождение, обозначив связь трапециевидных тесел из Бекешевского и Боргустанского кладов с изделиями предыдущего, среднекубанского, периода (*Иессен*, 1951. С. 107, 108).

Обобщенные А. А. Иессеном данные, в том числе по топорам-теслам, Е. И. Крупнов применил для аргументации присутствия на Северном Кавказе степняков-киммерийцев (*Крупнов*, 1958. С. 179, 187, 188). В. И. Козенкова, напротив, в ряде своих обобщающих работ трактовала местные северокавказские металлические тесла конца эпохи бронзы — начала РЖВ как принадлежащие различным вариантам кобанской культуры. Трапециевидные топоры-тесла отнесены ею к I типу предметов этой категории, сопоставляемому с изделиями КТР Т-8, по Е. Н. Черныху (*Козенкова*, 1982. С. 7; 1998. С. 12, 13; *Черных*, 1976. С. 106).

Развивая положения А. А. Иессена, В. С. Бочкарёв показал, что трапециевидные тесла из северокавказских комплексов ПБВ, прежде всего ПОММ ПБВ, в абсолютном большинстве относятся к выделенной им поздней, бекешевской, хронологической группе, а некоторые датируются

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда, проект № 26-28-20283 «Металл позднего бронзового века Северо-Западного Кавказа и прилегающих территорий: на стыке традиций и инноваций».

[2] Армавирский государственный педагогический университет, Армавир; e-mail: pelich1976@mail.ru.

© Пелих А. Л., 2026

более ранним, ахметовским, временем (*Бочкарев*, 1996. Табл.; 2010. С. 197, рис. 7).

Для систематизации трапециевидных топоров-тесел юга Восточной Европы важное значение имеют работы С. Н. Братченко, в которых он представил статистический метод изучения тесел на основании корреляции двух индексов: индекс А учитывает пропорциональное отношение длины орудия к ширине лезвия, индекс Б — отношение ширины лезвия к ширине обушка. Первый индекс (А) демонстрирует общие пропорции орудий, а второй (Б) — степень скоса боковых граней (*Братченко*, 1996. С. 48, рис. 9). Этот принцип классификации использован в изучении тесел северопричерноморской зоны (например, см.: *Дергачев*, 2011. С. 209–216, рис. 135) и, в частности, был успешно применен при обработке северокавказских тесел среднего бронзового и начала ПБВ В. С. Бочкарёвым и А. И. Климушиной (*Бочкарев*, 2010. С. 197, рис. 7; *Климушина*, 2024; 2025. С. 97–101), продолжением работ которых является настоящая статья.

Северокавказские тесла с боковыми выступами-цапфами впервые специально рассматривались также А. А. Иессеном. Он обозначил одну группу подобных орудий как характеризующую металлургическое производство колхидской группы памятников, а другую — как продукцию местного, а именно верхнекубанского, металлургического района (*Иессен*, 1951. С. 84, 107, 108).

В. Б. Виноградов и Т. Н. Нераденко рассмотрели топоры-тесла с цапфами с территории кобанской культурно-исторической области как пример ее межкультурных связей. Они пришли к выводу о местном производстве этих орудий, но с большим или меньшим влиянием закавказских и более южных форм (*Виноградов, Нераденко*, 1986. С. 53–56). В. И. Козенкова, как и предшественники, разделила плоские северокавказские топоры с цапфами на два типа на основе общей формы и формы выступов-плечиков. Исследовательница обозначила такие предметы как продукцию местных металлообрабатывающих мастерских, также отметив средиземноморские и закавказские истоки форм изделий (*Козенкова*, 1998. С. 12–14; 2013. С. 19).

За последние десятилетия количество находок на Северном Кавказе бронзовых топоров-тесел, которые можно датировать позднебронзовым — раннежелезным периодами, увеличилось, что делает необходимым новые обобщение и систематизацию, классификацию, типологию и культурно-хронологические исследования.

Характеристика бронзовых трапециевидных тесел

Концом эпохи бронзы — началом РЖВ можно датировать 38 достоверно известных нам трапециевидных тесел и их литейных форм, найденных на Северном Кавказе и соседних территориях (табл. 1). Абсолютное большинство их (31) обнаружено в комплексах, относящихся к ПБВ. Началом РЖВ датируются только три трапециевидных тесла, входивших в погребальный инвентарь комплексов позднейшего предскифского времени могильника Сержень-Юрт.

Таблица 1. Распределение находок трапециевидных северокавказских бронзовых топоров-тесел

Table 1. Distribution of finds of trapezoidal North Caucasian bronze axe-adzes

Контекст	Поздний бронзовый век	Ранний железный век (начальные этапы)
Погребения	2	2 (3)
Поселения	7*	–
Клады	22	–
Находки единичные случайные и неизвестного происхождения	4	

* — включая литейные формы.

Примечательно, что в многочисленных материалах протомеотской группы памятников подобные предметы неизвестны, то есть трапециевидные тесла в начале РЖВ имеются только в комплексах кобанской культурно-исторической области на востоке ее ареала. При этом позднебронзовые трапециевидные топоры-тесла в абсолютном большинстве известны в такой категории памятников, как клады. Зафиксированы они также в слоях поселений, в материалах погребений, как случайные находки и предметы неизвестного происхождения из музейных коллекций.

Рассматриваемые северокавказские топоры-тесла конца эпохи бронзы — начала РЖВ (рис. 1–3) по форме представляют собой вытянутую трапецию. В поперечном разрезе они прямоугольные, трапециевидные или шестиугольные. Отливались в односторонних и двусторонних формах. Пятки обычно прямые, лезвия слегка закруглены, иногда прямые. Лезвие тесел сделано под двустороннюю заточку. Тесла варьируют по длине — от 11,8 до 19,3 см. Ширина их лезвия составляет 3,0–6,4 см; ширина пятки — 1,3–3,4 см;

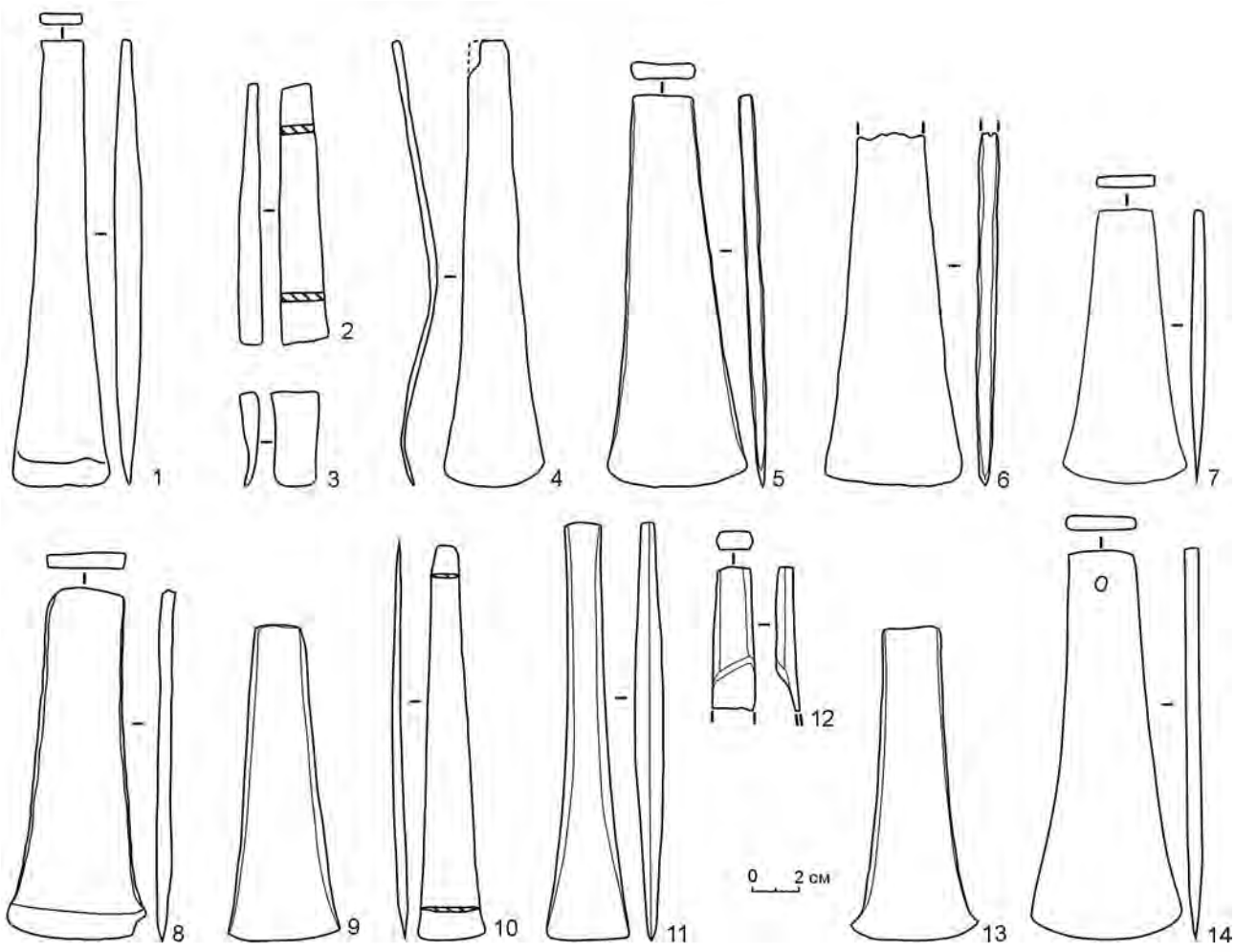

Рис. 1. Металлические топоры-тесла позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа: *1* — Балка Лисовицкого IV, пос.; *2–4* — Батарейка (*2* — клад, 1; *3* — клад, 2; *4* — клад, 3); *5, 6* — Бекешевская (*5* — клад, 1; *6* — клад, 2); *7* — Боргустанская, клад; *8* — Затеречный, сл. нах.; *9* — Змейская, пос.; *10* — Кравченко XII, пос.; *11* — Краснодарский музей, сл. нах.; *12* — Курчанская, клад; *13* — Майртуп, могильник; *14* — Отрадненский музей, сл. нах. *Условные обозначения* (для рис. 1–6): пос. — поселение; сл. нах. — единичная случайная находка и находка неизвестного происхождения; погр. — погребение; мог-к — могильник

Fig. 1. Metal adze-axes from the North Caucasus, dating from the Late Bronze to the Early Iron Age: *1* — Balka Lisovitskogo IV, settlement; *2–4* — Batareyka (*2* — hoard 1; *3* — hoard 2; *4* — hoard 3); *5, 6* — Bekeshevskaya (*5* — hoard 1; *6* — hoard 2); *7* — Borgustanskaya, hoard; *8* — Zaterechny, stray find; *9* — Zmeyskaya, settlement; *10* — Kravchenko XII, settlement; *11* — Krasnodar Museum, stray find; *12* — Kurchanskaya, hoard; *13* — Mayrtup, burial ground; *14* — Otradnnaya Museum, stray find

толщина тесел — 0,3–1,4 см. Известный вес орудий — от 195 до 556 г. По находкам в комплексах трапециевидные топоры-тесла разделяются на три хронологические группы.

1. Ранняя группа относится к ахметовской и удобненской группам ПОММ ПБВ, или IV–V хронологическим группам ПБВ Восточной Европы, по В. С. Бочкарёву, и в абсолютных датах соответствует приблизительно XV–XIII вв. до н. э. (*Бочкарев, Пелих*, 2008. С. 64, 65; *Бочкарев*, 2017. С. 171–174). Памятники: Балка Лисовицкого IV (*Кияшко*, 2020. С. 213, 214, рис. 4, *5*); Батарейка (*Сокольский*, 1980. С. 147, рис. 1, *13*); Кравченко XII (*Ларенок П., Ларенок О.*, 2025. С. 31, рис. 5, *4*); Суворовский могильник (*Нечитайло*, 1979. С. 29, рис. 29, *2*); Цимлянское (архив В. С. Бочкарёва[3]).

[3] Благодарю В. С. Бочкарёва за возможность использования материалов из его личного архива и консультации при подготовке статьи.

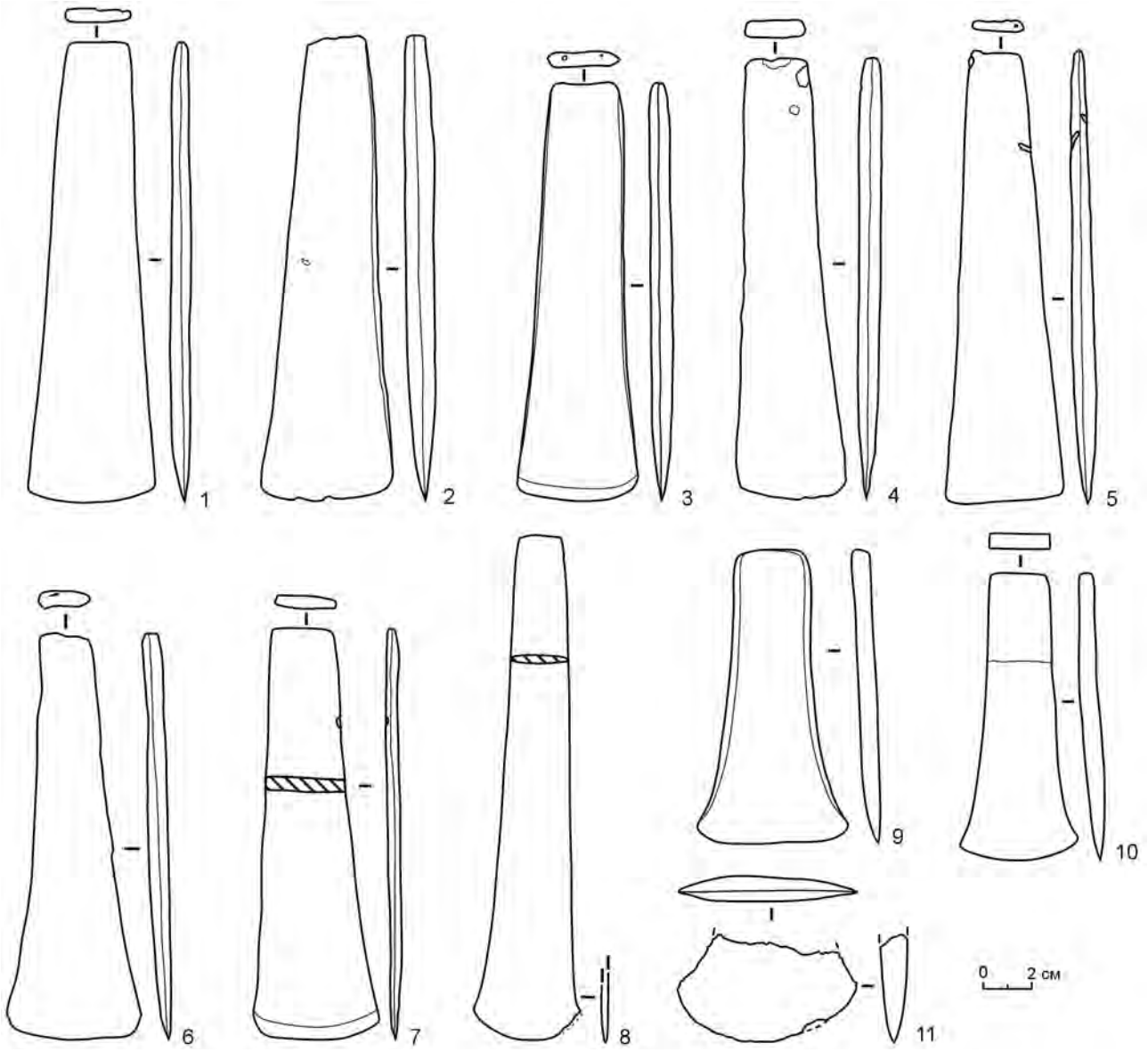

Рис. 2. Металлические топоры-тесла позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа: *1–7* — Кяфар (*1* — клад, 1; *2* —клад, 2; *3* — клад, 3; *4* — клад, 4; *5* — клад, 5; *6* — клад, 6; *7* — клад, 7); *8* — Суворовская, мог-к; *9* — Светловодское, сл. нах.; *10* — Упорная, клад; *11* — Шушук, пос.

Fig. 2. Metal axe-adzes from the Late Bronze to the beginning of the Early Iron Age in the North Caucasus: *1–7* — Kyafar (*1* — hoard 1; *2* — hoard 2; *3* — hoard 3; *4* — hoard 4; *5* — hoard 5; *6* — hoard 6; *7* — hoard 7); *8* — Suvorovskaya, cemetery; *9* — Svetlovodskoye, stray find; *10* — Upornaya, hoard; *11* — Shushuk, settlement

2. Самая многочисленная **средняя группа** относится к бекешевской и ольгенфельдской группам ПОММ ПБВ, или VI–VII хронологическим группам ПБВ Восточной Европы, по В. С. Бочкарёву, в абсолютных датах — XII–X вв. до н. э. Памятники: Бекешевская (*Иессен*, 1951. С. 92, рис. 21, *7*; *Дергачев, Бочкарев*, 2002. Табл. 113, *7, 8*); Боргустанская (*Егоров*, 1951. С. 292, 293); Змейская (*Козенкова*, 1996. Рис. 15, *1б*); Курчанская (*Пелих,* 2003. С. 65, рис. 23, *2*); Кяфар (*Бочкарев и др.*, 2023. С. 104, 105, рис. 1, *4–6*; 2, *1–3*; 6, *5*); Майртуп (*Дударев*, 1991. С. 20, табл. 4, *2*); Ростов-на-Дону (*Ильюков*, 1999. С. 63, рис. 1, *3–6*); Упорная (*Аптекарев, Козенкова*, 1986. С. 123, рис. 1, *4*); Шушук, возможно (*Эрлих и др*., 2022. С. 17, рис. 7, *2*); Замок (раскопки С. Н. Кореневского, данные из личного архива В. С. Бочкарёва); Кобяково (*Шарафутдинова*, 1980. С. 63, табл. XXXIII, *8*); Кнышевка (*Федоровський*, 1927. С. 32, рис. 30, *4*); Мындрешть (личный архив В. С. Бочкарёва).

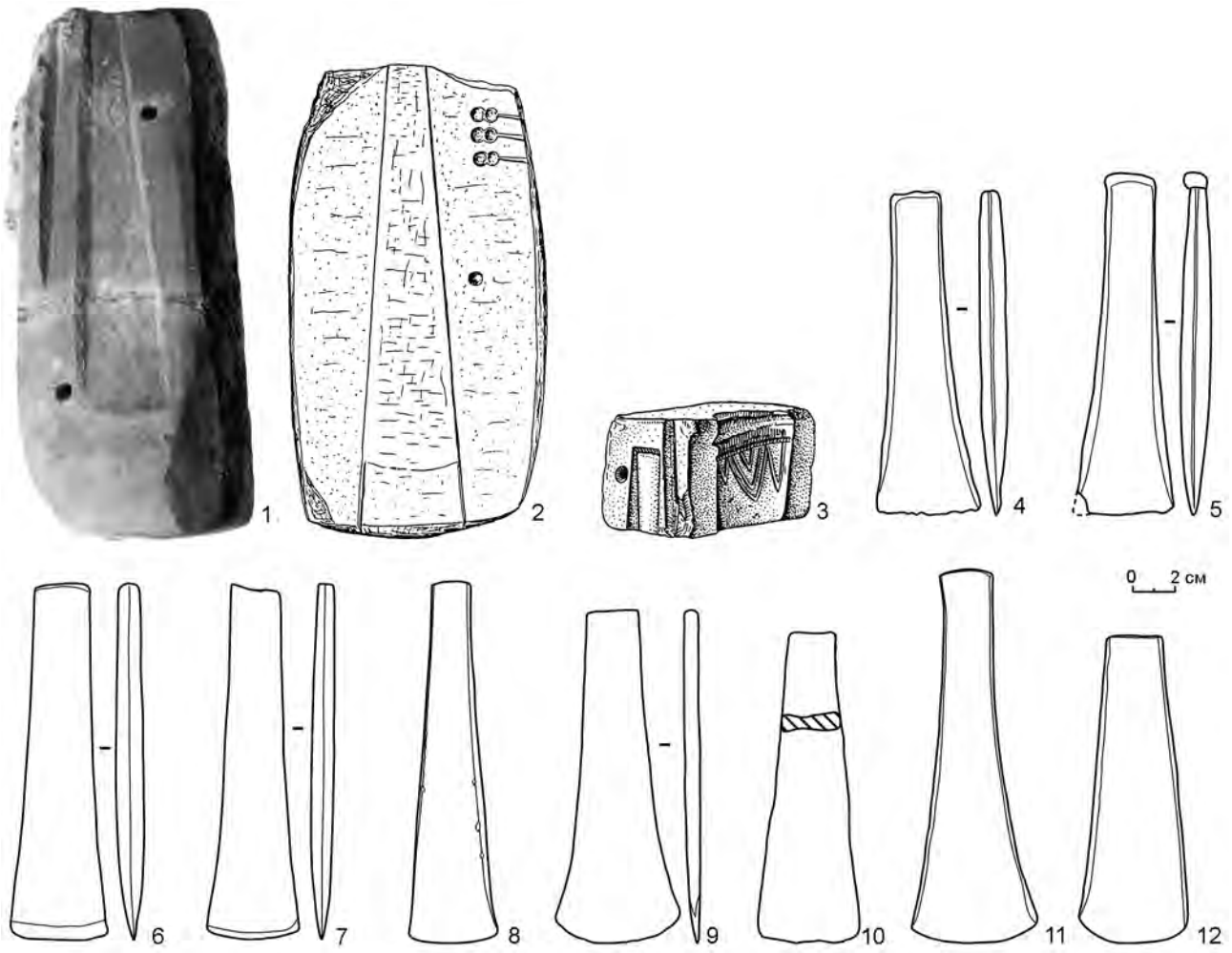

Рис. 3. Металлические топоры-тесла позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа и их литейные формы: *1* — Ессентукская, пос.; *2* — Замок, пос.; *3* — Кобяково, пос.; *4–7* — Ростов-на-Дону (*4*— клад, 1; *5* —клад, 2; *6* — клад, 3; *7* — клад, 4); *8* — Цимлянское, клад; *9* — Кнышевка, клад; *10* — Мындрешть, клад; *11* — Сержень-Юрт, погр. 42, мог-к; *12* — Сержень-Юрт, погр. 70, мог-к

Fig. 3. Metal axe-adzes from the Late Bronze to the beginning of the Early Iron Age in the North Caucasus and their casting molds: *1* — Essentukskaya, settlement; *2* — Zamok, settlement; *3* — Kobyakovo, settlement; *4–7* — Rostov-on-Don (*4* — hoard 1; *5* — hoard 2; *6* — hoard 3; *7* — hoard 4); *8* — Tsimlyanskoye, hoard; *9* — Knyshevka, hoard; *10* — Myndresht, hoard; *11* — Serzhen-Yurt, burial 42, burial ground; *12* — Serzhen-Yurt, burial 70, burial ground

3. Поздняя группа относится к позднейшему предскифскому периоду, а именно к концу IX — началу VIII в. до н. э. Единственный известный пока памятник — Сержень-Юрт (*Козенкова*, 1982. С. 7, табл. I, *20, 21*).

Все трапециевидные тесла (целые и с незначительными дефектами), для которых установлены основные метрические данные (длина, ширина лезвия и пятки), как происходящие из погребений и поселений, так и случайные находки и предметы неизвестного (или спорного) происхождения, были проанализированы по статистическому методу С. Н. Братченко. Для орудий были рассчитаны индексы А и Б, которые были скоррелированы между собой. На графике (рис. 4) разными цветами обозначены тесла из комплексов трех выделенных хронологических групп.

В целом значение индекса А северокавказских тесел ПБВ — начала РЖВ колеблется от 1,95 до 5,73, индекса Б — от 1,74 до 2,59. В разные области корреляционного поля оказываются разнесены тесла ранней (синий цвет) и средней — поздней (красный цвет) хронологических групп. Два (три, по описанию В. И. Козенковой) тесла поздней группы при этом находятся практически в средней части сектора, занимаемого значениями средней группы.

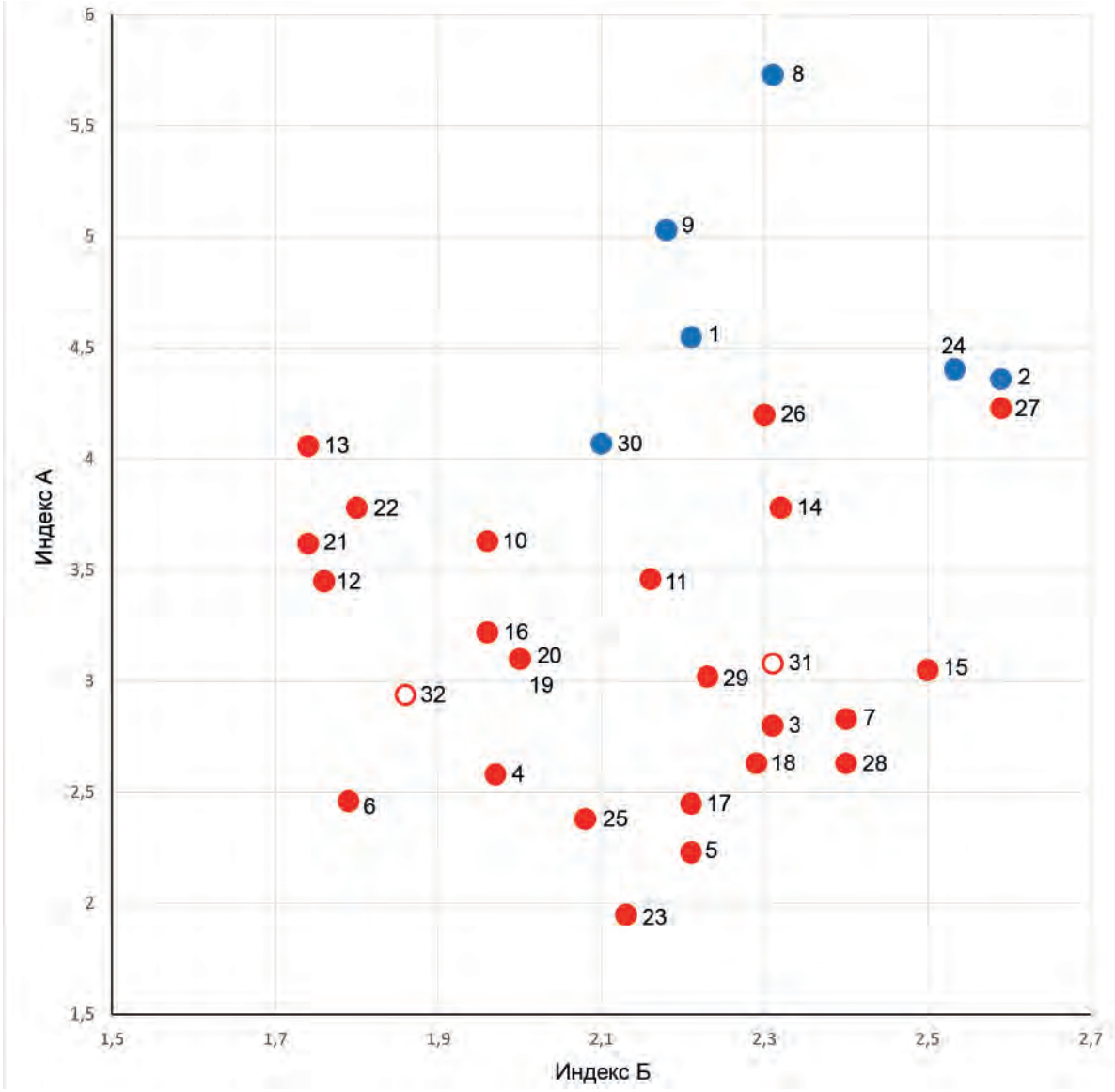

Рис. 4. Корреляция индексов трапециевидных топоров-тесел позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа: *1* — Балка Лисовицкого IV, пос.; *2* — Батарейка, клад; *3* — Бекешевская, клад, 1; *4* — Бекешевская, клад, 2; *5* — Боргустанская, клад; *6* — Затеречный, сл. нах.; *7* — Змейская, пос.; *8* — Кравченко XII, пос.; *9* — Краснодарский музей, сл. нах.; *10–16* — Кяфар (10 — клад, 1; *11* — клад, 2; *12* — клад, 3; *13* — клад, 4; *14* — клад, 5; *15* — клад, 6; *16* — клад, 7); *17* — Майртуп, мог-к; *18* — Отрадненский музей, сл. нах.; *19–22* — Ростов-на-Дону (*19* — клад, 1; *20* — клад, 2; *21* — клад, 3; *22* — клад, 4); *23* — Светловодское, сл. нах.; *24* — Суворовская, мог-к; *25* — Упорная, клад; *26* — Ессентукская, пос.; *27* — Замок, пос.; *28* — Кнышевка, клад; *29* — Мындрешть, клад; *30* — Цимлянское, клад; *31, 32* — Сержень-Юрт, мог-к (*31* — погр. 42; *32* — погр. 70) (● — ранняя хронологическая группа; ● — средняя хронологическая группа; ○ — поздняя хронологическая группа)

Fig. 4. Correlation of indices of trapezoidal axes-adzes of the Late Bronze — early Early Iron Ages of the North Caucasus: *1* — Balka Lisovitskogo IV, settlement; *2* — Batareyka, hoard; *3* — Bekeshevskaya, hoard, 1; *4* — Bekeshevskaya, hoard, 2; *5* — Borgustanskaya, hoard; *6* — Zaterechny, stray find; *7* — Zmeyskaya, settlement; *8* — Kravchenko XII, settlement; *9* — Krasnodar Museum, stray find; *10–16* — Kyafar, (*10* — hoard, 1; *11* — hoard, 2; *12* — hoard, 3; *13* — hoard, 4; *14* — hoard, 5; *15* — hoard, 6; *16* — hoard, 7); *17* — Mayrtup, burial ground; *18* — Otradnaya Museum, stray find; *19–22* — Rostov-on-Don (*19* — hoard, 1; *20* — hoard, 2; *21* — hoard, 3; *22* — treasure, 4); 23 — Svetlovodskoye, stray find; 24 — Suvorovskaya, burial ground; *25* — Upornaya, hoard; *26* — Essentukskaya, settlement; *27* — Zamok, settlement; *28* — Knyshevka, hoard; *29* — Myndresti, hoard; *30* — Tsimlyanskoe, hoard; *31, 32* — Serzhen-Yurt, burial ground (*31* — burial 42; *32* — burial 70) (● — early chronological group; ● — middle chronological group; ○ — late chronological group)

Тесла ранней позднебронзовой группы (кроме тесла с Цимлянского водохранилища) имеют индекс А от 4,36 до 5,73, индекс Б — от 2,21 до 2,59. У тесел более поздних хронологических групп индекс А варьирует от 1,95 (внекомплексный предмет, но очевидно из селища Светловодское) до 4,20–4,23 (литейные формы с поселений Ессентукская и Замок), а индекс Б — от 1,74 (Кяфар, Ростов-на-Дону) до 2,59 (литейная форма с поселения Замок). Обращает на себя внимание тесное соприкосновение некоторых тесел средней группы с ближайшими предметами ранней хронологической группы.

Исходя из корреляции индексов А и Б можно обозначить принадлежность ряда внекомплексных тесел с территории Северного Кавказа к выделенным нами средней и поздней группам, ограничив основной период их функционирования средней группой, то есть бекешевским и ольгенфельдским этапами по хронологии ПОММ ПБВ.

Предметы, включаемые нами в раннюю группу северокавказских тесел ПБВ (кроме тесла с Цимлянского водохранилища), по корреляции индексов А и Б принадлежат ульяновскому типу изделий, по В. С. Бочкарёву (*Бочкарев*, 2010. С. 197, рис. 7). Редкие пока экземпляры ульяновских топоров-тесел на Северном Кавказе занимают в определенной степени промежуточное положение между более ранними теслами костромского типа (*Климушина*, 2024; 2025) и более поздними северокавказскими теслами — наших средней и поздней хронологических групп.

Очевидно, для отделения ранних тесел ПБВ от более поздних нужно учитывать еще один метрический показатель — толщину этих предметов. Толщина тесел ульяновского типа из северокавказских комплексов начинается с 0,3–0,5 см и только в одном случае (поселение Балка Лисовицкого IV) чуть превышает 1,0 см. Они по данному параметру близки большинству более ранних северокавказских предметов этой категории костромского типа[4]. Толщина тесел выделенной нами средней группы, финала ПБВ, составляет 0,6–1,4 см. Учитывая, безусловно, пока еще малое количество предметов, имеющихся в нашем распоряжении, думается, можно отметить тенденцию утолщения северокавказских тесел — от более тонких костромского и ульяновского типов до более толстых нашей средней группы. Эта тенденция, очевидно, связана с широким применением для изготовления тесел бекешевского и ольгенфельдского периодов литейных форм с глубоко прорезанными негативами для отливки. Самым ранним предметом, маркирующим обозначенную тенденцию, является тесло из Цимлянского клада (удобненский этап ПОММ ПБВ). Этот предмет с пограничным для ульяновской и более поздней группы сочетанием индексов А и Б, судя по фото из личного архива В. С. Бочкарёва, отливался в глубокой двусторонней форме. Также отдельно можно выделить тесло из коллекции Краснодарского музея (*Иессен*, 1951. С. 83, 84, рис. 7, *3*), которое по индексам А и Б принадлежит ранней группе, но исходя из его толщины (до 1,3 см) и очевидного литья в двусторонней форме может относиться к более поздней традиции производства.

Тесла выделенных нами средней и поздней групп можно обозначить как предметы бекешевского типа. Этот тип имеет следующее определение: удлиненнотрапециевидные в плане топоры-тесла с прямой пяткой и слабо закругленным лезвием, с индексами А (отношение длины орудия к ширине его лезвия) 1,9–4,3 и Б (отношение ширины лезвия к ширине обушка) 1,7–2,6. Тесла бекешевского типа, в сравнении с теслами предшествующего периода с рассматриваемой территории, становятся короче, скос боковых граней у них уменьшается. Данный тип тесел, очевидно, начинает формироваться на удобненском этапе ПОММ ПБВ, но полностью утверждается и преобладает в северокавказских материалах, синхронных белозерской культуре, то есть в пределах XII–X вв. до н. э. В самом начале РЖВ тесла бекешевского типа известны в единичных экземплярах.

Для ряда северокавказских позднебронзовых трапециевидных топоров-тесел проведен анализ состава их металла (клады: Батарейка, Курчанский, Кяфарский, Ростовский, Упорненский; погребение из Суворовского могильника; поселение Балка Лисовицкого IV, обломок с поселения Шушук(?)). Абсолютное большинство (11 (12) из 17 (18) анализов) подобных изделий отлито из мышьяковистых (As) бронз, одно изделие (из ст. Суворовской) — из мышьяковисто-оловянистой (As-Sn) бронзы. Подобная лигатура бронз является традиционной для Северокавказского региона в ПБВ. Тесла из Ростовского клада изготовлены из Sn-As-бронз, причем с преобладанием олова, что также встречается в материалах бекешевского этапа ПОММ ПБВ. Тесло ранней группы с Балки Лисовицкого IV отлито из Sn-As-Pb-бронзы и по составу металла и по своей форме вписывается в круг степных материалов сабатиновской культуры.

[4] Параметры костромских тесел обсуждались автором с А. И. Климушиной.

Находки металлических трапециевидных топоров-тесел, датируемых концом эпохи бронзы, известны на всем Северном Кавказе, но прежде всего концентрируются в его предгорной зоне (рис. 5). При этом вектор экспорта северокавказских трапециевидных тесел в это время нацелен на запад и северо-запад. В позднейший, предскифский, период бронзовые трапециевидные тесла известны в регионе лишь на востоке кобанской культурно-исторической области.

Обозначенными нами хронологическими группами заканчивается продолжительный период использования на Северном Кавказе бронзовых трапециевидных тесел.

Характеристика бронзовых тесел с боковыми выступами-цапфами

Концом эпохи бронзы — началом РЖВ можно датировать 17 (18) трапециевидных тесел с боковыми выступами-цапфами, найденные на Северном Кавказе, одно из которых (из с. Хабаз) упоминается в литературе без его изображения (табл. 2). Не исключено, что и обломок топора с поселения Шушук (рис. 2, *11*) мог быть частью изделия этой группы. Из них только три или четыре происходят из комплексов ПБВ, остальные комплексные находки датируются начальными этапами РЖВ. Причем все четко локализованные находки происходят с территории, которая в начале РЖВ была занята кобанской культурно-исторической областью.

Таблица 2. Распределение находок северокавказских бронзовых топоров-тесел с боковыми выступами

Table 2. Distribution of finds of trapezoidal North Caucasian bronze axe-adzes with lateral projections

Контекст	Поздний бронзовый век	Ранний железный век (начальные этапы)
Погребения	1	7 +1 (возможно, ПБВ)
Поселения	–	2 (возможно, 3)
Клады	2	–
Находки единичные случайные и неизвестного происхождения	3 (4)	

Распределение тесел с цапфами по категориям комплексов ПБВ — начала РЖВ значительно отличается от подобного распределения трапециевидных тесел: большинство их найдено в погребениях. Присутствие предметов в первую очередь в погребениях и слоях поселений может говорить о местной культурной принадлежности изделий.

В целом северокавказские топоры-тесла с боковыми выступами (рис. 6) достаточно разнообразны в плане: от удлиненнотрапециевидных с прямой пяткой и слабо закругленным лезвием до топоров с дважды вогнутыми боковыми гранями, прямой пяткой и широким закругленным лезвием. Боковые выступы у них остроугольные, плечиковидные или тупоугольные. В поперечном разрезе они прямоугольные, трапециевидные или шестиугольные. Отливались в односторонних и двусторонних формах. Лезвие тесел обычно сделано под двустороннюю заточку. Размеры: длина — 15,0–19,9 см; ширина лезвия — 4,0–8,9 см; ширина пятки — 1,5–4,2 см; ширина выступов-цапф — 3,5–5,7 см; толщина — до 1,1 см. Известный вес орудий варьирует от 280 до 512 г.

Для систематизации и классификации северокавказских тесловидных топоров с боковыми выступами-цапфами за основу взяты классификации Б. А. Куфтина (*Куфтин*, 1944. Рис. 23а) и В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. С. 13).

Северокавказские топоры-тесла с боковыми выступами-цапфами разделены на три типа:

I тип — топоры-тесла удлиненнотрапециевидной формы с двумя боковыми выступами остроугольной формы, прямой пяткой и обычно слегка закругленным лезвием, тип Березовский (Березовка, Боргустанская, Сержень-Юрт);

II тип — топоры-тесла удлиненнотрапециевидной формы с двумя боковыми плечиковидными выступами, прямой пяткой и сильно закругленным широким лезвием, тип Краснодар (Краснодарский музей, 1);

III тип — топоры-тесла с дважды вогнутыми боковыми гранями, двумя боковыми выступами тупоугольной формы, прямой пяткой и закругленным лезвием. Их можно разделить на два варианта: вариант IIIа — со слабо дифференцируемыми боковыми выступами, придающими корпусу ромбовидные очертания, вариант Нальчик (Нальчик, Пятигорск — Константиновская); вариант IIIб — с сильно дифференцируемыми боковыми выступами и широким лезвием, вариант Терезе (Верхний Курп, Грушевское, Индустрия 1, Краснодарский музей, 2, Терезе, Эшкакон).

Традиционно древнейшими северокавказскими комплексами с теслами с боковыми выступами считаются «погребение 3», раскопанное у г. Пятигорска, между бывшими колониями Константиновка (совр. ст. Константиновская) и

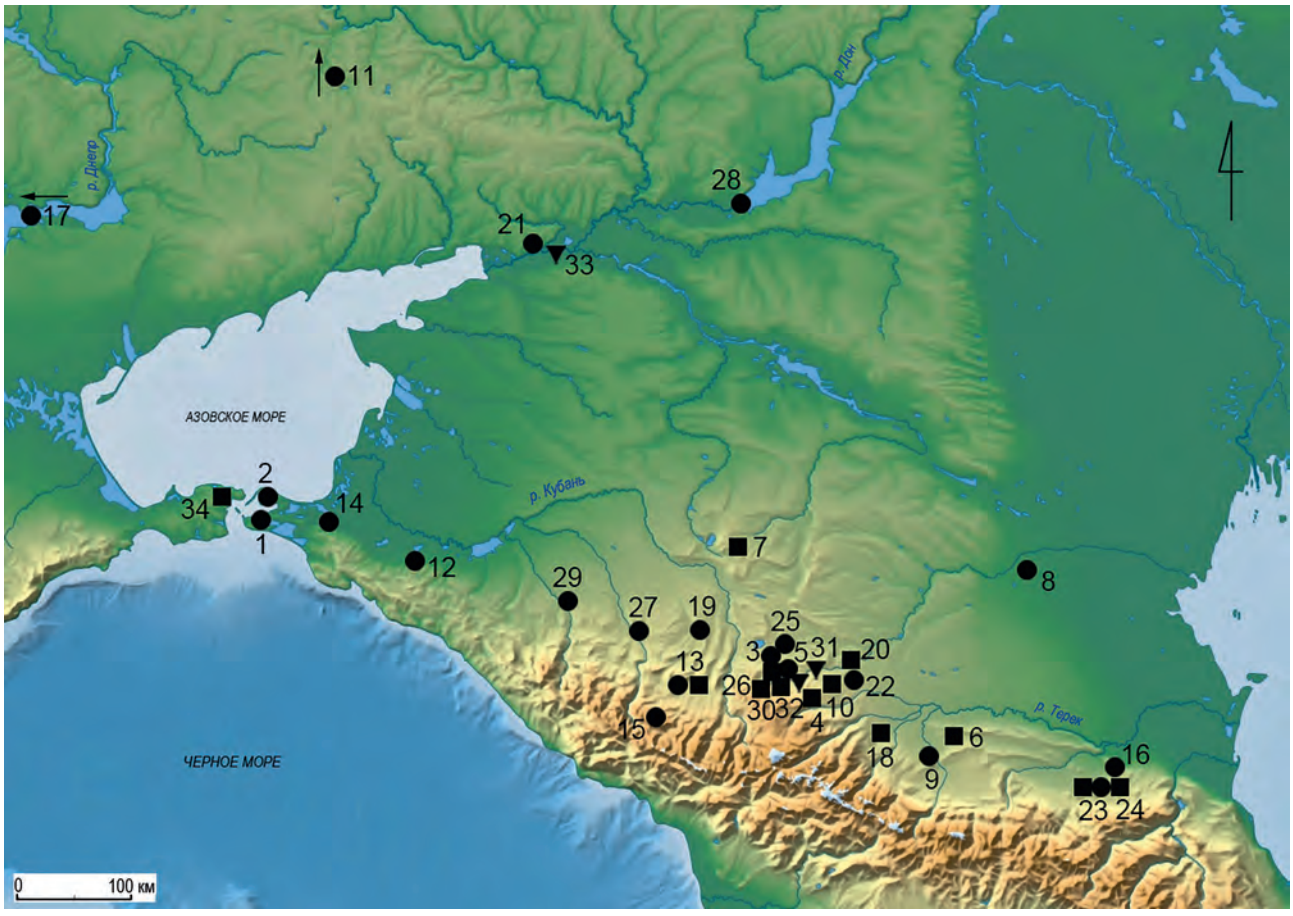

Рис. 5. Распространение металлических топоров-тесел (трапециевидных и с боковыми выступами-цапфами) в конце эпохи бронзы — начале раннего железного века: *1* — Балка Лисовицкого IV, пос.; *2* — Батарейка, клад; *3* — Бекешевская, клад; *4* — Березовка, мог-к; *5* — Боргустанская, клад; *6* — Верхний Курп, клад; *7* — Грушевское, пос.; *8* — Затеречный, сл. нах.; *9* — Змейская, пос.; *10* — Индустрия 1, мог-к; *11* — Кнышевка, клад; *12* — Кравченко XII, пос.; *13* — Краснодарский музей, сл. нах. (условно); *14* — Курчанская, клад; *15* — Кяфар, клад; *16* — Майртуп, мог-к; *17* — Мындрешть, клад; *18* — Нальчик, сл. нах. (условно); *19* — Отрадненский музей, сл. нах. (условно); *20* — Пятигорск — Константиновская, погр.; *21* — Ростов, клад; *22* — Светловодское, сл. нах.; *23* — Сержень-Юрт, мог-к; *24* — Сержень-Юрт, пос.; *25* — Суворовская, мог-к; *26* — Терезе, мог-к; *27* — Упорная, клад; *28* — Цимлянское, клад (условно); *29* — Шушук, пос. (возможно); *30* — Эшкакон, мог-к; *31* — Ессентукская, пос.; *32* — Замок, пос.; *33* — Кобяково, пос.; *34* — Керчь, сл. нах. (● — трапециевидные тесла; ▼ — литейные формы трапециевидных тесел; ■ — тесла с боковыми выступами-цапфами)

Fig. 5. Distribution of metal axes-adzes (trapezoidal and with lateral projections-pivots) at the end of the Bronze Age — beginning of the Early Iron Age: *1* — Balka Lisovitskogo IV, settlement; *2* — Batareyka, hoard; *3* — Bekeshevskaya, hoard; *4* — Berezovka, burial ground; *5* — Borgustanskaya, hoard; *6* — Verkhny Kurp, hoard; *7* — Grushevskoye, settlement; *8* — Zaterechny, stray find; *9* — Zmeyskaya, settlement; *10* — Industriya 1, burial ground; *11* — Knyshevka, hoard; *12* — Kravchenko XII, settlement; *13* — Krasnodar Museum, stray find (conditional); 14 — Kurchanskaya, hoard; *15* — Kyafar, hoard; *16* — Mayrtup, burial ground; *17* — Myndresti, hoard; *18* — Nalchik, stray find (conditional); *19* — Otradnaya Museum, stray find (conditional); *20* — Pyatigorsk-Konstantinovskaya, burial; *21* — Rostov, hoard; *22* — Svetlovodskoye, stray find; *23* — Serzhen-Yurt, burial ground; *24* — Serzhen-Yurt, settlement; *25* — Suvorovskaya, burial ground; *26* — Tereze, burial ground; *27* — Upornaya, hoard; *28* — Tsimlyanskoe, hoard (conditionally); *29* — Shushuk, settlement (conditional); *30* — Eshkakon, burial ground; *31* — Essentukskaya, settlement; *32* — Zamok, settlement; *33* — Kobyakovo, settlement; *34* — Kerch, stray find (● — trapezoidal adzes; ▼ — foundry molds of trapezoidal adzes; ■ — adzes with lateral projections-pivots)

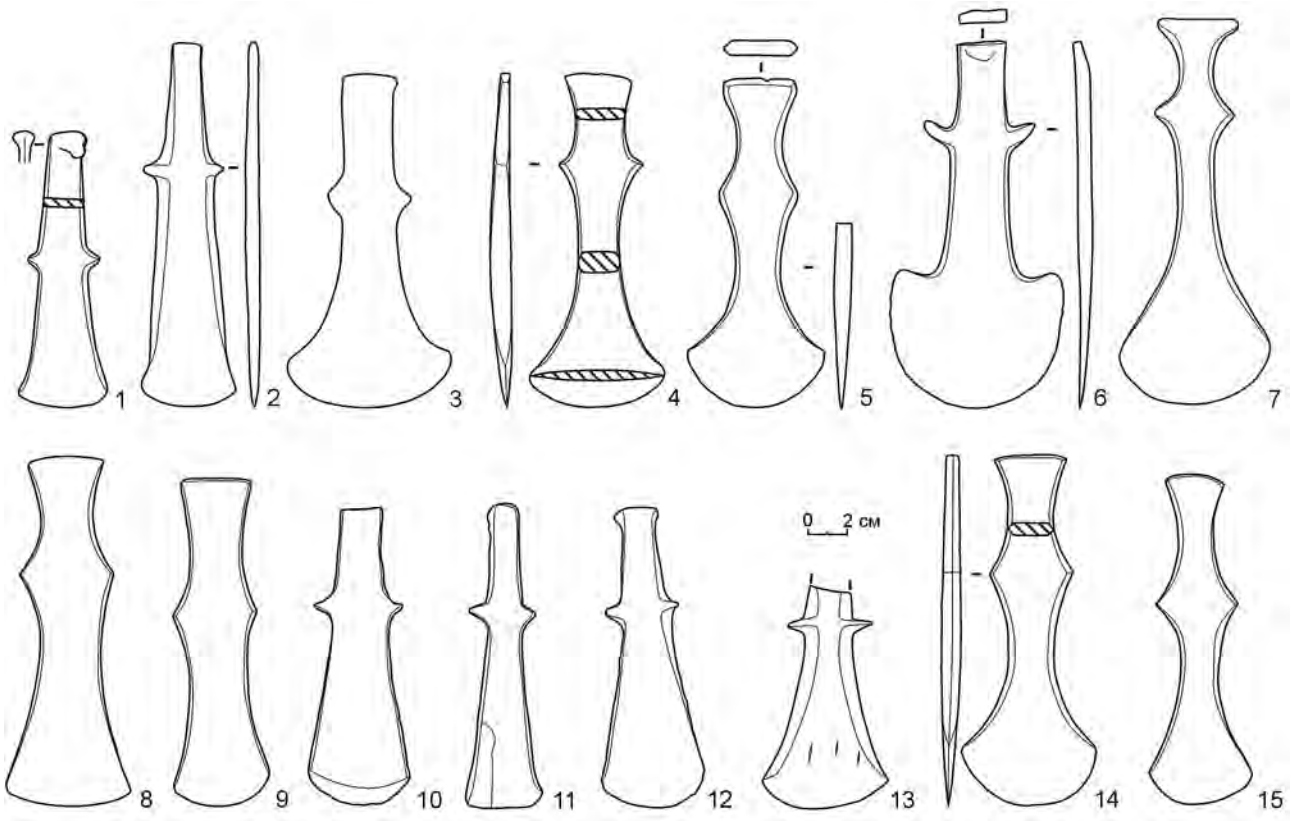

Рис. 6. Металлические тесла с боковыми выступами-цапфами позднего бронзового — начала раннего железного века Северного Кавказа: *1* — Березовка, мог-к; *2* — Боргустанская, клад; *3* — Верхний Курп, клад; *4* — Грушевское, пос.; *5* — Индустрия 1, мог-к; *6, 7* — Краснодарский музей (*6* — сл. нах. 1; *7* — сл. нах. 2); *8* — Нальчик, сл. нах.; *9* — Пятигорск — Константиновская, погр.; *10–12* — Сержень-Юрт, мог-к (*10* — погр. 26; *11* — погр. 37; *12* — мог-к); *13* — Сержень-Юрт, пос.; *14* — Терезе, мог-к; *15* — Эшкакон, м-к

Fig. 6. Metal adzes with lateral projections-pivots from the Late Bronze Age — beginning of the Early Iron Age of the North Caucasus: *1* — Berezovka, burial ground; *2* — Borgustanskaya, hoard; *3* — Verkhny Kurp, hoard; *4* — Grushevskoye, settlement; *5* — Industriya 1, burial ground; *6, 7* — Krasnodar Museum (6 — stray find 1; 7 — stray find 2); *8* — Nalchik, stray find; *9* — Pyatigorsk — Konstantinovskaya, burial; *10–12* — Serzhen-Yurt, burial ground (*10* — burial 26; *11* — burial 37; *12* — burial ground); *13* — Serzhen-Yurt, settlement; *14* — Tereze, burial ground; *15* — Eshkakon, burial ground

Каррас, и Эшкаконский могильник, относимые к XIII–XII вв. до н. э. (см., например: *Козенкова*, 1998. С. 13). Детальное изучение историографии, посвященной «погребению 3» и его датировке, показало, что к этому погребению были приписаны явно разновременные вещи, причем возможно нахождение тесла с цапфами в одном комплексе с серпом и бронзовыми топорами (*Колесниченко, Пелих*, 2025. С. 101). Предметы из разрушенного строителями могильника у р. Эшкакон были доставлены в музей без данных об их взаимном нахождении в одном комплексе (*Егоров*, 1956).

Самой ранней комплексной находкой тесла с цапфами I типа является предмет из Боргустанского клада (*Егоров*, 1951. С. 292, 293); самой поздней — тесло из Березовского могильника (*Иессен*, 1951. С. 107, рис. 43).

Самыми ранними комплексными находками тесел с цапфами III типа являются предмет из клада у с. Верхний Курп и, возможно, предмет из Пятигорска — Константиновской; самыми поздними — два тесла из могильника Индустрия 1 (*Виноградов и др.,* 1980. С. 193, 194, рис. 7, *13*).

Исходя из датировки обозначенных выше комплексов, диапазон существования бронзовых северокавказских тесел с боковыми выступами-цапфами можно обозначить в пределах бекешевского этапа ПОММ ПБВ — позднейшего предскифского периода, в абсолютных датах ориентируясь на XII — первую половину VII в. до н. э.

Анализ состава металла топора-тесла с боковыми выступами с Грушевского городища показал, что предмет изготовлен из типичной для

местной северокавказской производственной традиции As-бронзы (*Колесниченко, Пелих*, 2025. С. 99).

Согласно карте распространения бронзовых тесел с цапфами (рис. 5) их локализация приходится прежде всего на Центральное Предкавказье. Тесла этой группы, в отличие от трапециевидных, на северо-запад за пределы Северокавказского региона не попадали. Их зона распространения — это территория кобанской культурно-исторической области начала РЖВ. На карте также обозначена находка тесла с боковыми выступами из Керчи (*Tallgren*, 1926. P. 179, fig. 103, *2*) — это изделие не имеет аналогов на Северном Кавказе, но явно близко предметам конца среднего — позднего бронзового века из Малой Азии. На восточное побережье Керченского пролива (Керчь) оно могло попасть через Восточное Причерноморье.

Бронзовые топоры с цапфами имеют на Северном Кавказе один возможный дериват из железа — тесло с острыми боковыми выступами из окрестностей ст. Чамлыкской Лабинского района Краснодарского края (*Дударев*, 2020. С. 64, рис. 3, *7*). Далее их распространение в регионе не прослеживается.

Заключение

Металлические топоры-тесла представляют собой относительно немногочисленную, но весьма многообразную и выразительную категорию северокавказского инвентаря позднего бронзового — самого начала раннего железного века.

Редкие северокавказские тесла вытянутотрапециевидной формы, синхронные сабатиновской культуре степей, относятся к ульяновскому типу предметов этой категории, очевидно, производившихся на месте, но под влиянием степных традиций. Северокавказские трапециевидные топоры-тесла конца ПБВ — начала РЖВ, синхронные раннебелозерской — черногоровской культурным группам степей, выделяются в особый тип — бекешевский, скорее всего, сформировавшийся на местной культурной основе. В основном тесла этого типа были распространены в конце ПБВ, в начале РЖВ известно лишь несколько таких предметов, демонстрирующих непрерывность развития кобанской культурно-исторической области на востоке ее ареала. Местный характер их изготовления подтверждается находками литейных форм и результатами химического анализа металла.

Появление на Северном Кавказе топоров-тесел с боковыми выступами-цапфами, очевидно, связано с влиянием южных культурных традиций, где подобные предметы представлены широким набором форм. Однако затем эти топоры получили свою местную линию развития: морфологически северокавказские тесла с выступами в основном отличны от своих прототипов. Их северокавказское изготовление подтверждается и данными химического анализа. Комплексы с подобными теслами относятся к финалу ПБВ — началу РЖВ, синхронны раннебелозерскому — новочеркасскому горизонтам.

Выявлены различия в локализации рассмотренных тесел. Трапециевидные тесла в ПБВ зафиксированы в широких пределах Северного Кавказа, но в начале РЖВ известны только на востоке ареала кобанской культурно-исторической области. Напротив, находки тесел с боковыми выступами-цапфами уже финала ПБВ отмечены на Северном Кавказе только в пределах тех регионов, которые в начале РЖВ были заняты «кобанцами», являясь одним из показателей южного вектора их культурных связей.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2026 г.

Аптекарев, Козенкова, 1986 — *Аптекарев А. З., Козенкова В. И.* Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. 1986. № 3. С. 121–135.

Бочкарев, 1996 — *Бочкарев В. С.* Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. С. 96–97.

Бочкарев, 2010 — *Бочкарев В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.

Бочкарев, 2017 — *Бочкарев В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень... С. 159–204.

Бочкарев, Пелих, 2008 — *Бочкарев В. С., Пелих А. Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2008. С. 64–66.

Бочкарев и др., 2023 — *Бочкарев В. С., Городовая В. В., Пелих А. Л.* Кяфарский клад бронзовых орудий // Археология восточноевропейской степи. 2023. Вып. 19. С. 102–118.

Братченко, 1996 — *Братченко С. Н.* До проблеми ранньобронзової индустрії Східної Европи // Древние культуры Восточной Украины. Проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия / Отв. ред. В. А. Манько. Луганск: Восточноукраинский гос. ун-т, 1996. С. 32–57.

Виноградов, Нераденко, 1986 — *Виноградов В. Б., Нераденко Т. Н.* К вопросу о южных связях кобанских племен // Известия АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1986. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. № 1. С. 37–57.

Виноградов и др., 1980 — *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 184–199.

Дергачев, 2011 — *Дергачев В. А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу: Ин-т культ. наследия АН Республики Молдова, 2011. 464 с.

Дергачев, Бочкарев, 2002 — *Дергачев В. А., Бочкарев В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.

Дударев, 1991 — *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т им. Л. Н. Толстого, 1991. 124 с.

Дударев, 2020 — *Дударев С. Л.* Случайные находки эпохи поздней бронзы — раннего железа и средневековья с территории Северного Кавказа // XVII чтения по археологии Средней Кубани (тезисы и доклады) / Ред. С. Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. С. 61–67.

Егоров, 1951 — *Егоров Н. М.* Боргустанский клад 1941 г. // СА. 1951. Т. XV. С. 292–295.

Егоров, 1956 — *Егоров Н. М.* Могильник у реки Эшкакон // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 135–140.

Иессен, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л.: Наука, 1951 (МИА; № 23). С. 75–124.

Ильюков, 1999 — *Ильюков Л. С.* Ростовский клад бронзовых вещей // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 61–64.

Кияшко, 2020 — *Кияшко А. В.* Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 2020. Вып. 30. С. 207–222.

Климушина, 2024 — *Климушина А. И.* Металлические топоры-тесла среднего бронзового века Северного Кавказа и степной зоны юга Восточной Европы // АВ. 2024. Вып. 44. С. 27–35.

Климушина, 2025 — *Климушина А. И.* Костромской клад и одноименный период металлопроизводства среднего бронзового века Северо-Западного Кавказа и юга Восточной Европы // АВ. 2025. Вып. 48. С. 94–111.

Козенкова, 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982 (САИ; Вып. В2-5). 177 с.

Козенкова, 1996 — *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущинский науч. центр РАН, 1996. 163 с.

Козенкова, 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ОНТИ ИФПБ РАН, 1998 (САИ; Вып. В2-5, 5). 200 с.

Козенкова, 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.

Колесниченко, Пелих, 2025 — *Колесниченко К. Б., Пелих А. Л.* Бронзовое тесло из слоя Грушевского городища // IV Виноградовские чтения: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти д-ра ист. наук проф. С. Л. Дударева / Отв. ред. Ю. Ю. Клычников, А. Л. Пелих. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2025. С. 96–103.

Крупнов, 1958 — *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе (по археологическим данным) // Древние племена и народности Кавказа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА; № 68). С. 176–195.

Куфтин, 1944 — *Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-араксский энеолит // Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1944. Т. XIII-B. С. 1–171.

Ларенок П., Ларенок О., 2025 — *Ларенок П. А., Ларенок О. П.* Слой эпохи бронзы на поселении Кравченко XII (по материалам раскопа 2) // XII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: Материалы конф. / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Традиция; М.: Центр палеонтологических исследований, 2025. С. 30–34.

Нечитайло, 1979 — *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979. 86 с.

Пелих, 2003 — *Пелих А. Л.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: Дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 (археология). Армавир, 2003. 323 с.

Сокольский, 1980 — *Сокольский Н. И.* Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.

Федоровський, 1927 — *Федоровський О.* Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків: 1-ша державна літо-друкарня, 1927. 136 с.

Черных, 1976 — *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Шарафутдинова, 1980 — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л.: Наука, 1980 (САИ; Вып. В1-11). 128 с.

Эрлих и др., 2022 — *Эрлих В. Р., Клещенко А. А., Гак Е. И., Годизов Г. Л.* Археологический комплекс Шушук — эталонный постдольменный памятник предгорий Северо-Западного Кавказа эпохи средней — поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 7–23.

Tallgren, 1926 — *Tallgren A. M.* La Pontide prescythique apres l' introduction des metaux. Helsinki: K. F. Puromiehen kirjapaino, 1926 (ESA; T. 2). 248 p.

Metal axe-adzes of the Late Bronze and Early Iron Ages in the North Caucasus

A. L. Pelikh[5]

Keywords: North Caucasus, Late Bronze Age, Early Iron Age, axe-adzes, classification, typology, cultural-chronological attribution

This paper examines two groups of bronze adzes from the Late Bronze and Early Iron Ages found in the North Caucasus: trapezoidal adzes and adzes with lateral projections. In total, more than 50 such artifacts, as well as three casting molds, are known from the region and adjacent territories. Most finds come from archaeological contexts — hoards, burials, and settlement layers —making this category of artifacts significant for the cultural-chronological attribution of sites. Based on their contextual associations, the trapezoidal axe-adzes are divided into three chronological groups. Their classification is based on the correlation of indices A (the ratio of the tool's length to the blade width) and Б (ratio of blade width to butt width). Adzes belonging to the early Late Bronze Age group correspond to the Ulyanovsk type, as defined by V. S. Bochkarev. North Caucasian trapezoidal axe-adzes dating to the transition from the Late Bronze to the Early Iron Age — synchronous with the Early Belozerka and Chernogorovka cultures of the steppes — are distinguished as a separate type: the Bekeshevsky type, which developed on a local basis. Adzes with lateral projections are also categorized into types. Complexes containing such adzes date to the final stage of the Late Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age, correlating with the Early Belozerka and Novocherkassk horizons. The appearance of axe-adzes with lateral projections in the North Caucasus is linked to the influence of southern cultural traditions. However, these axes subsequently underwent local development, as the North Caucasian adzes with projections differ morphologically from their prototypes. Chemical analysis of the alloys confirms the local production of both groups of adzes. The distribution of these axe-adzes and the casting molds used to produce them has been mapped. It is concluded that the groups of axe-adzes under consideration represent the latest bronze artifacts of this category in the North Caucasus.

[5] Aleksey L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University, Armavir; e-mail: pelich1976@mail.ru.

К характеристике поселения Тууш 3 в Юго-Восточном Крыму[1]

В. П. Власов[2]

Аннотация. *В статье на основе обзора архивно-библиографических и археологических материалов по итогам раскопок поселения Тууш 3 у с. Льговского (Юго-Восточный Крым) рассмотрены проблемные вопросы общей характеристики и культурно-хронологической атрибуции материалов памятника. Установлено, что поселение является многослойным, разновременным и разнокультурным. Сделан вывод, что на разных его участках зафиксированы один и два непотревоженных культурных слоя, а также разноуровневые археологические объекты позднего бронзового и раннего железного веков, а горизонт эпохи средневековья уничтожен антропогенной деятельностью XX в.*

Ключевые слова: *Крым, поздний бронзовый век, ранний железный век, поселение, культурный слой, археологические объекты, артефакты*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-42-51

Введение

Объект археологического наследия «Поселение Тууш 3» выявлен в 2016 г. при обследовании землеотвода под строительство автомобильной дороги «Таврида» в ходе совместных археологических разведок сотрудниками ООО «ИТЦ Специальных работ» и Института археологии РАН близ с. Льговского Кировского района Республики Крым (рис. 1). Разведки проводились под общим руководством держателя разрешения (Открытого листа) на выполнение археологических работ канд. ист. наук И. В. Рукавишниковой (*Рукавишникова*, 2016. С. 5), а визуальное обследование и закладку шурфов осуществлял канд. ист. наук А. В. Бонин[3].

Характеристика памятника и проведенные археологические исследования

Поселение Тууш 3 расположено в среднем течении р. Мокрый Индол, в пойменной части ее искусственного русла, на нынешнем правом (восточном) берегу[4], где прежде произрастали виноградник и фруктовый сад. К началу проведения разведок дневная поверхность его территории и прилегающих земель использовалась под пастбище (*Там же*. С. 69).

Для уточнения местоположения, определе-ния границ и выяснения стратиграфии памятника было заложено 10 шурфов (№ 87–96)

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00065-Продление, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

[2] Власов В. П. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; Институт археологии Крыма, Симферополь, Республика Крым; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.

© Власов В. П., 2026

[3] Результаты археологических разведок не были опубликованы, поэтому мы благодарны коллегам из ИА РАН — Ирине Викторовне Рукавишниковой и Александру Викторовичу Бонину за возможность ознакомиться с полевой и отчетной документацией о проведенных ими работах.

[4] Река Мокрый Индол берет начало на северных склонах Главной гряды Крымских гор и протекает с юго-запада на северо-восток, пересекая Внутреннюю гряду у с. Тополёвка (Белогорский р-н Республики Крым). До 1960–1970-х гг. река впадала в залив Сиваш Азовского моря, но после строительства Северо-Крымского канала русло Мокрого Индола было изменено и перенаправлено, после чего река стала притоком р. Восточный Булганак. Гидрологический режим реки характеризуется двумя периодами: зимне-весенним паводочным (80–95 % стока) и летне-осенним меженным (5–20 % стока) (*Садыкова и др.*, 2020. С. 28).

размерами 1,00 × 1,00 м и глубиной 0,80–1,85 м (*Рукавишникова*, 2016. С. 43, 69–72, рис. 424–452; 482; 2017. С. 81–87).

Исследования показали, что в плане поселение имеет вид неправильного многоугольника размерами 180 × 158 м (в наиболее протяженных местах) площадью ≈28 000 кв. м (*Рукавишникова*, 2016. С. 72). Современная поверхность памятника снивелирована, а почвенный горизонт турбирован на глубину до 0,75 м вследствие распашки плугами общего (отвальный, дисковый) и специального (плантажный) назначения, а также перекопами, связанными с антропогенной деятельностью XX в. (*Там же*. С. 73). Зафиксированные в профилях бортов шурфов слои аллювиальных отложений свидетельствовали о том, что место, где располагается Тууш 3, неоднократно и в течение длительного времени затапливалось при разливах Мокрого Индола.

Признаки культурного слоя и археологические находки обнаружены в половине шурфов (№ 89–92, 94) (*Рукавишникова*, 2016. С. 69–72; 2017. С. 81–87). Редкий и невыразительный подъемный материал, а также фрагменты гончарной и лепной керамики из шурфов позволили отнести памятник к раннесредневековому времени (*Рукавишникова*, 2016. С. 73). На основании данных археологических разведок принадлежность поселения Тууш 3 к раннему средневековью при его постановке на учет была закреплена в Приказе Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым № 95 от 06.06.2017 г. «О включении выявленных объектов археологического наследия в перечень выявленных объектов культурного наследия Республики Крым и об утверждении границ и режимов использования их территорий» (п. 1.4.)[5].

В границы землеотвода под строительство автодороги «Таврида» попадала часть территории Тууша 3 площадью 14 484 кв. м, на которой в дальнейшем планировалось проведение археологических работ (*Там же*. С. 73, 79, 81). Эти работы (наблюдения и спасательные раскопки) были предприняты сотрудниками двух отрядов Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН в 2017 г. Начальником экспедиции и держателем разрешения на проведение археологических полевых работ являлся д-р ист. наук С. Ю. Внуков, осуществлявший также организационно-методическое руководство раскопками и камеральной обработкой полученных материалов. Полевыми работами на заложенных для изучения памятника раскопах руководили начальники отрядов — Д. С. Кравченко (раскопы 1 и 2) и М. Ю. Меньшиков (раскоп 3).

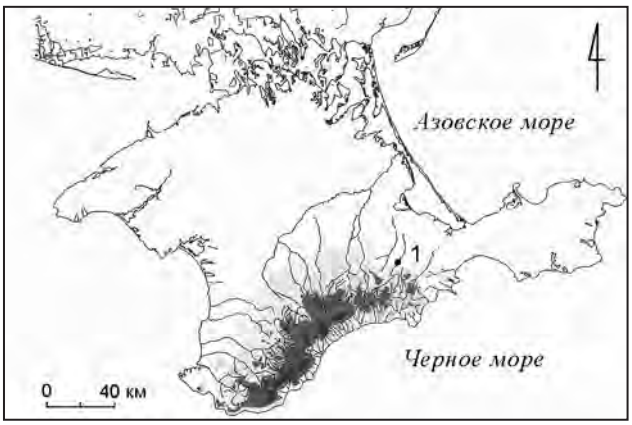

Рис. 1. Карта Крыма с указанием местоположения поселения Тууш 3 (*1*)

Fig. 1. Map of Crimea showing the location of the Tuush 3 settlement (*1*)

Обзор архивно-библиографических материалов: стратиграфия, культурная и хронологическая принадлежность

Анализ всех результатов раскопок Тууша 3 пока отсутствует, не систематизированы и не введены в научный оборот полученные в ходе его изучения материалы. Некоторые итоги выполненных на поселении археологических работ отражены в техническом отчете о раскопках (*Кравченко Д.*, 2017)[6] и в отчете о наблюдениях (*Внуков*, 2017)[7],

[5] Информация об учетной документации выявленного объекта археологического наследия «Поселение Тууш 3» предоставлена начальником Управления государственного учета объектов культурного наследия Департамента государственной охраны культурного наследия Министерства культуры Республики Крым Олегом Сергеевичем Павловым, за что мы выражаем ему искреннюю признательность.

[6] В нем охарактеризованы результаты полевых работ на раскопах 1 и 2.

[7] Итоговый научный отчет о спасательных археологических раскопках выявленного объекта археологического наследия «Поселение Тууш 3» до настоящего времени не составлен. В 2025 г. черновые варианты материалов к отчетной научной документации (в электронно-цифровом формате) по согласованию с администрацией ИА РАН получены автором данной статьи от С. Ю. Внукова для подготовки публикаций по введению в научный оборот отдельных групп археологических находок, а также обобщающей работы об исследовании памятника.

а также в трех небольших по объему публикациях. В идентичных по содержанию с отличием лишь в названии статьях Д. С. Кравченко дана предварительная информация о раскопках памятника с краткими сведениями о стратиграфической ситуации, выявленных археологических объектах и обнаруженных находках[8] (*Кравченко Д.*, 2018; 2019), а статья М. Ю. Меньшикова, Ж. А. Юнкина и С. Ю. Внукова посвящена публикации отдельного комплекса (объект 40), открытого на раскопе 3, но в ней также изложены и представления авторов о стратиграфических, хронологических и культурно-исторических характеристиках этой части поселения (*Меньшиков и др.*, 2021).

Сопоставляя данные о раскопках поселения Тууш 3 из отчетной документации и публикаций, мы столкнулись с наличием в них фактических ошибок, несоответствий и противоречий, дающих искаженное представление о памятнике. В настоящей статье на основе краткого изложения содержания и выводов вышеперечисленных работ мы ограничимся некоторыми комментариями, которые, надеемся, будут способствовать более объективному восприятию поселенческого комплекса Тууш 3.

Прежде всего отметим, что целостность Тууша 3 нарушена сельскохозяйственными и земельно-строительными работами новейшего времени. Помимо распашки почти всей поверхности через его центральную часть по линии запад–восток были проложены подземные инфраструктурные коммуникации (линии электропередач, кабели телефонной и волоконно-оптической связи, водопроводные трубы), которые в этом месте практически полностью уничтожили культурный слой и объекты памятника. Кроме того, при паводках и половодьях его территория неоднократно затапливалась водами Мокрого Индола, размывавшими отдельные участки поселения. Как отмечено выше, раскопана далеко не вся его площадь. Учитывая состояние сохранности и степень изученности памятника, полученную в ходе разведок и раскопок научную информацию о поселении Тууш 3 нельзя назвать исчерпывающей и полноценной.

Вероятно, гидрологические циклы реки, которые приводили к изменениям очертания ее древнего планового русла, обусловили образование на территории Тууша 3 двух разделенных этим руслом участков распространения культурного слоя. Локализовать данные участки, как сказано в статьях Д. С. Кравченко, удалось посредством стратиграфической траншеи и шурфа № 31 размерами 5 × 5 м, заложенных перед началом раскопок поселения (*Кравченко Д.*, 2018. С. 151; 2019. С. 117). Однако в техническом отчете о раскопках стратиграфическая траншея не упомянута, а относительно шурфов сообщается, что их было заложено 24. В связи с этим укажем важную для понимания общей планировки и планиграфических особенностей поселения деталь: признаки культурного слоя и археологический материал присутствовали отнюдь не во всех, а всего в девяти шурфах (*Кравченко Д.*, 2017. С. 20, 26–51, рис. 3; 8). В статьях об этом нет ни слова.

Для исследования участков с культурным слоем было заложено три раскопа общей площадью 10 235 кв. м. Раскоп 1 располагался в северо-восточной части поселения, раскоп 2 — на расстоянии 35 м к юго-западу от него (чтобы не повредить подземные коммуникации), а раскоп 3 вплотную примыкал к раскопу 2 с юго-запада (*Кравченко Д.*, 2018. С. 151, рис. 3; 2019. С. 117, рис. 3).

Снятие надматериковых отложений позволило авторам раскопок определить поселение Тууш 3 как многослойное, но как много слоев было выявлено, в каких частях раскопов и на какой площади — неясно. Сложно также разобраться, на какой глубине залегали и какую мощность имели прослеженные в профилях бортов и бровок квадратов стратиграфические контексты. Судя по техническому отчету, на раскопах 1 и 2 от уровня современной дневной поверхности выделены следующие слои: дерновый (светло-серого оттенка); пахотный (переотложенный аллювиальный суглинок светло-серо-коричневого оттенка, мешанный современной пашней); слой аллювиального суглинка (суглинок серо-коричневого оттенка, представляет собой следы старой плантажной распашки); культурный слой (суглинок темно-серого оттенка, с фрагментами керамики, костей животных, золы, печины, камней); археологический материк (плотный аллювиальный суглинок темно-коричневого оттенка) (*Кравченко Д.*, 2017. С. 21, 25).

[8] Отобранные в коллекцию археологические находки (300 ед.): лепная керамика, предметы из камня, кости / рога, бронзы, раковины моллюсков хранятся в фондах ГБУ РК «Историко-археологический музей-заповедник „Неаполь Скифский“» (Симферополь). Значительная часть фрагментов лепных керамических изделий из раскопа 3 была сдана М. Ю. Меньшиковым в местный музей при библиотеке с. Льговского. Эти материалы в настоящее время находятся в ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» и после реставрации, описания, фото- и графической фиксации будут переданы по месту хранения основной коллекции.

Из приведенного описания стратиграфии следует, что в девяти шурфах зафиксирован всего один, непосредственно лежавший на материке культурный слой, перекрытый аллювиальным суглинком. Аналогичным образом картина «почвенных и культурных напластований» на поселении дана и в статьях Д. С. Кравченко: «культурный слой перемежался стерильными аллювиальными суглинками» (*Кравченко Д.*, 2018. С. 153; 2019. С. 121). На самом деле системы напластований в шурфах отличались.

В частности, в шурфе № Б27 культурный слой (мощностью 0,25 м) располагался на глубине 0,30 м от современной дневной поверхности, перекрывая стерильный аллювий (мощностью 0,50 м), который лежал на материке (плотный аллювиальный суглинок) (*Кравченко Д.*, 2017. С. 36).

В остальных шурфах отмечена иная стратиграфия. Так, в шурфе № 330 под дерном (мощностью 0,05 м) залегал распаханный культурный слой (мощностью 0,30 м), перекрывавший еще один распаханный культурный слой (мощностью 0,50 м). Его подстилал лежавший на материке аллювий (мощностью 0,60 м) (*Там же*. С. 38). Подобная ситуация наблюдалась в шурфах № Л27 и У4 с той лишь разницей, что мощность каждого из двух контекстов переотложенного культурного составляла 0,30 м (*Там же*. С. 39, 48).

В шурфах № Ц13 и Ш8 культурный слой мощностью, соответственно, 0,50–0,60 и 0,60–0,80 м выявлен на глубине 0,55 и 0,45–0,65 м под слоем аллювия, он расположен на материковом суглинке (*Там же*. С. 44, 45). В шурфе № Х6 переотложенный культурный слой подстилал дерн, перекрывая аллювий (мощностью 0,25 м), под которым располагался еще один и довольно мощный (0,60–0,80 м) культурный слой (*Там же*. С. 47). В шурфе № Ш6 также под аллювием (мощностью 0,40 м) на глубине 0,75 м выявлен еще более мощный (0,80–1,00 м) культурный слой, который лежал на материке (*Там же*. С. 49).

Изложенное выше позволяет предполагать наличие на территории поселения Тууш 3 участков, в разных местах которых где-то имелся один культурный слой, а где-то — два. Глубина залегания этих культурных отложений отличается, а толщина заметно варьирует. Причем величины 0,6–0,8 и 0,8–1,0 м выглядят фантастически нереальными, так как на фото и чертежах профилей бортов и бровок квадратов в материалах к научному отчету культурные слои показаны в виде линз и прослоек мощностью от 0,025 до 0,100 м.

В своих статьях, характеризуя культурный слой на раскопе 1 (слой упомянут в единственном числе), руководитель проводившихся здесь полевых работ отметил, что он «представляет собой гумусированный суглинок светло-серого цвета, частично турбированный пашней XX в.» (*Кравченко Д.*, 2018. С. 151; 2019. С. 117). Ни уровень залегания, ни мощность данного культурного слоя не указаны. В этом «пахотном слое», как заявлено, исследовано «строение полуземляночного типа». Возможно, это и так, но по собственному опыту знаем, что не то чтобы исследовать, а выявить в неоднократно перемещенном почвенном горизонте остатки археологических объектов весьма затруднительно, тем более что в полевой документации ни о каком «строении полуземляночного типа» речь не идет.

При описании вымостки из камней с фрагментами костей человека, зачищенной в раскопе 1 на «глубине залегания культурного слоя» (снова упомянут один культурный слой), глубина этого культурного слоя от принятого для всего памятника репера (R^0) не отмечена, как и не указана его мощность.

Культурный слой в раскопе 2, о котором исследователь также пишет в единственном числе, по-прежнему не называя мощность, «представляет собой гумусированный суглинок светло-серого оттенка, погребенный под речными отложениями мощностью до метра». На глубине залегания культурного слоя, которая опять-таки не приводится, исследованы хозяйственная яма и жилища с очагами (*Кравченко Д.*, 2018. С. 151; 2019. С. 117). О том, что этот культурный слой перекрывал материк, в котором были выкопаны упомянутые археологические объекты, можно только догадываться.

В раскопе 3, по сведениям Д. С. Кравченко, на глубине залегания культурного слоя (снова единственного, без данных об уровне залегания и мощности) исследовано несколько комплексов, в том числе и объект 40 — каменная вымостка с каменным ящиком в центре (*Кравченко Д.*, 2018. С. 152, 153; 2019. С. 117, 120). Однако в коллективной работе М. Ю. Меньшикова, Ж. А. Юнкина и С. Ю. Внукова, посвященной объекту 40, прямо говорится, что на раскопе 3 выделено два культурных слоя, которые лежали на одном материковом аллювиальном горизонте в западном и центральном участках и были разделены аллювиальной прослойкой толщиной 0,2–0,3 м (*Меньшиков и др.*, 2021. С. 201).

Помимо стратиграфии многослойный характер памятника подтверждают и перекрывавшие

друг друга разноуровневые комплексы, выявленные среди приблизительно 150 открытых в раскопах разнотипных археологических объектов (жилищно-хозяйственных, производственных, погребальных). Так, контрольный прокоп стерильного аллювия, в который был впущен объект № 8 на раскопе 2, позволил проследить располагавшуюся под ним хозяйственную яму (*Кравченко Д.*, 2018. С. 153; 2019. С. 120, 121), а на раскопе 3 зафиксированы уже упоминавшийся объект № 40, являвшийся «одним из наиболее ранних на поселении», и объект № 49, «который относится к вышележащему более позднему культурному слою памятника» (*Меньшиков и др.*, 2021. С. 202, 203).

Неоднозначно решался и вопрос о культурной и хронологической принадлежности материалов поселения. В техническом отчете Д. С. Кравченко сделано заключение, что керамический комплекс памятника, представленный «лепной керамикой Кызыл-кобинской[9] культуры, предварительно датируется эпохой позднего бронзового — раннего железного веков, около XII–IV вв. до н. э.»[10] (*Кравченко Д.*, 2017. С. 26). С учетом этих новых сведений, полученных после окончания раскопок, первоначально установленная принадлежность поселения Тууш 3 к «раннему средневековью» (см. сноску 6) была пересмотрена. Согласно приказу Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым № 144 от 23.07.2018 г. «О внесении изменений в приказ Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым от 06.06.2017 № 95», выявленный объект культурного (археологического) наследия «Поселение Тууш 3» отнесли к «эпохе бронзы —античности (XII–IV вв. до н. э.)» (п. 1.1). С такой формулировкой и датой памятник фигурирует в учетных документах Департамента по охране культурного наследия Министерства культуры Республики Крым.

Казалось бы, уточненную хронологию Тууша 3 даже закрепили на государственном уровне, однако в дальнейших хронологических схемах Д. С. Кравченко датировки XII и IV вв. до н. э. уже не фигурировали. В своих публикациях без каких-либо комментариев, «бесстранично» сославшись на монографии Х. И. Крис (*Крис*, 1981) и Э. А. Кравченко (*Кравченко Е.*, 2011), он причислил памятник «к кизил-кобинской культурной общности», квалифицировав его в резюме к этим публикациям как «поселение эпохи бронзы» (*Кравченко Д.*, 2018. С. 151, 155; 2019. С. 117, 126) без уточнения, какого именно периода. Если в первой статье Тууш 3 предварительно датировался в пределах от X до VII в. до н. э. (*Кравченко Д.*, 2018. С. 155), то во второй — время функционирования поселения было на столетие уменьшено, с X по VIII в. до н. э. (*Кравченко Д.*, 2019. С. 121).

Подводя итоги, Д. С. Кравченко отнес поселение к числу «интереснейших памятников Восточного Крыма» и со ссылками (также без указания страниц) на книги А. М. Лескова (*Лесков*, 1965) и В. А. Колотухина (*Колотухин*, 1996) констатировал, что полученные материалы «позволяют проследить распространение кизил-кобинской культуры из предгорий в степную зону» (*Кравченко Д.*, 2018. С. 155; 2019. С. 121).

Авторы статьи об объекте № 40 на раскопе 3 культурную принадлежность поселения Тууш 3 прямо не указали, ограничившись формулировкой, что здесь «выявлено два периода освоения территории в кизил-кобинское время», и заявили довольно широкий хронологический диапазон памятника, который может быть датирован «концом II тыс. до н. э. — VIII/VII вв. до н. э.»[11] (*Меньшиков и др.*, 2021. С. 201).

Согласно приведенным данным, время бытования поселения Тууш 3 определялось очень по-разному: от финала бронзового века до «киммерийского» и скифского периодов раннего железного века, причем никто из исследователей памятника ни одну из абсолютных дат не обосновал фактическим материалом. На этом фоне удивляет их поразительная солидарность в вопросе культурной атрибуции поселения: кизил-кобинская культурная общность, кизил-кобинская культура, кизил-кобинское время. Из-за этого возникает иллюзия непрерывного существования поселения с позднего бронзового до раннего железного века, жителями которого в течение всего этого длительного периода были так называемые кизил-кобинцы. Это, конечно, не так. Отметим, что полученные при раскопках Тууша 3 артефакты, достоверно соотносимые с кизил-кобинской культурой, немногочисленны[12], тогда как почти

[9] Очевидно, в отчете допущена техническая опечатка, правильно «кизил-кобинской».

[10] Аргументация абсолютных дат указанных хронологических рамок в отчете отсутствует.

[11] В коллекционной описи материалов из раскопа 3 для всех находок указана дата IX–VI вв. до н. э.

[12] Наличие находок кизил-кобинской культуры позволяет сделать предположение о присутствии на поселении Тууш 3 ее носителей, хотя не исключено,

все остальные находки принадлежат белозерской археологической культуре, которая существовала в Крыму на заключительном этапе эпохи бронзы от середины XI до конца X в. до н. э. (*Колотухин*, 2003. С. 56, 57; *Тощев*, 2007. С. 209) или, по уточненным данным, — в пределах XII–X вв. до н. э. (с заходом в конец XIII в. до н. э. для ранних памятников) (Палеосреда…, 2024. С. 197–200, рис. I.1).

В такой ситуации время существования и культурную принадлежность поселения Тууш 3 можно попытаться установить, обратившись к полученным при раскопках находкам и прежде всего к лепной керамике. Это самая многочисленная их группа, которая является одним из важных критериев при датировании и достаточно надежным этнокультурным маркером[13]. Керамика Тууша 3 представлена грубыми кухонными (горшками, сковородами, цедилками) и лощеными столовыми (корчагами, мисками, кубками, ковшами, чашами) сосудами. В целом такой набор посуды присущ как белозерским, так и кизил-кобинским поселениям раннего периода, но соотношение категорий, морфология типов и виды орнаментации в них разнятся.

Примерно в равном соотношении в белозерских и кизил-кобинских материалах встречены узкогорлые корчаги с приземистым туловом, часто с разнообразными налепами, одноручные ковши и цедилки (см.: *Язиков, Власов*, 2024. С. 32, 33).

Горшки с валиком (расчлененным насечками или вдавлениями), один или оба конца которого опущены вниз, и низкобортные сковороды с пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю являются неотъемлемыми для белозерского керамического комплекса. В кизил-кобинской культуре они значительно более редки и известны только на ранних поселениях (*Колотухин*, 1996. С. 54, 55; *Власов*, 1997. С. 19, 20).

Для белозерской и кизил-кобинской культур также свойственны кубки, но если кизил-кобинские изделия обычно с рельефной или врезной орнаментацией, то белозерские ее лишены. Показательно, что все 20 кубков из коллекции Тууша 3 без орнамента, и многие из них — это специфически белозерские цилиндрошейные кубки, которые в кизил-кобинских комплексах начала железного века не зафиксированы (*Колотухин*, 2003. С. 57).

Весьма распространенными в кизил-кобинской культуре были чаши, которые ограниченно встречаются и на белозерских поселениях. Два взятых в коллекцию Тууша 3 фрагмента чаш имеют типично кизил-кобинский декор из врезных линий в виде направленных вершинами вниз треугольников и точечных вдавлений над ними. Д. С. Кравченко писал, что вдавленный и резной (тычково-резной) орнамент, который наряду с рельефным является датирующим элементом керамического комплекса поселения, присутствует в «большом количестве» (*Кравченко Д.*, 2018. С. 154; 2019. С. 121). Это не так. Экземпляры с врезным геометрическим орнаментом в материалах Тууша 3 редки. Причем важно, что во всех случаях этот декор нанесен орудием с одним заостренным рабочим концом. По заключению С. Н. Сенаторова, кизил-кобинская посуда, имеющая врезной орнамент, прочерченный одним острием, датируется VIII — первой половиной VI в. до н. э. (*Сенаторов*, 2002. С. 15, 18). Экземпляры с врезным орнаментом, нанесенным мелкозубчатой гребенкой, бытование которого охватывало вторую половину VI — первую половину IV в. до н. э., в материалах Тууша 3 отсутствуют.

Таким образом, кроме горшков, моделированных валиком с направленными вниз «усами», сковород и кубков, решающее значение при определении нижней хронологической границы поселения Тууш 3 временем бытования белозерской культуры (XII–X вв. до н. э.) имеет находка фрагмента рогового псалия с тремя расположенными в одной плоскости отверстиями[14].

С верхней хронологической границей ситуация сложнее по причине недостаточной разработанности хронологии кизил-кобинской культуры и отсутствия присущих только ей узко датируемых категорий инвентаря. Однако два бронзовых наконечника стрел, относящихся к VII–VI вв. до н. э., а главное, сосуды с кизил-кобинским орнаментом, нанесенным орудием с одним рабочим

что какие-то из обнаруженных артефактов, в частности и кизил-кобинских, могли попасть на поселение извне при паводках и половодьях.

[13] Специальный анализ керамического комплекса поселения Тууш 3 будет предпринят в отдельной работе. Здесь же сделан акцент на тех формах сосудов и видах декора, которые обладают хронологическими и культурными признаками.

[14] У экземпляра из Тууша 3 большое центральное отверстие овальной формы, крайние — маленькие круглые. Такие детали конской упряжи присущи только белозерским комплексам. Типологически близкие костяные трехдырчатые псалии, бытовавшие на первом этапе кизил-кобинской культуры, отличались наличием овальных отверстий одинакового размера (*Колотухин*, 1996. С. 53, 55, рис. 15, *21*; 27, *2*).

краем, определяют *terminus ante quem* памятника в интервале VIII–VI вв. до н. э.

Вертикальная и горизонтальная стратиграфия поселения Тууш 3, несмотря на масштабные объемы полевых работ, остается до конца не выясненной. Тем не менее имеются некоторые основания полагать, что на исследованной части памятника присутствовало несколько разных культурно-хронологических горизонтов.

Первый (нижний), самый ранний и основной, горизонт относится к позднему бронзовому веку. Он представлен культурным слоем, археологическими объектами и артефактами белозерской культуры. Правда, среди материалов из раскопа 3 встречены фрагменты посуды с орнаментом, свойственным сабатиновской культуре. Еще в XX в. при исследованиях поселений было отмечено, что провести четкую грань между этапами позднего бронзового века Крыма очень сложно (*Колотухин*, 2003. С. 57). Подтверждают это и недавние раскопки. Например, долговременный поселок скотоводов Багай 1 в Северо-Западном Крыму (*Горошников, Горошникова*, 2022; *Борисов и др.*, 2023. С. 19), согласно радиоуглеродному датированию в сопоставлении с анализом материалов, был непрерывно заселен от позднего этапа Ноуа — Сабатиновки до белозерской культуры, с XV до начала X в. до н. э. (*Кулькова и др.*, 2024). Поэтому не исключено, что на месте раскопа 3 располагалась древнейшая часть поселения Тууш 3 времени его основания.

Второй (средний) горизонт связан с находками посуды кизил-кобинской культуры раннего железного века, зафиксированными, кстати, не на всей территории памятника — на раскопе 3 они отсутствовали. Почти все сосуды обнаружены в культурном слое, но для кизил-кобинских поселений наличие накопившихся культурных отложений — большая редкость, а кизил-кобинские археологические объекты на Тууше 3 не выделены. Определить дату кизил-кобинского горизонта точнее, чем VIII–VI вв. до н. э., пока не представляется возможным.

Судя по всему, между первым и вторым культурно-хронологическими горизонтами существует временной разрыв, отмеченный на поселении их не совпадающими стратиграфическими и планиграфическими границами. Для окончательного вывода, конечно, нужен тщательный анализ всех групп артефактов с выяснением их археологических контекстов и локализации в раскопах.

В продолжение рассматриваемого вопроса обратимся к тезису, что материалы Тууша 3 отражают распространение кизил-кобинской культуры из предгорий в степную зону. Согласно И. Н. Храпунову, первые поселения этой культуры появляются в предгорном Крыму в VIII в. до н. э., а с VI в. до н. э. началось расселение ее носителей в разных направлениях (*Храпунов*, 2004. С. 45, 48, 53, 59). Но в этом случае кизил-кобинские находки из Тууша 3 должны были бы относиться ко времени более позднему, чем VI в. до н. э., что пока не находит подтверждения в археологических материалах.

Если принять во внимание сообщение Страбона (*Strabo*. VII. IV, 5) о том, что некогда «скифское племя тавров» занимало современный Крымский полуостров «до перешейка и Каркинитского залива» (см.: *Попова*, 2020. С. 164, 172), то более убедительной выглядит версия В. А. Колотухина о постепенном оттоке к началу железного века населения из степной части полуострова в горно-лесную (*Колотухин*, 2003. С. 57). Среди этих переселенцев, которые основывали первые населенные пункты кизил-кобинской культуры в предгорьях, вполне могли быть и прежние жители Тууша 3.

В связи с этим отметим еще один момент, косвенно подтверждающий сказанное выше: кизил-кобинский горизонт на Тууше 3 фиксирует, пожалуй, первый случай проживания тавров в несвойственных для них ландшафтно-топографических условиях — в пойме реки. В горно-предгорной части ранние кизил-кобинские поселения были основаны на естественно защищенных скальных мысах и обрывах, что можно объяснить обеспечением безопасности их обитателей в новой, незнакомой местности (*Крис*, 1981. С. 12). Более поздние поселения занимали отроги гор и склоны балок вблизи источников воды (*Колотухин*, 1996. С. 25), но ни одного поселка в подтопляемой зоне речных долин не зафиксировано.

Третий (верхний) и самый поздний горизонт средневекового времени, который был полностью уничтожен сельскохозяйственной деятельностью, выделяется по присутствию на дневной поверхности и в распаханном слое Тууша 3 фрагментов так называемой черепицы-татарки и покрытых глазурью гончарных сосудов[15].

Наконец, принимая во внимание результаты раскопок некоторых многослойных поселений, располагавшихся в затапливаемых прибрежных местах, нельзя исключать наличие на территории

[15] Точная датировка горизонта затруднительна, но нанесение на стенки гончарных сосудов поливы желтого, зеленого и коричневого с оттенками цветов практиковалось в Крыму с XIII по XVIII в.

Тууша 3 еще одного (нулевого) культурно-хронологического горизонта позднего мезолита или неолита (см.: *Гаврилов*, 2020. С. 117; *Родинкова*, 2019. С. 14). О его возможной фиксации в раскопе 3 свидетельствует обилие находок кремня (нуклеусы, орудия и отходы их производства)[16], которые присутствовали в нижнем культурном слое вместе с материалами позднего бронзового века. Видимо, основание поселения эпохи бронзы привело к разрушению слоя стоянки позднего каменного века и, как следствие, к перемешиванию разнородных материалов. Подтвердить или опровергнуть данное предположение смогли бы специалисты по кремневым индустриям после ознакомления с соответствующими артефактами.

Заключение

Обзор имеющихся в нашем распоряжении архивно-библиографических и археологических материалов, отражающих результаты разведок и раскопок поселения Тууш 3, позволяет внести в его первоначальную характеристику некоторые дополнения и уточнения. Отсутствие следов оборонительных сооружений позволяет отнести памятник к типу неукрепленных селищ. В процессе археологических работ установлен многослойный, разновременный и разнокультурный облик поселения, материалы которого соотносятся с культурно-хронологическими горизонтами, отражающими периоды жизни разных групп оседло-земледельческого населения Юго-Восточного Крыма в древности и средние века.

Ранний (нижний) горизонт и основной этап существования поселения связан с белозерской культурой (XII–X вв. до н. э.) позднего бронзового века. На раскопе 3, где зафиксировано два культурных слоя, возможно, располагался древнейший участок поселения, относящийся к еще позднему этапу сабатиновской культуры (XIII в. до н. э.). Судя по многочисленным и локально сконцентрированным на этом же раскопе находкам кремня (нуклеусам, орудиям, отщепам), вполне вероятно существование еще одного (нулевого) культурно-хронологического горизонта позднего мезолита или неолита.

Средний горизонт представлен немногочисленными материалами кизил-кобинской культуры раннего железного века (VIII–VI вв. до н. э.), с которой необоснованно отождествлялась культурная принадлежность поселения Тууш 3 в целом. Насколько позволяет судить нынешнее состояние источников, между этими горизонтами имеется временной хиатус.

Поздний (верхний) горизонт, полностью разрушенный антропогенной деятельностью XX в., относится к эпохе средневековья (XIII–XVIII вв.).

Присутствие на обширной территории Тууша 3 участков с не потревоженными распашкой контекстами одного, а также двух разделенных аллювиальными намывами Мокрого Индола культурных слоев позволяет предположить, что здесь было либо одно большое поселение, жители которого периодически покидали его, затем возвращаясь на прежнее место обитания, либо здесь существовали как минимум два разных не очень крупных асинхронных поселения: первое — однослойное, второе — двухслойное.

Для ответов на эти и многие другие вопросы предстоит проделать тщательную работу по сведению воедино представленных в отчетных материалах данных о стратиграфии и планиграфии памятника в целом и его отдельных участков, глубине залегания выявленных культурных напластований и археологических объектов с последующим соотнесением с ними обнаруженных находок и распределением по отдельным культурно-хронологическим горизонтам. Необходимы также систематизация и детальный анализ полученных археологических, палеоантропологических и фаунистических находок с использованием методов естественных наук, а в идеале — возобновление археологических полевых исследований на оставшейся нетронутой части территории поселения Тууш 3 с привлечением специалистов в области почвоведения, геологии, гидрологии, гео- и гидроморфологии, палеоботаники.

Дальнейшее изучение материалов раскопок поселения Тууш 3 позволит не только выявить его место среди других поселенческих структур белозерской культуры позднего бронзового века и прояснить ситуацию в решении проблемы генезиса кизил-кобинской культуры, но также пролить свет на социально-экономическую и общеисторическую ситуацию, которая сложилась в конце II — начале I тыс. до н. э. на Крымском полуострове и в Юго-Восточной Европе у живших там племен при переходе от позднего бронзового века к раннему железному.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2026 г.

[16] Их обнаружено более 100 экз., что значительно превышает количество образцов кремневых находок с двух других раскопов вместе взятых, и типологически они другие.

Борисов и др., 2023 — *Борисов А. В., Горошников А. А., Каширская Н. Н., Мимоход Р. А., Пинской В. Н., Потапова А. В., Смекалова Т. Н.* Почвенномикробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях // Нижневолжский археологический вестник. 2023. № 22 (1). С. 10–35.

Власов, 1997 — *Власов В. П.* О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности — 1996. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: Бизнес-Информ, 1997. С. 15–22.

Внуков, 2017 — *Внуков С. Ю.* Отчет об археологических наблюдениях на поселении Тууш 3 в Кировском районе Республики Крым в 2017 г. // Научно-отраслевой архив (НОА) ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61739. 108 л.

Гаврилов, 2020 — *Гаврилов А. В.* Поселение хоры античной Феодосии — Журавки 2, результаты исследований 2016 года // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 115–161.

Горошников, Горошникова, 2022 — *Горошников А. А., Горошникова З. В.* Предварительные результаты исследования поселения «Багай 1» в Северо-Западном Крыму в 2021 и 2022 гг. // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья: Материалы IV науч.-практ. конф., посв. 35-летию Черноморского историко-краеведческого музея и 25-летию создания историко-археологического заповедника «Калос Лимен» / Отв. ред. С. Б. Ланцов, Н. В. Куклева. Симферополь: Ариал, 2022. С. 202–218.

Колотухин, 1996 — *Колотухин В. А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке (этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.

Колотухин, 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Кравченко Е., 2011 — *Кравченко Е. А.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 272 с.

Кравченко Д., 2017 — *Кравченко Д. С.* Технический отчет о выполнении археологических научно-исследовательских работ (раскопок) на объекте археологического наследия «поселение Тууш-3», в период с июля по ноябрь 2017 г. // НОА ИА РАН. М., 2017. Электронная версия, без номера.

Кравченко Д., 2018 — *Кравченко Д. С.* Поселение Тууш 3 (Республика Крым, Кировский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 25). С. 150–155.

Кравченко Д., 2019 — *Кравченко Д. С.* Раскопки многослойного поселения Тууш 3 // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2 / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 117–127.

Крис, 1981 — *Крис Х. И.* Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Д 1-7). 128 с.

Кулькова и др., 2024 — *Кулькова М. А., Горошников А. А., Горошникова З. В., Стрельцов М. А., Маркова М. А.* Первые радиоуглеродные даты памятника позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // АВ. 2024. Вып. 43. С. 339–346.

Лесков, 1965 — *Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.

Меньшиков и др., 2021 — *Меньшиков М. Ю., Юнкин Ж. А., Внуков С. Ю.* Поселение Тууш 3. Раскоп 3. Объект 40: святилище или погребальная конструкция? // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы науч. конф. / Ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная. Севастополь: Антиква, 2021. С. 201–204.

Палеосреда…, 2024 — Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы — раннем железном веке: первые результаты исследований / Науч. ред. М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. 336 с.

Попова, 2020 — *Попова Е. А.* Проблема расселения тавров в отечественной историографии: письменные источники в археологии // Вестник Московского университета. 2020. Серия 8 «История». № 6. С. 162–180.

Родинкова, 2019 — *Родинкова В. Е.* Раскопки поселения Приморский Северо-Западное // Крым — Таврида… Т. 2 . М.: ИА РАН, 2019. С. 7–28.

Рукавишникова, 2016 — *Рукавишникова И. В.* Строительство и реконструкция автомобильной дороги Керчь — Феодосия — Белогорск — Симферополь — Бахчисарай — Севастополь (граница Бахчисарайского района). 2-й этап. Км 76+000 (начало участка по новому направлению в районе пос. Приморский) — км 126+000 (выход на а. д. Белогорск – Льговское в районе с. Льговское). Проектная документация. Раздел 10. Иная документация в случаях, предусмотренных Федеральными законами. Подраздел 2. Археологические изыскания. Ч. 1. Обеспечение сохранности объектов культурного наследия. Кн. 1. Текстовая часть 5-725-П-2-АИ-2.1.1. Т. 10.2.1.1. М., 2016 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51781. 115 с.

Рукавишникова, 2017 — *Рукавишникова И. В.* Отчет. Археологическое обследование земельного участка, попадающего в зону земляных работ на объекте: «Строительство и реконструкция автомобильной части дороги Керчь — Феодосия — Белогорск — Симферополь — Бахчисарай — Севастополь. 2-й этап. Км 76+000 (начало участка по новому направлению в районе пос. Приморский) — км 161+000 (выход на а. д. Белогорск — Льговское в районе с. Льговское)». 2016 г. Т. 8. М., 2017 // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51781. С. 81–87.

Садыкова и др., 2020 — *Садыкова Г. Э., Иваненко Т. А., Бабчинская И. А.* Обоснование использования рекультивируемых прудов-накопителей для повышения водообеспеченности вододефицитных территорий Крыма // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 1 (74). С. 24–35.

Сенаторов, 2002 — *Сенаторов С. Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.06 (археология) / ИИМК РАН. СПб.: [б. и.], 2002. 22 с.

Тощев, 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский нац. ун-т, 2007. 304 с.

Храпунов, 2004 — *Храпунов И. Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VI. 240 с.

Язиков, Власов, 2024 — *Язиков С. В., Власов В. П.* Поселение Стена 1 в Юго-Западном Крыму. М.: ИА РАН, 2024 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 31). 168 с.

On the characteristics of the Tuush 3 settlement in Southeastern Crimea

V. P. Vlasov[17]

Keywords: Crimea, Late Bronze Age, Early Iron Age, settlement, cultural layer, archaeological sites, artifacts

This article provides an overview of archival, bibliographic, and archaeological materials obtained during excavations at the Tuush 3 settlement near the village of Lgovskoye (Southeastern Crimea). It addresses several debated issues regarding the site's general characteristics and its cultural-chronological attribution. The settlement is identified as an unfortified, multi-layered site. Excavations in various sectors revealed — in areas undisturbed by plowing — one or two cultural layers, as well as overlapping archaeological finds at different depths. The early (lower) and primary occupation horizon is associated with archaeological cultures of the final Bronze Age — likely the late Sabatinovka (13th cent. BC) and Belozerka (12th–10th cent. BC) cultures. Judging by the finds of molded pottery featuring incised lines and punctate impressions — typical of the Kizil-Koba culture — the middle occupation horizon dates to the Early Iron Age (8th–6th cent. BC). The late (upper) stratigraphic horizon, which was completely destroyed by 20th-cent. human activity, dates to the Middle Ages (13th–18th cent.).

[17] Vladimir P. Vlasov — Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg; FSBSI Institute of Archaeology of Crimea of RAS, Simferopol; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru.

Предскифское погребение воина в подбое из могильника кобанской культуры Нижний Куркужин (Кабардино-Балкария)[1]

С. Б. Вальчак, Ю. В. Марченко[2]

Аннотация. *В статье детально проанализированы особенности погребального обряда и состава инвентаря (предметы вооружения и быта, украшения и детали костюма) захоронения воина (35–45 лет) в грунтовом могильнике Нижний Куркужин (Кабардино-Балкария). Отмечено, что конструкции с подбойными погребальными сооружениями и вытянутым положением погребенных находят абсолютные аналогии в предскифских впускных погребениях классического новочеркасского этапа (конец VIII — первая половина VII в. до н. э.).*

Ключевые слова: *Северный Кавказ, кобанская культурно-историческая область, предскифский период, погребальный обряд, вооружение*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-52-59

Могильник Нижний Куркужин расположен в западной части Баксанского района Кабардино-Балкарской Республики, в предгорной зоне на склоне террасы правого берега р. Куркужин, правого притока р. Малка, в 20 км к северо-западу от районного центра г. Баксан. Склон террасы, на которой располагается могильник, подвержен оползневым процессам (*Марченко*, 2023. С. 5, 10).

Погребение 2 (раскоп 2, 2023 г.)

Выявлено на глубине 1,00 м от уровня современной поверхности. В слое материка было зафиксировано пятно прямоугольной ямы с закругленными углами, заполненное почвенным слоем темного цвета. Размеры пятна на первом уровне фиксации — 1,70 × 0,65 м, у дна — 2,10 × 0,60 м (рис. 1, *I*). Яма была ориентирована по оси северо-восток–юго-запад. В заполнении на глубине 0,85 м лежали три бронзовые булавки, одна из них с витым стержнем.

Глубина грунтовой ямы составляла 1,10 м. На ее дне, шириной около 0,46 м, были зафиксированы мелкие фрагменты костей, вероятно, ребер. Вдоль восточного борта ямы отмечена полоса гумусированного слоя темного цвета шириной 0,20 м — заполнение погребальной камеры (подбоя). Здесь были обнаружены отдельные кости ребер человека. Размеры погребальной камеры: длина — 2,05 м, ширина — до 0,8 м, высота свода от дна камеры — ≈0,5 м. От дна входной ямы дно подбоя было отделено ступенькой высотой 0,15 м (рис. 1, *II*).

Погребенный был уложен на дно камеры подбоя вытянуто на спине, головой на юго-запад. Лицевая часть черепа направлена на восток. Руки были вытянуты вдоль туловища, кисти располагались у верхней части бедренных костей. Ноги вытянуты и сведены вместе стопами (рис. 1, *I*). По антропологическим данным скелет принадлежал мужчине в возрасте 35–45 лет.

Около черепа и на самих костях черепа находились бронзовые и стеклянные сдвоенные бусины (рис. 1, *I, 5*). Под черепом обнаружены бронзовые спиралевидные пронизи (рис. 1, *I, 4*). На левом крыле таза и верхней части левой бедренной кости лежал биметаллический кинжал (рис. 1, *I, 1*). Рядом с рукоятью кинжала находился кремневый скол без признаков расщепления (рис. 1, *I, 7*).

[1] Исследование проведено в рамках НИР ИА РАН по теме «Культуры и культурные общности Циркумпонтийской зоны и прилегающих областей в эпоху палеометалла и раннем железном веке: контакты, традиции и инновации» (№ НИОКТР 126011315523-4).

[2] Вальчак С. Б. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: valchaks@yandex.ru. Марченко Ю. В. — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; e-mail: marchenko@hermitage.ru.

© Вальчак С. Б., Марченко Ю. В., 2026

Справа под костями таза найден железный нож с изогнутой спинкой. На его черешке сохранились следы от деревянной рукояти (рис. 1, *I, 6*).

Рядом с костями левой руки, немного ниже локтя лежала бронзовая булавка и полусферическая бляшка со скрытой перегородкой на внутренней стороне. Еще две такие бляшки были обнаружены на костях таза с левой стороны (рис. 1, *I, 3*).

На дне погребения зафиксированы пятна органического тлена (рис. 1, *I, 8*). Одно пятно располагалось между костями левой руки и ребрами. Оно было круглое в плане, имело четкие границы и было выпуклым. Второе пятно органики было темнее по цвету и располагалось ниже левого крыла таза. Оно похоже на отпечаток в земле от какой-то ткани или кожи (*Марченко*, 2023. С. 5, 10).

Конструкция погребального сооружения

В могильнике Нижний Куркужин пять из 56 раскопанных в 2023–2025 гг. погребений оказались подбойными (*Марченко*, 2026. С. 171), включая публикуемое погребение 2, что можно считать уникальным явлением.

Подбойные сооружения являются второй по распространенности конструкцией среди впускных погребений предскифского времени в курганы эпохи бронзы степной зоны Юга Восточной Европы. При этом сооружения с вытянуто-овальной в плане входной ямой и камерой характерны для позднего, новочеркасского, этапа предскифского периода (*Тереножкин*, 1976. С. 93, 100; *Гошко, Отрощенко*, 1986. С. 168, 180, 181; *Махортых*, 2005. С. 54, 55, 98; *Вальчак*, 2018. С. 31).

Погребальное сооружение в виде входной ямы с подбоем до недавнего времени считалось абсолютно нехарактерной конструкцией для памятников любой из культур (западной, центральной и восточной) кобанской культурно-исторической области (КИО) Северного Кавказа. В своде «типов могил» западного варианта кобанской культуры подобная конструкция ни разу не зафиксирована (*Козенкова*, 1989. С. 74–79, табл. 3–13), в том числе и в предскифский период (конец IX — середина VII в. до н. э.). Отсутствуют подбойные конструкции погребальных сооружений и в предскифских комплексах на практически полностью раскопанных и детально опубликованных грунтовых кобанских могильниках Белореченский 2 (*Дударев*, 2004. С. 34) и Клин-Яр III (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 254–258) в Кисловодской котловине.

Положение погребенного

Несвойственным погребальному обряду кобанской КИО предскифского периода считалось

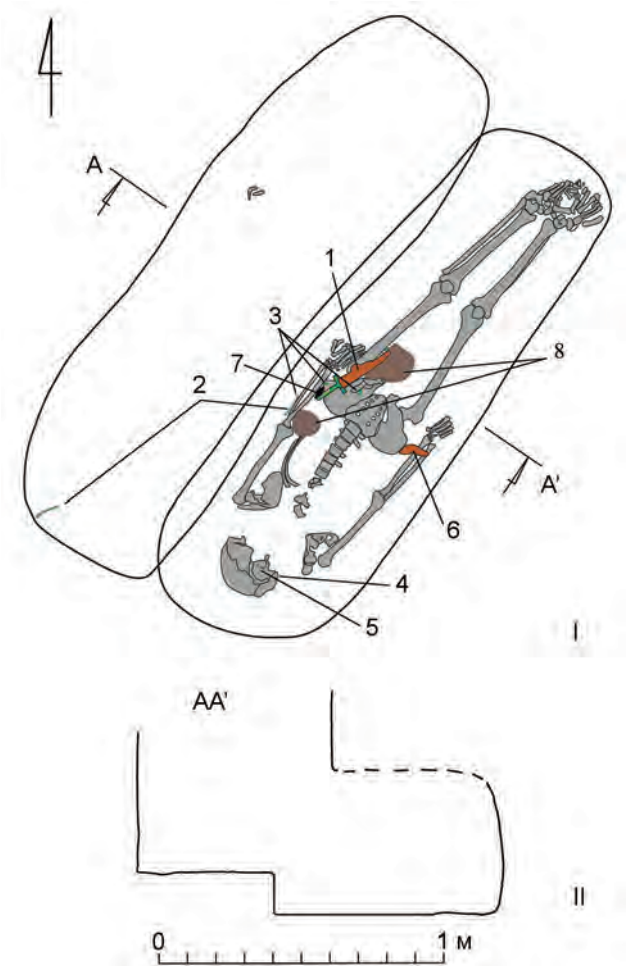

Рис. 1. Могильник Нижний Куркужин, погребение 2: *I* — план (*1* — кинжал; *2* — булавки бронзовые; *3* — бляшки бронзовые; *4* — пронизи бронзовые; *5* — бусы бронзовые, стеклянные, пастовые; *6* — нож железный; *7* — кремень; *8* — тлен органический); *II* — разрез

Fig. 1. Nizhny Kurkuzhin burial ground, grave 2: *I* — plan (*1* — dagger; *2* — bronze pins; *3* — bronze plaques; *4* — bronze piercing; *5* — bronze beads, glass, paste; *6* — iron knife; *7* — flint; *8* — organic decay); *II* — section

и вытянутое на спине положение погребенного. Вытянутые на спине или боку тела во впускных погребениях в курганах, как считает большинство исследователей, массово появляются в степях Восточной Европы на позднем, новочеркасском (позднечерногоровском), этапе предскифского периода (*Тереножкин*, 1976. С. 98, 201; *Гошко, Отрощенко*, 1986. С. 176, 180, 181; *Дубовская*, 1997. С. 182, 199–201; *Вальчак*, 2018).

Аналогичное погребению 2 вытянутое на спине положение скелета было отмечено еще в 39 из 47 захоронениях могильника Нижний Куркужин с достоверно прослеженным обрядом

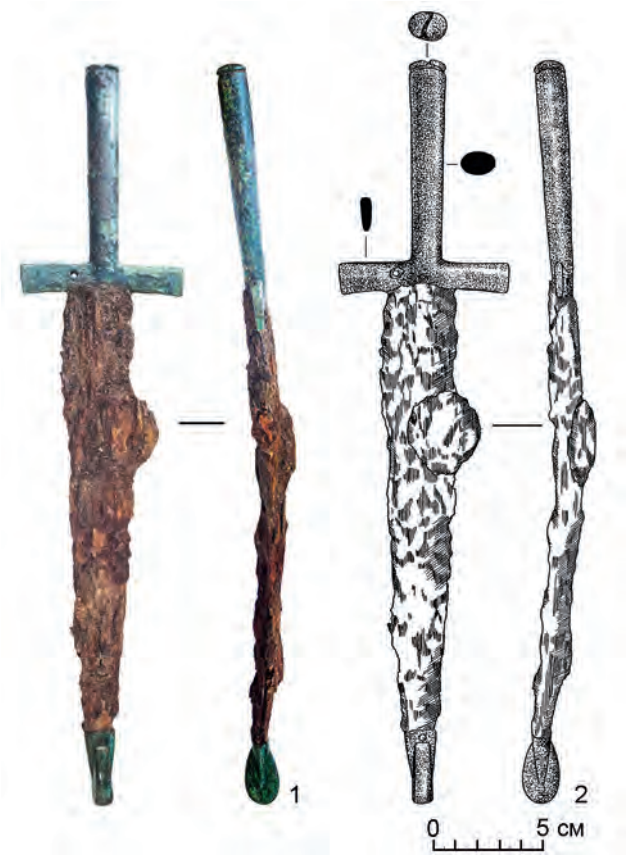

Рис. 2. Могильник Нижний Куркужин, погребение 2. Кинжал биметаллический (*1* — фотография; *2* — рисунок)

Fig. 2. Nizhny Kurkuzhin burial ground, grave 2. Bimetallic dagger (*1* — photo; *2* — drawing)

погребения (*Марченко*, 2026. С. 171). В. И. Козенкова привела 32 погребения с вытянутыми на спине скелетами в различных могильниках западного варианта кобанской культуры, проиллюстрировав лишь пять из них (*Козенкова*, 1989. С. 83, 84, 116–119, табл. 15; XXXVI, *4, 8–10*). Некоторые из этих комплексов не имеют надлежащей документации (например, 12 погребений Бык-горы) и не могут быть достоверно культурно атрибутированы. Еще 20 погребений из Минераловодского, Прикумского, Уллубаганалы 2, Султангорского 1 и других упомянутых исследовательницей могильников, судя по имеющимся как поверхностным, так и достоверным сведениям, содержали предметы вооружения и иные категории инвентаря, характерные для раннескифского периода. Исходя из этого, они могут быть датированы не ранее конца VII, но преимущественно в пределах VI–IV вв. до н. э. (например, см.: *Рунич*, 1964. С. 3, рис. 2, *3–7*; *Виноградов, Рунич*, 1969. С. 107–111, рис. 14; *Березин, Прокопенко*, 2024. С. 30, 31, 42–45, рис. 73; 80, *Б*; 83, *А*).

При этом интересно отметить, что погребения с вытянутыми на спине скелетами с характерным инвентарем предскифского времени, преимущественно VIII — первой половины VII в. до н. э., были исследованы в кобанском грунтовом могильнике Заюково-3 у слияния рек Гунделен и Баксан в Баксанском районе Кабардино-Балкарии (*Кадиева и др.*, 2020а; 2020б; 2024а. С. 24, 25, рис. 2; 3). Такие захоронения совершены в различных по конструкции погребальных сооружениях: по данным на 2019 г. их насчитывалось 20 из 43 комплексов с достоверно прослеженным положением погребенного (*Кадиева*, 2021. С. 113, 114). Обращает на себя внимание, что могильники Нижний Куркужин и Заюково-3 находятся на расстоянии около 20 км друг от друга (по прямой, по оси юго-запад–северо-восток) и отделены предгорными возвышенностями и хребтами водораздела друг от друга.

Таким образом, в двух кобанских могильниках левобережных притоков р. Баксан мы наблюдаем не менее 60 захоронений предскифского времени с вытянутыми на спине скелетами, которые были зафиксированы в 90 погребальных комплексах с достоверно прослеженными особенностями погребального обряда. Инвентарь всех этих погребений и планиграфия со стратиграфией в структуре обоих памятников не оставляют сомнений в их принадлежности к кобанской КИО. Следует отметить, что раскопки могильников Нижний Куркужин и Заюково-3 еще далеки от завершения, то есть количество подобных примеров может увеличиться.

Погребальный инвентарь

1. *Кинжал биметаллический*, имеет бронзовую овальную в сечении рукоять с прямой гардой и отверстием в одном из ее крыльев (рис. 2). Крылья гарды прямые в верхней грани и незначительно вогнутые к рукояти в нижней, подтреугольные в сечении и несколько расширяются к внешним концам. Рукоять расширяется от гарды к верху. Навершие рукояти было рельефно обозначено углубленной линией по окружности еще на стадии изготовления модели для отливки. Неровная углубленная линия была прорезана и по верхней плоскости навершия. Клинок кинжала выполнен из железа и был сильно корродирован. На клинке сохранился пропитанный окислами тлен от деревянных ножен.

На одной стороне ножен, несколько выше середины их длины и сдвинутый вбок, был

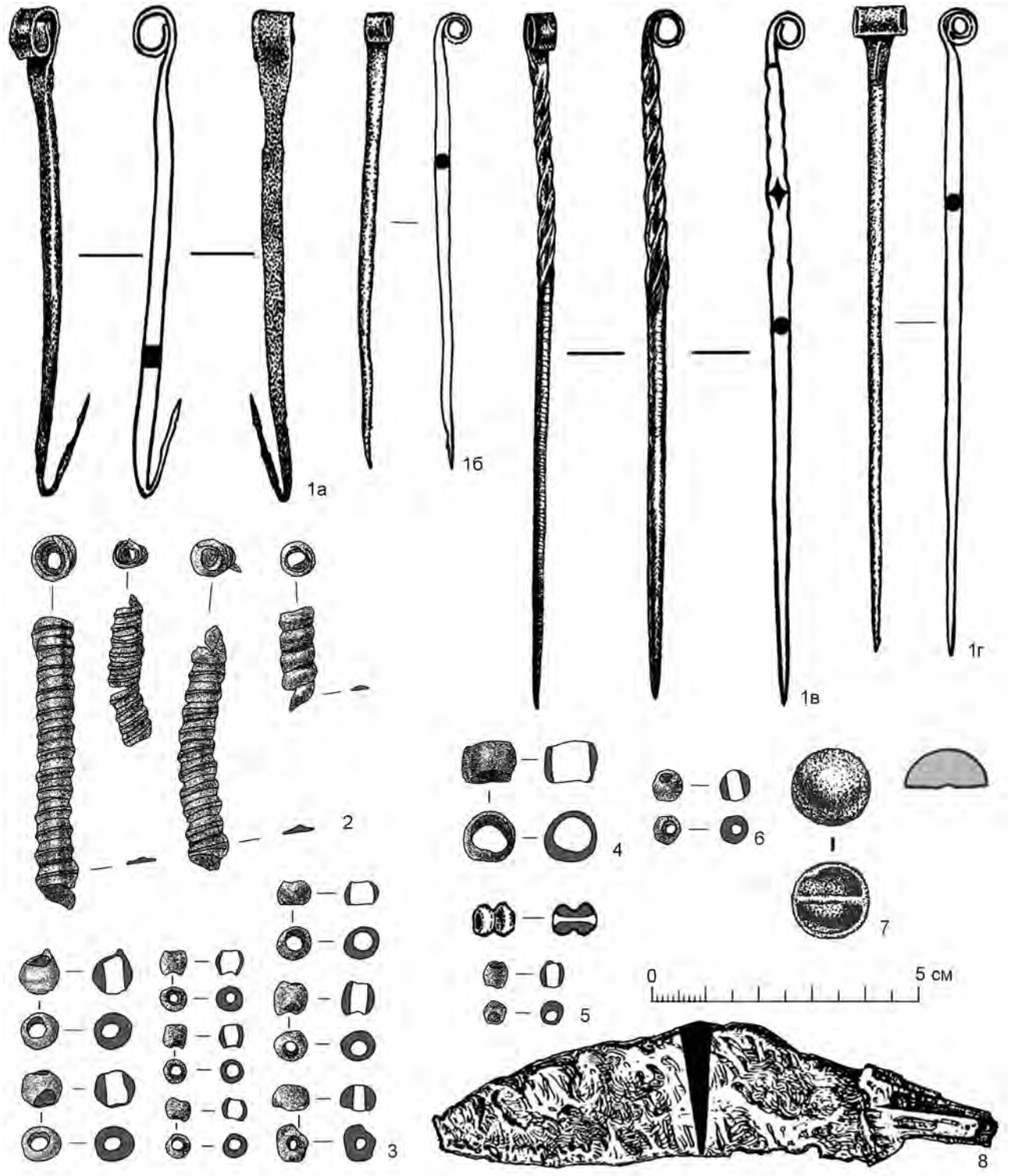

Рис. 3. Могильник Нижний Куркужин, погребение 2. Инвентарь погребения: *1а–1г* — булавки; *2* — пронизи спиральные; *3* — бусы биконические; *4* — бусина цилиндрическая; *5* — бусина сдвоенная; *6* — бисер; *7* — бляшка; *8* — нож. *1–4, 7* — бронза; *5* — стекло; *6* — паста; *8* — железо

Fig. 3. Nizhny Kurkuzhin burial ground, grave 2. Burial equipment: *1a–1г* — pins; *2* — spiral piersing; *3* — biconic beads; *4* — cylindrical bead; *5* — double bead; *6* — beads; *7* — plaque; *8* — knife. *1–4, 7* — bronze; *5* — glass; *6* — paste; *8* — iron

зафиксирован сильно корродированный округлый выпуклый выступ, возможно, являвшийся их деталью, украшением или элементом портупеи, служившей для подвешивания кинжала. На конце ножен находился бронзовый «весловидный» наконечник-бутероль с отверстием для крепления к их деревянной основе. К особенностям кинжала помимо необычного оформления навершия относится и расположение отверстия в гарде практически у самой рукояти (обычно отверстия располагаются у краев одной или двух лопастей гарды-перекрестия).

Найденный в погребении 2 могильника Нижний Куркужин кинжал имеет типичные признаки колюще-режущего оружия предскифского периода (отдел 1, подотдел 1, группа 1, тип 1, подтип 2, вариант 1, подвариант 3, по С. Б. Вальчаку). Необычным является отсутствие у рассматриваемого кинжала характерного для большинства изделий 1-го отдела «грибовидного» навершия рукояти, которое в основном имеет полусферическую форму. Подобные кинжалы, несколько различающиеся в деталях оформления эфесов, чрезвычайно характерны для памятников кобанской КИО начиная с конца IX, но преимущественно в VIII — первой четверти VII в. до н. э. Достаточно часто встречаются они в протомеотских памятниках Северо-Западного Кавказа (*Эрлих*, 2007. С. 85–87), а также в степной и лесостепной зонах Восточной и Средней Европы (*Тереножкин*, 1976. С. 107–112).

Не менее характерны для подобных кинжалов и бронзовые «весловидные» наконечники ножен, подобные найденному в погребении 2 могильника Нижний Куркужин (*Вальчак*, 2008. С. 6–19, рис. 1, *1, 6*; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 330–333; *Вальчак и др*., 2025. С. 158, 159, 179, рис. 3, *1–3*).

2. *Булавки бронзовые* с округлым в сечении и гладким стержнем (2 экз.). Навершие каждой сформировано из раскованного в пластину верхнего конца стержня, загнутого в трубочку в два и полтора оборота. Сечение у острия округлое. Длина булавок — 12,0 и 8,4 см, сечение — 0,4 и 0,3 см (рис. 3, *1б, 1г*).

3. *Булавка бронзовая* с гладким стержнем квадратного сечения и раскованным в пластину навершием, загнутым в один оборот. Сечение у острия квадратное. Острый конец булавки был преднамеренно изогнут. Длина — 9,3 см, сечение — 0,4 × 0,5 см (рис. 3, *1а*).

4. *Булавка бронзовая с* витым стержнем в верхней части и четырехгранным сечением. Навершие расковано в пластину и загнуто в один оборот. Сечение у острия округлое. Длина — 13,2 см, сечение — 0,5 см (рис. 3, *1в*).

Булавки всех описанных вариантов (тип VI, по В. И. Козенковой) являются наиболее характерным аксессуаром костюма западной кобанской культуры и имеют широкий диапазон бытования: от VIII до VI–V вв. до н. э. включительно (*Козенкова*, 1998. С. 65, 66; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 367). С вытянутым на спине погребенным они встречены в комплексе мужского захоронения 28 могильника Заюково-3 (*Кадиева и др*., 2020б. С. 166–174, рис. 2). Кроме того, аналогичные булавки известны в комплексе 79 с погребенным в скорченном положении на могильнике Заюково-3, в котором находились железные булавки и бронзовые панцирные пластины, по форме нехарактерные для памятников предскифского периода (*Кадиева и др*., 2024б. С. 133–142, рис. 1–4).

5. *Бляшки бронзовые* с полусферическим щитком и скрытой петлей-пластинкой на обороте (3 экз.) (рис. 3, *7*). Диаметр — 1,5 см, высота — 0,7 см. Относятся к варианту I типа II, по типологии В. И. Козенковой. Это одно из самых распространенных украшений костюма западной кобанской культуры, преимущественно встречающееся в комплексах VIII–VII вв. до н. э. (*Козенкова*, 1998. С. 36, 37). Подобные бляшки были встречены при вытянутом на спине погребенном в мужском комплексе 28 могильника Заюково-3 (*Кадиева и др*., 2020б. С. 166–172, рис. 2, *1–6*). Не исключено, судя по расположению бляшек, что в публикуемом погребении они являлись украшением портупеи или пояса для подвешивания кинжала.

6. *Пронизи бронзовые*, цилиндрические, спиралевидные (4 экз.) (рис. 3, *2*). Скручены из длинной пластины подтреугольного сечения. Длина пронизей различна, они частично фрагментированы. Размеры по окружности от 0,2 × 0,5 до 0,6 × 1,2 см. Подобные пронизи встречаются в памятниках кобанской КИО в различных регионах Кавказа как украшения одежды и головного убора, как составные части ожерелий, накосников, вероятно, употреблялись и по иному назначению в VIII–VII вв. до н. э. (*Козенкова*, 1998. С. 76). С вытянутым на спине погребенным были найдены в районе головы (как и в публикуемом здесь погребении 2) в воинском погребении 60 могильника Заюково-3 второй половины VIII — рубежа VIII–VII вв. до н. э. (*Кадиева и др*., 2020а. С. 57, 62, 64, рис. 2, *12*).

7. *Бусы бронзовые* усеченнобиконические (15 экз.) (рис. 3, *3*). По диаметру разделяются на две группы: от 0,5 × 0,6 см до 0,9 ×0,7 см; диаметры отверстий — от 0,3 до 0,5 см.

8. *Бусина бронзовая* округлоцилиндрическая. Размеры — 1,0 × 0,8 см, диаметр — 0,7 см (рис. 3, *4*).

Бронзовые бусы — довольно распространенная категория украшений, которая встречается в декоре предметов одежды и составе ожерелий в погребениях различных культур кобанской КИО широкого хронологического диапазона. Традиция производства и использования данной категории украшений берет начало в позднем бронзовом веке, а их округлоцилиндрические и усеченнобиконические экземпляры встречаются на памятниках Юга Восточной Европы вплоть до конца VII в. до н. э.

9. *Бусы стеклянные* сдвоенные (2 экз.) (рис. 3, *5*). Размеры — 0,9 × 0,8 см, диаметр отверстия — 0,2 см.

10. *Бисер пастовый* (непрозрачное стекло) (4 экз.), цилиндрический, диаметром 0,1 см с отверстиями диаметром 0,05 см (рис. 3, *6*).

Стеклянные и пастовые бусы, а также бисер неоднократно встречаются в погребениях западной кобанской культуры. Вопросы о времени и обстоятельствах их появления в кобанских комплексах не разработаны. Тем не менее стеклянные бусы любой формы в кобанских погребениях, которые могут быть достоверно датированы ранее второй половины VIII в. до н. э., нам неизвестны (*Кадиева и др*., 2020в. С. 175, 176, рис. 4, *1, 2*).

11. *Нож железный* с выгнутой спинкой и коротким черешком, отделенным уступом со стороны лезвия (рис. 3, *8*). Длина — 10,2 см, ширина лезвия — 2,5 см, толщина спинки — 0,5 см. Нож может быть отнесен ко 2-му подтипу типа II и датирован VIII–VI вв. до н. э. (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 300, 301, рис. 234). В захоронениях с вытянутыми на спине скелетами такие ножи отмечены в погребениях 44 и 60 могильника Заюково-3 (*Кадиева и др*., 2020а. С. 57, рис. 4, *14*; 2020б. С. 175, рис. 3, *IV*).

12. *Кремень* — кусок минерала без признаков расщепления и обработки — найден в заполнении погребения. Куски кремня, отщепы и орудия из него встречаются в составе инвентаря погребений конца эпохи бронзы и начала раннего железного века не часто, но также не эпизодически (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 266; *Вальчак и др.*, 2025. С. 178, 179, рис. 7, *2, 3*).

13. *Органический тлен*. Прослеженные в погребении 2 пятна органического тлена интерпретировать сложно (рис. 1, *I, 8*). Выпуклое пятно у левой руки, возможно, являлось остатками деревянного сосуда, перевернутого вверх дном. Данный объект был изъят и законсервирован реставраторами Гос. Эрмитажа для дальнейшей работы. Пятно, которое располагалось ниже левого крыла таза и под кинжалом, вполне вероятно, могло быть остатками сумки или деталью одежды.

Выводы

1. В результате раскопок 2023–2025 гг. на могильнике Нижний Куркужин впервые в изучении кобанской КИО Северного Кавказа зафиксированы подбойные погребальные конструкции предскифского периода, состоящие из входной ямы и погребальной камеры в одной из длинных стенок сооружения. Подобные конструкции неизвестны в других памятниках кобанской КИО.

2. В могильнике Нижний Куркужин массово найдены захоронения с вытянутыми на спине скелетами с характерным для западной кобанской культуры погребальным инвентарем, относящимся к предскифскому периоду (VIII — первая половина VII в. до н. э.).

3. Количество погребений с вытянутыми на спине скелетами в могильнике Нижний Куркужин составляет 85 % общего количества информативных погребений (40 из 47) по сравнению с захоронениями в скорченной на правом или левом боку позиции, традиционной для культур кобанской КИО.

4. По частоте встречаемости ситуация соотношения погребений с вытянутыми на спине скелетами кобанской культуры предскифского времени (20 из 43) к могилам с традиционным скорченным положением тел также была зафиксирована в относительно близко расположенном могильнике Заюково-3.

5. Подбойные конструкции погребальных сооружений и вытянутое на спине положение погребенных в упомянутых могильниках западной кобанской культуры находят полные аналогии в предскифских впускных захоронениях новочеркасского этапа степной зоны Юга Восточной Европы. Вопросы об их полной или частичной синхронизации, как и эпицентре появления рассмотренных признаков погребального обряда, пока остаются открытыми.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2026 г.

Белинский, Дударев, 2015 — *Белинский А. Б., Дударев С. Л.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн студия Б, 2015. 446 с.

Березин, Прокопенко, 2024 — *Березин Я. Б., Прокопенко Ю. А.* Минераловодский могильник VI–IV вв. до н. э. Ставрополь; М.: СКФУ, 2024. 136 с.

Вальчак, 2008 — *Вальчак С. Б.* Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н. э.) // Военная археология. Сб. материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 6–25.

Вальчак, 2018 — *Вальчак С. Б.* Предскифские погребения в подбоях на Нижнем Дону и в Поволжье // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики: Тезисы докладов / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН, 2018. С. 31–32.

Вальчак и др., 2025 — *Вальчак С. Б., Крутоголовенко К. А., Кудрявцев Е. А.* Погребения с предметами вооружения некрополя Грушевского городища // Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы / Отв. ред. А. А. Клещенко, М. Т. Кашуба. М.: ИА РАН, 2025. С. 156–182.

Виноградов, Рунич, 1969 — *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1969. Т. III. С. 95–135.

Гошко, Отрощенко, 1986 — *Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1. С. 168–183.

Дубовская, 1997 — *Дубовская О. Р.* Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк: Донецкий краеведческий музей, 1997. № 6. С. 181–218.

Дударев, 2004 — *Дударев С. Л.* Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Армавир: Армавирский гос. пед. ун-т, 2004. С. 15–100.

Кадиева, 2021 — *Кадиева А. А.* Погребальный обряд населения Баксанского ущелья предскифского времени (по материалам могильника Заюково-3) // Эпоха всадников на Северном Кавказе. К 90-летию В. Б. Ковалевской / Ред. З. Х. Албегова, Д. С. Коробов, А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2021. С. 111–124.

Кадиева и др., 2020а — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Погребение предскифского времени с колчанным набором из могильника Заюково-3 // Историко-археологический альманах. Вып. 15 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИА РАН; АКМ, 2020. С. 57–65.

Кадиева и др., 2020б — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 165–180.

Кадиева и др., 2020в — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Заюково-3 // КСИА. 2020. Вып. 261. С. 166–181.

Кадиева и др., 2024а — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Погребения с бронзовыми копьями на могильнике Заюково-3 // Открытия и успехи Кавказской археологии / Отв. ред. В. Ю. Малашев. М.; Нальчик: ИА РАН; КБНЦ, 2024. С. 23–34.

Кадиева и др., 2024б — *Кадиева А. А., Вальчак С. Б., Демиденко С. В.* Погребение с бронзовыми пластинами финала предскифской эпохи из могильника Заюково-3 // КСИА. 2024. Вып. 274. С. 132–143.

Козенкова, 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989 (САИ; Вып. В2-5). 196 с.

Козенкова, 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Т. 5. М.: ИА РАН, 1998 (САИ; Вып. В2-5). 200 с.

Марченко, 2023 — *Марченко Ю. В.* Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник Нижний Куркужин» в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики в 2023 году // Отдел полевых исследований ИА РАН. № 3096. 156 с.

Марченко, 2026 — *Марченко Ю. В.* Подбойное захоронение ребенка в кобанском могильнике у села Нижний Куркужин // Археологические исследования Северного Кавказа в XIX — начале XXI века: традиции и инновации: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения» / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2026. С. 171–172.

Махортых, 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005 (Bibliotheca Vita Antiqua). 380 с.

Рунич, 1964 — *Рунич А. П.* Отчет о полевых исследованиях по району Кавминвод за 1964 год // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 2869. 24 с.

Тереножкин, 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 225 с.

Эрлих, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

The pre-Scythian burial of a warrior in a chamber grave from the burial ground of the Koban culture Nizhny Kurkuzhin (Kabardino-Balkaria)

S. B. Valchak, Yu. V. Marchenko[3]

Keywords: North Caucasus, Koban cultural and historical region, pre-Scythian period, funeral rite, armament

The Nizhny Kurkuzhin burial ground is located in the western part of the Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic. Geographically, it is located in the foothill zone, on a terraced slope along the right bank of the Kurkuzhin River. Grave 2 was discovered at a depth of 1 m from the level of the modern surface. The depth of the entrance pit was 1.1 m. A burial chamber was located along the eastern side of the pit. The buried man was lying at the bottom of the burial chamber, stretched out on his back, with his head facing southwest. His arms were stretched out at his sides. The skeleton belonged to a man aged 35–45 years. A dagger with an iron blade, a bronze hilt and a scabbard tip was found in the burial. Bronze jewelry was represented by pins, that decorated the headdress with beads made of bronze and glass, as well as spiral piercing inserts. The warrior's belt was decorated with bronze plaques, an iron knife and a piece of flint lay next to it. Such constructions of burial structures for the Kobani culture are unique and were found only at the Nizhny Kurkuzhin burial ground. The number of burials with skeletons stretched out on their backs in the Nizhny Kurkuzhin burial ground accounts for 40 out of 47 total number of informative burials. The structures with chamber burial structures and the elongated position of the buried find absolute analogies in the pre-Scythian entrance burials of the classical Novocherkassk stage (late 8th — first half of the 7th cent. BC) of the steppe zone of southern Eastern Europe. Questions about their complete or partial synchronization, as well as about the epicenter of the appearance of the considered signs of the funeral rite, remain open.

[3] Sergey B. Valchak — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: valchaks@yandex.ru. Yuliya V. Marchenko — The State Hermitage Museum, St. Petersburg; e-mail: marchenko@hermitage.ru.

Образ всадника в коропластике Кушанского царства[1]

В. Л. Денисенко[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются терракотовые статуэтки всадников из памятников Бактрии, Согда и Северной Индии с конца II в. до н. э. по IV в. н. э. Эта категория находок связана с адаптацией традиций кочевого населения к оседлому образу жизни. Цель состоит в уточнении их хронолого-типологических особенностей и степени распространения на территории Кушанского царства. Представленная типология может быть использована для уточнения времени создания статуэток из подъемных сборов и беспаспортных находок.*

Ключевые слова: *коропластика, терракотовые статуэтки, всадники, Кушанское царство, миграции, номадизм, Бактрия, Северная Индия*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-60-73

Введение

Одним из сюжетов раннего железного века, характеризующих процессы ассимиляции кочевых народов с оседло-земледельческой средой, является широкое распространение терракотовых статуэток всадников. На территории западной части Центральной Азии они массово распространяются с IV–III вв. до н. э. в кочевых политиях Кангюя и Парфянском царстве (*Никоноров*, *Аржанцева*, 2021. С. 235). На территории Северной Бактрии в греко-бактрийских слоях Ай-Ханум (IV–III вв. до н. э.) обнаружены несколько фрагментированных изделий как в «храме с уступами», так и за его пределами (*Francfort*, 1984. Pl. XVI). А.-П. Франкфор отмечает малочисленность статуэток всадников в греко-бактрийских культурных слоях по сравнению с их количеством на памятниках кушанской Центральной Азии, а также то, что материалы коропластики наряду со скульптурой Ай-Ханум свидетельствуют о рождении[3] школы, которая в дальнейшем получила развитие в Кушанском царстве (*Ibid*. P. 41).

Кушанское царство, простиравшееся от берегов Окса до Ганга, объединило части Центральной Азии и Северной Индии в единое государственное образование. При оседании кушан в городских центрах степные традиции оставляли отпечаток на их культуре. В поселенческих памятниках Бактрии и Северной Индии юэчжийско-раннекушанского, великокушанского и позднекушанского/кушано-сасанидского периодов (конец II в. до н. э. — начало IV в. н. э.) терракотовые статуэтки всадников на конях представлены довольно массовым материалом (см.: *Пидаев*, 1978. С. 47–49; *Альбаум*, 1960. С. 33–35; *Пилипко*, 1985. С. 151; *Литвинский*, *Седов*, 1983. Табл. XXIV; *Массон*, 1986. С. 259–260; *Завьялов*, 2008. С. 97; *Тихонов*, 2020; *Довуди*, *Шарифзода*, 2019. С. 107, 115). Особый вклад в их изучение внесли Г. А. Пугаченкова и Х. Ю. Мухитдинов (*Пугаченкова*, 1965; *Мухитдинов*, 1980). Стоит отметить монографию Н. Д. Двуреченской, где представлен довольно обширный свод терракотовых статуэток Средней Азии (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), а также их подробный историографический и статистический анализ (*Двуреченская*, 2016а).

[1] Исследование выполнено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru.

© Денисенко В. Л., 2026

[3] Изготовление терракотовых статуэток было широко распространено с раннего бронзового века в Среднеазиатском междуречье, к началу раннего железного века относится его упадок, а на эллинистическое время приходится расцвет коропластики, но с другим набором сюжетов и иной техникой изготовления (*Пугаченкова*, 1991).

Однако до сих пор не изучена динамика развития форм изделий в совокупности с их происхождением из археолого-стратиграфических комплексов. В ходе статьи рассмотрим терракотовые статуэтки конных всадников с применением типологического и стратиграфического анализа для уточнения их хронологических[4] особенностей и степени распространения на территории Кушанского царства. Источниковой базой выступят изделия, обнаруженные в памятниках Бактрии (Халчаян, Мирзакултепа, Саксонохур, Кампыртепа, Айртам, Дальверзинтепа, Дильберджин, Мирзабек-кала, Чопли-депе, Зартепа, Сайед), Согда (Пайкенд, Китаб, Бухара IV) и Северной Индии (Сар Дхери, Таксила, Сиркап, Каушамби).

Юэчжийско-раннекушанский период (конец II в. до н. э. — I в. н. э.)[5]

Опорным поселенческим памятником данного периода в Бактрии является Халчаян. Благодаря богатому художественному оформлению дворца, нумизматическим находкам в совокупности с их стратиграфическим положением Г. А. Пугаченковой установлено, что основание дворца Халчаян и ряда отдельных жилых построек относится ко времени правления юэчжийско-гуйшуанского царя Герая (I в. до н. э.) (*Пугаченкова*, 1966. С. 189–191). В юэчжийско-раннекушанских слоях памятника, как самого дворца, так и жилых построек, обнаружены многочисленные статуэтки всадников размерами от 5 до 10 см, большая часть которых сильно повреждена (рис. 1, *1а, 1б, 2а, 2б*). Они представлены в сидячих позах с дугообразно раздвинутыми ногами. Вылеплены вручную довольно схематично — черты лица сформированы защипами, передающими западания глазниц, острый нос и подбородок, а глаза — круглыми налепами. На некоторых статуэтках виден остроконечный головной убор с оторочкой по краю. Туловище вылеплено обобщенно, без детализации анатомических форм и элементов одежды. Изделия сделаны из очень плотного красноватого керамического теста со следами коричнево-малинового ангоба. Аналогичный экземпляр обнаружен в раннекушанских слоях Сар Дхери в Гандхаре, только здесь глаза прочерчены и подведены (рис. 1, *3*). Также похожие статуэтки всадников в остроконечных головных уборах найдены на ряде памятников как подъемный материал (*Довуди*, *Шарифзода*, 2019. Рис. 1а; *Тихонов*, 2020. Рис. 1, *2*). Отметим, что подобные головные уборы начинают изображаться на монетах Куджулы Кадфиза как с заостренным, так и закругленным навершием (*Cribb*, *Bracey*, 2025. P. 381, 382).

Особый интерес представляет крупный фрагмент фигурного сосуда, обнаруженный в помещении 5 Западного дома (Халчаян, Ханакатепа), между полами периодов III и III-а, что определяет его датировку промежутком между I в. до н. э. — I–II вв. н. э. (рис. 1, *4*) (*Пугаченкова*, 1966. С. 229). Сосуд имеет конусовидное полое изнутри тулово, несущее подобный же резервуар. Общая высота фрагмента 10,8 см. На основание были прикреплены еще до обжига три сидящие лепные человеческие фигурки (высотой 7,5 см), нижние выступы которых образовывали как бы три ножки сосуда. Одна из статуэток сбита вместе с участком днища, но виден след ее прикрепления, от второй осталась лишь нижняя часть, третья сохранилась целиком и выполнена в той же стилистике и технике, что и отдельные фигурки всадников.

Кроме того, на полу дворца Халчаян в основном центральном зале найдены фрагментированные статуэтки лошадей со следами прикрепления всадников, в помещении 8 — одна фигурка, в жилых постройках — еще несколько (рис. 2, *3–7*) (*Пугаченкова*, 1966. Рис. 42). Изображения лошадей объединяет дугообразно переданная подстриженная грива с выступом челки на лбу. Ноги лошадей широко расставлены, видимо, для большей устойчивости.

На памятнике Мирзакултепа в слоях раннекушанского периода жилых построек обнаружены аналогичные изделия (рис. 2, *8, 9*). На одной статуэтке сохранилась нижняя часть всадника на лошади, благодаря чему видно, что он изготовлен отдельно и после прикреплен, а место прикрепления сглажено. Такой же тип статуэток распространяется в Согде. В Бухаре 4 в слое периода Бухара 3 (рубеж эр) обнаружен сильно фрагментированный конек со следами крепления всадника и конек без всадника (*Адылов*, 1983. Рис. 7, *10*). Похожее изделие, которое относится к раннекушанскому периоду, обнаружено в Пайкенде (рис. 2, *10*) (*Omel'chenko*, 2023. P. 82, 83).

[4] Периодизация: 1) юэчжийско-раннекушанский период (конец II в. до н. э. — I в. н. э.); 2) великокушанский период (II — первая четверть III в. н. э.); 3) позднекушанский (кушано-сасанидский) период (вторая четверть III — IV в. н. э.) (*Пугаченкова, Ртвеладзе*, 1990. С. 45–62).

[5] Объединение юэчжийского и раннекушанского периодов в рамках настоящей статьи обусловлено тем, что культурные слои поселенческих комплексов юэчжийского периода выделены только в Халчаян, но и при публикации материалов этого памятника контекст находок в большинстве случаев не описывается.

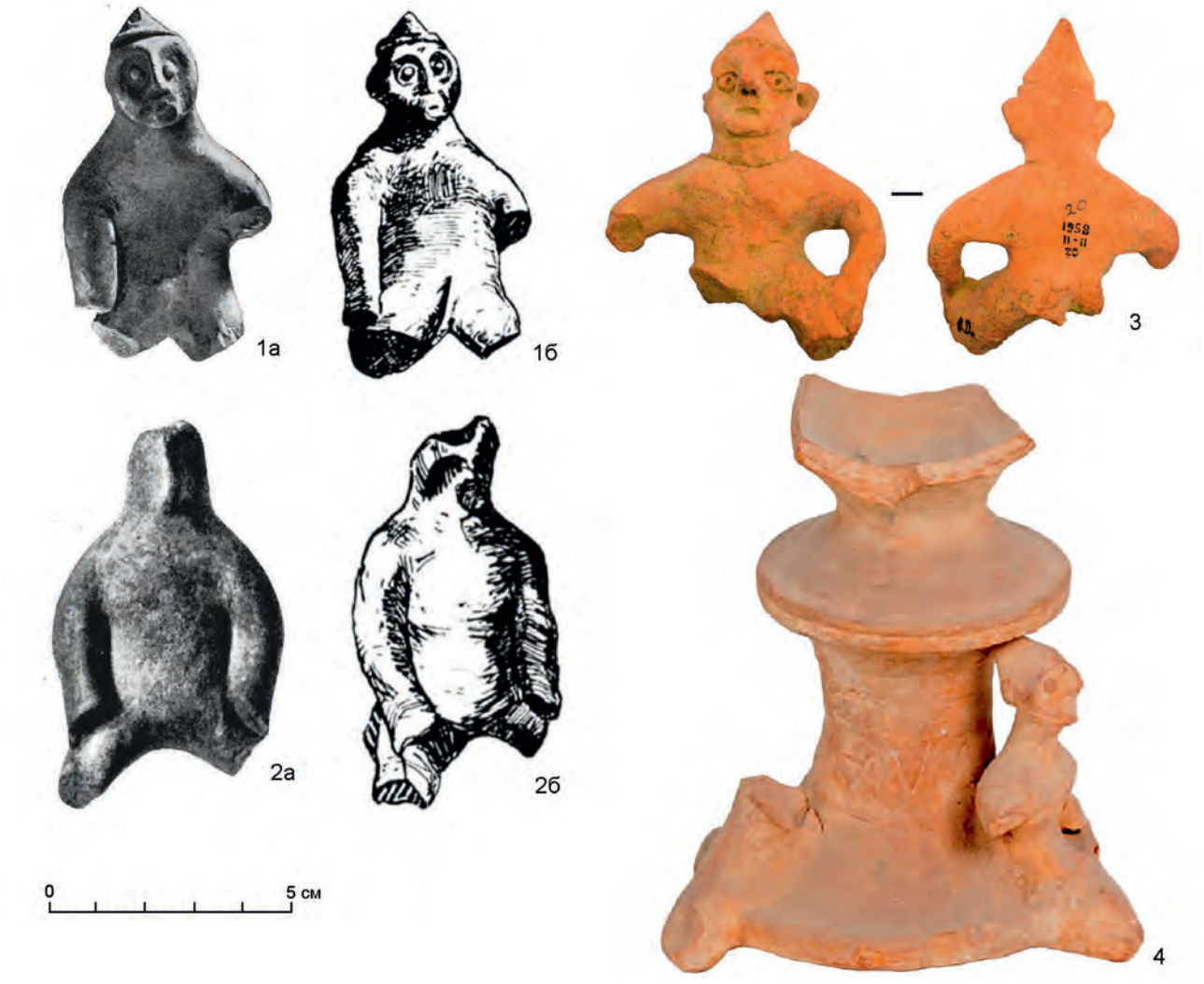

Рис. 1. Всадники в коропластике юэчжийско-раннекушанского периода: *1а, 1б, 2а, 2б* — Халчаян; *3* — Сар Дхери, Гандхара; *4* — курильница / жертвенная подставка, Государственный исторический музей Узбекистана

Fig. 1. Horsemen in the coroplastics of the Yuezhi-Early Kushan period: *1a, 1б, 2a, 2б* — Khalchayan; *3* — Sar Dheri, Gandhara; *4* — incense burner / sacrificial stand from The State History Museum of Uzbekistan

[*1а, 1б, 2а, 2б* — *Пугаченкова*, 1965. Рис. 1, *2*; 1966. Рис. 107, *1–3*; *3* — № 1958, 1111.20 © The Trustees of the British Museum; *4* — URL: https://history-museum.uz/site/threeD/17 (дата обращения: 01.05.2026)]

На памятнике Саксонохур в раннекушанских слоях жилищно-хозяйственных комплексов в заполнениях и отвалах печей найдена группа статуэток всадников, отличных от халчаянских (рис. 3). Общая форма изделий также представлена обобщенно, но с довольно изящно проработанными пуансонными наколами и косыми насечками деталями одежды. Лучше всего сохранилось изделие, обнаруженное в заполнении топочной камеры печи 6 (*Мухитдинов*, 1980. С. 216) (рис. 3, *1а, 1б*). Лицо всадника схематичное, сформированное защипом с налепными кружочками с точками посередине, изображающими глаза. Высокий головной убор с закругленным навершием, вертикальными прочерченными линиями и оторочкой по краю. Также показан кафтан с длинными рукавами. Руки всадника сложены у холки лошади, а ноги прикреплены к ее передним ногам. Лошадь аналогична халчаянским: с дугообразной шеей, «подстриженной» гривой, глазами в виде налепных кружочков с точками посередине, заостренными ушами и широко расставленными ногами. Другие статуэтки из Саксонохура сохранились лишь фрагментарно и повторяют ту же стилистику.

Рис. 2. Всадники, лошади в коропластике юэчжийско-раннекушанского периода: *1* — курильница / жертвенная подставка, Культепа, Северная Бактрия; *2а, 2б* — фрагмент основания подставки с протомой коня, Халчаян, Северная Бактрия. Фигурки коней со следами прикрепления всадников и без: *3–7* — Халчаян, Северная Бактрия; *8, 9* — Мирзакултепа, Северная Бактрия; *10* — Пайкенд, Согд; *11* — Таксила, Гандхара

Fig. 2. Horsemen, horses in the coroplastics of the Yuezhi-Early Kushan period: *1* — incense burner / sacrificial stand, Kultepa, Northern Bactria; *2a, 2б* — fragment of the base of the stand with the protoma of the horse, Khalchayan, Northern Bactria. Figurines of horses with and without traces of attachment of riders: *3–7* — Khalchayan, Northern Bactria; *8*, *9* — Mirzakultepa, Northern Bactria; *10* — Pikend, Sogd; *11* — Taxila, Gandhara

[*1, 2а — Пугаченкова*, б. г. Папка 5. URL: https://pugachenkova.net/ru/catalog/getFolder/85/; *2б — Пугаченкова*, 1965. Рис. 4, *2*; *3–7 — Пугаченкова*, 1966. Рис. 109; *8*, *9 — Пидаев*, 1978. Рис. 15, *1, 2*; *10 — Omel'chenko*, 2023. Fig. 9, *1*; *11* —№ 1880.3257 © The Trustees of the British Museum]

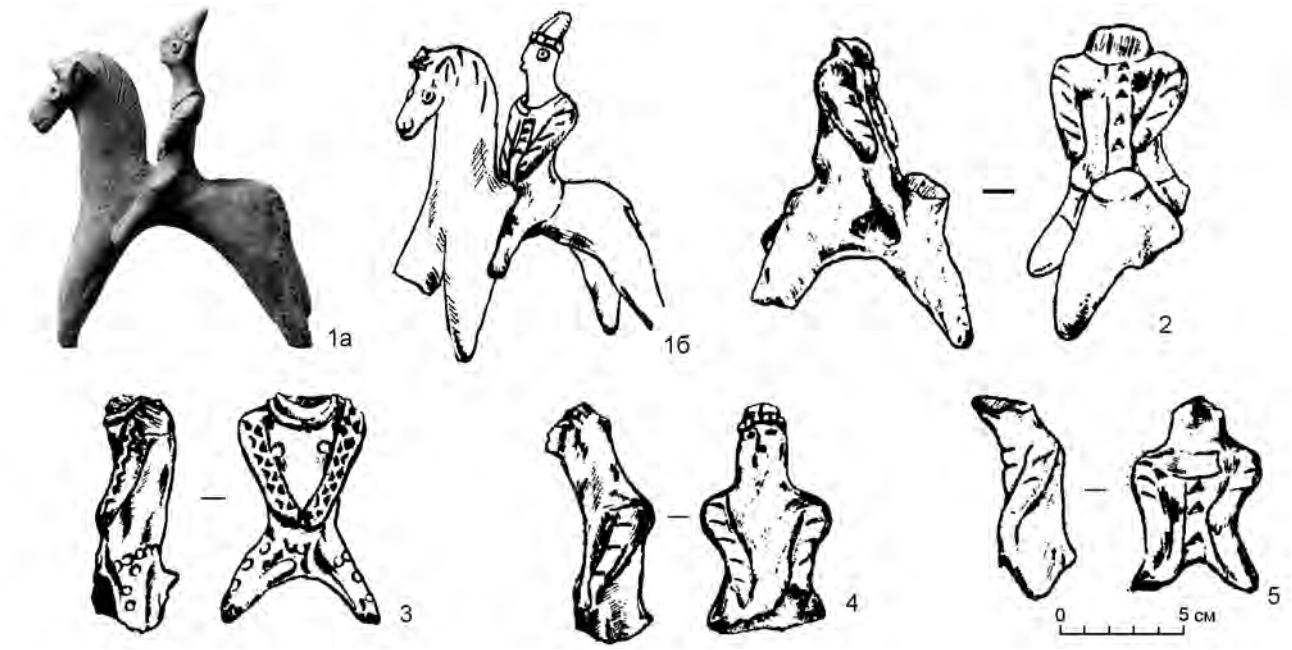

Рис. 3. Статуэтки юэчжийско-раннекушанского периода. Саксонохур, Северная Бактрия

Fig. 3. Figurines of the coroplastics of the Yuezhi-Early Kushan period. Saxonohur, Northern Bactria

[*1а — Grenet,* 2012. Fig. 15; остальные — *Мухитдинов*, 1980. Рис. 2; 3, *1–5*]

Великокушанский период
(II — первая четверть III в. н. э.)

В крепости Кампыртепа найдены две статуэтки в слоях конца I — первой трети II в. н. э. В блоке 5 культового комплекса обнаружен хорошо сохранившийся всадник на лошади (рис. 4, *1*) (*Болелов*, 2006. С. 50). Как и в раннекушанский период лицо всадника сформировано защипами. Однако не показан головной убор, а голова округлая. У лошади — большие ноздри, высокая челка, короткий хвост и короткие широко расставленные ноги. Еще одна фигурка была обнаружена при раскопках древней пристани в юго-восточном входном комплексе (*Двуреченская*, 2016б. Рис. 11, *8*) (рис. 4, *2*). Изделие сохранилось фрагментарно и близко по стилю предыдущей статуэтке. Отметим, что на шее лошади показан повод в виде налепной полоски с вертикальными рельефными насечками, а руки всадника прикреплены к шее лошади. Аналогичная статуэтка, только без налепных поводьев, обнаружена в Гандхаре в городе Сиркап (рис. 4, *3*). Налепной полоской с вертикальными рельефными насечками показана борода у всадника из Дальверзинтепа (рис. 4, *4*). Также налепами сформированы его губы и глаза, а защипом — само лицо. Вероятно, у него был головной убор, от которого остался только налепной фрагмент. У всадника из Дильберджин, видимо, подразумевался остроконечный головной убор и борода, которые вылеплены довольно схематично исключительно защипами (рис. 4, *5*). Другие фигурки всадников, в том числе и из Таксилы, сохранились без лошади, но всех их объединяют дугообразные ноги и схематичный облик (рис. 4, *6–8*).

На Мирзабек-кала и Чопли-депе из стратифицированных слоев II в. н. э. с монетами Канишки можно выделить новый тип фигур лошадей и всадника с вытянутыми конечностями, что, несомненно, придает им некую изящность (рис. 4, *9–11*) (*Пилипко*, 1985. С. 202, 203, 211, 212). У лошадей — короткий корпус, длинные ноги и шея с выделенной «подстриженной» гривой и челкой, вытянутая узкая морда с острыми ушами и рельефно намеченными глазами. В аналогичной стилистике изготовлена статуэтка из Таксилы (рис. 4, *12*).

В рассматриваемый нами период появляются изображения сбруи в разной технике исполнения. В Айртаме в объекте А-2 в культурном слое с монетой Канишки обнаружена головка лошади с налепными глазами, короткой стоячей гривой и прочерченной уздой (рис. 5, *1*) (*Тургунов*, 1973. С. 60, 61). В Таксиле мы видим многообразие декорирования сбруи лошади — это могли быть налепы с маленькими насечками или точками (рис. 5, *2, 4*). Кроме того, на одной из статуэток боковые части узды подведены углем (?), а псалии прочерчены (рис. 5, *3*).

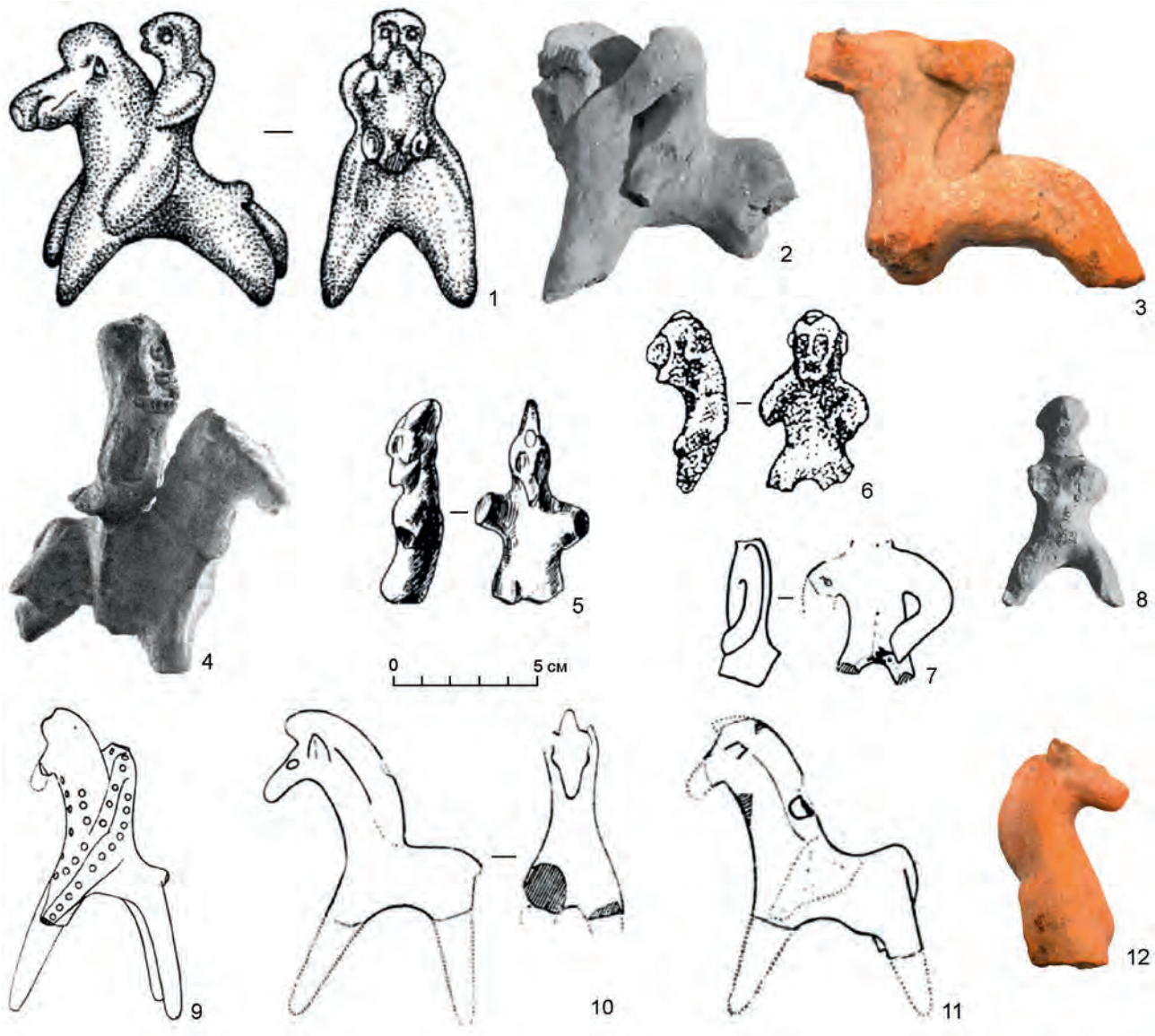

Рис. 4. Статуэтки великокушанского периода: *1, 2* — Кампыртепа; *3* — Сиркап, Гандхара; *4* — Дальверзинтепа; *5* — Дильберджин; *6* — Айртам; *7, 9, 10* — Мирзабек-кала; *8, 12* — Таксила, Гандхара; *11* — Чопли-депе

Fig. 4. Statuettes of the Great Kushan period: *1, 2* — Kampyrtepa; *3* — Sirkap, Gandhara; *4* — Dalverzintepa; *5* — Dilberjin; *6* — Airtam; *7, 9, 10* — Mirzabek-kala; *8, 12* — Taxila, Gandhara; *11* — Chopli-depe

[*1* — *Болелов*, 2006, рис. 7, *5*; *2* — *Двуреченская*, 2016б. Рис. 11, *8*; *3* — № 1880.3250 © The Trustees of the British Museum; *4* — *Пугаченкова*, 1979. Рис. 139; *5* — *Кругликова, Пугаченкова*, 1977. Рис. 32, *3*; *6* — *Сверчков*, 2001. Рис. 12, *1*; *7, 9–11* — *Пилипко*, 1985. Табл. XXXV, *97–99, 39*; *8* — *Marshall*, 1951. Pl. 135, No. 105; *12* — № 1880.3170.1-7 © The Trustees of the British Museum]

Изображения снаряжения мы видим и на торсах лошадей. Особый интерес представляет фрагмент статуэтки из Таксилы с достаточно детализированным изображением седла (рис. 5, *5*). Оно аналогично халчаянскому седлу с высокими луками, скругленными поверху краями, подпругой, проходящей поверх седла, от которого идет наплечный ремень и через круп проходит подхвостник (*Пугаченкова*, 1966. С. 192, 209). Похожие статуэтки лошадей с седлами найдены на памятнике Сайед. Одна происходит из культурного слоя, относящегося к последнему периоду жизни поселения, II в. н. э. (рис. 5, *6*) (*Довуди*, *Шарифзода*, 2019. С. 90, 122; *Довуди и др.*, 2020. С. 286). Вторая — из отвала помещения 7, которое авторы раскопок относят по наличию квадратного алтаря к зороастрийскому святилищу (рис. 5, *7*) (*Довуди*, *Шарифзода*, 2019. С. 87). В этом же помещении обнаружена статуэтка лошади со следами крепления всадника на спине и гриве (*Там же*. Рис. 3). У статуэтки из Чопли-депе, представляющей собой две соединенные вместе лошадиные протомы, показаны ремни сбруи (рис. 5, *8*). У других статуэток из Чопли-депе и Мирзабек-кала также изображены пуансонными наколами и налепными полосами наплечные и подхвостные ремни (рис. 5, *9, 10*) (*Пилипко*, 1985. С. 202, 203). У каждой на спине сохранились следы прикрепления наездников; у первой, возможно, двух.

В период великих кушан статуэтки всадников распространяются по мере расширения их территорий вплоть до долины Ганги-Ямуны. Это такие памятники, как Каушамби, Бхита, Атранджикхера, Прахладпур, Матхура, Ахиччхатра, Раджгхат, Вайшали, Кумрахар и Айодхья, где, как сообщается, во время раскопок были найдены фигурки лошадей со всадниками и без (*Prakash*, 1985. P. 63, 64, 81; *Banerji*, 1994. P. 193). В основном они сильно повреждены, часто — без всадников и определимы только по наличию изображений сбруи. Так же как у предыдущих статуэток, на них показаны наплечные ремни, и появляются декорированные коврики-вальтрапы (рис. 5, *11, 12*). На одной статуэтке лошади из Каушамби коврик-вальтрап и узда изображены прочерченными линиями, а наплечный фалар нанесен штампом (рис. 5, *13*). Стоит отметить, что в Северной Индии была очень развита школа терракотовой пластики, и вероятно, с этим связано использование различных приемов декорирования терракотовых статуэток с сохранением уже сложившегося иконографического образа.

Позднекушанский (кушано-сасанидский) период (вторая четверть III — IV в. н. э.)[6]

Опорный памятник для выделения позднекушанских или кушано-сасанидских статуэток — Зартепа, исследовавшийся совместной Бактрийской экспедицией Института археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР в 1972–1986 гг. Зартепа — крупный поселенческий комплекс, основанный в юэчжийский период (I в. до н. э.), активно использовавшийся на протяжении всего кушанского периода, выполняя роль центрального поселения в Шерабодском оазисе (*Массон*, 1976. С. 9; 1977. С. 139–144). Однако слои юэчжийского периода и времени правления династии великих кушан при раскопках городища исследованы очень ограниченно[7], в то время как культурные напластования финального периода городища изучены значительно лучше (*Завьялов*, 2008. С. 26). Следовательно, археологическая коллекция, полученная при раскопках, преимущественно связана с кушано-сасанидским периодом.

В ходе археологических работ на раскопе 6 обнаружены пять фрагментированных статуэток лошадей со следами крепления всадников (рис. 6, *1–5*). Две из них обнаружены в культурных напластованиях улицы; первая — на пятом уровне (VI–V ярусы) (рис. 6, *1*). Сохранились передняя часть туловища лошади без ног, часть шеи с гривой; от всадника остались только тонкие ножки и нижняя часть корпуса. Вторая фигурка найдена к северу от помещения 30, на каком уровне — неизвестно (рис. 6, *2*). Фигурка лошади сильно повреждена, от нее сохранилась передняя часть туловища, шея с «подстриженной гривой», заостренные уши. На спине присутствуют следы крепления всадника. Керамическая масса изделий пористая и слоистая, ангоб снаружи красноватый.

Остальные три фигурки обнаружены непосредственно в жилых помещениях. Первая —

[6] После завоевания сасанидами западных территорий Кушанского царства (224–261 гг. н. э.) поздние кушанские правители продолжали удерживать власть в Северной Индии: Канишка II (≈231–249 гг.), Васишка (≈249–267 гг.), Канишка III (≈267–270 гг.), Васудева II (≈270–300 гг.), Махи (≈300–305 гг.), Шака (≈305–335 гг.), Кипунадха (≈335–350 гг.) (*Skinner*, 2017. P. 216; *Cribb*, 2018. P. 14, tab. 3). Вследствие этого для данного периода применимы два термина — позднекушанский и кушано-сасанидский периоды.

[7] В стратиграфических разрезах в шурфе на раскопе 1 и в разрезе оборонительной стены на раскопе 4 (*Сабиров*, 1978).

в помещении 171 на первом уровне пола (рис. 6, *3*). Сохранилось туловище лошади с широким основанием ног; от всадника осталась только нижняя часть туловища с ногами, которые сзади сглажены к спине лошади. Вторая — в помещении 130 на втором уровне пола; третья — в помещении 107 на третьем уровне пола (рис. 6, *4, 5*). Все они сохранились фрагментарно. Отметим довольно грубое качество формовочной массы с включением крупных частиц отощителей.

Отдельно были обнаружены фрагменты фигурок всадников. Они крайне схематичны, и отнесение их к изображениям всадников основывается на том, что они изготовлены ручной лепкой и у них дугообразно поставленные руки, так как нижняя часть туловища не сохранилась ни на одном предмете. В. А. Завьялов выделяет четыре фигурки всадников (*Завьялов*, 2008. Рис. 34), однако три из них изготовлены довольно грубо, штампом, что в совокупности с их плохой сохранностью делает их отнесение к всадникам весьма проблематичным. Наиболее вероятно к изображениям всадников относятся две лепные фигурки: первая была обнаружена в помещении 158 (рис. 6, *6*), аналогичная ей, только без головы, — в яме помещения 160 (рис. 6, *7*).

Отдельно хотелось бы отметить передачу конского снаряжения на некоторых изделиях. На одной фигурке на груди полой трубочкой нанесены вдавления в виде кругов, а по туловищу — вдавления в виде перекрывающих друг друга овалов, что, вероятно, является схематичным изображением сбруи (рис. 6, *9*).

В Зартепа найдено 26 курильниц на зооморфных подставках, среди которых большая часть — это изображения лошадей (*Завьялов*, 2008. С. 225; *Двуреченская*, 2016а. Рис. 236). Ввиду их плохой сохранности установить точную видовую принадлежность большинства изделий не представляется возможным. Следы крепления мисок на спинах лошадей сильно отличаются от следов крепления всадников, так как занимают всю поверхность спины животного (рис. 6, *10*). Фигурки лошадей в этом случае становятся еще более схематичными и массивными, чтобы быть устойчивыми. Так как они обнаружены в жилых комплексах, то, вероятно, они были связаны с домашними ритуалами «окуривания» помещений.

Таким образом, обнаруженные фигурки конных всадников на разных уровнях позднекушанских культурных слоев Зартепа свидетельствуют о продолжении традиции их изготовления. В зависимости от уровня залегания у них отличается техника изготовления формовочной массы; часть изделий продолжает традицию кушанского периода (о чем свидетельствуют красный ангоб и красно-коричневое тесто) (рис. 6, *5, 8*), но появляется больше изделий, характеризующихся серым ангобом, иной технологией обжига и использованием в качестве отощителей крупного песка и гипса (рис. 6, *1–4, 9–11*). В. А. Завьялов отмечает, что на примере зартепинских комплексов прослеживается постепенное исчезновение великокушанской керамической традиции, а возникновение новой характеризуется утратой прежних технических приемов ремесла и появлением большого количества терракотовых изделий с плохим качеством теста и ангоба (*Завьялов*, 2008. С. 157–159).

Обсуждение

По поводу назначения лепных статуэток всадников на коне показательно местонахождение находок в археологических комплексах. В греко-бактрийский период в «храме с уступами» в Ай-Ханум обнаружены терракотовые статуэтки различной иконографии, среди которых были два фрагментированных схематичных всадника. Это является свидетельством эллинской традиции принесения статуэток в качестве вотивного подношения в храм.

В юэчжийских и раннекушанских слоях Халчаян, как в самом дворце, так и в жилых постройках, также найдены статуэтки всадников и коней со следами их крепления, причем в значительно большем количестве, нежели в слоях греко-бактрийского периода. Нахождение их во дворце Халчаян довольно показательно, так как они обнаружены в центральном зале дворца. Это может быть подтверждением их культового назначения, потому что основание дворца относится к юэчжийскому клану Герая, а во время Кушанского царства он приобрел функцию «дома обожествленных предков», связанную с династическим культом кушан, сохраняя это значение на протяжении всего их правления (*Пугаченкова*, 1966. С. 247; *Денисенко*, 2023. С. 227). Кроме того, в Халчаян в одном из жилых помещений Западного дома найден крупный фрагмент фигурного сосуда[8] (курильницы или жертвенной подставки), что также связано с его культовым

[8] Генезис типа данных сосудов восходит к раннему бронзовому веку, к культурам первых городских центров Месопотамии и Индии (*Филанович*, 1978. С. 32; *Marshall*, 1931. Pl. LXXIX).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
0
5 см
11
12
13

Рис. 5. Статуэтки коней с изображением сбруи великокушанского периода: *1* — Айртам; *2, 3, 11, 12* — Таксила, Гандхара; *4, 5* — Таксила, Гандхара; *6, 7* — Сайед, Бактрия; *8, 9* — Чопли-депе; *10* — Мирзабек-кала; *13* — Каушамби, Уттар-Прадеш

Fig. 5. Statuettes of horses depicting the harness of the Great Kushan period: *1* — Ayrtam; *2, 3, 11, 12* — Taxila, Gandhara; *4, 5* — Taxila, Gandhara; *6, 7* — Sayyed, Baktria; *8*, *9* — Chopli-depe; *10* — Mirzabek-kala; *13* — Kaushambi, Uttar Pradesh

[*1* — *Тургунов*, 1973. Рис. 20, *3*; *2, 3, 11, 12* — № 1880.3261, 1952,0408.1, 1880.3170.1-7, 1880.3277 © The Trustees of the British Museum; *4, 5* — *Marshall*, 1951. No. 83, 84; *6, 7* — *Довуди, Шарифзода*, 2019. Рис. 2; 4; *8, 9, 10* — *Пилипко*, 1985. С. 202. Табл. XXXV, *36, 37, 100*; *13* — № 90/95 © Indian Museum, Kolkata]

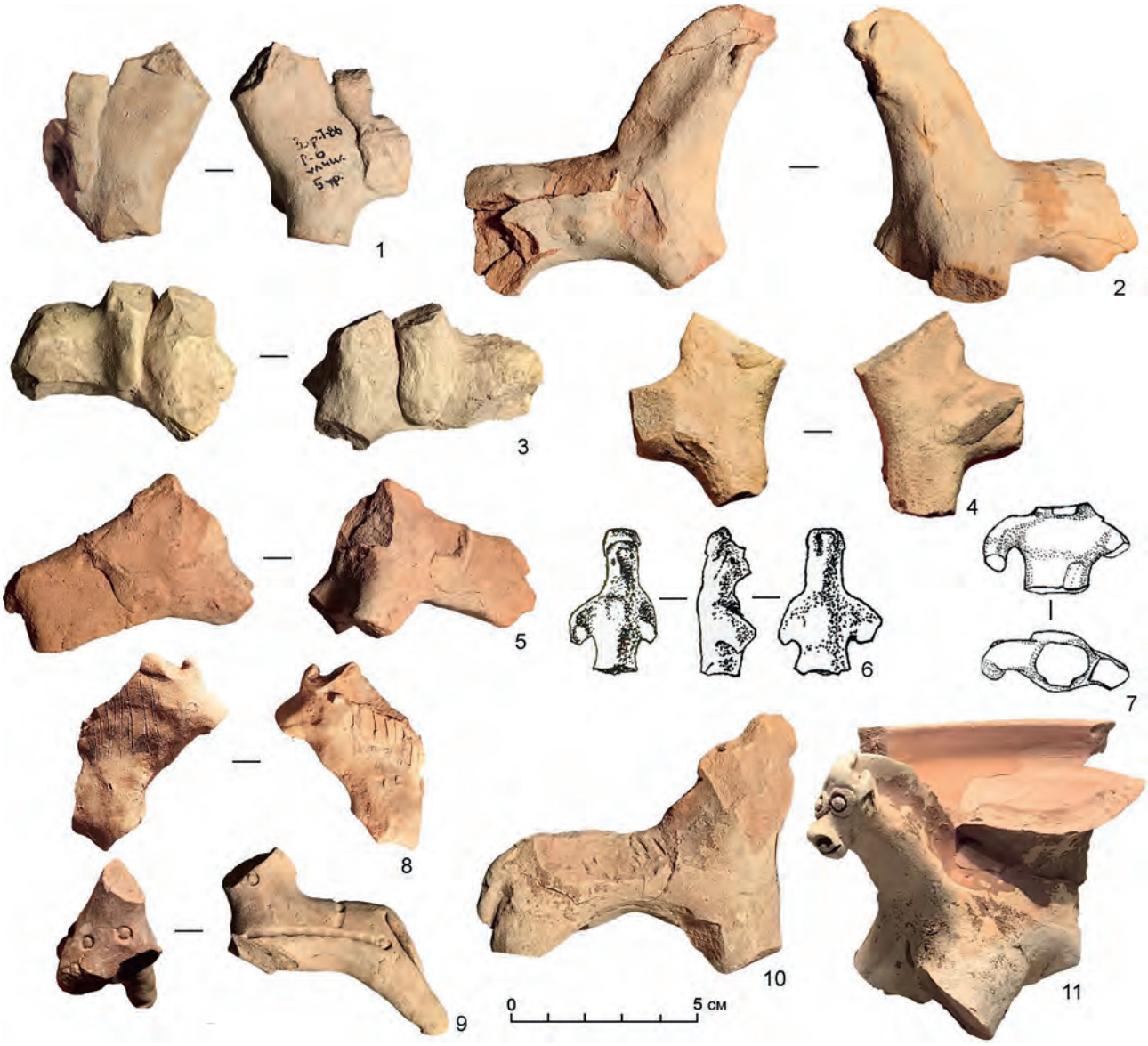

Рис. 6. Статуэтки позднекушанского периода из Зартепа: *1–5* — фигурки коней со следами прикрепления всадников; *6, 7* — фрагменты фигурок всадников; *8* — фрагмент головы коня; *9* — фрагмент фигуры коня; *10, 11* — зооморфные подставки сосудов

Fig. 6. Statuettes of the late Kushan period from Zartepa: *1–5* — figures of horses with traces of attachment of riders; *6, 7* — fragments of figures of horsemen; *8* — fragment of the head horse; *9* — fragment of a horse figure; *10, 11* — zoomorphic stands of vessels

[*1–5, 8–11* — A-2687, A-2193, A-2676, A-2450, A-2346, A-2684, A-2606, A-2325 © Государственный Эрмитаж; *6, 7* — *Завьялов*, 2008, рис. 34, *в*; 35, *а*]

назначением[9]. Данный тип культовой посуды довольно распространен в авестийской среде. Подобные изделия обнаружены в поселенческих слоях преимущественно Северной Бактрии и реже — в Гандхаре, а со времени правления Вимы Кадфиза они изображаются на монетах (*Cribb*, *Bracey*, 2025. Fig. 3.24–3.26). Например, в Культепа в слоях кушанского периода обнаружен аналогичный сосуд, украшенный фигурками шествующих коней, а на полу дворца в Халчаян найден фрагмент курильницы с протомой коня (рис. 2, *1–3*). Исходя из датировки курильницы со всадниками из Халчаян не позднее рубежа эр, по-видимому, она отражает процесс адаптации пришлого кочевого населения к местным культам.

В великокушанский период только одна статуэтка происходит из культового комплекса на Кампыртепа, остальные изделия, как и в позднекушанский период, происходят из культурных слоев жилых помещений. Следовательно, это может свидетельствовать о различных вариантах их назначения: от ритуально-культовых предметов домашних обрядов до детских игрушек и украшений дома.

Интерпретация данной группы находок вызывает множество вопросов вследствие схематичного, обобщенного образа всадника. Их изображения ярко контрастируют со штампованными антропоморфными статуэтками, столь распространенными в коропластике Кушанского царства. Оба вида терракотовых статуэток выполнялись в одних гончарных мастерских, но отличались при этом иконографией и техникой изготовления (штамп и ручная лепка). Как отмечает Г. А. Пугаченкова, появление грубо вылепленных всадников — это «не профессиональное неумение — и те, и другие терракоты встречаются в единых археологических слоях, — но специальный спрос на такие абстрактно трактованные статуэтки» (*Пугаченкова*, 1987. С. 75). Статистический анализ, проведенный Н. Д. Двуреченской на довольно представительной выборке терракотовых статуэток Бактрии III–I вв. до н. э. (83 предмета) и I–IV вв. н. э. (479 предметов), подтверждает данный вывод. Так, с I в. н. э. образ коня и всадника выходит на второе и третье места по распространению среди всех известных иконографических образов (*Двуреченская*, 2016а. С. 148, диаграмма 35). Следовательно, спрос на подобные изделия возрастает в I в. н. э., что связано с процессами ассимиляции центральноазиатских кочевников со средой оседлой культуры Бактрии. Культ коня и всадника в кочевнической среде древних иранцев являлся фундаментальным стержнем их идеологии, где, по мнению В. И. Абаева, конь выступал не только как военная сила, но и как воплощение солнечного божества, становясь центральным звеном иранской мифопоэтической традиции (*Абаев*, 1949).

Однако популярность в Бактрии терракотовых фигурок коней со всадником и без него могла иметь и местную основу. Так, роль коня в солярном культе нашла отражение в авестийских текстах (*Беленицкий*, 2019. С. 145, 146). И. В. Пьянков указал на культовую связь коня с представлениями о святости царской власти в ахеменидской Персии (*Пьянков*, 1971. С. 91). Данная традиция сохраняется и в сасанидскую эпоху, о чем свидетельствует рельеф из Накше-Рустам, где Ахурамазда верхом на коне вручает диадему царской власти Ардаширу I, который в свою очередь изображен как зеркальное отражение божества. Стоит отметить, что в Персии терракотовые статуэтки всадников распространяются уже с VI–IV вв. до н. э. Стилистически и технологически они отличны от кушанских изделий. Например, всадник и лошадь вылеплены из единой формовочной массы, тогда как кушанские всадник и лошадь вылеплены отдельно, а уже потом соединены. На выборке из 18 изделий из Хатая, обнаруженных в жилых помещениях, исследователи пришли к выводу, что они являются «портретными» вотивными подношениями воинов богу Митре для получения защиты и успеха в битве (*Gül*, *Meral*, 2026. P. 8, 9). Однако данное предположение не подкреплено находками собственно в храмовых комплексах, связанных с Митрой. Но в этой аналогии нам интересно то, что, во-первых, ахемениды взаимодействовали с кочевыми народами, сочетая военные походы и культурные обмены (саки включались в систему сатрапий, поставляя конницу, а ахеменидские предметы роскоши проникали вглубь евразийских степей). Во-вторых, распространение терракотовых статуэток всадников в Ахеменидской державе связано с увеличением военных экспансий, в которых ударной силой армии становится конница.

[9] Анализ курильниц Северной Бактрии, проведенный Г. А. Пугаченковой, вводит эту группу керамических изделий в состав ритуальных объектов местной разновидности религии Авесты доисламского периода. Они были обнаружены в ката Кампыртепа, где связываются с культами поминовения усопших, а также в храме Дальверзинтепа, где соотносятся с церемониями почитания Великой богини (богинь?) (*Пугаченкова*, 1991. С. 5, 6, 14).

Таким образом, лепные статуэтки всадников в Бактрии в кушанский период, вероятно, демонстрируют этот же процесс — они являются отражением степных традиций части населения, в среде которых продолжает быть популярен образ «всадника-идольчика»[10], и одновременно возрастающего значения конницы в военном потенциале Кушанского царства.

Этот тезис подтверждается иконографией кушанских монет. На многих выпусках монет, начиная с Герая и до Вимы Кадфиза включительно, на аверсе представлен портрет царя, а на реверсе — царь верхом на коне. На поздних выпусках монет Канишки I рядом с лошадью или верхом представлен не сам царь, а божества. Так, на одном выпуске на реверсе представлено божество Лроаспо/Драваспа[11], стоящее перед конем, на другом же выпуске на реверсе — Муждуван/Моздуан[12], сидящий верхом на двуглавом коне. Если первое божество происходит из зороастрийского пантеона, то второе является кушанским синкретичным божеством, которое объединило в себе шиваистские элементы (трезубец, двуглавый конь, возможно, намекающие на амбивалентную природу бога) и, видимо, степные (*Grenet*, 2015. P. 211).

Примечательно, что это единственное «новое» мужское божество в кушанском пантеоне, так как в основном на монетах кушан представлены уже известные греческие, иранские и индийские божества. Оба божества — и Драваспа, и Муждуван — предстают как своего рода зеркальное отражение кушанского царя, имея с ним похожие лица с бородой и головные уборы. Их появление на монетах может свидетельствовать об интенсификации военной политики Канишки в конце его правления и обращении к степным традициям.

Заключение

Представленные в статье изделия выполнены ручной лепкой, и в отличие от штампованных статуэток у них довольно трудно прослеживаются изменения, тем не менее нам удалось выявить ряд закономерностей.

1. В юэчжийско-раннекушанский период изделия довольно тщательно вылеплены, особый акцент сделан на всаднике (подчеркнуты детали одежды, головные уборы). Фигурки всадников являются частью курильницы / жертвенной подставки, что связано с адаптацией традиций кочевого населения к местным культам. Складывается канон изображения лошади. Распространены на территории Бактрии, Согда, Гандхары. Статуэтки характеризует очень плотный красноватый черепок, нередко — красный ангоб.

2. В великокушанский период ареал нахождения статуэток расширяется до Каушамби — южных областей Северной Индии. Изображения всадников более обобщенны, нежели лошадей, особенно с территории Индии. Часто показаны детали упряжи (уздечка, седло, вальтрап), наплечные и подхвостные ремни (в различной технике). Акцент смещается на изображение лошади.

3. В позднекушанский период меняется техника изготовления терракоты. Изображения всадника становятся еще более схематичными и реже встречаются в комплексах. Лошади декорируются насечками и вдавлениями для схематичной передачи конского снаряжения. Все это отражает преемственность традиций местного населения предыдущих периодов. К нововведениям стоит отнести довольно многочисленные находки зооморфных подставок для мисок, изображения лошадей при этом становятся еще более схематичными и массивными, чтобы придать предметам достаточную устойчивость. Следовательно, меняется функциональное назначение изделий, что, вероятно, связано с тем, что к III–IV вв. н. э. бывшие кочевники уже были полностью ассимилированы земледельческой средой, где образ «всадника-идольчика» был уже не столь понятен новым поколениям.

Таким образом, на примере одного иконографического образа, имеющего истоки в кочевой среде, можно проследить пути его распространения по мере расширения границ Кушанского царства. Благодаря массовости находок с образом всадника, они могут выступать археологическим маркером присутствия кушан на определенном памятнике, а представленные нами изделия из стратифицированных комплексов могут быть использованы для уточнения времени создания статуэток из подъемных сборов в юго-западных областях Центральной Азии и Северной Индии — территориях, где некогда располагалось Кушанское царство.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2026 г.

[10] Термин, введенный Г. А. Пугаченковой для терракотовых статуэток всадников (*Пугаченкова*, 1966. С. 230).

[11] Lrooaspo/Lruwasp (Av. *druuaspa*) — женское божество из зороастрийского пантеона, покровительствующее лошадям, которое на монетах Канишки представлено мужским полом.

[12] Mozdooano (бактрийский) в переводе — «милостивый, щедрый» (*Sims-Williams*, 1997).

Абаев, 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 42–45.

Адылов, 1983 — *Адылов Ш. Т.* О коропластике Бухарского Согда // История материальной культуры Узбекистана. 1983. Вып. 18. С. 65–75.

Альбаум, 1960 — *Альбаум Л. И.* Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1960. 228 с.

Беленицкий, 2019 — *Беленицкий А. М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье (по материалам погребений, памятников изобразительного искусства и письменным источникам) // История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура) / Под общ. ред. В. П. Никонорова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 143–152.

Болелов, 2006 — *Болелов С. Б.* Жилой квартал кушанского времени на Кампыр- тепа (раскопки 2000–2002 гг.) // Материалы Тохаристанской экспедиции. 2006. Вып. 6. С. 15–80.

Двуреченская, 2016а — *Двуреченская Н. Д.* Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. — IV в. н. э. (археологический аспект). СПб.: Нестор-История, 2016. 604 с.

Двуреченская, 2016б — *Двуреченская Н. Д.* Юго-восточный входной комплекс и пристань крепости Кампыртепа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2 (52). С. 39–74.

Денисенко, 2023 — *Денисенко В. Л.* Династические храмы Кушанской империи: историографический анализ // «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 226–229.

Довуди, Шарифзода, 2019 — *Довуди Д., Шарифзода А.* Кушанское городище Сайед. Кн. 2. Душанбе: ЭР-граф, 2019. 220 с. (На тадж., рус., англ. яз.)

Довуди и др., 2020 — *Довуди Д., Шарифзода А., Сафоев Ф., Сафоев М., Каюмзода А., Назаров З.* Раскопки на городище Сайед в 2016 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2020. Вып. 41. С. 268–287.

Завьялов, 2008 — *Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб.: Изд-во фак-та филол. и искусств СПбГУ, 2008. 296 с.

Кругликова, Пугаченкова, 1977 — *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.). Ч. 2. М.: Наука, 1977. 136 с.

Литвинский, Седов, 1983 — *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи — Шах. М.: Наука, 1983. 229 с.

Массон, 1976 — *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1976. С. 3–17.

Массон, 1977 — *Массон В. М.* Зартепе — кушанский город в Северной Бактрии // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М.: Наука, 1977. С. 138–144.

Массон, 1986 — *Массон В. М.* Кочевнические компоненты кушанского археологического комплекса // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 258–264.

Мухитдинов, 1980 — *Мухитдинов Х. Ю.* Бактрийский всадник (археологические материалы о бактрийско-скифских контактах) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. археолог. конф. / Ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1980. С. 212–227.

Никоноров, Аржанцева, 2021 — *Никоноров В. П., Аржанцева И. А.* История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья // АВ. 2021. Вып. 32. С. 228–254.

Пидаев, 1978 — *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: ФАН, 1978. 144 с.

Пилипко, 1985 — *Пилипко В. Н.* Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад: Ылым, 1985. 213 с.

Пугаченкова, 1965 — *Пугаченкова Г. А.* Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии / Ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965 (МИА; № 130). С. 248–252.

Пугаченкова, 1966 — *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент: ФАН, 1966. 288 с.

Пугаченкова, 1979 — *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979. 248 с.

Пугаченкова, 1987 — *Пугаченкова Г. А.* Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. 223 с.

Пугаченкова, 1991 — *Пугаченкова Г. А.* Культовые курильницы Северной Бактрии // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1991. Вып. 25. С. 98–110.

Пугаченкова, б. г. — *Пугаченкова Г. А.* Конь в коропластике Бактрии-Тохаристана: семантика и образ // URL: https://pugachenkova.net/ru/catalog/getFolder/85/ (дата обращения: 10.01.2026).

Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990 — *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры: древность и средневековье. Ташкент: ФАН, 1990. 218 с.

Пьянков, 1971 — *Пьянков И. В.* Образование державы Ахеменидов по данным античных источников // История Иранского государства и культуры: к 2500-летию Иранского государства / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. М.: Наука, 1971. С. 83–93.

Сабиров, 1978 — *Сабиров С.* Раскопки крепостной стены городища Зартепе // СА. 1978. № 1. С. 254–259.

Сверчков, 2001 — *Сверчков Л. М.* Раскопки в северо-восточной части Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции / Под ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: San'at, 2001. Вып. 2. С. 47–64.

Тихонов, 2020 — *Тихонов Р. В.* Случайные находки терракотовых статуэток из Республики Таджикистан // Записки ИИМК РАН. 2020. № 23. С. 97–102. https://doi.org/10.31600/2310-6557-2020-23-97-102

Тургунов, 1973 — *Тургунов Б. А.* К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана / Науч. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. С. 52–77.

Филанович, 1978 — *Филанович М. И.* Башнеобразные культовые курильницы из Мерва // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад: Ылым. 1978. Т. XVI: Материалы по археологии Мерва. С. 31–43.

Banerji, 1994 — *Banerji A.* Early Indian Terracotta Art (c. 2000–300 BC. Northern and Western India). New Delhi: Harman Publishing House, 1994. 244 p.

Cribb, 2018 — *Cribb J.* Numismatic Evidence and the Date of Kanishka I // Problems of Chronology in Gandhāran Art. Oxford: Archaeopress, 2018. P. 7–34.

Cribb, Bracey, 2025 — *Cribb J., Bracey R.* Kushan Coins: A Catalogue Based on the Kushan, Kushano-Sasanian and Kidarite Hun Coins in the British Museum, 1st–5th Centuries AD. London: British Museum Press, 2025. Vol. 1. 410 p.

Francfort, 1984 — *Francfort H.-P.* Fouilles d'Ai-Khanoum. III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles. Paris, 1984 (MDAFA; T. XXVII). 145 p.

Grenet, 2012 — *Grenet F.* The Nomadic Element in the Kushan Empire (1st–3rd Century AD) // Journal of Central Eurasian Studies. 2012. No. 3. P. 1–22.

Grenet, 2015 — *Grenet F.* Zoroastrianism among the Kushans // Kushan Histories Literary Sources and Selected Papers from a Symposium (Berlin, 5th–7th December 2013) / Ed. H. Falk. Berlin; Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 203–239.

Gül, Meral, 2026 — *Gül S., Meral K.* Persian rider figurines from the Hatay Archaeology Museum: The relationship between cultural identity and sacredness // Archaeological Research in Asia. 2026. Vol. 45. P. 1–9. https://doi.org/10.1016/j.ara.2025.100685

Marshall, 1931 — *Marshall J.* Mohenjo-daro and the Indus Civilization: Being an Official Account of Archaeological Excavations at Mohenjo-daro Carried Out by the Government of India Between the Years 1922 Ad 1927 A. Probsthain, 1931. Vol. III. 298 p.

Marshall, 1951 — *Marshall J.* Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations Carried out at Taxila Under the Orders of the Government of India Between the Years 1913 and 1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. Vol. III. 600 p.

Omel'chenko, 2023 — *Omel'chenko A. V.* Paikend: From a Fortress to a Sogdian CityResults of Studies of the Bukhara Archaeological Expedition // 丝绸之路研究集刊 • 第九辑（粟特研究专号）. 陕西师范大学历史文化学院 陕西历史博物馆 陕西师范大学人文科学高等研究院. 2023. P. 77–103.

Prakash, 1985 — *Prakash P.* Terracotta Animal Figurines in the Ganga-Yamuna Valley (600 BC to 600 AD). Delhi: Agam Kala Prakashan, 1985. 197 p.

Sims-Williams, 1997 — *Sims-Williams N.* A Bactrian god // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1997. Vol. 60, is. 2. P. 336–338.

Skinner, 2017 — *Skinner M.* Marks of Empire: Extracting a Narrative from the Corpus of Kuṣāṇa Inscriptions: Dis. Ph. D. University of Washington. 2017. 389 p.

The image of a horseman in the coroplastics of the Kushan Kingdom

V. L. Denisenko[13]

Keywords: coroplastics, terracotta figurines, horsemen, Kushan Empire, migrations, nomadism, Bactria, Northern India

This article reviews the terracotta figurines of the horse riders of Kushan Kingdom from the sites in Bactria, Sogdiana and Northern India. This class of findings is related to the adaptation of nomadic traditions to a sedentary environment. The relevance of the study lies in the fact that the dynamics of product forms in conjunction with their origin from archaeological and stratigraphic complexes has not yet been analyzed. The aim is to clarify their chronological and typological characteristics and the extent of their distribution in the territory of the Kushan Kingdom using typological and stratigraphic analysis. As a result, we found that in the Yuezhi and early Kushan period (late 2nd cent. BC — 1st cent. AD), figurines were quite carefully sculpted, with a special emphasis on the horseman, and were found in Bactria and Gandhara. During the Great Kushan period (2nd–1st quarter of the 3rd cent. AD), the area where the figurines were found expanded to the southern regions of Northern India. The images of the riders are more generalized, unlike the horses, where the elements of the harness are shown in detail. In the late Kushan / Kushano-Sasanian period (second quarter of the 3rd–4th cent. AD), images of horsemen become even more schematic and are less common in complexes. Another innovation is the rather numerous finds of zoomorphic stands for bowls, as a result of which the images of horses are even more schematic and massive in order to be stable. Consequently, the functional purpose of the items changes, which is likely due to the fact that by the 3rd–4th cent., the former nomads had already been completely assimilated into the agricultural environment, where the "rider-hero" was no longer so understandable to new generations. The presented typology can be used to clarify the time of creation of figurines from surface material and undocumented finds.

[13] Valerya L. Denisenko — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: valerialeontyevna@yandex.ru.

Южный пригород Херсонеса Таврического как сакральное пространство[1]

В. В. Вахонеев, С. Л. Соловьев[2]

Аннотация. *В статье рассматривается Южный пригород Херсонеса Таврического как особое сакральное пространство, сформированное на стыке городской и загородной зон, а также эволюция этой территории от ритуального ансамбля эллинистического времени (героон, храм в антах, вероятный гимнасий) к крупному некрополю римской эпохи. Показано, что сакральная функция пригорода не ослабевала, а трансформировалась, определяя его планировочную структуру. Южный пригород выступает как пространство взаимодействия мемориальных, культовых и общественных практик, материальные свидетельства которых сопоставляются с данными из Греции, Малой Азии и римской Италии, что позволяет включить херсонесский комплекс в контекст ритуальной топографии античного мира.*

Ключевые слова: *Херсонес Таврический, Южный пригород, сакральный ландшафт, некрополь, героон, кремационные площадки, гимнасий, нимфей, римская эпоха*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-74-83

Вопрос о сакрализации пригородного пространства приобретает особую актуальность при изучении античных некрополей и связанных с ними культовых объектов. В античной традиции за чертой города обычно размещались места погребения, поминальные комплексы, святилища богов: достаточно вспомнить афинские святилища Деметры и Коры в Элевсине, Артемиды в Брауроне, а также гимнасии, располагавшиеся в священных рощах за стенами Афин. Пригородная зона часто представляла собой особый ландшафт, где пересекались мир живых и мир мертвых, культы богов и героев, общественные сооружения, хозяйственные постройки и погребальные памятники.

Сакральные пространства за городской чертой привлекали внимание исследователей с XIX в. Однако лишь недавно исследователи начали акцентировать внимание на роли внегородских святилищ в становлении социального пространства полиса. Так, Ф. де Полиньяк показал, что для раннегреческих общин характерна «двухполюсная» модель: помимо главного святилища в центре (акрополе) важнейшие культы локализовались и на периферии, в основном у границ хоры (*Polignac*, 1995). Одновременно появилась концепция «динамического сакрального ландшафта» (*Alcock, Osborne*, 1994. P. 11), в рамках которой разрабатываются подходы к осмыслению некрополя как одного из его элементов. Пространство под стенами античного города было функционально неоднозначным и динамичным: границы между священным и профанным были подвижны, а места погребения, мемориалы героев и культовые сооружения за воротами интегрировались в городскую жизнь как места памяти и социального взаимодействия. Сакрализация пригорода была явлением, присущим многим античным центрам, но в каждой конкретной ситуации его характер мог заметно различаться.

До недавнего времени Южный пригород Херсонеса Таврического не подвергался анализу в подобном отношении. Несмотря на то что первые раскопки здесь были проведены еще в конце XIX в., они носили ограниченный характер (*Мыц, Соловьев*, 2024). Только в 2021–2023 гг. удалось провести масштабные исследования (на площади

[1] Работа выполнена по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012).

[2] Вахонеев В. В. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vvvkerch@mail.ru. Соловьев С. Л. — Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: ssl2610@yandex.ru.

© Вахонеев В. В., Соловьев С. Л., 2026

около 8,5 га) и выявить более полутора тысяч археологических объектов (*Соловьева и др.*, 2024) (рис. 1). Как было установлено, на протяжении почти тысячелетней истории эта территория служила сакральной зоной с храмовыми комплексами и некрополем с выраженной планировочной структурой, включавшим как неординарные, так и рядовые формы захоронений. В ее границах также открыты участки эллинистического времени, связанные с гончарным производством, и «водозаборный узел», включавший колодцы, цистерны и водосборники, использовавшиеся в системе городского водоснабжения. Таким образом, загородное пространство сочетало в себе сакральные и утилитарные функции, что характеризует структурную и семантическую сложность этой зоны, превращая ее в важную часть культурного ландшафта античного Херсонеса.

Участок перед главными городскими воротами приобрел особый статус уже в IV в. до н. э. В это время здесь были воздвигнуты сооружения культового характера, что, по-видимому, отражало стремление жителей города придать сакральный смысл этой территории. К числу таких строений относятся, прежде всего, монументальный мавзолей (героон), храм в антах и священный источник (нимфей) (рис. 2).

Героон — один из наиболее примечательных объектов Южного пригорода, являвшийся важной частью священного ансамбля на этой территории (рис. 3, *1*). Постройка представляла собой сооружение ордерной архитектуры: нижняя, закрытая, часть служила усыпальницей с саркофагом, а верхняя исполнена в форме небольшого храма (наиска) с открытой колоннадой и, по-видимому, статуей умершего, что сближает его с усыпальницами героев в Малой Азии. Зофорный фриз подиума, судя по найденному фрагменту рельефа, скорее всего, изображал сцены амазономахии — редкий для Херсонеса художественный мотив. Датировка рельефа (ок. 350–300 гг. до н. э.) подтверждается стилем изображения: невысокий рельеф, «героическая диагональ» композиции, динамика фигур и реалистичная передача доспехов связывают его с малоазийской традицией, в частности с фризами мавзолея в Галикарнасе (*Трофимова*, 2023. С. 78).

Сцена на рельефе изображает воина-гоплита, сбивающего с коня амазонку, — типичный иконографический сюжет, широко применявшийся в эллинистической погребальной пластике. В данном случае миф превращается в аллегорию: греческий воин в современной для конца IV в. до н. э. экипировке воплощает самого умершего, героизированного гражданина, чей образ был перенесен в контекст мифологической битвы. Подобный синтез исторического и мифического характерен для мемориальных памятников эллинистической эпохи (саркофаг из Сол, наиски из Калитеи и Тарента), где сражения с амазонками выступали универсальным знаком героического статуса (*Там же*. С. 79, 80). Таким образом, сцена амазономахии в херсонесском герооне имела программное значение — визуальное утверждение социальной значимости и посмертной славы умершего.

Рис. 1. План Южного пригорода Херсонеса с обозначением исследованного участка вблизи городских ворот (*а* — границы объекта археологического наследия «Южный пригород Херсонеса»; *б* — номер раскопа; *в* — участок у городских ворот)

Fig. 1. Plan of the Southern Suburb of Chersonesos, showing the excavated area near the city gates (*a* — boundaries of the "Southern Suburb of Chersonesos" archaeological heritage site; *б* — excavation area's number; *в* — area near the city gates)

Появление монумента соотносится с политическим подъемом Херсонеса на рубеже IV–III вв. до н. э., временем активной колонизации, укрепления государственной структуры и побед в локальных войнах. Именно тогда в полисе формируется новая элита, готовая заказывать знаковые надгробия и утверждать личный статус средствами публичной визуальной культуры (*Там же*. С. 83). Героон с рельефом, объединяющим локальную память и панэллинскую иконографию, становится элементом сакрального пространства пригорода, включенного в общую канву памятных событий.

Рядом с герооном был обнаружен фундамент небольшого храма в антах (IV–III вв. до н. э.), обращенного фасадом к героону (рис. 3, *2*). Размеры

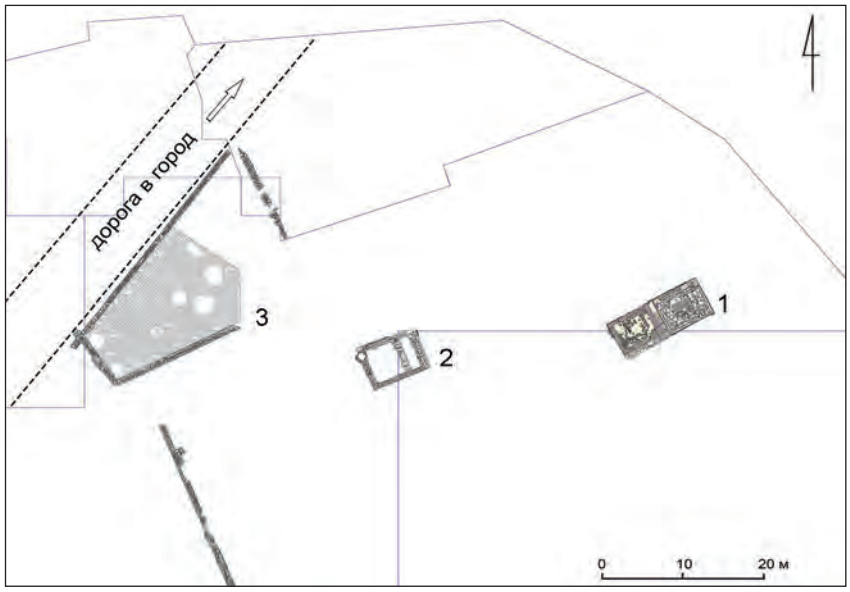

Рис. 2. Южный пригород Херсонеса. План участка с обозначением культовых и общественных сооружений второй половины IV в. до н. э.: *1* — героон; *2* — храм в антах; *3* — строительный комплекс вдоль дороги

Fig. 2. Southern Suburb of Chersonesos. Site plan showing cult and public structures of the 2nd half of the 4th cent. BC: *1* — heroon; *2* — temple in antis; *3* — building complex along the road

Рис. 3. Южный пригород Херсонеса, культовые сооружения: *1* — героон, вид с севера; *2* — храм в антах, вид с юга

Fig. 3. Southern Suburb of Chersonesos, cult structures: *1* — heroon, view from the north; *2* — temple in antis, view from the south

и планировка храма (сохранились части двух выступающих ант — боковых стен целлы) указывают на то, что это было классическое по форме святилище, вероятно, посвященное одному из богов-покровителей города или героизированному предку — основателю полиса. Подобные небольшие храмы в некрополях известны в Малой Азии и на Боспоре. Они могли быть связаны с культом божеств загробного мира или с отправлением поминальных ритуалов. Из-за недостатка эпиграфических данных пока не удалось определить, какому именно божеству был посвящен херсонесский храм, но само его присутствие рядом с геройоном и будущим некрополем знаменательно. Храм в антах подтверждает статус Южного пригорода как ритуальной зоны уже в IV в. до н. э., где у самого входа в город совершались культовые действия, значимые для всей общины.

Дополнял ансамбль нимфей — естественный источник или колодец с сооружением культового характера, который выглядел как обложенный плитами бассейн со ступенчатым спуском к воде, рядом с которым найдены фрагменты мраморных деталей, которые интерпретируются как части алтаря или небольшого святилища нимф (либо других водных божеств). Священные источники в предместьях городов были распространенным явлением: они обеспечивали водой путников и

Рис. 4. Южный пригород Херсонеса, культовые сооружения: *1* — огороженный участок с вымосткой вдоль дороги в город, вид с юго-востока; *2* — раскопки гимнасия (?), вид с юго-запада

Fig. 4. Southern Suburb of Chersonesos, cult structures: *1* — enclosed area with paving along the road to the city, view from the southeast; *2* — excavation of the gymnasium (?), view from the southwest

использовались в обрядах очищения. Нимфей Херсонеса, вероятно, служил и утилитарным, и сакральным целям: омывал входящих в город, снабжал гимнасий водой, был местом совершения возлияний нимфам и иным водным божествам. Его наличие подтверждает, что климатические и ландшафтные особенности (близость воды) учитывались при планировании пригородной ритуальной зоны. Культ нимф был органичным компонентом подобных пространств, соединяя природный ландшафт с религиозной топографией.

Наконец, вдоль главной дороги, к западу от храма в антах в IV в. до н. э. был сооружен еще один комплекс площадью 380 кв. м. Он имел форму неправильного четырехугольника и представлял собой каменную вымостку, уложенную непосредственно на материковую глину. По периметру участок был ограничен капитальными стенами. Можно предположить, что данный комплекс следует рассматривать как особое сакральное пространство, связанное с расположенными рядом культовыми сооружениями (рис. 4, *1*). При его раскопках открыты фундаменты большого общественного здания с несколькими помещениями (рис. 4, *2*).

Согласно первоначальной версии о назначении этого комплекса, предполагалось, что он являлся частью единого в культовом отношении теменоса — священного участка, также включавшего храм в антах и героон (*Аветиков, Вахонеев*, 2024. С. 82, 83, рис. 1; *Соловьева и др.*, 2024. С. 17, 21, рис. 6). При последующем анализе планировки здания сложилось мнение об использовании его в качестве гимнасия, тесно связанного с прилегающими священными рощами и храмами. Такое соседство отражало типичную для греческого мира связь между физическим воспитанием (гимнасий) и культом, особенно культом героев-эпонимов или покровителей местности.

В пригородах греческих городов рядом с городскими воротами гимнасии стали появляться с VI в. до н. э. На острове Фера старый гимнасий перед городскими воротами был обнесен стеной (*Хельшер*, 2023. С. 69). Расположение гимнасиев рядом с храмами и святилищами типично для Древней Греции: в качестве примера можно привести гимнасий в роще афинского героя Академа около храма Аполлона Ликейского *(Di Cesare*, 2018. P. 216).

Кроме того, расположение гимнасиев за чертой города вблизи храмов было обусловлено рядом причин. Во-первых, для строительства таких сооружений требовалась большая свободная территория, а во-вторых, эти участки, как правило, располагались в прохладных местах вблизи источников воды. Следует отметить, что участок пригорода Херсонеса, непосредственно примыкающий к городским воротам, находился в тальвеговой зоне Херсонесской балки, где в ходе недавних раскопок открыт «водозаборный узел» Херсонеса: на дне тальвега до сих пор проходит достаточно мощный водоносный горизонт. На протяжении всего периода античности и средневековья тут существовало несколько сотен колодцев (*Глазунов и др.*, 2023. С. 27). Расположение гимнасия в прохладном месте рядом с хорошими источниками водоснабжения соответствует общегреческой практике строительства такого рода общественных сооружений.

Таким образом, к началу эллинистического периода исследованный ансамбль строительных комплексов херсонесского пригорода совмещал функции мемориальные (увековечение героя-

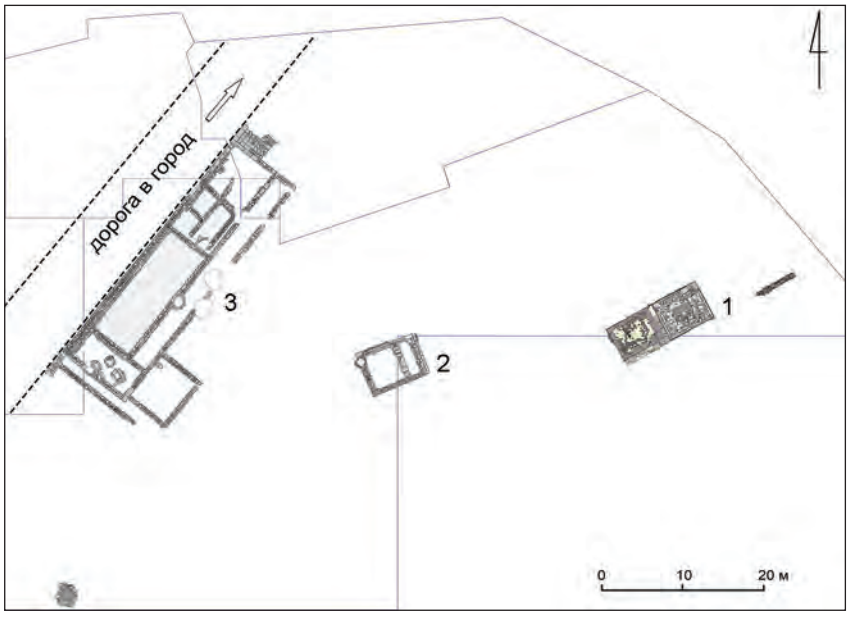

Рис. 5. Южный пригород Херсонеса. План участка с обозначением культовых и общественных сооружений III–II вв. до н. э.: *1* — героон; *2* — храм в антах; *3* — гимнасий (?)

Fig. 5. Southern Suburb of Chersonesos. Site plan showing cult and public structures of the 3rd–2nd cent. BC: *1* — heroon; *2* — temple in antis; *3* — gymnasium (?)

основателя), религиозные (храмовый культ, нимфей) и общественные (физическое воспитание, собрания молодежи). Все пространство имело четкую планировочную ось — дорогу, ведущую от городских ворот на юг. По обеим сторонам этой древней дороги сосредоточились главные объекты этого ансамбля, причем наиболее статусные находились ближе всего к воротам (рис. 5). Такое расположение отражает важный принцип пространственной организации этой территории: элита стремилась хоронить членов своих семей и устраивать святыни максимально близко к городской черте, чтобы сакральная защита и благословение божества распространялись на них и за пределами внутригородского пространства. Уже в I в. до н. э. — I в. н. э. эта территория начинает все более активно использоваться для захоронений рядовых граждан, превращаясь в некрополь, хотя и сохраняющий прежние черты священного ландшафта.

В период римского влияния (I–III вв. н. э.) Южный пригород окончательно превратился в городской некрополь (рис. 6). При этом сохранилась и ранее заложенная планировочная структура. Дорога от ворот оставалась главной осью планировки, вдоль которой концентрировались наиболее важные погребальные памятники. Пространственная организация некрополя приобрела черты, типичные для Средиземноморья той эпохи: наблюдается дифференциация захоронений по статусу, обустройство «погребальных улиц» и синтез греческих и римских погребальных традиций. Материалы Южного пригорода Херсонеса хорошо иллюстрируют тезис Э. Эммерсон о том, что античные пригороды не были пространствами изоляции смерти, но зонами устойчивого сосуществования погребальной и общественной инфраструктуры, где сакральное и мемориальное не вытесняют общественное, а становятся его структурообразующим элементом (*Emmerson*, 2020. P. 57–59, 233).

Социальная топография погребений выглядела следующим образом. Непосредственно у городских ворот вдоль дороги располагались наиболее богатые и привилегированные усыпальницы, принадлежавшие выдающимся гражданам полиса — представителям местной элиты. Поверх сакральных комплексов IV–III вв. до н. э. было возведено несколько монументальных погребальных сооружений: склеп-колумбарий, плитовые могилы, экседра, в числе которых две каменные гробницы с надгробными стелами Аристона и Аннион. К одной из них был пристроен колумбарий — специальное помещение для урн с прахом умерших.

Колумбарий имел вид небольшого наземного склепа с двускатной каменной крышей. Внутри в стенах были устроены ниши, куда помещались

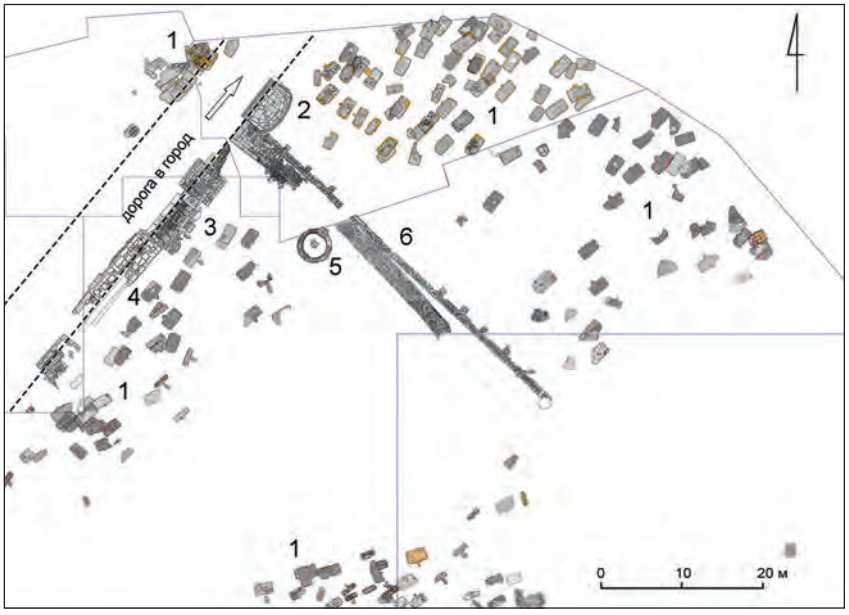

Рис. 6. Южный пригород Херсонеса. План участка с обозначением погребальных сооружений I–II вв. н. э.: *1* — ustrina; *2* — экседра; *3* — склеп-колумбарий с гробницей Аристона и Аннион; *4* — плитовые могилы; *5* — толос; *6* — мощеный проулок

Fig. 6. Site plan showing funerary structures of the 1st–2nd cent. AD: *1* — ustrina; *2* — exedra; *3* — columbarium-crypt with the tomb of Ariston and Annion; *4* — slab graves; *5* — tholos; *6* — paved lane

керамические и свинцовые урны с прахом членов семьи. Такая конструкция явно навеяна италийскими и малоазийскими образцами. Использование колумбариев было распространенной погребальной практикой в Римской империи, и появление его в Херсонесе свидетельствует о восприятии местным обществом новых, «римских», элементов погребальной архитектуры. Элитная гробница с колумбарием отражает глубокую романизацию погребального обряда: кремированные останки сохранялись в особых хранилищах, что ранее не было характерно для чисто греческой традиции Херсонеса.

Неподалеку вдоль той же дороги располагалась экседра[3]. Она устроена из тщательно обработанного камня: фасад ее представляет собой четыре ступени, ведущие на полукруглую площадку, окаймленную полукольцом каменных сидений с резными львиными лапами у основания. Высота экседры — около 2 м, диаметр — 6 м. Внутри экседра представляла собой погребальный комплекс: две плитовые могилы и два массивных известняковых саркофага с останками нескольких человек (*Вахонеев, Соловьев*, 2023). Важно отметить, что захоронения были совершены как по обряду кремации, так и ингумации. Экседра, вероятно, служила фамильной усыпальницей, где хоронили членов одной знатной семьи, и местом для поминальных церемоний, поскольку на ее площадке могли проводиться погребальные трапезы, возлияния, чтение надписей и эпитафий умершим. Удобные скамьи располагали путников к отдыху и поминовению усопших (рис. 7). Аналогичные полукруглые экседры-скамьи известны в Помпеях и в Малой Азии, где их зачастую устанавливали вдоль дорог некрополей. Херсонесская экседра полностью соответствует этой традиции (*Вахонеев*, 2025в).

Еще одним уникальным памятником Южного пригорода стал круглый толос-мавзолей римского времени. Он обнаружен немного в стороне от главной дороги, в прилегающем вымощенном проулке. Толос представлял собой массивное круглое сооружение диаметром около 8 м, сложенное из блоков, с узким входом со стороны проулка. В центре камеры толоса стоял саркофаг-оссуарий со свинцовой урной, заполненной остатками кремации (*Медникова, Аветиков*, 2023. С. 102–104). Вероятнее всего, в толосе был похоронен человек знатного происхождения — представитель элиты Херсонеса II–III вв. н. э. Сожжение тела совершалось на стороне, на кремационной площадке, после чего прах был помещен в урну, установленную в саркофаг. Внутри толоса прослежены следы

[3] Экседра (от греч. ἐξέδρα, место, сиденье снаружи) — глубокая полукруглая ниша, чаще всего оканчивающаяся полукуполом.

Рис. 7. *Л. Альма-Тадема.* Экседра. 1871 г. (холст, масло)
Fig. 7. "An Exedra" by L. Alma-Tadema, 1871 (oil on canvas)
[*Emmerson*, 2020. P. 20, fig. 2.1]

ритуальной деятельности в виде зольной прослойки на полу и обгоревших фрагментов курильницы для благовоний, что может свидетельствовать о проведении внутри сооружения поминальных церемоний.

Помимо монументальных построек некрополь Южного пригорода содержал многочисленные погребения рядовых горожан, которые представлены грунтовыми захоронениями в простых ямах и каменных ящиках. Они зачастую были скромно обустроены, иногда прикрыты плитами, иногда сопровождались лишь парой сосудов или мелких вещей. На окраине исследованной территории (раскоп 23) открыт участок некрополя III в. н. э., где преобладали грунтовые захоронения, но содержавшие более богатый погребальный инвентарь (*Абрамзон и др.*, 2024). Высказано предположение, что на этом участке некрополя хоронили ветеранов или военнослужащих римского гарнизона Херсонеса. Поэтому можно утверждать, что некрополь постепенно расширялся на юг, включая все новые участки захоронений, отражавших различный социальный статус погребенных, однако монументальные гробницы по-прежнему группировались у городских ворот вдоль главной дороги.

Одним из важных результатов экспедиции 2021–2023 гг. стало обнаружение более трехсот кремационных площадок — специальных мест, где производилось сожжение тел умерших до захоронения праха. Несколько объектов можно датировать эллинистическим периодом (*Кропотов, Вахонеев*, 2025а), в то время как их основную часть — I–II вв. н. э. В это время ближайшая к городским воротам территория была выделена для обустройства погребальных костров. Всего открыто около 342 ustrina — углубленных прямоугольных или овальных ям с обожженными стенками и дном (*Вахонеев*, 2025а). Большинство таких ям имеют характерный вырез в одной из стенок — поддувало конической или трапециевидной формы. Через это отверстие к пламени поступал воздух, обеспечивая более высокую температуру и полное сгорание тела. На дне площадок был прослежен слой серого пепла, перемешанного с древесным углем и обожженными мелкими фрагментами кальцинированных костей.

Каждая площадка, как правило, использовалась для одной кремации: признаков многократного сожжения в одной яме не обнаружено (слои пепла однократные). При этом сами площадки распределены по всей площади некрополя: от зоны у городских ворот до его окраин, хотя их концентрация заметно выше вблизи элитных усыпальниц вдоль дорог. Это говорит о том, что обряд кремации был популярен среди разных слоев херсонесского общества, но особенно — среди состоятельных горожан раннеримского времени. Однако кремация не вытеснила полностью ингумацию: оба обряда сосуществовали, нередко даже внутри одной родственной группы. Это подтверждает комплекс в экседре, а также случаи, когда в семейных склепах обнаружены как урны с прахом, так и целые костяки. Тем не менее кремация явно преобладала в I–II вв. н. э.: более половины исследованных захоронений этого периода — кремационные.

Инвентарь, сопровождавший такие захоронения, как правило скромнее, чем при ингумациях, поскольку большая часть вещей сгорала на костре или изымалась родственниками вместе с прахом. Однако среди золы и пепла также найдены остатки погребального инвентаря: оплавленные фрагменты стеклянных бальзамариев, мелкие украшения и фурнитура одежды (фибулы, подвески, нашивки), а также фрагменты золотых венков. В одном из костров (площадка 7 раскопа 4.1) обнаружены остатки сожженного чрезвычайно богатого облачения: миниатюрная золотая фибула, золотой перстень, пять фигурных блях, две подвески-трилистника и 116 фрагментов золотой фольги — все, что осталось от венка и украшений на одежде покойного высокого социального ранга (*Кропотов, Вахонеев*, 2025б). В некоторых случаях также зафиксированы остатки погребальных лож (*Вахонеев*, 2025б. С. 116–120, рис. 1, *1*; 2, *5*).

Реконструируя погребальный обряд на основе полученных данных, можно представить следующую картину: тело усопшего, облаченного в богатую одежду, увенчанного венком, с украшениями

и необходимыми в загробном мире предметами торжественно помещали на погребальный костер под открытым небом. Рядом устанавливали сосуды с благовониями, пищей и другими приношениями. Произносились прощальные речи, совершались возлияния. Затем костер поджигали, и пламя исполняло свою очищающую функцию. После полного выгорания углей собирали остывший прах и фрагменты костей. Значимые части (кости, осколки украшений) отбирали и складывали в урну, остальное могли оставить на месте костра или развеять. Урну с прахом погребали индивидуально или помещали в нишу колумбария.

Некрополь Южного пригорода имел четкую планировочную структуру. Ее основой служила уже упомянутая главная дорога, шедшая от городских ворот на юго-запад. Она функционировала по меньшей мере с первой половины IV в. до н. э. и по сути определила размещение всех значимых объектов. Вдоль дороги расположены не только храмы и героон классической эпохи, но и почти все монументальные гробницы римского времени. Таким образом, дорога также играла роль погребальной улицы по аналогии с дорогами Помпей, вдоль которых устраивались могилы знатных граждан. Такая модель широко распространилась в средиземноморском мире с I в. н. э., когда вошло в моду хоронить умерших в фамильных усыпальницах вдоль главных выездов из города. От основной магистрали отходили боковые проулки, разделявшие некрополь на участки. Один такой мощеный проулок шириной около 2 м примыкал к дороге, тянулся на юго-восток и вел к еще одному подземному склепу-колумбарию. Вход в проулок со стороны дороги мог закрываться воротами, на что указывают пилоны с пазами для засова, пристроенные к экседре. Проулок, вероятно, отделял участок привилегированных захоронений от остальной территории некрополя.

Еще одним важным объектом, открытым в ходе раскопок, стала массивная каменная стена, пересекавшая Херсонесскую балку. Особенности ее устройства позволили предположить, что стена являлась не оборонительным укреплением (*Соловьева и др.*, 2024. С. 21, рис. 7), а инженерным сооружением, возведенным для защиты некрополя от разрушающего действия природных сил. Стена длиной около 60 м, сложенная из больших блоков известняка и снабженная с внутренней стороны мощными контрфорсами, перекрывала русло балки. Геологический анализ отложений подтвердил, что Херсонесская балка — это древняя эрозионная долина с сезонным водотоком, который во время ливней и паводков мог наносить в низину тонны грунта. К I в. н. э. балка уже успела накопить значительную толщу пролювиальных отложений (сезонных наносов), местами до нескольких метров. Чтобы предотвратить дальнейшее разрушение пригородной территории, жители Херсонеса осуществили масштабный строительный проект: воздвигли подпорную стену поперек оврага. Судя по стратиграфии, стена была построена в середине III в. до н. э. Ее конструкция отличается продуманностью: в основании заложена дренажная каменная наброска, а контрфорсы приданы для усиления сопротивления напору скапливавшегося грунта. Однако херсонесская стена интересна не только технической стороной, но и символическим значением: с одной стороны, это защита, а с другой — граница священного пространства некрополя. Стена отделяла мир мертвых от лежащей южнее долины.

Комплекс сакральных объектов Южного пригорода Херсонеса представляется характерным для ритуальной топографии античного мира, хотя в целом сочетание столь многих функций в одном пригороде — явление редкое. Рассмотрим некоторые аналогии.

Почитание могил героизированных граждан было характерно для греческих колоний: например, в Сиракузах, Массалии, Амисе героев-ойкистов почитали как защитников города. Однако далеко не везде их захоронения локализовались вне городских стен — нередко их культ был перенесен на городской теменос. В этом плане Херсонес ближе к малоазийской традиции Ликии и Карии, где крупные мавзолеи (гробницы династов) стояли на окраинах городов. Херсонесский героон по архитектуре и декору (ордерная постройка с амазономахией) особенно близок к монументу Нереид в Ксанфе и героонам в Ликийских гробницах (*Трофимова*, 2023. С. 80). Интересно, что изображение амазономахии встречается также на саркофагах из Тарента и Аттики — видимо, это универсальный символ победы цивилизации над хаосом, типичный для надгробий героев. Можно утверждать, что херсонесский героон не являлся исключением из общеэллинской традиции героизации основателей и возведения мемориальных храмов на их могилах.

Наличие в Южном пригороде Херсонеса храма в антах и нимфея соответствует практике многих греческих городов располагать культовые объекты у городских ворот. В Афинах, к примеру, у Дипилонских ворот находился храм Деметры, вдоль дорог — святилища Зевса и Гермеса для благословения путников. В Александрии Египетской вне стен находился некрополь с храмом Сераписа

для поминовения. В Кирене (Киренаика) за городской чертой располагалось знаменитое святилище Деметры и Коры, куда шествовали горожане по определенным дням, а рядом же простирался обширный некрополь. Такая топография создает многослойное сакральное пространство, где культ плодородия соседствует с царством мертвых. Херсонесский храм в антах также мог быть посвящен божеству, охраняющему переход между жизнью и смертью (Персефоне, Гекате или местному герою). Херсонесский нимфей можно сравнить с известными нимфеями Помпей и Сиракуз, которые тоже были на окраине и служили одновременно местами водозабора и объектами поклонения нимфам.

Яркую параллель монументальной группе римского времени у городских ворот Херсонеса представляет некрополь Помпей. У главных ворот Помпей — Геркуланских и Нукерийских — располагались монументальные погребальные сооружения привилегированных жителей города (*Campbell*, 2015. P. 115). Некоторые из них имели экседры: знаменитая гробница жрицы Мамии была выполнена в виде полукруглой скамьи с надписью в ее честь. Рядом располагалась гробница Евмахии (также полукруглый постамент с урной). Эти памятники служили как почетными мемориалами, так и малыми архитектурными формами городского ландшафта. Херсонесская экседра практически повторяет помпейские образцы по форме и функции.

Южный пригород Херсонеса Таврического предстает в свете новых исследований как особая сакральная зона, интегрирующая в себе погребальные и культовые функции за пределами городской черты. На протяжении более шести столетий (с IV в. до н. э. по III в. н. э.) этот относительно небольшой участок претерпел эволюцию от священной рощи с герооном и храмом до крупного некрополя с сотнями могил и монументальными погребальными сооружениями, не утратив при этом своего сакрального статуса.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2026 г.

Абрамзон и др., 2024 — *Абрамзон М. Г., Костромичев Д. А., Терещенко А. Е., Трейстер М. Ю.* Два комплекса III в. н. э. с золотыми погребальными лицевыми пластинами из некрополя Херсонеса // РА. 2024. № 4. С. 62–77.

Аветиков, Вахонеев, 2024 — *Аветиков А. А., Вахонеев В. В.* Археологические исследования на раскопе 4 // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб.: Невская типография, 2024. Вып. 15. С. 82–87.

Вахонеев, 2025а — *Вахонеев В. В.* Кремационные площадки I–II вв. н. э. на некрополе Херсонеса Таврического: археологический анализ и культурный контекст // РА. 2025. № 4. С. 53–69.

Вахонеев, 2025б — *Вахонеев В. В.* Погребальные ложа в кремациях Херсонеса Таврического (по материалам исследований Южного пригорода в 2021–2023 гг.) // КСИА. 2025. Вып. 281. С. 114–126.

Вахонеев, 2025в — *Вахонеев В. В.* Херсонесская экседра в контексте архитектурных традиций Средиземноморья // Боспорский феномен. Экспорт / импорт в хозяйственной и культурной жизни Боспорского царства. СПб.: Индрик, 2025. С. 717–724.

Вахонеев, Соловьев, 2023 — *Вахонеев В. В., Соловьев С. Л.* Новый погребальный комплекс II в. н. э. Из раскопок Южного пригорода Херсонеса (предварительное сообщение) // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. М.: Буки Веди, 2023. С. 13–18.

Глазунов и др., 2023 — *Глазунов В. В., Букатов А. А., Вахонеев В. В., Ефимова Н. Н., Панченко В. В.* Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2023. Вып. XVIII. С. 24–43.

Кропотов, Вахонеев, 2025а — *Кропотов В. В., Вахонеев В. В.* К вопросу о датировке кремационных площадок Южного пригорода Херсонеса Таврического // Уфимский археологический вестник. 2025. Т. 25, № 3. С. 563–575.

Кропотов, Вахонеев, 2025б — *Кропотов В. В., Вахонеев В. В.* Кремационная площадка 7 (раскоп 4.1) южного пригорода Херсонеса Таврического // Нижневолжский археологический вестник. 2025. Т. 24, № 1. С. 173–188.

Медникова, Аветиков, 2023 — *Медникова Е. Ю., Аветиков А. А.* Строительные растворы погребального комплекса римского времени на некрополе Херсонеса Таврического // АВ. 2023. Вып. 40. С. 102–107.

Мыц, Соловьев, 2024 — *Мыц В. Л., Соловьев С. Л.* История исследований Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб.: Невская типография, 2024. Вып. 15. С. 11–16.

Соловьева и др., 2024 — *Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В.* Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб.: Невская типография, 2024. Вып. 15. С. 17–28.

Трофимова, 2023 — *Трофимова А. А.* Амазономахия «мавзолея» в Херсонесе. Об историческом и мифологическом

в искусстве раннего эллинизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2023. Т. 13. С. 76–88.

Хельшер, 2023 — *Хельшер Т.* Ныряльщик из Пестума: юность, эрос и море в Древней Греции. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 160 с.

Alcock, Osborne, 1994 — *Alcock S. E., Osborne R.* Introduction // Placing the Gods: Sanctuaries and Sacred Space in Ancient Greece. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 11.

Campbell, 2015 — *Campbell V. L.* The Tombs of Pompeii. Organization, Space and Society. New York: Routledge, 2015. 372 p.

Di Cesare, 2018 — *Di Cesare R.* Hellenistic Gymnasia in the Heart of Athens: Change and Continuity // Development of Gymnasia and Graeco-Roman Cityscapes / Ed. U. Mania, M. Trümper. Berlin: Edition Topoi, 2018. P. 215–236.

Emmerson, 2020 — *Emmerson A. L. C.* Life and Death in the Roman Suburb. Oxford: Oxford University Press, 2020. 282 p.

Polignac, 1995 — *Polignac F.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 187 p.

The Southern Suburb of Tauric Chersonesos as a Sacred Space

V. V. Vakhoneev, S. L. Solovyov[4]

Keywords: Tauric Chersonesos, Southern Suburb, sacred landscape, necropolis, heroon, cremation areas, gymnasium, nymphaeum, Roman period

The article examines the Southern Suburb of Tauric Chersonesos as a specific sacred space formed at the junction of the urban and extra-urban zones, and analyzes the evolution of this area from a Hellenistic ritual ensemble (a heroon, a temple in antis, and a probable gymnasium) to a large Roman-period necropolis. It is demonstrated that the sacred function of the suburb did not disappear but was transformed, determining its planning structure. The Southern Suburb is interpreted as a space of interaction between memorial, cultic and public practices. The materials from Chersonesos are compared with analogies from Greece, Asia Minor, and Roman Italy, which makes it possible to place this complex within the broader context of the ritual topography of the ancient world.

[4] Viktor V. Vakhoneev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vvvkerch@mail.ru. Sergey L. Solovyov — The State Hermitage Museum, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg; e-mail: ssl2610@yandex.ru.

Пантикапейский склеп Юлия Каллисфена[1]

В. А. Горончаровский[2]

Аннотация. *Статья посвящена анализу материалов из склепа Юлия Каллисфена, обнаруженного в 1894 г. в некрополе Пантикапея. В связи с тем, что они чрезвычайно важны для характеристики боспорской элиты первых веков новой эры, привлекается вся доступная, в том числе неопубликованная, информация относительно обстоятельств открытия склепа и его места в контексте других погребальных комплексов этого времени. Сопоставление отдельных находок с точно датированными аналогиями позволяет отнести захоронения в склепе к периоду около рубежа I–II вв. н. э.*

Ключевые слова*: Боспорское царство, некрополь Пантикапея, склеп Юлия Каллисфена, первые века новой эры*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-84-96

Одно из самых интересных археологических открытий 1894 г. в Керчи было сделано на северном склоне горы Митридат, где на частной земле обнаружили тщательно отделанный каменный склеп без каких-либо признаков курганной насыпи.

Вещи из него поступили к директору Керченского музея древностей К. Е. Думбергу и 30 апреля 1894 г. в четырех ящиках с приложением описи были отправлены в Императорскую археологическую комиссию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894[3]. Д. 47. Л. 1). Спустя пять дней Думберг отослал в Петербург еще один рапорт, в котором подробно изложил все обстоятельства, связанные с этим открытием. Текст данного документа, безусловно, представляет интерес для понимания той ситуации в городе, когда музейным работникам приходилось буквально идти по следам «счастливчиков» (то есть людей, профессионально занимавшихся грабительскими раскопками античных памятников) и поддерживать тесные контакты с торговцами древностями. Здесь стоит воспроизвести его хотя бы отчасти.

В рапорте Думберг писал следующее:

«В полдень 9 апреля сообщил мне пристав II части г. Керчи Кази Бей Балатуков, что на бывшей даче Константиновых, принадлежащей в настоящее время керченскому мещанину Абдул-Кериму Арслан Аджи Оглу, утром рано была открыта гробница, в которой нашлось множество древних вещей. В сопровождении Балатукова я отправился немедленно туда и осматривал находку, которую Абдул-Керим показывал с величайшей готовностью. Ввиду несомненного археологического интереса найденных предметов я просил хозяина через пристава впредь до распоряжения Императорской археологической комиссии никому ничего из вещей не продавать, на что Абдул-Керим сейчас согласился. Я намеревался просить по телеграфу зависящего распоряжения Комиссии, чтобы вещи мне были переданы, но благодаря, главным образом, содействию Балатукова, пользующегося большим уважением между татарами, удалось устроить дело гораздо проще и скорее. Отправляясь на почту, я встретился с керченским полицмейстером Томпофольским, рассказал ему о случившемся и возвратился вместе с ним и с Балатуковым еще раз к татарину. Мои провожатые посоветовали Абдул-Кериму не обращаться к местным торговцам, которые его только обманут, а передать клад мне для представления в Императорскую археологическую комиссию, от которой он получит сверх хорошей цены

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

© Горончаровский В. А., 2026

[3] Далее ссылки в тексте приводятся на это дело, поэтому указываются только номера дела и листов.

еще благодарность за свой поступок. Абдул-Керим заявил без колебаний свое согласие с этим предложением, и вечером все вещи были мне переданы по подробной описи.

По существующим здесь ценам я оцениваю клад в тысячу рублей и был бы очень рад, если бы Комиссия нашла возможность заплатить татарину эту сумму. Подобного рода поступки, составляющие в Керчи величайшую редкость, заслуживают всякого поощрения, могущего иметь в будущем времени значительное влияние на местное татарское население. Благодаря происками жидовских и других торговцев господствует здесь убеждение, что Комиссия за случайные находки очень мало платит и что поэтому гораздо выгоднее обращаться к жидам. Примером жидовской подлости может служить следующий факт: я просил Букзиля[4] сказать свое мнение относительно цены найденных вещей. Букзиль, не знавший, что я в присутствии Балатукова оценил клад в тысячу рублей, отправился сперва к последнему, сообщил ему, что он приглашен „оценщиком“ и обещался оценить древности в шестьсот рублей, если татарин через посредничество Балатукова дает ему „за труд“ двести рублей. Впоследствии я узнал, что Букзиль был еще до меня у татарина и предложил ему за клад четыреста рублей. Когда древности попали в мои руки, Букзиль стал возбуждать в татарине недоверие к Комиссии и, когда Абдул-Керим, по словам Букзиля, „раскаялся в своей глупости“, Букзиль сделал Балатукову упомянутое предложение. Он, кажется, себе воображал, что его оценка будет иметь для Комиссии обязательную силу! Узнавши, что таким образом нельзя сделать маленький “Geschäft”, Букзиль изъявил желание купить у татарина право на клад и на вознаграждение Комиссии (!!) и, в конце концов, он сообщил татарину, что он за один резной камень дал бы ему тысячу рублей (!). Абдул-Керим, разумеется, хорошо понимает уже Букзиля и вполне предан Комиссии. И с такими людьми, как Борис Букзиль, нужно быть в „дружеских“ отношениях! Вражда с ним и его собратами повела бы к систематическому и полнейшему укрывательству.

Ввиду изложенных обстоятельств я покорнейше прошу Императорскую археологическую комиссию дать Абдул-Кериму самую высокую плату[5] и выразить приставу Балатукову признательность за оказанное содействие.

Бывшая дача Константиновых, занимающая всего семь десятин земли, граничит на юго-востоке с татарскою мечетью. А на северо-западе — с казенным садом и расположена, следовательно, по последнему склону горы Митридата. Курганов и других возвышенностей на даче не имеется. По сие время раскопки на даче не производились, и поэтому можно здесь [рассчитывать] на значительное количество нетронутых гробниц. Открытие 9 апреля совершено следующим образом. Преследуемые и гонимые счастливчики стали в последнее время просить у разных хозяев, владеющих землею на правах собственности, разрешения на раскопки, обещая им половину найденных вещей. Разные хозяева давали им разрешение, убедились, однако, очень скоро, что счастливчики их только надувают и обкрадывают, и раскопки кончаются всегда изгнанием „археологов“. Подобного рода история случилась и с Абдул-Керимом. Счастливчики открыли у него несколько гробниц, но так как он сам не мог следить за ними, то и ничего не было найдено. Наконец-то ему это надоело, он прогнал копателей и заключил договор с одним плотником, Егором Михайловым, занимавшимся во время покойного Люценко кладоискательством. Этому же Егору посчастливилось наткнуться на гробницу с представленными мною при рапорте от 30 апреля т[екущего] г[ода] за № 13 древностями. Нельзя не сожалеть, что я об открытии узнал так поздно и не мог присутствовать на разборке вещей. Все мои донесения основаны на сообщениях Егора, который, впрочем, как мне кажется, говорил правду.

Когда я пришел к месту находки, татары уже разрушили потолок и восточную стену гробницы женщины. Я уговаривал Абдул-Керима пощадить склеп, но он, дорожа камнем, не решился на это и оставил в целости лишь каменные саркофаги, крышки которых были уже разбиты. По крайней мере удалось снять точный план всего сооружения, отличающегося своею тщательною отделкою. Весь склеп выстроен из тщательно отесанного хорошего известняка. Егор рассказывает, что при открытии склепа гробница женщины оказалась полною земли, насыпанной туда, кажется, еще во время похорон. Гробница мужчины была чиста. Крыша саркофага в последней гробнице была прикреплена четырьмя железными болтами, которых при другом саркофаге не было. Украшений саркофаги не показывают. На наружной стороне саркофага мужчины заметны

[4] Борис Ихелевич Букзиль (1843–1916) — керченский купец, занимавшийся торговлей древностями в XIX — начале XX в. и в силу этого связанный с кладоискателями. Он владел домом и лавками на Воронцовской улице (ныне ул. Ленина) в Керчи. Там продавались античные ювелирные украшения, монеты, керамические сосуды и терракотовые статуэтки, а нередко и подделки, выдаваемые за подлинники. Среди покупателей Букзиля были такие коллекционеры, как граф Д. А. Толстой (одно время министр народного просвещения и президент Императорской академии наук); археолог-любитель профессор Д. Я. Самоквасов; старший врач Особого керченского отдельного корпуса пограничной стражи доктор И. А. Терлецкий.

[5] Вознаграждение, полученное Абдул-Керимом, действительно составило немалую сумму в тысячу рублей (Д. 47. Л. 5).

недалеко от краев две вырезки для канатов, на которых саркофаг был опущен в склеп. От обоих остовов, лежавших в деревянных (кипарисных?) ящиках без крыш[6], на толстых слоях лавровых (!) листьев, уцелели, по словам Егора, только ulnae, radii и femora (локтевые, лучевые и бедренные кости. — *Примеч. В. Г.*); все остальное превратилось в „муку“. На мужском остове одежды не нашлось (?); женщина была одетой в длинное платье, на котором, как говорят, были заметны даже все складки. На груди женщины лежала сверх платья еще тоненькая материя. С левого бока мужчины лежал, по словам Егора, меч (1¼ арш. прибл. в длину [около 0,89 м. — *Примеч. В. Г.*]), а с правого бока „кинжал“ (3/4 арш. в длину [около 0,54 м[7]. — *Примеч. В. Г.*]) и остатки удил (?). Мечи, к сожалению, уничтожены почти совсем татарами. Что касается женского головного убора, то он совсем рассыпался, так что Егор не мог определить его форму. Венок мужчины сохранил свою форму и раздробился в мелкие куски только тогда, когда его стали вынимать» (Д. 47. Л. 15–17об.).

По свежим следам К. Е. Думберг изготовил план и разрез склепа в саду Абдул-Керима (рис. 1). Он имел форму квадрата со стороной четыре аршина, то есть его площадь чуть превышала 8 кв. м. Стена толщиной[8] 0,75 м делила погребальное сооружение на две камеры глубиной 1,77 м: северную (2,44 × 0,95 м) и южную (2,42 × 0,98 м). В каждой из камер по четырем сторонам размещались небольшие ниши глубиной от 0,32 до 0,40 м. Толщина каменных плит перекрытия составляла 0,25 м. Следует особо подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о двойной гробнице. Дело в том, что О. В. Шаров, последний исследователь комплекса находок из склепа Юлия Каллисфена, в своей монографии и нескольких статьях рассматривал его как однокамерное сооружение, к тому же весьма внушительное — 8 × 8 м (*Шаров*, 2011. С. 442; 2022. С. 21, рис. 23, 24)[9]. Дополнительную путаницу эти публикации вносят и в размещение находок, связанных с мужским и женским погребениями, поскольку автором был изменен порядок цифр и отдельные элементы в описании погребального инвентаря. Для полного соответствия приводим это описание из рапорта К. Е. Думберга, отправленного в ИАК, с обозначением цифрами местонахождения отдельных предметов (Д. 47. Л. 18):

«Опись вещей

А. Гробница мужчины

I. Предметы, найденные в каменном саркофаге

№ 1. Двадцать два листа apium (сельдерей) из тонкого золота от погребальной повязки или венка и куски (кедрового?) обруча, на котором листья были укреплены.

№ 2. Пластинка из тонкого листового золота, лежавшая над венком на голове остова с надписью: „Доброй судьбе. Община фиасотов награждает Юлия Каллисфена, парафилагата, венком пожизненно, чести ради“[10].

№ 3. Золотой перстень с левой руки остова, с резным аметистом великолепной работы.

На камне вырезаны голова мужчины (императора) [Клавдия. — *Примеч. В. Г.*] и имя резчика Скилакс.

№ 4. Куски от двух железных мечей, из которых больший лежал возле левого бока остова, меньший же (кинжал!) возле правого.

№ 4А. Два куска от железных удил (?).

№ 5. Два маленьких кружка из листового золота (индикации).

№ 6. Смятые листья apium из тоненького золота. Весь остов был усеян с головы до ног этими листьями.

II. Предметы, найденные вне саркофага

Между саркофагом и южною стеною склепа

№ 7. Бронзовый умбон (?) щита с железною подкладкою. Верхний (цилиндрический) конец умбона, имевший первоначально, по словам находчика, прибл. 2 вершка в длину, отломан и разбит татарами.

В восточной нише склепа

№ 8. Два бронзовых позолоченных выпуклых кружка.

№ 9. Два железных кружка со следами позолоты, кажется, для ношения на груди[11].

№ 10. Двадцать шесть плоских и выпуклых бронзовых, деревянных и гипсовых кружков или пуговиц от пояса (?). На некоторых из них уцелели куски кожаного ремня. Большинство гипсовых пуговиц покрыто серебряными позолоченными пластинками[12].

№ 10А. Куски железных удил (?).

[6] Эти ящики были совершенно разрушены татарами. По словам Егора, железных гвоздей не нашлось на них (*сноска К. Е. Думберга*).

[7] У О. В. Шарова почему-то указан другой размер кинжала — 0,63 м (*Шаров*, 2022. С. 21).

[8] Здесь и далее измерения сделаны в соответствии с масштабом чертежей Думберга.

[9] Правда, в одной из статей приводились другие, но тоже неверные цифры — 5 × 5 аршинов (*Шаров, Чореф*, 2015. С. 362).

[10] Перевод приведенного греческого текста дан по: *Мацулевич*, 1941. С. 65; *Завойкина*, 2013. С. 56.

[11] По словам находчика, лежала одна часть этих кружков в северной нише (*сноска К. Е. Думберга*).

[12] Можно согласиться с тем, что это, скорее всего, детали конской упряжи (*Шаров*, 2022. С. 21).

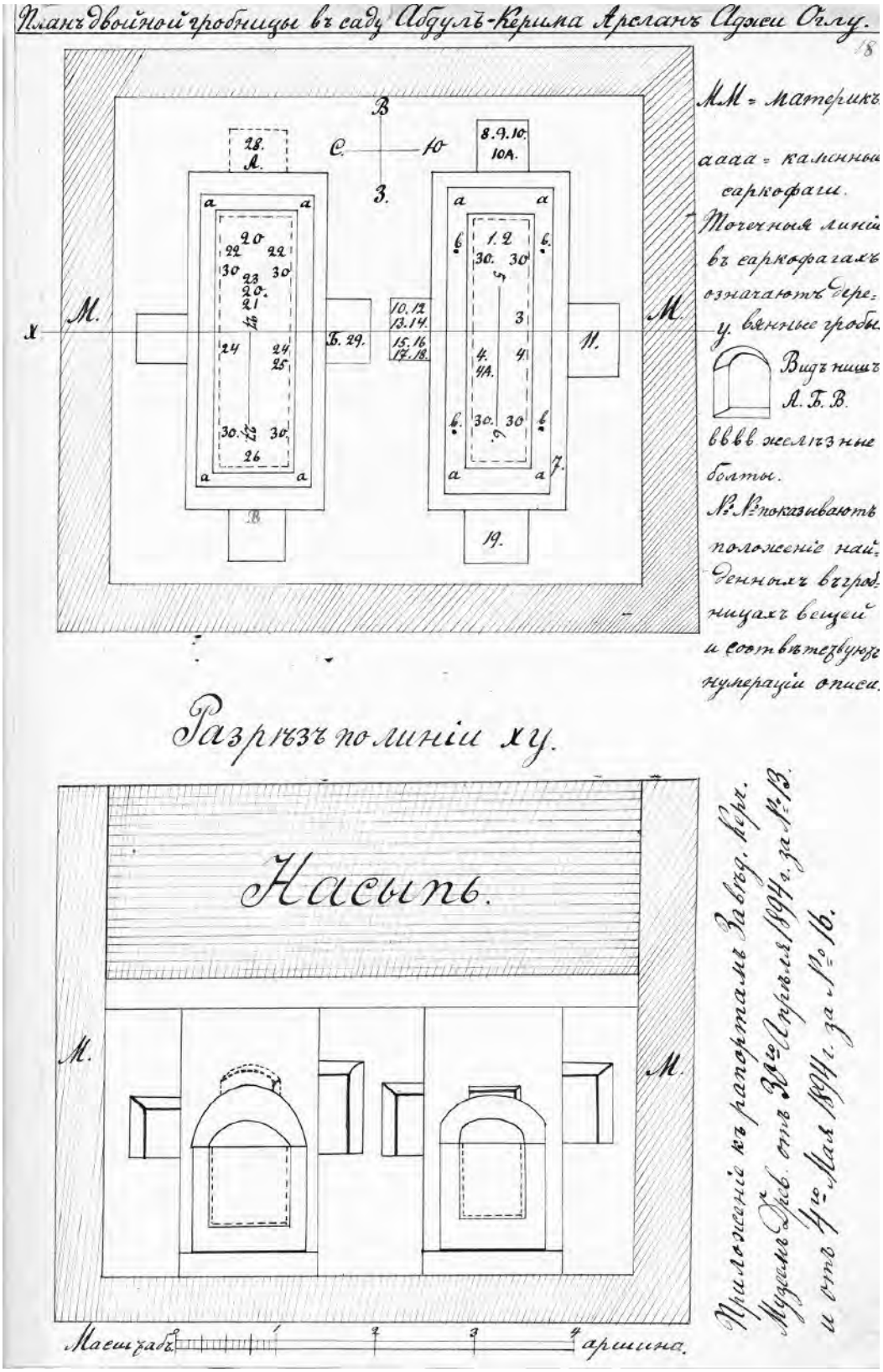

Рис. 1. План и разрез склепа Юлия Каллисфена, изготовленные К. Е. Думбергом
Fig. 1. Plan and cross-section of the crypt of Julius Callisthenes, drawn by K. E. Dumberg
[НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894 г. Д. 47. Л. 18]

В южной нише

№ 11. Два хорошо сохранившихся бронзовых наплечника (?) от панциря[13].

В северной нише

№ 12. Круглый и плоский набалдашник (?) от меча из халцедона.

№ 13. Маленькая хорошо сохранившаяся медная вазочка с крышкою, дужкою и кольцом для привешивания.

№ 14. Прекрасно сохранившийся стеклянный капельный сосуд (?) необычайной формы.

№ 15. Пузатый стеклянный сосуд.

№ 16. Три т. н. стеклянные слезницы (бальзамария. — *Примеч. В. Г.*) обыкновенной формы.

№ 17. Глиняная погребальная лампочка (светильник. — *Примеч. В. Г.*)[14].

№ 18. Куски разной стеклянной посуды.

В западной нише

№ 19. Две стеклянные пуговицы и остатки мелких бронзовых предметов. По словам находчика, лежало в этой нише, кроме того, немножко золы.

В. Гробница женщины

I. Предметы, найденные в каменном саркофаге

№ 20. Остатки женского погребального убора или повязки, состоявшей, по-видимому, из деревянного обтянутого тонкой материей обруча, украшенного листьями из тончайшего золота. Одна часть отдельных листьев лежала, по словам находчика, на голове, другая на груди остова.

№ 21. Девять золотых трубочек и одиннадцать золотых бляшек, лежавших на груди остова.

№ 22. Пара сережек из тонкого золота в виде aediculum с подвесками.

№ 23. Маленькая деревянная коробочка с крышечкой, лежавшая на груди остова[15].

№ 24. Два браслета из тоненького золота, на них выведены гладилом лавровые листья с ягодками.

№ 25. Золотой перстень с левой руки остова, в нем вставлен агат, на котором вырезана фигура Афины (?).

№ 26. Медное зеркало со следами позолоты, лежавшее в ногах остова. На оборотной стороне зеркала изображены три грации.

№ 27. Остатки материи[16] от женского платья.

II. Предметы, найденные вне саркофага

В восточной нише

№ 28. Вырезанная из кабаньего клыка голова птицы, шея которой украшена плющевыми листьями.

В южной нише

№ 29. Стеклянный цилиндрический графин.

№ 30. Лавровые листья. По словам находчика, было дно обоих саркофагов покрыто толстым слоем (до ½ арш. [около 0,36 м. — *Примеч. В. Г.*]) этих листьев»[17] (Д. 47. Л. 7–8об.).

Предварительно склеп Каллисфена датировали серединой II в. н. э. (Отчет ИАК за 1894 г., 1896. С. 44). Позднее Л. А. Мацулевич на основе палеографического анализа надписи на золотой пластине венка и датировки предметов из склепа счел возможным отнести обнаруженные там захоронения к рубежу I–II вв. н. э. (*Мацулевич*, 1941. С. 63). О. В. Шаров и его соавтор М. М. Чореф высказались в пользу омоложения этого погребального комплекса до середины — второй половины II в. н. э., хотя, как отмечали они сами, «возникает сильное противоречие между датами различных типов погребального инвентаря: стеклянные сосуды второй половины I в. н. э., вероятно, были оставлены от прежних погребений, а новый владелец был подхоронен в склеп с двумя наборами конской упряжи, с оружием — мечом и кинжалом и большим щитом, украшенным „германским“ умбоном с шипом» (*Шаров*, 2022. С. 23; см. также: *Шаров, Чореф*, 2015). В итоге делался вывод: «Юлий Каллисфен… был погребен по сарматскому погребальному обряду: оружие в погребении и две конские упряжи, заменяющие двух коней в потустороннем мире. Это характерные признаки инвентаря позднесарматских всаднических погребений» (*Шаров*, 2011. С. 447, 448; 2022. С. 23), что с его точки зрения фиксирует «начало наиболее ярких изменений в укладе жителей боспорских городов» (*Шаров*, 2022. С. 20). Отсюда и следует заключение Н. В. Завойкиной о том, что исходя «из совокупности датировок погребального комплекса из склепа Юлия Каллисфена, надпись на налобной золотой платине нужно относить ко времени не ранее середины II в.» (*Завойкина,* 2013. С. 55, 56).

Учитывая важность склепа Юлия Каллисфена для характеристики боспорской элиты первых

[13] Эти предметы после поступления в Эрмитаж были определены как стригили.

[14] У О. В. Шарова здесь почему-то фигурирует глиняный бальзамарий (*Шаров*, 2022. С. 21).

[15] Этот предмет правильнее назвать флаконом, поскольку его тулово с двумя петлями для подвешивания имеет форму сужающегося книзу выпуклого овала, донышко плоское. Высота без крышечки 3,9 см.

[16] Самая тонкая и прозрачная материя лежала, по словам находчика, на груди остова (*сноска К. Е. Думберга*).

[17] Аналогичная картина была зафиксирована в гробнице № 109 пантикапейского некрополя, открытой в 1905 г. В мраморный саркофаг там поместили деревянный гроб без крышки, где останки покойного лежали на толстом слое лавровых листьев (*Шкорпил*, 1909а. С. 33).

веков новой эры, стоит рассмотреть всю, в том числе неопубликованную, информацию о нем в контексте других погребальных комплексов столицы Боспора. Прежде всего, обнаруженная в 1894 г. гробница не является исключением. В свое время Г. А. Цветаева отметила существование в грунтовом некрополе Пантикапея римского времени «традиции устройства параллельных, соединенных между собой двойных каменных гробниц» (*Цветаева*, 1951. С. 80, примеч. 1), в качестве примера сославшись на две из них с камерами высотой от 1,50 до 1,71 м, расположенными параллельно. Их разделяли стены толщиной от 0,51 до 0,56 м, а в боковых стенах имелись ниши. Во-первых, это грабленая гробница № 111 1905 г., датируемая плохо сохранившейся монетой Митридата VIII (39/40–44/45 гг. н. э.) (*Шкорпил*, 1909а. С. 34, рис. 24). Во-вторых, перекрытая солидными каменными плитами непотревоженная гробница № 59–60 1906 г. (*Шкорпил*, 1909б. С. 71, 72, рис. 17), в каждой камере которой находился резной деревянный саркофаг. Один из них, лучше сохранившийся, имел полуцилиндрическую крышку, что на Боспоре зафиксировано только для конца I — начала II в. н. э. (*Сокольский*, 1971. С. 120). Возле правого колена погребенного здесь были найдены две медные монеты: асс Котиса I (ок. 50–54 гг. н. э.) и сестерций Савромата I (ок. 104–106 гг. н. э.) (см.: *Бурачков*, 1884. Табл. XXVII, *10*; XVIII, *159*; *Анохин*, 1986. С. 152, 156, табл. 13, *348*; 18, *443*).

Возможно, двойные склепы появились на Боспоре уже в первой половине I в. н. э. Во всяком случае так можно датировать комплекс, обнаруженный во дворе керченского мещанина А. Борецкого, где погребенные лежали в остатках деревянных гробов и «с головы до ног усыпаны были золотыми листочками»[18] (Отчет ИАК за 1894 г., 1896. С. 44). Имеющийся список можно дополнить склепом № 26, исследованным в 1910 г. (*Шкорпил*, 1913. С. 50, 51), где две камеры глубиной 1,59 и 1,61 м разделяла стена толщиной 0,44 м; толщина плит перекрытия составляла 0,29 м. Северная камера оказалась совершенно пустой, тогда как в южной стоял деревянный саркофаг с арочками архитектурного стиля (группа II, по Н. И. Сокольскому), датируемый серединой — третьей четвертью I в. н. э. (*Сокольский*, 1969. С. 57–60, № 75, рис. 28; 30, *1*). Находившийся в нем скелет женщины был облачен «в длинное темное платье,

Рис. 2. Золотая пластина погребального венка с надписью

Fig. 2. Gold plaque from a funerary wreath, bearing an inscription

[*Завойкина*, 2013. С. 55, рис. 11]

усеянное золотыми листочками апия или просто кусочками листового золота разной формы; на голове найдено восемь больших золотых листьев апия, прикрепленных к истлевшей полоске материи темного цвета» (*Шкорпил*, 1913. С. 50). В ногах стоял одноручный стеклянный сосуд, возле правой руки лежали обломки железного ножа.

Скорее всего, именно к этому типу склепов относится и гробница 1896 г. (рубеж I–II вв. н. э.), которая, по словам известного торговца древностями Ермолая Запорожского, была выложена «штучными камнями (т. е. каменными блоками. — *Примеч. В. Г.*) и состояла из двух камер» (подробнее об этом захоронении см.: *Горончаровский*, 2025).

Теперь перейдем к вопросу о датировке предметов погребального инвентаря из склепа Юлия Каллисфена. Наиболее многочисленны они в южной камере с мужским погребением. Именно отсюда происходят вещи, являющиеся главными аргументами в пользу его вторичности: tabula ansata (рис. 2), из которой стало известно имя владельца склепа, и умбон щита «германского» типа (рис. 3).

Золотой венок[19] с надписью определенно был изготовлен для погребения, о чем говорят украшавшие его листья сельдерея, так как это растение считалось олицетворением печали[20]. Судя по описанию, табличка (7,0 × 4,9 см) находилась

[18] Относительно датировки погребений см.: *Кунина*, 1997. С. 285, № 160, 161.

[19] Венок представлял собой деревянный обруч шириной 6,3 см, на котором крепились золотые листья сельдерея и tabula ansata.

[20] Венки из живого сельдерея, по свидетельству Плиния Старшего, надевали на поминках (Plin. NH. XX. 44).

Рис. 3. Железный умбон, обтянутый бронзовым листом с тисненым орнаментом

Fig. 3. Iron shield umbo clad in a bronze sheet with embossed ornamentation

[*Шаров*, 2022. С. 190, рис. 27]

в центре венка, а по обеим сторонам от нее могли размещаться две монетные индикации (диаметром 2,1 и 1,8 см) с плохо сохранившимися изображениями. Надпись, скорее всего, представляет собой фрагмент почетного постановления, сделанного еще при жизни погребенного. «Пожизненность» предоставленной награды, видимо, выражалась не в постоянном ношении венка, а в праве появляться в нем на общих собраниях койнона фиаситов[21] (*Мацулевич*, 1941. С. 62–66), а также в семейной памяти о полученной почести. Последнее и могло послужить причиной заказа изделия с надписью, выдавленной с тыльной стороны золотой пластинки по заранее размеченным девяти строкам. Ее исполнение курсивом по достаточно мягкому материалу при всем стремлении к подражанию лапидарной эпиграфике близко манере письма на папирусе или остраконах. В данном случае мастер явно не имел навыков лапидарной техники вырезания текста. Отсюда его плотность в первых строках и большие промежутки между буквами в конце. Вряд ли оправданно, как это делает М. М. Чореф, в целях датировки сравнивать их формы с пантикапейскими и тем более херсонесскими надписями (*Шаров, Чореф*, 2015. С. 369, 370), ведь в палеографии хорошо известен тот факт, что курсивное письмо в своем развитии нередко опережало по внедрению новых начертаний букв лапидарный шрифт, по крайней мере, на полстолетия. С учетом этого наблюдения и ближайших аналогий для отдельных элементов шрифта надписи в двух эпитафиях конца I — первой половины II в. н. э. из Пантикапея (КБН-альбом. № 80, 84)[22], вероятнее всего, она относится к рубежу упомянутых столетий. В любом случае наличие tabula ansata у погребенного и покрытие его целиком золотыми листочками сельдерея[23] подчеркивали социальный статус и принадлежность к обеспеченному слою боспорского общества.

Что касается железного с бронзовой рельефной обкладкой умбона (диаметром 0,2 м)[24] парадного щита (*clypeus*), найденного в юго-западном углу камеры за саркофагом, то он, с учетом ряда сопоставимых находок, скорее всего, был изготовлен в первой половине I в. н. э. и спустя несколько десятилетий подвергся ремонту[25]. Не исключено, что щит относился к разряду римских военных наград (dona militaria), которые получали офицеры вспомогательной кавалерии

[21] Самое раннее датированное упоминание фиаса в Пантикапее содержится в надписи КБН 76 (82 г. н. э.), где говорится об установке членами частного союза стелы с посвящением Зевсу и Гере Спасителям.

[22] См. характерные черты лунарных сигмы и эпсилона, ро с маленькой петелькой, вытянутой омеги, теты с перекладиной, не касающейся ее контура, и фи с овалом посередине вертикальной гасты (ср.: *Габелко и др.*, 2006. С. 334).

[23] Такая погребальная традиция была довольно распространенной среди пантикапейской знати римского времени (*Мацулевич*, 1941. С. 70, 71).

[24] Пользуюсь возможностью выразить благодарность за консультации старшим научным сотрудникам отдела античного мира Государственного Эрмитажа Д. Е. Чистову и О. В. Горской.

[25] Относить умбон к изделиям германского происхождения на основании рассказа Егора Михайлова о длине его шипа в два вершка (по Шарову — 8 см) некорректно, поскольку кроме официального использовался также «народный вершок», соответствовавший размеру верха большого пальца (*Шевцов*, 2007. С. 136).

(подробнее см.: *Масякин*, 2018. С. 300–303). Боспорец Юлий Каллисфен, видимо, получивший право римского гражданства по наследству[26], вполне мог служить в подобном подразделении.

Перстень с портретом Клавдия на аметистовой вставке работы придворного мастера Скилакса (*Неверов*, 1976. С. 109, кат. 131) позволяет предполагать особые заслуги его владельца перед императором. Воинскую принадлежность покойного подчеркивало помещение рядом с ним кинжала и длинного меча, плоское круглое навершие которого, изготовленное из халцедона (диаметр 6,1 см), поместили в северную нишу.

Отметим также присутствие в саркофаге и восточной нише камеры девяти обломков железных удил (?), дополненных остатками парадной конской сбруи. От нее сохранились остатки кожаного ремня, два железных фалара (диаметром 10,2 см); две круглые выпуклые бляхи, обтянутые золотым листом (диаметром 8,0 см) и 24 более мелкие плоские и выпуклые бляхи круглой формы и разных размеров (на некоторых следы позолоты, или они имеют серебряное с позолотой покрытие)[27].

С одной стороны, эти находки можно рассматривать как еще один статусный признак, с другой — как символическую замену коней, необходимых для длительного пути в загробном мире на встречу с Великой богиней (*Виноградов,* 2022. С. 104). Такие представления о посмертном существовании закрепились в среде боспорской аристократии уже с рубежа новой эры. В то же время помещение тела на толстый слой лавровых листьев соответствует греческой ритуальной практике их использования как очистительного и апотропеического средства (*Кагаров*, 1913. С. 127, 128).

Приверженность погребенного эллинской культуре демонстрируют и два бронзовых стригиля (длиной 15,3 и 15,0 см) без рукояток из южной ниши (рис. 4, *1*). Аналогичный по форме стригиль из погребения 3 в западном некрополе Фанагории датируется серединой I — началом II в. н. э. (*Шавырина, Ворошилова*, 2013. С. 441, рис. 18, *8*). Такие же стригили найдены на полу между саркофагами 1 и 2 в горгиппийском склепе II, открытом в 1975 г. (*Алексеева*, 2021. С. 186, 187, рис. 120–123). Три из них имели рукоятки, украшенные выемчатыми эмалями, которые можно сопоставить с продукцией провинциальных мастерских Северной Галлии конца I — начала II в. н. э. (*Leman-Delerive*, 1986).

Существование в первые века новой эры в столице Боспора специального комплекса для занятий физическими упражнениями подтверждается надписями, где упоминается должность гимнасиарха: КБН 90 (II в. н. э., гимнасиарх Лисимах), КБН 103 (конец III в. н. э., гимнасиарх Дада, сын Антимаха), КБН 823. Эта должность существовала и в других городах царства: Горгиппии — КБН 1140 (вторая половина II в. н. э., гимнасиарх Фарнакион), Танаисе — КБН 1263 (вторая половина II в. н. э., гимнасиарх Фанн), КБН 1264 (первая половина II в. н. э., гимнасиарх Менофил, сын Хрестиона), КБН 1277 (начало III в. н. э., гимнасиарх Басилид, сын Феоника), КБН 1278 (220 г. н. э., Фиагор, сын Антисфена), КБН 1279 (225 г. н. э., гимнасиарх Балодий, сын Деметрия), КБН 1280 (225 г. н. э., гимнасиарх Гераклид, сын Гераклида), КБН 1287 (244 г. н. э., гимнасиарх Макарий, сын Мастуса), КБН 1288 (первая половина III в. н. э., гимнасиарх Фадинам, сын Каллистиона). Показательно, что за редкими исключениями все имена упомянутых должностных лиц греческие.

Из северной ниши помимо уже упомянутого халцедонового навершия меча происходит серия различных сосудов и краснолаковый светильник. Среди них выделяется бронзовый бальзамарий с выпуклой крышкой и дугообразной ручкой с концами в виде лебединых головок (рис. 4, *2*). Горло его сужается посередине, плечики выделены, тулово округлое с рельефным декором из двух рядов концентрических окружностей, на низком поддоне. Этот небольшой, 11,4 см высотой, сосудик, предназначенный для благовонного масла, в своем роде уникален. Он не имеет аналогий среди подобных изделий первых веков новой эры при известном сходстве с вариантом типа IIb по классификации К. Браун (*Braun*, 2001. P. 5). Стоит упомянуть, что копирующие металлические, сходные по форме и размерам, сосуды эпохи позднего латена относятся к продукции мастерских Южной Галлии (*Fouet*, 1970. P. 20, fig. 6, G; *Braun*, 2001. P. 23, abb. 38). В отношении

[26] Помимо представителей династии Тиберия — Юлиев для I в. н. э. это единственный римский гражданин из числа местной знати. Все прочие упоминания о Юлиях в надписях из Пантикапея, Гермонассы, Горгиппии и Танаиса относятся ко II в. н. э. (КБН 47, 49, 85, 92, 572, 1055, 1145, 1237, 1247).

[27] В этой связи можно упомянуть набор украшений конской узды, обнаруженный в пантикапейской двойной гробнице 1896 г., относящейся к рубежу I–II вв. н. э. Он состоял из обтянутых золотым листом 28 бронзовых блях различной формы (*Горончаровский*, 2025. С. 37, рис. 9).

Рис. 4. Предметы, найденные в нишах южной погребальной камеры склепа: *1* — бронзовые стригили; *2* — бронзовый бальзамарий; *3* — краснолаковый светильник

Fig. 4. Objects found in the niches of the crypt's southern burial chamber: *1* — bronze strigils; *2* — bronze balsamarium; *3* — red-slip oil lamp

[НА ИИМК РАН. ФО. *1* — Отп. Q 844-12; *2* — Отп. Q 844-25; *3* — Отп. Q 844-30]

формы бальзамарий из склепа Каллисфена близок к ситулам типа Бокер, которые, по-видимому, производились в Северной Италии и датируются LT D2 (ок. 70–25 гг. до н. э.) (*Boube*, 1991. P. 19, 20, fig. 12). Не исключено, что он использовался в комплекте со стригилями и в силу этого попал в захоронение (*Boardman*, 1971. P. 136, 137).

Весь набор стеклянных сосудов из северной ниши датируется второй половиной I в. н. э. Это гуттус в форме стилизованной фигуры птицы (*Кунина*, 1997. С. 327, кат. 377), бутыль с шаровидным туловом и цилиндрическим горлом (*Там же*. С. 297, кат. 214) и три бальзамария, от одного из которых сохранилось только горло (ср.: *Кунина*, 1997. С. 324, 325, кат. 363; *Кунина, Сорокина*, 1972. С. 150–153, рис. 3, *10*). Найденный вместе с ними краснолаковый светильник (рис. 4, *3*) с волютами, округлым рожком, тремя концентрическими желобками на щитке и петельчатой ручкой (длина 14,3 см, высота 3,5 см) был впервые опубликован О. Ф. Вальдгауером, который отнес его к римскому типу I в. н. э. (*Вальдгауер*, 1914. С. 41, табл. XXV, *236*). На Боспоре таких светильников, вероятно, являющихся продукцией малоазийских мастерских, известно сравнительно немного, и они считаются «относительно дорогими маркерами столичной жизни» (*Журавлев, Быковская*, 2023. С. 49). Аналогичные изделия с волютами, имеющие широкий рожок со скругленным завершением, в настоящее время датируются второй половиной I в. н. э. (*Там же*. С. 54–57, рис. 2, *6–9*).

Останки женщины, погребенной в северной камере, также покоились на толстом слое лавровых листьев. Помимо фрагментов головного убора с листьями из тончайшего золота здесь были найдены две золотые серьги (рис. 5, *1*) со щитком в виде стилизованного изображения портика храма, с подвешенными к нему на свернутых спиралью проволочках тремя круглыми подвесками (общая высота 6,2 см). Они датируются второй половиной I — началом II в. н. э. (*Мордвинцева*, *Трейстер,* 2007. Т. 1. С. 128, 170. Т. 2. Кат. B32.1. Т. 3. Табл. 56) и довольно близко напоминают продукцию мастерских Колхиды, производивших в этот период различные украшения (*Трейстер*, 2023. С. 336, рис. 13, *3*; 16, *10*).

В районе груди лежали девять трубочек-пронизок (длиной 1,4 см, две из них с рубчиками) и 11 бляшек каплевидной формы с рубчатым ободком (длиной 1,0 см)[28], те и другие — из золота. Подобные бляшки из западного некрополя Фанагории датируются второй половиной I — началом II в. н. э. (Фанагория…, 2015. С. 399, 400, табл. 21, *4)*. К тому же времени относятся двухчастные браслеты диаметром 5,7 см (рис. 5, *2а, 2б*) из золотой фольги с тисненым изображением лаврового венка (*Мордвинцева*, *Трейстер,* 2007. Т. 1. С. 150. Т. 2. Кат. B32.2. Т. 3. Табл. 56). Определенный интерес представляет и золотой дутый перстень с плоской внутри и выпуклой снаружи шинкой (рис. 5, *3*). На щиток его напаян каст, в который вставлена инталия на никколо с изображением Афины, опирающейся на копье. По форме это изделие полностью соответствует перстню I в. н. э., приобретенному в Керчи в 1885 г. (*Арсентьева, Горская*, 2019. С. 104, кат. 99).

[28] Там же, на груди, находился деревянный сосудик (высотой 3,9 см) с крышечкой, который имел выпуклые стенки и плоское дно. На узких сторонах его имелись две петли для подвешивания.

В ногах погребенной в саркофаге женщины лежало уникальное для Северного Причерноморья бронзовое зеркало диаметром 12,7 см (рис. 6). На его крышке в рельефе изображены три Грации. Всего известно 11 таких зеркал (*Milleker*, 1988. P. 69, 71–74, fig. 1–11). География их находок при наличии провенанса (5 экз.) достаточна широка: помимо Керчи это Малая Азия, Южная Германия (Ингольштадт) и Северная Африка (Карфаген) (*Willers*, 1986. № 1–3, 36–38; *Milleker*, 1988. P. 81; *Трейстер*, 1991. С. 95). Соответственно связь с какой-либо локальной мастерской трудно установить.

Тонкая бронзовая пластина эрмитажного зеркала имеет следы позолоты. Ее внешний край слегка приподнят, образуя выпуклую полосу шириной около 1,0 см. Фигуры Граций расположены на одной плоскости, обозначенной прямой линией. Две показаны анфас, центральная, с частичной драпировкой, — сзади. Каждая Грация держит одну руку на плече другой, все головы показаны в профиль. В свободных руках крайних фигур — стебли пшеницы. Слева от них — кратер с волютообразными ручками, справа — одноручный сосуд вытянутой формы. Сама композиция из трех обнаженных Граций, несомненно, восходит к скульптурной группе позднеэллинистического периода (*Havelock*, 1981. P. 268, tabl. XIX). В ее воспроизведении на фресках из Помпей мотив драпировки нижней части центральной фигуры отсутствует. Следовательно, он появляется не ранее конца I в. н. э. Большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать зеркала с таким сюжетом началом правления династии Антонинов (*Milleker*, 1988. P. 70).

Стоит упомянуть и найденные в саркофаге четыре фрагмента шерстяных тканей разной плотности плетения. Все они окрашены в различные оттенки коричневого цвета (*Герцигер*, 1973. С. 94, 95, кат. 24–27). Вне саркофага в восточной нише лежала вырезанная из кабаньего клыка голова птицы, возможно, служившая своего рода амулетом (рис. 7). Глаза ее обозначены глубокими линиями, зрачок трактован как выпуклый кружок с углубленной точкой, клюв выделен. Поверх схематично изображенных перьев показана ветка плюща, от которой отходят в стороны по четыре листка с каждой стороны.

В южной нише стоял кувшин с цилиндрическим туловом и горлом, горизонтальными плечиками и широкой лентовидной ручкой. Такие сосуды относятся к изделиям восточносредиземноморских мастерских второй половины I в. н. э. (*Кунина*, 1997. С. 302, кат. 238).

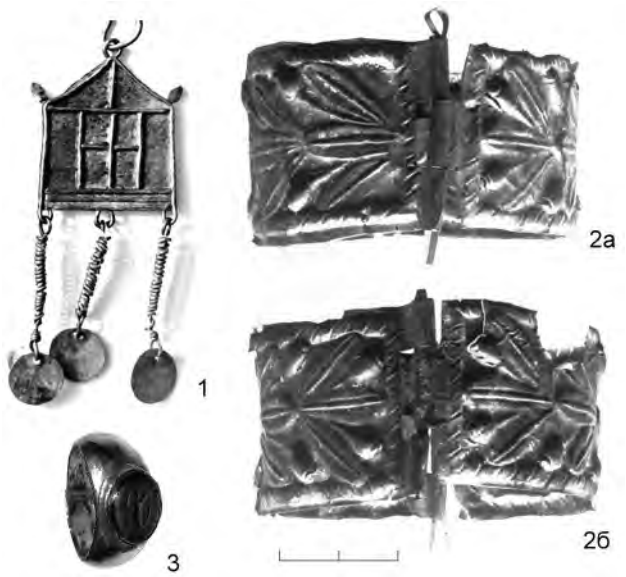

Рис. 5. Золотые ювелирные изделия из женского погребения в северной камере склепа: *1* — серьга с подвесками; *2а, 2б* — браслеты; *3* — перстень с вставкой из никколо

Fig. 5. Gold jewelry from the female burial in the northern chamber of the tomb: *1* — earring with pendants; *2* — bracelets; *3* — ring with a nicolo inlay

[НА ИИМК РАН. *1, 3* — РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894 г. Д. 47. Л. 13, 12; *2* — ФО. Отп. Q 844-22]

Рис. 6. Бронзовое зеркало с изображением трех Граций

Fig. 6. Bronze mirror depicting the Three Graces

[НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 844-18]

Рис. 7. Голова птицы, вырезанная из кабаньего клыка

Fig. 7. Bird's head carved from a boar's tusk

[НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 844-28]

Исходя из того, что северная камера склепа Юлия Каллисфена была заполнена землей, а соседняя — нет, можно предположить, что погребение женщины, которая, видимо, приходилась ему супругой (*Мацулевич*, 1941. С. 75), было совершено раньше. Тогда при более позднем захоронении из засыпи поверх перекрытия (мощностью около 1,48 м) в северную камеру мог попасть грунт, который не стали вычищать из узких (6–15 см) промежутков между ее стенками и каменным саркофагом[29]. Вряд ли временной разрыв между двумя погребениями был достаточно большим, и оба они приходятся на период около рубежа I–II вв. н. э. Слишком много общих черт их объединяет: однотипные каменные саркофаги и деревянные гробы без крышек с толстым слоем лавровых листьев на дне; золотые венки и листья апия, покрывавшие тела усопших; практически синхронные наборы предметов погребального инвентаря. Таким образом, сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что идея позднего подзахоронения в склепе Юлия Каллисфена, которое фиксирует связанные с сарматским влиянием наиболее яркие изменения в укладе жителей боспорских городов со второй половины II в. н. э., оказалась несостоятельной.

[29] Такая же картина в случае подзахоронения была бы и в южной камере.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2026 г.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 47: Думберг К. Е. О древностях, открытых в Керчи, на склоне Митридата (на частной земле). 171 л.

Алексеева, 2021 — *Алексеева Е. М.* Некрополь античного города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М.; Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.

Анохин, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 224 с.

Арсентьева, Горская, 2019 — *Арсентьева Е. И., Горская О. В.* Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 196 с.

Бурачков, 1884 — *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России. Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. 289 с.

Вальдгауер, 1914 — *Вальдгауер О. Ф.* Античные глиняные светильники. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 68 с.

Виноградов, 2022 — *Виноградов Ю. А.* Расписной склеп Анфестерия в Керчи // Боспорские исследования. 2022. Вып. XLV. С. 93–115.

Габелко и др., 2006 — *Габелко О. Л., Завойкина Н. В., Шавырина Т. Г.* «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н. э. // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 334–344.

Герцигер, 1973 — *Герцигер Л. С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1973. С. 72–100.

Горончаровский, 2025 — *Горончаровский В. А.* О датировке и особенностях погребального обряда гробницы 1896 г. в некрополе Пантикапея римского времени // Археологические вести. 2025. Вып. 47. С. 31–41.

Журавлев, Быковская, 2023 — *Журавлев Д. В., Быковская Н. В.* Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника // Профессор Е. А. Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы науч. конф. / Под ред. А. В. Махлаюка. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т, 2023. С. 48–78.

Завойкина, 2013 — *Завойкина Н. В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 284 с.

Кагаров, 1913 — *Кагаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.: Сенатская тип., 1913. 327 с.

Кунина, 1997 — *Кунина Н. З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997. 360 с.

Кунина, Сорокина, 1972 — *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Гос. Эрмитажа. Л.: Аврора, 1972. Вып. XIII. С. 146–177.

Масякин, 2018 — *Масякин В. В.* Умбон щита из склепа Юлия Каллисфена // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы междунар. науч. конф. / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2018. С. 299–308.

Мацулевич, 1941 — *Мацулевич Л. А.* Кто был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Т. VII. С. 61–80.

Мордвинцева, Трейстер, 2007 — *Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю.* Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н. э. — II в. н. э. В 3 т. Симферополь; Бонн: Универсум, Тарпан, 2007. 308 с. + 255 с. + 204 с.

Неверов, 1976 — *Неверов О. Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с.

Отчет ИАК за 1894 г., 1896 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1894 г. СПб.: Гл. упр. уделов, 1896. 172 с.

Сокольский, 1969 — *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М.: Наука, 1969 (САИ; Вып. Г1-17). 190 с.

Сокольский, 1971 — *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971 (МИА; № 178). 285 с.

Трейстер, 1991 — *Трейстер М. Ю.* Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе // СА. 1991. № 1. С. 90–103.

Трейстер, 2023 — *Трейстер М. Ю.* О ювелирных изделиях первых веков н. э. из комплексов на территории Колхиды и прилегающих областей Северо-Восточного Причерноморья (о так называемой стилистической группе «Горгиппия — Лоо») // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 336–397.

Фанагория…, 2015 — Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории. М.: ИА РАН, 2015. 604 с.

Цветаева, 1951 — *Цветаева Г. А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I / Под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА; № 19). С. 63–86.

Шавырина, Ворошилова, 2013 — *Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М.* Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 1. С. 415–481.

Шаров, 2011 — *Шаров О. В.* К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Вып. III. Ростов н/Д.: Южный НЦ РАН, 2011. С. 435–464.

Шаров, 2022 — *Шаров О. В.* Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы (середина II — середина IV в. н. э.). М.: ИА РАН, 2022. 304 с.

Шаров, Чореф, 2015 — *Шаров О. В., Чореф М. М.* К вопросу о датировке *tabula ansata c* именем Юлия Каллисфена // Stratum plus. 2015. № 4: Время перемен: «на рубеже эр». С. 357–375.

Шевцов, 2007 — *Шевцов В. В.* Историческая метрология России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. 280 с.

Шкорпил, 1909а — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в 1905 г. в г. Керчи // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. Вып. 30. С. 1–50.

Шкорпил, 1909б — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. Вып. 30. С. 51–98.

Шкорпил, 1913 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. Вып. 47. С. 42–72.

Boardman, 1971 — *Boardman J.* Sickles and Strigils // Journal of Hellenic Studies. 1971. Vol. 91. P. 136–137.

Boube, 1991 — *Boube C.* Les situles de type Beaucaire // La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Dijon: Université de Bourgogne, 1991. P. 19–21.

Braun, 2001 — *Braun C.* Römische Bronzebalsamarien mit Reliefdekor. Oxford, 2001 (BAR. Intern. Ser.; Bd. 917). 188 S.

Fouet, 1970 — *Fouet G.* Vases gaulois de la région toulousaine // Gallia. 1970. Vol. XXVIII. P. 11–33.

Havelock, 1981 — *Havelock C. M.* Hellenistic Art: the Art of the Classical World from the death of Alexander the Great to the Battle of Actium. New-York: Norton, 1981. 283 p.

Leman-Delerive, 1986 — *Leman-Delerive G.* Une plaque émaillée celtique découverte à Paillart (Oise) // Gallia. 1986. Vol. 44, fasc. 1. P. 29–53.

Milleker, 1988 — *Milleker E. J.* The Three Graces on a Roman Relief Mirror // The Metropolitan Museum of Art Journal. 1988. Vol. 23. P. 69–81.

Willers, 1986 — *Willers D.* Vom Etruskischen zum Römischen: Noch einmal zu einem Spiegelrelief in Malibu // The J. Paul Getty Museum Journal. 1986. Vol. 14. P. 21–36.

The Panticapaeum crypt of Julius Callisthenes

V. A. Goroncharovsky[30]

Keywords: Bosporan Kingdom, Panticapaeum necropolis, crypt of Julius Callisthenes, 1st–2nd cent. AD

One of the most interesting archaeological discoveries of 1894 in Kerch occurred on the northern slope of Mount Mithridates, where a meticulously crafted stone crypt with no signs of an overlying burial mound was accidentally uncovered. Acting on the fresh evidence, K. E. Dumberg, the director of the Kerch Museum, drew up a plan and a cross-section of this two-chambered burial structure (fig. 1). An inscription on a gold wreath plaque (fig. 2) revealed the owner's name: Julius Callisthenes. His status as a warrior was underscored by the long sword and dagger placed inside his sarcophagus, as well as a shield — of which only the decorated umbo survived — positioned nearby (fig. 3). The article presents a detailed description and dating of the finds from this chamber (fig. 4) and the adjacent chamber containing a female burial (figs. 5–7). Based on this evidence, the author concludes that the time gap between the two burials was likely minimal, with both dating to the period around the turn of the 1st and 2nd cent. AD.

[30] Vladimir A. Goroncharovsky — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

О богине Ангиссе (КБН, № 27)[1]

И. Ю. Шауб[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются данные об Ангиссе (одной из ипостасей Великой малоазийской богини), упомянутой в посвятительной надписи (КБН, № 27), по всей вероятности, найденной на территории Боспорского царства и относящейся, скорее всего, ко второй половине II — началу III в. н. э. Предпринята попытка выяснения специфики этого божества, которая обусловила появление настоящего вотива.*

Ключевые слова*: Ангисса (Агдистис), Кибела, Мать богов, Великая богиня, Боспор Киммерийский, Малая Азия*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-97-106

Посвятительная надпись Ангиссе (КБН, № 27) хорошо известна. Недавняя добротная публикация, посвященная этой надписи в контексте анализа проблемы появления курсива в боспорской лапидарной эпиграфике (*Бехтер*, 2025), избавляет нас от необходимости подробно рассматривать сам памятник, проблематику его датировки, однозначно неразрешимый при современном состоянии наших знаний вопрос о его происхождении и сосредоточиться на его содержательной стороне, которая до сих пор не вызывала должного интереса исследователей. (Характерно, что в вышеупомянутой статье автор не анализирует образ Ангиссы, ограничиваясь всего лишь ссылками на излагающих миф о ней Павсания и Арнобия, а также на две работы (*Gusmani*, 1959; *Gasparro*, 1985), в которых рассматриваются сведения об этом божестве.)[3]

Сам памятник (изображение см.: *Бехтер,* 2025. Рис. 1, *1*) представляет собою небольшую плиту из белого мрамора высотой 23, шириной 29 и толщиной 5 см. В четырехугольном углублении вырезан рельеф, на котором изображены две стоящие женщины, справа от них — девочка. Все они одеты в хитоны и плащи, их головы не покрыты. Женщина, стоящая слева, держит в руках неясный предмет. Надпись двустрочная, сделана под рельефом и вырезана довольно небрежно; высота букв — всего полсантиметра.

Где и когда был найден этот памятник, неизвестно. Его купил в Керчи известный нумизмат и коллекционер боспорских древностей П. О. Бурачков. Сейчас плита хранится в Гос. Историческом музее в Москве.

Надпись впервые издал В. В. Латышев (IPE, II. N 31; по собственной копии и эстампажу). Ее чтение и перевод не вызывают никаких сомнений:

Πλουσία ὑπὲρ τῶν θυγατέρων κατὰ πρόσταγμα Ἀγγίσσ(ε)ι ἀνέθηκε

(Плусия за своих дочерей посвятила Ангиссе по (ее) повелению).

Единственное разночтение вызывает имя богини, поскольку на плите вырезано ΑΓΓΙCCCΙ. В. В. Латышев (*Ibid.*) считал, что здесь мы имеем Ἀγγίσ[τε]ι. Однако восстановление Ἀγγίσ[τε]ι не

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: schaubigor@yandex.ru.

© Шауб И. Ю., 2026

[3] В свою очередь, наш вотив Ангиссе если и упоминается в работах, посвященных Матери богов и ее ипостасям, то лишь вскользь. Что касается этих работ, то из всего их обилия следует (наряду с упоминаемыми в тексте нашей статьи) отметить следующие: *Богатова,* 1998; *Hepding*, 1903; *Graillot*, 1912; *Robertson*, 1996; *Bremmer*, 2004.

подтверждается камнем. С. А. Жебелёв полагал, что Ἀγγίσσ(ε)ι — «вероятно, правильное чтение» (КБН, № 27). На различные формы имени богини Агдистис (Анхистис, Ангисис и т. п.) в греческой эпиграфике обратил внимание еще Карл Кайль в середине XIX в. (*Keil*, 1852. S. 198 f.). Уже после исследования этого немецкого ученого в одной фригийской надписи появилась новая форма имени этой богини — Анхис (Ἀγχίσης), несомненно, представляющая собою женский вариант имени отца прародителя римлян Энея Анхиса (Анхиза) (*Barnett,* 1956. P. 224 sq.)[4].

В. В. Латышев относил надпись к позднему римскому времени. С ним солидаризировался Ладислав Шкорпил, датировавший этот эпиграфический памятник III в. н. э. (*Škorpil*, 1913). По мнению издателей КБН, наиболее вероятная дата этой надписи — II в. до н. э. Однако А. П. Бехтер, подкрепив свой палеографический анализ искусствоведческим, отнесла надпись ко второй половине II — первой половине III в. н. э. (*Бехтер,* 2025)[5]. Если эта датировка выглядит весьма убедительно, то сомнения петербургской эпиграфистки в том, что данный памятник был найден на территории Боспора, кажутся нам преувеличенными[6]. Действительно, на антикварном рынке в Керчи могли попадаться вещи из других районов Причерноморья, однако подавляющее большинство продававшихся здесь антиков имело местное, боспорское, происхождение. А. П. Бехтер, вероятно, права, придя к выводу, что сопровождающий надпись рельеф создан малоазийским мастером (*Там же*). Однако этот мастер вполне мог работать не только у себя дома, но и на Боспоре[7]. Не следует забывать и о тесных связях обеих территорий, начиная с того момента, когда выходцами из Малой Азии были основаны колонии, впоследствии вошедшие в состав Боспорского царства.

Что касается интересующей нас богини Ангиссы, которой посвящен этот вотив, то наибольшее внимание ее почитанию на Боспоре уделил С. Ю. Сапрыкин в своей книге о религии Понтийского царства. Вот что пишет исследователь: «Во II в. до н. э. на Боспоре распространился культ фригийской богини Ангиссы (CIRB, 27), одного из воплощений Великой Матери богов. Она почиталась в качестве покровительницы гор, холмов, поэтому во Фригии и Галатии ее называли Агдистис или Ангдистис. Под этим именем в культе Кибелы-Реи фигурировало двуполое существо, которое стремилось похитить у нее Аттиса. Так что пантикапейская надпись с упоминанием Ангиссы — Агдистис связана с культом Кибелы и Аттиса и являлась своего рода посвящением Кибеле — Фригийской Матери, ставшей популярной в Северном Причерноморье. Очевидно, что Ангисса-Агдистис-Кибела почиталась на Боспоре выходцами из Малой Азии, в том числе, по-видимому, и из Понтийского царства <…>» (*Сапрыкин*, 2009. С. 354)[8]. Культ Кибелы, действительно, был популярен в Северном Причерноморье еще с эпохи поздней архаики (*Русяева*, 1992. С. 143 след.; *Шауб*, 2007; 2011; *Быковская*, 2018; 2020; *Alexandrescu Vianu,* 1980). Однако, поскольку рассматриваемое посвящение Ангиссе уникально, а происхождение и датировка его точно не установлены, утверждение о распространении ее культа на Боспоре во II в. до н. э. выглядит довольно опрометчивым.

Теперь вновь обратимся к самому́ памятнику. Логично предположить, что все изображенные на рельефе персонажи являются либо дочерьми посвятительницы, либо здесь представлена она сама вместе со своими разновозрастными детьми. В любом случае сама богиня Ангисса здесь явно не фигурирует. Несмотря на чудовищное обличье, которое имеет это божество в мифе (о чем речь еще пойдет), ее иконография ничуть не отличается от изображений Кибелы. Атрибутами Агдистис, как и Кибелы, являются лев, тимпан, фиала, калаф (*Cook*, 1925. P. 1229). Исходя из этого факта, равно как и из мифа и сообщений античных

[4] Об этом персонаже и его ассоциации с малоазийской Великой богиней см.: *Шауб*, 2025.

[5] К этой эпохе относятся прически изображенных на рельефе женщин.

[6] Нужно отметить, что пантикапейское происхождение посвящения Ангиссе у исследователей, занимавшихся ее культом и упоминавших этот вотив, сомнения не вызывает. См., например: *Hiller von Gaertringen*, 1926. S. 170; *Gasparro*, 1985. P. 36; *Vermaseren*, 1989. № 561; *Roller*, 1999. P. 188, 198.

[7] «Конечно, нельзя не учитывать возможность того, что автором текста мог быть приезжий…» (*Бехтер*, 2025).

[8] Тот же исследователь видит изображение Ангиссы (или Анаит) в терракоте женского божества на троне (Кепы, I в. н. э.) (*Сапрыкин*, 2009. С. 353, рис. 136), но это чистое умозрение, поскольку иконографии этой богини, отличной от иконографии Кибелы, не существовало. Поэтому неудивительно отсутствие статьи об Ангиссе (Агдистис) в LIMC — самом авторитетном издании, посвященном иконографии античных божеств.

авторов[9], следует, что Агдистис — «это всего лишь пессинунтское[10] наименование Великой Матери» (*Ibid*. P. 970). Эта чрезвычайно древняя богиня (*Laroche*, 1960; *Vermaseren*, 1977) по своей природе была многоименной (*Radet*, 1909; *Barnett*, 1956; 1960), многообразной и синкретичной, предрасположенной к слиянию и ассимиляции (*Will*, 1960; *Roller*, 1999); часто ее культ приспосабливался к почитанию того или иного местного женского божества (*Vermaseren*, 1977. P. 36).

«Божеств-матерей много, и даже в сравнительно упорядоченном классическом греческом пантеоне их роли часто перекрываются, — отмечает М. Манн. — Множественность и разнообразие, кажется, являются достоинствами в этой системе концептуализации божества, хотя наше собственное понимание ее, как правило, развивается за счет акцентирования внимания на разделении ролей» (*Munn*, 2006. P. 3, 4). Последнее замечание очень важно, поскольку для современной дифференцированной науки типична тенденция, не мудрствуя лукаво, переносить свои представления на людей прошлого, в то время как для наших предков было характерно целостное восприятие мира. В классическую греческую систему, которую, как отмечал еще Геродот, в значительной степени создали Гомер и Гесиод, позднее было введено божество, называемое Матерью Богов. «Ее роли во всех отношениях перекрывают роли других божеств: она предстает преданной матерью, целомудренной женой, страстной возлюбленной и девственной дочерью; в некоторых мифах она даже предстает мужчиной или андрогином. Она уязвима и могущественна; она нападает и защищает; она сводит с ума и делает мудрым; она танцует и созерцает; она любит пустыню и управляет городами. Благодаря многогранности своего образа, Матерь Богов стала чрезвычайно популярна в культе, но в то же время она стала почти прозрачной и трудноотделимой от других божеств, с которыми разделяла свои роли» (*Ibid*. P. 4).

По поводу этой «Матери» В. Буркерт пишет, что она «не вполне вписывалась в генеалогическую систему греческой мифологии. Для Гомера и Гесиода существовала мать Зевса, Геры, Посейдона и некоторых других личностных богов; ее звали Rheie — имя, встречающееся только в мифе. Культовая „Матерь“, напротив, была „Матерью всех богов и всех людей“, а кроме того, возможно, еще матерью животных и вообще всякой жизни; поэтому в ее ведении находилось продолжение рода; Кибела отождествлялась с Афродитой. Собственного мифа не было. Греки перенесли на Кибелу миф о Деметре <…>» (*Буркерт*, 2004. С. 310).

Что касается Агдистис, то миф о ней существовал, и притом очень архаический. Павсаний рассказывает, что однажды «Зевс, заснув, уронил семя на землю и что с течением времени от этого родилось божество, имеющее двойные половые органы, мужские и женские. Имя этому божеству дали Агдистис. Испугавшись этой Агдистис, боги отрезали у нее мужские гениталии; из них выросло миндальное дерево, и когда на нем созрели плоды, то, говорят, дочь реки Сангария сорвала этот плод и положила себе в платье на грудь, плод этот тотчас же исчез, а девушка забеременела. <…> Когда мальчик начал подрастать, он стал сверхчеловеческой красоты, и Агдистис влюбилась в него. Когда же он вырос и стал юношей, родственники послали его в Пессинунт, чтобы он женился на царской дочери. Уже пелась брачная песня, как вдруг предстала Агдистис, и Аттис, приведенный в безумие, отсек себе гениталии, и так же изувечил себя и отец его невесты. Раскаяние охватило Агдистис в том, что она сделала с Аттисом, и у Зевса она вымолила разрешение, чтобы Аттис телом никогда не увядал и не подвергался разложению» (Paus. VII, 17.5; пер. С. П. Кондратьева с некоторыми изменениями). По словам того же Павсания, во фригийском Пессинунте «есть храм Матери богов, называемой Агдистис, где, говорят, похоронен Аттис» (Paus. I, 4.5). Несколько по-иному, чем Павсаний, миф об Агдистис рассказывает Арнобий (Arnob. Adv. Nat. ix 5, 4; ср.: Min. Felix, 21). Не вдаваясь в дальнейшие подробности, отметим лишь тот факт, что, по словам этого раннехристианского автора, и Великая Мать, и страшное двуполое существо Агдестис (так у Арнобия), которых он считает

[9] Согласно Страбону (Strab. XII, 5, 3) и Гесихию (s.v.), Агдистис — это то же самое, что Кибела, которой в Пессинунте поклонялись под этим именем. «Пессинунт, — отмечает Страбон, — самый большой торговый центр в этой части света. Здесь находится весьма почитаемое святилище Матери богов. Ее называют Агдистис». Еще ранее Страбон пишет: «Что касается <…> фригийцев, а также троянцев, живущих в окрестностях Иды, то они почитают Рею, справляя ей оргии, и называют ее Матерью богов, Агдистис и Великой фригийской богиней, а также от наименования местностей — Идеей, Диндименой, Сипиленой, Пессинунтидой, Кибелой и Кибебой» (Strab. X, 3, 12).

[10] О Пессинунте — городе-храме Великой малоазийской богини — см.: *Цецхладзе*, 2011.

разными персонажами, родились от фригийской скалы, называющейся Агд[11].

Не только в литературных, но и в эпиграфических источниках прослеживаются две линии почитания Агдистис: она либо идентифицируется с Матерью богов, либо фигурирует как самостоятельное божество, иногда с упоминанием Матери богов в том же самом тексте[12].

Поэтому, вероятно, не далек от истины Р. Гусмани, который видит в Агдистис грецизированную форму фригийского имени первобытного андрогинного существа, чей образ частично наложился в Пессинунте на образ Великой Богини, имеющий совершенно иное происхождение (*Gusmani*, 1959). По мнению Дж. Гаспарро, которая принимает гипотезу Гусмани, «это представляется тем более вероятным, учитывая тот факт, что в пессинунтском мифе андрогинность Агдистис выражает не понятие полноты (характерное для двуполых божеств. — *И. Ш.*), а скорее беспорядок и смятение» (*Gasparro*, 1985. P. 37).

Имя Агдистис считается фригийским теонимом. Но не следует забывать, что фригийцы являлись переселенцами из Фракии (Strab. X, 3, 16). В форме Ангдистис этот теоним встречается в Аттике, а именно — в надписи на рельефе из Пирея, относящейся к концу IV — началу III в. до н. э. (*Vermaseren*, 1977. P. 35, fig. 24; 1982. P. 92, 93, № 308). Это первое упоминание теонима А(н)гдистис и самое раннее изображение Аттиса. Примечательно, что в этой надписи так же, как и в рассматриваемой боспорской, употребляется формула κατὰ πρόσταγμα. По мнению Линн Роллер, это выражение указывает на то, что дедикант получил повеление божества во сне (*Roller*, 1999. P. 217). Однако в античном мире эпифании божеств происходили весьма часто и наяву[13]. Примеров слишком много, чтобы их приводить; достаточно вспомнить важнейший из них в настоящем контексте — о великом поэте Пиндаре, который созерцал Мать богов в виде каменной статуи, после чего был основан ее культ в Фивах (*Доддс*, 2000. С. 175)[14]. Согласно одному из приведенных выше вариантов мифа, ревнивая Агдистис явилась на брачный пир к Аттису и не только наслала безумие на присутствующих, но и довела и его, и отца его невесты до самооскопления.

Мы еще вернемся к этому мифу, а пока, для того чтобы попытаться понять, почему именно Ангиссе, а не какой-либо иной ипостаси Матери богов, посвящен интересующий нас памятник, следует хотя бы вкратце описать религиозный контекст, в котором находился этот вотив. Но прежде чем упомянуть важнейшие памятники культа Кибелы на Боспоре, нужно отметить, что древнейшим литературным свидетельством почитания этой богини в Северном Причерноморье является рассказ Геродота о ритуале в ее честь, совершенном Анахарсисом в Гилее (Hdt. IV. 76, 3–4). В Кизике этот скифский мудрец принес Матери богов обет: «…если здравым и невредимым возвратится к себе, то будет совершать жертвоприношения таким же образом, как он это видел у кизикенцев, и установит Ночное празднество. Когда же он прибыл в Скифию, то <…> стал совершать весь обряд в честь богини — с бубном, увешав себя священными изображениями» (пер. И. А. Шишовой с некоторыми изменениями: *Доватур и др.*, 1982. С. 129).

Эта великая малоазийская богиня (Кибела, Мать Фригийская)[15] была очень близка к Артемиде Эфесской, Гекате, критской Рее, троянской Афродите, сирийской Атаргатис (*Fauth*, 1968. S. 383), с которыми она иногда просто отождествлялась

[11] В этом сообщении кроется еще одно свидетельство древнейшего малоазийского почитания гор, связанного с культом Великой богини. Об этом древнем эгео-анатолийском культе гор см.: *Шауб*, 2025.

[12] Обзор эпиграфических памятников см.: *Gasparro*, 1985. P. 34–37.

[13] О явлении богов эллинам, в частности, гомеровским героям, см.: *Ommo*, 2019. Предшественники греков минойцы, несомненно, были визионерами.

[14] Что касается Кибелы, то, по свидетельству Страбона (Strab. X, 3, 18), эта богиня почиталась здесь еще задолго до того, как ее культ распространился по всей греко-римской ойкумене. В Афинах где-то в конце V в. до н. э. была установлена статуя Матери работы Агоракрита, с тимпаном и львом, — ее поместили в древнем булевтерии на Агоре; отныне в этом «Метрооне» находился государственный архив. Судя по надписям, относящимся к ее почитанию в Пирее, здесь этот культ отправлялся членами сообщества оргеонов, находясь за рамками полисных институтов. В этот фиас входили как граждане, так и метеки, и вольноотпущенники. Вполне вероятно, что именно этой лояльностью может объясняться широкое распространение культа Кибелы в античном мире (*Roller*, 1999. P. 224, 233; *Быковская,* 2020. С. 252).

[15] По справедливому замечанию К. Боша, слово «„Кибела“ принесли в конце II тысячелетия фракофригийцы, но мистерии Великой матери существовали от каменного века до наших дней: от грота Лоссель до грота в Лурде» (*Bosch*, 1931. S. 449).

(*Hanfmann, Waldbaum*, 1969. P. 264 sq.), манифестируясь в необозримом количестве локальных ипостасей[16].

Распространение культа этой богини в ионийском мире относится ко второй половине VI в. до н. э. (*Alexandrescu Vianu*, 1980. P. 264). Древнейшим свидетельством культа Кибелы на Боспоре является граффито-посвящение из Мирмекия на обломке донышка чернолаковой чаши конца V в. до н. э.: [ἀ]νέθηκεν τῇ Μητρί (Φρυγίαι) δ[ῶρον] (*Гайдукевич, Михаловский,* 1961. С. 135, 136).

В Пантикапее найдены надпись времени Перисада II, посвященная Матери Фригийской жрицей этой богини (КБН, № 21), и постамент от статуи с сильно поврежденным посвящением той же богине, относящимся к тому же периоду (КБН, № 23)[17].

Еще к IV в. до н. э. относятся три граффити на донъях чернолаковых сосудов, обнаруженных в Пантикапее: Μητ (одно в лигатуре) и Μητρο (*Толстой*, 1953. № 216, 226, 235), которые, скорее всего, являются сокращениями теофорного имени Метродор. Граффито Μητρ (в лигатуре) найдено и в Феодосии (*Штерн*, 1897. № 14). О распространении этого теофорного имени красноречиво свидетельствует тот факт, что одного из сыновей царя Сатира I звали Метродором (Polyaen. III, 55). Кстати, с культом этой богини ассоциировался еще целый ряд теофорных имен, встречающихся в боспорской лапидарной эпиграфике (*Škorpil*, 1913).

В конце V в. до н. э. на Боспоре появляются терракотовые статуэтки Кибелы. Богиня изображается сидящей на троне с фиалой в правой руке, тимпаном — в левой, львом на коленях (или рядом с троном), голова увенчана калафом (встречаются фигурки и только с одним или двумя атрибутами). Так, в Нимфее обнаружен не только ряд терракот, изображающих эту богиню, но и форма V в. до н. э. для изготовления подобных статуэток (*Худяк*, 1962. Табл. 14, *4*); из Фанагории происходит терракота Кибелы IV в. до н. э., причем сделанная из местной глины (*Кобылина*, 1978. С. 32, рис. 2). Аналогичные терракоты найдены на многих поселениях европейского Боспора, в том числе в Пантикапее (на горе Митридат), зольнике Мирмекия, центральном святилище Китея, они обнаружены и в местных некрополях. Характер приношений (терракоты, граффити) свидетельствует о популярности частного культа богини. На азиатской стороне Боспора наличие неофициального культа Кибелы зафиксировано в Горгиппии[18].

М. И. Максимова полагает, что Кибелой является богиня, изображенная в центре композиции знаменитых келермесских зеркала и ритона (*Максимова*, 1954. С. 285). Однако, на наш взгляд, правильнее называть богиню такого типа, как представлена на зеркале, Владычицей зверей (*Шауб*, 2007; 2011. Рис. 5)[19]. Что касается крылатого персонажа с грифонами на поврежденном ритоне, то поза коленопреклоненного бега и крылья на ногах позволяют предполагать здесь изображение Горгоны Медузы (*Там же*. Рис. 6). Это тем более вероятно, что в ее обличье местное население (меоты) почитало свою Великую богиню (*Шауб*, 2021). Как бы то ни было, скифы, для которых были изготовлены эти вещи, судя по всему, видели в изображении богини со зверями свою Великую богиню (*Там же*).

Археологические данные свидетельствуют о существовании как частного поклонения богине, так и культа, организованного в официальном порядке (либо в рамках фиаса). На акрополе Пантикапея (на северном краю верхнего плато горы Митридат) обнаружены остатки фундамента античного храма, который, видимо, был основан на месте более раннего святилища (*Толстиков, Муратова*, 2017. С. 145, 146). В XIX в. недалеко от этого места была найдена мраморная статуя Кибелы со львом и тимпаном, которая датируется I–II вв. н. э. Весьма вероятно, что статуя происходит из располагавшегося рядом храма. Существование храма Кибелы на акрополе боспорской столицы подтверждают и две надписи на мраморных постаментах первой половины III в. до н. э.: посвящение Фригийской Матери, сделанное жрицей Гестиеей (КБН, № 21), и посвящение Матери (эпитет не сохранился), сделанное Леостратом за своего брата (КБН, № 23). По мнению В. П. Толстикова и М. Б. Муратовой, святилище Кибелы и расположенный вблизи него храм предположительно Артемиды-Гекаты-Дитагойи были частью единого культового комплекса (*Там же*. С. 148, 149). Как бы то ни было, культ Кибелы, причем уже освобожденный греками от изуверских варварских черт (*Nilsson*, 1961. S. 643), был принесен в Северное Причерноморье

[16] Поэтому существующая в современной научной литературе тенденция к сужению функций Кибелы (см., например: *Boegh*, 2007. P. 26, 27) совершенно неправомерна.

[17] Имя Матери богов восстанавливается здесь предположительно (по аналогии с КБН, № 21).

[18] Подробнее см.: *Молева*, 2007; 2009; *Русяева*, 2014; *Быковская*, 2018; 2020.

[19] Отождествляет Кибелу и Владычицу зверей и В. И. Гуляев (*Гуляев*, 2018).

колонистами из Малой Азии. Но особая популярность ее культа в Пантикапее может объясняться тем, что здесь местное население поклонялось своей Великой богине со схожими функциями еще до основания милетской колонии (*Шауб*, 1987; 1999; 2007; 2011; и др.). Важно отметить, что наличие пещеры рядом с греческим святилищем Кибелы характерно не только для культа этой богини в его малоазийском варианте (*Быковская*, 2020), но и для почитания местной причерноморской Великой богини (*Шауб*, 1979). Весьма вероятно, что греки построили храм Кибелы на том самом месте, где местное население поклонялось своей богине (*Gajdukevič*, 1971. S. 175). Для обоснования этого предположения В. Ф. Гайдукевич приводит глоссу Гесихия: «Киммерийская богиня: Мать богов». Как уже отмечено, тот же лексикограф свидетельствует, что «Агдистис — сама Мать богов».

Несмотря на разнообразие памятников культа Матери богов на Боспоре[20], приходится констатировать, что они не помогают понять, какой конкретный смысл вкладывала Плусия, делая посвящение за своих дочерей именно Ангиссе. В поисках ответа на этот вопрос обратимся к немногочисленным свидетельствам ее почитания в античном мире.

Как уже упоминалось выше, теоним Ангисса (в форме Ангдистис) впервые засвидетельствован в Аттике, а именно в надписи на стеле из Пирея, относящейся к концу IV — началу III в. до н. э. (*Vermaseren*, 1977. P. 35, fig. 24; 1982. P. 92, 93, № 308). На сопровождающем эту надпись рельефе[21] представлены Агдистис и Аттис. Богиня изображена облаченной в греческую одежду (хитон и гиматий) с тимпаном в левой руке; другой она протягивает цветок[22] молодому человеку в варварском костюме (на нем кафтан, штаны, фригийская шапка). Мы полагаем, что цветок в руке богини — это символ Аттиса, в то время как сам бог представлен сидящим на скале, что отнюдь не случайно, поскольку она явно фигурирует здесь в качестве символа рожденной скалой Агдистис.

Следует отметить, что не только в мифе, но и в культе Агдистис могла выступать как дублет Аттиса (*Geisau*, 1968. Sp. 122, 123)[23].

Мать богов пользовалась наибольшей популярностью из всех местных божеств (во всяком случае покровителей общин) в Малой Азии. Эта богиня выступала здесь под различными именами, среди которых нередко фигурировала Ангдистис и этниконы, дававшиеся ей по названиям деревень: Клинтена, Спарксена, Дзидзиммена, Касмина, Пепродзетена и т. д. (*Голубцова*, 1977. С. 11–18, 53, 204). Агдистис почиталась как «сельскохозяйственное божество, изображавшееся на рельефах с гроздью винограда, снопом или колосьями зерна, быками, овцами, мулами. Символом ее были лев или два льва, между которыми на троне сидела богиня. Чаще всего она изображалась во фригийском колпаке, что подчеркивало местный характер этого культа» (*Там же*. С. 204). Агдистис могла выступать и в качестве хранительницы дома, о чем свидетельствует надпись из ее святилища в Филадельфии (Лидия) II–I вв. до н. э. (*Cook*, 1925. P. 1228, 1229).

Однако посвятительница боспорской надписи явно имела в виду совершенно иную функцию этой богини. Для понимания сути этого посвящения важно отметить, что Великая Мать (Мать богов, Горная мать, Кибела) в «Ипполите» Эврипида (Eur. Hipp. 141 sq.) и в трактате Гиппократа «О священной болезни» (то есть эпилепсии) упоминается в числе тех сверхъестественных сил, с которыми народное сознание в конце V в. до н. э. связывало как умственные, так и психофизические расстройства (*Доддс*, 2000. С. 120). Причем протестуя против мнения тех, которые приписывают «священную болезнь», а равно и другие аналогичные заболевания, непосредственному

[20] Кроме вышеупомянутых работ о культе этой богини на Боспоре см.: *Горончаровский*, 1999; *Глушец*, 2006; *Горончаровский, Тихонова*, 2023; *Johnson*, 1996.

[21] Высота этого рельефа 61 см; он хранится в Античном собрании Берлинских государственных музеев.

[22] Так толкует этот неясный (ввиду сохранности памятника) предмет М. П. Нильссон (*Nilsson*, 1961. S. 642). Крупнейший специалист по культам Кибелы и Аттиса М. Вермасерен видит в руке богини сосуд, комментируя, что ее жест неясен (*Vermaseren*, 1977. P. 35).

[23] А. Рапп резюмирует миф об Агдистис и Аттисе следующим образом: «Агдистис, мать-Земля, соединяет репродуктивную силу обоих полов, чтобы иметь возможность производить всю жизнь в природе из своей собственной силы, которая, однако, вскоре снова дифференцируется <...> Из единства жизненной силы как матери (Кибелы) растительная жизнь возникает как сын (Аттис) <...> Мать-Земля любит цветы, которые выросли из ее чрева, <...> изначально неограниченная репродуктивная сила испытывает внезапное препятствие в смерти растительности: Аттис себя оскопляет» (*Rapp*, 1890–1894. Sp. 1648). Подробнее об Аттисе см.: *Rapp*, 1884–1890; *Vermaseren*, 1966.

воздействию богов, автор трактата первой упоминает именно Великую Мать (Hippoc. de morbo sacr. 1).

В то же время полагали, что Кибела обладала и исцеляющей силой, в том числе от мании (то есть безумия); в частности, согласно одному из мифов, богиня избавляет («очищает») от безумия самого́ Диониса (*Там же*. С. 144). Это неудивительно, поскольку, согласно представлениям античности, тот, кто вызвал болезнь, знает, как ее лечить (*Там же*. С. 147). Вот что по этому поводу пишет Ф. Ф. Зелинский: «<…> „ранивший исцеляет“: чтобы вылечить обезумевшего, прибегали к помощи корибантов. Сами они, конечно, на зов не являлись; их заменяли „корибантствующие“, смертные жрецы или священнослужители Великой Матери. Обступив связанного и осененного покровом больного, они плясали вокруг него, сопровождая свою пляску оглушительной музыкой на кимвалах (медных тарелках) и тимпанах (тамбуринах). Эта дикая пляска должна была вызвать в больном искусственный экстаз, а затем, по охлаждении пыла, вместе с этим новым безумием его покидало и прежнее... так, по крайней мере, надеялись. Этой надежде культ Великой Матери был обязан значительной частью своей популярности» (*Зелинский*, 1922. С. 34).

Не только Кибела, но и ее двойники имели свойство насылать безумие, о чем недвусмысленно свидетельствует вышеупомянутый миф, в котором Агдистис явилась на брачный пир к Аттису и не только наслала безумие на всех присутствующих, но и довела и его, и отца его невесты до самооскопления. Как известно, не только миф, но и ритуал Матери богов был связан с самокастрацией ее жрецов и адептов. Что касается ее ипостаси Ангиссы, то исконная сущность этого божества ярче всего проявилась (в мифе) именно в оргиастичности[24] и двуполости (*Meslin*, 1978). Учитывая тот факт, что феномен андрогинности как божеств, так и их служителей имел весьма важное значение в религиозной жизни Боспора (*Шауб*, 1987; 1999; 2007; 2008; 2011; и др.; *Ustinova*, 1999; 2005)[25], очень вероятно, что оба аспекта Ангиссы имелись в виду посвятительницей в желании избавить своих дочерей от тех напастей, которые могла наслать богиня (и которые, в соответствии с принципами симпатической магии, могла исцелять): подразумевались, скорее всего, (взаимосвязанные) расстройства в половой и психической сферах. Иными словами, можно предположить, что посвятительница боспорской надписи рассчитывала получить от Ангиссы профилактику или исцеление своих дочерей от соответствующих недугов. Но нельзя исключить здесь и более глубокую подоплеку, а именно упование на бессмертие, поскольку миф о самооскоплении Агдистис (Ангиссы), объясняющий соответствующий ритуал, подразумевает и возрождение божества, а следовательно, и его адепта. То же самое мы видим и в глубинной основе мифа об Аттисе (*Frazer*, 1907. P. 219 sq.); этот миф привел к «доктрине» посмертного возрождения.

Статья поступила в редакцию 3 мая 2026 г.

[24] Об оргиазме как характернейшей черте культа Матери богов и ее ипостасей см.: *Pachis*, 1996.

[25] Это обстоятельство может служить еще одним, хотя и косвенным, аргументом в пользу боспорского происхождения нашего вотива.

Бехтер, 2025 — *Бехтер А. П.* Надпись КБН 27 и проблема появления курсива в боспорской лапидарной эпиграфике // Записки ИИМК РАН. 2025. № 32. С. 45–54.

Богатова, 1998 — *Богатова О. В.* Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: к проблеме религиозного синкретизма в античности: Автореф. дис. … канд. ист. наук — 07.00.03 (всеобщая история). СПб.: [б. и.], 1998. 22 с.

Буркерт, 2004 — *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика / Пер. с нем. М. и В. Витковских. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.

Быковская, 2018 — *Быковская А. В.* Культ Кибелы на Боспоре: отдельные вопросы // Таврические студии. 2018. Вып. 16. С. 24–28.

Быковская, 2020 — *Быковская А. В.* Изучение культа Кибелы на Боспоре в контексте мировой историографии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 3. С. 247–268.

Гайдукевич, Михаловский, 1961 — *Гайдукевич В. Ф., Михаловский К.* Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–58 гг. // Исследования по археологии СССР: Сб. ст. / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1961. С. 127–138.

Глушец, 2006 — *Глушец Л. Н.* Изображения богини на троне в коллекции терракот Керченского историко-культурного заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 1. Керчь: Керченский историко-культурный заповедник; Бизнес-Информ, 2006. С. 99–121.

Голубцова, 1977 — *Голубцова Е. С.* Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. М.: Наука, 1977. 241 с.

Горончаровский, 1999 — *Горончаровский В. А.* К вопросу о культе Кибелы на Боспоре // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 224–227.

Горончаровский, Тихонова, 2023 — *Горончаровский В. А., Тихонова Т. С.* К вопросу о хронологии боспорских рельефов с изображением Кибелы, Гермеса и Гекаты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 1. С. 10–21.

Гуляев, 2018 — *Гуляев В. И.* Богиня Кибела — владычица зверей — в скифском искусстве // РА. 2018. № 1. С. 105–117.

Доватур и др., 1982 — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982. 455 с.

Доддс, 2000 — *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова; послесл. Ф. Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

Зелинский, 1922 — *Зелинский Ф. Ф.* Религия эллинизма. Пг.: Academia, 1922. 134 с.

Кобылина, 1978 — *Кобылина М. М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978. 216 с.

Максимова, 1954 — *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Т. 21. С. 281–305.

Молева, 2007 — *Молева Н. В.* О культе Кибелы на Боспоре // Боспорский феномен. Ч. 1: Сакральный смысл региона, памятников, находок / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 47–54.

Молева, 2009 — *Молева Н. В.* Об иконографии Деметры и Великой Матери (Кибелы) в боспорской пластике // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 213–217.

Отто, 2019 — *Отто В.* Греческие боги. Картина божественного в зеркале греческого духа. СПб.: В. Даль, 2019. 318 с.

Русяева, 1992 — *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992. 256 с.

Русяева, 2014 — *Русяева М. В.* Основные типы иконографии Кибелы в скульптуре античных городов Северного Причерноморья // Боспорские исследования. 2014. Т. XXX. С. 3–23.

Сапрыкин, 2009 — *Сапрыкин С. Ю.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 424 с.

Толстиков, Муратова, 2017 — *Толстиков В. П., Муратова М. Б.* О некоторых особенностях культа Кибелы в Пантикапее в первые века н. э. в свете новейших археологических исследований // Таврические студии. 2017. Вып. 12. С. 144–149.

Толстой, 1953 — *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Худяк, 1962 — *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н. э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 64 с.

Цецхладзе, 2011 — *Цецхладзе Г. Р.* Пессинунт: Город-храм Великой Богини Матери Кибелы // Аристей. 2011. Вып. III. С. 65–77.

Шауб, 1979 — *Шауб И. Ю.* Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации» (Цхалтубо, 1979). Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 85–87.

Шауб, 1987 — *Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV веков до н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 (археология). Л.: [б. и.], 1987. 22 с.

Шауб, 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.

Шауб, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб, 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: ИИМК РАН, 2008. 155 с.

Шауб, 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

Шауб, 2021 — *Шауб И. Ю.* Горгона в религии меотов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 701–714.

Шауб, 2025 — *Шауб И. Ю.* Кто такой Анхиз? // Новый Гермес. 2025. Вып. 17, № 1–2. С. 5–19.

Штерн, 1897 — *Штерн Э. Р., фон.* Graffiti на античных южно-русских сосудах // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 163–199.

Alexandrescu Vianu, 1980 — *Alexandrescu Vianu M.* Sur la diffusion du culte de Cybèle dans le basin de la mer Noire à l' époque archaique // Dacia. 1980. Vol. 24. P. 261–265.

Barnett, 1956 — *Barnett R.* Oriental influences on Archaic Greece // The Aegean and Near East: Studies Presented to H. Goldman on the Occasion of Her Seventy-fifth Birthday / Ed. S. S. Weinberg. New York: Augustin, 1956. P. 212–238.

Barnett, 1960 — *Barnett R. D.* Some contacts between Greek and Oriental Religions // Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne. Colloque de Strasbourg 1958, 22–24 mai. Paris: de Boccard, 1960. P. 143–154.

Boegh, 2007 — *Boegh B.* The cult of Kybele around the Black Sea // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2: Античный мир за пределами Боспорского царства / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 19–30.

Bosch, 1931 — *Bosch C.* Die Kleinasiatischen Münzen der römischen Kaiserzeit // Archäologischer Anzeiger. 1931. S. 422–455.

Bremmer, 2004 — *Bremmer J. N.* Attis: A Greek God in Anatolian Pessinous and Catullan Rome // Mnemosyne. 2004 (Fourth Series). Vol. 57, fasc. 5. P. 534–573.

Cook, 1925 — *Cook A. B.* Zeus. A Study in Ancient Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 1925. Vol. II. 858 p.

Fauth, 1968 — *Fauth W.* Kybela // Der Kleine Pauly. Stuttgart, 1968. Bd. 3. Sp. 383–389.

Frazer, 1907 — *Frazer J. G.* Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion. London: Macmillan and Co., 1907. 486 p.

Gajdukevič, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam: Akademie, 1971. 604 S.

Gasparro, 1985 — *Gasparro G. S.* The Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis. Leiden: E. J. Brill, 1985. 142 p.

Geisau, 1968 — *Geisau H. v.* Agdistis // Der Kleine Pauly. Stuttgart, 1968. Bd. 1. Sp. 122–123.

Graillot, 1912 — *Graillot H.* Le culte de Cybèle Mère des Dieux à Rome et dans l'Empire romaine. Paris: Fontemoing et C-ie Éditeurs, 1912. 600 p.

Gusmani, 1959 — *Gusmani R.* ΑΓΔΙΣΤΙΣ // La Parola del Passato. 1959. Vol. 14. P. 202–211.

Hanfmann, Waldbaum, 1969 — *Hanfmann G. M. A., Waldbaum J. C.* Kybele and Artemis — Two Anatolian Goddesses of Sardis // Archaeology. 1969. Vol. 22, pt. 4. P. 264–269.

Hepding, 1903 — *Hepding H.* Attis, seine Mythen und sein Kult (RGVV 1). Giessen: J. Ricker'sche Verlagsbuchhandlung (Alfred Topelmann), 1903. 224 S.

Hiller von Gaertringen, 1926 — *Hiller von Gaertringen F.* Eine verkannte Gottheit // Archiv für Religionswissenschaft. 1926. Bd. 24. S. 169–170.

Johnson, 1996 — *Johnson P. A.* Cybele and Her Companions on the Northern Littoral of the Black Sea // Cybele, Attis and Related Cults. Essays in Honor of M. J. Vermaseren / Ed. E. N. Lane. Leiden; New-York: E. J. Brill, 1996. P. 101–116.

Keil, 1852 — *Keil K.* Zur Mythologie aus griechischen Inschriften // Philologus. 1852. Bd. VII. S. 198–203.

Laroche, 1960 — *Laroche E.* Koubaba, déesse anatolienne, et le probléme des origines de Cybéle // Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne… Paris: de Boccard, 1960. P. 113–128.

Meslin, 1978 — *Meslin M.* Agdistis ou l'androgynie malséante // Hommages à M. J. Vermaseren. Vol. II / Ed. M. de Boer et T. A. Edridge. Leiden: Brill, 1978. P. 765–776.

Munn, 2006 — *Munn M.* The Mother of the Gods, Athens and the Tyranny of Asia. A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2006. 452 p.

Nilsson, 1961 — *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München: O. Beck, 1961. Bd. II. 745 S.

Pachis, 1996 — *Pachis P.* "Ταλλαῖον Κυβέλης ὀλόλυγμα" (Anthol. Palat. VI, 173). L' élément orgiastique dans le culte de Cybèle // Cybele, Attis and Related Cults... Leiden; New-York: E. J. Brill, 1996. P. 193–222.

Radet, 1909 — *Radet G.* Cybébé. Paris: Feret & Fils, 1909. 130 p.

Rapp, 1884–1890 — *Rapp A.* Attis // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie herausgegeben von W. H. Roscher. Leipzig, 1884–1890. Bd. I. Sp. 715–727.

Rapp, 1890–1894 — *Rapp A.* Kybele // Ausführliches Lexikon der griechischen... Leipzig, 1890–1894. Bd. II. Sp. 1638–1672.

Robertson, 1996 — *Robertson N.* The Ancient Mother of the Gods: A Missing Chapter in the History of Greek Religion // Cybele, Attis and Related Cults... Leiden; New-York: E. J. Brill, 1996. P. 239–304.

Roller, 1999 — *Roller E. L.* In Search of God the Mother. The Cult of Anatolian Cybele. London: University of California Press, 1999. 400 p.

Škorpil, 1913 — *Škorpil V.* Kybelin kult v říší Bosporské // Sborník prací filologických dvornímu radovi professoru Josefu Královi k sedesátým narozeninám. Praha: B. Stýblo, 1913. P. 190–203.

Ustinova, 1999 — *Ustinova Y.* The supreme gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden: Brill, 1999. 371 p.

Ustinova, 2005 — *Ustinova Y.* Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (6th century BC — 1st century AD) / Ed. D. Braund. Exeter: University of Exeter Press, 2005. P. 64–79.

Vermaseren, 1966 — *Vermaseren M. J.* The Legend of Attis in Greek and Roman Art. Leiden: E. J. Brill, 1966 (EPRO; T. 9). 59 p.

Vermaseren, 1977 — *Vermaseren M. J.* Cybele and Attis, the Myth and the Cult. London, 1977. 224 p.

Vermaseren, 1982 — *Vermaseren M. J.* Corpus Cultus Cybelae Attidisque. Vol. II: Graecia aque Insulae. Leiden; New-York: E. J. Brill, 1982 (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain (EPRO); T. 50/2). 278 p.

Vermaseren, 1989 — *Vermaseren M. J.* Corpus Cultus Cybelae Attidisque. Vol. VI: Germania, Raetia, Noricum, Pannonia, Dalmatia, Macedonia, Thracia, Moesia, Dacia, Regnum, Bospori, Colchis, Scythia et Sarmatia. Leiden; New-York: E. J. Brill, 1989 (EPRO; T. 50/6). 224 p.

Will, 1960 — *Will E.* Aspects du culte et de la légende de la Grande Mére dans le monde grec // Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne… Paris: de Boccard, 1960. P. 95–112.

On the Goddess Angissa (КБН, № 27)

I. Yu. Schaub[26]

Keywords: Angissa (Agdistis), Cybele, Mother of the Gods, Great Goddess, Cimmerian Bosporus, Asia Minor

Since Plusia, mentioned in the votive inscription (КБН, № 27), made the dedication on behalf of her daughters specifically to Angissa (and not to any other of the numerous hypostases of the Great Goddess of Asia Minor), there can be little doubt that the offering was connected with the specific nature of this deity — characteristics most vividly manifested in her orgiastic character and inherent androgyny. Considering the significance of the phenomenon of androgyny in the religious life of the Bosporus, it is highly probable that the dedicator had both aspects of Angissa's cult in mind in her desire to spare her daughters from the misfortunes that were the goddess's prerogative: most likely, this referred to interrelated disorders in the psychological and sexual spheres.

[26] Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: schaubigor@yandex.ru.

Женский убор Юго-Восточной Прибалтики I–V вв.: историографические традиции и подходы к реконструкции[1]

О. А. Хомякова[2]

Аннотация. *Статья содержит обзор, посвященный реконструкции женского убора племен Юго-Восточной Прибалтики (эстиев) I–V вв. н. э. Анализируются письменные и изобразительные источники, характеризуется историография в рамках двух исследовательских подходов: реконструкции традиционного костюма с использованием ретроспективного и этнографического методов и изучения археологического убора.*

Ключевые слова: *женский убор, реконструкция костюма, историография, Юго-Восточная Прибалтика, эстии, римское время, эпоха Великого переселения народов*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-107-121

Введение

Женский убор является одним из ключевых источников для исследования материальной культуры Юго-Восточной Прибалтики I–V вв., социальной структуры и культурных связей ее населения. Территории, на которых сегодня расположены Калининградская область РФ, Клайпедский уезд Литвы и северная часть Польши, в первые века н. э. были населены племенами, обозначенными Тацитом в I в. н. э. как эстии (*Aesti*). Этот регион, занятый в первые века новой эры культурами могильников с каменными венцами Западной Литвы, богачевской Мазурского Поозерья, судавской и самбийско-натангийской (польско-немецкое название — культура Долькайм-Коврово), объединенными в западнобалтский круг древностей (*Хомякова*, в печати), представлял собой одну из наиболее динамичных зон культурных контактов в Балтийском регионе в римское время и эпоху Великого переселения народов (рис. 1).

Историографии изучения отдельных компонентов и хронологии убора эстиев было уделено внимание ранее (*Хомякова*, 2011; 2022. С. 8, 9, 15, 44, 45, 48, 49, 68, 73, 81, 92), однако системный историографический обзор, посвященный непосредственно реконструкции убора I–V вв. и оценке сложившихся о нем представлений, отсутствует. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Письменные и изобразительные источники сведений об уборе эстиев

Данные письменных и изобразительных источников об уборе эстиев соотносятся с реальным археологическим материалом лишь условно. В своем сочинении «Германия» Тацит характеризует эстиев крайне лаконично: «…обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому…» (*Тацит*, 1969. С. 372). Наиболее близким оказывается описание женского костюма германцев в главе 17: «одежда их одинакова и для мужчин, и для женщин, только женщины чаще надевают льняные плащи, украшенные багряными полосками, и верхняя часть одежды не имеет рукавов, так что часть руки и плеча открыты; даже и соседствующая с шеей часть груди также остается обнаженной» (*Там же*. С. 360, 361).

Как показано в специальном исследовании Е. Колендо и М. Манчиньской, Тацит, подобно другим античным историкам, в своих этнографических описаниях акцентировал внимание на различиях между варварами и цивилизованными греко-римлянами, формируя стереотип варвара — нагого, носившего меха (шкуры диких

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИОКТР ИА РАН «Развитие культурных традиций населения Восточной Европы в I тысячелетии н. э.» (№ 126011315525-8).

[2] Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olga_homsy@mail.ru.

© Хомякова О. А., 2026

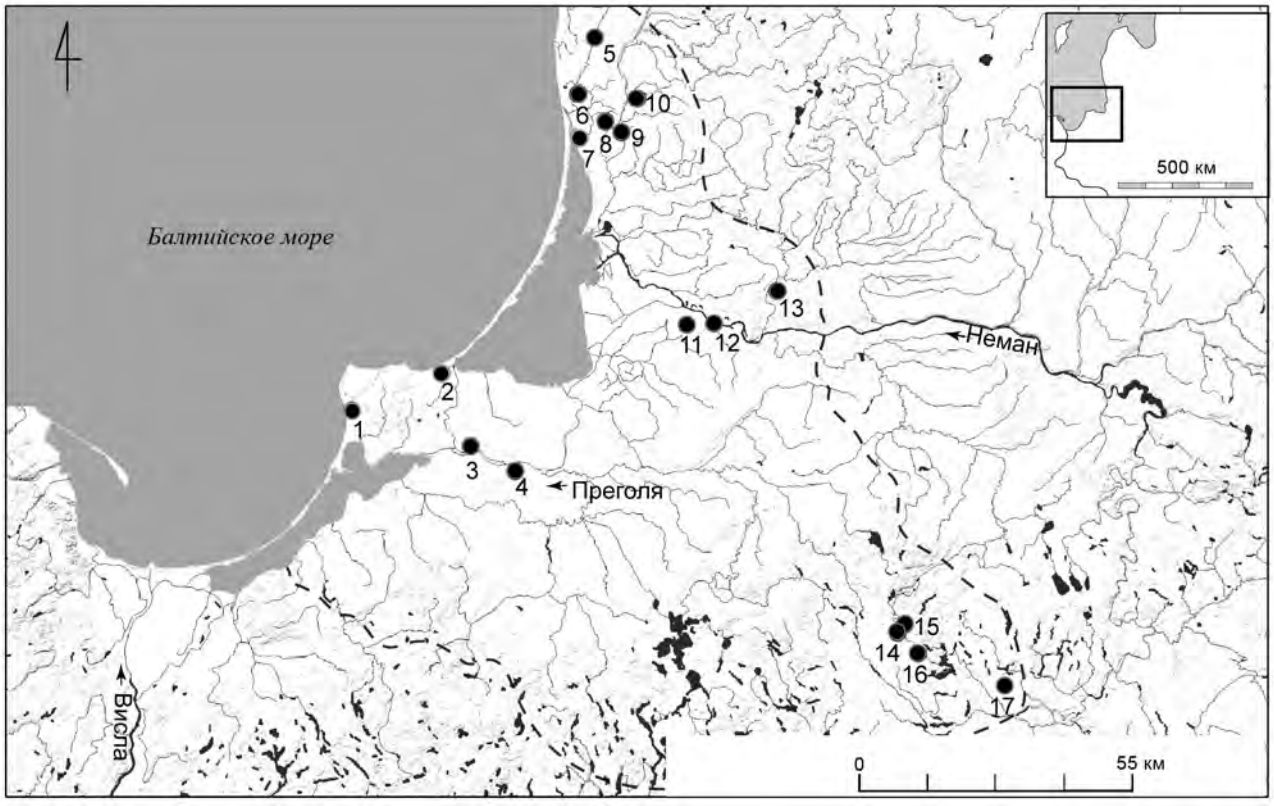

Рис. 1. Западнобалтский ареал (культуры эстиев) I–V вв. и памятники (могильники), рассматриваемые в статье: *1* — Окунево / Grebieten "Süd", *2* — Клинцовка / Kunterstrauch-Wargenau, *3* — Большое Исаково / Lauth, *4* — Березовка / Gross Ottenhagen, *5* — Курмайчай / Kurmaičiai, *6* — Аукштемяй / Oberhof, *7* — Шерняй / Schernen, *8* — Байтай / Baitai, *9* — Бандюжай / Bandužiai, *10* — Эглишкяй / Ėgliškiai, *11* — Ржевское / Linkuhnen, *12* — Советск / Tilsit-Splitter, *13* — Дауглаукис / Dauglaukis, *14* — Осова / Osowa, *15* — Жива Вода / Żywa Woda, *16* — Швайцария / Szwajcaria, *17* — Нетта / Netta. *1–4, 11, 12* — Калининградская область, РФ; *5–10, 13* — Литва; *14–17* — Польша. Пунктиром — условная граница западнобалтского круга культур (сост. О. А. Хомякова)

Fig. 1. The Western Baltic region (Estian cultures) of the 1st–5th cent. and the sites (burial grounds) discussed in this article: *1* — Okunevo / Grebieten "Süd", *2* — Klintsovka / Kunterstrauch-Wargenau, *3* — Bolshoye Isakovo / Lauth, *4* — Berezovka / Gross Ottenhagen, *5* — Kurmaičiai, *6* — Oberhof, *7* — Schernen, *8* — Baitai, *9* — Bandužiai, *10* — Ėgliškiai, *11* — Linkuhnen, *12* — Tilsit-Splitter, *13* — Dauglaukis, *14* — Osowa, *15* — Żywa Woda, *16* — Szwajcaria, *17* — Netta. *1–4, 11, 12* — Kaliningrad Oblast, Russian Federation; *5–10, 13* — Lithuania; *14–17* — Poland. The dotted line indicates the approximate boundary of the West Baltic cultural circle (compiled by O. A. Khomyakova)

животных) и окруженного собаками. Описывая женскую одежду, он упоминает лишь ее верхнюю часть (плащ без рукавов), оставляя за рамками описания юбки. Предпочтительным материалом называется лен, а декоративные элементы одежды могли быть окрашены в красный цвет (*Kolendo, Mączyńska*, 1992. S. 204–211).

В отличие от среднедунайских и северо-западных провинций Римской империи, для которых сохранились изображения одежды первых веков новой эры на погребальных памятниках и надгробных скульптурах, *графические материалы* для данного региона малоинформативны и относятся к значительно более позднему времени.

Наиболее ранним изображением[3] является сцена встречи епископа Адальберта с пруссами

[3] В. И. Кулаков включает в число ранних источников «кольцо из Штробьенен» со сценами, трактуемыми им как изображения пруссов второй половины I тыс. н. э. (*Кулаков*, 2003. С. 179, 180, рис. 60). Вместе с тем однозначно считать этот предмет изделием местного производства не представляется возможным: его стилистика близка паннонским («аварским») и в целом центральноевропейским образцам VII–VIII вв., что допускает его интерпретацию как импорта, а представленных на нем сцен — как мифологического сюжета с многочисленными аналогиями (подробно см.: *Чаусидис*, 2012).

Рис. 2. Изобразительные источники об уборе пруссов и литовцев: *1* — пруссы из сцены встречи с епископом Адальбертом на романских бронзовых воротах Гнезненского собора (ок. 1170 г.); *2* — титульный лист сочинения К. Харткноха «Старая и Новая Пруссия» (1686); *3* — крестьянка-литвинка из окрестностей Гродно (XVI в.); *4* — реконструкция литовского женского костюма X–XI вв. по материалам могильника Павирвите-Гудай

Fig. 2. Visual sources depicting the attire of the Prussians and Lithuanians: *1* — Prussians from a scene depicting their meeting with Bishop Adalbert on the Romanesque bronze gates of Gniezno Cathedral (c. 1170); *2* — title page of K. Hartknoch's work "Old and New Prussia" (1686); *3* — a Lithuanian peasant woman from the vicinity of Grodno (16th cent.); *4* — a reconstruction of a Lithuanian women's costume from the 10th–11th cent. based on materials from the Pavirvite-Gudai burial ground

[*1* — I Balti…, 1991. P. 64, 65, fig. 1; *2* — *Hartknoch*, 1686. S. 3, 116, 117; *3, 4* — *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Fig. 43, 99]

на романских воротах Гнезненского собора (ок. 1170 г.) (рис. 2, *1*); однако на нем показаны лишь фигуры воинов.

Этнографические сведения XVI–XVII вв. также не содержат изображений или описаний женской одежды. В сочинении Кристофа Харткноха «Старая и Новая Пруссия» (1686) присутствует лишь изображение поверженного пруссa на титульном листе (рис. 2, *2*). «Прусская хроника» Симона Грунау (ок. 1517–1521) приводит описание языческих богов в одеждах из белой ткани и упоминает о том, что Брутен и Видевут облачились «в свои лучшие одежды» (*Grunau*, 1876. S. 77–79).

Первые этнографические данные о литовском костюме датируются XVI в. — это рисунки Сигизмунда Хелдта для библиотеки костюмов барона фон Липперхейда в Берлине, среди которых имеется изображение крестьянки-литвинки из окрестностей Гродно (рис. 2, *3*).

Таким образом, хронологическое несоответствие изобразительных источников первым векам новой эры является принципиальным ограничением их использования. Информативность письменных данных применительно к реконструкции убора I–V вв. н. э. минимальна, поэтому они могут привлекаться лишь как иллюстративное дополнение.

Историография изучения традиционного костюма эстиев

В основе реконструкции убора населения Юго-Восточной Прибалтики преобладает подход, направленный на характеристику *традиционного убора* (то есть убора-костюма, этнического костюма) — знаковой системы, включающей одежду, аксессуары, обувь, головной убор, особенности кроя, цвет и манеру ношения, а также несущей информацию об этнической и социальной структуре общества, его политическом устройстве и религиозно-магических представлениях. Традиционный костюм отличается консерватизмом и сакрализацией и рассматривается как один из ключевых этнических признаков археологической культуры (например, см.: *Яценко*, 2006. С. 6, 7; *Мастыкова*, 2009. С. 8–14)[4].

Выделяются два варианта использования такого подхода:

а) реконструкция традиционного костюма балтских племен с использованием ретроспективного анализа, при котором выводы об этнографическом костюме XVI–XIX вв. переносятся на первые века новой эры;

б) реконструкция костюма-убора по находкам в наиболее выразительных, «богатых», погребениях, отражающих парадные погребально-обрядовые комплекты[5].

Ретроспективный и этнографический подходы. Поскольку ареал эстиев впоследствии вошел в состав земель литовских племен (куршей, скальвов, частично жемайтов), реконструкция опирается прежде всего на характеристику литовской традиционной одежды, она разработана в трудах Р. Волкайте-Куликаускене. Основной вывод исследовательницы состоит в том, что одежда населения Литвы в первые века новой эры существенно не отличалась от одежды других народов Европы того времени, а в украшениях и костюме I–XI вв., переосмысленных рядом поколений, следует искать истоки национального литовского костюма (*Волкайте-Куликаускене*, 1986; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997; 2001. P. 126, 127, 202, 216, 217).

В I — начале II тысячелетия н. э. основные элементы костюма на всей территории Литвы напоминали одежду литовок, известную по этнографическим данным. Женская одежда включала льняную рубаху туникообразного кроя с высоким воротом и длинными рукавами, широкую шерстяную юбку из прямоугольных полотнищ, тканый пояс, передник (*прийосте*) и наплечное покрывало (*скяпята*), существование которого могут подтверждать находки булавок и фибул в погребениях. В качестве верхней зимней одежды использовались меховые шубы, застегивавшиеся крупными бронзовыми булавками и скрепленные

[4] Вместе с тем А. В. Мастыкова в исследованиях женского костюма эпохи Великого переселения народов (по материалам Северного Кавказа) подчеркивает, что его традиционность не противоречит существованию так называемой интернациональной моды, распространенной среди представителей наиболее мобильной полиэтничной верхушки общества, и разделяет между собой устойчивые «автохтонные» элементы убора (этнические маркеры) и инородные элементы «престижной» моды (*Мастыкова*, 2009. С. 8, 9). Однако такой подход не используется при характеристике убора-костюма Прибалтики.

[5] Исследования убора-костюма эстиев первых веков новой эры строятся либо на тех же принципах, что и для этнического костюма раннесредневековых балтских племен (например: *Седов*, 1987. С. 381, 398–411; *Жилина*, 2024), либо на основании погребений с наиболее многочисленным и/или богатым инвентарем, либо путем перечисления ряда характерных элементов металлического убора.

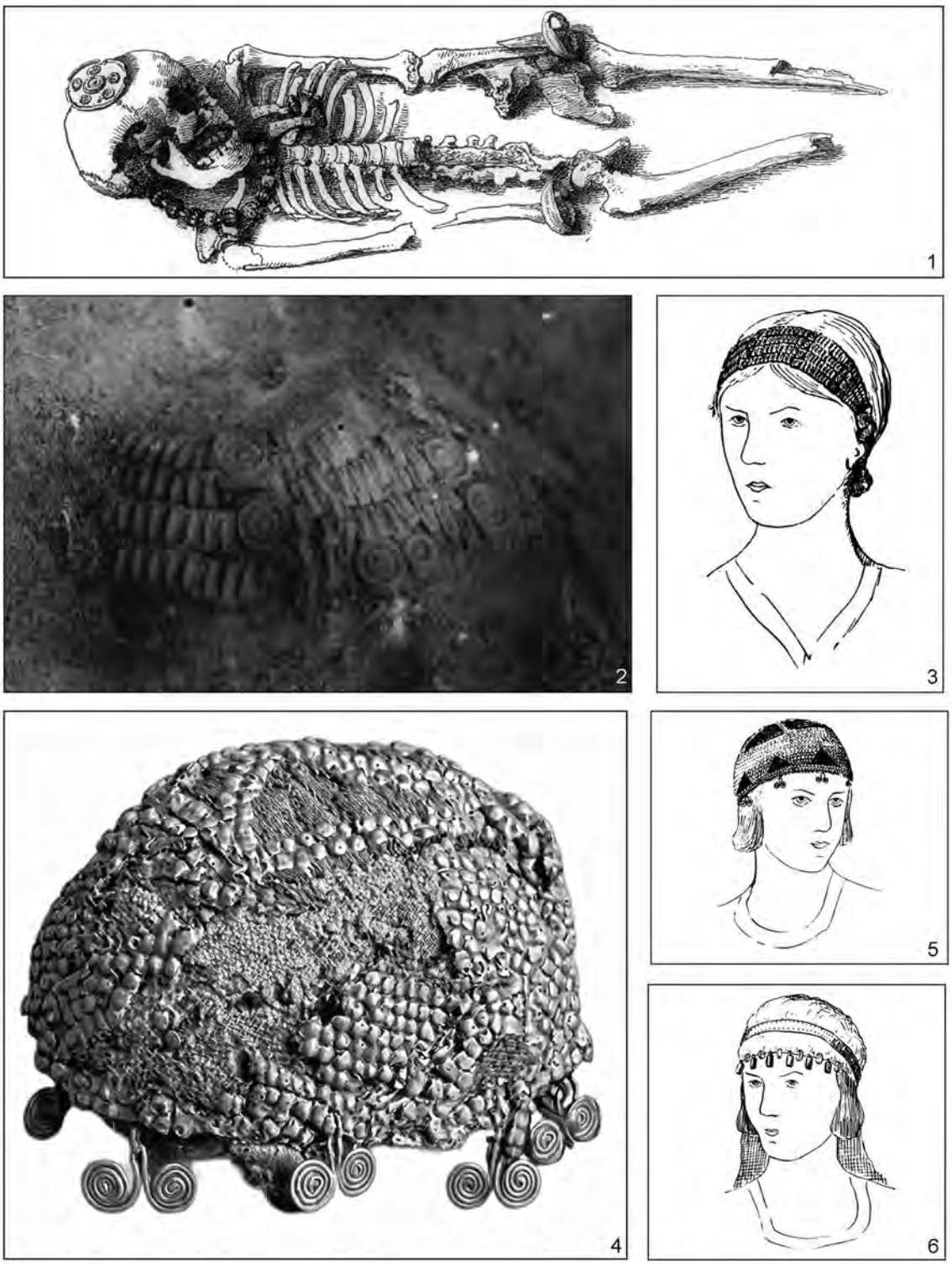

Рис. 3. Головные уборы эстиев Самбии и Западной Литвы I–III вв.: *1* — Клинцовка / Kunterstrauch-Wargenau, погр. IV; *2, 3* — Березовка / Gross Ottenhagen, погр. 78; *4, 5* — Шерняй / Schernen, погр. 10; *6* — Ржевское / Linkuhnen, погр. 267

Fig. 3. Headwear of the Estians of Sambia and Western Lithuania, 1st–3rd cent.: *1* — Klintsovka / Kunterstrauch-Wargenau, grave IV; *2, 3* — Berezovka / Gross Ottenhagen, grave 78; *4, 5* — Shernyai / Schernen, grave 10; *6* — Rzhevskoye / Linkuhnen, grave 267

[*1* — *Gaerte*, 1929. Abb. 132a, 140b; *2* — *La Baume*, 1942. Abb. 3, 1; *3, 5, 6* — *Gronau*, 1939. Taf. VIII, *1, 3, 4*]

цепочками. Такая одежда зафиксирована у литовцев Восточной Пруссии в XVII в. (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 149–153; *Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 44–53, Pav. 43; *Жилина*, 2024. С. 335–338) (рис. 2, *4*). Головные уборы с металлическими накладками, распространенные у эстиев Западной Литвы в первые века новой эры (рис. 3, *4–6*), стали элементом этнического костюма куршей, скальвов и жемайтов (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 111).

В меньшей степени этнографический подход применяется для характеристики убора племен Калининградского (Самбийского) полуострова и Северной Польши, чье население было либо истреблено / ассимилировано в результате экспансии Тевтонского ордена (пруссы), либо вошло в состав литовско-древнерусской народности (судины / ятвяги, галинды).

Несмотря на малую информативность, описания Тацита оказали значительное влияние на историографию, в ряде случаев становясь основой характеристики убора эстиев центральной части Восточной Пруссии на основе модели северогерманских племен. Впервые его охарактеризовал О. Тишлер в XIX в.: опираясь на графические изображения одежды греков и римлян, описания Тацита и реконструкции костюма северных германцев[6], он выделил в качестве основы одежду, состоявшую из нижнего хитона и/или столы, скрепляемых двумя фибулами, и верхней одежды типа паллы, не требовавшей застежек (*Tischler*, 1879. S. 224, 225). В практически неизменном виде эта характеристика воспроизводится до настоящего времени (*Кулаков*, 2013. С. 25, 28, 33–35; ср.: *Böhme*, 1998) (рис. 4, *1, 2*).

В. Герте расширил эту характеристику: в раннеримское время женский убор включал две–четыре фибулы (одна — на плече, остальные — на груди) (*Gaerte*, 1929. S. 176–178). Особо выделялись круглые фибулы, подобные украшению из погребения IV могильника Клинцовка / Kunterstrauch-Wargenau (рис. 1, *2*; 3, *1*). Характерным элементом самбийско-натангийского костюма считались головные уборы в виде налобных венчиков с металлическими накладками или шапочек (рис. 3, *3, 5, 6*). Основой для реконструкций послужил головной венчик, обнаруженный в 1930 г. в погребении 78 могильника Березовка / Gross Ottenhagen (рис. 3, *2, 3*). В заметке об этой находке В. Ла Бом проводит параллели с шапочкой из погребения 10 могильника Шерняй / Schernen (*Gaerte*, 1929. S. 182; *La Baume*, 1942. S. 16) (рис. 3, *4, 5*).

Специальная работа В. И. Кулакова (*Кулаков*, 2013), посвященная реконструкции самбийско-натангийского убора I–V вв., содержит ряд методических противоречий. Утверждая в качестве принципов реконструкции опору на материалы конкретных погребальных комплексов, зафиксированных *in situ*, автор включает в каталог как ингумации (погребение 233 могильника Большое Исаково / Lauth II в. н. э.) (рис. 1, *3*; 4, *1*), так и кремации, — в частности погребения 98 и 102 могильника Окунево / Grebieten «Süd» III в. н. э. (рис. 1, *1*; 4, *2*), для которых говорить о расположении элементов убора на костяке невозможно (*Там же*. С. 26, 27, 29–41, рис. 45, 46, 49, 50, 52). Предложенные реконструкции в итоге опираются на общие представления об античном и варварском костюме и воспроизводят стандартные варианты нижней одежды в виде лифа с коротким или длинным рукавом в сочетании с юбкой, короткой подпоясанной туники с баской, короткого или длинного плаща, скрепленного фибулой (рис. 4, *1, 2*).

Реконструкция убора из погребения 119 могильника Березовка / Gross Ottenhagen (рис. 1, *4*; 4, *3*) демонстрирует другой вариант модели — убор с парными однотипными фибулами в качестве застежек свободной накидки, соединенными шнурком. Видимо, она является интерпретацией, ориентированной на реконструкцию убора из погребения 22 могильника Курмайчай / Kurmaičiai (рис. 1, *5*; 4, *4, 5*), поскольку элементы фурнитуры в данном захоронении были зафиксированы не на скелете, а в качестве приношения (*Скворцов*, 2014. С. 216–219, рис. 5, *7а*).

Убор культуры могильников с каменными венцами. Преобладание ингумаций в Западной Литве в первой половине I тысячелетия позволяет фиксировать расположение инвентаря на скелете, что позволяет более определенно реконструировать убор. Впервые костюм западнолитовских женщин был описан Д. Вецольд (*Waetzoldt*, 1939. S. 116–120). Уже в этой работе обозначилась и характерная особенность всей последующей историографии литовского убора-костюма — особое внимание уделялось головным уборам как маркеру этнической идентичности (рис. 5, *1*).

Д. Вецольд выделила головные венчики, украшенные металлическими накладками в форме вытянутых пронизей, по материалам могильников

[6] На тот момент уже были известны находки текстиля из торфяных болот Северной Европы Нидама и Торсберга (подробно см., например: *Mannering et al.*, 2012. P. 103–114).

Рис. 4. Реконструкции костюма самбийско-натангийских и западнолитовских женщин I–III вв.: *1* — Большое Исаково / Lauth, погр. 233 (автор В. Кулаков); *2* — Окунево / Grebieten «Süd», погр. 98 (автор В. Кулаков); *3* — Березовка / Gross Ottenhagen, погр. 119 (худ. Н. Тимошенко); *4, 5* — Курмайчай / Kurmaičiai, погр. 22 (худ. В. Баченас и Э. Юренас (*4*), Б. Грабаускене (*5*))

Fig. 4. Reconstructions of Sambian-Natangian and West Lithuanian women's clothing from the 1st–3rd centuries: *1* — Bolshoye Isakovo / Lauth, grave 233 (drawing by V. Kulakov); *2* — Okunevo / Grebieten "Süd," grave 98 (drawing by V. Kulakov); *3* — Berezovka / Gross Ottenhagen, grave 119 (drawing by N. Timoshenko); *4, 5* — Kurmaičiai, grave 22 (drawing by V. Bačenas and E. Jurenas (*4*), B. Grabauskienė (*5*))

[*1, 2 — Кулаков*, 2013. Рис. 45; 46; *3 — Скворцов*, 2014. Рис. 7b; *4 — Kulikauskienė, Rimantienė*, 1958. Fig. 120; *5 — Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. Fig. 17]

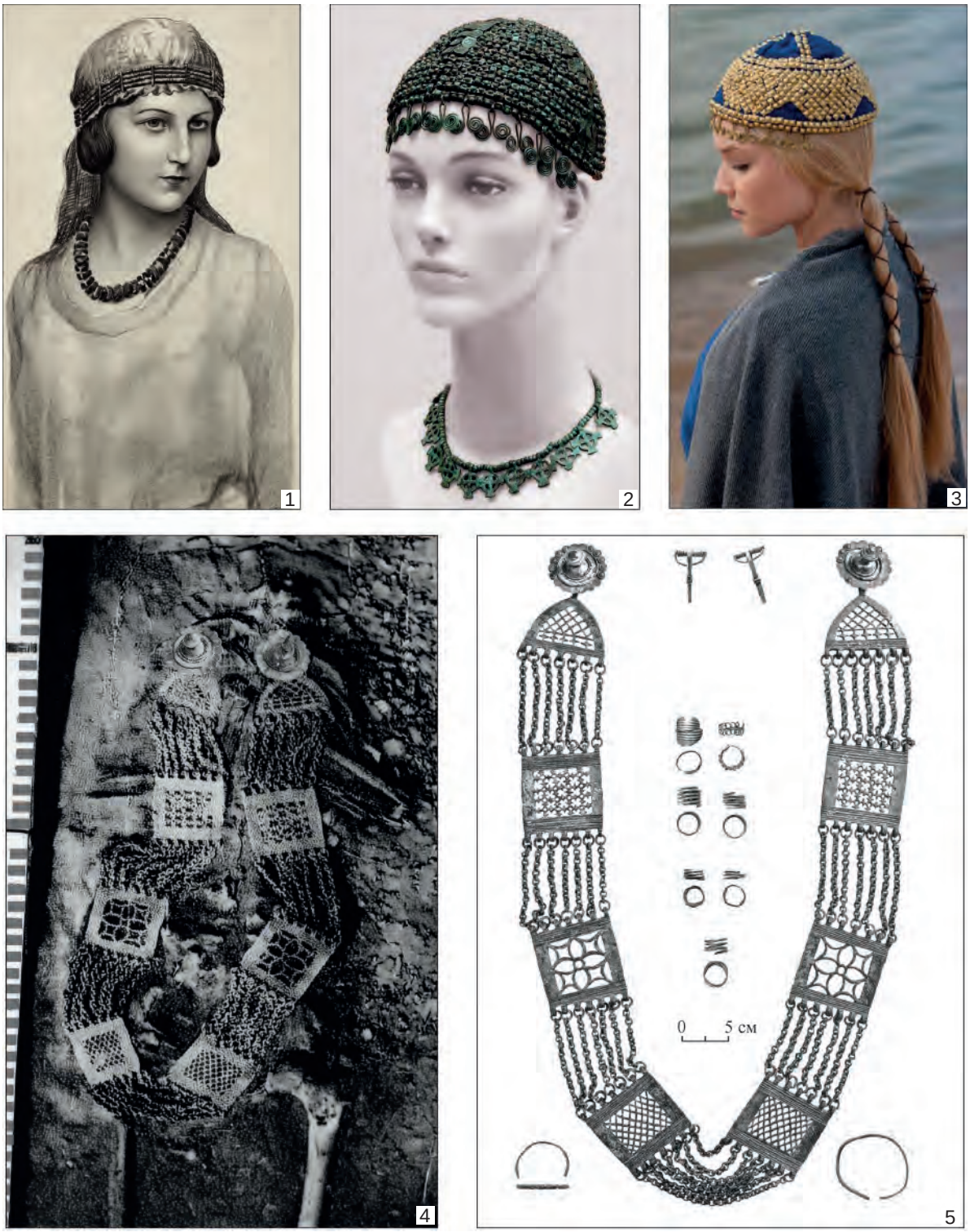

Рис. 5. Головные уборы и элементы западнолитовского костюма I–III вв., реконструкции и аналогии:
1 — Советск / Tilsit-Splitter, погр. 27; *2* — Дауглаукис / Dauglaukis, погр. 66; *3* — Шерняй / Schernen, погр. 10; *4, 5* — Бандюжай / Bandužiai, погр. 74

Fig. 5. Headwear and elements of Western Lithuanian costume from the 1st–3rd cent.: reconstructions and analogies:
1 — Tilsit-Splitter, grave 27; *2* — Dauglaukis, grave 66; *3* — Schernen, grave 10; *4, 5* — Bandužiai, grave 74

[*1* — *Waetzoldt*, 1939. S. 118, 119, Abb. 7; *2* — *Jovaiša*, 2012. Fig. 11, *26*; *3* — *Steponavičienė*, 2021; *4, 5* — *Stankus*, 1995. Fig. 2; 4]

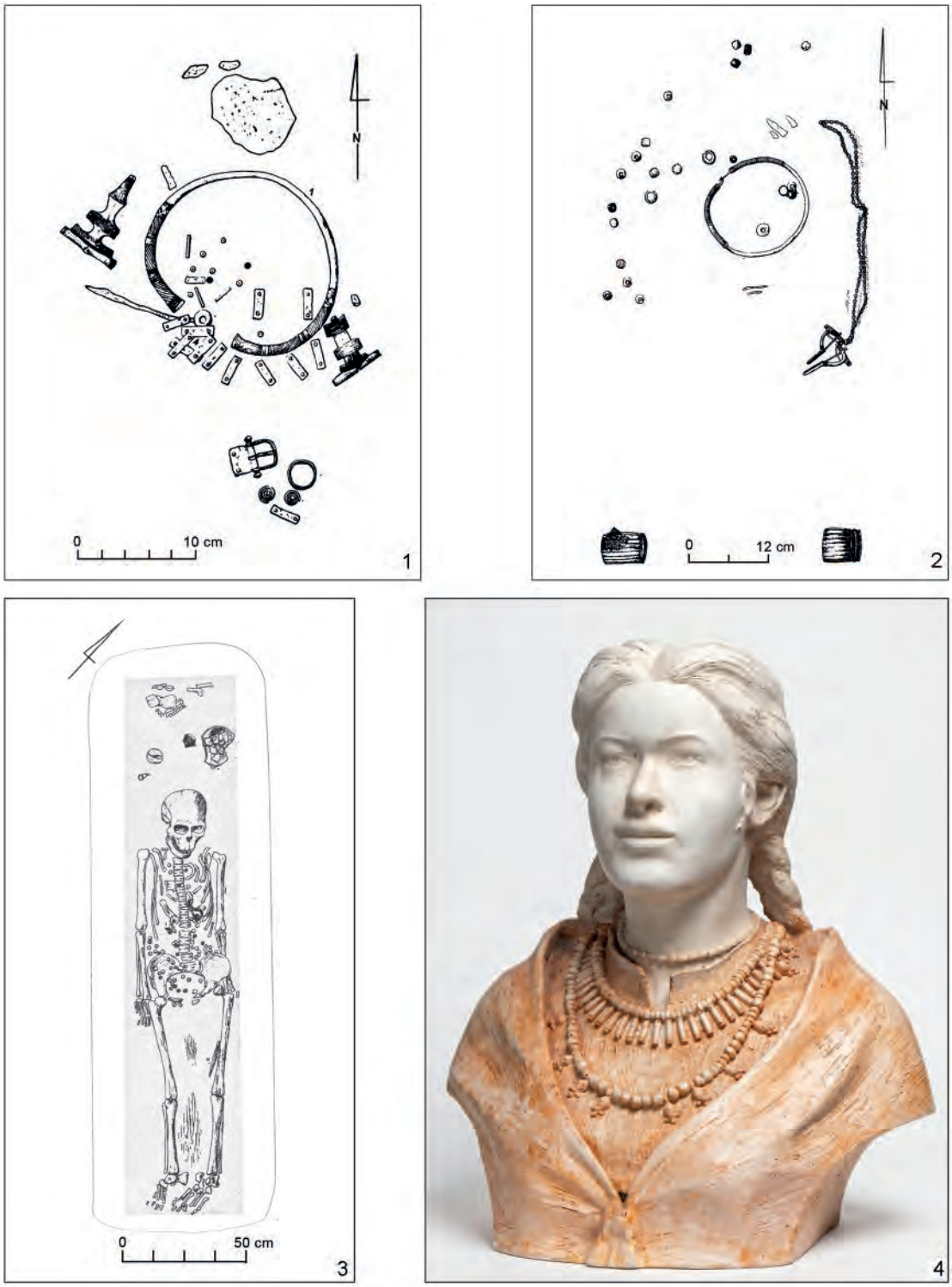

Рис. 6. Женский убор судавской культуры эпохи римских влияний: *1* — Жива Вода / Żywa Woda, курган 14, погр. 1; *2* — Жива Вода / Żywa Woda, курган 15, погр. 1; *3* — Швайцария / Szwajcaria, курган 42, погр. 2; *4* — Швайцария / Szwajcaria, курган XX, погр. 3, реконструкция головы молодой женщины на основе черепа

Fig. 6. Women's headdress from the Sudava culture during the period of Roman influence: *1* — Żywa Woda, burial mound 14; grave 1; *2* — Żywa Woda, burial mound 15, grave 1; *3* — Szwajcaria, burial mound 42, grave 2; *4* — Szwajcaria, burial mound XX, grave 3, reconstruction of a young woman's head based on the skull

[*1, 2 — Tempelmann-Mączyńska,* 1983. Rys. 6; 9; *3 — Jaskanis*, 2013. Tab. CLXXXVIII; *4* — I Balti…, 1991. P. 107, Nr. 393]

Советск / Tilsit-Ragnit (рис. 1, *12*; 5, *1*) и Ржевское / Linkuhnen (рис. 1, *11, 12*; 3, *6*), а также шапочки, как в погребении 10 могильника Шерняй / Schernen (рис. 1, *7*; 3, *5*). Было высказано предположение о широком распространении головных уборов среди носителей западнолитовской культуры, хотя в большинстве случаев они были тканевыми и украшались лишь несколькими бусинами или бронзовыми спиральными пронизями; аналогии им прослеживались в Восточной Прибалтике (*Waetzoldt*, 1939. S. 118, 119). М. Гимбутас добавила к ним тип уборов «с височными кольцами» по материалам курганных могильников Курмайчай / Kurmaičiai и Эглишкяй / Ėgliškiai (рис. 1, *5, 10*) раннего железного века (*Gimbutas*, 1963. P. 126; *Гимбутас*, 2004. С. 130, рис. 40). Она же впервые привела в качестве опорного комплекса погребение 22 могильника Курмайчай / Kurmaičiai первой половины II в., впоследствии использованное для реконструкции убора первых веков новой эры Р. Волкайте-Куликаускене (рис. 4, *4, 5*). Среди характерных элементов убора II–V вв. М. Гимбутас отметила большое количество стеклянных бус и малое — янтарных, ажурные нагрудные украшения III в., как в погребении 202 могильника Аукштемяй / Oberhof (рис. 1, *6*), гривны с привесками, профилированные и арбалетовидные фибулы (*Gimbutas*, 1963. P. 126–135; *Гимбутас*, 2004. С. 130–143, рис. 40–43).

Р. Волкайте-Куликаускене воспроизвела и расширила эту характеристику, выделяя северную (район Клайпеды) и южную (дельта Немана) области, хотя считала, что женский убор в них был одинаков (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 22–30, 68, 69, pav. 15; 17). Определяющим элементом названы упомянутые шапочки (рис. 3, *4, 5*), к числу которых она отнесла и находку из погребения 66 могильника Дауглаукис / Dauglaukis (*Volkaitė-Kulikauskienė*, 1997. P. 23–25, pav. 14; 16; 17) (рис. 1, *13*; 5, *2*). Другие характерные элементы — нагрудные украшения, гривны с привесками в ажурном стиле, булавки с тутуловидной головкой со вставками из синего стекла, как в погребении 74 могильника Бандюжай / Bandužiai (рис. 1, *9*; 5, *4, 5*). Особо выделены парные булавки, соединенные длинными цепочками, — элемент, связанный с креплением верхней одежды — накидки / наплечного покрывала типа этнографической *скяпяты* (*Волкайте-Куликаускене*, 1986. С. 149) (рис. 2, *3, 4*).

Тенденция рассматривать головные уборы с металлическими накладками как центральный элемент западнолитовского женского костюма и церемониального («свадебного») убора сохраняется до настоящего времени (рис. 5, *3*). Так, Р. Бануте-Ровелл вновь обратилась к головным уборам из могильников Шерняй / Schernen, Курмайчай / Kurmaičiai, Дауглаукис / Dauglaukis, сопоставив их с находками в могильнике Байтай / Baitai, включив их в число признаков богатых женских захоронений III в. (*Banytė-Rowell*, 2022).

Убор богачевской культуры. Невозможность детальной характеристики убора богачевской культуры связана с тем, что, во-первых, погребения Мазурского Поозерья представляют собой кремации, что ограничивает возможности его воссоздания; во-вторых, несмотря на то что было исследовано большое количество комплексов в нескольких десятках могильников, значительная часть этого материала, хранившаяся в коллекциях музея «Пруссия» Кёнигсберга (подробно о судьбах коллекции см., например: *Алдунг и др.*, 2005), долгое время считалась утраченной.

Отличительными чертами убора богачевской культуры, в отличие от самбийско-натангийского, названы иглы-булавки, фибулы с головкой в виде быка, булавки и подвески. М. Гимбутас также особо выделяла украшения с эмалями (*Gimbutas*, 1963. P. 128; *Гимбутас*, 2004. С. 140–142, рис. 46). Шейные гривны, напротив, близки украшениям с Самбийского полуострова, что объяснялось близостью к традициям восточногерманских культурных групп Нижнего Повисленья (вельбаркской культуры) (*Gaerte*, 1929. S. 176–178, 225, 230, Abb. 132b, 132f–132g, 143).

Убор судавской культуры. Основной массив материалов стал известен в результате исследований Е. Антоневича и М. Качиньского в 1950–1960-х гг. (могильники Осова / Osowa, Жива Вода / Żywa Woda, Швайцария / Szwajcaria и Нетта / Netta) (рис. 1, *14–17*).

Ингумационный обряд погребений судавской культуры открывает значительные перспективы для реконструкции. В 1978 г. была выполнена реконструкция внешнего облика молодой женщины на основе черепа из погребения 3 кургана XX могильника Швайцария / Szwajcaria. На этой скульптурной модели была воспроизведена шейно-плечевая часть костюма с изображением нижнего слоя одежды в виде рубахи с открытым воротом и верхней накидки. При этом использовался сборный набор украшений из нескольких погребений: два ожерелья и фибула из погребения 2 кургана XX и одна низка бус и подвесок из грунтового погребения «S.4» (рис. 1, *16*; 6, *4*).

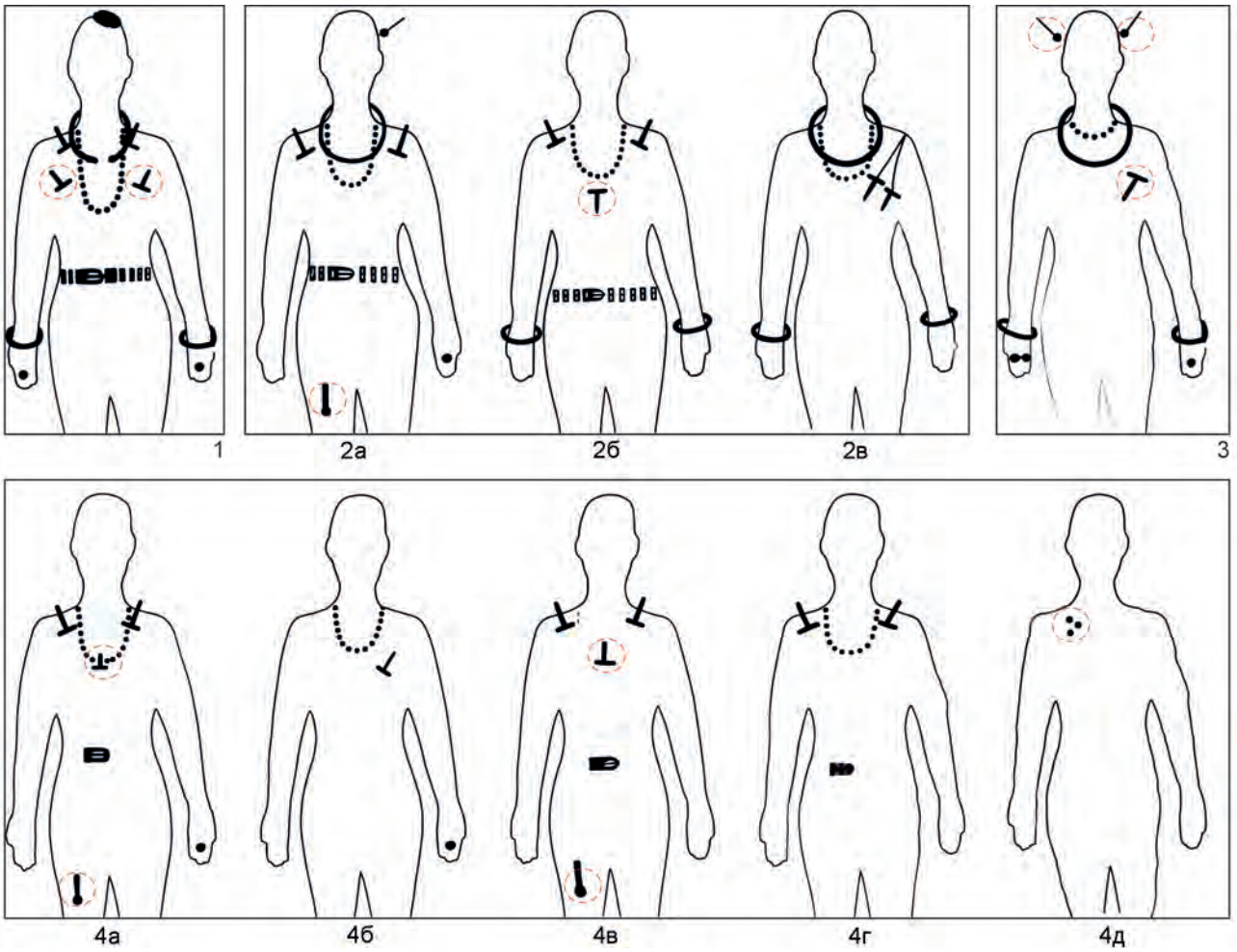

Рис. 7. Модели женского убора западнобалтской культуры I–V вв. по М. Темпельманн-Мончиньской: *1* — раннеримское время, конец I — первая половина II в. (самбийско-натангийская культура); *2а–2в* — «переходный период», середина II — начало III в. (*2а, 2б* — богачевская культура, *2в* — судавская культура); *3* — позднеримский период, III в. (западнолитовская культура); *4а–4д* — конец позднеримского времени — начало эпохи Великого переселения народов, конец III — V в. (*4а* — самбийско-натангийская культура, *4б, 4в* — богачевская культура, *4г, 4д* — судавская культура)

Fig. 7. Models of women's headdresses from the Western Baltic culture of the 1st–5th cent., according to M. Tempelmann-Mączyńska: *1* — Early Roman period, late 1st — 1st half of the 2nd cent. (Sambian-Natanian culture); *2a–2в* — "transitional period", mid-2nd to early 3rd cent. (*2a, 2б* — Bogachevo culture, *2б* — Sudava culture); *3* — Late Roman period, 3rd cent. (Western Lithuanian culture); *4a–4д* — late Roman period to the beginning of the Great Migration, late 3rd–5th cent. (*4a* — Sambian-Natanian culture, *4б, 4в* — Bogachevo culture, *4г, 4д* — Sudava culture)

[*Tempelmann-Mączyńska*, 1983. Rys. 10–14]

В своем исследовании западнобалтского убора М. Темпельманн-Мончиньска также опиралась преимущественно на судавские материалы — погребения с богатым инвентарем из курганов 14, 15 могильника Жива Вода / Żywa Woda (рис. 1, *15*; 6, *1, 2;* 7, *2в*) и кургана 42 могильника Швайцария / Szwajcaria (рис. 1, *16*; 6, *3;* 7, *4г*). Все указанные комплексы относятся к середине II — началу III в. и представляют лишь один хронологический горизонт.

Новые подходы к изучению археологического убора

С 1980–1990-х гг. к исследованию древнего костюма стал применяться подход, рассматривающий археологический убор (нем. *Kleidung*, англ. *dress accessories / personal ornaments*) как совокупность элементов и украшений, связанных с выражением определенной групповой идентичности (культурной, социальной, возрастной), отдельно от изучения одежды (которое сводится

к исследованиям остатков текстиля и кожи из погребений) (например: *Brather*, 2008. S. 238, 239, 242; *Webb*, 2011. P. 8–10).

Труды М. Темпельманн-Мончиньской, впервые применившей комплексный статистический анализ для выделения регионально-хронологических моделей центральноевропейского убора, в том числе убора эстиев, находятся тем не менее на стыке этого подхода с традиционным. Ею была предложена лишь общая характеристика моделей: от одной до пяти–шести фибул; булавки и детали поясов; украшения — ожерелья из многочисленных или нескольких бус, подвески, браслеты, кольца; наиболее характерные комбинации включали две–три фибулы, ожерелья, подвески, парные браслеты и поясные гарнитуры (*Tempelmann-Mączyńska*, 1983. S. 3, 4, 13–17, rys. 2; 3; 10; 14a; 1989. S. 167, 171) (рис. 7). Для реконструкции убора использовался подход с привлечением опорных комплексов (ср. рис. 3, *1* и 7, *1*; рис. 6, *2* и 7, *2в;* рис. 4, *2 и* 7, *4а*).

Исследование неизбежно отразило ограниченность доступной на тот момент источниковой базы: М. Темпельманн-Мончиньска опиралась на опубликованные данные довоенных раскопок. В последующие два десятилетия в научный оборот был введен значительный массив ранее недоступных материалов из архивов и коллекции музея «Пруссия», а также результаты новых раскопок, открывающие принципиально иные возможности для анализа.

Тенденция к изучению костюма эстиев как археологического убора отчетливо обозначилась в последние два десятилетия. Исследователи сосредоточились на выделении моделей «престижного» убора и признаков погребений различных половозрастных групп, что стало возможным благодаря применению естественнонаучных методов, прежде всего антропологического анализа.

Новый вектор в изучении социального значения убора эстиев был задан совместной работой Р. Бануте-Ровелл, А. Битнер-Врублевской и К. Райх, в которой систематизированы признаки «богатого» женского убора позднеримского времени Западной Литвы. Помимо головных уборов к таким признакам отнесены тутуловидные и розетковидные булавки (со вставкой из синего стекла или без нее), спиральные браслеты, ажурные нагрудные украшения (*Banytė-Rowell et al.*, 2012. P. 211–214) (см. рис. 5, *5*). Применительно к самбийско-натангийской культуре была охарактеризована регионально-хронологическая модель убора представительниц местных «богатых семей» раннеримского времени с «самбийскими» ажурными поясными гарнитурами[7] (*Хомякова*, 2016; 2021).

Работы М. В. Добровольской и А. В. Мастыковой положили начало выделению признаков убора различных половозрастных групп Самбийского полуострова. Хотя основное внимание в них сосредоточено на периоде формирования раннесредневековой культуры пруссов VI–VII вв. (*Мастыкова, Добровольская,* 2013), рассматривается и ряд комплексов римского периода, а для сравнительной характеристики привлекались и судавские материалы III–IV вв. (*Мастыкова и др.,* 2017. С. 44; *Мастыкова, Юганов*, 2025. С. 47, 48). Признаки женских и детских захоронений самбийско-натангийской культуры эпохи римских влияний рассмотрены О. А. Хомяковой (*Хомякова*, 2022. С. 12–14).

Данные по *текстилю* для культур эстиев немногочисленны из-за практического отсутствия полноценного материала. Имеющиеся исследования посвящены минерализованным фрагментам тканей на железных предметах, а также их отпечаткам в слоях ржавчины из самбийско-натангийских (могильник Березовка / Gross Ottenhagen), судавских (могильники Швайцария / Szwajcaria, Нетта / Netta) и западнолитовских (могильник Байтай / Baitai) погребений (*Möller-Wiering*, 2004; *Maik*, 2007; *Jaskanis*, 2013. P. 233, fig. 34; *Likšenienė, Ulizaitė*, 2022). Совокупность этих данных свидетельствует о том, что эстии использовали для изготовления одежды ткани, типичные для римского времени в целом. Однако эти исследования характеризуют лишь качество и технику изготовления тканей, но не позволяют восстановить крой одежды.

Заключение

Применение ретроспективного метода в изучении убора эстиев I–V вв. позволило привлечь этнографический материал, письменные, изобразительные источники и выявить наиболее яркие и устойчивые его элементы, однако сложившаяся в историографии картина выглядит неоднозначно.

«Костюмы» отдельных культур эстиев представлены разновременным материалом. Для самбийско-натангийской культуры акцент сделан на убор раннеримского времени с «самбийскими»

[7] Подробно об обширной историографии изучения «самбийских» поясов см.: *Хомякова*, 2016. С. 33–35; 2022. С. 48, 49.

поясами, для Западной Литвы — на наборы III в., для Мазурского Поозерья и Судавии — на погребения с многочисленными украшениями середины II — первой половины III в. При этом убор IV–V вв. охарактеризован лишь в общих чертах, преимущественно по материалам Самбийского полуострова.

В реконструкциях отчетливо прослеживается опора на погребения с наиболее выразительными и многочисленными элементами костюма, формирующими образ «убора для особого случая» II–III вв. и характеризующими прежде всего представительниц местных «богатых семей». Повседневный убор менее состоятельных социально-возрастных групп при этом практически не рассматривается.

Помимо этнографического подхода рамки в представлении форм одежды эстиев задает и определенная германоцентричность в проведении прямых аналогий. Выход за их пределы и становится непосредственной исследовательской задачей, решить которую, как видится, возможно за счет расширения источниковой базы и переноса внимания с реконструкции «костюма» на изучение археологического убора и его регионально-хронологических, ситуационных и социально-возрастных моделей.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2026 г.

Алдунг и др., 2005 — *Алдунг Ф., Карнап-Борнгейм К. Ф., Ибсен Т.* Коллекции музея «Пруссия» в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Шлезвиг: Филипп Адлунг, 2005. 112 с.

Волкайте-Куликаускене, 1986 — *Волкайте-Куликаускене Р. К.* Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. // Древняя одежда народов Восточной Европы (материалы к историко-этнографическому атласу) / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 146–171.

Гимбутас, 2004 — *Гимбутас М.* Балты. Люди Янтарного моря. М.: Центрполиграф, 2004. 223 с.

Жилина, 2024 — *Жилина Н. В.* Основные черты убора из украшений балтов в связи с костюмом: литовцы // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века. Сб. ст. памяти О. В. Шарова / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2024 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 34). С. 323–340.

Кулаков, 2003 — *Кулаков В. И.* История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003 (Prussia Antiqua; Т. 1). 402 с.

Кулаков, 2013 — *Кулаков В. И.* Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I–V вв. н. э. Киев: Изд-во О. Филюка, 2013. 168 с.

Мастыкова, 2009 — *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н. э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.

Мастыкова, Добровольская, 2013 — *Мастыкова А. В., Добровольская М. В.* Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 74–79.

Мастыкова и др., 2017 — *Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Юганов К. Л.* Могильник Шлакалькен-5: о культурно-хронологической преемственности памятников римского времени и эпохи Великого переселения народов в северной части Самбийского полуострова // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 28–56.

Мастыкова, Юганов, 2025 — *Мастыкова А. В., Юганов К. Л.* Заостровье-2. Могильник римского времени в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2025 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 35). 420 с.

Седов, 1987 — *Седов В. В.* Балты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 353–419.

Скворцов, 2014 — *Скворцов К. Н.* Исследования ранней зоны могильника II–XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 г. // Stratum Plus. 2014. № 4: Римские орлы и сарматские драконы. С. 213–230.

Тацит, 1969 — *Тацит П. К.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко, отв. ред. С. И. Утченко. Л.: Наука, 1969 (Литературные памятники). С. 353–373.

Хомякова, 2011 — *Хомякова О. А.* История изучения женского убора самбийско-натангийской культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История, политология, социология». 2011. Вып. 1. С. 197–200.

Хомякова, 2016 — *Хомякова О. А.* Вопросы социальной интерпретации погребений с «самбийскими» поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм-Ковово // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 33–49.

Хомякова, 2021 — *Хомякова О. А.* Фибулы I–II вв. (группа V по О. Альмгрену) и формирование региональной модели женского убора в Юго-Восточной Прибалтике // РА. 2021. № 2. С. 73–90.

Хомякова, 2022 — *Хомякова О. А.* Женский убор самбийско-натангийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН, 2022 (Германия —Сарматия. Монографии; Вып. 1). 320 с.

Хомякова, в печати — *Хомякова О. А.* Юго-Восточная Прибалтика в I–IV вв. н. э. // История России

с древнейших времен. В 20 т. Т. 1: Древние культуры на территории современной России (до середины I тыс. н. э.). Кн. 3: Переход от раннего железного века к Средневековью / Отв. ред. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М.: Наука (в печати).

Чаусидис, 2012 — *Чаусидис Н.* Кольцо из Штробьенена. Иконографический и семиотический анализ // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 3. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2012. С. 527–554.

Яценко, 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии. М.: Восточная литература РАН, 2006. 664 с.

Banytė-Rowell, 2022 — *Banytė-Rowell R.* Brides for the Afterlife? Some Considerations on Female Burials from West Lithuania in the Third Century CE // Wiadomości Archeologiczne. 2022. Vol. LXXIII. P. 109–130.

Banytė-Rowell et al., 2012 — *Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C.* Did They Exist? The Question of Elites in Western Lithuania in the Roman and Early Migration Periods, and Their Interregional Contacts // Archaeologia Baltica. 2012. Vol. 18 (II). P. 192–220.

Böhme, 1998 — *Böhme W.* Beobachtungen zur germanischen Frauentracht im Gebiet zwischen Niederelbe und Loire am Ende der späten Kaiserzeit // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Festschrift für Michael Müller-Wille / Hrsg. A. Wesse. Neumünster: Wachholtz, 1998. S. 435–451.

Brather, 2008 — *Brather S.* Kleidung, Bestattung, Ritual. Die Präsentation sozialer Rollen im frühen Mittelalter // Zwischen Spätantike und Frühmittelalter. Archäologie des 4. bis 7. Jahrhunderts im Westen / Hrsg. S. Brather. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2008 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 57). S. 237–273.

Gaerte, 1929 — *Gaerte W.* Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg i. Pr.: Gräfe und Unzer, 1929. 406 S.

Gimbutas, 1963 — *Gimbutas M.* The Balts. London: Thames and Hudson, 1963 (Ancient peoples and places; Vol. 33). 286 p.

Gronau, 1939 — *Gronau W.* Altpreußischer Kopfschmuck // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft zu Insterburg. H. 22. Insterburg, 1939. S. 45–46.

Grunau, 1876 — *Grunau S.* Simons Grunau's preussische Chronik / Hrsg. M. Perlbach. Leipzig: Duncker & Humblot, 1876. Bd. I. 755 S. // URL: https://prussia.online/books/simon-grunau-s-preussische-chronik-1 (accessed: 29.05.2025).

Hartknoch, 1686 — *Hartknoch K.* Alt- und Neues Preussen Oder Preussischer Historien Zwey Theile. [B. m.], 1686. 800 S. // URL: https://digital.staatsbibliothek-berlin.de (accessed: 29.05.2025).

I Balti…, 1991 — I Balti, alle origini dei Prussiani, degli Iatvinghi, dei Lituani e dei Lettoni, dal V secolo a.c. al XIV secolo: Firenze, Sala d'Arme di Palazzo Vecchio, 6 settembre — 17 novembre 1991 / Eds. D. Jaskanis, M. Kaczynski. Firenze: Cantini, 1991. 158 p.

Jaskanis, 2013 — *Jaskanis J.* Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich. Oddział w Warszawie, 2013. 326 S.

Jovaiša, 2012 — *Jovaiša J.* Aisčiai. Kilmė. I knyga: monografija. Vilnius: Edukologija, 2012. 380 p.

Kolendo, Mączyńska, 1992 — *Kolendo J., Mączynska M.* Die Darstellung der germanischen Tracht in Tacitus' "Germania". Ein Vergleich der Textangaben mit den archäologischen Quellen // Barbaricum. 1992. T. 2. S. 191–211.

Kulikauskienė, Rimantienė, 1958 — *Kulikauskienė R., Rimantienė R.* Lietuvių liaudies menas. Vol. I: Senovės lietuvių papuošalai. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1958. 162 p.

La Baume, 1942 — *La Baume W.* Ein altpreußisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kreis Samland // Alt-Preußen. 1942. No. 7. S. 16.

Likšenienė, Ulizaitė, 2022 — *Likšenienė V., Ulizaitė R.* Annex 8: Analysis of textile remains found in Baitai cemetery // *Banytė-Rowell R.* The Late Roman Period Baitai Cemetery as a Source for Interpreting Cultural Processes in the Baltic Region. Vilnius: Lietuvos Istorijos institutas leidykla, 2022. P. 500–505.

Maik, 2007 — *Maik J.* Textile remains from the cemetery at Netta, site I // *Bitner-Wróblewska A.* Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2007 (MAB; T. XII). P. 150.

Mannering et al., 2012 — *Mannering U., Gleba M., Hansen M.* Danmark // Textiles and Textile Production in Europe: From Prehistory to AD 400 / Eds. M. Gleba, U. Mannering. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 91–121.

Möller-Wiering, 2004 — *Möller-Wiering S.* Mineralisierte Textilien aus Groß Ottenhagen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 2004. Bd. 85. S. 440–444.

Stankus, 1995 — *Stankus J.* Unique pectoral ornament from Bandužiai, Lithuania // Archaeologia Baltica. 1995. Vol. 1. P. 80–83.

Steponavičienė, 2021 — *Steponavičienė D.* Реконструкция женского костюма балтов I–IV вв. / Фотограф А. Мойсейенко // URL: https://ru.pinterest.com/pin/810296157926947589/ (accessed: 18.05.2026).

Tempelmann-Mączyńska, 1983 — *Tempelmann-Mączyńska M.* Proba rekonstrukcji stroju kobiecego kultury zachodniobaltyjskiej w okresie wplywow rzymskich // Wiadomosci Archeologiczne. 1983. T. XLVIII. Z. 1. S. 3–19.

Tempelmann-Mączyńska, 1989 — *Tempelmann-Mączyńska M.* Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1989 (Varia / Uniwersytet Jagielloński; No 264). 177 S.

Tischler, 1879 — *Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder III // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 1879. Bd. 19. S. 159–268.

Volkaitė-Kulikauskienė, 1997 — *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Senovės Lietuvių Drabužiai ir jų papuošalai (I–XVI a.). Vilnius: Lietuvos Istorijos institutas, 1997. 151 p.

Volkaitė-Kulikauskienė, 2001 — *Volkaitė-Kulikauskienė R.* Lietuva valstybės priešaušriu. Vilnius: Vaga, 2001. 471 p.

Waetzoldt, 1939 — *Waetzoldt D.* Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit // Alt-Preußen. 1939. Jg. 3, H. 4. S. 116–120.

Webb, 2011 — *Webb T.* Personal Ornamentation as an Indicator of Cultural Diversity in the Roman North. Oxford: British Archaeological Reports, 2011 (BAR British Series; Vol. 547). 217 p.

Women's attire in the Southeastern Baltic region in the 1st–5th Centuries AD: historiographical traditions and approaches to reconstruction

O. A. Khomyakova[8]

Keywords: women's attire, costume reconstruction, historiography, Southeastern Baltic region, Estii, Roman period, Migration Period

This article is devoted to a historiographical analysis of approaches to the reconstruction of women's attire among the tribes of the Southeastern Baltic region (the Estii) in the 1st–5th cent. AD.

Written and visual sources provide us with a scare information: Tacitus's mention of the Estii offers no details about their clothing. Visual sources date primarily from the Middle Ages and the Modern Era and are unsuitable for reconstructing attire from the early centuries AD.

Two research approaches are distinguished in historiography. The first, retrospective and ethnographic, focuses on reconstructing traditional (ethnic) costume; the second approach focuses on studying archaeological attire as a set of elements marking group identity, separate from the reconstruction of clothing as such.

The retrospective approach has been most consistently applied in the works of R. Volkaitė-Kulikauskienė, who viewed the attire of the 1st–11th cent. as the foundation of traditional Lithuanian costume. For the Sambian-Natanian tribes, reconstructions — beginning with O. Tischler — were based on general notions of North Germanic barbarian costume. In the historiography of the stone-crowned burial mound culture of Western Lithuania, beginning with D. Waetzoldt and M. Gimbutas, there has been a consistent tendency to regard headdresses with metal plates as the central element of Western Lithuanian women's attire. The attire of the Sudava culture is characterized primarily by the rich burial mounds of the mid-2nd to early 3rd cent., while the attire of the Bogachevo culture has been studied much less extensively due to the prevalence of cremation rites.

The works of M. Tempelmann-Mączyńska represented an innovative contribution to the study of archaeological attire; she was the first to apply comprehensive statistical analysis to identify regional and chronological patterns in Estian attire. Over the past two decades, researchers have focused on identifying elements of "prestigious" attire and characteristics of gender- and age-based groups based on anthropological data. Studies of textiles remain few in number and do not allow for the reconstruction of garment patterns.

Existing reconstructions of Estian attire are based primarily on material from the "richest" burials of the 2nd–3rd cent., characterizing "ceremonial" attire while neglecting the everyday outfit of various social and age groups; attire from the 4th–5th cent. is described only in general terms. Further research will require expanding the source base and shifting the focus from reconstructing "costumes" to studying models of archaeological attire.

[8] Olga A. Khomyakova — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: olga_homsy@mail.ru.

Стеклянные сосуды с «расчесанным» декором Великого Новгорода и Рюрикова городища. Часть 1: терминология, обзор находок и их социальный контекст[1]

А. В. Плохов[2]

Аннотация. *Статья посвящена немногочисленной группе стеклянных сосудов с «расчесанным» декором, найденных при археологических исследованиях Великого Новгорода и Рюрикова городища. В работе рассмотрены техника декорирования такой посуды и связанная с ней терминалогия. Дано описание находок и показан их социальный контекст.*

Ключевые слова: *Великий Новгород, Рюриково городище, Восточная Европа, средневековая стеклянная посуда, «расчесанный» («перистый», «фестончатый») декор*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-122-144

К числу престижных предметов, свидетельствующих о высоком благосостоянии и нерядовом социальном статусе людей, проживавших в Великом Новгороде и на Рюриковом городище, безусловно, следует отнести и стеклянную посуду как древнерусского, так и импортного происхождения (*Гуревич и др.*, 1968. С. 15; *Щапова*, 1972. С. 24; *Захаров*, 2004, С. 85–87). Среди последней можно выделить не очень многочисленную группу стеклянных сосудов, украшенных так называемым перистым декором, обломки которых были найдены при археологических раскопках этих поселений.

Техника декорирования и терминология

Впервые присутствие сосуда с орнаментом в виде «перьев птицы» («птичьего пера») в коллекции с Неревского раскопа отметила Ю. Л. Щапова в своей работе «Стеклянные изделия древнего Новгорода» (*Щапова*, 1963. С. 117, 120, рис. 4, *3*; 7, *1*). Исследовательница ошибочно считала, что рисунок выполнен белой эмалевой краской, смешанной с соединительной массой и нанесенной «кисточкой на холодный сосуд, который затем обожжен» (*Щапова*, 1963. С. 120; 1998. С. 264–267)[3]. В действительности данный декор относится к числу накладных. Он получался путем выполнения нескольких операций. Сначала на горячую частично надутую заготовку (пульку) накладывалась по спирали нить из непрозрачного белого стекла[4], в результате чего весь сосуд

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

© Плохов А. В., 2026

[3] Как «эмалевый декор» воспринимали подобную орнаментацию многие восточноевропейские исследователи (*Джанполадян*, 1967. С. 255; 1974. С. 44, 68, кат. № 113; *Джанполадян*, *Калантарян*, 1988. С. 13, 22, кат. № 44; *Зоценко, Брайчевська,* 1993. С. 81; *Захаров*, 2004. С. 157; *Валиулина*, 2005. С. 48; *Носов и др.*, 2005. С. 60; 2017. С. 45; *Плохов,* 2007. С. 174; *Лапшин*, 2009. С. 116; *Сафарова*, 2014. С. 59, 61; *Хамайко и др.*, 2022. С. 55). При этом нельзя полностью исключать, что какие-то из рассматриваемых ими находок действительно расписаны эмалями, поскольку имеются примеры, показывающие, что стеклоделы Ближнего Востока создавали похожие узоры в этой технике (*Jenkins*, 1986. P. 37, no. 45; *Allan,* 1995. P. 21, fig. 18).

[4] Чаще всего на средневековые сосуды из темного прозрачного стекла (синего, винно-красного, редко коричневого, зеленого и др.) накладывалась нить из глушенного белого стекла (*Saldern*, 1996. P. 236; *Carboni*,

или какая-то его часть покрывалась этой нитью. После повторного нагрева мастер-стеклодув специальным заостренным, возможно зубчатым, металлическим инструментом проводил в одном или двух направлениях по размягченной поверхности, перетаскивая наложенную нить, образуя различные геометрические узоры[5]. Затем заготовка, прикрепленная к стеклодувной трубке, каталась по каменной или металлической плите, чтобы сровнять наложенную белую нить с внешней поверхностью прозрачной основы[6]. На следующем этапе происходило выдувание сосуда до заданных размеров, в процессе которого нить расширялась и деформировалась.

Техника нанесения подобного декора продолжала античные традиции и в XII–XV вв. получила широкое распространение на посуде, изготовленной в мастерских Восточного Средиземноморья. В современных отечественных учебниках по технологии производства стеклянных изделий такой способ орнаментирования посуды называется «прочесыванием» или «расчесыванием» (*Энтелис*, 1982. С. 5, 79, 80, рис. 58; *Сергеев*, 1984. С. 54, рис. 34)[7]. В англоязычной литературе для описания данного вида оформления поверхности предлагались термины «dragged pattern», «marvered and dragged decoration», «threading and «combing technique», «combed pattern (decoration)», «marvered and combed pattern», «marvered combed decoration», «combing and marvering technique» (*Eisen, Kouchakji*, 1927; *Jenkins*, 1986. P. 11; Glass, 1991. P. 129; *Meyer*, 1992. P. 34, 35, 90; *Carboni*, 2001. P. 291; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 57, 107, 108, 312; *Scanlon, Pinder-Wilson*, 2001. P. 106; Glass, 2006. P. 24; *Brosh*, 2012. P. 404, 415; *Kucharczyk*, 2015. P. 79; *Sedláčková, Rohanová*, 2015. P. 40; *Rehren et al.*, 2018. P. 125, 133; *Gorin-Rosen*, 2019. P. 126)[8]. Однако чаще зарубежные исследователи, говоря о предметах, украшенных разнообразными узорами, выполненными стеклянными нитями с использованием таких термических приемов, как «наклад», «закатка», а также зачастую «расчесывание», употребляют словосочетание «marvered glass (bottles, decoration, ornamentation, pattern, vessel, ware)» = «verre (décor) marbré» (*Whitcomb*, 1983; *Shindo*, 1993; *Allan,* 1995; *Carboni*, 2001. P. 290–321, 413; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 106, 107, 138, 139, 142, 143; *Hadad*, 2002; *Brosh*, 2005; 2012; 2014; 2016; 2017; *Gorin-Rosen,* 2013. P. 110; 2019; 2021. P. 423, 424; 2024; 2025. P. 638–640; *Foy*, 2015а. P. 433, 434; 2015б. P. 323, 328; 2017. P. 14, 22, 28, 29; *Kucharczyk*, 2015. P. 79; *Katsnelson, Phelps*, 2017. P. 314; *Rehren et al.*, 2018; *Spasić-Đurić, Jovanović*, 2018; *Wajda*, 2021. P. 251, 252, 261)[9]. При этом С. Карбони посчитал, что более точным термином для этого типа декора является «glass with marvered trails» или «glass with applied and marvered trails» (*Carboni*, 2001. P. 413; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 101). Так он описывается и в некоторых работах других исследователей (см., например: *Brosh*, 2014. P. 6; 2017. P. 300, 302–304; *Whitehouse,* 2014. P. 193–224; *Lavysh*, 2015. P. 451, 452).

В отечественной литературе в качестве эквивалента словосочетания «marvered glass» используют термины «прокатанный орнамент» (*Голофаст*, 2019. С. 148, 149; 2021. С. 108–112; *Майко*, 2024. С. 19; *Хайрединова и др.*, 2024. С. 683, 689)

2001. P. 291; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 106, 108; *Gorin-Rosen*, 2019. P. 124; *Голофаст*, 2021. С. 109). Иногда встречается декор другого цвета. Так, на одном фрагменте из Киева орнамент красный (*Журухіна*, 2015. С. 50, 51; 2024. С. 25, рис. 3).

[5] Иногда операция по перетаскиванию нитей на заготовке не проводилась или выполнялась только на ее части, в результате готовый сосуд получал орнамент в виде параллельных линий.

[6] Отмечены средневековые сосуды, на которых этот прием не был доведен до конца и часть нитей выступает над поверхностью стенки (см.: *Rehren et al.*, 2018. P. 133, fig. 10; 11).

[7] В учебнике В. П. Сергеева указано, что расчесывание нити металлическими предметами (пинцетом, щипцами, шилом и т. д.) называют «шпиновкой» (*Сергеев*, 1984. С. 54).

[8] Процесс украшения сосудов, изготовленных как в технике сердечника, так и в технике свободного выдувания, путем наложения и расчесывания стеклянной нити показан в работах У. Гуденрата (Glass, 1991. P. 214, 215, figs. 1–15; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 57, 66, fig. 82–84).

[9] В англоязычной литературе ровную плоскую каменную или металлическую поверхность, по которой катают размягченное стекло, чтобы придать ему первоначальную форму, сгладить поверхность, а также закрепить накладной декор, называют «marver» (от французского «marbre» — «мрамор») (*Auth*, 1976. P. 7; *Cool, Price*, 1995. P. 8; *Carboni,* 2001. P. 413; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 59, 313; Glass, 2006. P. 54). От этого термина образовались слова «marvering», обозначающее процесс «закатывания» накладываемых нитей в стенку изделия и, «в некоторых случаях, для придания сосуду формы» (*Grossmann*, 2002. P. 5; *Antonaras*, 2025. P. 484), и «marvered», обозначающее метод, используемый для внедрения нитей в стеклянную матрицу (*Tyson*, 1996. Vol. II. P. 2).

или «обкатанный декор» (*Столярова, Руденко*, 2023). На мой взгляд, следует говорить о «закатанном» декоре, поскольку именно термин «закатка» употребляется в современном стеклоделии (*Энтелис*, 1982; *Сергеев*, 1984; *Ланцетти, Нестеренко*, 1987), а также потому, что это словосочетание отражает результат процесса — внедрение нити в толщу стекла основы.

В результате расчесывания на изделиях появляются различные геометрические орнаменты. В англоязычной литературе выделяются несколько их разновидностей: «волнистый» («wavy»), «зигзагообразный» («zigzag»), «аркадный» («arcade»), «фестончатый» («festooned»), «перистый» («feathered»)[10] и другие (*Eisen, Kouchakji*, 1927. S. 37; *Hasson*, 1983. P. 109; *Allan,* 1995. P. 6; *Saldern*, 1996. P. 236; *Carboni*, 2001. P. 291; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 106; *Σιγάλα*, 2004. Σ. 196–198; Glass, 2006. P. 24; *Oikonomou*, 2021. P. 180, 181; *Antonaras*, 2025)[11], причем далеко не всегда аналогичный декор имеет у разных ученых одинаковое название[12]. На средневековых сосудах чаще всего можно увидеть узоры в виде нитей, протащенных вверх или сразу в двух направлениях, которые во многих публикациях определяются соответственно как «фестончатый» и «перистый»[13] (*Nolte,* 1971. P. 168; *Cabart*, 2009. P. 483, 484; *Oikonomou*, 2021. Fig. 5, table 1; *Antonaras*, 2025).

В трудах восточноевропейских исследователей также отсутствует единая терминология для описания орнаментов на посуде, украшенной расчесанной и закатанной накладной стеклянной нитью. Одни, вслед за Ю. Л. Щаповой, писали о рисунках в виде «птичьих перьев» («птичьего пера»), «перистых» или «перьевидных» (*Джанполадян*, 1967. С. 255; 1974. С. 68, кат. № 113; *Джанполадян, Калантарян*, 1988. С. 13, 22, кат. № 44; *Носов и др.*, 2005. С. 60; 2017. С. 45; *Валиулина,* 2005. С. 48; 2015. С. 249; 2018. С. 48–50; 2022б. С. 586; *Плохов,* 2007. С. 174; 2024; *Лавыш*, 2012. С. 247; *Valiulina*, 2016. P. 152, 154, 155, 157; 2017. S. 393; *Голофаст,* 2019. С. 150; 2021. С. 109–112; *Журухіна*, 2024. С. 25, 26; *Хайрединова и др.*, 2024. С. 683, 684)[14]. Другие видели на сосудах декор, состоящий из «цепочки полумесяцев» (*Гуревич и др*., 1968. С. 11), «елочный» узор (*Полубояринова*, 1988. С. 211; 2008. С. 46; *Родина*, 2004. С. 76; *Кубанкин*, 2014. С. 145)[15], украшение в виде «фигурных („математических“) скобок» (*Захаров*, 2004. С. 157; *Майко*, 2024. С. 19) или «фестонов» (*Lavysh*, 2015. P. 452; *Столярова*, 2016. С. 51, 52, 107, 164, 165, 191, 234; *Столярова, Руденко*, 2023; *Stolyarova*, 2024. P. 195). В ряде работ некоторые из этих слов и словосочетаний воспринимаются как синонимы (см.: *Журухіна*, 2015. С. 50; *Валиулина,* 2022а. С. 116; *Сейдалиев,* 2024. С. 225)[16].

[10] Д. Уайтхаус в своем словаре отдельно выделяет термин «feathering», обозначающий процесс перетаскивания инструментом нескольких полурасплавленных стеклянных нитей с целью получения узора, напоминающего перья (Glass, 2006. P. 35).

В некоторых работах такой орнамент назван «листовидным» («foliated») (*Allan,* 1995. P. 6; *Carboni*, 2001. P. 291). К. Й. Ламм видит в рисунке «папоротник» («Farnkraut») или «килевидную арку» («Kielbogen») (*Lamm,* 1930. S. 95), по К. Мейеру декор имеет вид ёлки («herringbone») (*Meyer*, 1992. P. 90), С. Даре и А. Трист определяют орнамент как «фигурные скобки» («accolades») (*Dare, Triste*, 2011. P. 88), а Д. Т. Сканлон и Р. Пиндер-Уилсон пишут о «шевронном» («chevron») узоре (*Scanlon, Pinder-Wilson*, 2001. P. 108, fig. 44, *d*; pl. 44, *d*).

[11] Немецкоязычную типологию накладных закатанных орнаментов можно найти у К. Й. Ламма (*Lamm,* 1930. S. 95, 96).

[12] Иногда ученый называет одинаковый узор по-разному в одной работе. Так, С. Карбони в одном из трудов, описывая сосуды, которые, согласно его терминологии, имеют «листовидный» декор, говорит в одном случае об «аркадном», а во втором — о «фестончатом» орнаменте (см.: *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 142, 143). Бывает также, что в публикации при описании разных узоров используется один термин (см.: *Whitehouse,* 2014. P. 193–224).

[13] В некоторых работах такой орнамент назван «фестончатым» (см.: *Стаменковић*, 2015. С. 366, сл. 3, *5*; *Foy*, 2015a. P. 433, pl. 2, *36*; *Ouahnouna*, 2017. P. 1, fig. 1, *2*). Для ряда ученых термины «перистый» и «фестончатый» декор являются синонимами (см.: *Крижанац*, 2001. С. 25, 32, 56; *Silvano*, 2009. P. 222, 223; *Patin, Cosyns*, 2018; *Gorin-Rosen*, 2024. P. 509–514), и они описывают одинаковый узор различно в разных публикациях (ср.: *Gorin-Rosen*, 2003. P. 385, pl. 15.9, *G 98*; 2013. P. 110, fig. 1, *5*; 2019. P. 131, 132, fig. 7, *5, 6*; а также: *Крижанац*, 2001. С. 12, 13, 26, 32; *Križanac*, 2012. P. 409, 411, 412, fig. 5–7).

[14] При этом на поверхности флакона из Двина Р. М. Джанполадян видит «белые и черные прожилки в виде листа папоротника» (*Джанполадян*, 1974. С. 65, кат. № 78; *Джанполадян*, *Калантарян*, 1988. С. 22, кат. № 38, табл. XXIX, *3*).

[15] Ранее «волнистый рисунок „в ёлочку“» увидели в рассматриваемом декоре авторы учебника по изготовлению художественного стекла (*Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 50, рис. 9; 13).

[16] Так, С. И. Валиулина писала о рисунке «каннелюрами или фигурными скобками, напоминающими

На территории Древней Руси, когда размер находки позволяет это определить, встречаются практически только сосуды, на которых нити протащены в одну сторону. В тех случаях, когда есть уверенность в правильной ориентации фрагмента в пространстве, ясно, что расчесывание проходило вверх. В дальнейшем такой декор в данной работе будет называться «фестончатым». Единственным памятником, где найдены фрагменты сосудов, украшенных расчесыванием в двух направлениях, то есть «перистым» узором, является Тверь (*Лапшин*, 2009. Рис. 113, *12, 15*; *Сафарова*, 2014. Цв. вкл.: рис. 5; 7). В Поволжье и Северном Причерноморье среди посуды, украшенной белыми накладными нитями, известны как изделия с «фестончатым» (Болгар, Остолопово, Самосделка, Увек, Азак, Новый Свет, Херсонес, Эски-Кермен), так и с «перистым» (Болгар, Азак, Салхат) орнаментом. Кроме этого, на сфероконусе, найденном в верхнем предмонгольском слое Билярского городища, можно увидеть декор в виде нитей, протащенных вниз (*Валиулина,* 2005. Рис. 21, *3*), называемый в англоязычной литературе «аркадным» (*Allan,* 1995. P. 6).

Новгород

В Новгороде обломки сосудов с «расчесанным» декором, кроме Неревского, встречены на Троицком, Буяном (Лубяницком), Рогатицком-2 раскопах, а также на двух раскопах в Кремле. Всего мне известно более 50 фрагментов такой посуды, хранящихся в музейных собраниях[17].

По данным Ю. Л. Щаповой, на Неревском раскопе был найден один сосуд из «густо-синего стекла», украшенный росписью в виде «птичьего пера». От него, по словам исследовательницы, сохранилось семь обломков, среди которых были осколки венчика, стенок и днища. К венчику удалось подобрать «стенки на протяжении 4 см по профилю» (*Щапова*, 1963. С. 119, 120). Все фрагменты были, согласно утверждению Ю. Л. Щаповой, зафиксированы на площади усадьбы «Б» в отложениях 20-го яруса[18]. Первоначально она датировала изделие рубежом XI–XII вв. (*Там же*. С. 122), но позднее отнесла его к 1116–1134 гг. (*Щапова*, 1998. С. 264, рис. 45, *1*). В фондах Новгородского музея-заповедника хранятся два склеенных обломка верхней части сосуда[19], а также осколок стенки, по-видимому от него же (рис. 1, *1, 3*; приложение 1, № 1, 2). Найденные фрагменты происходят из пластов 21–22 XIII и XIV раскопов, что позволяет датировать их в пределах 10-х — 50-х гг. XII в.

Кроме этих обломков в собраниях Новгородского музея-заповедника имеется еще два осколка стенок сосудов из синего стекла с «расчесанным» декором, происходящих с Неревского раскопа. Первый (рис. 1, *4*; приложение 1, № 3) найден на усадьбе «К» в слое третьей четверти XII в., второй (рис. 1, *6*; приложение 1, № 4) встречен на усадьбе «И» в отложениях второй четверти XIII в. На усадьбе «И» зафиксирован также

оперенье птиц» (*Валиулина,* 2015. С. 249; 2018. С. 48; 2022б. С. 585), в исследовании Э. А. Хайрединовой с соавторами сказано о фестончатом орнаменте, получившем название «птичье перо» (*Хайрединова и др.*, 2024. С. 689), а Е. К. Столярова в работах констатировала, что в результате «расчесов» на сосудах появлялись «фестоны, так называемое птичье перо» (*Столярова*, 2016. С. 164), или «геометрические узоры, напоминающие оперение птиц, образующие аркады, фестоны (которые в русской литературе называются „скобками“), зигзаги и волны» (*Stolyarova*, 2024. P. 196).

[17] См. приложение 1.

[18] По Ю. Л. Щаповой, фрагменты сосуда встречены в «кв. 941, 1026, 1055, 1065 (два обломка), 1066 в пластах 21/22, один обломок найден в 1951 г.» (*Щапова*, 1963. С. 120). Согласно коллекционной описи 1955 г., пять фрагментов «сосуда синего цвета с белым узором» (№ 5002–5005) происходят из пласта 21: 1 — из кв. 941 и четыре — из кв. 1065 (из них три склеены), а один — из пласта 22 (кв. 1066). Еще один фрагмент стенки с «белым непрозрачным рисунком» (№ 5257) обнаружен в пласте 22 в кв. 1035. Среди представленных в описи находок из синего стекла есть также один обломок дна (№ 5084). Он зафиксирован в пласте 21 в кв. 1026. Схожий по очертаниям беспаспортный фрагмент находится в фондах Новгородского музея-заповедника (НГОМЗ, КП 35698/1859). К нему подклеен еще один обломок дна, на котором написано: «Н-51, 596». Таким образом, данный фрагмент найден в 1951 г. Последняя цифра является инвентарным номером находки по описи. В ней сказано, что данный обломок найден в раскопе «НА» в кв. 20 пласта 26. Этот раскоп примыкал к раскопу XIV 1955 г. с которого происходят почти все остальные фрагменты сосуда, с севера. По профилировке часть дна сосуда, состоящая из этих двух фрагментов (рис. 1, *2*), похожа на то, что изображено на рисунках в работе Ю. Л. Щаповой (ср.: *Щапова*, 1963. Рис. 5, *8*; 7, *1*).

[19] К ним клеится еще один осколок венчика, находящийся в Москве в фондах Государственного исторического музея.

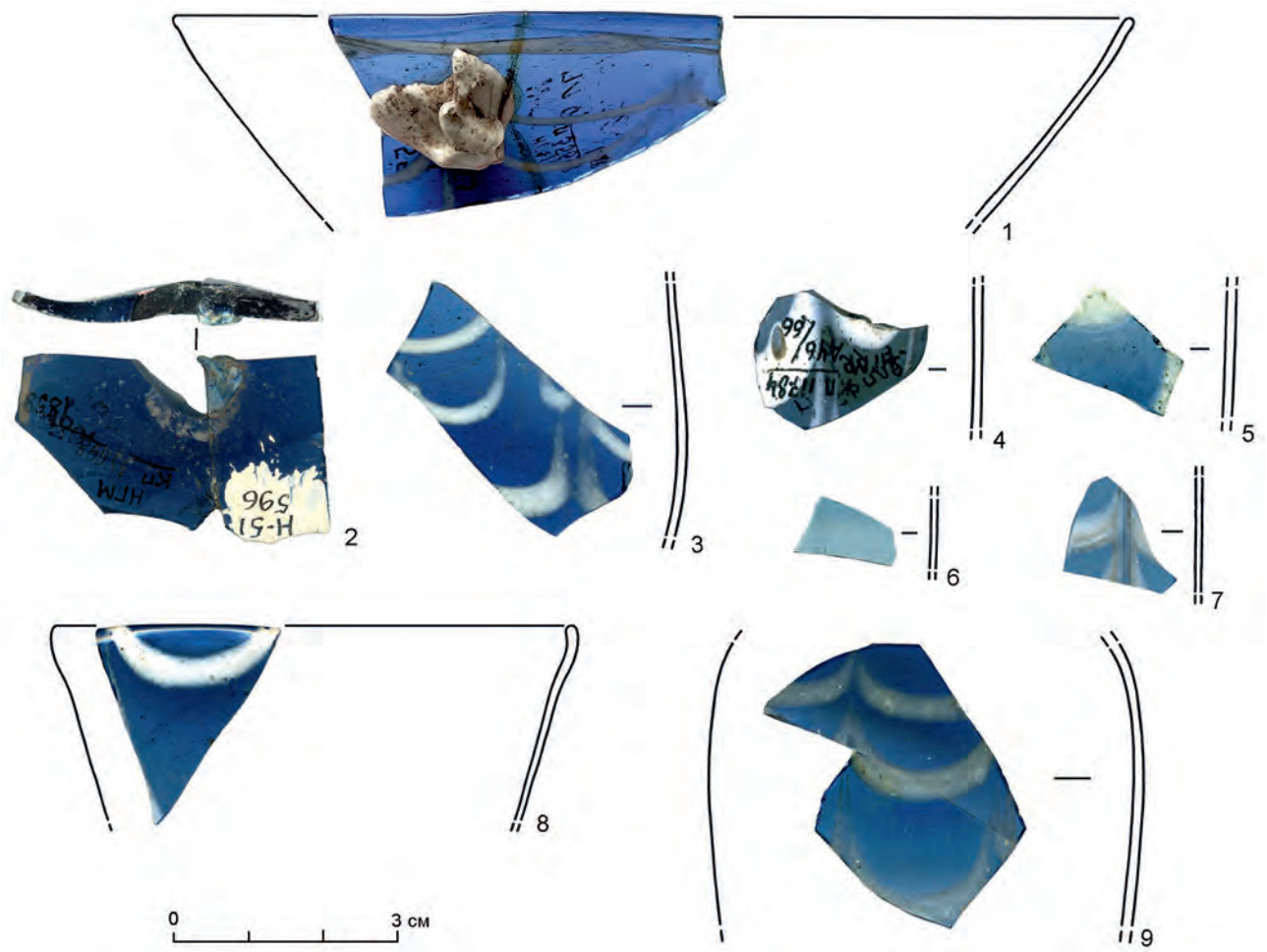

Рис. 1. Фрагменты сосудов с «расчесанным» декором из Великого Новгорода: *1–4, 6* — Неревский раскоп; *5* — Кремлевский раскоп 2004 г.; *7* — Рогатицкий-2 раскоп; *8* — Буяный (Лубяницкий) раскоп; *9* — Кремль, раскоп у Лихудова корпуса 1998 г.

Fig. 1. Fragments of vessels with "combed" decoration from Veliky Novgorod: *1–4* — Nerevsky excavation; *5* — Rogatitsky-2 excavation; *6* — 2004 Kremlin excavation; *7* — Buyany (Lubyanitsky) excavation; *8* — Kremlin, 1998 excavation near the Likhuds' Building

фрагмент стенки изделия из светло-синего стекла с аналогичным узором, находящийся сейчас в Москве в Государственном историческом музее (приложение 1, № 5). Он происходит из напластований, отложившихся в первой четверти XIII в.

Два стыкующихся фрагмента сосуда из прозрачного синего стекла с «фестончатым» узором встречены в 1996 г. в Новгородском кремле при раскопках С. В. Трояновского у Лихудова корпуса (рис. 1, *9*; приложение 1, № 6). Эти осколки происходят из глиняного массива, который автор исследований связал «с проведением крупных строительно-планировочных работ, заключавшихся в реконструкции деревянных стен Детинца с одновременной перепланировкой территории» (*Трояновский и др.*, 1997. С. 16, 17). Найденные в этих отложениях находки он предварительно датировал XIII–XIV вв. Между тем вывод С. В. Трояновского о разновременности дубовых клетей оборонительной стены Новгородского кремля и перекрывающего ее глиняного массива не бесспорен (*Родионова, Антипов*, 2017. С. 228–232; *Родионова*, 2020. С. 166–169). Так что, вполне возможно, интересующие нас обломки стеклянного сосуда относятся к более раннему времени.

Вторая происходящая из Новгородского детинца находка синего стекла с накладным закатанным декором — небольшой фрагмент стенки сосуда (рис. 1, *5*; приложение 1, № 7) — зафиксирована в 2004 г. при работах С. В. Трояновского на Кремлевском раскопе, при разборке позднесредневековых отложений.

Два обломка изделий из синего прозрачного стекла с «расчесанным» орнаментом встречены на Торговой стороне Новгорода. Один, представляющий фрагмент верхней части сосуда (рис. 1, *8*; приложение 1, № 8), найден в 1967 г. на Буяном (Лубяницком) раскопе. Он происходит из отложений 3-го строительного периода, датированного на основании дендрохронологического анализа 20–50-ми гг. XII в. (*Хорошев*, 1978. С. 181, 182, рис. 11). Другой — осколок стенки — зафиксирован в 2014 г. при работах на расположенном рядом Рогатицком-2 раскопе (рис. 1, *7*; приложение 1, № 9). Находка происходит с усадьбы «Б», из отложений 15-го яруса («периода»), датируемого автором исследований серединой XII в.[20]

Больше всего фрагментов сосудов с «фестончатым» декором в Великом Новгороде отмечено при исследованиях на Троицком раскопе. К настоящему времени мне известно почти четыре десятка таких находок (рис. 2–4; приложение 1, № 10–41).

Наибольшее количество (19 обломков) встречено на усадьбе «П» (рис. 3; приложение 1, № 10–23). Они происходят из напластований второй половины XII в.[21] Почти все фрагменты относятся к сосудам, изготовленным из синего прозрачного стекла. Только два осколка имеют другой цвет — винно-красный и зеленый; поверхности последнего покрыты слоем блестящей черной патины. В основном представлены обломки стенок (рис. 3, *3–14, 16*; приложение 1, № 12–22). Кроме них среди находок имеются два фрагмента верхних частей небольших профилированных сосудов (рис. 3, *1, 2*; приложение 1, № 10, 23), а также три обломка донца изделия на полом кольцевидном поддоне (рис. 3, *15*; приложение 1, № 11). Последние зафиксированы в юго-восточном углу двора в районе крупной владельческой постройки.

Два фрагмента стенок сосудов из синего прозрачного стекла были отмечены на соседней усадьбе «И» в отложениях 50–70-х гг. XII в. (рис. 4, *7, 9*; приложение 1, № 24, 25). Еще пять обломков найдены на площади усадеб «П» и «И» в напластованиях второй половины 10-х — начала 50-х гг. этого столетия, когда эти дворы составляли единый комплекс (*Фараджева и др.,* 2020. С. 129, 130). Три осколка принадлежат изделиям из синего стекла, а два — из винно-красного, покрытого слоем блестящей черной патины (рис. 4, *1–3, 5, 6*; приложение 1, № 26–30)[22].

Восемь фрагментов стенок сосудов, выполненные из винно-красного стекла, происходят из усадьбы «Е» (рис. 4, *14–21*; приложение 1, № 31–37). Они встречены в отложениях XII в., причем некоторые из них относятся к первой половине этого столетия. Один осколок найден при расчистке огромного деревянного дворового настила, сооруженного в 1120-е гг., а в дальнейшем неоднократно ремонтировавшегося в 1130–1140-е гг. (*Янин*, 2004. С. 97; *Тарабардина*, 2007. С. 11). Следует отметить, что в Каталоге сосудов византийского происхождения Ю. Л. Щаповой зафиксирован фрагмент стенки «конической чаши» из «фиолетового» стекла с белым декором, происходящий, судя по номеру квадрата, также из этой усадьбы (*Щапова*, 1998. С. 266, № 14), но в музейных коллекциях он отсутствует.

Один обломок стенки сосуда из фиолетового стекла (рис. 4, *4*; приложение 1, № 39) встречен в слоях третьей четверти XII в. на усадьбе «А», связываемой учеными с художником-иконописцем и церковным деятелем Олисеем Гречином (*Колчин и др.*, 1981; *Янин*, 2004. С. 171–189). По сведениям Ю. Л. Щаповой, с площади данной усадьбы происходят также фрагменты двух «конических чаш» из «фиолетового» стекла, украшенных белым декором (*Щапова*, 1998. С. 266, 267, № 13; 15, рис. 45, *5*), но в музейных собраниях их нет.

На территории усадьбы «К» в напластованиях второй половины XII в. был найден обломок толстостенного сосуда из сине-зеленого стекла (рис. 4, *8*; приложение 1, № 40), а на усадьбе «М» в отложениях того же времени обнаружен довольно крупный фрагмент стенки сосуда из винно-красного стекла (рис. 4, *10*; приложение 1, № 41).

Последняя известная мне находка с Троицкого раскопа происходит с усадьбы «В» из отложений 40–60-х гг. XIII в. Это обломок стенки тонкостенного сосуда из прозрачного бесцветного, чуть желтоватого в изломе, стекла, украшенного белым непрозрачным «фестончатым» узором (рис. 4, *13*; приложение 1, № 38). Поверхность фрагмента покрыта паутиной мелких трещин, что нередко можно наблюдать у поташно-свинцовых

[20] Благодарю О. М. Олейникова за информацию о находке.

[21] Благодарю О. А. Тарабардину и Н. Н. Фараджеву за консультацию по датировке троицких находок.

[22] По-видимому, патина возникла на данных обломках, а также на фрагменте упомянутого выше зеленого стекла в результате их пребывания в огне пожара, случившегося в первой половине 1150-х гг. (*Фараджева и др.*, 2020. С. 130).

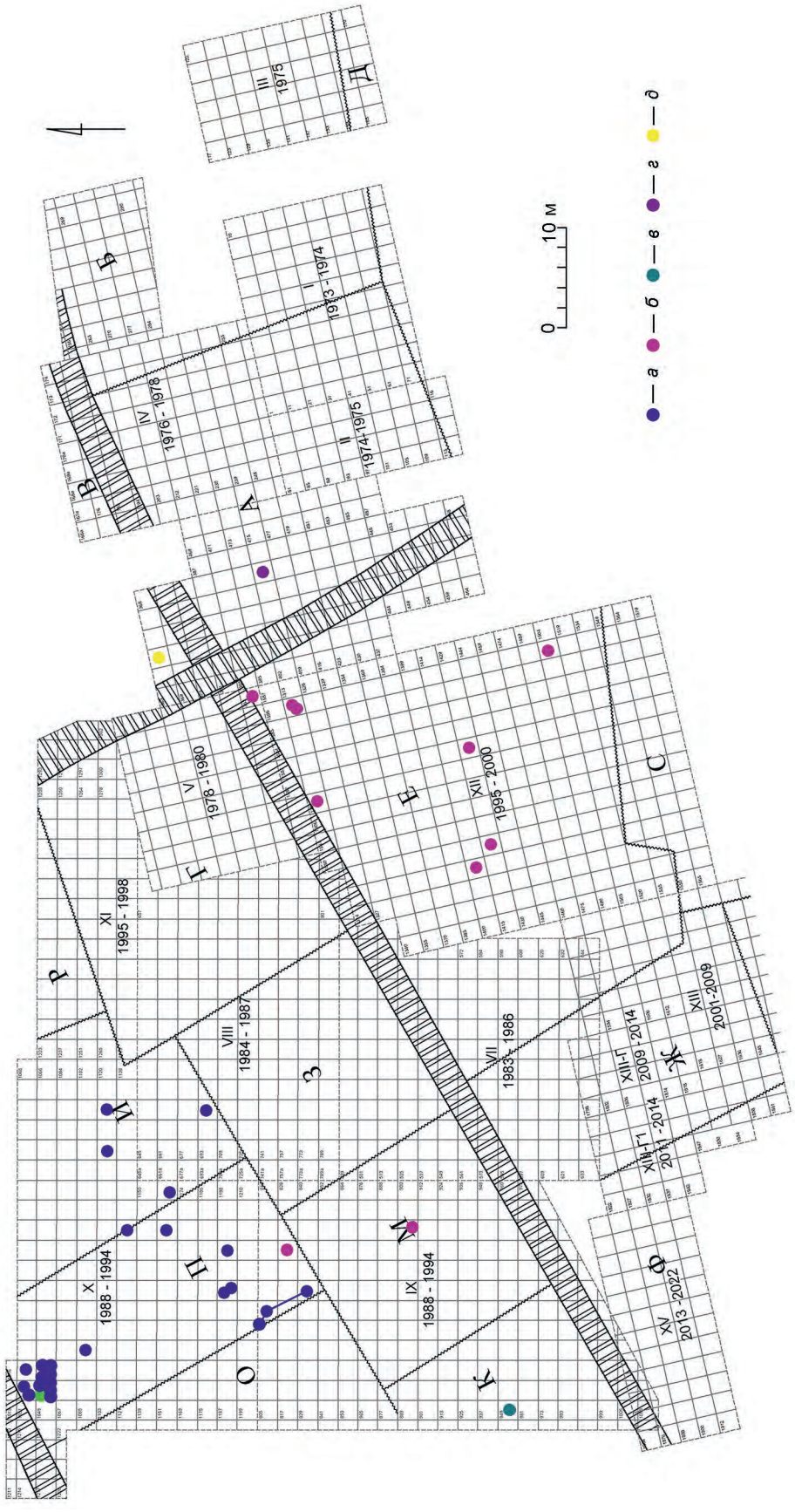

Рис. 2. Великий Новгород. План распространения фрагментов сосудов с «расчесанным» декором по площади Троицкого раскопа (*а* — синий; *б* — пурпурный; *в* — сине-зеленый; *г* — фиолетовый; *д* — бесцветный). Прописными буквами обозначены усадьбы, римскими и арабскими цифрами — номера и годы раскопов

Fig. 2. Veliky Novgorod. Distribution map of vessel fragments with “combed” decoration from the Troitsky excavation (*а* — blue; *б* — purple; *в* — blue-green; *г* — violet; *д* — colorless). Capital letters indicate the estates, while Roman and Arabic numerals denote the excavation numbers and years

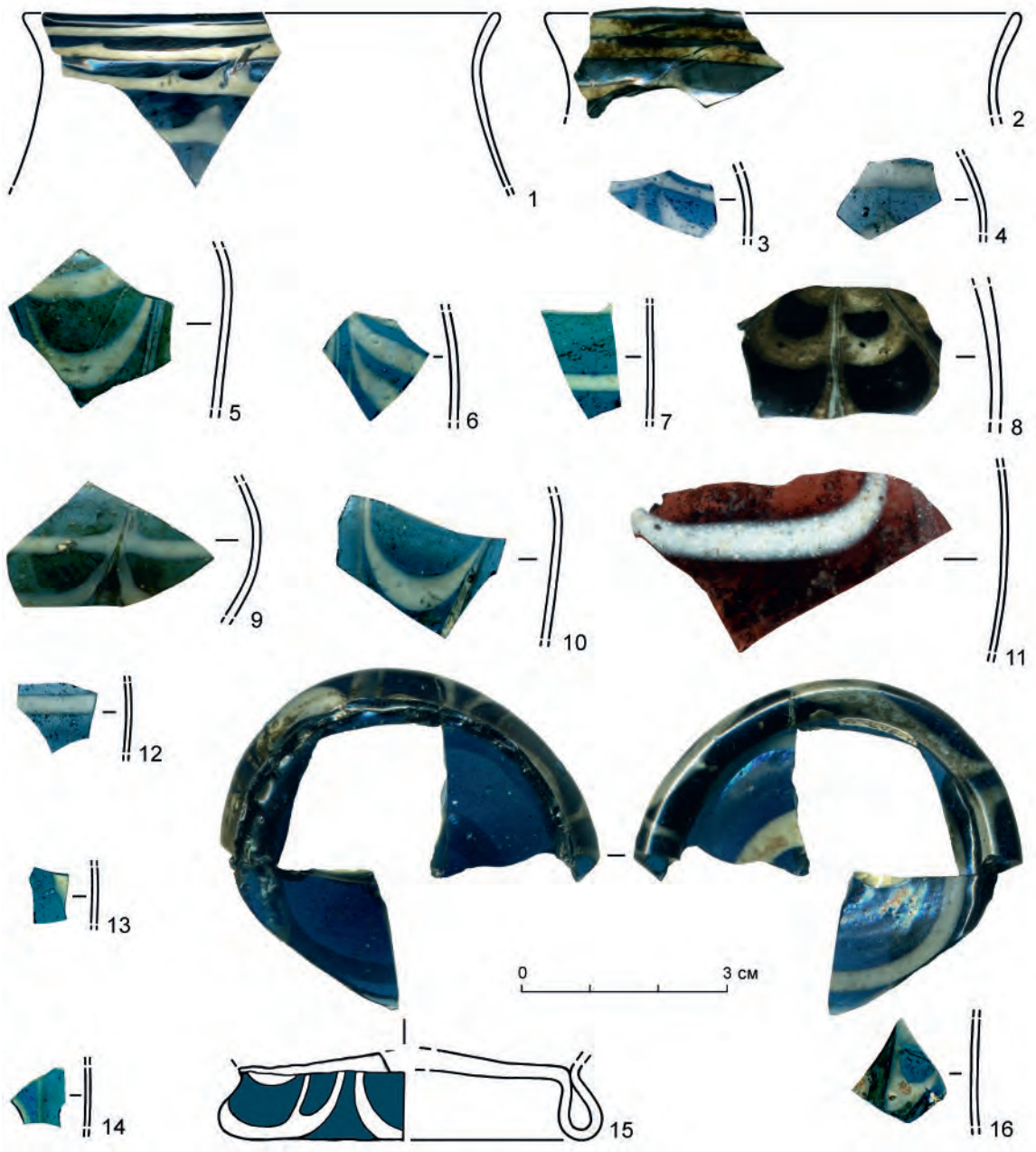

Рис. 3. Фрагменты сосудов с «расчесанным» декором из Великого Новгорода. Троицкий раскоп, усадьба «П»
Fig. 3. Vessel fragments with "combed" decoration from Veliky Novgorod. Troitsky excavation, property "П"

стекол, которые традиционно считают продуктом древнерусского производства (*Безбородов*, 1956. С. 261–264; 1969. С. 161; *Щапова*, 1963. С.132, 134, 137, 138; 1972. С. 28–30, 185, 186; 1998. С. 78, 79, 81, 84; *Галибин*, 2001. С. 82; *Столярова*, 2016. С. 154, 155). Такой же состав, очевидно, имеет фиолетовое прозрачное стекло сосуда, два мелких осколка которого, орнаментированные белой закатанной нитью, найдены на Ильинском раскопе (рис. 4, *11, 12*; приложение 1, № 42, 43). Они зафиксированы на усадьбе «Б» в напластованиях второй половины 30-х — первой половины 70-х гг. XII в. (*Колчин, Черных*, 1978. Рис. 27).

Находки стекла с накладным закатанным декором представлены в Новгороде главным образом небольшими обломками стенок, тогда как профильные части сосудов немногочисленны, что не позволяет в большинстве случаев реконструировать облик привезенных изделий. Более-менее адекватные представления о форме сосудов можно в основном получить, исходя из имеющихся аналогий.

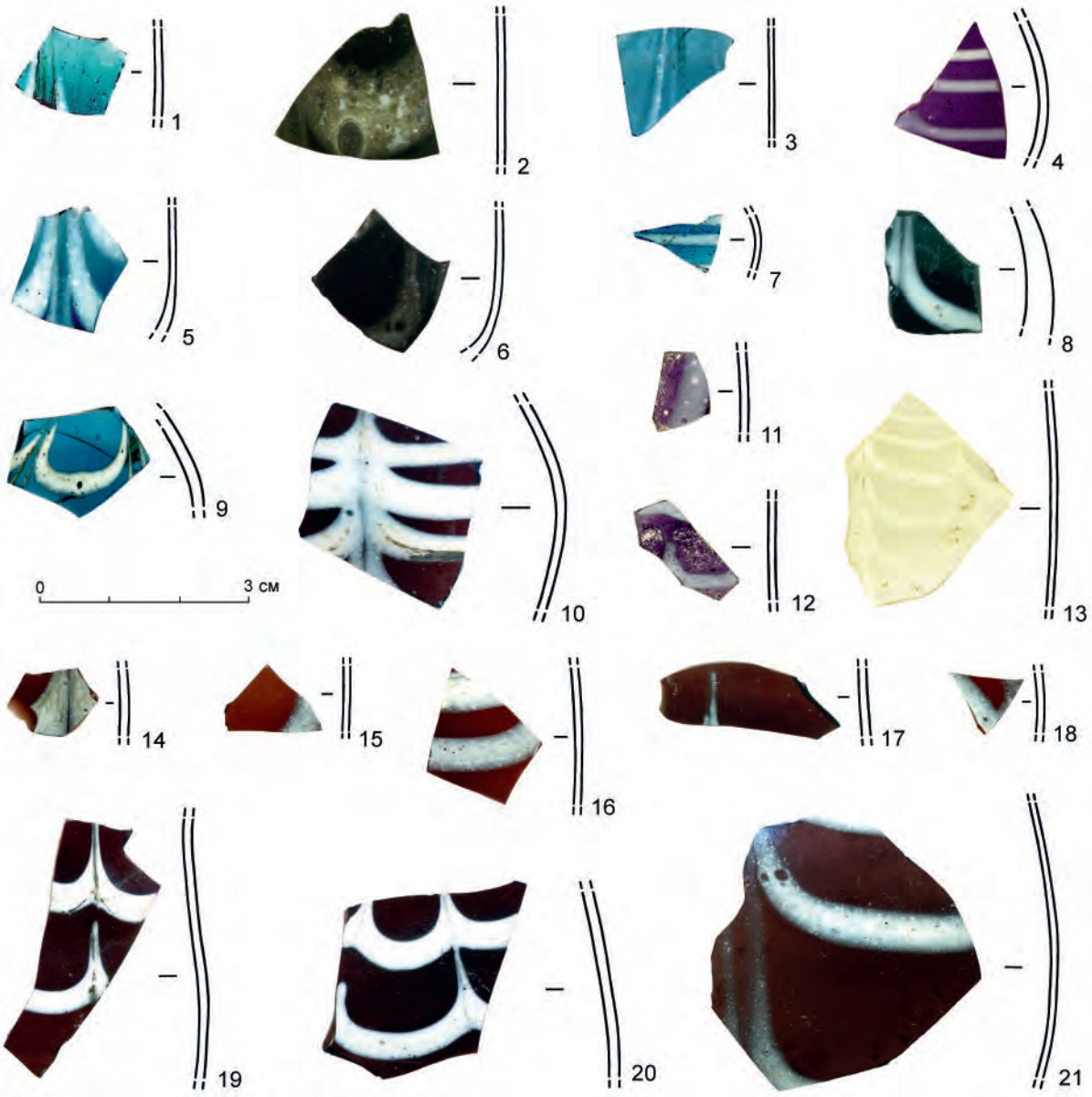

Рис. 4. Фрагменты сосудов с «расчесанным» декором из Великого Новгорода. Троицкий раскоп (*1–3, 5, 6* — усадьба «ПИ»; *4* — усадьба «А»; *7, 9* — усадьба «И»; *8* — усадьба «К»; *10* — усадьба «М»; *13* — усадьба «В»; *14–21* — усадьба «Е»). Ильинский раскоп (*11, 12*)

Fig. 4. Fragments of vessels with "combed" decoration from Veliky Novgorod. Troitsky excavation (*1–3, 5, 6* — property "ПИ"; *4* — property "А"; *7, 9* — property "И"; *8* — property "К"; *10* — property "М"; *13* — property "В"; *14–21* — property "Е"). Ilyinsky excavation (*11, 12*)

Часть фрагментов с Неревского раскопа принадлежала чаше из «густо-синего» стекла с конически сужающимися ко дну стенками (рис. 1, *1–3*). По определению Ю. Л. Щаповой, ее «стеклянная масса хорошего качества, натриево-кальциевая по составу», окрашена окисью кобальта (*Щапова*, 1963. С. 120). Исследовательница отметила, что сосуд имел плоское гладкое днище со следом от «обломанной понтии» в средней части, «плавно переходящее в стенки»[23] (*Там же*. С. 119, 120, рис. 7, *1*; 8, *3*). По ее данным, диаметр устья чаши — 13,0 см, а диаметр дна — 2,5–3,0 см. Судя по имеющейся в публикации Ю. Л. Щаповой реконструкции, размер дна существенно больше

[23] Тип 5, по ее типологии (*Щапова*, 1963. С. 119, рис. 5, *8*; приложение 2, № 104). В работе 1998 г. говорится, что «дно вогнутое» (*Щапова*, 1998. С. 264).

(см.: *Там же*. Рис. 7, *1*). Видимо, в тексте указан не диаметр, а радиус дна. Это предположение подтверждается сведениями о чаше из ее Каталога сосудов византийского происхождения, в котором «D5 = 5 см» (*Щапова*, 1998. С. 264, № 8). В этом же каталоге исследовательницей отмечены находки еще шести «конических» чаш из синего и фиолетового стекла с белым декором, происходящих с Неревского и Троицкого раскопов (*Там же*. С. 264–267, № 9, 10, 12–15, рис. 45, *2, 3, 5*)[24]. Однако фрагмент только одного из этих изделий находится в фондах Новгородского музея-заповедника (рис. 4, *19*). Причем, исходя из изгиба стенки, он принадлежал, по-видимому, не чаше, а крупному профилированному сосуду.

Чаши усеченноконической формы, украшенные накладным закатанным декором, иногда и «расчесанным», нередко встречаются в средневековых древностях Восточного Средиземноморья. Вот только, судя по публикациям, в отличие от новгородского изделия они имели полый кольцевой поддон (см.: *Allan*, 1995. P. 1, fig. 3; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 141, cat. 57; *Pasquier*, 2007. P. 81; *Carreras Rossell et al.,* 2009. P. 272, fig. 4, *3*, cat. 15; *Whitehouse,* 2014. P. 198, cat. 948; *Brosh*, 2017. P. 300, fig. 1, *1, 5, 6*; 2, *1, 2*; *Raphael*, 2018. P. 21, fig. 20, *1*).

Фрагменты стенок сосуда, встреченные при раскопках у Лихудова корпуса в Кремле, судя по профилировке и диаметру (около 6 см), скорее всего, происходят от верхней части тулова флакона со стенками, равномерно сужающимися от плечиков к основанию (рис. 1, *9*). Флаконам, скорее всего, принадлежали обломки найденных на Троицком раскопе стенок из прозрачного синего, сине-зеленого стекла, а также зеленого и винно-красного, с поверхностями, покрытыми черной патиной (рис. 3, *6, 8*; 4, *5, 6, 8, 9*). Сосуды, украшенные «фестончатым» декором, наиболее близкие новгородским находкам, можно найти в Киеве (*Журухіна*, 2024. С. 25, 26, рис. 2), в Которе (Хорватия) (*Крижанац*, 2001. С. 12, кат. № 5, 6; т. I, *5*, *6*; сл. 6; 7), в Браничеве (Сербия) (*Spasić-Đurić, Jovanović*, 2018. P. 162, fig. 10, *1, 2*), в Карасуре (Болгария) (*Rauh*, 2020. S. 191, 192, Taf. 70, *1392*, *1394*), а также в Кубад-Абадском дворце (Турция) (*Uysal*, 2008. S. 239, res. 166; 355, şek. 180, kat. no. 155).

При работах на Буяном (Лубяницком) раскопе найден обломок сосуда с воронкообразной горловиной, имеющей диаметр по краю 7 см (рис. 1, *8*). Видимо, это остатки кубка. Обломок похожего сосуда из голубого стекла с «фестончатым» декором встречен в 1987 г. при раскопках на киевском Подоле в постройке горизонта III, относящегося, по мнению исследователей, ко второй половине XI в. (*Зоценко, Брайчевська,* 1993. С. 81, рис. 19, *10*). Фрагменты верхних частей трех кубков конической формы из пурпурного стекла с «расчесанным» декором, выполненным в «высоком рельефе», найдены в Браничеве в комплексе середины — второй половины XII в. (*Spasić-Đurić, Jovanović*, 2018. P. 156, 162, 163, 169, fig. 10, *3–5*). Немногочисленная группа кубков с цилиндрическим туловом, украшенных накладной закатанной нитью, датируемых XIII–XIV вв., происходит из Леванта. В отличие от новгородского изделия они имеют сильно отогнутую верхнюю часть, как и у исламских кубков, украшенных росписью эмалью и золотом (*Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 145, cat. 60; Saladin, 2005. S. 358, Kat. B.51; *Brosh*, 2016. P. 363, fig. 5, *24*; 2017. P. 300, fig. 1, *9*).

Если исходить из их профилировки и горизонтальных диаметров (около 5–6 см), изделиям с цилиндрическим или усеченноконическим профилем типа флаконов и кубков, по-видимому, принадлежали также некоторые найденные в Новгороде обломки стенок (рис. 1, *4–7*; 3, *7*; 4, *1, 3*).

На усадьбе «П» Троицкого раскопа обнаружены два фрагмента верхних частей, которые, несмотря на некоторое различие в профилировке, состоянии поверхностей и глубине залегания, по-видимому, принадлежали одному изделию (рис. 3, *1, 2*). Это был небольшой сосуд с отогнутой наружу шейкой. Его диаметр по краю венчика 7 см. Как уже отмечалось, на этой же усадьбе зафиксированы обломки донца на полом кольцевидном поддоне (рис. 3, *15*). Его диаметр — около 6 см. Полый кольцевидный поддон был довольно распространенным типом основания в средневековых исламских древностях (*Meyer*, 1992. P. 87; *Alexandre*, 2012. P. 92). Такое дно имеют сосуды с накладным закатанным декором разных форм (см.: *Lamm,* 1929. Taf. 29, *4, 12, 15, 17*; *Auth*, 1976. P. 171, 172, cat. 235, 236; Glass, 1991. P. 129; *Allan*, 1995. P. 1, fig. 3; *Carboni*, 2001. P. 310, 311, cat. 83b; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 141, 143, 144, cat. 57, 59; *Pasquier*, 2007. P. 80, 81; *Carreras Rossell et al.,* 2009. P. 272, fig. 4, *3*; Vorsicht Glas, 2010. S. 154, 155; *Whitehouse,* 2014. P. 198, cat. 948; *Brosh*, 2017. P. 300, fig. 1, *5, 6*; 2, *1*; *Raphael*, 2018. P. 21, fig. 20, *1*). Основания с «фестончатым» орнаментом, похожие

[24] В коллекционной описи 1955 г. в квадратах 865 и 1066 пласта 22 отмечено три обломка края сосуда/сосудов «синего цвета с белым линейным узором», видимо, № 9 и 10 Каталога (*Щапова*, 1998. С. 264, 265).

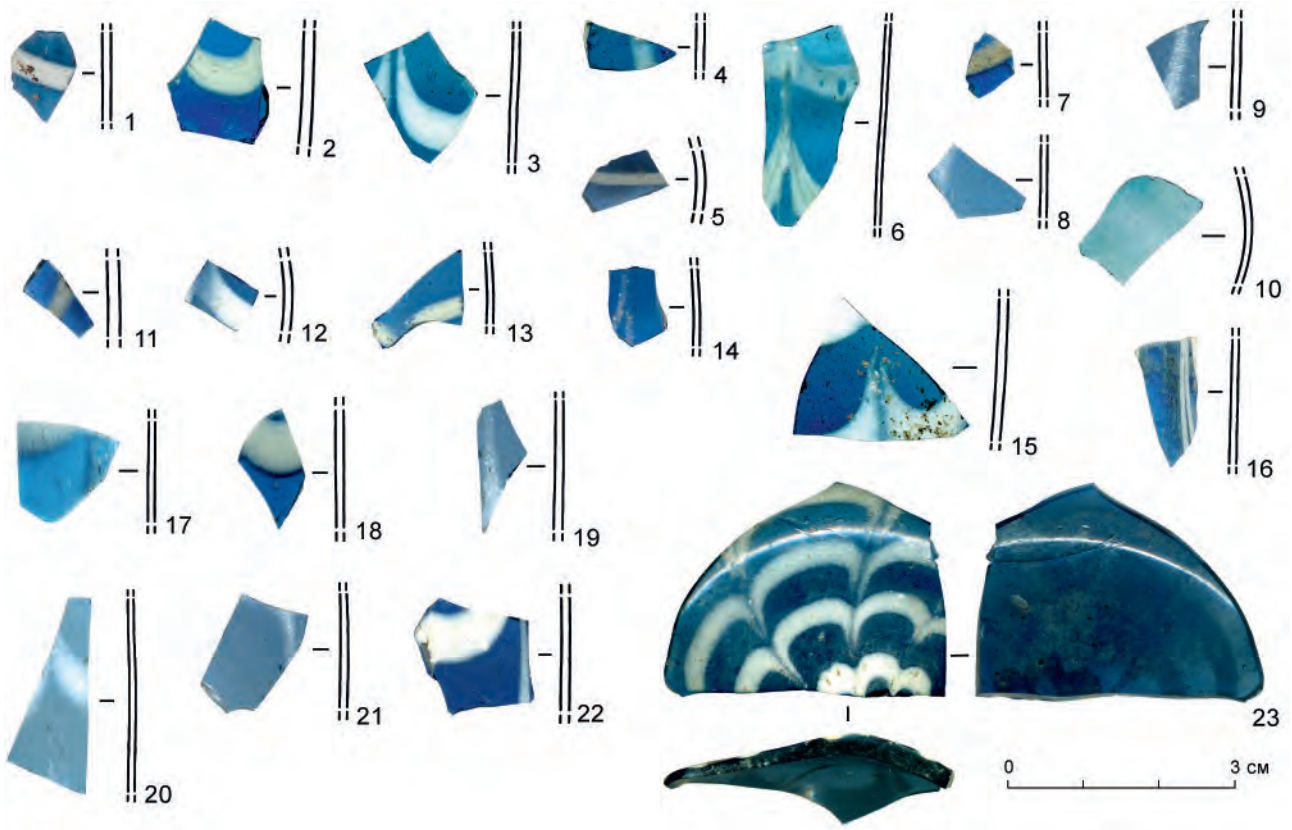

Рис. 5. Фрагменты сосудов с «расчесанным» декором с Рюрикова городища
Fig. 5. Fragments of vessels with "combed" decoration from Rurikovo Gorodishche

на новгородскую находку, но из «марганцевого» стекла, представлены в материалах Дамаска (Сирия) и Иерехона (Палестина) (*Foy*, 2015a. P. 433, pl. 2, *43*; *Голофаст*, 2019. С. 150, рис. 2, *5*; 3, *7*). Возможно, что фрагменты верхних частей, донца, а также некоторых стенок, происходящие с усадьбы «П», принадлежат одному сосуду, похожему на кубок, найденный при раскопках в Акко (Израиль). Этот кубок на полом кольцевидном поддоне, украшенный закатанным «перистым» узором и росписью золотом, происходит из отложений эпохи крестовых походов (*Gorin-Rosen*, 2024. P. 515, fig. 19.24).

Некоторые найденные на Троицком раскопе стенки из синего и фиолетового стекла принадлежали изделиям с профилированным туловом, диаметр которого, судя по ряду фрагментов, был в пределах 7–13 см (рис. 3, *3–5, 9, 10*; 4, *4*).

Многие обломки из винно-красного стекла, исходя из кривизны стенок, являлись частями крупных сосудов с округлым туловом (рис. 3, *11*; 4, *10, 17, 19–21*). Приблизительный диаметр последнего у отдельных экземпляров составлял от 15 до 25 см.

Рюриково городище

В коллекциях с Рюрикова городища имеются 23 фрагмента посудного стекла, украшенных «расчесанным» узором (рис. 5; приложение 2)[25]. Все они относятся к сосудам, изготовленным из прозрачного синего стекла. Декор выполнен накладными белыми нитями.

Два обломка относятся к случайным находкам (рис. 5, *1, 2*; приложение 2, № 1, 2). Один фрагмент найден в 1967 г. при разборке культурного слоя в раскопе II, заложенном Н. П. Пахомовым на южном берегу Сиверсова канала (рис. 5, *3*; приложение 2, № 3). Остальные зафиксированы при раскопках Новгородской областной экспедицией Ленинградского отделения Института археологии / ИИМК РАН в разных частях Городища. Два маленьких осколка встречены в 2001 г. в раскопе 2 на противоположном, северном, берегу канала (рис. 5, *4, 6*; приложение 2, № 6, 7). Они обнаружены в темно-сером слое на уровне построек последней четверти XII — первых десятилетий XIII в. Один фрагмент (рис. 5, *7*; приложение 2,

[25] См. приложение 2.

№ 16) происходит из темно-серого мешаного слоя раскопа, заложенного в 2011 г. в 40 м к юго-западу от церкви Благовещения на краю городищенского холма, на участке, намеченном для установки памятного знака «Княжий камень». Еще два маленьких обломка (рис. 5, *13, 14*; приложение 2, № 17, 18) отмечены в 2023 г. при разборке темно-серого перемешанного гумуса в раскопе 1, расположенного в 50 м к востоку от храма.

Однако наибольшее количество фрагментов стекла с накладным закатанным декором происходит из раскопов в центральной части городищенского холма, к югу от ц. Благовещения, которые исследовались в 1980-х, а также 2006–2010 гг. Один осколок встречен при разборке заполнения углубленного в материк комплекса № 70 (рис. 5, *18*; приложение 2, № 6), отнесенного авторами раскопок к XIII в. (*Носов и др.*, 2017. С. 75, ил. 7, *37*). Остальные обломки обнаружены при изучении темно-серого аморфного перемешанного культурного слоя, не делящегося на стратиграфические горизонты (рис. 5, *5, 8–12, 15–17, 19–23*; приложение 2, № 4, 5, 7–15). Анализ распределения находок показал, что почти все они происходят из района расположения остатков крупных древнерусских построек IV и V (рис. 6). Первая из них, от которой сохранилась впущенная в песчаную засыпь раннесредневекового рва глубокая подвальная часть, датирована в пределах последней трети XII — начала XIII в. (*Там же*. С. 104–113). От второй же зафиксированы только следы двух стенок в виде древесного тлена, что затруднило определение времени ее существования. Как уже отмечалось (*Там же*. С. 46, 116, ил. 8), с этими постройками, а также с культурным слоем на территории между ними соотносится большая концентрация находок обломков посудного стекла и некоторых других престижных предметов. Скопление разнообразного статусного материала дало основание для предположения о присутствии между постройками IV и V крупного незаглубленного в землю сооружения, составляющего с ними единый хоромный комплекс. Это позволяет распространить датировку постройки IV на все эти строения.

Практически все найденные на Рюриковом городище фрагменты стекла, украшенные накладной закатанной белой нитью, настолько малы, что сложно говорить о форме сосудов. Судя по профилировке стенок, а также горизонтальным диаметрам наиболее значительных экземпляров (4–6 см), большая часть обломков, по-видимому, принадлежала изделиям с цилиндрическим или

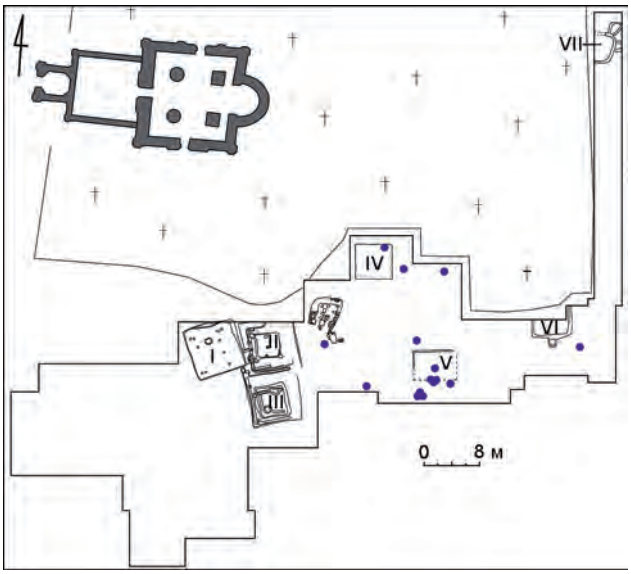

Рис. 6. Рюриково городище. План распространения фрагментов сосудов с «расчесанным» декором по площади раскопов в центральной части городищенского холма (● — фрагмент)

Fig. 6. Rurikovo Gorodishche. Distribution map of vessel fragments with "combed" decoration across the excavation area in the central part of the settlement hill (● — fragment)

усеченноконическим профилем типа флаконов и кубков. Наиболее крупный фрагмент, возможно, являлся частью крышки сосуда с приблизительным диаметром горловины 6 см (рис. 5, *23*). В качестве аналогии можно привести крышку чаши из собрания Метрополитен-музея в Нью-Йорке (*Jenkins*, 1986. P. 45, № 50)[26]. Обломок похожего предмета найден в Цфате (Израиль) (*Gorin-Rosen*, 2019. P. 126, fig. 6, *3*).

Социальный контекст находок

Изучение имеющихся материалов показало, что большинство сосудов, украшенных «расчесанным» узором, было привезено на памятники Верхнего Поволховья в XII — начале XIII в., видимо, до захвата и тотального разграбления Константинополя крестоносцами в ходе Четвертого крестового похода. Они относятся к числу наиболее ранних находок группы изделий с накладным закатанным декором периода развитого средневековья.

[26] Эта находка не может принадлежать верхней части флакона (плечикам), как предположила С. И. Валиулина (*Валиулина*, 2015. С. 249; 2018. С. 50; 2022б. С. 586; *Valiulina*, 2016. P. 156, 157), поскольку на обломке нет места для горловины.

Привозная стеклянная посуда в Древней Руси являлась предметом роскоши, она ценилась очень высоко. Неслучайно на Городище наибольшее число обломков сосудов с «расчесанным» декором было найдено в районе построек княжеского двора. Очевидно, что и в Новгороде этими изделиями пользовались нерядовые его жители. В этом плане показательны материалы Троицкого раскопа. Анализ найденных на нем берестяных грамот и летописных известий привел В. Л. Янина к выводу, что открытые на его площади усадьбы Людиного конца средневекового города в XII — начале XIII в. являлись периферийными дворами мощного боярского клана Мирошки Несдинича и его предков, «поставлявшего Новгороду знаменитых посадников» (*Янин*, *Зализняк*, 1993. С. 6–17; *Янин*, 2008. С. 67–88). В 1207 г. в результате восстания против Мирошкиничей они «были изгнаны из Новгорода, а их усадьбы перешли во владение лиц иного социального слоя» (*Янин*, 2004. С. 92; 2008. С. 93–99).

Бóльшая часть фрагментов сосудов с «расчесанным» декором происходит с территории, занятой усадьбами «П» и «И». Древнейшие обломки попали в землю в 20-х — начале 50-х гг., когда эти дворы составляли единое целое. О высоком социальном статусе хозяев объединенной усадьбы «ПИ» говорит не только ее большая площадь (более 1000 кв. м), разнообразие построек, одна из которых имела очень крупные размеры (105,6 кв. м), но и целый ряд находок: «23 берестяные грамоты, цера, два железных писала, бронзовый цепедержатель от паникадила, золотое кольцо, железное стремя с золотой инкрустацией» (*Фараджева и др*., 2020. С. 130). Разделение усадьбы на два двора во второй половине XII в. не отразилось, по мнению исследователей, «на статусе каждого из них» (*Там же*. С. 134). На усадьбе «П», где найдены 19 обломков рассматриваемых сосудов, в отложениях этого времени зафиксированы «остатки неординарного хоромного комплекса, вероятно, хорошо развитого по вертикали» (*Там же*. С. 133).

Усадьба «Е», с которой происходят восемь обломков изделий с узорами из накладных закатанных белых нитей, также не была рядовой, о чем свидетельствуют ее громадные размеры, а также открытые на ее площади сооружения и находки. В частности, здесь было встречено рекордное за все время раскопок в Новгороде количество берестяных грамот — около сотни документов[27]. По предположению В. Л. Янина, с середины 20-х гг. XII в. на протяжении нескольких десятилетий усадьба «Е» была местом пребывания «сместного суда» князя и посадника — главной судебной инстанции Новгорода (*Янин*, 2004. С. 92–100; 2008. С. 48–50).

Находки стеклянной посуды с «расчесанным» декором говорят о прямых или опосредованных контактах жителей Северной Руси со странами Средиземноморья. Они являлись предметами роскоши, не предназначенными для массовой торговли. Возможно, какая-то часть сосудов была привезена в Новгород в качестве эксклюзивного товара, предназначенного для местной элиты. А. Е. Мусин предлагает рассматривать появление на Руси «элитного» стекла и керамики «как результат индивидуальных контактов или дипломатических даров» (*Мусин*, 2020. С. 491). Наконец, находки посуды с «фестончатым» орнаментом могут также рассматриваться как материальное свидетельство дальних странствий и паломничеств новгородцев в Византию и Святую Землю[28].

[27] Следует упомянуть также найденную на этом дворе уникальную стеклянную чашу с пестро-пятнистым декором (*Плохов*, 2023).

[28] О материальных свидетельствах паломничества в Древней Руси см.: *Мусин*, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Находки фрагментов сосудов с «расчесанным» декором из раскопок в Великом Новгороде[29]

№ 1. Три фрагмента верхней части чаши из прозрачного синего стекла (рис. 1, *1*). Стенка чаши конически сужается к низу. Край венчика округлый. Снаружи стенка чаши украшена накладной закатанной нитью из молочно-белого непрозрачного стекла. Верхние два витка нити под венчиком расположены горизонтально, а другие расчесыванием вверх превращены в «фестончатый» узор. В одном месте снаружи к стенке пристал довольно крупный (16,6 × 17,3 × 6,5 мм) бесформенный кусочек молочно-белого непрозрачного стекла. Размеры двух склеенных фрагментов: 53,0 × 33,5 мм, $Т_{ст.}$ = 1,1–1,2 мм, толщина по краю венчика — 1,3–1,4 мм, $Д_{венч.}$ = 14,0 см.

[29] Сокращения: *Происх.* — происхождение; *П. д.* — паспортные данные; *Хр.* — место хранения; *Публ.* — публикации; Т — толщина; Д — диаметр, венч. — венчик; ст. — стенка.

Размеры третьего обломка: 12,6 × 16,5 мм, $T_{ст.}$ = 0,8–0,9 мм, $T_{по\ краю\ венчика}$ = 1,3 мм, $Д_{венч.}$ ≈12,0 см. *Происх.*: Неревский XIV раскоп, 1955 г. *П. д.:* Н-55, пл. 21, кв. 1065. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 35698–1858; ГИМ, Инв. 1000497. Оп. В/1965, № 1803. *Публ.*: *Щапова*, 1963. С. 119, 120, рис. 7, *1*; 1998. С. 264, № 8, рис. 45, *1*; *Плохов,* 2024. С. 171, рис. 1, *1*.

№ 2. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 1, *3*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 15,8 × 36,5 мм, $T_{ст.}$ = 1,2–1,6 мм, $Д_{ст.}$ ≈ 12,0 см. *Происх.*: Неревский XIV раскоп, 1955 г. *П. д.:* Н-55, пл. 22, кв. 1065. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 17771 / А 1-432. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 171, рис. 1, *2*.

№ 3. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 1, *4*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 23,5 × 19 мм, $T_{ст.}$ = 1,2–1,7 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Неревский XVII раскоп, 1956 г. *П. д.:* Н-56, пл. 23, кв. 1194, № 3 (2159). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 11784 / А 46-66. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 171, рис. 1, *3*.

№ 4. Фрагмент стенки сосуда из светло-синего прозрачного стекла (рис. 1, *6*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 8,0 × 12,8 мм, $T_{ст.}$ = 0,7–0,8 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Неревский XXII раскоп, 1958 г. *П. д.:* Н-58, XXII, пл. 19, кв. 1534, № 14 (480). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, № 35698-2106. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 171, рис. 1, *4*.

№ 5. Фрагмент стенки сосуда из светло-синего прозрачного стекла. Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 23,0 × 34,5 мм, $T_{ст.}$ = 0,5–0,7 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Неревский XXVIII раскоп, 1959 г. *П. д.:* Н-59, пл. 17, кв. 1791. *Хр.*: ГИМ, Инв. 1000497. Оп. В/1965 № 1797.

№ 6. Два фрагмента стенки верхней части тулова флакона (?) из синего стекла (рис. 1, *9*)[30]. Снаружи украшены накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 1-й — 16,7 × 39,6 мм; 2-й — 16,0 × 27,5 мм, $T_{ст.}$ = 1,3–1,7 мм, Д ≈ 6,0–6,5 см. *Происх.*: раскоп у Лихудова корпуса, 1996 г. *П. д.:* НК-96-ЛК, пл. -8, кв. -9, № 107. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 41850 / А 183-32. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 1, *7*.

№ 7. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 1, *5*). Снаружи он украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 19,6 × 20,6 мм, $T_{ст.}$ = 1,1–1,2 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Кремлевский раскоп, 2004 г. *П. д.:* НК-04, гор. 8, кв. 24, № 76 (278). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 23421, прил. к А 206-458. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 1, *5*.

№ 8. Фрагмент венчика сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 1, *8*). Тулово конически сужается к низу. Край венчика округлый. Снаружи обломок украшен «фестончатым» декором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 25 × 30 мм, $T_{ст.}$ = 1,0–1,4 мм, $T_{по\ краю\ венч.}$ = 1,7–2,0 мм, $Д_{венч.}$ = 7,0 см. *Происх.*: Буяный (Лубяницкий) раскоп, 1967 г. *П. д.:* Н-67, Л I, пл. 13, кв. 15, № 2 (550). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 20043 / А 61-355. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 171, рис. 1, *6*.

№ 9. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 1, *7*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 15,6 × 15,8 мм, $T_{ст.}$ = 0,7–0,9 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Рогатицкий-2 раскоп, 2014 г. *П. д.:* Рогат.-2014, уч. 2, кв. Е-2, гл. -536, № 1148. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 50025–1882 / А-9730.

№ 10. Фрагмент венчика сосуда из прозрачного синего стекла (рис. 3, *1*). Шейка отогнута наружу. Край венчика округлый. Снаружи стенка чаши украшена накладной закатанной нитью из молочно-белого непрозрачного стекла. Верхний, находящейся под венчиком, виток нити расположен горизонтально, а другие расчесыванием вверх превращены в «фестончатый» узор. Размеры: 25,4 × 35,8 мм, $T_{ст.\ тулова}$ = 1,0–1,1 мм, $T_{шейки}$ = 1,3–1,4 мм, $T_{края\ венч.}$ = 1,7–1,8 мм, $Д_{венч.}$ = 7,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-4–1033, № 52. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38540 / А 122-777. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *1*.

№ 11. Часть (три фрагмента, два склеены) донца сосуда на полом кольцевом поддоне из синего прозрачного стекла (рис. 3, *15*). Внешняя поверхность украшена «фестончатым» декором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: двух склеенных фрагментов — 57,1 × 29,4 мм; третьего — 17,2 × 33,2 мм, $T_{дна}$ = 1,9–3,4 мм, $T_{ст.}$ ≈ 1,5 мм, $Д_{дна}$ ≈ 5,0 см, $Д_{поддона}$ = 5,5–6,5 см. *Происх.*: Троицкий IX раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. IX-4-809, № 23; Тр. IX-4-835, № 13; Тр. IX-5-810, № 45. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38433 / А 120-682, 683. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *16*.

№ 12. Два фрагмента стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *10, 16*). Снаружи украшены накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 1-го — 16,3 × 24,7 мм, $T_{ст.}$ = 1,0–1,3 мм, Д ≈ 11,0 см; 2-го — 14,0 × 15,3 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,2 мм. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5–1050, № 98. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38540 / А 122-761. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *10, 17*.

№ 13. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *5*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 23,2 × 24,5 мм; $T_{ст.}$ = 1,1–1,3 мм, Д ≈ 11,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5-1050, № 93[31].

[30] В научном отчете, в описи коллекции археологических находок говорится о трех обломках сосуда из синего стекла (*Трояновский*, 1996).

[31] В полевой коллекционной описи под № 93 зафиксировано два фрагмента стенок сосуда с накладным закатанным узором.

Хр.: Фонды НГОМЗ, КП 38540 / А 122-534. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *5*.

№ 14. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *3*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 7,9 × 16,4 мм, $T_{ст.}$ = 1,1 мм, Д ≈ 11,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5–1193, № 109. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38540 / А 122-538. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *3*.

№ 15. Два фрагмента стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *4, 12*). Снаружи украшены накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 1-го — 11,4 × 15,4 мм, $T_{ст.}$ = 0,7–0,8 мм, Д ≈ 11,0 см; 2-го — 10,2 × 11,4 мм, $T_{ст.}$ = 0,6–0,7 мм. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5–1053, № 1. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22575 / приложение к А 122-368. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *4, 13*.

№ 16. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *6*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 15,7 × 16 мм, $T_{ст.}$ = 1,1–1,4 мм, Д ≈ 8,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Тр. X-5-1160, № 37. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22575 / приложение к А 122-801. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *6*.

№ 17. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *14*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Поверхности блестящие. Размеры: 8,0 × 9,0 мм, $T_{ст.}$ = 0,6–0,8 мм. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5-1193, № 170. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22575 / приложение к А 122-785. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *15*.

№ 18. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *13*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 6,0 × 8,2 мм, $T_{ст.}$ = 0,8 мм. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-5–1195, № 102. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22575 / приложение к А 122-780. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *14*.

№ 19. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *7*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 10,7 × 17,2 мм, $T_{ст.}$ = 0,6–0,9 мм. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1990 г. *П. д.:* Н-90, Тр. X-6-1051, № 13. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22575 / приложение к А 122-413. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *7*.

№ 20. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 3, *11*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 25 × 47,9 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,2 мм, Д ≈ 15,0 см. *Происх.*: Троицкий IX раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. IX-6-825, № 273. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38944 / А 123-254. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *11*.

№ 21. Фрагмент стенки сосуда, сделанного из зеленого прозрачного стекла (рис. 3, *8*), однако сейчас он имеет черные блестящие поверхности и непрозрачен из-за слоя патины. Снаружи обломок украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 19,8 × 30,7 мм, $T_{ст.}$ = 1,3–2,4 мм, Д = 4,5–5,5 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-6–1050, № 106. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38669 / А 127-157. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *8*.

№ 22. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 3, *9*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 20,4 × 31 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,2 мм, Д ≈ 10,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-6–1032, № 102. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38669 / А 127-159. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *9*.

№ 23. Фрагмент венчика сосуда из прозрачного синего стекла, покрытого слоем черной блестящей патины (рис. 3, *2*). Шейка отогнута наружу. Край венчика округлый. Снаружи стенка украшена накладной закатанной нитью из молочно-белого непрозрачного стекла. Два верхних, находящихся под венчиком, витка нити расположены горизонтально, а третий расчесыванием вверх превращен в «фестончатый» узор. Размеры: 15,2 × 31,0 мм, $T_{ст.\ тулова}$ = 1,0 мм, $T_{шейки}$ = 1,3–1,4 мм, $T_{края\ венч.}$ = 1,5–1,8 мм, Д ≈ 7,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-6-1032, № 108. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38669 / А 127–158. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *2*.

№ 24. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 4, *9*). Снаружи он украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 16,5 × 21 мм, $T_{ст.}$ = 2,0–2,3 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Троицкий VIII раскоп, 1985 г. *П. д.:* Н-85, Тр. VIII 8-695, № 125. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 36697 / А 109-1137. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *8*.

№ 25. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 4, *7*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 7,6 × 12,2 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,2 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-6–1162, № 12. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22605 / приложение к А 127-74. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 2, *12*.

№ 26. Фрагмент стенки сосуда, сделанного из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *2*). Однако сейчас он имеет черные блестящие поверхности и непрозрачен из-за слоя патины. Снаружи обломок украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 21,2 × 24,5 мм, $T_{ст.}$ = 1,0–1,2 мм, Д ≈ 4,5 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-7–1051, № 45. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38669 / А 127-156. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *3*.

№ 27. Фрагмент стенки сосуда, сделанного из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *6*). Однако сейчас он имеет черные блестящие поверхности и непрозрачен из-за слоя патины. Снаружи обломок украшен накладным закатанным узором, выполненным

молочно-белой нитью. Размеры: 20,4 × 21,1 мм, $Т_{ст.}$ = 1,1–1,9 мм, Д ≈ 4,5 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-7-1088, № 46. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22605 / приложение к А 127-112. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *5*.

№ 28. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 4, *3*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 16,0 × 16,3 мм, $Т_{ст.}$ = 0,6–0,7 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-7–1130, № 117. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22605 / приложение к А 127-119. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *2*.

№ 29. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 4, *1*). Снаружи он украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 13,6 × 16,6 мм, $Т_{ст.}$ = 1,1–1,4 мм, Д ≈ 5,5 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. X-8-1116, № 163. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22605 / приложение к А 127-99. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *1*.

№ 30. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 4, *5*). Снаружи он украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 17,6 × 18,1 мм, $Т_{ст.}$ = 0,8–1,7 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Троицкий X раскоп, 1992 г. *П. д.:* Н-92, Тр. X Д-9-1118, № 134. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 41204 / А 167-117. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *4*.

№ 31. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *19*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 16,2 × 40,7 мм, $Т_{ст.}$ = 1,6–2,0 мм, большой диаметр. *Происх.*: Троицкий V раскоп, 1979 г. *П. д.:* Н-79, Тр. V, колодец (ю-в), № 7. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 30975 / А 70-286. *Публ.*: *Щапова*, 1998. С. 266, № 12, рис. 45, *2*; *Плохов,* 2024. Рис. 3, *16*.

№ 32. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *15*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 9,8 × 14,9 мм, $Т_{ст.}$ = 0,9–1,1 мм, Д ≈ 15,0 см. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1997 г. *П. д.:* Н-97, Тр. XII-9-1403, № 11. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 23229 / приложение к А 184-56. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *12*.

№ 33. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *20*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 25,8 × 36,0 мм, $Т_{ст.}$ = 1,5–1,8 мм, Д ≈ 25,0 см. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1997 г. *П. д.:* Н-97, Тр. XII Б-9-1419, № 89. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 49481-870 / А 5622. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *17*.

№ 34. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *16*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 17,1 × 21,1 мм, $Т_{ст.}$ = 1,0–1,3 мм. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1998 г. *П. д.:* Н-98, Тр. XII Г-10-1307, № 36. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 49481-823 / А 5575. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *13*.

№ 35. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *18*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 9,9 × 9,8 мм, $Т_{ст.}$ = 0,8–1,2 мм. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1998 г. *П. д.:* Тр. XII Е-10-1503, № 38. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 49481-826 / А 5578. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *15*.

№ 36. Два фрагмента стенки сосудов из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *17, 21*). Снаружи украшены накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. У крупного фрагмента внутри есть темный налет. Размеры: 1-го — 39,6 × 40 мм, $Т_{ст.}$ = 1,0–1,3 мм, Д ≈ 15,0 см; 2-го — 9,9 × 27,0 мм, $Т_{ст.}$ = 1,5–1,6 мм, Д ≈ 20,0 см. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1998 г. *П. д.:* Н-98, Тр. XII Г-12-1312, № 185. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 49481-836 / А 5588. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *14, 18*.

№ 37. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *14*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 10,0 × 13,0 мм, $Т_{ст.}$ = 1,2–1,4 мм. *Происх.*: Троицкий XII раскоп, 1998 г. *П. д.:* Н-98, Тр. XII Д-11-1424, № 47. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 49481-827 / А 5579. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *11*.

№ 38. Фрагмент стенки сосуда из бесцветного прозрачного, в изломе чуть желтоватого, стекла (рис. 4, *13*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 30,4 × 34,2 мм, $Т_{ст.}$ = 1,1–1,3 мм, Д ≈ 7,0 см. *Происх.*: Троицкий VI раскоп, 1981 г. *П. д.:* Н-81, Тр. VI-11-365, № 12. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 31696 / А 76-338. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *10*.

№ 39. Фрагмент стенки сосуда из фиолетового прозрачного стекла (рис. 4, *4*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 16,2 × 20,6 мм, $Т_{ст.}$ = 1,4–1,6 мм, Д ≈ 7,0 см. *Происх.*: Троицкий VI раскоп, 1982 г. *П. д.:* Н-82, Тр. VI-16-407, № 2. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 33560 / А 96-350. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *6*.

№ 40. Фрагмент стенки сосуда из зелено-синего прозрачного стекла (рис. 4, *8*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 17,6 × 13,7 мм, $Т_{ст.}$ = 2,8–4,7 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Троицкий IX раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. IX-6-949, № 13. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 22652 / приложение к А 123-36. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *7*.

№ 41. Фрагмент стенки сосуда из винно-красного прозрачного стекла (рис. 4, *10*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 26,9 × 30,3 мм, $Т_{ст.}$ = 1,3–1,6 мм, Д ≈ 16,0 см. *Происх.*: Троицкий IX раскоп, 1991 г. *П. д.:* Н-91, Тр. IX-6-898, № 78. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 38433 / А 120-313. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 3, *9*.

№ 42. Фрагмент стенки сосуда из фиолетового прозрачного стекла (рис. 4, *12*). Поверхности в сетке мелких

трещинок. Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 7,5 × 18,3 мм, $T_{ст.}$ = 1,2–1,3 мм. *Происх.*: Ильинский раскоп, 1963 г. *П. д.:* Н-63, пл. 23, кв. 129, № 15 (1439). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 25293–1256 / А 8-1030.

№ 43. Фрагмент стенки сосуда из фиолетового прозрачного стекла (рис. 4, *11*). Снаружи он украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 8,0 × 11,5 мм, $T_{ст.}$ = 1,2 мм. *Происх.*: Ильинский раскоп, 1963 г. *П. д.:* Н-63, пл. 24, кв. 122, № 40 (1436). *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 25293-1232 / А 8-1006.

Приложение 2
Находки фрагментов сосудов с «расчесанным» декором из раскопок на Рюриковом городище

№ 1. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *1*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 8,6 × 12,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,1 мм. *Происх.*: Рюриково городище, случайная находка. *П. д.:* Рг. сл. нах. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, НВ 21142-270. *Публ.*: *Плохов,* 2024. Рис. 4, *1*.

№ 2. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного (рис. 5, *2*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 14,0 × 17,3 мм, $T_{ст.}$ = 1,5–2,0 мм, Д ≈ 4,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, сборы Н. П. Пахомова, 1974 г. *П. д.:* Рг-74. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 35043-341. *Публ.*: *Плохов,* 2007. С. 174, цв. ил. 5, *20*; 2024. Рис. 4, *2*.

№ 3. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *3*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 15,2 × 17,4 мм, $T_{ст.}$ = 0,8 мм, Д ≈ 5,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, Н. П. Пахомов, раскоп II, 1967 г. *П. д.:* Рг-67, р. II, пл. 4, кв. 3. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 25402 / А 26-528. *Публ.*: *Плохов,* 2007. С. 174, цв. ил. 5, *21*; 2024. Рис. 4, *3*.

№ 4. Фрагмент сосуда (крышки?) из синего прозрачного стекла (рис. 5, *23*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 28,5 × 41,8 мм, $T_{ст.}$ = 1,1–3,1 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 1988 г. *П. д.:* НОЭ-88, Рг-19, кв. 225, гл. -1,0/-1,2 м. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 41923 / А 185-121. *Публ.*: *Носов и др.*, 2005. С. 60, табл. 32, *15*; IV, *11*; *Плохов,* 2007. С. 174, цв. ил. 5, *19*; 2024. Рис. 4, *21*; *Егорьков*, 2007. Анализ № 8.

№ 5. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *15*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 19,0 × 23,2 мм, $T_{ст.}$ = 1,1–1,2 мм, Д ≈ 5,5 см. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 1989 г. *П. д.:* НОЭ-89, Рг-48, кв. 243. гл. -1,6/-1,8 м. *Хр.*: Фонды НГОМЗ, КП 42456 / А 191-75. *Публ.*: *Носов и др.*, 2005. С. 60, табл. IV, *12*; *Плохов,* 2007. С. 174, цв. ил. 5, *22*; 2024. Рис. 4, *13*.

№ 6. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *4*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 6,0 × 13,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,1 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2001 г. *П. д.:* НОЭ-01, Рг-286, кв. 65; гл. +1,2/+1,0 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 170, рис. 4, *4*.

№ 7. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *6*). Снаружи украшен накладным закатанным «фестончатым» (?) узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 12,8 × 27,0 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,0 мм, Д ≈ 4,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2001 г. *П. д.:* НОЭ-01, Рг-402, кв. 69, гл. +0,8 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Плохов,* 2024. С. 170, рис. 4, *6*.

№ 6. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *18*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 9,2 × 15,7 мм, $T_{ст.}$ = 1,0–1,2 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2006 г. *П. д.:* НОЭ-06, Рг-768, кв. 40–41, разборка заполнения комплекса № 4 (70). *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *37*; *Плохов,* 2024. С. 170, рис. 4, *17*.

№ 7. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *17*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 12,0 × 16,0 мм, $T_{ст.}$ = 0,8 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2006 г. *П. д.:* НОЭ-06, Рг-873, кв. 53, гл. -250/-260, разборка заполнения рва. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *31*; *Егорьков, Плохов,* 2024. Табл. 1, № 24, рис. 1, *24*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *15*.

№ 8. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *10*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 12,8 × 17,6 мм, $T_{ст.}$ = 0,8–1,1 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2007 г. *П. д.:* НОЭ-07, Рг-120, кв. 61, гл. -1,7/-1,8 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *36*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *7*.

№ 9. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *5*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 6,0 × 11,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,3 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2007 г. *П. д.:* НОЭ-07, Рг-307, кв. 53а, гл. -2,3/-2,5 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. Ил. 7, *48*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *12*.

№ 10. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *22*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 15,3 × 15,5 мм, $T_{ст.}$ = 1,2–1,5 мм, Д ≈ 6,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2007 г. *П. д.:* НОЭ-07, Рг-315, кв. 52а, гл. -2,3/-2,5 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *38*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *20*.

№ 11. Два фрагмента стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *8, 20*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-

белой нитью. Размеры: 1-го — 10,6 × 25,8 мм, $T_{ст.}$ = 0,7–0,8 мм, Д ≈ 6,0 см; 2-го — 9,5 × 13,4 мм, $T_{ст.}$ = 0,8–0,9 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2007 г. *П. д.:* НОЭ-07, Рг-396, кв. 53а, гл. -2,9/-3,1 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *30, 34*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *8, 18*.

№ 12. Три фрагмента стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *9, 19, 21*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 1-го — 10,0 × 17,0 мм, $T_{ст.}$ = 0,9 мм; 2-го — 6,5 × 17,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,0–1,1 мм; 3-го — 7,8 × 11 мм, $T_{ст.}$=1,1 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2008 г. *П. д.:* НОЭ-08, Рг-490, кв. 77, гл. -2,7/-2,9 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *32*, *35, 39*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *10*, *16, 19*.

№ 13. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *11*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 5,4 × 11,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,5–1,6 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2008 г. *П. д.:* НОЭ-08, Рг-626, кв. 111, гл. -1,9/-2,1 м, темно-серый слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *40*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *9*.

№ 14. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *12*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 6,0 × 8,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,2 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2009 г. *П. д.:* НОЭ-09, Рг-224, кв. 108, гл. -2,73 м, темно-серый слой, прослойка строительного мусора. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *33*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *11*.

№ 15. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *16*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 8,5 × 16,5 мм, $T_{ст.}$ = 0,7–0,8 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2009 г. *П. д.:* НОЭ-09, Рг-343, кв. 116–123, 127, 128, гл. -2,5 м, зачистка поверхности. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *42*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *14*.

№ 16. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *7*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 6,0 × 9,0 мм, $T_{ст.}$ = 0,9–1,0 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 2011 г. *П. д.:* НОЭ-11, РГ-788, кв. 25, гл. -1,60/-1,75 м, темно-серый мешаный слой. *Хр.*: ИИМК РАН. *Публ.*: *Носов и др.*, 2017. С. 45, ил. 7, *41*; *Плохов,* 2024. Рис. 4, *5*.

№ 17. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *13*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 8,0 × 17,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,0 мм, Д ≈ 10,0 см. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 1 2023 г. *П. д.:* НОЭ-23, Рг-1-143, кв. 6, гл. 27,5/27,4 м (БСВ), темно-серый мешаный слой. *Хр.*: ИИМК РАН.

№ 18. Фрагмент стенки сосуда из синего прозрачного стекла (рис. 5, *14*). Снаружи украшен накладным закатанным узором, выполненным молочно-белой нитью. Размеры: 7,0 × 11,0 мм, $T_{ст.}$ = 1,0 мм. *Происх.*: Рюриково городище, раскоп 1 2023 г. *П. д.:* НОЭ-23, Рг-1-192, кв. 4, гл. 27,5/27,4 м (БСВ), темно-серый мешаный слой. *Хр.*: ИИМК РАН.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2026 г.

Безбородов, 1956 — *Безбородов М. А*. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: Изд-во АН БССР. 306 с.

Безбородов, 1969 — *Безбородов М. А*. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. 275 с.

Валиулина, 2005 — *Валиулина С. И*. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. 280 с.

Валиулина, 2015 — *Валиулина С. И*. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 225–235.

Валиулина, 2018 — *Валиулина С. И*. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 87 с.

Валиулина, 2022а — *Валиулина С. И*. Стекло ремесленного района // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022 (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса; Т. IV). С. 87–127.

Валиулина, 2022б — *Валиулина С. И*. Стекло Болгара золотоордынского периода // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 6: Средние века (вторая треть XIII — первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Отв. ред. В. С. Баранов. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2022. С. 584–593.

Галибин, 2001 — *Галибин В. А*. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (Archaeologica Petropolitana; XI). 216 с.

Голофаст, 2019 — *Голофаст Л. А*. Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне // Российская археология (РА). 2019. № 4. С. 144–157.

Голофаст, 2021 — *Голофаст Л. А*. Несколько групп стеклянных сосудов из слоя пожара второй половины XIII в. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. XXVI. С. 107–142.

Гуревич и др., 1968 — *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968. 28 с.

Джанполадян, 1967 — *Джанполадян Р. М.* Новые материалы по истории византийского стеклоделия // Византийский временик. 1967. Т. XXVII. С. 248–257.

Джанполадян, 1974 — *Джанполадян Р. М.* Средневековое стекло Двина IX–XIII вв. Ереван: АН Армянской ССР, 1974 (Археологические памятники Армении; Вып. 7. Средневековые памятники; Вып. II). 76 с.

Джанполадян, Калантарян, 1988 — *Джанполадян Р. М., Калантарян А. А.* Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия). Ереван: АН АрмССР, 1988 (Археологические памятники Армении; 14. Средневековые памятники; Вып. VI). 48 с.

Журухіна, 2015 — *Журухіна О.* Давньоруське скло на київському Подолі // Пам'ятки України. Історія та культура. 2015. № 5–6 (213–214). С. 50–55.

Журухіна, 2024 — *Журухіна О.* Скляні вироби східного походження з археологічних розкопок Києва // Київ і кияни: матеріали щорічної науково-практичної конференції, м. Київ, 11–12 листопада 2024 р. / Відп. ред. А. Сушко. Київ: АДЕФ-Україна, 2024. Вип. 16. С. 24–31.

Захаров, 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Зоценко, Брайчевська, 1993 — *Зоценко В. М., Брайчевська О. А.* Ремієничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984–1989 / Відпов. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка, 1993. С. 43–103.

Колчин, Черных, 1978 — *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1978. С. 57–116.

Колчин и др., 1981 — *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981. 168 с.

Крижанац, 2001 — *Крижанац М.* Средњовековно стакло из катедрале светог Трипуна у Котору. Београд: Универзитет у Београду, филозофски факултет, 2001 (Центар за археолошка истраживања; Књига 21). 84 с.

Кубанкин, 2014 — *Кубанкин Д. А.* Археологические раскопки на Увекском городище в 2012–2013 гг. (предварительное сообщение) // Археологическое наследие Саратовского края. 2014. Вып. 12. С. 144–154.

Лавыш, 2012 — *Лавыш К. А.* Художественные изделия Востока, найденные на территории Беларуси: известные и новые находки (X–XIV вв.) // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 244–254.

Ланцетти, Нестеренко, 1987 — *Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л.* Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа, 1987. 304 с.

Лапшин, 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Труды ИИМК РАН; Т. XXX. Archaeologica Varia). 540 с.

Майко, 2024 — *Майко В. В.* Восточное стекло в византийской материальной культуре Сугдеи второй половины XIII века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». 2024. Т. 29, № 6. С. 15–25.

Мусин, 2009 — *Мусин А. Е.* Поломничество в Древней Руси: исторические концепции и исторические реалии // Arheologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 231–272.

Мусин, 2020 — *Мусин А. Е.* Парадоксы рецепции византийской культуры в Древней Руси // «На одно крыло серебряная, на другое — золотая...». Сб. ст. памяти С. Рябцевой / Ред. Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: Stratum Plus, 2020. С. 487–498.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 404 с.

Носов и др., 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Труды ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.

Плохов, 2007 — *Плохов А. В.* Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 166–175.

Плохов, 2023 — *Плохов А. В.* Находки посудного стекла с пестро-пятнистым декором в Великом Новгороде и на Рюриковом городище // АВ. 2023. Вып. 40. С. 126–145.

Плохов, 2024 — *Плохов А. В.* Стеклянные сосуды с «пеpистым» декором на территории Древней Руси (к вопросу о датировке и происхождении) // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи / Отв. ред. А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2024 (Византийский Крым). С. 168–174.

Полубояринова, 1988 — *Полубояринова М. Д.* Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Полубояринова, 2008 — *Полубояринова М. Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П. Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 27–107.

Родина, 2004 — *Родина М. Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. Владимир: Аркаим, 2004. 208 с.

Родионова, 2020 — *Родионова М. А.* Археологическое изучение Новгородского кремля: проблемы, гипотезы, доказательства // АВ. 2020. Вып. 28. С. 160–172.

Родионова, Антипов, 2017 — *Родионова М. А., Антипов И. В.* Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. (по данным археологических исследований) // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М. А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 226–236.

Сафарова, 2014 — *Сафарова И. А.* Находки стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 7. Тверь, 2014. С. 52–75.

Сейдалиев, 2024 — *Сейдалиев Э. И.* Бытовые стеклянные изделия золотоордынского времени из раскопок городища Солхат // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XVI Междунар. византийский семинар: Материалы науч. конф. / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. С. 223–228.

Сергеев, 1984 — *Сергеев Ю. П.* Выполнение художественных изделий из стекла. М.: Высшая школа, 1984. 240 с.

Стаменковић, 2015 — *Стаменковић С.* Средњовековно стакло манастира Студенице // *Поповић М.* Манастир Студеница. Археолошка открића. Београд: Реп. завод за заштиту споменика културе, Археол. инст., 2015. С. 361–377.

Столярова, 2016 — *Столярова Е. К.* Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М.: РГГУ, 2016. 692 с.

Столярова, Руденко, 2023 — *Столярова Е. К., Руденко К. А.* Стеклянный сосуд с накладным и обкатанным декором из Остолоповского селища в Татарстане: терминология, происхождение, хронология // Археология Евразийских степей. 2023. № 5. С. 131–159.

Тарабардина, 2007 — *Тарабардина О. А.* Дендрохронология средневекового Новгорода (по материалам археологических исследований 1991–2005 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 22 с.

Трояновский, 1996 — *Трояновский С. В.* Научный отчет об археологических раскопках на территории Новгородского кремля в 1996 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-I. № 21153. 60 л.

Трояновский и др., 1997 — *Трояновский С. В., Корчагина Л. А., Стеценко Н. К.* Раскопки на Владычном дворе Новгородского кремля // Новгород и Новгородская земля. История и археология (ННЗИА). Новгород: НМЗ, 1997. Вып. 11. С. 12–19.

Фараджева и др., 2020 — *Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г.* Планировка и застройка одного из «кварталов» Людина конца Новгорода XII в. (по материалам северо-западных усадеб Троицкого раскопа) // ННЗИА. 2020. Вып. 33. С. 123–137.

Хайрединова и др., 2024 — *Хайрединова Э. А., Румянцева О. С., Исмагулов А. М., Билида Е. Ю., Шалявина Н. Б., Сайфутяров Р. Р., Терещенко Е. Ю.* Импорт стекла в Юго-Западный Крым в XIII в. по находкам с городища на плато Эски-Кермен // Российские нанотехнологии. 2024. Т. 19, № 5. С. 679–693.

Хамайко и др., 2022 — *Хамайко Н. В., Журухіна О. Ю., Гунь М. О.* Новий погляд на вперше відкриту на Київському подолі склоробну майстерню // Археологія і давня історія України. 2022. Вип. 2 (43). С. 50–64.

Хорошев, 1978 — *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1978. С. 174–196.

Щапова, 1963 — *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии / Ред. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 117). С. 104–163.

Щапова, 1972 — *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во Московского ун-та. 216 с.

Щапова, 1998 — *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.

Энтелис, 1982 — *Энтелис Ф. С.* Формирование и горячее декорирование стекла. Учебное пособие для специальности 2222. Л.: Ленинградский инженерно-строительный институт, 1982. 140 с.

Янин, 2004 — *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. 418 с.

Янин, 2008 — *Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

Янин, Зализняк, 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. 352 с.

Alexandre, 2012 — *Alexandre Y.* Mary's Well, Nazareth: The Late Hellenistic to the Ottoman Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2012 (IAA Reports; No. 49). 169 p.

Allan, 1995 — *Allan J. W.* Investigations into Marvered Glass: i // Islamic Art in the Ashmolean Museum: Part One / Ed. J. W. Allan. Oxford: Oxford University Press, 1995 (Oxford Studies in Islamic Art, 10). P. 1–30.

Antonaras, 2025 — *Antonaras A.* Ancient Glass in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2025. 520 p.

Auth, 1976 — *Auth S. H.* Ancient Glass at the Newark Museum from Eugene Schaefer Collection of Antiquities. Newark: Newark Museum, 1976. 235 p.

Brosh, 2005 — *Brosh N.* Islamic glass finds of the thirteenth to fifteenth century from Jerusalem — preliminary report // Annales du 16e Congrès de l'AIHV [Association Internationale pour l'Histoire du Verre] (London, 2003). Nottingham: AIHV, 2005. P. 186–190.

Brosh, 2012 — *Brosh N.* Glass Objects from the Cardo and the Nea Church // *Gutfeld O.* Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem, conducted by Nahman

Avigad, 1969–1982. Vol. V: The Cardo (Area X) and the Nea Church (Areas D and T). Final Report. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2012. P. 400–425.

Brosh, 2014 — *Brosh N.* Mamluk Glass Bowl from Area J // *Geva H.* Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies. Final Report. Jerusalem: Israel Exploration Society, 2014. P. 302–305.

Brosh, 2016 — *Brosh N.* Mamluk Glass Workshops in Jerusalem — Marvered Glass // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Vol. 2: Egypt and Ancient Near East — Perceptions of Alterity, Ancient Near Eastern Traditions vs. Hellenization/Romanization, Reconstructing Ancient Eco-Systems, Islamic Session / Eds. S. Bickel, B. Jacobs, J.-M. Le Tensorer, D. Genequand. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 357–368.

Brosh, 2017 — *Brosh N.* Reexamination of a Mamluk glass collection from Jerusalem // Annales du 20e Congrès de l'AIHV / Eds. S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Marie Leidorf GmbH, 2017. P. 300–306.

Cabart, 2009 — *Cabart H.* Les verres de la fouille de la Rue du Palais-de-Justice à Troyes (Aube) // Annales du 17e Congrès de l'AIHV / Eds. K. Janssens, P. Degryse, P. Cosyns, J. Caen, L. Van't Dack. Antwerp: University Press Antwerp, 2009. P. 481–487.

Carboni, 2001 — *Carboni S.* Glass from Islamic Lands. New York: Thames & Hudson, 2001. 416 p.

Carboni, Whitehouse, 2001 — *Carboni S., Whitehouse D.* Glass of the Sultans. The exhibition catalogue. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. 330 p.

Carreras Rossell et al., 2009 — *Carreras Rossell T., Mur de Viu C., Pastor Rey de Viñas P.* Fonds de verre islamique dans les collections du Musée d'Archéologie de Catalunya // Annales du 17e Congrès de l'AIHV… Antwerp, 2009. P. 269–273.

Cool, Price, 1995 — *Cool H., Price J.* Roman vessel glass from excavations in Colchester, 1971–85 (Colchester Archaeological Report 8). Colchester: Colchester Archaeological Trust LTD, 1995. 455 p.

Dare, Triste, 2011 — *Dare S., Triste A.* Vannes (Morbihan): les verres des sites du Bondon et de la ZAC de l'Etang (XVe — début du XVIIe siècle) // Bulletin de l'AFAV. 2011. P. 85–93.

Eisen, Kouchakji, 1927 — *Eisen G. A., Kouchakji F.* Glass: its origin, history, chronology, technic and classification to the sixteenth century. Vol. I–II. New York: W. E. Rudge, 1927. 768 p.

Glass, 1991 — Glass, 5000 years / Ed. H. Tait. New York: H. N. Abrams, 1991. 256 p.

Glass, 2006 — Glass. A Pocket Dictionary of Terms Commonly Used to Describe Glass and Glassmaking. Revised Edition / Compiled by D. Whitehouse. New York: Corning Museum of Glass, 2006. 94 p.

Gorin-Rosen, 2003 — *Gorin-Rosen Y.* Glass Vessels from Area A // Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem: conducted by Nahman Avigad, 1969–1982, Vol. II: The Finds from Areas A, W and X–2, Final Report / Ed. H. Geva. Jerusalem: Israel Exploration Society; Institute of Archaeology Hebrew University of Jerusalem, 2003. P. 364–400.

Gorin-Rosen, 2013 — *Gorin-Rosen Y.* Glass finds from the crusader-period bathhouse in Akko (Acre) // 'Atiqot. 2013. Vol. 73. P. 109–116.

Gorin-Rosen, 2019 — *Gorin-Rosen Y.* A Mamluk-Period Glass Assemblage from the al-Watta Quarter, Safed (Zefat) // 'Atiqot. 2019. Vol. 97. P. 101–153.

Gorin-Rosen, 2021 — *Gorin-Rosen Y.* Glass vessels // Excavations at the Ottoman Military Compound (Qishle) in Jaffa, 2007, 2009 / Ed. Y. Arbel. Münster: Zaphon, 2021 (Ägypten und Altes Ttstament. Studien zu Geschichte, Kultur und Religion Ägyptens und des Alten Testaments; Bd. 91. The Jaffa Cultural Heritage Project Series; Vol. 4). P. 413–441.

Gorin-Rosen, 2024 — *Gorin-Rosen Y.* The Knights' Hotel Site: The Glass Finds // *Stern E., Syon D.* Akko III: the 1991–1998 excavations. The Late Periods. P. 2: The Knights' Hotel Site, The Messika Plot and Miscellaneous Studies. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2024 (IAA Reports; 73). P. 445–552.

Gorin-Rosen, 2025 — *Gorin-Rosen Y.* Crusader-Period Glass Finds from "Akko, the Knights" Hotel Site // 'Atiqot. 2025. Vol. 118. P. 603–664.

Grossmann, 2002 — *Grossmann R. A.* Ancient Glass. A guide to the Yale collection. New Haven: Yale Univtrsity Art Gallery, 2002. 44 p.

Foy, 2015a — *Foy D.* Verres islamiques de la citadelle de Damas (IXe–XIIIe s.). Un aperçu // Annales du 19e Congrès de l'AIHV (Piran, 2012) / Ed. I. Lazar. Koper: AIHV, 2015. P. 429–437.

Foy, 2015б — *Foy D.* Les verres // Sharma. Un entrepôt de commerce médiéval sur la côte du Ḥaḍramawt (Yémen, ca 980–1180) / Dir. A. Rougelle. Oxford: Holywell Press, 2015 (British Foundation for the Study of Arabia Monographs; No. 17). P. 323–367.

Foy, 2017 — *Foy D.* Entre Orient et Occident, le verre islamique (VIIIe–XIIIe siècle): apports récents et réflexions sur les échanges et les influences // Annales du 20e Congrès de l'AIHV… Romont, 2017. P. 10–34.

Hadad, 2002 — *Hadad S.* Marvered Glass Vessels from the Umayyad through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel // Levant. 2002. Vol. 34, 1. P. 151–158.

Hasson, 1983 — *Hasson R.* Islamic Glass from Excavations in Jerusalem // Journal of Glass Studies. 1983. Vol. 25. P. 109–113.

Jenkins, 1986 — *Jenkins M.* Islamic Glass. A Brief History. New York: Metropolitan Museum of Art, 1986 (The Metropolitan Museum of Art; Bulletin 44, No. 2). 56 p.

Katsnelson, Phelps, 2017 — *Katsnelson N., Phelps M.* An outstanding glass assemblage from the medieval and

Ottoman castle at Safed (Ẓefat) // Annales du 20e Congrès de l'AIHV… Romont, 2017. P. 313–318.

Križanac, 2012 — *Križanac M.* Scent bottles from Kotor, Montenegro // Annales du 18e Congrès de l'AIHV (Thessaloniki, 2009) / Eds. D. Ignatiadou, A. Antonaras. Thessaloniki: AIHV, 2012. P. 409–413.

Kucharczyk, 2015 — *Kucharczyk R.* Islamic glass from area U (2012–2013) // Polish Archaeology in the Mediterranean. 2015. Vol. XXIV/1 (Research). P. 73–68.

Lamm, 1929 — *Lamm C. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. 2 Bd. Bd. II (Abbildungen). Berlin: Dietrich Reimer, Ernst Vohsen, 1929 (Forschungen zur islamischen Kunst; V). VIII S., 205 Taf.

Lamm, 1930 — *Lamm C. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. 2 Bd. Bd. I (Text). Berlin: Dietrich Reimer, Ernst Vohsen, 1930 (Forschungen zur islamischen Kunst; V). XII, 566 S., 10 Taf., davon 6 in Farbendruck.

Lavysh, 2015 — *Lavysh K.* New finds of oriental glass in the territory of Belarus // Annales du 19e Congrès de l'AIHV… Koper, 2015. P. 446–454.

Meyer, 1992 — *Meyer C.* Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean trade. Chicago, Illinois: University of Chicago, 1992 (Studies in Ancient Oriental Civilization; No. 53). 201 c.

Nolte, 1971 — *Nolte B.* An Egyptian Glass Vessel in The Metropolitan Museum of Art // Metropolitan Museum Journal. 1971. Vol. 4. P. 167–171.

Oikonomou, 2021 — *Oikonomou A.* The core formed glass from Satricum. An overall assessment // Tracing Technology: Forty Years of Archaeological Research at Satricum / Eds. M. Gnade, M. Revello Lami. Leuven; Paris; Bristol, CT: Peeters, 2021 (Babesch Supplementa; Vol. 42). P. 179–188.

Pasquier, 2007 — *Pasquier J. du.* Les Chefs-d'Oeuvre de l'Islam (Histoire du verre). Paris: Massin, 2007. 157 p.

Patin, Cosyns, 2018 — *Patin M., Cosyns P.* Les cornes en verre bleu foncé à filets blancs et/ou rouges des XVIe–XVIIe siècles dans le nord-est de la France et la Belgique // Bulletin de l'AFAV. 2018. P. 85–89.

Raphael, 2018 — *Raphael K.* Jerusalem, the Old City: Second Temple Period Quarry and a Medieval Building // Hadashot Arkheologigot: Excavations and Surveys in Israel. 2018. Vol. 130. P. 1–25. // URL: https://www.academia.edu/37751580/The_Glass_Vessels_Jerusalem_En_Kerem (accessed: 13.03.2022).

Rauh, 2020 — *Rauh K. N.* Spätantike und mittelalterliche Kleinfunde aus Karasura (Bulgarien). Bd. I — Text, II — Anhang und Tafeln. Langenweissbach: Beier & Beran, 2020 (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums; 24. Karasura; V). 753 S.

Rehren et al., 2018 — *Rehren Th., Cholakova A., Jovanović S.* Composition and texture of a set of marvered glass vessels from 12th century AD Braničevo, Serbia // Старинар. Нова серија. 2018. Књ. LXVIII. P. 125–149.

Saladin, 2005 — Saladin und die Kreuzfahrer. Begleitband zur Sonderaustellung "Saladin und die Kreuzfahrer" im Landesmuseum für Vorgeschichte Halle (Saale), im Landesmuseum für Natur und Mensch Oldenburg und in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim / Hrsg. A. Wieczorek, M. Fansa, H. Meller. Mainz: Philipp von Zabern, 2005 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen; Bd. 17. Schriftenreihe des Landesmuseums für Natur und Mensch, Oldenburg; Heft 37). 518 S.

Saldern, 1996 — *Saldern A. von.* Early Islamic glass in the Near East. Problems of chronology and provenances // Annales du 13e Congrès de l'AIHV (Pays Bas | 28 août — 1 septembre 1995). Lochem: AIHV, 1996. P. 225–246.

Scanlon, Pinder-Wilson, 2001 — *Scanlon G. T., Pinder-Wilson R.* Fustat Glass of the Early Islamic Period. Finds excavated by the American Research Center in Egypt. 1964–1980. London: Altajir World of Islam Trust, 2001. 134 p.

Sedláčková, Rohanová, 2015 — *Sedláčková H., Rohanová D.* From Renaissance to Baroque: Glass in The 2nd Half of the 17th Century in Moravia, Czech Republic // Study days on venetian glass. Approximately 1700's / Eds. R. Barovier, C. Tonini. Venezia: Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2015 (Atti dell'istituto veneto di Scienze, Lettere ed Arti; T. CLXXIII (2014–2015): Classe di scienze fisiche, matematiche e naturali). P. 37–46.

Shindo, 1993 — *Shindo Y.* Islamic marvered glass from al-Tur. South Sinai // Annales du 12e Congrès de l'AIHV (Vienne-Wien, 26–31 août 1991). Amsterdam: AIHV, 1993. P. 297–305.

Silvano, 2009 —*Silvano F.* Roman glass from the Fayum Oasis, Egypt // Annales du 17e Congrès de l'AIHV… Antwerp, 2009. P. 222–226.

Spasić-Đurić, Jovanović, 2018 — *Spasić-Đurić D., Jovanović S.* A 12th century set of marvered purple glass vessels from Braničevo (Serbia) // Старинар. Нова серија. 2018. Књ. LXVIII. P. 151–173.

Stolyarova, 2024 — *Stolyarova E. K.* An 11th–12th-century marvered purple glass vessel from Ostolopovo settlement (Republic of Tatarstan, Russia) // Annales du 22e Congrès de l'AIHV (Caparica (Virtuel) 13–17 septembre 2021) / Eds. I. Coutinho, M. Vilarigues, T. Medici. Caparica: NOVA.FCT Editorial, 2024. P. 193–200.

Tyson, 1996 — *Tyson R. C.* Medieval glass vessels in England AD 1200–1500: a survey. Vol. I, II. Doctoral thesis, Durham University, 1996 // URL: http://etheses.dur.ac.uk/1223/ (accessed: 09.10.2019).

Uysal, 2008 — *Uysal Z.* Kubad-Abad Sarayi Cam Buluntulari (1981–2004). Doktora tezi, T. C., Ege University, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Sanat Tarihi Anabilim Dalı. Izmir, 2008. 532 s. // URL: https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/TezGoster?key=UPP_Zu9isEmWGFXFCBYaseSKO12tR_OuZgb43qI-eAOwl1wnnjQ64OCtFYa9T7jo (accessed: 20.06.2018).

Valiulina, 2016 — *Valiulina S.* International trade relations of the middle Volga region in the medieval period through the glass evidence // Archeologia Polski. 2016. T. LXI. P. 113–169.

Valiulina, 2017 — *Valiulina S.* Die Glaserzeugnisse Bolgars und ihr Verhältnis zu anderen mittelalterlichen Glasproduktionen // Annales du 20e Congrès de l'AIHV… Romont, 2017. S. 391–398.

Vorsicht Glas, 2010 — Vorsicht Glas! Zerbrechliche Kunst 700–2010. Für Museum für Islamische Kunst — Staatliche Museen zu Berlin / Hrsg. M. Kühn. München: Edition Minerva, 2010. 200 S.

Wajda, 2021 — Wajda S. Glass vessels at Banganarti // Banganarti. Studies I (Nubia VII) / Ed. B. Żurawski. Warsaw: Institute of Mediterranean and Oriental Cultures Polish Academy of Sciences, 2021. P. 243–269.

Whitcomb, 1983 — *Whitcomb S. D.* Quseir, Islamic Glass from Al-Qadim, Egypt // Journal of Glass Studies. 1983. Vol. 25. P. 101–108.

Whitehouse, 2014 — *Whitehouse D.* Islamic Glass in The Corning Museum of Glass. Vol. II. Corning; New York: Corning Museum of Glass, 2014. 333 p.

Σιγάλα, 2004 — *Σιγάλα Μ. Ζ.* Γυάλινα κτερίσματα στη μεσαιωνική έκθεση στο Καστέλλο της Ρόδου // ΧΑΡΙΣ ΧΑΙΡΕ. Μελέτες στη μνήμη της Χάρης Κάντζια, τ. Β′ / Επιμ. Α. Γιαννικουρή. Αθήνα: Εφορεία Αρχαιοτήτων Δωδεκανήσου, 2004. Σ. 195–216.

Finds of tableware glass with "marvered combed" decoration in Veliky Novgorod and in Rurikovo Gorodishche. Part 1: Terminology, overview of finds and their social context

A. V. Plokhov[32]

Keywords: Veliky Novgorod, Rurikovo Gorodishche, Eastern Europe, medieval glassware, "combed" (feathered, festooned) decoration

This article analyzes a small group of fragments of medieval glass vessels featuring "combed" (feathered, festooned) marvered decoration, discovered during archaeological excavations in Veliky Novgorod and in Rurikovo Gorodishche. The technique for applying this ornament involves laying a thread of opaque (usually white) glass onto a hot glass blank, followed by combing it with a special tool and rolling it flush with the outer surface of the transparent base. As a result, various geometric patterns appeared on the vessel. In Old Rus, where marvered glass is known from ten cities, these vessels are predominantly festooned.

In Veliky Novgorod, more than 50 fragments of such vessels have been found (figs. 1, 3, 4), the largest number of which were discovered at the Troitsky excavation (fig. 2). Thanks to dendrochronology, the overwhelming majority of the Novgorod finds can be reliably dated to the 12th cent., and only a few fragments have been recorded in later layers. A similar situation is observed in Rurikovo Gorodishche, where most of the 23 fragments (fig. 5) likely date to the pre-Mongol period.

In Rus, vessels decorated with applied and marvered trails were considered prestigious items, signifying the high social status of their owners, and were not items of mass commerce. In Novgorod, such finds come mainly from the territories of boyar property, while in Rurikovo Gorodishche they are concentrated primarily in the area of the princely court buildings (fig. 6). Glassware with a "combed" pattern indicates direct or indirect contacts between the inhabitants of Northern Rus and the Mediterranean. In the Upper Volkhov region, it was brought by merchants as an exclusive commodity intended for the local elite, or it appeared there as a result of Novgorodians' stays in Byzantium and the Holy Land.

[32] Aleksey V. Plokhov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

Нумизматический материал из раскопок в Печорах в 2019–2023 гг.: вопросы хронологии, исторической топографии, денежного обращения. Часть 1[1]

К. В. Горлов, И. С. Аракчеева, Е. М. Калинина, К. С. Косовец, М. И. Кулакова[2]

Аннотация. *С 2019 по 2023 г. Археологическим центром Псковской области в г. Печоры проводились археологические раскопки общей площадью 1160 кв. м. Была собрана представительная нумизматическая коллекция, состоящая из русских и иностранных монет XV–XIX вв., ставших наравне с полученными здесь дендрохронологическими датами ведущим хронологическим индикатором.*

Ключевые слова*: Печоры, монеты, копейки, пула, дендрохронология, датировка, периодизация, мостовые, погребения, улица*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-145-161

В ряду находок, полученных в ходе археологических раскопок, нумизматический материал занимает место высокоинформативного источника, наделенного эксклюзивным потенциалом автономной датировки. Возможность использования монет в качестве хронологического индикатора базируется не только на установлении времени их выпуска, но и на определении возможных периодов обращения. Длительность бытования монет зависит от различных механизмов их выхода из обращения. Экономический вывод связан с действием рыночных процессов и предполагает возможность длительного оборота денежных знаков. При этом важную роль играет закон Коперника — Грешема, согласно которому «худшие деньги вытесняют из обращения лучшие». Существуют примеры и принудительного изъятия из обращения тех или иных групп монет на основании правительственных постановлений в ходе денежных реформ или политических процессов. В таких ситуациях происходит быстрое исчезновение «заповеданных» монет из оборота в результате их сдачи в казну, а также тезаврации населением в виде кладов.

Хорошо разработанная систематизация русских монет XVI–XVIII вв. и установление механизмов их вывода из обращения позволяют использовать денежные знаки в качестве надежного хронологического индикатора для уточнения времени формирования культурного слоя. При этом значение имеют количество зарегистрированных монет и их номенклатура. Представительная нумизматическая коллекция, имеющая потенциал использования в качестве хронологического индикатора при уточнении датировки культурного слоя, была зарегистрирована в ходе археологических раскопок в г. Печоры Псковской области в 2019–2023 гг.

Печоры — город, возникший на рубеже XV–XVI вв. на русско-ливонской границе вокруг Псково-Печорского монастыря в качестве монастырской слободы. Легендарное основание самой обители относят к XV в. Слобода под монастырем — «дво́рец» — в документах впервые

[1] К. В. Горловым исследование выполнено по теме государственного задания: «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0005).

[2] Горлов К. В. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru; Аракчеева И. С., Калинина Е. М., Косовец К. С., Кулакова М. И. — ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», Псков; e-mail: is.bykova07@yandex.ru, elenkali@yandex.ru, kriskosovec@gmail.com, marinakul@yandex.ru.

© Горлов К. В., Аракчеева И. С., Калинина Е. М., Косовец К. С., Кулакова М. И., 2026

упоминается в 1540 г. С 20-х гг. XVI в. и вплоть до 60–70-х гг. следующего столетия вокруг религиозного центра формировалась система крепостных укреплений, занятых гарнизоном стрельцов, проживавших в слободе наряду с местным населением (*Малков*, 1982). Вплоть до Северной войны, отодвинувшей государственную границу далеко на запад, Печоры сохраняли роль важного стратегического пункта, оставаясь участником основных внешнеполитических событий на северо-западной границе Русского царства.

Пространственная структура Печор сложилась к началу XVII в. и в общих чертах сохранялась до середины XX в. Поселение имело два центра. Первый представлял собой Псково-Печорский монастырь с расположенной перед его центральным въездом Соборной площадью. Вторым центром выступала Торговая площадь, в пределах которой традиционно располагался торг. Сегодня эти площадки связаны трассой современной улицы Международной.

К Соборной площади тяготеют наиболее старые участки поселения, обжитые с XV–XVI вв., к которым принадлежат монастырь и «дво́рец» с первым некрополем слободы, открытым у церкви Сорока мучеников. К Торговой площади сходятся современные улицы Псковская, Рижская и Юрьевская, трассы которых, видимо, совпадают с историческими дорогами, ведущими на Псков, Нейгаузен, Ригу и Дерпт. Псковская улица, огибающая «дво́рец» с запада, застраивалась раньше и более активно.

Начало археологических работ в Печорах относится к 1991 г., когда Б. Н. Харлашовым в строительной траншее газопровода по ул. Рабочей был зафиксирован культурный слой мощностью до 1 м с тремя ярусами деревянного уличного замощения (*Александров и др.*, 1992. С. 139). В 2017 г. «Археологическим центром Псковской области» проводились мероприятия по определению границ территории памятника археологии с привлечением архивных и картографических источников, а также проведением шурфовки культурного слоя, в результате которой удалось получить первые нумизматические находки (*Кулакова*, 2017. С. 2).

В период с 2019 по 2023 г. археологическими раскопками в Печорах на площадях раскопов Печоры-1–8[3] было изучено 1160 кв. м (рис. 1). Работы проводились в основном по трассам инженерных коммуникаций в пределах улиц Рабочей, Псковской, Международной и Соборной площади. Выделяется раскоп П-3, располагавшийся в жилой зоне слободы, на территории монастырского «дво́рца». Раскопки здесь предваряли строительство «странноприимного дома» (*Степанов и др.*, 2022). Особняком стоит раскоп П-7, на площади которого исследовались захоронения.

Ул. Псковская, раскопы П-1, 2, 5, 8. В раскопах П-1, 2, 5 частично исследованы замощение ул. Псковской и участки жилой застройки вдоль нее, а также площадка мощеного проулка (?). В раскопе П-8 улица зафиксирована на участке протяженностью 50 м. Здесь удалось проследить четыре яруса благоустройства уличного пространства со сменяющими друг друга деревянными мостовыми на трех[4] из них. Хорошо сохранившаяся древесина второго яруса замощения позволила собрать дендрохронологическую коллекцию, насчитывающую 122 спила, из которых пригодными для дальнейшей работы оказались 37.

Направление мощеной улицы в целом совпадает с вектором современной ул. Псковской и повторяет изначальный рельеф местности с уклоном на север. Мощение сохранилось не на всей протяженности изученного участка. Местами оно, вероятно, было разобрано при очередном строительстве, но утраченные ярусы «читались» по намытому под них во время их существования песку. Песок откладывался под уличным настилом, образуя своеобразный «след» мостовой в виде светло-серого слоя мощностью 1–20 см. Слой намытого песка фиксировался как под уцелевшими, так и не дошедшими до нас настилами.

Исследованные в ходе работ на раскопах П-1, 2, 5, 8 слой и объекты в основном имеют идентичную историю формирования и отражают функционирование улицы в различные периоды ее существования. Это дает основание рассматривать нумизматические находки для обозначенных четырех раскопов синхронно (рис. 1, *1, 2, 5, 8*).

Первый ярус благоустройства уличного пространства удалось проследить в пределах раскопов П-1, 2, 5, 8. В границах раскопа П-8 деревянное мощение сохранилось фрагментарно в виде отдельных элементов и пятен светло-серого намытого песка под неуцелевшими частями уличного настила. Мощность этих пятен в среднем

[3] Далее в тексте статьи для краткости обозначение раскопов будет приводиться в виде заглавной буквы «П», указывающей название памятника «Печоры», и арабской цифры, маркирующей номер раскопа: П-3, то есть Печоры-3.

[4] Нижний ярус благоустройства нельзя назвать полноценной мостовой: ремонтные работы, судя по всему, носили ситуативный характер.

Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов в г. Печоры Псковской области, содержащих нумизматический материал: *1* — П-1, 2019 г.; *2* — П-2, 2019 г.; *3а* — П-3, 2020 г.; *3б* — П-3, 2021 г.; *4* — П-4, уч. В, 2022 г.; *5* — П-5, 2022 г.; *6а* — П-6, уч. А, 2023 г.; *6б* — П-6, уч. Б, 2023 г.; *6в* — П-6, уч. В, 2023 г.; *6г* — П-6, уч. Г, 2023 г.; *7а* — П-7, уч. А, 2023, г.; *7б* — П-7, уч. Б, 2023, г.; *7в* — П-7, уч. В, 2023, г.; *7г* — П-7, уч. Г, 2023 г.; *8* — П-8, 2023 г.

Fig. 1. Map showing the locations of archaeological excavations in the Pechory, Pskov Oblast, 2019–2023, containing numismatic material: *1* — П-1, 2019; *2* — П-2, 2019; *3а* — П-3, 2020; *3б* — П-3, 2021; *4* — П-4, uch. В, 2022; *5* — П-5, 2022; *6а* — П-6, uch. А, 2023; *6б* — П-6, uch. Б, 2023; *6в* — П-6, uch. В, 2023; *6г* — П-6, uch. Г, 2023; *7а* — П-7, uch. А, 2023; *7б* — П-7, uch. Б, 2023; *7в* — П-7, uch. В, 2023; *7г* — П-7, uch. Г, 2023; *8* — П-8, 2023

достигала 2–3 см. Ширина мощеной улицы составляла 3,5 м.

С первым ярусом мощения в пределах раскопа П-8 связаны шесть нумизматических находок. Ранние две монеты представлены медными денгами 1735 и 1749 гг. чеканки правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. К эмиссии Екатерины II относится полушка 1770 г. Реалии денежного обращения XIX в. маркируются двухкопеечником 1813 г. и парой копеек 1835 и 1859 гг. (табл., *1–6*; рис. 2, *1–3*).

В границах раскопов П-2 и 5 параллельно мостовой с небольшим отступом от нее удалось раскрыть дренаж в виде лотка из вертикально стоящих необрезных досок, спиленной частью наружу. В пределах раскопа П-5 в культурном слое, залегавшем над дренажом, зарегистрирована полушка 1770 г. Из заполнения дренажа с обеих сторон улицы происходят находки еще одной полушки 1770 г. и копейки 1799 г. (табл., *37–39*; рис. 2, *4, 5*).

Среди находок раскопа П-2 с первым ярусом замощения по времени выпуска соотносятся копейка 1800 г. и пятикопеечник 1874 г. (табл., *70, 71*; рис. 2, *6*).

Можно заключить, что с первым ярусом уличного благоустройства связаны русские медные монеты XVIII–XIX вв., выпущенные не ранее правления Анны Иоанновны. Подчеркнем, что среди находок нет медных монет Петра I и Петра II, принудительно выведенных из обращения в конце 20-х — начале 30-х гг. XVIII в.[5] (*Юхт*, 1994. С. 110–126, 143; *Узденников*, 2004. С. 56, 231). Вероятнее всего, зарегистрированные на уровне первого яруса монеты стали выпадать в слой в период господства в обращении медных денежек и полушек 10-рублевой стопы. В дальнейшем потеря денежных знаков в пределах изученных участков продолжалась на протяжении XVIII–XIX вв.

Второй ярус благоустройства уличного пространства удалось проследить в пределах раскопов П-5 и П-8. В границах раскопа П-8 на протяжении 22,5 м была раскрыта хорошо сохранившаяся деревянная мостовая. Дендрохронологический анализ спилов покрытия сооружения продемонстрировал широкие датировки от 1680 до 1753 г., что указывает на многочисленные ремонты мощения с использованием дерева во вторичном употреблении. Датировка порубки лаг мостовой ограничивается 50–60-ми годами XVII в.

С культурным слоем второго яруса на раскопе П-8 связаны находки 12 монет, выпадавших из обращения поверх мостовой. Два ранних экземпляра представлены московскими копейками Михаила Федоровича, выпущенными около 1641 и 1643 гг. Эмиссия Алексея Михайловича представлена двумя медными копейками и денгой (?) 1655–1663 гг. Ко времени совместного правления Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича относится копейка 1682–1696 гг. Единоличное царствование Петра I отмечено копейкой 1711 г. К русской серии монет второй половины XVII в. примыкает серебряный шведский эре 1666 г. Реалии денежного обращения XVIII в. представлены двумя полушками 1731 г. и парой денег 1734 и 1735 гг. эмиссии Анны Иоанновны (табл., *7–18*; рис. 2, *7–9*; 3, *1–4*).

В пределах раскопа П-5 напластования второго яруса были представлены слоем светло-серого песка. На этом уровне удалось зарегистрировать проволочные копейки Михаила Федоровича 1613–1617 гг., Алексея Михайловича 1655–1663 гг. и Петра Алексеевича 1716 г. Младшей монетой стала полушка Анны Иоанновны 1731 г. (табл., *40–43*; рис. 2, *10*; 3, *5–7*).

Зарегистрированная на уровне второго яруса серия монет типична для рядового денежного обращения псковских и новгородских земель второй половины XVII в. Присутствующие в коллекции серебряные копейки Михаила Федоровича (1613–1645) продолжали выступать основным компонентом денежного обращения Русского царства до конца XVII в. (*Горлов, Салмин*, 2022. С. 193–213). Стремительный выход из обращения таких монет происходил на рубеже XVII–XVIII вв. как следствие перехода в 1698 г. к новому весовому нормативу выпуска денежных знаков, повлекшего значительное понижение их веса. Старые тяжелые копейки из разряда денег переходили в категорию товара (*Волков*, 2009. С. 15, 16; *Зверев*, 2014. С. 56–62; *Беркович и др.*, 2024. С. 371).

В отличие от серебряных проволочных монет, медные копейки Алексея Михайловича имели более ограниченное время обращения, связанное с запретом их использования царскими указами 1663 и 1664 гг. Имевшуюся на руках у населения огромную массу медных монет надлежало сдать в казну для обмена на серебряные в соотношении

[5] В 1735 г. была закончена перечеканка медных монет правления Петра I и Петра II в деньги и полушки 10-рублевой стопы. В обращении оставались «крестовые» пятикопеечники образца 1727 г., выведенные из оборота с уменьшением номинальной стоимости только в середине 50-х гг. XVIII в.

Рис. 2. Нумизматические находки Российской империи и королевства Швеции, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Печорах в 2019–2023 гг. Медь, кроме *7* — серебро, *12* — низкопробное серебро. Фото К. В. Горлова. Здесь и далее номера в скобках соответствуют порядковым номерам в таблице

Fig. 2. Numismatic finds of the Russian Empire and the Kingdom of Sweden recorded during the archaeological investigation of the cultural layer in Pechory in 2019–2023. Copper, except for *7* (silver) and *12* (low-grade silver). Here and below, the numbers in parentheses correspond to the serial numbers in Table 1. Photo by K. V. Gorlov

одна серебряная копейка за 100 медных[6] (Акты…, 1836. С. 195, 196; *Деммени*, 1887. С. 5–8; *Мельникова*, 1989. С. 212–226, 234; 2005. С. 265–306; *Зверев*, 2004. С. 142). В итоге в течение ограниченного периода 1663–1664 гг. часть медных проволочных монет была либо обменена на серебро, либо укрыта населением в качестве кладов[7].

Находка в слое копеек времени совместного правления Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, а также этапа единоличного правления Петра указывает на продолжение выпадения монет поверх второго уровня мощения в конце XVII — начале XVIII в. Отметим, что проволочные монеты не были найдены при разборе напластований, связанных с первым этапом благоустройства уличного пространства, что указывает в целом на сохранение стратиграфической структуры культурного слоя.

Поверх мостовой второго яруса зафиксировано пять монет 10-рублевой стопы, выпущенных не позднее 1735 г., хотя массовая чеканка медных полушек и денежек продолжалась во второй половине 1730-х и в 1740-х гг. Это обстоятельство может рассматриваться в качестве хронологического маркера, указывающего на время прекращения формирования напластований, связанных со вторым этапом благоустройства уличного пространства в середине 1730-х гг.

Третий ярус благоустройства уличного пространства удалось проследить в пределах раскопов П-1, 5, 8. В границах раскопа П-8 третий ярус замощения представлен в виде прослоек и пятен светло-серого песка мощностью 1–15 см, намытого под не сохранившиеся до нашего времени конструкции мостовой. Данная серия прослоек сверху перекрывалась мощными лагами мостовой, зафиксированной на уровне второго яруса благоустройства. Для лаг при помощи дендрохронологического анализа установлены порубочные даты, приходящиеся на 1650 и 1662 гг.

С третьим ярусом замощения на раскопе П-8 связана серия из семи монет, принадлежащих эмиссии Алексея Михайловича (табл., *19–25*; рис. 3, *8–13*). Среди найденных четырех серебряных копеек три связаны с одним лицевым маточником, по систематизации А. С. Мельниковой — № 22, использовавшимся накануне «денежной реформы» Алексея Михайловича, а также применявшимся в небольшом объеме для изготовления инструментов, служивших для клеймения ефимков 1655 г. (*Мельникова*, 1989. С. 209, табл. 12.1; *Зверев*, 2015. С. 115–122; *Пухов*, 2020. С. 43–56). На следующий маточник, № 23, пришлась основная нагрузка при надчеканке западноевропейских талеров[8]. Четвертая серебряная копейка Алексея Михайловича имеет плохую сохранность. Распознающиеся детали ее лицевой стороны под вопросом также могут быть отнесены к лицевому маточнику № 24.

Установленная связь серебряных копеек с одним лицевым маточником может указывать на то, что их выпуск происходил в течение непродолжительного времени. Однако маточники, связанные с этими копейками, могли быть использованы для изготовления штемпелей при выпуске серебряных монет в 1655–1663/1664 гг., когда эпизодически вместе с медными проволочными копейками осуществлялись тиражи двуденежников из благородного металла (*Зверев*, 2022. С. 230).

Медных проволочных копеек Алексея Михайловича на уровне третьего яруса замощения найдено только три. Одна из этих монет, выпущенная на денежном дворе Кукенойса («Царевич-Дмитриев город») в 1658–1661 гг., имеет важное стратиграфическое положение. Экземпляр зарегистрирован непосредственно под лагой мостовой (второй ярус замощения) с порубочной датой, приходящейся на 1662 г. Ограниченное время обращения медных монет (не позже 1663–1664 гг.) вместе с дендрохронологической датой указывает на то, что возведение мостовой второго яруса осуществлялось в начале 60-х гг. XVII в. С таким заключением коррелирует и номенклатура группы монет, выпавших поверх сооружения уже на этапе его функционирования.

Компактный хронологический состав копеек Алексея Михайловича (без примеси чеканки позднее 1664 г.), связанный с третьим ярусом застройки, указывает на его формирование

[6] Фактически это была нуллификация медных монет. Даже на пике инфляции периода денежной «реформы» Алексея Михайловича соотношение медных и серебряных копеек составляло 1:7 (*Базилевич*, 1936. С. 44, 45).

[7] Имели место попытки выдачи умельцами медных копеек за серебряные путем нанесения на их поверхность слоя олова или ртути. Отчасти именно с такими инцидентами и был связан строгий запрет на хранение медных монет населением.

[8] А. С. Сарайкин и Г. Г. Шатохин предложили передатировать время выпуска ефимков, расширив их датировку до 1654–1658 гг. (*Сарайкин, Шатохин*, 2025). По нашему мнению, данная точка зрения требует дополнительной аргументации.

Рис. 3. Нумизматические находки Русского царства, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Печорах в 2019–2023 гг. *1*, *3–5*, *7–11*, *19–21* — серебро; *2*, *6*, *12–18* — медь. Фото К. В. Горлова

Fig. 3. Numismatic finds of the Russian Tsardom recorded during the archaeological investigation of the cultural layer in Pechory in 2019–2023. *1, 3–5, 7–11, 19–21* — silver; *2, 6, 12–18* — copper. Photo by K. V. Gorlov

в относительно короткий срок, определяемый по нумизматическим данным и на основании дендрохронологического анализа серединой 50-х — началом 60-х гг. XVII в.

Деревянные конструкции третьего яруса благоустройства уличного пространства в границах раскопов П-1 и 5 оказались нарушены перекопами. В пределах исследованных площадок ярус отразился только в виде слоя и пятен светло-серого намытого песка мощностью 1–15 см. В южной части раскопа П-5 зафиксирована конструкция, предварительно интерпретируемая как мощеный проулок[9]. При расчистке сооружение представляло собой лежащую на материке лагу, расположенную перпендикулярно мощению улицы, с уложенными поверх досками. Конструкция располагалась в темно-сером культурном слое, насыщенном углем (следы пожара?). При этом следы воздействия огня имела только лага; уложенные поверх нее доски следов обугливания не несли.

В ходе исследования культурного слоя над проулком зарегистрировано четыре медные копейки Алексея Михайловича Псковского денежного двора 1655–1663 гг. (табл., *44–47*; рис. 3, *14–16*). Отметим, что две копейки принадлежат к одному типу[10], а третий экземпляр связан с ними одним лицевым маточником[11]. Данное обстоятельство может указывать на компактность временного отрезка, в ходе которого произошел выпуск этих монет, видимо, в последние годы их производства[12].

Таким образом, серия копеек, найденных на раскопе П-5 на уровне третьего яруса замощения, имеет компактный хронологический состав, типичный для денежного обращения периода «денежной реформы» Алексея Михайловича.

Можно заключить, что нумизматические находки, связанные с третьим ярусом благоустройства уличного пространства из раскопов П-5 и П-8, имеют схожую номенклатуру. Определенное на основании дендрохронологического анализа время возведения мостовой и ограниченный срок оборота медных монет Алексея Михайловича указывают на формирование напластований третьего яруса замощения в середине 50-х — начале 60-х гг. XVII в. Не исключено, что накопление этого слоя связано непосредственно с этапом возведения мощных конструкций мостовой второго яруса застройки.

Вероятно, со временем проведения «денежной реформы» Алексея Михайловича следует связывать попадание в Печоры медной шведской монеты номиналом 1/4 эре эмиссии королевы Кристины 1636 (?) г., найденной в пределах раскопа П-2 (табл., *69*; рис. 2, *11*). Швеция занимала место основного экспортера меди в русские земли, огромная доля которой ввозилась в виде чеканной монеты. Шведская медь после переплавки использовалась для выпуска русских копеек 1655–1663 гг. Только в 1658–1659 гг. для Псковского денежного двора закупили более чем 67 тонн меди в шведских монетах (*Потин*, 1974. С. 198–206; *Быков*, 1994. С. 72–77; *Зверев*, 2004. С. 129).

Ниже уровня лаг на участках без мощения (или с несохранившимся мощением) зафиксирована еще одна группа монет, требующая отдельного внимательного рассмотрения в контексте особенностей стратиграфии и планиграфии участка. В южной части раскопа П-8, тяготеющей к центру города, встречены две московские медные копейки Алексея Михайловича 1655–1663 гг. Время их выпуска и обращения соотносится с нумизматической серией, зафиксированной на третьем уровне замощения (табл., *26, 27*; рис. 3, *17, 18*).

В северной части раскопа, расположенной ближе к выезду из Печор в сторону Пскова (по нивелировочным отметкам ниже уровня лаг мостовой), зарегистрирована серия монет, представленная серебряной копейкой Михаила Федоровича, выпущенной около 1642 г., шведским солидом 1660–1665 гг., серебряной копейкой Алексея Михайловича 1663–1676 гг. и денгой Анны Иоанновны 1731 г. (табл., *28–31*; рис. 2, *12, 13*; 3, *19, 20*). Время чеканки и обращения этих монет противоречит намеченной хронологии смены

[9] Подобная конструкция фиксировалась ранее на раскопе П-II.

[10] То есть отчеканены лицевыми и оборотными штемпелями, связанными с одними маточниками. Рассмотрение классификации медных копеек Алексея Михайловича пока проводится на уровне маточника. Более дробная классификация на уровне штемпеля пока не проведена.

[11] Четвертую копейку 1655–1663 гг. из-за плохой сохранности удалось атрибутировать только в рамках эмиссионного центра.

[12] В настоящее время отсутствует абсолютная датировка типов медных проволочных копеек Алексея Михайловича. Разработанная А. С. Сарайкиным и Г. Г. Шатохиным хронология выпуска таких монет нуждается в серьезной проверке на материалах кладов и закрытых археологических комплексов (*Сарайкин, Шатохин*, 2016). Однако уже сейчас из всего массива псковских медных копеек 1655–1663 гг. по нашим наблюдениям можно выделить ряд экземпляров, выпущенных в последние годы перед завершением эмиссии.

уровней благоустройства уличного пространства. Причина несоответствия связана с особенностями исторического развития участка. Культурный слой в северной части раскопа имел однородный характер и не содержал образцов дерева, пригодных для дендрохронологического анализа. Здесь не обнаружены признаки сплошного мощения с мощными лагами, которые удалось проследить в основании сохранившихся участков мостовой в южной части. Вероятно, в северной части раскопа была зафиксирована граница участка улицы, замощение которой происходило в разное время[13].

Представляется, что северный участок благоустраивался позже, вероятно одновременно с ремонтом основного мощения во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Плохая сохранность дерева и более миниатюрные лаги, выявленные в северной части раскопа, указывают на то, что работы по благоустройству здесь проводились в меньшем масштабе. Таким образом, северный участок раскопа с зарегистрированными монетами следует отнести ко второму ярусу мощения, причем к этапу его ремонта, а не первоначального сооружения. В пользу такой версии говорит и отсутствие в пределах участка следов более раннего третьего яруса, выраженного в виде прослоек намытого песка[14].

Состав нумизматической серии, полученной с северного участка, полностью коррелирует с монетами, зарегистрированными на уровне второго яруса поверх мостовой, сооруженной не ранее начала 60-х гг. XVII в. Отметим, что на уровне второго яруса монеты в северной части раскопа зафиксированы не были.

С предложенным уточнением времени возведения и функционирования различных участков мостовой полностью соотносятся монетные находки, связанные с четвертым ранним ярусом благоустройства уличного пространства, прослеженным в пределах раскопа П-8. Данный ярус представлен раскрытыми на материке скоплениями тонких бревен и плах, большей частью лежащих бессистемно, но сохраняющими общую ориентацию с мостовой, прослеженной в верхних пластах.

На этом уровне удалось зарегистрировать четыре серебряные копейки Михаила Федоровича, датированные концом 20-х — началом 40-х гг. XVII в., и медную копейку Алексея Михайловича 1655–1663 гг. (табл., *32–36*; рис. 3, *21*; 4, *1–4*).

Вероятно, и серебряная копейка Михаила Федоровича, выпущенная около 1625 г. и найденная на раскопе П-I в переотложенном слое, также выпала из оборота одновременно с группой монет, связанных с четвертым строительным ярусом (табл., *68*; рис. 4, *5*) (*Романовский*, 2020. С. 95, 144).

Отметим, что среди представленной ранней по времени выпуска нумизматической серии не встречено серебряных монет, выпущенных на основании стопы в три рубля из гривенки серебра в XVI — начале XVII в., а также медных пул. Серебряные монеты трехрублевой стопы начинают активно выходить из обращения после введения в 1613 г. нового весового норматива в четыре рубля из гривенки, что привело к снижению веса монет. Старые тяжелые монеты можно было сдать в казну и получить за них сумму денег с «наддачей» новыми копейками[15] (*Спасский*, 1955. С. 330, 353, 354; *Мельникова*, 1989. С. 157–180; *Зверев*, 2005. С. 231, 232, 240). Определенное время в стране существовали параллельные денежные расчеты старыми и новыми монетами (*Быков*, 1989. С. 12). Однако, несмотря на отсутствие запрета на обращение монет старого чекана, они интенсивно выходили из обращения. В результате к концу 1620-х гг. в центральных областях Русского царства копейки Михаила Федоровича значительно доминировали над монетами предыдущих правлений. Из Пскова сообщали, что «деньги старые переделаны до 128 году[16]» (*Зверев*, 1994. С. 63).

Медные пулы, занимавшие в XV–XVI вв. место младшего номинала в русской монетной системе, в Москве перестали чеканить в период Смутного времени[17]. Видимо, не позднее начала XVII в. в центральных регионах Русского царства данный номинал исчезает из оборота, будучи обесцененным в связи со значительным ростом инфляции[18] (*Гайдуков*, 1993. С. 73, 76; *Зайцев*, 2018. С. 181, 182).

[13] Располагаясь в северной части раскопа-траншеи, участок с монетами приближается к границе современного города (в сторону Пскова).

[14] То есть третьего яруса здесь не существовало.

[15] В Новгороде и Москве за 100 рублей старыми деньгами давали 110 новыми, а в Пскове прием шел по весу (*Зверев*, 2001. С. 193).

[16] 128 г. — 7128 г. от сотворения мира или 1619/1620 гг. от рождества Христова.

[17] Вероятно, в Твери, Новгороде и Пскове выпуск пул прекратился на еще более раннем этапе.

[18] Публикация С. В. Зверевым и А. М. Колызиным комплекса, содержащего несколько крупноформатных московских пул начала правления Ивана IV вместе с серебряными копейками Лжедмитрия I, на наш взгляд, может подтверждать оборот медных монет и в Смутное время (*Зверев, Колызин*, 2025). Использование пул в XVII в. находками из закрытых археологических комплексов пока не проиллюстрировано.

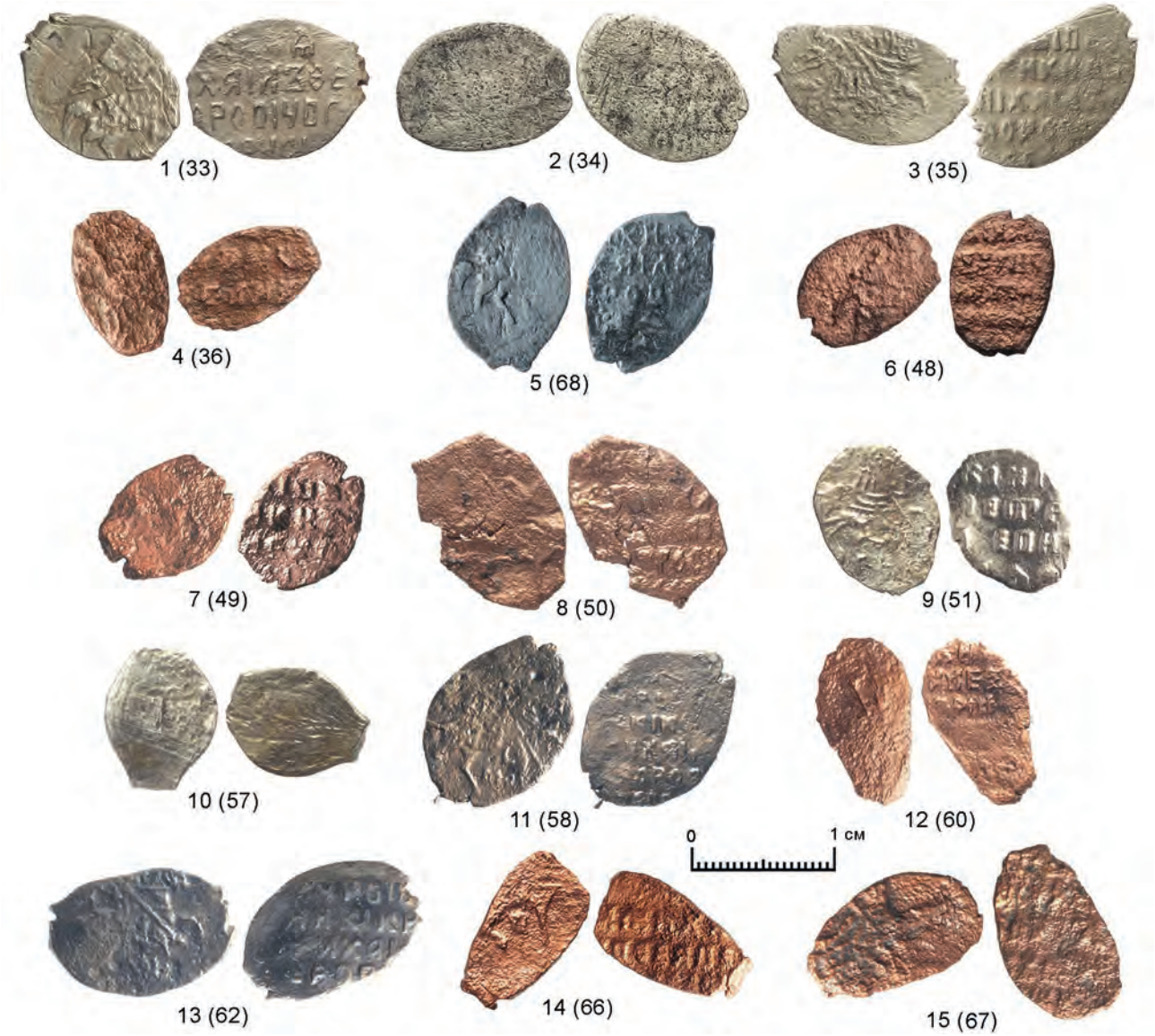

Рис. 4. Нумизматические находки Русского царства, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Печорах в 2019–2023 гг. *1–3*, *5*, *9–11*, *13* — серебро; *4*, *6–8*, *12*, *14*, *15* — медь. Фото К. В. Горлова

Fig. 4. Numismatic finds of the Russian Tsardom recorded during the archaeological investigation of the cultural layer in Pechory in 2019–2023. *1–3, 5, 9–11, 13* — silver; *4, 6–8, 12, 14–15* — copper. Photo by K. V. Gorlov

Таким образом, время выпуска связанных с четвертым ярусом благоустройства уличного пространства копеек, а также отсутствие среди них находок медных пул и серебряных монет трехрублевой стопы указывают, что их выпадение из оборота началось не ранее конца второго десятилетия XVII в., а вероятнее всего, с 1630-х гг.

Рассмотренные серии монет, зарегистрированные на каждом из выделенных ярусов замощения, имеют свои характерные черты и показательную датировку от младших экземпляров к старшим. Для раннего четвертого яруса оказались характерны копейки правления Михаила Федоровича, без примеси эмиссий предшественников на русском престоле. На смену этим монетам пришли медные и серебряные копейки Алексея Михайловича, прослеженные на уровне третьего яруса замощения. При этом регистрация значительного количества медных двуденежников указывает, что выпадение их из оборота происходило уже в период нарастания инфляции в стране, когда начал прослеживаться разрыв между серебряными и медными проволочными монетами при расчетах, имевший место с конца 1658 г. и в дальнейшем увеличивавшийся (*Зайцев*, 2016. С. 247, 248).

Рис. 5. Нумизматические находки Российской империи, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Печорах в 2019–2023 гг. *1–4* — медь. Фото К. В. Горлова

Fig. 5. Numismatic finds of the Russian Empire recorded during the archaeological investigation of the cultural layer in Pechory in 2019–2023. *1–4* — copper. Photo by K. V. Gorlov

В начале 60-х гг. XVII в. в пределах раскопа П-8 возводится мостовая, хорошо сохранившаяся и изученная в ходе исследования. Уже поверх этого сооружения выпало небольшое количество медных копеек Алексея Михайловича, а также серебряные копейки Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, шведские солиды и эре Карла XI и более поздние русские монеты, маркирующие денежное обращение конца XVII — начала XVIII в.[19] Возможно, последними монетами, связанными с функционированием неоднократно ремонтировавшейся мостовой, стали медные полушки и деньги 10-рублевой стопы эмиссии Анны Иоанновны.

Помимо представленной нумизматической коллекции, планиграфически и стратиграфически связанной с выделенными ярусами благоустройства уличного пространства в пределах раскопа П-5, была зарегистрирована серия монет в заполнении изученных здесь ям (*Косовец*, 2023. С. 19–24).

Культурный слой в яме 1 представлял собой выброс разрушенной печи (?). Само отопительное сооружение функционировало за границами раскопа. С этими переотложенными напластованиями связаны три медные копейки Алексея Михайловича, выпущенные в Москве и Пскове в 1655–1663 гг., серебряный двуденежник 1699 г. эмиссии Петра I, а также пять медных монет, суммарно датируемые 1885–1900 гг. (табл., *48–56*; рис. 4, *6–9*; 5, *1, 2*). Время выпуска и период обращения нумизматических находок указывают на разновременное формирование слоя, составляющего заполнение объекта.

Со слоем засыпки ямы 2, представляющей перекоп под канализацию, связана находка четверетцы Псковской республики. Экземпляр принадлежит к так называемой архаической, или малоформатной, группе псковских монет, выпускавшихся на заре чеканки в Пскове, начавшейся в 1425 г. (табл., *57*; рис. 4, *10*). Редкость таких монет говорит о непродолжительном периоде их эмиссии (*Гайдуков*, 2006. С. 107, 108). Отметим, что находка малоформатной псковской четверетцы происходит из состава клада[20], тезаврированного в середине — конце 20-х гг. XVI в., что указывает на возможное продолжительное обращение таких монет. Найденный в Печорах экземпляр имеет значительные потертости вследствие длительной истории бытования, которая, несмотря на время выпуска, могла продолжаться в первые десятилетия XVI в.

Ямы 3, 4, 7 и 8 интерпретированы как перекопы, вероятно, под коммунальные сооружения XX в. В их заполнении удалось проследить слой «обратной засыпки», то есть напластования без

[19] Поверх мостовой найдено наибольшее количество монет, что коррелирует с длительным этапом ее бытования с учетом ремонтов — более 50 лет.

[20] Клад найден в 2023 г. на Великоулицком II раскопе. Руководитель работ — А. В. Михайлов. Определение монет выполнено К. В. Горловым. В настоящее время комплекс готовится к публикации.

поздних (XX в.) включений. Нумизматические находки, встреченные здесь, представлены тремя серебряными копейками Михаила Федоровича, выпущенными в Москве около 1618 и 1639 гг., псковским медным двуденежником Алексея Михайловича 1655–1663 гг., а также серией мелких номиналов русских монет XVIII–XX вв. При зачистке профиля раскопа удалось зарегистрировать две медные псковские копейки 1655–1663 гг. (табл., *58–67*; рис. 4, *11–15*; 5, *3, 4*).

Номенклатура монет, зарегистрированных при заполнении ям в переотложенном состоянии, в целом коррелирует с нумизматической коллекцией, полученной при изучении ярусов благоустройства уличного пространства. Исключение представляет только псковская четверетца, выпадение которой может быть связано с существовавшей, вероятно, в границах раскопа П-5 исторической дорогой из Печор в Псков, функционировавшей с XV в.

Таблица. Состав нумизматической коллекции, зарегистрированной в ходе археологического исследования культурного слоя в Печорах в 2019–2023 гг.

Table. Composition of the numismatic collection recorded during the archaeological investigation of the cultural layer in Pechory in 2019–2023

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Буквы л. с., о. с.	Вес, г / Гурт	Ме	Ссылки на публикации[i]	Паспорт
Печоры-8, 2023 г.									
1	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва; Плащильная мельница	б/б	Сетчатый	Cu	У-2493	№ п. о. 17; пласт 6; кв. 12
2	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1749	Екатеринбург	б/б	Сетчатый	Cu	У-2533	№ п. о. 4; пласт 5; кв. 21
3	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург	ЕМ	Рубчатый	Cu	У-2718	№ п. о. 53; пласт 7; кв. 7
4	Российская империя / Александр I	2 копейки	1813	Колпино; Ижорский двор	ИМ-ПС	Гладкий	Cu	У-3171	№ п. о. 8; пласт 6; кв. 12
5	Российская империя / Николай I	1 копейка	1835	Екатеринбург	ЕМ-ФХ	Гладкий	Cu	У-3330	№ п. о. 18; пласт 6; кв. 12
6	Российская империя / Александр II	Копейка	1859 (?)	Екатеринбург	ЕМ	Гладкий	Cu	У-3598, 3599	№ п. о. 39; пласт 6; кв. 17
7	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1641	Москва	о/М	0,43	Ag	М, т. 8-М., 28–40 ГКХ-675 (?)	№ п. о. 31; пласт 6; кв. 22
8	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1643	Москва	К Ц/ МОС/ КВА	0,31	Ag	М, т. 8-М., 23–48 ГКХ-582	№ п. о. 84; пласт 7; кв. 9
9	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Москва	о/М	0,31	Cu	ГКХ-2291	№ п. о. 70; пласт 7; кв. 9
10	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Москва	о/М	0,26	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 33; пласт 6; кв. 23
11	Русское царство / Алексей Михайлович	Денга (?)	1655–1663	?	б/б	0,09	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 28; пласт 6; кв. 22
12	Королевство Швеция / Карл XI	1 эре	1666	Стокгольм	–	0,64	Ag	D-391	№ п. о. 69; пласт 7; кв. 12
13	Русское царство / Иван Алексеевич, Петр Алексеевич	Копейка	1682–1696	Москва	о/М	0,36	Ag	ГКХ-1137	№ п. о. 81; пласт 7; кв. 20
14	Русское царство / Петр Алексеевич	Копейка	1711	Москва; Красный денежный двор	ΨАІ	0,23	Ag	ГКХ-1396	№ п. о. 87; пласт 7; кв. 12
15	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва; Красный двор	б/б	Шнур.	Cu	У-2487	№ п. о. 94; пласт 7; кв. 11
16	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1731	Москва; Красный двор	б/б	Шнур.	Cu	У-2487	№ п. о. 65; пласт 7; кв. 17
17	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1734	Москва; Кадашевский двор	б/б	Сетчатый	Cu	У-2489	№ п. о. 66; пласт 7; кв. 17

Таблица, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Буквы л. с., о. с.	Вес, г / Гурт	Ме	Ссылки на публикации [i]	Паспорт
18	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1735	Москва; Плащильная мельница	б/б	Сетчатый	Cu	У-2493	№ п. о. 21; пласт 6; кв. 12
19	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1650-е	Москва	о/М	0,29	Ag	ГКХ-899 (?)	№ п. о. 137; пласт 8; кв. 12
20	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1650-е	Москва	о/М	0,37	Ag	ГКХ-895	№ п. о. 124; пласт 8; кв. 15
21	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1650-е	Москва	о/М	0,36	Ag	ГКХ-896	№ п. о. 117; пласт 7; кв. 22
22	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1650-е	Москва	о/М	0,15	Ag	ГКХ-877–927	№ п. о. 120; пласт 8; кв. 17
23	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	б/б	0,26	Cu	ГКХ-2678	№ п. о. 127; пласт 8; кв. 13
24	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	?	0,23	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 121; пласт 8; кв. 15
25	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1658–1661	Кукенойс	Ц	0,40	Cu	ГКХ-2897	№ п. о. 151; пласт 8; кв. 17
26	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Москва	?	0,25	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 136; пласт 8; кв. 19
27	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Москва (?)	?	0,20	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 141; пласт 8; кв. 21
28	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1642	Москва	о/М	0,37	Ag	М, т. 8-М., 29–40 ГКХ-660	№ п. о. 191; пласт 9; кв. 2
29	Королевство Швеция / Карл XI	Солид	1660–1665	Рига; двор герцогства Ливония	–	0,10	Ag	D-1049–1054	№ п. о. 154; пласт 9; кв. 3
30	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1663–1676	Москва	о/М	0,10	Ag	ГКХ-950	№ п. о. 153; пласт 9; кв. 3
31	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва; Красный двор	–	Сетчатый	Cu	У-2485	№ п. о. 163; пласт 9; кв. 5
32	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	1617–1627	Псков	ПС	0,30	Ag	ГКХ-737	№ п. о. 161; пласт 9; кв. 12
33	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1629	Москва	о/М	0,35	Ag	М, т. 8-М., 20–31 ГКХ-538	№ п. о. 167; пласт 9; кв. 12
34	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	1630-е (?)	Москва	?	0,33	Ag	ГКХ- л.с. ? о.с 40 (?)	№ п. о. 157; пласт 9; кв. 15
35	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1642	Москва	о/М	0,36	Ag	М, т. 8-М., 29–41 ГКХ-658	№ п. о. 155; пласт 9; кв. 9
36	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,21	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 158; пласт 9; кв. 10
Печоры-5, 2022 г.									
37	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург	ЕМ	Рубчатый	Cu	У-2718	№ п. о. 1; пласт 3; кв. 3
38	Российская империя / Екатерина II	Полушка	1770	Екатеринбург	ЕМ	Рубчатый	Cu	У-2718	№ п. о. 92; пласт 6; кв. 3
39	Российская империя / Павел I	1 копейка	1799	Екатеринбург	ЕМ	Шнур.	Cu	У-2976	№ п. о. 93; пласт 6; кв. 3
40	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	1613–1617	Москва	МОС КВА	0,19	Ag	М, т. 8-М., 3–9 ГКХ-391	№ п. о. 40; пласт 5; кв. 2
41	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,20	Cu	ГКХ-2810	№ п. о. 14; пласт 4; кв. 2
42	Русское царство / Петр Алексеевич	Копейка	1716	Москва; Красный денежный двор	ΨSI	0,27	Ag	ГКХ-1417	№ п. о. 31; пласт 5; кв. 1

Таблица, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Буквы л. с., о. с.	Вес, г / Гурт	Ме	Ссылки на публикации[i]	Паспорт
43	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка[ii]	1731	Москва; Красный двор	б/б	Шнур.	Cu	У-2487	№ п. о. 86; пласт 4; кв. 3
44	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,9	Cu	ГКХ-2871	№ п. о. 21; пласт 5; кв. 4
45	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,27	Cu	ГКХ-2871 (?)	№ п. о. 29; пласт 5; кв. 4
46	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,38	Cu	ГКХ-2872	№ п. о. 22; пласт 5; кв. 4
47	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков (?)	?	0,25	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 32; пласт 5; кв. 4
48	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	?	0,39	Cu	ГКХ-?	№ п. о. 64; яма 1
49	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Москва	?	0,35	Cu	ГКХ- л. с. (?)[iii] о. с. 13 (?)	№ п. о. 65; яма 1
50	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,34	Cu	ГКХ-2862	№ п. о. 62; яма 1
51	Русское царство / Петр Алексеевич	Копейка	сентябрь декабрь 1699	Москва; Красный денежный двор	СН	0,19	Ag	ГКХ-1250	№ п. о. 80; яма 1
52	Российская империя / Александр III	2 копейки	1885	Санкт-Петербург	СПБ	Рубчатый	Cu	У-3820	№ п. о. 82; яма 1
53	Российская империя / Александр III	1 копейка	1889	Санкт-Петербург	СПБ	Рубчатый	Cu	У-3837	№ п. о. 66; яма 1
54	Российская империя / Александр III	5 копеек	1891	Санкт-Петербург	СПБ-АГ	Рубчатый	Cu	У-2047	№ п. о. 75; яма 1
55	Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1897	Санкт-Петербург	СПБ	Рубчатый	Cu	У-3877	№ п. о. 85; яма 1
56	Российская империя / Николай II	1 копейка	1900	Санкт-Петербург	СПБ	Рубчатый	Cu	У-3891	№ п. о. 81; яма 1
57	Псковская республика	Четверетца	ок. 1425–1435	Псков	б/б	0,25	Ag	Г-2006, №188–217	№ п. о. 97; яма 2
58	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1618	Москва	МО	0,42	Ag	М, т. 8-М., 7а–12 ГКХ-439	№ п. о. 109; яма 3
59	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка[ii]	ок. 1639	Москва	о/М	0,39	Ag	ГКХ-632 (?)	№ п. о. 117; яма 3
60	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,21	Cu	ГКХ-2795 (?)	№ п. о. 114; яма 3
61	Российская империя / Анна Иоанновна	Денга	1738	Екатеринбург	б/б	Сетчатый	Cu	У-2501	№ п. о. 112; яма 3
62	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1639	Москва	о/М	0,39	Ag	ГКХ-632	№ п. о. 119; яма 4
63	Российская империя / Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва; Плащильная мельница	б/б	Сетчатый	Cu	У-2494	№ п. о. 125; яма 7
64	Российская империя / Елизавета Петровна	Денга	1746	Москва; Красный двор	б/б	Сетчатый	Cu	У-2526	№ п. о. 126; яма 7
65	Российская империя / Николай II	1 копейка	1901	Санкт-Петербург	СПБ	Рубчатый	Cu	У-3896	№ п. о. 128; яма 8
66	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,30	Cu	ГКХ-2874	№ п. о. 129; кв. 1, профиль
67	Русское царство / Алексей Михайлович	Копейка	1655–1663	Псков	П	0,28	Cu	ГКХ-2785 (?)	№ п. о. 130; кв. 3, профиль

Таблица, окончание

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Буквы л. с., о. с.	Вес, г / Гурт	Ме	Ссылки на публикации [i]	Паспорт
Печоры-1, 2019 г.									
68	Русское царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1625	Москва	о/М	0,34	Ag	М, т. 8-М., 20–24 ГКХ-534	№ п. о. 8; отвал
Печоры-2, 2019 г.									
69	Королевство Швеция / Кристина	1/4 эре	1636 (?)	Нючепинг	–	Гладкий	Cu	D-253	№ п. о. 2; пласт 3; кв. 3
70	Российская империя / Павел I	1 копейка	1800	Екатеринбург	ЕМ	Рубчатый	Cu	У-2988	№ п. о. 4; пласт 4; кв. 4
71	Российская империя / Александр II	5 копеек	1874	Екатеринбург	ЕМ	Рубчатый	Cu	У-3748	№ п. о. 16; пласт 5; кв. 1

[i] М — *Мельникова*, 1989; Г — *Гайдуков*, 1993; У — *Узденников*, 2011; ГКХ — *Гришин и др.*, 2021; Н — *Haljak*, 2011; D — *Delzanno*, 2020.

[ii] Повторный удар штемпеля.

[iii] Производственный брак: л. с. монеты не отчеканена.

Статья поступила в редакцию 27 мая 2026 г.

Акты…, 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. IV: 1645–1700. СПб.: В типографии 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 500 с.

Александров и др., 1992 — *Александров А. А.*, *Королева Э. В.*, *Милютина Н. Н.*, *Харлашов Б. Н.* Археологические разведки и раскопки в Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли (АИППЗ). 1992. Вып. 12 / Отв. ред. В. В. Седов. С. 139–143.

Базилевич, 1936 — *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л.: АН СССР, 1936. 118 с.

Беркович и др., 2024 — *Беркович В. А.*, *Зайцев В. В.*, *Храменков А. В.* Клад серебряных копеек начала XVIII в. из Костянского переулка в Москве // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 10 / Под ред. В. В. Зайцева. СПб.: Контраст, 2024. С. 367–378.

Быков, 1989 — *Быков А. В.* Памятники нумизматики в музеях Вологодской области. Каталог. Ч. I (Клады «Смутного времени» 1605–1619 гг.). Вологда: Областная типография, 1989. 64 с.

Быков, 1994 — *Быков А. В.* Медные шведские монеты на территории русского Севера в XVII в. // Культура Русского Севера: Межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. А. Н. Башенькин. Вологда: Русь, 1994. С. 72–77.

Волков, 2009 — *Волков И. В.* О понижении веса серебряной копейки в 1698 году // Нумизматика. 2009. № 1 (20). С. 15–17.

Гайдуков, 1993 — *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV — XVI в. М.: Наука, 1993. 293 с.

Гайдуков, 2006 — *Гайдуков П. Г.* Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

Горлов, *Салмин*, 2022 — *Горлов К. В.*, *Салмин С. А.* Описание монетного клада конца XVII в. из раскопок в Пскове на ул. Герцена в 2020 г. // АИППЗ. Псков; М.: ИА РАН, 2022. Вып. 37. С. 193–213.

Гришин и др., 2021 — *Гришин И. В., Клещинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. 2-е изд., перераб. М.: ЛеопАрт, 2021. 880 с.

Деммени, 1887 — *Деммени М. Г.* Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. Вып. 1. СПб.: Издание вел. кн. Георгия Михайловича, 1887. 578 с.

Зайцев, 2016 — *Зайцев В. В.* Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: МБА, 2016. 304 с.

Зайцев, 2018 — *Зайцев В. В.* Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г.: Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: Возрождение, 2018. С. 179–184.

Зверев, 1994 — *Зверев С. В.* Псковский денежный двор. Конец XVI — начало XVII в. // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 3 / Под ред. Г. А. Щетинина. М.: МНО, 1994. С. 54–68.

Зверев, 2001 — *Зверев С. В.* Псковский денежный двор при Михаиле Федоровиче // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV / Ред. А. С. Беляков, А. А. Молчанов. М.: ГИМ, 2001 (Труды ГИМ; № 115). С. 187–202.

Зверев, 2004 — *Зверев С. В.* К истории русских денежных реформ 1654–1663 гг. // Патриарх Никон и его время: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. М. Юхименко. М.: ГИМ, 2004 (Труды ГИМ; Вып. 139). С. 108–143.

Зверев, 2005 — *Зверев С. В.* К истории монетного производства в русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М.: Восточная литература РАН, 2005. Вып. XVII. С. 219–252.

Зверев, 2014 — *Зверев С. В.* Весовые нормы русской монетной чеканки XVI–XVII вв. // Нумизматические чтения ГИМ 2014 г.: Материалы докл. и сообщ. / Под ред. И. В. Волкова. М.: Изд-во ГИМ, 2014. С. 56–62.

Зверев, 2015 — *Зверев С. В.* Монеты крупных номиналов в денежном обращении Русского государства в середине XVII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». М.: РГГУ, 2015. № 9 (152). С. 114–122.

Зверев, 2022 — *Зверев С. В.* Изъятие из обращения крупных пореформенных монет царя Алексея Михайловича в 1657–1659 гг. // Нумизматические чтения ГИМ 2022 г.: Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: Возрождение, 2022. С. 224–230.

Зверев, *Колызин*, 2025 — *Зверев С. В.*, *Колызин А. М.* Медное пуло с зеркальным отпечатком на окисле новгородской копейки Лжедмитрия I (1605–1606) // XXIII Всероссийская нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений / Ред. П. Г. Гайдуков. Псков: Печатный двор «Стерх», 2025. С. 150–152.

Косовец, 2023 — *Косовец К. С.* Отчет об археологических раскопках на территории ОКН ФЗ «Культурный слой Монастырской слободы» в зоне прокладки газопровода к д. 6 по ул. Псковской, пом. 1001 в г. Печоры Псковской области в 2022 г. Псков, 2023. 181 с. // Архив ГБУК Псковской области «Археологический центр Псковской области» (ГБУК ПО АЦПО).

Кулакова, 2017 — *Кулакова М. И.* Проект границ территории объекта культурного наследия федерального значения — памятника археологии «Культурный слой монастырской слободы» XVI–XVII вв. (Псковская область, г. Печоры). Псков, 2017. 57 с. // Архив ГБУК ПО АЦПО.

Малков, 1982 — *Малков Ю. Г.* Новые материалы к истории архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. II / Редкол. Б. Л. Альтшуллер и др. М.: Стройиздат, 1982. С. 65–81.

Мельникова, 1989 — *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.

Мельникова, 2005 — *Мельникова А. С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII вв. М.: Стрелец, 2005. 320 с.

Потин, 1974 — *Потин В. М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Т. 19 / Ред. кол. П. Аристе и др. Таллин, Ээсти Раамат, 1974. С. 188–215.

Пухов, 2020 — *Пухов Е. В.* Монета «ефимок с признаком». 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Премиум Пресс, 2020. 224 с.

Романовский, 2020 — *Романовский А. Б.* Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Культурный слой монастырской слободы» в зоне строительства газопровода к д. 3 и д. 5 по ул. Псковской в г. Печоры Псковской области в 2019 г. 229 с. // Архив ГБУК ПО АЦПО.

Сарайкин, *Шатохин*, 2016 — *Сарайкин А. С.*, *Шатохин Г. Г.* К проблемам атрибуции псковских медных копеек середины XVII в. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 2 / Под ред. Д. В. Гулецкого. М.: Патриот, 2016. С. 291–310.

Сарайкин, *Шатохин*, 2025 — *Сарайкин А. С.*, *Шатохин Г. Г.* О прямоугольном клейме на «ефимках с признаком» // Русское денежное обращение IX–XVII вв. Т. II: Материалы Новгородской нумизматической конференции / Под ред. И. В. Волкова. М.: ИА РАН, 2025. С. 236–243.

Спасский, 1955 — *Спасский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М.: АН СССР. 1955 (МИА; № 44). С. 214–354, табл. I–IV.

Степанов и др., 2022 — *Степанов С. В.*, *Яковлева Е. А.*, *Прибурова Т. Ф.* Спасательные раскопки на месте строительства странноприимного дома гостиничного комплекса Псково-Печерского монастыря в 2020–2021 гг. // АИППЗ. Псков; М.: ИА РАН, 2022. Вып. 37. С. 214–230.

Узденников, 2004 — *Узденников В. В.* Монеты России XVIII — начала XX в. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации. 3-е изд., испр. и доп. М.: Круг коллекционеров, 2004. 590 с.

Узденников, 2011 — *Узденников В. В.* Монеты России 1700–1917. 4-е изд. М.: Любимая книга, 2011. 498 с.

Юхт, 1994 — *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 336 с.

Haljak, 2011 — *Haljak G.* (with A. Haljak). Livonian Coins. P. II. Kingdoms: Livonian Coins from XVI–XVIII Century. Tallinn, 2011. 352 p.

Delzanno, 2020 — *Delzanno R.* Sveriges Myntbok. Münzen aus Schweden. Coins from Sweden 995–2022. Del. 1, 2. Stockholm: Roberto Delzanno, 2020. 1326 p.

Numismatic findings from the excavations in Pechory, 2019–2023: issues of chronology, historical topography, and monetary circulation. Part 1

K. V. Gorlov, I. S. Arakcheeva, E. M. Kalinina, K. S. Kosovets, M. I. Kulakova[21]

Keywords: Pechory, coins, kopecks, pula, dendrochronology, dating, periodization, pavements, burials, street

Numismatic material recovered during archaeological excavations is traditionally used as a chronological indicator to determine the time of formation of a cultural layer. It is extremely rare that dates derived from coin finds can be verified using dendrochronological analysis.

From 2019 to 2023, the "Pskov Oblast Archaeological Center" conducted archaeological excavations in the city of Pechory covering a total area of 1,160 sq. m. The work was carried out within the boundaries of eight excavation sites. A representative numismatic collection was assembled, consisting of Russian and foreign coins from the 15th–19th cent., which served as important dating material. In several excavation pits, the remains of wooden structures suitable for dendrochronological analysis were uncovered. The resulting dendrochronological dates were compared with the dates of coin minting, thereby verifying the numismatic dating.

Based on the numismatic evidence, it was possible to trace chronological patterns both for each individual excavation and, more broadly, for the development of the urban area. The earliest phase of finds, represented by copper *pulas* of Ivan IV, was recorded in the area adjacent to the Pskov-Pechory Monastery. These coins may mark the development of this area beginning in the 2nd half of the 16th cent. We should also note here the finds of 15th-cent. "chetvertny" coins from the Pskov Republic, the presence of which may be connected to the operation of the road from Pechory to Pskov. During the Time of Troubles, coins began to appear in burials at the necropolis near the churches of the Forty Martyrs of Sebaste and St. Barbara the Great Martyr.

A series of coins recovered during excavations on Pskovskaya St. — where early examples were minted by Mikhail Fedorovich and were followed by later 17th-cent. issues, including foreign-minted coins — clearly illustrates the development of this urban area from the beginning of the 2nd quarter of the 17th cent. We were able to confirm the proposed periodization of the circulation of Russian coins from the 16th to the 18th cent., which will subsequently allow their use as a reliable chronological indicator for refining the dating of the cultural layer.

[21] Konstantin V. Gorlov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru. Irina S. Arakcheeva, Elena M. Kalinina, Kristina S. Kosovets, Marina I. Kulakova — Pskov Region Archaeological Center (State Budgetary Cultural Institution of the Pskov Region), Pskov; e-mail: is.bykova07@yandex.ru; elenkali@yandex.ru;, kriskosovec@gmail.com; marinakul@yandex.ru.

Экспериментальное моделирование лирообразных гуслей из раскопок Великого Новгорода: к вопросу о реконструкции технологического процесса

А. Н. Каменский[1]

Аннотация. *Статья посвящена экспериментальному изучению технологии изготовления древнерусских лирообразных гуслей. Источниковой базой для настоящей работы послужили материалы XI–XIII вв. из раскопок в Великом Новгороде. Историографическая часть исследования содержит обзор методик реставрации и реконструкции древнерусских музыкальных инструментов, предложенных ранее.*

Ключевые слова: *экспериментальная археология, музыкальная археология, лирообразные гусли, Великий Новгород, реконструкция, деревообработка, трасологический анализ, средневековые технологии*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-162-177

Экспериментальное моделирование при изучении музыкальных инструментов

Экспериментальная археология является неотъемлемой частью современной археологической науки. Несмотря на то что под этим термином могут подразумеваться различные понятия, чаще всего имеется в виду то, что Роберт Ашер (Robert Ascher) называл имитационным экспериментом (*Ascher,* 1961. P. 793). Другими словами, это эксперимент, имитирующий или моделирующий ситуации и процессы прошлого для проверки наших знаний о нем.

Идея применения экспериментального моделирования при изучении музыкальных инструментов из Великого Новгорода возникла на самых ранних этапах исследований. Этому способствовало то обстоятельство, что отдельные находки имели хорошую сохранность, позволяющую с некоторой степенью достоверности реконструировать их внешний облик и конструкцию. В одной из обобщающих работ, посвященной находкам музыкальных инструментов из Великого Новгорода, Б. А. Колчин писал: «Восстановив древний музыкальный инструмент и сделав его абсолютную модель, мы смогли бы услышать диапазон его звучания, его тембр и определить технические возможности» (*Колчин,* 1979. С. 186). Тем самым он предложил провести эксперимент, предварительным условием которого должна была стать реконструкция найденных инструментов.

Работы по реставрации и реконструкции оригинальных находок были проведены в 1972–1973 гг. мастерами В. Г. Погодиным и Н. Л. Кривоносом под руководством Б. А. Колчина. При их проведении оригинальные артефакты дополнялись реконструктивными элементами из новых материалов. Несколько позднее этот подход был подвергнут критике В. И. Поветкиным. В частности, он указывал на некоторые проблемы, среди которых можно выделить следующие: спорность реконструктивных деталей; применение необратимых материалов; тонировку реконструктивных дополнений в цвет археологического дерева; отсутствие публикаций, поясняющих методику реставрации (*Поветкин,* 1986. С. 156, 162–164; 1988. С. 42). Эта критика, по-видимому, была воспринята Б. А. Колчиным (*Поветкин,* 1988. С. 42, 43; 2002. С. 71).

В. И. Поветкин, в свою очередь, предложил иную методику. Работая над реставрацией гуслей XI в., найденных на Троицком II раскопе в 1975 г., он применил для склеивания оригинальных деталей с дополнениями обратимый клей, а сами реконструктивные элементы сделал визуально

[1] Новгородский государственный музей-заповедник, Великий Новгород; e-mail: kamenskiyan@gmail.com.

© Каменский А. Н., 2026

отличимыми от оригинальных деталей за счет использования заметно более светлого тона (рис. 1, *1*).

Для восстановления недостающих фрагментов В. И. Поветкин предложил методику, по которой было необходимо предварительно изготавливать экспериментальный образец инструмента из нового дерева, что позволяло на практике проверить работоспособность предполагаемой реконструируемой модели до того, как реставрационные работы будут проведены с оригинальной находкой (*Поветкин*, 1986. С. 161–163).

С точки зрения В. И. Поветкина, экспериментальное моделирование позволяет не только подтвердить правильность атрибуции археологического артефакта, но и помогает в проверке вопросов, связанных с реконструкцией отдельных конструктивных элементов и изучением характеристик звучания (*Поветкин,* 1982. С. 296, 301–303; 1986. С. 157).

В дальнейшем В. И. Поветкин полностью отказался от практики восполнения археологических артефактов новым деревом (*Поветкин,* 1986. С. 164). Методику восполнения новым деревом он считал некорректной, за исключением тех случаев, когда это оправдано с точки зрения сохранности артефактов и не мешает дальнейшему изучению находок (*Поветкин,* 1988. С. 44, 45). В своих работах В. И. Поветкин неоднократно указывал, что в результате реконструктивного восполнения оригиналов находок музыкальных инструментов закрывается доступ к их внутренним поверхностям. Это лишает исследователей возможности изучать следы от деревообрабатывающих инструментов, толщину стенок и направление волокон (*Поветкин,* 1986. С. 164; 1988. С. 44). Он также сформулировал требования документирования музыкальных находок, необходимые для того, чтобы можно было даже без доступа к подлинному артефакту создать достаточно точные копии инструментов (*Поветкин,* 1986. С. 166).

Свои первые звучащие экспериментальные модели древнерусских музыкальных инструментов В. И. Поветкин выполнил в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в связи с работами по реставрации и реконструкции археологических музыкальных инструментов. Результаты этих работ были опубликованы в ряде его статей (*Поветкин,* 1982; 1986; 1988; 1989а). Экспериментальные модели музыкальных инструментов позволяют решать задачи экспонирования, дополняя собой стабилизированный оригинал при показе его в музейных выставочных проектах (*Поветкин,* 1988. С. 45, 54).

В. И. Поветкин очень тщательно подходил к реконструкции технологического процесса изготовления музыкальных инструментов. Изучение процесса изготовления рассматривалось им как необходимый шаг для достоверного воссоздания древнего музыкального инструмента (*Поветкин*, 1986. С. 161). В его работах с той или иной степенью подробности описаны основные этапы изготовления разных категорий музыкальных инструментов. Много таких описаний в самой первой публикации (*Поветкин,* 1982). Более детально, поэтапно и с упоминанием инструментария описана реконструкция процесса изготовления смычковых инструментов (*Там же*. С. 316, 317). Еще более подробное описание реконструкции процесса изготовления можно встретить в работах, посвященных находкам смычковых инструментов в Пскове (*Поветкин,* 1996. С. 159) и Великом Новгороде (*Поветкин,* 2007. С. 102–105), а также псалтериевидных гуслей XIV в. из Великого Новгорода (*Поветкин,* 1997. С. 172, 173).

Таким образом, эксперимент в работах В. И. Поветкина является важным исследовательским инструментом, который позволяет решать следующие задачи: 1) подтверждение корректности атрибуции археологического артефакта; 2) проверка обоснованности предполагаемой реконструкции; 3) изучение звуковых характеристик и музыкальных возможностей древних инструментов; 4) восстановление технологических процессов изготовления инструментов.

Экспериментальным моделированием музыкальных инструментов из Новгорода занимались также другие мастера и исследователи. Модели музыкальных инструментов, созданные по материалам находок в Великом Новгороде, были изготовлены мастером Н. Л. Кривоносом в 1972–1974 гг. для нужд музейного экспонирования (ГЦММК КП-8719/6 МИ-2105 и ГЦММК КП-8394/1 МИ-2049/1). О звучащих свойствах этих моделей, к сожалению, ничего неизвестно.

Результаты некоторых других экспериментов можно найти в открытом доступе в сети Интернет. В частности, хорошо документированная работа по изготовлению смычкового музыкального инструмента по материалам находок в Новгороде была проведена и опубликована Д. А. Саломатиным (*Саломатин,* 2016а; 2016б). Публикация снабжена большим количеством фотографий, на которых поэтапно запечатлен процесс изготовления, а также продемонстрированы используемые деревообрабатывающие инструменты.

Рис. 1. Лирообразные гусли XI в. с резной надписью «СЛОВИША ѰЛЪ» (НГМ КП 26517/593): *1* — современное состояние инструмента после стабилизации и реставрационного восполнения утрат; *2* — обломки инструмента до реставрации; *3* — экспериментальная модель гуслей

Fig. 1. 11th-cent. lyre-shaped *gusli* with the carved inscription "СЛОВИША ѰЛЪ" (NGM KP 26517/593): *1* — current condition of the instrument after stabilization and restoration to fill in missing parts; *2* — fragments of the instrument prior to restoration; *3* — experimental model of the *gusli*

Экспериментальное моделирование лирообразных гуслей

Настоящая работа является продолжением исследований в области экспериментального моделирования, касающихся темы изучения технологических процессов изготовления музыкальных инструментов.

Данное экспериментальное исследование ставит перед собой цель проверить гипотезу о возможности изготовить музыкальный инструмент такой конструкции, как лирообразные гусли, используя модели деревообрабатывающих инструментов, воссозданные по археологическим находкам X–XIII вв. в Великом Новгороде, а также предложить и задокументировать вероятную технологическую последовательность изготовления лирообразных гуслей.

Образец

Для экспериментального моделирования был выбран один из наиболее сохранившихся образцов лирообразных гуслей, обнаруженный в 1975 г. в ходе археологических работ на Троицком II раскопе в Великом Новгороде на уровне пласта 17, в квадратах 98 и 108 (Н-1975, Троицкий II, пл. 16–17, кв. 98, 108; НГМ КП 26517/593; ГК 5060412). Инструмент сохранился в виде трех фрагментов (рис. 1, *2*), извлеченных из культурных напластований, датированных 70–80 гг. XI в. Вероятно, инструмент был разломан еще в древности, а его обломки разбросаны по территории жилой усадьбы, принадлежавшей богатому новгородцу (*Колчин*, 1978. С. 361–364; 1979. С. 177). Недостающие фрагменты в процессе эксперимента было принято выполнить в соответствии с вариантом, предложенным В. И. Поветкиным в публикации 1982 г. (*Поветкин,* 1982. С. 295–304).

Общая изначальная длина инструмента составляла около 83 см, ширина 13 см, а глубина резонатора 3,8 см. Инструмент состоял из двух крупных деталей — корпуса и деки. Корпус, от которого сохранились две крупные детали, представлял собой продолговатый резонаторный ящик, изготовленный из единого массива дерева. Данные о проведении анализа пород древесины не публиковались. Б. А. Колчин указывал, что корпус был изготовлен из бруска сосны (*Колчин*, 1979. С. 177). В свою очередь В. И. Поветкин в своих работах определял материал как древесину хвойной породы (*Поветкин,* 1982. С. 301), а позднее — как древесину сосны (*Поветкин,* 1994. С. 71). Пустотелый корпус инструмента закрывался декой, которая представляла собой тонкую дощечку толщиной 0,3–0,5 см, изготовленную из древесины дуба (*Колчин*, 1979. С. 177; *Поветкин*, 1982. С. 295). Характерный рисунок на поверхности деки указывает на радиальное сечение. Струнодержатель в виде двух ушек был изготовлен из единого с декой массива дерева. В ушках был установлен стержень струнодержателя. В верхней части корпуса, за пределами резонаторного ящика, имелся широкий сквозной проем, получивший в работах В. И. Поветкина наименование «игровое окно» (*Поветкин,* 1994. С. 69; 1989б. С. 116). Над игровым окном располагалось пять колковых отверстий. Сами колки, служившие для натяжения струн, отсутствовали.

На одной из боковых поверхностей резонаторного ящика сохранилась резная надпись, выполненная кириллицей. Изначально внимание исследователей было обращено на отчетливо прорезанную надпись СЛОВИША. Было выдвинуто предположение, что надпись может обозначать как имя собственное музыкального инструмента (*Поветкин,* 2010. С. 307), так и имя владельца (*Янин, Зализняк,* 1993. С. 112). Интерпретация несколько поменялась, когда в 2023 г. группой исследователей была выявлена тонко прорезанная монограмма из трех символов «Ѱ», «Л» и «Ъ», расположенная сразу после основной надписи. Таким образом, целиком надпись на корпусе инструмента читается как «СЛОВИША ѰЛЪ» (Словиша писал) (рис. 2, *1*). Следовательно, слово Словиша, видимо, является именем человека (*Дробышева*, 2023. С. 186, 187), который, вероятно, мог быть владельцем инструмента или его изготовителем.

Гусли Словиши относятся к группе инструментов, которые принято называть *лирообразными* из-за сходства со щипковыми лирами (*Поветкин,* 1995. С. 26). В некоторых музыковедческих работах можно встретить также названия — *гусли с игровым окном* (*Поветкин,* 1994. С. 69; 1989б. С. 116), *крыловидные гусли* (*Вертков,* 1975. С. 74), *ладьевидные гусли* (*Галайская*, 1980. С. 22). Как правило, под последними двумя терминами чаще подразумевались все инструменты XI–XX вв., имеющие веерообразное расположение струн, тогда как термины *гусли с игровым окном* и *лирообразные гусли* являются более специализированными и относятся к находкам инструментов, датированных в пределах XI — первой половины XIII в. (*Поветкин,* 1989б. С. 116; 2010. С. 305, 306). По нашим подсчетам, в Великом Новгороде обнаружено не менее 19 свидетельств лирообразных гуслей, большая часть из которых опубликована, а некоторые еще ожидают своего детального изучения.

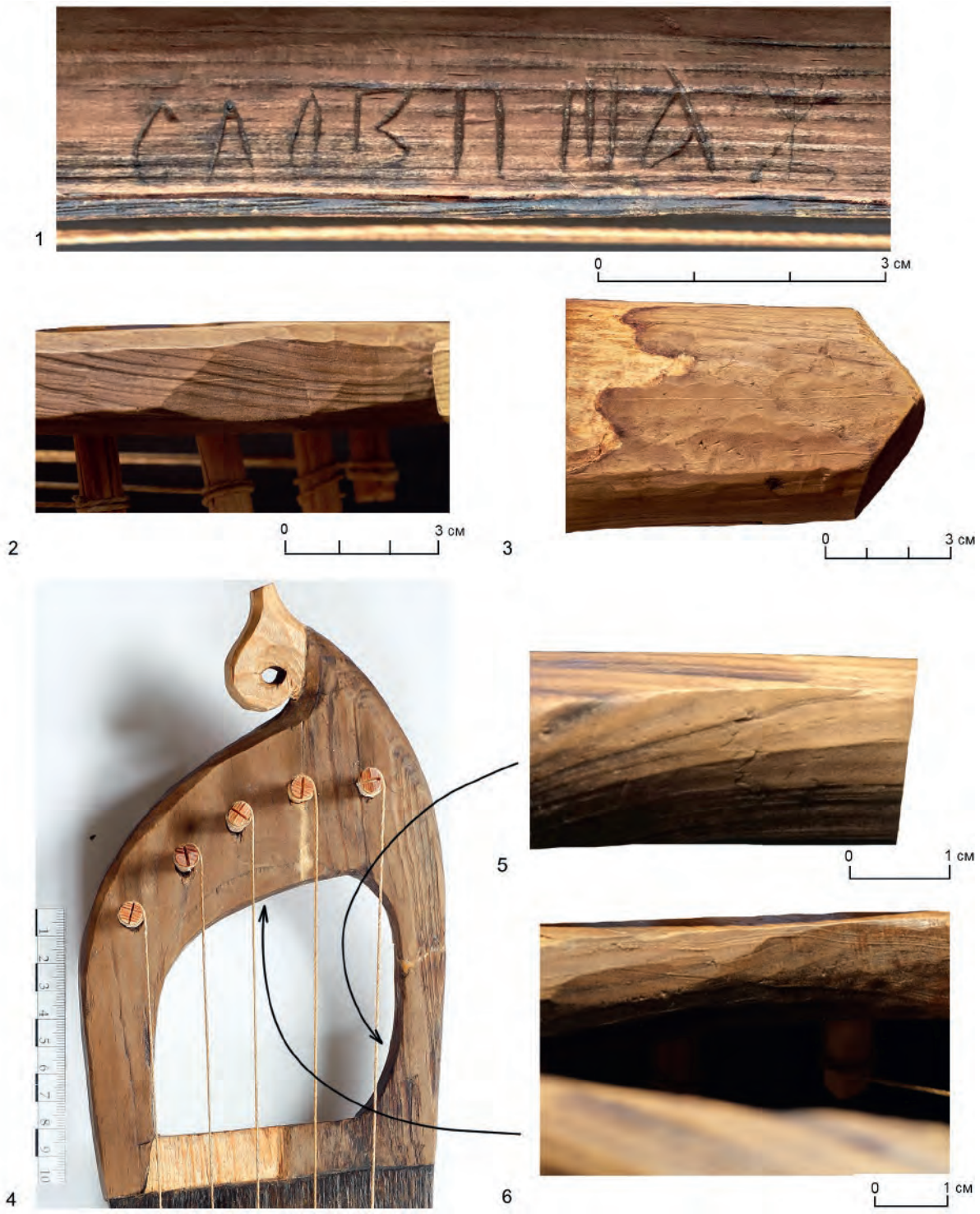

Рис. 2. Следы технологических операций (НГМ КП 26517/593): *1* — надпись «СЛОВИША ѰЛЪ», выполненная в технике контурной резьбы; *2* — следы от ножа в виде коротких резов; *3* — следы от ножа в виде протяженных резов; *4* — игровое окно со следами первичной и вторичной обработки; *5* — следы от вторичного подрезания игрового окна; *6* — первичные следы от ножа на игровом окне

Fig. 2. Traces of manufacturing operations (НГМ КП 26517/593): *1* — inscription «СЛОВИША ѰЛЪ» executed using the contour carving technique; *2* — knife marks in the form of short cuts; *3* — knife marks in the form of long cuts; *4* — sound hole showing traces of primary and secondary processing; *5* — traces of secondary trimming of the sound hole; *6* — primary knife marks on the sound hole

Таблица. Археологические образцы для изготовления реплик инструментов
Table. Archaeological specimens used for making instrument replicas

Инструмент	Археологический образец
Топор большой (рис. 5, *1*)	Н-1999, Троицкий XII раскоп, пл. 16, кв. 1319. НГМ КП 44563/718 А-194/718. Первая половина XI в. (рис. 6, *1*). Тип V по классификации А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1966. С. 37, 38). Масса бойка 780 г позволяет считать его рабочим
Топор малый (рис. 5, *2*)	Н-1991, Фёдоровский раскоп, пл. 20, кв. 120. НГМ КП 39459/13 А-136/13. XI в. (рис. 6, *2*). Масса бойка 208 г. Тип IV, по А. Н. Кирпичникову (*Там же*. С. 36, 37). Небольшие и легкие топоры этого типа иногда интерпретируются как боевые. Однако их небольшой размер и масса позволяют применять их для тонких столярных работ
Скобель с П-образным лезвием (рис. 5, *3*)	Н-1981, Нутный раскоп, яр. 25, пл. 32, кв. 3, северная траншея. НГМ КП 32183/48 А-75/48. Середина XI в. (рис. 6, *3*)
Пила-ножовка (рис. 5, *4*)	Н-1951, Неревский раскоп, яр. 21, пл. 25, кв. 21 (*Колчин*, 1959. С. 31–33). Вторая половина XI в. (рис. 6, *4*)
Тесло втульчатое с угловой деревянной рукоятью (рис. 5, *5*)	Н-1955, Неревский раскоп, яр. 25, пл. 27, кв. 1008. НГМ КП 35338/1437. Первая четверть XI в. (рис. 6, *5*)
Резец ложкарный (рис. 5, *6*)	Н-1999, Троицкий XII раскоп, пл. 16–17, кв. 1490, западная траншея. НГМ КП 44563/489 А-194/489. Первая половина XI в. (рис. 6, *6*)
Нож с клинком из трехслойной стали (рис. 5, *7*)	Н-1954, Неревский раскоп, яр. 24–25, кв. 543. НГМ КП 35338/33. XI в. (рис. 6, *7*)
Нож малый с цельностальным клинком (рис. 5, *8)*	Н-1977, Троицкий XII раскоп, пл. 18, кв. 225. НГМ КП 28080/783 А-57/783. Вторая половина XI в. (рис. 6, *8*)
Сверло ложковидное (рис. 5, *9*)	Н-1961, Неревский раскоп, пл. 20, кв. 2096. НГМ КП 35338/1076. 20–40-е гг. XIII в. (рис. 6, *9*). Происходит из слоев более поздних, чем основное количество инструментов, однако совершенно аналогичные по конструкции сверла встречаются в материалах XI в. (Н-1999, Троицкий XII раскоп, пл. 16, кв. 1472. НГМ КП 44563/490)
Долото (рис. 5, *10*)	Н-2000, Троицкий XII раскоп, пл. 19, кв. 1515. НГМ КП 43677/717 А-197/717. Первая половина XI в. (рис. 6, *10*)
Молоток (рис. 5, *11*)	Mästermyr-1936. SHM 21592:065. Из комплекса инструментов Мастермирского сундука (Mästermyr chest), обнаруженного на острове Готланд. Конец X — начало XI в. (рис. 6, *11*)

Помимо Великого Новгорода лирообразные гусли зафиксированы в археологических материалах Старой Руссы (Россия) (*Поветкин,* 2010. С. 306), Ополе и Гданьска (Польша) (*Malinowski*, 1996. P. 139–143) и Звенигорода Галицкого (Украина) (*Зинкив*, 2018. P. 71). Эти находки датируются XI–XIII вв.

Трасологический анализ

Для изучения следов, сформированных различными технологическими операциями, был проведен трасологический анализ. Это позволило выявить следы, оставленные деревообрабатывающими инструментами на поверхностях музыкальных инструментов, что в дальнейшем дало основания для воспроизведения тех или иных приемов деревообработки в процессе экспериментального моделирования.

Были изучены следы не только на гуслях с резной надписью «СЛОВИША ѰЛЪ», но и на других находках лирообразных гуслей. В некоторых случаях были привлечены данные о следах, выявленных на музыкальных инструментах, не относящихся к группе лирообразных, а также на технологически схожих изделиях.

Следы от ножа являются наиболее часто встречаемыми на поверхностях музыкальных инструментов. Это связано с тем, что ножом выполнялись самые разнообразные операции, так как он является многофункциональным инструментом

в деревообработке. При этом на многочисленность следов от ножа влияет то обстоятельство, что ножом выполнялись финальные операции, и следы от ножа перекрывают следы от более ранних этапов обработки.

На поверхностях музыкальных инструментов удалось задокументировать следы *строгания, разметки* и *резьбы*, выполненные ножом.

Следы строгания обнаружены на всех находках лирообразных гуслей, сохранность которых позволяет провести трасологический анализ. Например, на гуслях с надписью «СЛОВИША ѰЛЪ» они зафиксированы как в виде коротких резов (рис. 2, *2*), так и довольно протяженных (рис. 2, *3*).

Дно реза может быть как вогнутым, так и плоским. На поверхности реза в большинстве случаев различимы параллельно идущие продольные выпуклости разной ширины, сформированные выщербинами на режущей кромке. Рисунок от выщерблин индивидуален для каждого лезвия и иногда повторяется на одном предмете на разных участках.

Следы от ножа на поверхности гуслей Словиши не заглажены. Это означает, что обработка ножом являлась финишной на данном музыкальном инструменте.

Изучение следов от ножа на лирообразных гуслях с резной надписью «СЛОВИША ѰЛЪ» позволило подтвердить предположение В. И. Поветкина, что первоначальная форма игрового окна (рис. 2, *4*) была меньше, а позднее была расширена за счет подрезания одной из сторон окна. На это указывали первоначальные вырезы углов окна, хорошо различимые с оборотной стороны инструмента (*Поветкин*, 1982. С. 303). В ходе настоящего исследования при осмотре внутренних поверхностей окна было обнаружено, что следы резов на подрезанной стороне игрового окна были сделаны лезвием без выщербин (рис. 2, *5*), что существенно отличается от следов на остальных его поверхностях, которые содержали трассы от выщербин на лезвии ножа (рис. 2, *6*). Это является весомым трасологическим подтверждением гипотезы В. И. Поветкина.

Следы реза поперек волокон заметны на торцевых поверхностях, а также на стенках уступов для деки. Например, такие следы хорошо видны на гуслях XII в. с Тихвинского раскопа (рис. 3, *1*).

Разметка заготовок могла производиться острием лезвия ножа или схожего инструмента. Следы в виде тонких порезов встречены на нескольких образцах гуслей. В частности, следы от разметки игрового окна обнаружены на гуслях с резной надписью «СЛОВИША ѰЛЪ» (рис. 3, *2*).

Резьба применялась как элемент украшения, маркировки, а также как технологический элемент. На поверхностях лирообразных гуслей зафиксирована объемная и контурная резьба, которая могла выполняться ножами или специализированными резцами. Не исключено, что роль резцов выполняли ножи разных размеров.

В технике контурной резьбы выполнена надпись «СЛОВИША ѰЛЪ» на гуслях XI в. (рис. 2, *1*) и насечки в виде сетки (рис. 3, *3*) для приклеивания деки. Аналогичные насечки для приклеивания встречаются на других образцах музыкальных инструментов. Например, на гуслях с Тихвинского раскопа (рис. 3, *4*). Кроме того, на этих гуслях сохранилась сложная композиция с изображением льва и птицы (рис. 3, *5*), выполненная также в технике контурной резьбы. Культурологический анализ этой композиции был проведен А. А. Слапиней (*Слапиня,* 2022. С. 85–97).

В технике объемной резьбы на некоторых инструментах выполнялись декоративные элементы открылка. Например, частично такая резьба сохранились на гуслях XI в. с надписью «СЛОВИША ѰЛЪ». На основе сохранившейся части В. И. Поветкиным была выполнена реконструкция возможной первоначальной формы (рис. 3, *6*). Значительно лучше этот элемент сохранился на гуслях XII в. с Тихвинского раскопа (рис. 3, *7*) и на гуслях XIII в. с Неревского раскопа (рис. 3, *8*).

Следы от сверла представлены сквозными каналами с ровными стенками. Такие каналы использовались для установки колков и крепления стержня в ушках струнодержателя. Гусли с надписью «СЛОВИША ѰЛЪ» имеют характерные отверстия, выполненные сверлом (рис. 4, *1*).

Для некоторых музыкальных инструментов В. И. Поветкин предполагал, что отверстия могли прожигаться нагретой металлической проволокой (*Поветкин,* 2003. С. 115). Наши наблюдения не позволяют опровергнуть или подтвердить это предположение. Поверхность каналов у некоторых находок действительно напоминает обугленное дерево. Например, это можно увидеть на образцах фрагментов гуслей с Троицкого XII (рис. 4, *2*) и Троицкого II раскопов (рис. 4, *3*). Однако характер этих потемнений требует лабораторного изучения.

Следы от резца с полукруглым лезвием надежно идентифицированы на внутренней поверхности резонаторной полости лирообразных гуслей XII в. с Тихвинского раскопа в Великом

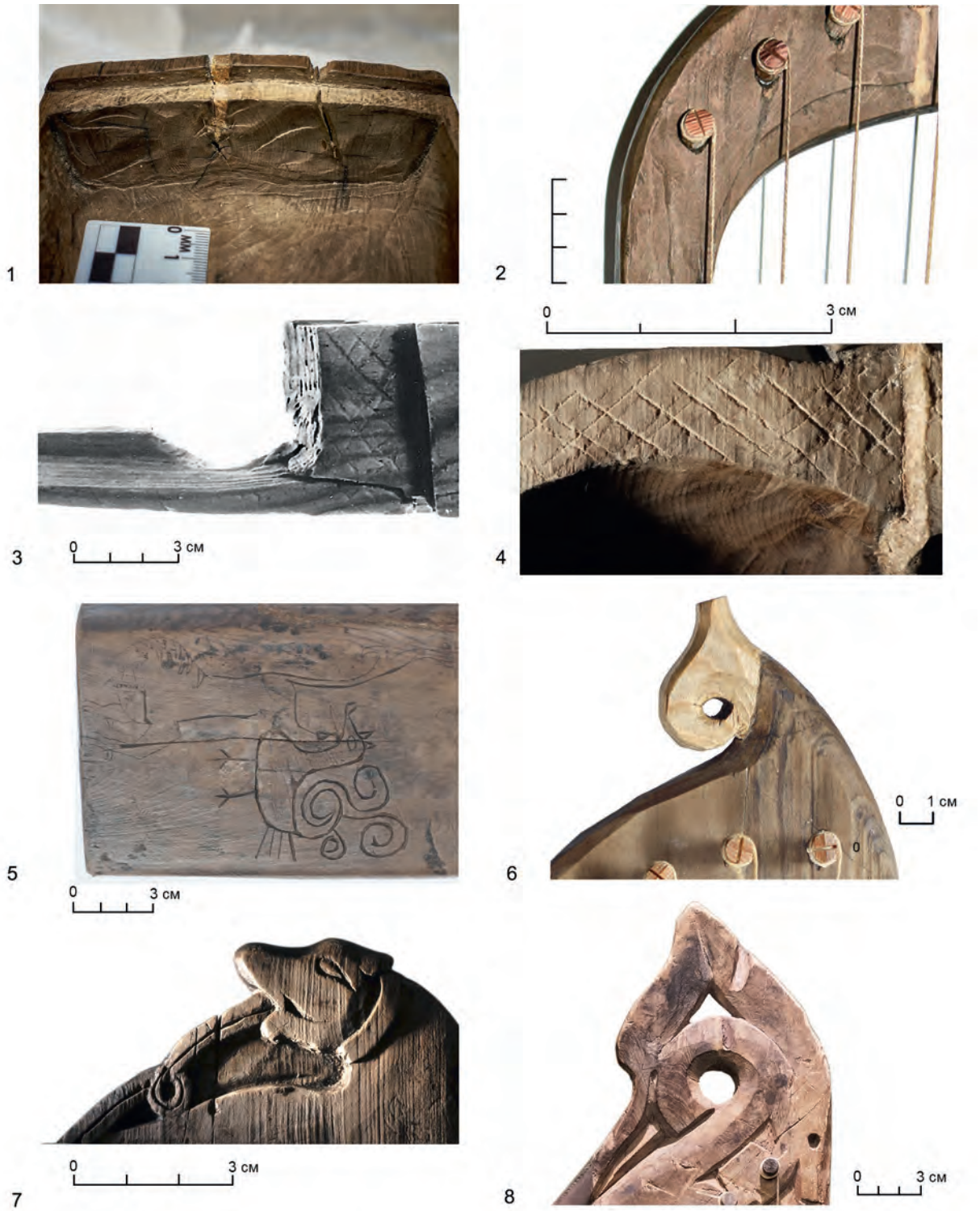

Рис. 3. Следы технологических операций: *1* — рез поперек волокон; *2* — следы разметки острием ножа; *3, 4* — насечки для склейки, выполненные в технике контурной резьбы; *5* — контурная резьба на корпусе лирообразных гуслей; *6–8* — декоративные элементы лирообразных гуслей, выполненные в технике объемной резьбы

Fig. 3. Traces of manufacturing operations: *1* — cut across the grain; *2* — layout marks made with a knife tip; *3, 4* — notches for gluing, made using the contour carving technique; *5* — contour carving on the body of the lyre-shaped *gusli*; *6–8* — decorative elements of the lyre-shaped *gusli*, executed using the technique of three-dimensional carving

[*1, 4, 5, 7* — НГМ КП 25405/35 А-20/35; *2, 3, 6* — НГМ КП 26517/593; *8* — ВМОМК КП-8717/1 МИ-2097]

Новгороде (рис. 4, *4*, *5*). Следы от резца схожи со следами от ножа, однако отличаются вогнутой вдоль линии реза поверхностью. Как и у следов от ножа, на дне реза хорошо читаются параллельно идущие продольные выпуклости разной ширины, образованные выщербинами на кромке лезвия. Такие следы могут быть оставлены ложечными резцами или стамесками с полукруглым лезвием.

Следы от тесла в ходе настоящего исследования на лирообразных гуслях XI–XIII вв. не выявлены. Тем не менее этот технологический прием хорошо известен по другим новгородским материалам. Например, следы тесла фиксируются на внутренней поверхности резонаторной полости гуслей XIV в. с Неревского раскопа (рис. 4, *6*). Они представляют собой отпечатки острия лезвия на поверхности древесины, возникшие в результате ударов, нанесенных под углом, близким к 90°. Аналогичные следы встречаются внутри резных сосудов X–XI вв. (рис. 4, *7*), что может указывать на распространение этого приема деревообработки в указанный период. Следует отметить, что работа теслом относится к этапу грубой обработки древесины, и как правило следы от тесла исчезают в ходе дальнейших операций. Это обстоятельство объясняет редкость таких следов на готовых изделиях.

Следы от топора, так же как и следы от тесла, редко остаются на поверхностях готовых изделий. На находках лирообразных гуслей они не выявлены. Тем не менее такие следы обнаружены на находках смычковых музыкальных инструментов из раскопок в Великом Новгороде (рис. 4, *8*) и Пскове (*Поветкин,* 1996. С. 159), где они фиксируются на поверхностях инструментов в виде коротких затесов со ступенчатой кромкой.

К сожалению, трасологический анализ позволил выявить только часть технологических операций. Некоторые этапы изготовления можно восстановить только гипотетически, так как выявление их следов на поверхностях музыкальных инструментов затруднено. Это, прежде всего, относится к следам от этапов грубой обработки исходного материала, которые часто бывают перекрыты следами последующих операций.

Таким образом, в результате трасологического анализа на поверхностях лирообразных гуслей достоверно были выявлены следы от *ножа, сверла, резца с полукруглым лезвием*. Вместе с тем на поверхностях других древнерусских музыкальных инструментов были встречены следы от *тесла, топора* и *скобеля*.

Технологический эксперимент

Учитывая данные о следах, полученные в ходе трасологического изучения, был определен минимальный набор деревообрабатывающих инструментов, необходимых для изготовления музыкального инструмента. Кроме того, этот набор был расширен на основании данных исследований деревообрабатывающего ремесла средневекового Новгорода (*Колчин,* 1968. С. 13–15; *Сингх,* 2015).

Для проведения технологического эксперимента был изготовлен набор из 11 реплик деревообрабатывающих инструментов, в который вошли большой и малый топоры, скобель, пила-ножовка, тесло, резец ложкарный, большой и малый ножи, ложковидное сверло, долото и молоток. В основу создания каждого инструмента был положен конкретный археологический образец (табл.).

Топоры, тесло, скобель, сверло, ложкарный резец, пила-ножовка, долото и молоток были изготовлены новгородским мастером А. Н. Константиновым. Нож по технологии трехслойного пакета выковал псковский мастер А. Н. Кузьмин. Малый нож был изготовлен автором статьи.

Используя полученный набор инструментов, был проведен *технологический эксперимент* по изготовлению модели средневекового музыкального инструмента.

Все ключевые этапы эксперимента сопровождались видеофиксацией. На основании отснятого материала был подготовлен и опубликован в сети Интернет документальный видеофильм «Гусли СЛОВИШИ: экспериментальная археология», который является видеоприложением к данной статье (https://www.youtube.com/watch?v=6wRVSAHHjbQ).

К сожалению, в настоящем эксперименте был пропущен один из возможных этапов изготовления музыкального инструмента, а именно лесозаготовка. Об этом этапе В. И. Поветкин писал: «…процесс [изготовления музыкального инструмента] у древнего мастера начинался с того, что он шел в лес и выбирал подходящее для работы здоровое дерево» (*Поветкин*, 1988. С. 44, 45). Кроме того, по наблюдениям В. И. Поветкина инструменты могли изготавливаться из сырой (невыдержанной) древесины (*Поветкин,* 1982. С. 301, 302). В нашем же эксперименте для корпуса инструмента использовалось бревно хвойной породы, ранее бывшее в употреблении в качестве детали срубной конструкции. Этот фактор в некоторой степени влияет на технологию изготовления, но не ставит под сомнение принципиальную возможность создания инструмента.

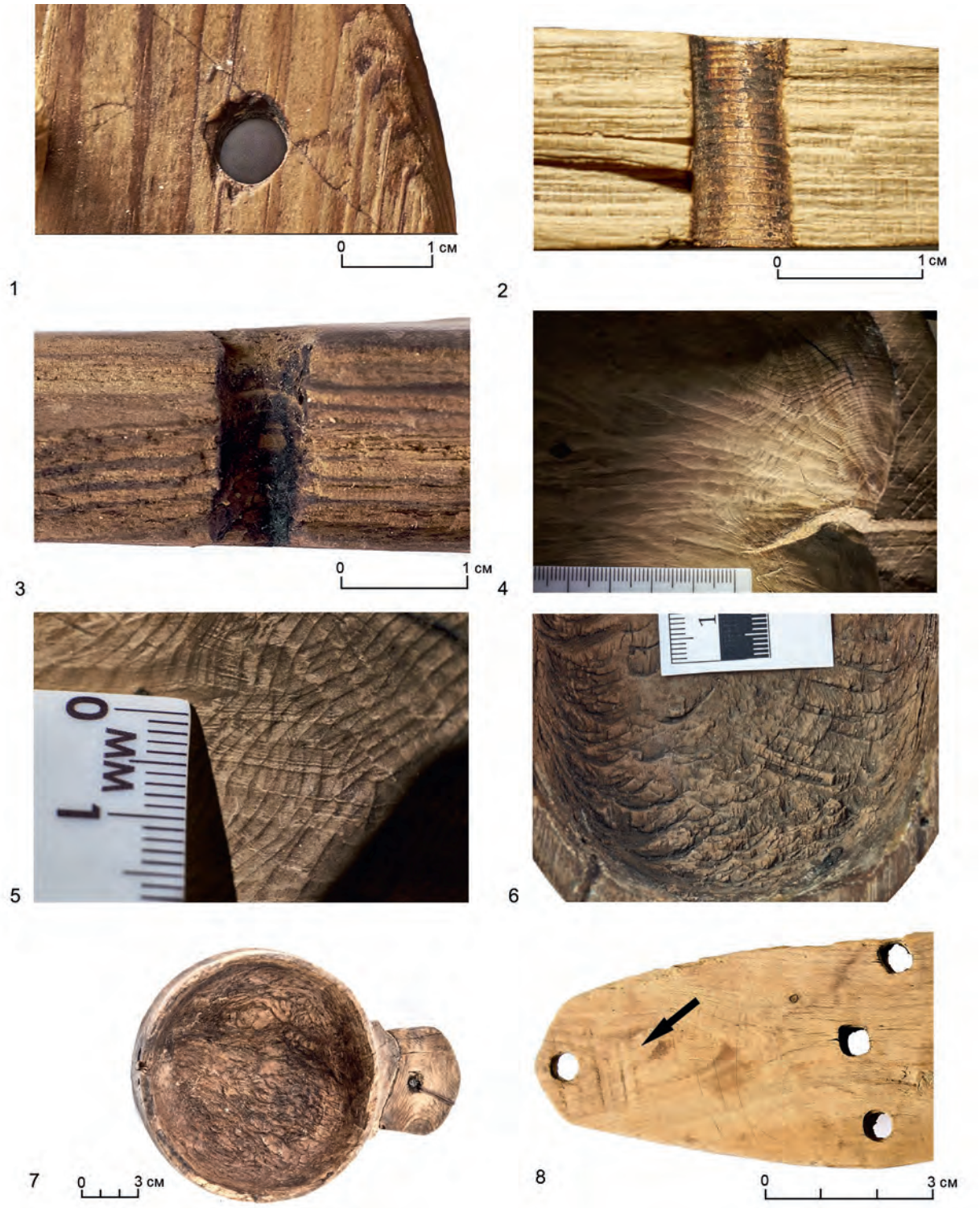

Рис. 4. Следы технологических операций: *1* — отверстие для установки колка; *2, 3* — внутренняя поверхность отверстий для колков; *4, 5* — следы от полукруглого резца; *6, 7* — следы от тесла; *8* — следы от топора

Fig. 4. Traces of manufacturing operations: *1* — hole for installing a peg; *2, 3* — inner surface of the peg holes; *4, 5* — marks from a semicircular chisel; *6, 7* — adze marks; *8* — axe marks

[*1* — НГМ КП 26517/593; *2* — НГМ КП 48192/106 А-259/106; *3* — НГМ НВ 19490/193 Пр. к А-42/193; *4, 5* — НГМ КП 25405/35 А-20/35; *6* — НГМ КП 25405/6 А-20/6; *7* — НГМ КП 48334/457 А-263/457; *8* — НГМ КП 26518/558 А-43/558]

Для изготовления деки было использовано свежее дубовое бревно, спиленное в ходе расчистки садового участка на южном берегу Ильменя.

Используя эти материалы, была выполнена серия ремесленных операций с применением реплик деревообрабатывающих инструментов.

Обрубка бревна хвойной породы. Для изготовления корпуса была отделена топором от бревна заготовка необходимой длины. Во избежание крупных сучков был выбран участок бревна между пучками веток.

Раскалывание заготовки. Рисунок годовых колец на корпусе оригинальных гуслей XI в. указывает на то, что он изготавливался из половины бревна — плахи. Исходя из этого, заготовка была расколота на две равные части. Для раскалывания использовались деревянные клинья, которые вбивались молотком и обухом топора вдоль волокон ствола. На финальном этапе раскалывания древесные волокна, препятствовавшие разделению плах, были перерублены топором.

Черновое вытесывание корпуса. Полученная плаха была обтесана топором с учетом формы корпуса будущего инструмента. У оригинала гуслей XI в., судя по направлению годичных колец, сердцевина ствола располагалась со стороны днища резонаторного ящика. Поэтому уже на данном этапе важно было определить, с какой стороны должна быть расположена резонаторная полость инструмента.

Отпиливание лишней древесины. От полученной заготовки пилой-ножовкой была отпилена лишняя древесина с учетом припусков. В результате была получена заготовка длиной, несколько превышающей размер будущих гуслей. Важно уточнить, что следы отпиливания не выявлены на подлинных инструментах. Это связано с тем, что отпиливание относится к этапам грубой обработки, следы от которых перекрываются следами от последующих операций. Поэтому нет полной уверенности, что ножовка применялась для изготовления гуслей. Можно предположить, что укорачивание могло осуществляться также при помощи топора.

Изготовление корпуса инструмента. Внешние очертания корпуса формировались с использованием нескольких инструментов: грубая обтеска производилась топором, гладкое строгание — скобелем, а финишная обработка была сделана ножом. Процесс не был строго линейным, так как часть операций по обработке внешних очертаний корпуса чередовалась между собой.

Резной завиток в верхней части корпуса был вырезан большим и малым ножами.

Основной массив древесины из *резонаторной полости* был выбран теслом, а дальнейшая работа по утончению стенок была выполнена ложкарным резцом. Таким образом, обработка ложкарным резцом полностью удалила следы от тесла.

Теслом также была удалена основная масса древесины *игрового окна.* После чего окончательную форму ему придали при помощи ножа.

Уступы для деки были вырезаны ножом. Разметка уступов была выполнена при помощи веревки, натертой углем, что позволило наметить прямые линии для последующей работы ножом. При помощи долота была выровнена плоскость уступа. Стоит отметить, что, как правило, в столярном и плотницком деле долото используется для выборки глубоких пазов и гнезд. В настоящем эксперименте были опробованы приемы, которые больше характерны для стамески, — резание и строгание. При этом паз для деки технически возможно сделать без долота, что позволяет предположить необязательность этого инструмента для изготовления гуслей.

На поверхности уступов при помощи ножа была нанесена *насечка в виде сетки*, предназначенная для улучшения сцепления клея с древесиной.

Сверление отверстий для колков производилось ложковидным сверлом. Для повышения точности сверления была произведена разметка острием ножа, позволившая отцентровать ось сверления.

Изготовление деки было начато с ошкуривания дубового бревна. Эта операция была выполнена при помощи топора и скобеля. После ошкуривания дубовое бревно было расколото на две плахи по технологии, аналогичной раскалыванию бревна для корпуса инструмента. Полученная плаха была обтесана топором до бруска тангенциально-радиального сечения.

Здесь необходимо важное уточнение. Дека оригинального инструмента, судя по рисунку древесины, была изготовлена из заготовки радиального сечения. Однако в настоящем эксперименте не удалось воспроизвести это технологическое решение полностью, так как был использован дубовый ствол диаметром около 20 см. Такой размер позволил изготовить деку только из половины бревна и получить заготовку тангенциально-радиального сечения. На основании данного этапа эксперимента можно предположить, что для изготовления деки использовался сегмент дубового ствола диметром более 30 см.

Лишняя древесина с торцов бруска была отпилена пилой-ножовкой. Полученная заготовка

была обтесана топором и оструган скобелем. Ближе к узкой части деки был оставлен припуск древесины для изготовления ушек струнодержателя. Дека до нужной толщины была вытесана при помощи большого и малого топоров. Боковые и торцевые стороны заготовки были обрезаны ножом по форме уступов на корпусе. Финишная обработка поверхностей деки была выполнена ножом.

Ушки струнодержателя были выстружены ножом, ложкарным резцом и долотом. Отверстие для стержня струнодержателя было просверлено ложковидным сверлом после приклеивания деки к корпусу гуслей.

Приклеивание деки к корпусу гуслей осуществлялось при помощи разогретого столярного (мездрового) клея. Дека к корпусу была притянута кожаными ремнями и веревкой. Эту операцию пришлось выполнять дважды. Первая попытка приклеить деку оказалась неудачной из-за того, что в процессе стягивания дека несколько сместилась со своего места. Это обнаружилось уже после того, как поверхности склеились. В результате была предпринята повторная попытка. Для этого дека была отделена от корпуса и приклеена заново. После высыхания клея были сняты стягивающие веревки, а выступающие части деки и корпуса были обстружены вровень ножом.

Колки для экспериментальной модели гуслей были изготовлены из древесины дуба. Выбор этой породы соответствует археологическим материалам: колки из дуба неоднократно зафиксированы в раскопках древнерусских городов. В качестве примера можно привести находку XI в. из Старой Руссы (*Поветкин,* 2001. С. 59) и XII в. из Великого Новгорода (*Поветкин*, 2000. С. 171).

Процесс изготовления колков состоял из нескольких этапов. От небольшого дубового полена была отпилена заготовка шириной, соответствующей длине будущих колков. Далее заготовка была расколота топором на сегменты, которые затем были обтесаны до формы брусков. Из получившихся брусков ножом были вырезаны колки, имеющие с одного конца форму стержня, а с другого — лопатковидное завершение для захвата пальцами во время настройки инструмента. Плотная подгонка колков к отверстиям в корпусе инструмента позволяет им удерживать натяжение струн за счет силы трения.

Аналогичным способом был изготовлен и установлен *стержень струнодержателя*.

Установка струн является заключительным этапом изготовления музыкального инструмента. Для модели гуслей был выбран один из возможных вариантов — самодельные струны из бараньих кишок. Отметим, что по мнению В. И. Поветкина на музыкальных инструментах в древнем Новгороде могли устанавливаться не только кишечные струны, но, по крайней мере, еще и металлические (*Поветкин,* 1989а).

Одним концом струны были привязаны к струнодержателю узлом, известным как удавка. Другим концом струны были закреплены в колке. Для этого колок, установленный в отверстии, был надколот сверху лезвием ножа вдоль волокон. В образовавшийся расщеп был закреплен конец струны. После этого вращением колка струна была намотана на стержень колка, удерживая его от дальнейшего растрескивания.

После установки струн инструмент готов к настройке. Однако здесь мы сталкиваемся с одной существенной проблемой, заключающейся в том, что достоверных сведений о строе струнных музыкальных инструментов Древней Руси и о музыке, которую на них играли, в настоящее время нет. В качестве эксперимента для проверки звучания гусли были настроены в соответствии со строем восстановленных духовых инструментов из раскопок в Новгороде (*Поветкин,* 1994. С. 69). Такой вариант настройки пятиструнных гуслей как один из возможных предполагал В. И. Поветкин (*Поветкин,* 1982. С. 301). В качестве музыкального образца для озвучивания была выбрана мелодия старинной песни «А мы просо сеяли», известная по фольклорным материалам русских, белорусов и украинцев (*Тихоницкая*, 1938. С. 145). Попытки озвучить полученную в ходе настоящего эксперимента модель музыкального инструмента показали принципиальную возможность исполнения музыкальных композиций. Изучению исполнительских возможностей, акустическим свойствам и реконструкции техник игры необходимо посвятить отдельное исследование.

Результаты

В результате проведенного эксперимента была получена полностью функциональная модель лирообразных гуслей (рис. 1, *3*), изготовленная по образцу XI в. (рис. 1, *1*) с применением реплик деревообрабатывающих инструментов (рис. 5), реконструированных по образцам (рис. 6), близким ко времени существования образца гуслей. Полученная модель может использоваться как инструмент для дальнейших исследований и музейного экспонирования.

Вместе с тем удалось проследить практическим путем и задокументировать вероятную

Рис. 5. Реплики деревообрабатывающего инструментария: *1* — топор; *2* — малый топор; *3* — скобель; *4* — пила-ножовка; *5* — тесло; *6* — резец ложкарный; *7* — нож; *8* — малый нож; *9* — сверло ложковидное; *10* — долото; *11* — молоток

Fig. 5. Replicas of woodworking tools: *1* — axe; *2* — small axe; *3* — scraper; *4* — hacksaw; *5* — adze; *6* — spoon-shaped chisel; *7* — knife; *8* — small knife; *9* — spoon-shaped drill; *10* — chisel; *11* — hammer

Рис. 6. Деревообрабатывающий инструментарий: *1, 2* — топоры; *3* — скобель; *4* — полотно пилы-ножовки; *5* — тесло втульчатое; *6* — резец ложкарный; *7* — нож; *8* — нож с рукоятью; *9* — сверло ложковидное; *10* — долото; *11* — молоток

Fig. 6. Woodworking tools: *1, 2* — axes; *3* — drawknife; *4* — handsaw blade; *5* — socketed adze; *6* — spoon-carving knife; *7* — knife; *8* — knife with handle; *9* — spoon bit; *10* — chisel; *11* — hammer

[*1* — НГМ КП 44563/718 А-194/718; *2* — НГМ КП 39459/13 А-136/13; *3* — НГМ КП 32183/48 А-75/48; *4* — *Колчин*, 1959. С. 31–33; *5* — НГМ КП 35338/1437; *6* — НГМ КП 44563/489 А-194/489; *7* — НГМ КП 35338/33; *8* — КП 28080/783 А-57/783; *9* — НГМ КП 35338/1076; *10* — НГМ КП 43677/717 А-197/717; *11* — Mästermyr-1936. SHM 21592:065]

технологическую последовательность изготовления лирообразных гуслей. Часть операций была восстановлена с опорой на данные трасологического анализа.

На основании результатов эксперимента можно сделать вывод, что деревообрабатывающие инструменты, обнаруженные в раскопках Великого Новгорода в слоях X–XI вв., пригодны для изготовления таких сложных деревянных изделий, как музыкальные инструменты, и, в частности, лирообразных гуслей. В археологических материалах Великого Новгорода обнаружен достаточный набор деревообрабатывающего инструментария для создания музыкальных инструментов XI в. Это позволяет критически пересмотреть ранее высказанные утверждения о том, что находки музыкальных инструментов в Великом Новгороде допустимо интерпретировать как предметы импорта, на основании того, что выявленные на них следы обработки якобы не коррелируют с обнаруженными здесь находками деревообрабатывающего инструментария (*Мараев,* 2007. С. 133, 134).

Стоит отметить, что следы от деревообрабатывающих инструментов едва ли могут быть существенным доказательством местного производства. Более весомым аргументом были бы находки заготовок или бракованных изделий. Проведенный нами эксперимент говорит о наличии технической возможности изготовления лирообразных гуслей в древнем Новгороде, но, конечно же, не является доказательством местного производства.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2026 г.

Вертков, 1975 — *Вертков К. А.* Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975. 280 с.

Галайская, 1980 — *Галайская Р. Б.* Опыт исследования древнерусских гуслей в связи с финно-угорской проблематикой // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 21–31.

Дробышева, 2023 — *Дробышева М. М.* Гусли Словиши и корчага Ильи: монограммы в вещевой эпиграфике домонгольской Руси // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Сб. материалов XII Междунар. конф. М.: Индрик, 2023 (Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»). С. 186–187.

Зинкив, 2018 — *Зинкив И.* Украинско-польские средневековые инструменты: попытка сравнительного анализа // Ars Inter Culturas. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, 2018. № 7. P. 65–78.

Кирпичников, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 147 с.

Колчин, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–120.

Колчин, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Вып. Е1–55). 183 с.

Колчин, 1978 — *Колчин Б. А.* Гусли древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне: Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 358–366.

Колчин, 1979 — *Колчин Б. А.* Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1978. Л.: Наука, 1979. С. 174–187.

Мараев, 2007 — *Мараев В. Н.* Философско-теоретические основы эргоморфологии: Дис. ... канд. филос. наук — 17.00.09 (философия) / СПбГУ. СПб.: [б. и.], 2007. 212 с.

Поветкин, 1982 — *Поветкин В. И.* Новгородские гусли и гудки: Опыт комплексного исследования // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 295–322.

Поветкин, 1986 — *Поветкин В. И.* Гудебные сосуды древнего Новгорода: Из опыта восстановительных работ // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л.: Наука, 1986. С. 155–167.

Поветкин, 1988 — *Поветкин В. И.* Спорят две методики // Советский музей. 1988. № 6. С. 42–45, 54.

Поветкин, 1989а — *Поветкин В. И.* Звонкие струны древних новгородских гуслей: Из опыта восстановительных работ // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л.: Наука, 1989. С. 51–62.

Поветкин, 1989б — *Поветкин В. И.* О происхождении гуслей с игровым окном. Из опыта восстановительных работ // История и культура древнерусского города: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 116–127.

Поветкин, 1994 — *Поветкин В. И.* Музыкальные древности Новгорода // Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф. Новгород: [б. и.], 1994. С. 67–74.

Поветкин, 1995 — *Поветкин В. И.* С гуслями сквозь народы и времена // Городецкие чтения: Материалы науч. конф. Городец: Администрация Городецкого района Нижегородской области, 1995. С. 24–35.

Поветкин, 1996 — *Поветкин В. И.* Псковский гудок XIII в. — музыкальный инструмент скомороха (из опыта восстановительных работ) // Памятники культуры. Новые открытия. 1994. М.: Наука, 1996. С. 148–161.

Поветкин, 1997 — *Поветкин В. И.* Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Сезон раскопок 1996 г. // Новогород и Новгородская земля. История и археология (ННЗИА). Великий Новгород, 1997. Вып. 11. С. 166–176.

Поветкин, 2000 — *Поветкин В. И.* В мире музыкальных звуков древнего Новгорода и окрестных городов. Материалы археологических исследований 1999 г. // ННЗИА. 2000. Вып. 14. С. 166–178.

Поветкин, 2001 — *Поветкин В. И.* В мире музыки древнего Новгорода и Русы. Археологические открытия 2000 г. // ННЗИА. 2001. Вып. 15. С. 59–66.

Поветкин, 2002 — *Поветкин В. И.* Старое и новое в музыкальной археологии Северо-Запада России // ННЗИА. 2002. Вып. 16. С. 69–77.

Поветкин, 2003 — *Поветкин В. И.* Музыкальное прошлое Великого Новгорода и его округи (Открытия 2002 г.) // ННЗИА. 2003. Вып. 17. С. 108–121, ил.

Поветкин, 2007 — *Поветкин В. И.* Из музыкального обихода древних новгородцев (археологические находки 2006 г., а также некоторые итоги реконструкторских работ) // ННЗИА. 2007. Вып. 21. С. 93–106.

Поветкин, 2010 — *Поветкин В. И.* Сосуды гудебные времени Ярослава Мудрого // Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого (источники и исследования). В. Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2010. С. 284–320.

Саломатин, 2016а — *Саломатин Д. А.* Изготовление гудка. Ч. 1 // Ратоборцы. URL: https://ratobor.com/blog/semero-v-proshlom/2016/01/2595/ (дата обращения: 26.07.2024).

Саломатин, 2016б — *Саломатин Д. А.* Изготовление гудка. Ч. 2 // Ратоборцы. URL: https://ratobor.com/blog/semero-v-proshlom/2016/01/2465/ (дата обращения: 26.07.2024).

Сингх, 2015 — *Сингх В. К.* Деревообработка средневекового Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2015. Вып. 30. С. 200–211.

Слапиня, 2022 — *Слапиня А. А.* Новгородские гусли XII в. с зооморфным декором: западноевропейские аналогии и возможный символический смысл // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». М.: Изд. центр РГГУ, 2022. № 1. С. 85–97.

Тихоницкая, 1938 — *Тихоницкая Н. Н.* Русская народная игра «Просо сеяли» // Советская этнография. М., 1938. № 1. С. 145–166.

Янин, Зализняк, 1993 — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. Вып. 9: Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. 349 с.

Ascher, 1961 — *Ascher R.* Experimental Archeology // American Anthropologist. 1961. Vol. 63 (4). P. 793–813.

Malinowski, 1996 — *Malinowski T.* Instrumenty strunowe z badań archeologicznych w Polsce — przegląd znalezisk // Przegląd Archeologiczny. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 1996. T. 44. S. 139–148.

Experimental modeling of lyre-shaped gusli from the excavations of Veliky Novgorod: on the question of reconstructing the technological process

A. N. Kamenskiy[2]

Keywords: experimental archaeology, musical archaeology, lyre-shaped gusli, Veliky Novgorod, reconstruction, woodworking, traceological analysis, medieval technologies

The article is devoted to an experimental study of the manufacturing technology of lyre-shaped gusli based on materials from archaeological excavations in Veliky Novgorod. The paper examines methods of restoration and reconstruction of Old Russian musical instruments proposed by previous researchers. On the basis of archaeological finds from Novgorod, a possible set of woodworking tools that may have been used in the production of lyre-shaped gusli is proposed. Methods of traceological analysis were employed to identify and interpret traces of tool marks. In the course of the experiment, a model of the instrument was produced, which made it possible to propose and document a probable technological sequence of its manufacture. The results obtained refine current understanding of the craft techniques used in the production of lyre-shaped gusli and contribute to the study of Old Russian musical instruments, as well as to the development of methods in experimental archaeology.

[2] Anton N. Kamenskiy — Novgorod State Museum-Reservation, Veliky Novgorod; e-mail: kamenskiyan@gmail.com.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Появление признаков производящего хозяйства на Среднем Дону. Итоги изучения вопроса и перспективы исследования[1]

А. М. Скоробогатов[2]

Аннотация. *Статья посвящена актуальным сведениям о времени появления признаков производящего хозяйства на Среднем Дону. Приводятся и анализируются данные смежных дисциплин по материалам энеолитических памятников региона V — первой половины IV тыс. до н. э.*

Ключевые слова: *Средний Дон, энеолит, производящее хозяйство, стоянка, могильник, абсолютные датировки, стабильные изотопы*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-178-188

Введение

Изучение особенностей смены археологических эпох является одним из актуальных направлений в археологии каменного века и эпохи раннего металла Восточно-Европейской степи и лесостепи. Важнейшую роль в этих процессах занимает проблема перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства. Для культур неолита — энеолита Подонья, как и сопредельных регионов, это направление является малоразработанным и дискуссионным. В Среднем Подонье это обусловлено несколькими объективными причинами: плохой сохранностью органических материалов в культурных слоях памятников, небольшим количеством стоянок с надежным стратиграфическим контекстом, нехваткой данных современных естественнонаучных исследований для имеющихся материалов. Определенный сдвиг произошел благодаря работе автора статьи и А. А. Малютиной по проекту «Становление и развитие производящего хозяйства на Среднем Дону в эпоху энеолита» при поддержке РНФ, основные текущие результаты которого будут изложены в настоящей публикации.

История изучения вопроса первого появления признаков производящего хозяйства (в неолите — энеолите) на территории Донской лесостепи берет начало с конца 1960-х гг. в работах А. Т. Синюка и В. П. Левенка. Если остеологические коллекции с памятников неолита — энеолита Воронежской области не обрабатывались археозоологами, то материалы из раскопок В. П. Левенка на территории Липецкой области были проанализированы Н. М. Ермоловой (*Левенок*, 1965. С. 242; 1969). Так, ленинградским ученым высказывалось предположение о возможном автохтонном появлении крупного рогатого скота (КРС) благодаря попыткам приручения крупных диких млекопитающих — тура и бизона — уже в развитом неолите (*Левенок*, 1969. С. 16). В. П. Левенок применительно для неолитической экономики Подонья использовал термин «примитивное животноводство». Новые формы хозяйства в первобытной экономике появляются уже в развитом неолите, а с появлением на верхнедонской территории среднестоговских энеолитических племен «местное примитивное животноводство» меняется на «специализированное массовое скотоводство — коневодство» (*Там же*. С. 16, 17).

А. Т. Синюк был более осторожен в вопросе перехода от присваивающих к производящим формам хозяйства и склонялся к идее распространения скотоводства, а также земледелия на Среднем Дону исключительно с появлением энеолитических племен (*Синюк*, 1971. С. 20). Он полагал,

[1] Работа выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01292) «Становление и развитие производящего хозяйства на Среднем Дону в эпоху энеолита».

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru.

© Скоробогатов А. М., 2026

что, собственно, первые группы южного населения с началом раннеэнеолитической эпохи своим появлением и привнесли в экономику Среднего Дона скотоводческое хозяйство (*Синюк*, 1979). В более поздних работах автора, затрагивающих вопросы развития экономики региона, отмечалось, что для всей энеолитической эпохи (нижнедонская, среднестоговская и репинская культуры) определяющим хозяйственным укладом являлось скотоводство со специализированным коневодческим направлением (*Синюк*, 1994; 1999).

Следует заметить, что после работ В. П. Левенка и А. Т. Синюка на памятниках Верхнего и Среднего Подонья (Долгое, Рыбное Озеро II, Ярлуковская Протока, Копанище I–II, Черкасская) и ввода в научный оборот результатов археозоологических анализов определения остеологических коллекций с памятников неолита — энеолита региона проводились лишь на единичных поселениях в верховьях р. Воронеж. История изучения проблемы появления производящего хозяйства для рассматриваемой территории на фоне развития идей о ранних формах скотоводства и земледелия с сопредельных регионов была в целом недавно освещена нами (*Скоробогатов, Рослякова*, 2025; *Скоробогатов*, 2026а).

Источники и методы исследования

Комплексная производящая экономика — это совокупность трех основных отраслей: скотоводства, земледелия и металлургии (металлообработки) (*Антипина, Лебедева*, 2005. С. 70). В силу географических, природно-климатических и культурно-исторических условий и особенностей развития древних коллективов Среднего Подонья в рамках озвученного выше подхода совокупность всех этих отраслей хозяйства отмечается лишь с позднего бронзового века, поскольку признаки земледелия достоверно зафиксированы не ранее этого времени (*Лебедева*, 2005). Поэтому для эпохи энеолита (V–IV тыс. до н. э.) в рамках нашей работы речь пойдет не о производящей экономике как таковой, а о ее отдельных признаках, которые удается зафиксировать в ходе работы с археологическим источником. При этом совокупность этих признаков, отсутствующих у населения предшествующего неолитического времени, как раз свидетельствует как о смене археологических эпох (от эпохи камня к эпохе палеометалла), так и о новых отраслях хозяйства. Первые шаги по внедрению этих достижений фиксируются у населения степи — лесостепи Днепро-Доно-Волжского региона с конца VI — начала V тыс. до н. э.

Основные источники, на которые опирается наше исследование, происходят с бытового памятника — стоянки Черкасская-3, а также из погребальных комплексов энеолитических могильников у хут. Голубая Криница (рис. 1, *А*).

Стоянка Черкасская-3

Стоянка находится в пойме р. Битюг недалеко от места его впадения в Дон (Павловский район Воронежской обл.). Культурный слой перекрыт двухметровым балластом из стерильных аллювиальных отложений и делится на три стратиграфических горизонта. Первый (верхний) горизонт содержал находки поздней среднестоговской (дереивской) культуры, ниже залегал второй (средний) слой с материалами ранней среднестоговской культуры и незначительной примесью вещей позднего неолита. Третий (нижний) слой вмещал основное количество находок, относящихся к широкому хронологическому диапазону с материалами от эпохи раннего неолита до раннего энеолита (нижнедонская культура). Благодаря стратиграфическому и хронологическому разделению культурного слоя и сохранности органических материалов в настоящее время данный памятник является одним из опорных поселенческих комплексов Среднего Подонья VI–IV тыс. до н. э.

Остеологическая коллекция стоянки Черкасская-3 позволила на новом уровне рассмотреть вопрос появления первых домашних животных в Среднедонском регионе. В результате археозоологического анализа, выполненного Н. В. Росляковой (Самарский государственный социально-педагогический университет), в среднем и верхнем слоях выявлены единичные кости КРС и мелкого рогатого скота (МРС) (*Скоробогатов, Рослякова*, 2025. С. 24–28). Видовое определение костей МРС было подтверждено проведенным ZooMS-анализом[3]. Пробоподготовка образцов проводилась в лаборатории «Археозоология Сибири и Центральной Азии» (ZooSCAN) ЦКП «Геохронологии кайнозоя» Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). Масс-спектрометрический анализ набора триптических пептидов коллагена был выполнен в Центре масс-спектрометрического анализа Объединенного центра геномных, протеомных

[3] Автор выражает благодарность коллективу проекта «Археозоология Евразии: комплексное изучение изменений взаимоотношений человека и животного мира в четвертичном периоде» (FWZG-2026-0002) и лично С. В. Шнайдер.

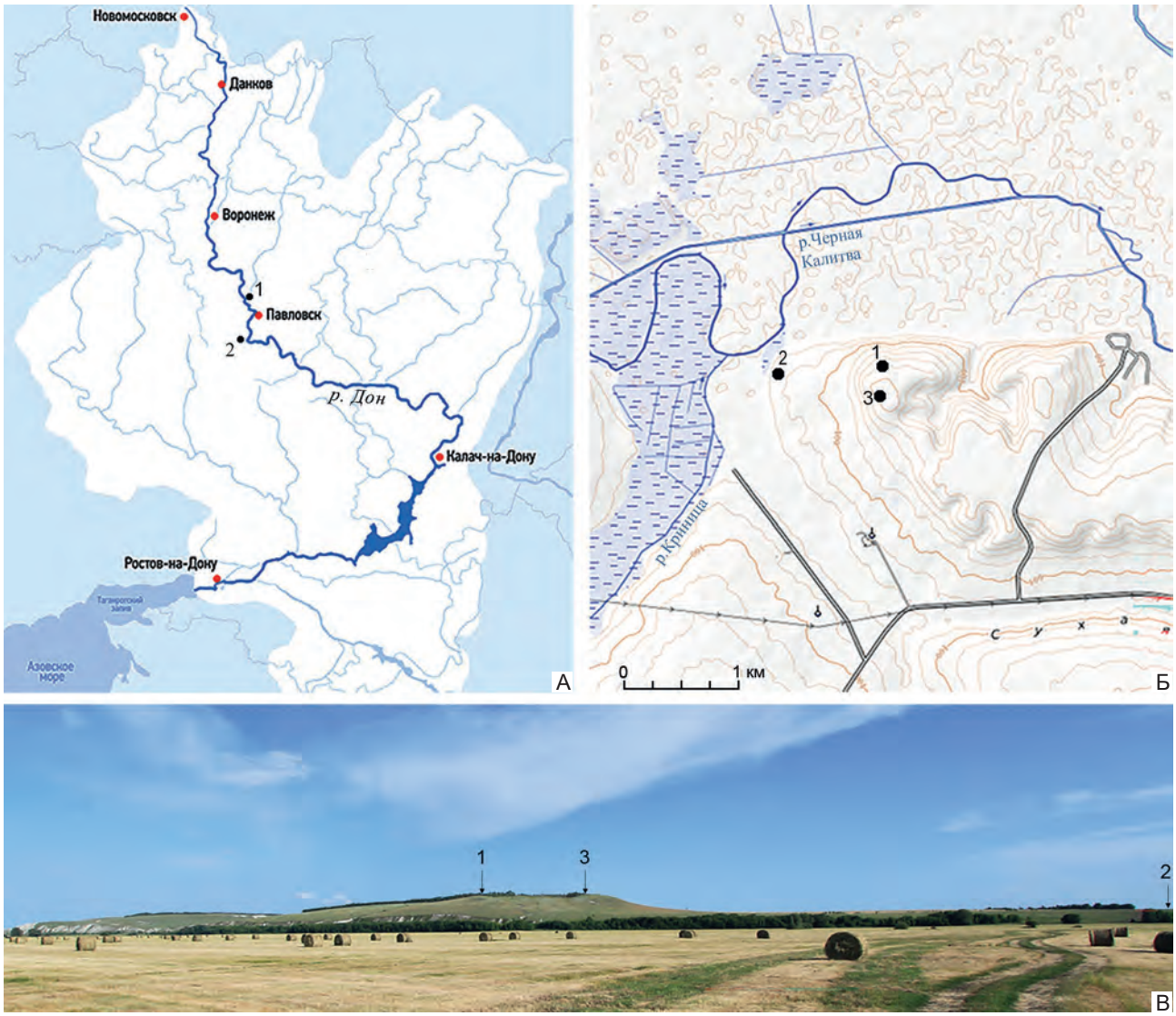

Рис. 1. *А* — карта-схема р. Дон (*1* — Черкасские стоянки; *2* — энеолитические могильники у хут. Голубая Криница); *Б, В* — ситуационный план и фото месторасположения энеолитических могильников у хут. Голубая Криница (*1* — грунтовый могильник; *2* — поселение и грунтовый могильник; *3* — курган Голубая Криница)

Fig. 1. *A* — schematic map of the Don River (*1* — Cherkasskaya sites; *2* — Aeneolithic burial grounds near the Golubaya Krinitsa farmstead); *Б, В* — site plan and photo showing the location of the Aeneolithic burial grounds near the Golubaya Krinitsa farmstead (*1* — burial ground; *2* — settlement and burial ground; *3* — Golubaya Krinitsa burial mound)

и метаболомных исследований Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия) на MALDI-TOF масс-спектрометре Bruker Autoflex Speed (Bruker Daltonics) в отраженном режиме. Образец трубчатой кости (лабораторный номер I-143-12; полевой шифр ЧС-3, № 2358; радиоуглеродная датировка № 4) принадлежал виду *Ovis aries* (овца), семейство *Bovidae* (полорогие). Второй определенный образец — фрагмент зуба (лабораторный номер I-143-13; полевой шифр ЧС-3, № 992; радиоуглеродная датировка № 6) принадлежал виду *Ovis aries* / *Capra hircus* (овца / коза), семейство *Bovidae*.

Результаты абсолютного датирования. К моменту публикации остеологической коллекции памятника (*Скоробогатов, Рослякова*, 2025) отсутствовали результаты радиоуглеродного датирования непосредственно образцов домашней фауны стоянки. В нашем распоряжении были лишь две даты по образцам энеолитической керамики (*Там же*. С. 29). Ввиду этого хронология верхних двух слоев памятника, где были встречены кости домашних животных, рассматривалась тогда в общих

Таблица 1. Радиоуглеродные даты и стабильные изотопы по костям домашней и дикой фауны (КЖ) среднего и верхнего слоев стоянки Черкасская-3 (публикуются впервые)

Table 1. Radiocarbon dates and stable isotope data from domestic and wild faunal bones (КЖ) from the middle and upper layers of the Cherkasskaya 3 site (published for the first time)

№ п/п	^{14}C (BP)	Калиброванная дата (calBC, 2σ)	Лабораторный индекс	Материал	δ^{13}C, ‰	δ^{15}N, ‰	C:N^{at}	Контекст
1	5358±35	4328–4053	GV-5760	КЖ (КРС)	-18,40	–	–	Верхний слой
2	5074±35	3961–3787	GV-5761	КЖ (КРС)	-19,20	–	–	Верхний слой
3	4870±30	3709–3628	IGAN$_{AMS}$11407	КЖ (благородный олень)	-21,78	5,41	3,90	Верхний слой
4	5279±35	4239–3988	GV-5757	КЖ (МРС)	-20,50	–	–	Средний слой
5	5066±35	3960–3778	GV-5758	КЖ (МРС)	-21,00	–	–	Средний слой
6	5278±35	4238–3988	GV-5759	КЖ (МРС)	-19,20	–		Средний слой
7	2450±25	751–413	IGAN$_{AMS}$11408	КЖ (заяц)	-19,73	5,76	3,23	Средний слой

пределах второй — третьей четвертей V тыс. до н. э. (средний слой) и последний четверти V — первой четверти IV тыс. до н. э. (верхний слой).

В рамках текущего проекта первоначально были получены пять AMS-датировок в Центре коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия Новосибирского государственного университета и Новосибирского научного центра СО РАН» (Новосибирск) (табл. 1, обр. № 1, 2, 4–6)[4]. Все анализы выполнялись по костям домашних животных из культурных слоев стоянки Черкасская-3 (определения Н. В. Рослякова).

Самой раннедатируемой оказалась кость КРС из верхнего слоя стоянки (обр. № 1), а одной кости МРС из среднего слоя соответствовало самое молодое календарное значение (обр. № 5). Возможны две версии объяснения несовпадения абсолютных датировок со стратиграфией памятника: лабораторная ошибка или, напротив, даты корректны, но имеет место нарушение стратиграфического залегания отобранных образцов и их перемещение в слоях по вертикали. Для выяснения причин несоответствия абсолютных дат стратиграфическим отложениям памятника из одного квадрата (Д10), но с разных слоев было датировано еще по одному образцу в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН (Москва) и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (Атенс, США). Образцы происходят из верхнего (кость благородного оленя, глубина залегания -245 см) и среднего (кость зайца, глубина залегания -267 см) слоев. Если нижний слой памятника отделен от среднего стерильной илистой прослойкой, то между верхним и средним слоями таких прослоек не фиксировалось, хотя находки в слоях и разделялись по глубинным отметкам (*Скоробогатов, Рослякова*, 2025. Рис. 1, *3–5*). Стало очевидным, что в некоторых местах памятника в верхнем и среднем слоях имеет место вертикальное перемещение находок, чему могла способствовать деятельность норных или землеройных животных в более позднее время, о чем свидетельствует AMS-дата по кости зайца.

В целом калиброванные значения дат делятся на две хронологические группы: конец третьей — четвертая четверть V тыс. до н. э., первая — начало второй четверти IV тыс. до н. э. До появления новых абсолютных дат в этих пределах будет рассматриваться время функционирования верхнего и среднего слоев прибрежной части стоянки. Следует отметить близкие группировки абсолютных дат по костям домашних животных: 5074±35 BP (КРС) и 5066±35 BP (МРС), а также 5279±35 BP (МРС) и 5278±35 BP (МРС).

Также отметим, что установленные ранее абсолютные датировки по керамике оказались несколько древнее дат по костям животных из соответствующих слоев и с большим доверительным интервалом: 5690±100 BP (средний слой) и 5217±70 BP (верхний слой) (*Федюнин и др.*, 2021. С. 92, табл. 15).

[4] Калибровка радиоуглеродного возраста образцов № 1, 2, 4–6 в календарный проведена на основе калибровочной кривой Intcal20 в программе OxCal 4.4, образцов № 3 и 7 — в RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV 8.2.

Липидный анализ нагаров на керамике. В рамках работы над проектом С. А. Платоновой (Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва) было осуществлено изучение нагаров керамики (преимущественно энеолитической) всех трех слоев стоянки Черкасская-3 посредством газохроматографического анализа.

В нагаре анализируемой керамики (37 обр.) в основном присутствуют остатки жирных кислот, характерных для пищи животного происхождения и растительных масел. Эти данные подтверждаются исследованиями других авторов для керамики эпохи неолита стоянок Среднего Дона (*Courel et al*., 2021). В то же время жирнокислотный состав нагаров показал наличие остатков молочных продуктов на поверхности сосудов во всех трех слоях памятника на керамике дереивской (10 из 12 обр.), среднестоговской (6 из 10 обр.) и нижнедонской (3 из 9 обр.) энеолитических культур, а также на единичных образцах неолитических фрагментов (2 из 6 обр.). С одной стороны, схожий результат из самарской лаборатории уже был зафиксирован на материалах энеолита Нижнего и Среднего Поволжья (*Выборнов и др*., 2019; *Korolev et al*., 2018). С другой — данные липидного анализа идут вразрез с результатами остеологической коллекции стоянки, по которым на весь массив костного материала (97 определимых до вида единиц костей млекопитающих) всего три образца принадлежали КРС и три — МРС. В нижнем слое, кроме двух костей собаки, домашняя фауна вообще не встречена (*Скоробогатов, Рослякова*, 2025. Табл. 2). Возможно, малое число костей домашней фауны в культурном слое памятника связано с незначительной площадью его исследования — 42 кв. м (раскоп 2012 г.). К тому же выборка определимых до вида костей и их фрагментов не достигает 400 ед., что не позволяет провести археозоологические реконструкции для получения максимума экономической информации по памятнику (*Антипина, Лебедева*, 2005. С. 72). Нельзя исключать, что подробный ZooMS-анализ мелких не определимых археозоологом до вида костей млекопитающих с памятника мог бы выявить дополнительные образцы домашней фауны в остеологической коллекции, однако такая работа не проводилась.

Можно предположить, что молочные продукты обрабатывались в сосудах на «стационарном» поселении, а на сезонную специализированную стоянку на берегу водоема, каковой являлась Черкасская-3, они могли быть принесены в посуде в готовом виде. Интересен также вопрос древнейшего использования молочных продуктов. Молоко в сыром виде без дополнительной обработки в условиях теплого времени года не может долго храниться. К тому же липиды сырого молока быстро разрушаются в порах керамики, что было выяснено в ходе экспериментов коллектива Р. Эвершеда. Переработка молочной продукции также должна была решать проблему непереносимости лактозы древним населением (*Evershed et al*., 2008. P. 531). Однако для памятников VII–V тыс. до н. э. Анатолии, Леванта и Юго-Восточной Европы, где доказано изготовление молочной продукции, наличие молочных липидов коррелируется с количеством костей домашних животных, прежде всего КРС (*Roffet-Salque*, 2012. P. 139). Например, для неолитических памятников Балкан кости КРС составляют значительный процент, иногда от 40 до 60 % от общего количества остеологического материала (*Stojanovski et al.*, 2020. P. 9–11).

Также можно привести наглядный пример результатов липидного анализа нагаров с керамики памятников позднего энеолита — раннего бронзового века лесостепного и степного Поднепровья. На поселении Дереивка (~3800–3500 гг. до н. э.) из 40 проанализированных образцов энеолитической керамики лишь один указывает на возможное использование глиняной посуды для содержания в ней молочной продукции жвачных животных (*Mileto et al*., 2017a), хотя ≈20 % идентифицированных костей животных на поселении принадлежали домашним видам при преобладании (15 %) КРС (*Mileto et al*., 2017b. P. 115, tab. 3). Еще для одного лесостепного энеолитического поселения Молюхов Бугор (~3800–3500 гг. до н. э.) обнаружение следов молочной продукции в нагарах вообще не отмечено, хотя 44 % определимых костей принадлежали КРС и МРС, а 25 % липидных остатков в керамике имели животное происхождение (*Ibid.* P. 119). В то же время для более южных бытовых памятников Поднепровья картина совершенно иная. Нижний (I) слой Михайловки (~3800–3000 гг. до н. э.), содержавший более 80 % костей КРС и МРС, показал, что 94 % образцов проанализированной керамики принадлежали сосудам, предназначенным для обработки продуктов, полученных от жвачных животных, из которых 21 % содержал следы молочных продуктов (*Ibid.*). Не исключено, что такая разница результатов изучения нагаров на энеолитической керамике между Доно-Волжским регионом и Поднепровьем может быть связана с методикой исследования.

Для образцов из поднепровских комплексов помимо стандартной процедуры газовой хроматографии (ГХ) и масс-спектрометрии (МС) проводился изотопный анализ значений $\delta^{13}C$ жирной кислоты C16:0, содержащейся в нагарах кислот C16–C18 (*Ibid.* P. 115, fig. 5), что в нашем случае не было сделано (*Платонова, Скоробогатов*, 2026).

Захоронения из энеолитических могильников у хут. Голубая Криница. Анализ стабильных изотопов

Данная часть работы построена на материалах двух грунтовых могильников, расположенных на юге Воронежской обл. (рис. 1, *Б, В*). Голубая Криница — коллективный грунтовый могильник населения мариупольской культурно-исторической общности (КИО) первой половины V тыс. до н. э., исследован полностью в 2015–2016 гг., материал кратко опубликован (*Скоробогатов*, 2022). Благодаря разнообразному инвентарю, содержащему среди прочего украшения из костей животных, имеется возможность провести парные датировки образцов (кость человека — кость животного). Второй могильник, расположенный рядом в границах поселения («Стоянка и могильник Голубая Криница»), судя по планиграфии, скорее всего, исследован частично (*Скоробогатов, Федюнин*, 2018). Здесь обнаружены два парных и одно тройное захоронения, совершенные по обрядности хвалынско-среднестоговской КИО второй половины V тыс. до н. э. Инвентарь представлен только кремневыми орудиями на пластинах.

В материалах этих могильников отсутствуют кости домашней фауны. Однако определенную информацию о системе питания и рационе древнего населения можно получить из изотопного анализа антропологического материала. Имеющиеся результаты для восьми индивидов грунтового могильника Голубая Криница (*Скоробогатов*, 2025. С. 143) показали значения $\delta^{13}C$ (‰) от -21,6 до -20,06 (среднее значение ок. -20,8), $\delta^{15}N$ (‰) от 11,1 до 13,3 (среднее значение ок. 12,2). Также из соседнего памятника «Стоянка и могильник Голубая Криница» были получены данные по стабильным изотопам двух индивидов, захороненных по традиции хвалынско-среднестоговской КИО (*Там же*). К сожалению, на данном памятнике отсутствовали парные образцы для датирования (кость человека — кость животного) для выяснения значения пресноводного резервуарного эффекта (ПРЭ). Однако мы датировали зубы сурка из погребения 8 соседнего могильника мариупольской КИО Голубая Криница, для которого ранее устанавливалось наличие ПРЭ (*Там же*. С. 144) (табл. 2).

В рамках методики изотопных исследований значения $\delta^{13}C$ в костных образцах позволяют делать выводы о потреблении растений (растительная пища), а $\delta^{15}N$ — о белке (мясная и рыбная пища). Также значения изотопа углерода ($\delta^{13}C$) указывают на долю морского белка в рационе по сравнению с наземным белком и позволяют различать разные компоненты рациона, такие как фотосинтезирующие растения C_3 и C_4, а также животных, которые ими питались, а вот соотношение стабильных изотопов азота ($\delta^{15}N$) используется для определения трофического уровня организма в пищевой цепи (*Lillie, Budd*, 2020. P. 253). Иными словами, для ранних обществ, незнакомых с земледелием и его продукцией, а также живших вдали от водоемов с морской водой важны данные изотопов азота, которые позволяют определить трофический уровень организма в пищевой цепи. Ввиду этого, как отмечают специалисты в области палеодиеты, анализ стабильных изотопов в костном коллагене преимущественно отражает белковую составляющую рациона (*Ibid.* P. 253), что актуально и для нашей территории. В то же время значения $\delta^{13}C$ также могут указывать не только на долю растительного компонента в потребляемой продукции. Для могильников мезолита — энеолита Поднепровья при чисто наземном рационе питания, основанном на C_3-растениях, $\delta^{13}C$ находится на уровне значений -20–21 ‰, а более отрицательные значения указывают на то, что в рацион входили водные ресурсы, скорее всего, речная рыба (*Lillie et al.*, 2009. P. 261).

Как видно из таблицы 2, значения стабильных изотопов $\delta^{13}C$ из более позднего могильника «среднестоговской» обрядности немного занижены по сравнению со средними значениями раннего могильника «мариупольской» обрядности, а изотопы $\delta^{15}N$ близки самым малым показателям индивидов, захороненных по традициям мариупольской КИО. Значения $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ изотопов образца кости животного (сурок) показывают близкое значение по количеству дельта углерода к костям человека, особенно к образцам могильника со «среднестоговской» обрядностью. Соответственно, судя по значению уровня $\delta^{13}C$, в организм человека и в организм млекопитающего углерод поступал из экосистемы, базирующейся на растениях C_3-типа фотосинтеза, что при отсутствии достоверных данных о столь раннем земледелии на Среднем Дону выглядит вполне логично.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты и стабильные изотопы по костям человека (КЧ) и дикой фауны (КЖ) грунтового могильника Голубая Криница и стоянки и могильника Голубая Криница (публикуются впервые)

Таблица 2. Radiocarbon dates and stable isotope data from human (КЧ) and wild faunal bones (КЖ) from the Golubaya Krinitsa burial ground and the Golubaya Krinitsa settlement and burial ground (published for the first time)

№ п/п	^{14}C (BP)	Калиброванная дата (calBC, 2σ)	Лаборат. индекс	Материал	δ^{13}C, ‰	δ^{15}N, ‰	C:N^{at}	Памятник, контекст
1	6016±48	5037–4790	GV-6549	КЧ (фрагмент челюсти)	-22,1	11,7	3,08	Стоянка и могильник Голубая Криница, погребение 1/1
2	7710±59	6646–6447	GV-6650	КЧ (фрагмент челюсти)	-21,8	11,1	3,09	Стоянка и могильник Голубая Криница, погребение 3/3
3	5609±49	4538–4352	GV-6651	КЖ (резцы сурка)	-21,9	6,9	3,19	Грунтовый могильник Голубая Криница, погребение 8

Специалисты, занимающиеся изучением стабильных изотопов, отмечают, что у людей, употребляющих в пищу наземные растения и животных, значение δ^{15}N в костном коллагене обычно составляет ≈6–10 ‰ (*Tykot*, 2004. P. 436). Для погребений неолита — энеолита грунтовых могильников Поднепровья своеобразным реперным порогом для определения преобладания в рационе белковой пищи из наземных или водных источников является значение δ^{15}N в 11 ‰. Если в рационе человека преобладали наземные ресурсы, то значения азота будут «около 11 ‰ и ниже» (*Lillie, Budd*, 2020. P. 255). Соответственно, если доминировали белки из водных продуктов, то значения изотопов азота будут иметь показатель выше 11 ‰ (*Nikitin, Ivanova*, 2022. P. 154). Также применительно к территории Днепровских порогов приводится информация, что значения δ^{13}C -22±1 ‰ и δ^{15}N примерно 12±1 ‰ указывают на рацион, состоящий преимущественно из пресноводных белков. Но если бы это население употребляло преимущественно наземные растительные и травоядные белки C_3, то значения δ^{13}C составляли бы около -19±1 ‰ и δ^{15}N — около 9±1 ‰ (*Budd, Lillie*, 2020. P. 289).

Соответственно для индивидов обоих рассматриваемых могильников белковая пища была в приоритете (с явным уклоном на водные источники питания), а вот небольшая разница в значениях δ^{15}N может объясняться не только повышением доли водных продуктов у населения мариупольской КИО, но и их возможным происхождением с более аридных территорий, нежели у людей из среднестоговского могильника. Такое явление уже отмечалось для изотопных данных индивидов эпохи бронзы с территории Среднего Подонья (*Добровольская, Решетова*, 2016. С. 175). В целом значения стабильных изотопов азота и углерода у индивидов из могильника раннего энеолита Голубая Криница наиболее близки к средним значениям по δ^{13}C к мезолитическому могильнику Васильевка II, а по δ^{15}N — к неолитическому некрополю Дереивка и энеолитическому Молюхов Бугор (*Lillie et al.,* 2011. Fig. 3). Если первый памятник находится в степном Поднепровье, то последние два — в лесостепной его части (*Ibid*. Fig. 1), а синхронные для Голубой Криницы поднепровские могильники мариупольского типа Ясиноватка и Никольский показали завышенные показатели по углероду и азоту, с высокой долей в рационе белка пресноводного происхождения (*Ibid*. P. 64, fig. 3).

На основании имеющихся данных можно заключить, что для индивидов из могильника мариупольского типа Голубая Криница была характерна диета с преобладанием белковой пищи, в которой значительное, но не преобладающее значение имел рацион, имевший водное происхождение. В более позднем могильнике у двух проанализированных индивидов можно говорить об увеличении доли наземной белковой пищи при непрекращающемся употреблении полученных из водоемов источников питания.

Наличие резервуарного эффекта для могильника Голубая Криница подтвердилось AMS-датой по резцам сурка: абсолютный возраст по кости человека из погр. 8 оказался древнее даты, полученной по кости животного, с разницей ~1000 радиоуглеродных лет. Две полученные датировки для индивидов из могильника со среднестоговской обрядностью явно удревнены, особенно для образца погр. 3/3. Образец погр. 1/1 с абсолютным некалиброванным значением 6016±48 BP (конец VI — первая четверть V тыс. до н. э.) близок датам

по костям человека таких погребальных комплексов Нижнего Поволжья, как Хлопков Бугор (*Малов*, 2008а; 2008б) и могильники Хвалынский I и II (*Anthony et al.*, 2022. Tab. 1). Датирование образцов наземной фауны из последних показало наличие ПРЭ и реальный возраст комплексов в пределах около середины — третьей четверти V тыс. до н. э. (*Шишлина*, 2023). Безусловно, столь мощный резервуарный эффект указывает на большую роль белковой пищи водного происхождения (рыба, водоплавающие птицы, речные моллюски) в рационе рассматриваемого населения раннего и среднего энеолита данной территории.

Трубчатые изделия из костей птиц. Еще в середине 1970-х гг. сотрудник ИА РАН Л. Л. Галкин обратил внимание на костяные полые изделия трубчатой формы в памятниках эпохи бронзы — раннего железного века (в основном с территории Русской равнины) и связал их функции с доением домашних животных (*Галкин*, 1975). Однако, за редким исключением, данная точка зрения не нашла поддержки среди специалистов, занимающихся проблемами эпохи палеометалла. Артефакты из кости птиц, происходящие из закрытых погребальных комплексов энеолита — бронзы, называли флейтами, больше делая акцент на ритуально-мифологической и социальной значимости, чем на утилитарной принадлежности предметов. Собрав опубликованные данные по Понто-Каспийскому региону из памятников V тыс. до н. э., мы пришли к выводу, что, действительно, эта редкая категория костяных изделий сопровождала лиц, выделяющихся по особенностям погребальной обрядности среди основной массы захоронений в могильниках (*Скоробогатов*, 2024). Кроме того, погребения таких индивидов относятся к культурам с документированными признаками производящего хозяйства, а именно скотоводства. Так, кости домашней фауны встречены непосредственно в могильниках Екатериновский Мыс и Хвалынский I и II (*Anthony et al.*, 2022).

В то же время мы обратили внимание на то, что, несмотря на оригинальность этой категории находок, их экспериментально-трасологическое изучение не проводилось, а выводы об их функциональной принадлежности строились на морфологии изделий и аналогиях из этнографии, письменных источников и изобразительной традиции. Благодаря работам, проведенным В. В. Килейниковым, стала возможна функциональная интерпретация двух костяных трубочек из грунтового могильника Голубая Криница (погр. 1, 8) как инструментов для извлечения звуков (*Скоробогатов, Килейников*, 2025). А костяное изделие с тремя отверстиями на корпусе из погр. 12 грунтового могильника хвалынской культуры Хлопков Бугор (*Малов*, 2008б. С. 83, рис. 2, *6*; 15, *2*; 17, *5*) функционально определено А. А. Малютиной как музыкальный инструмент — флейта (*Малютина, Скоробогатов*, 2026).

Таким образом, имеющиеся данные свидетельствуют о функциональном назначении рассмотренных предметов как изделий для звукоизвлечения — свистков / манков и даже музыкального инструмента — флейты. Характерно, что такие костяные изделия стали применяться именно населением культур V тыс. до н. э. с признаками скотоводческой направленности в хозяйстве, а в памятниках предшествующей неолитической эпохи (при исключительно присваивающих формах хозяйства) на территории Днепро-Доно-Волжского региона подобные артефакты не встречены.

Основные выводы

На основе имеющихся источников можно заключить, что начало V тыс. до н. э. — совершенно новая эпоха в развитии населения степи — лесостепи Днепро-Доно-Волжского региона, когда осуществляется переход от исключительной добычи природных пищевых ресурсов к попыткам их производства, накопления, применения в погребальных ритуалах, включения в рацион питания.

Для могильников мариупольского типа первой половины V тыс. до н. э. Днепро-Донского междуречья приходится констатировать отсутствие остатков не только домашней, но и дикой фауны в закрытых (погребальных) комплексах при появлении первых металлических изделий (Голубая Криница, Никольский могильник). В настоящее время в Подонье самые ранние AMS-даты по костям домашней фауны, подтвержденной ZooMS-определениями, происходят из поселения Ракушечный Яр (XLIV–XLIII вв. до н. э., см.: *Bondetti et al.*, 2021) и среднего слоя стоянки Черкасская-3 (табл. 1).

Иная картина наблюдается в Среднем Поволжье. Там для памятников этого времени пока не обнаружено медных изделий, но зафиксированы жертвенники с костями лошадей (Съезжее) или применение в ритуале МРС (Екатериновский Мыс).

Для следующего периода энеолита (середины — второй половины V тыс. до н. э.) в Днепро-Донском регионе ситуация кардинально не меняется, в отличие от Поволжья, где на месте предшествующего мариупольского населения фиксируется явление, которое можно назвать «хвалынский

феномен». В двух хвалынских могильниках обнаружено 367 медных предметов (*Черных*, 2010), а количество особей МРС и КРС с территории некрополей достигает почти полутора сотен (*Anthony et al.*, 2022. P. 18, tab. 2). Подробной информации о зарождении и распространении традиции сооружать жертвенные площадки и использовании костей животных в погребальных обрядах грунтовых могильников Днепро-Доно-Волжского региона конца VI — V тыс. до н. э., а также возможным путям появления данных явлений посвящена одна из наших работ (*Скоробогатов*, 2026б).

В заключение хотелось бы затронуть вопрос, насколько первое появление признаков производящего хозяйства (продуктов скотоводства) изменило быт и уклад населения Среднего Подонья и смежных территорий в V тыс. до н. э. Судя по данным изотопных исследований и остеологических коллекций, резкой перемены в пищевых предпочтениях населения начала энеолитической эпохи, оставившего могильники мариупольского типа, не произошло. По-прежнему, как и в неолите, в раннем энеолите основой жизнеобеспечения являлись продукты присваивающих форм хозяйства при первых попытках обзавестись домашними животными. Новые эпохальные перемены больше затронули обрядово-ритуальную сферу, что нашло отражение в материалах грунтовых могильников степи — юга лесостепи. Но уже в среднем энеолите, с хвалынско-среднестоговским населением, наибольшее развитие получает традиция использования МРС и КРС как в обрядово-поминальной сфере (данные могильников), так и в бытовом употреблении продукции скотоводства (данные поселений середины — второй половины V тыс. до н. э.). И для этого времени в интенсивности использования продукции скотоводства наблюдается разница между степной и лесостепной зонами. Интересна точка зрения археозоолога Н. В. Росляковой и соавторов, что население лесостепи Поволжья в период бытования поселения Лебяжинка VI (преимущественно поздний энеолит) само не разводило скот, а обменивало его у южных степных скотоводов на меха. «Круглогодичное содержание крупного и мелкого рогатого скота требовало бы его обеспечения зимними кормами», либо приходилось бы перегонять скот на доступные пастбищные угодья (*Рослякова и др.*, 2025. С. 153). В итоге, по заключению исследователей, при таком ведении хозяйства домашних животных содержали в теплое время года и съедали до наступления зимы. Насколько такое предположение подходит для энеолита Среднего Подонья, расположенного на стыке степной и лесостепной зон, покажут будущие комплексные исследования как на юге, так и на севере Донской лесостепи. Важно то, что население Среднего Подонья сделало первый шаг от присвоения пищевых ресурсов окружающей среды к попыткам их производства путем использования продукции скотоводства.

В будущем работы по теме исследования планируется продолжить путем поиска и исследования новых стратифицированных памятников, а также более глубоким и расширенным анализом стабильных изотопов из материалов могильников, оставленных населением неолита, энеолита и бронзового века Донской лесостепи.

Статья поступила в редакцию 26 июля 2026 г.

Антипина, Лебедева, 2005 — *Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю.* Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4. С. 70–78.

Выборнов и др., 2019 — *Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И.* Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. 2019. № 2: Вражда и ваджра: сила и слава праистории. С. 359–368.

Галкин, 1975 — *Галкин Л. Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. 1975. № 3. С. 186–192.

Добровольская, Решетова, 2016 — *Добровольская М. В., Решетова И. К.* Изотопное исследование антропологических материалов из погребальных памятников эпохи бронзы на Среднем Дону // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. 2. С. 172–181.

Лебедева, 2005 — *Лебедева Е. Ю.* Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии: Сб. ст. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2005. С. 50–68.

Левенок, 1965 — *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. М.: Наука, 1965 (МИА; № 131). С. 223–251.

Левенок, 1969 — *Левенок В. П.* Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: Автореф. дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 (археология). Л.: [б. и.], 1969. 19 с.

Малов, 2008а — *Малов Н. М.* Задоно-Авиловский энеолитический могильник (по материалам раскопок И. В. Синицына) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 8. Саратов: Научная книга, 2008. С. 3–15.

Малов, 2008б — *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. 2008. С. 32–134.

Малютина, Скоробогатов, 2026 — *Малютина А. А., Скоробогатов А. М.* Трубчатые костяные изделия из могильника Хлопков Бугор: данные трасологического анализа // Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона в энеолите — раннем бронзовом веке. Вып. VI. М.: ИА РАН, 2026. С. 43–47.

Платонова, Скоробогатов, 2026 — *Платонова С. А., Скоробогатов А. М.* Первый опыт изучения нагаров с керамики эпохи энеолита Среднего Дона (V — начало IV тыс. до н. э.) // Самарский научный вестник. 2026. Т. 15, № 1. С. 75–83. DOI: 10.55355/snv2026151202

Рослякова и др., 2025 — *Рослякова Н. В., Бачура О. П., Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Королев А. И.* Жизнеобеспечение жителей поселения эпохи энеолита Лебяжинка VI по результатам комплексного изучения остеологических материалов // Археология евразийских степей. 2025. № 1. С. 144–156. DOI: 10.24852/2587-6112.2025.1.144.156

Синюк, 1971 — *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 (археология). М.: [б. и.], 1971. 22 с.

Синюк, 1979 — *Синюк А. Т.* У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. С. 63–72.

Синюк, 1994 — *Синюк А. Т.* Основные направления развития экономики населения лесостепного Дона в энеолите — бронзовом веке // Труды Воронежского обл. краевед. музея. Вып. 2. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1994. С. 22–35.

Синюк, 1999 — *Синюк А. Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. С. 23–44.

Скоробогатов, 2022 — *Скоробогатов А. М.* Голубая Криница — грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 165–173.

Скоробогатов, 2024 — *Скоробогатов А. М.* Особенности пространственного расположения трубчатых изделий из костей птиц в погребениях эпохи энеолита Доно-Волжского региона (степь — лесостепь) // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: энеолит и ранний бронзовый век: Материалы конференции / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2024. С. 48–51.

Скоробогатов, 2025 — *Скоробогатов А. М.* Могильник мариупольского типа Голубая Криница — данные археологии и палеогенетики // АВ. 2025. Вып. 49. С. 142–147. DOI: 10. 31600/1817-6976-2025-49-142-147

Скоробогатов, 2026а — *Скоробогатов А. М.* Появление производящего хозяйства в Доно-Волжском регионе (степь — лесостепь). Современное состояние проблемы // XVIII Оразбаев оқулары: халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / Жауапты ред. Р. С. Жуматаев. Алматы: Қазақ университеті, 2026. С. 31–36.

Скоробогатов, 2026б — *Скоробогатов А. М.* Жертвенники с костями животных в грунтовых могильниках степи — лесостепи Понто-Каспия и некоторые вопросы развития производящего хозяйства в регионе (VI–V тыс. до н. э.) // КСИА. 2026. Вып. 283. С. 182–196.

Скоробогатов, Килейников, 2025 — *Скоробогатов А. М., Килейников В. В.* Изделия из костей птиц в энеолитических погребениях Доно-Волжского региона: вопросы интерпретации атрибутов древнейших скотоводов // КСИА. 2025. Вып. 280. С. 100–115.

Скоробогатов, Рослякова, 2025 — *Скоробогатов А. М., Рослякова Н. В.* Производящее хозяйство на Среднем Дону в неолите — энеолите: современное состояние проблемы // Археология евразийских степей. 2025. № 6. С. 22–32. DOI: 10.24852/2587-6112.2025.6.22.32

Скоробогатов, Федюнин, 2018 — *Скоробогатов А. М., Федюнин И. В.* Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья // АВ. 2018. Вып. 24. С. 42–49.

Федюнин и др., 2021 — *Федюнин И. В., Меркулов А. Н., Березуцкий В. Д., Килейников В. В., Сурков А. В., Разуваев Ю. Д., Чендев Ю. Г., Смольянинов Р. В., Скоробогатов А. М., Ивашов М. В., Кравец В. В., Обломский А. М., Владимиров С. И., Тропин А. Н.* Очерки археологии лесостепного Подонья в эпоху голоцена. Воронеж: Научная книга, 2021. 852 с.

Черных, 2010 — *Черных Е. Н.* Медь из Хвалынских могильников и ее параллели (по данным спектроаналитических исследований) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов / Сост. и науч. ред. С. А. Агапов. Самара: Поволжье, 2010. С. 219–233.

Шишлина, 2023 — *Шишлина Н. И.* Хвалынский I энеолитический могильник: новые радиоуглеродные даты // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2023. Вып. 10. С. 123–129.

Anthony et al., 2022 — *Anthony D., Khokhlov A., Agapov S., Agapov D., Schulting R., Olalde I., Reich D.* The Eneolithic Cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Bd. 97 (1). P. 22–67. DOI: 10.1515/pz-2022-2034

Bondetti et al., 2021 — *Bondetti M., Gonzalez Carretero L., Dolbunova E., McGrath K., Presslee S., Lucquin A., Tsybriy V., Mazurkevich A., Tsybriy A., Jordan P., Heron C., Meadows J., Craig O. E.* Neolithic farmers or Neolithic foragers? Organic residue analysis of early pottery from Rakushechny Yar on the Lower Don (Russia) // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. No. 13. P. 141. DOI: 10.1007/s12520-021-01412-2

Budd, Lillie, 2020 — *Budd C., Lillie M.* The prehistoric populations of Ukraine: stable isotope studies of fisher-hunter-forager and pastoralist-incipient farmer dietary pathways // Prehistoric Ukraine from the first hunters

to the first farmers / Eds. M. C. Lillie, I. D. Potekhina. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2020. P. 283–307.

Courel et al., 2021 — *Courel B., Meadows J., Gonzalez Carretero L., Lucquin A., McLaughlin R., Bondetti M., Andreev K., Skorobogatov A., Smolyaninov R., Surkov A., Vybornov A., Dolbunova E., Heron C. P., Craig O. E.* The use of early pottery by hunter-gatherers of the Eastern European forest-steppe // Quaternary Science Reviews. 2021. Vol. 269. DOI: 10.1016/j.quascirev.2021.107143

Evershed et al., 2008 — *Evershed R., Payne S., Sherratt A.* et al. Earliest date for milk use in the Near East and southeastern Europe linked to cattle herding // Nature. 2008. Vol. 455. P. 528–531. DOI: 10.1038/nature07180

Korolev et al., 2018 — *Korolev A., Kulkova M., Platonov V., Roslyakova N., Shalapinin A., Yanish E.* Archaeological materials of Eneolithic settlements in forest-steppe zone of the Volga region: a source for diet and chronology // Radiocarbon. 2018. Vol. 60, is. 5. P. 1587–1596. DOI: 10.1017/rdc.2018.114

Lillie, Budd, 2020 — *Lillie M., Budd C.* Diet isotope analysis and related studies in Prehistoric Ukraine: fact, fiction and fantasy // Archaeology and Early History of Ukraine. 2020. Vol. 37 (4). P. 251–267. DOI: 10.37445/adiu.2020.04.20

Lillie et al., 2009 — *Lillie M., Budd C., Potekhina I., Hedges R.* The radiocarbon reservoir effect: new evidence from the cemeteries of the middle and lower Dnieper basin, Ukraine // Journal of Archaeological Science. 2009. Vol. 36. P. 256–264.

Lillie et al., 2011 — *Lillie M., Budd C., Potekhina I.* Stable isotope analysis of prehistoric populations from the cemeteries of the Middle and Lower Dnieper Basin, Ukraine // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. P. 57–68.

Mileto et al., 2017a — *Mileto S., Kaiser E., Rassamakin Yu., Evershed R. P.* New insights into the subsistence economy of the Eneolithic Dereivka culture of the Ukrainian North-Pontic region through lipid residues analysis of pottery vessels // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 13. P. 67–74. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.03.028.2

Mileto et al., 2017b — *Mileto S., Kaiser E., Rassamakin Yu., Whelton H., Evershed R. P.* Differing modes of animal exploitation in North-Pontic Eneolithic and Bronze Age societies // STAR: Science & Technology of Archaeological Research. 2017. Vol. 3, is. 1. P. 112–125. DOI: 10.1080/20548923.2018.1443547

Nikitin, Ivanova, 2022 — *Nikitin A. G., Ivanova S.* The Origins and Chronology of the Usatove Culture // Archaeologia Lituana. 2022. Vol. 23. P. 148–156.

Roffet-Salque, 2012 — *Roffet-Salque M.* Was milk processed in these ceramic pots? Organic residue analyses of European prehistoric cooking vessels // May contain traces of milk — Investigating the role of dairy farming and milk consumption in the European Neolithic. York: The University of York, 2012. P. 127–141.

Stojanovski et al., 2020 — *Stojanovski D., Živaljević I., Dimitrijević V., Dunne J., Evershed R. P., Balasse M.* et al. Living off the land: Terrestrial-based diet and dairying in the farming communities of the Neolithic Balkans // PLosONE. 2020. Vol. 15 (8). e0237608. DOI: 10.1371/journal.pone.0237608

Tykot, 2004 — *Tykot R. H.* Stable isotopes and diet: You are what you eat // Proceedings of the International School of Physics "Enrico Fermi" Course CLIV / Eds. M. Martini, M. Milazzo, M. Piacentini. Amsterdam: IOS Press, 2004. P. 433–444.

The emergence of signs of a producing economy in the Middle Don region: current results and future directions of the research

A. M. Skorobogatov[5]

Keywords: Middle Don, Aeneolithic, producing economy, settlement, burial ground, absolute dating, stable isotopes

Despite many years of research of Neolithic and Aeneolithic sites in the Middle Don region, the timing of the emergence of producing economy forms (specifically livestock husbandry) in this area remains one of the most pressing questions. This article presents, for the first time (for the Middle Don region), up-to-date data from comprehensive interdisciplinary studies of materials from settlements and burial sites dating to the 5th–4th millennia BC. The findings include results from osteological and ZooMS analyzes of samples from the stratified Cherkasskaya 3 settlement, gas chromatography-mass spectrometry (GC-MS) analysis of food residues on Aeneolithic pottery, traceological analysis of bone artifacts, AMS dating, and stable isotope data from animal and human bones. The earliest evidence of domestic animals at sites in the Middle Don region dates to no earlier than the 2nd half of the 5th millennium BC, although some data (GC-MS analysis of pottery residues) suggest these processes may have begun as early as the 1st half of the 5th millennium BC.

[5] Andrey M. Skorobogatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru.

Феномен старообрядчества в днепро-донской бабинской культуре (2200–1800 calBC)[1]

Р. А. Мимоход[2]

Аннотация. *Статья посвящена характеристике погребений днепро-донской бабинской культуры финала среднего бронзового века на юге Среднего Подонья, обладающих специфическими «аномальными» признаками. Проведен анализ их радиоуглеродных дат. Данные рассмотрены в контексте генеральной линии развития культурного круга Бабино на основных его территориях от Прута до Волги. Выявлен феномен старообрядчества в днепро-донской бабинской культуре на юге Среднего Подонья и в степном Крыму.*

Ключевые слова: *Восточная Европа, финал среднего бронзового века, днепро-донская бабинская культура, старообрядчество, филоновская группа, евпаторийская группа, стратиграфия, хронология, радиоуглеродные даты, обряд, пряжки*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-189-207

Днепро-донская бабинская культура (далее — ДДБК) занимает обширную территорию от Днепра до Волги в широтном отношении и от лесостепи до Северного Причерноморья и низовий Дона — в меридиональном (рис. 1). Юг Среднего Подонья является глухой периферией этой территории. Погребения здесь малочисленны и обладают определенной спецификой, которая детально рассматривается в настоящей статье.

Более десяти лет назад были опубликованы три захоронения ДДБК на этой территории, отнесенные мной к категории «аномальных», которые в обрядовом и хронологическом отношении не укладывались в генеральную линию развития ДДБК основного ареала (рис. 2–7). Речь идет о комплексах Ясиновский 1/1[3] (рис. 2, *2*) (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. С. 30, рис. 69; 70, *2*) и Средний Икорец 2/5 и 2/7 (рис. 5, *1, 2*) (*Маслихова, Сафонов*, 2014. С. 259, 260, рис. 3, *3–5*). Тогда их особенности были отнесены к «бессистемной» девиантности.

Ситуация существенно изменилась после раскопок в 2021 г. Сочинской экспедицией ИА РАН Филоновского кургана на юге Среднего Подонья (рис. 1) (*Борисов и др.*, 2022; *Мимоход и др.*, 2026). Это был один из самых крупных курганов в регионе: его высота составляла более 4 м. В результате раскопок выяснилось, что курган хорошо стратифицирован и функционировал очень короткий промежуток времени. По его материалам выделено пять горизонтов: первые два относятся к ДДБК, а последующие три — к покровским, или, по региональной терминологии, доно-волжским абашевским, древностям. Для темы нашей статьи особый интерес представляют первые три горизонта (рис. 4, *1*).

Для столь четкой и дробной стратиграфической колонки требовалось радиоуглеродное датирование. Оно было проведено в лаборатории изотопных исследований Центра коллективного пользования «Геоэкология» РГПУ им. А. И. Герцена (шифр «SPb»: Санкт-Петербург, РФ, аналитик М. А. Кулькова) и в Национальной лаборатории ускорительной масс-спектрометрии Института физики Национального автономного университета Мексики (шифр «LEMA»: Мехико, Мексика, аналитик М. Родригес-Сеха) (табл.). В первом случае даты были получены жидкостно-сцинтилляционным методом (LSC) (табл., № 1), во втором — методом ускорительной

[1] Работа выполнена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН № НИОКТР 126011315523-4.

[2] Институт археологии РАН, Москва; e-mail: mimokhod@gmail.com.

© Мимоход Р. А., 2026

[3] Здесь и далее Ясиновский 1/1 означает курган 1, погребение 1 могильника Ясиновский.

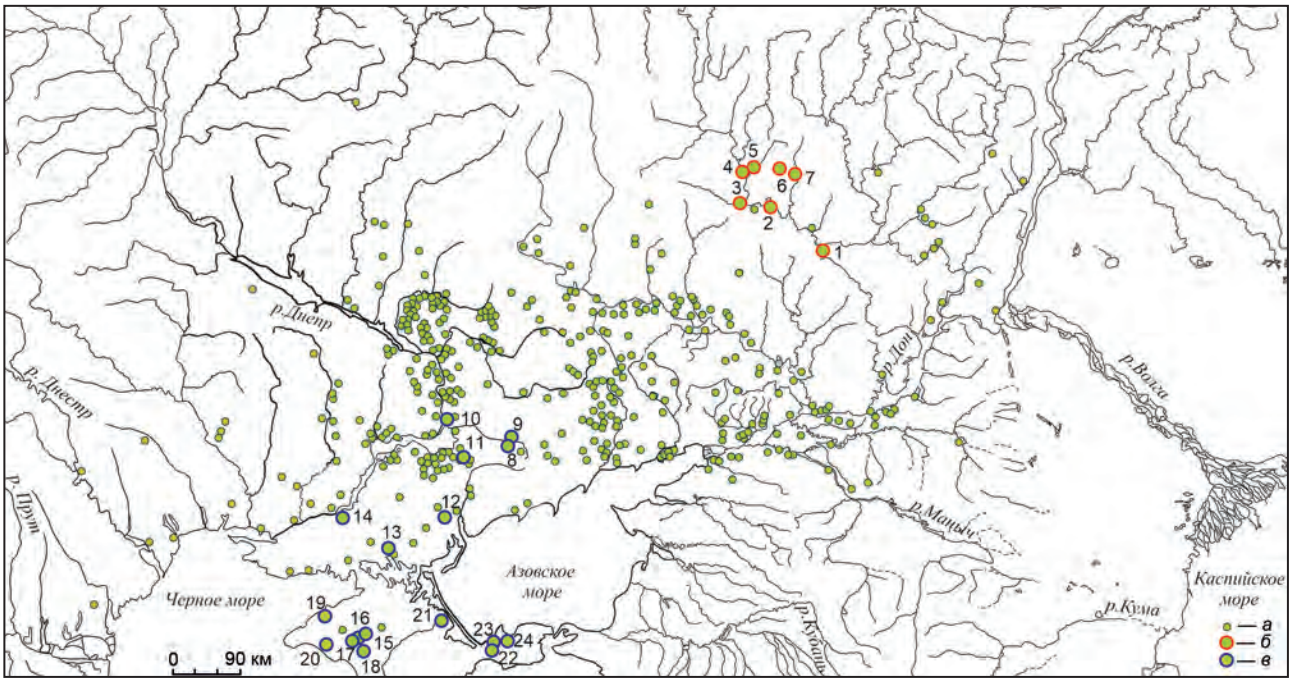

Рис. 1. Ареал днепро-донской бабинской культуры и расположение старообрядческих комплексов: *1* — Ясиновский 1/1; *2* — Филоновский кург., погр. 1 и 2; *3* — кург. у с. Старая Калитва, погр. 3; *4* — Крицкий 9/1; *5* — Средний Икорец 2/5 и 2/7; *6* — Абрамовка 7/1; *7* — Четвериково, погр. 2; *8* — Григорьевка 22/4; *9* — Пологи, погр. 2; *10* — Кичкас-II 11/6; *11* — Жовтневое-II 5/1; *12* — Тягунова Могила 11/4; *13* — Громовка-I 1/11; *14* — Новокаменка 1/2; *15* — Григорьевка 22/4; *16* — Дальнее 3/3 и 3/6; *17* — Луговое 3/1 и Луговое 4–5/6; *18* — Ленинское 4/5; *19* — Далекое 4/1; *20* — Крыловка 8/8; *21* — Акимовка, погр. 2; *22* — Ильичево 4/2 и 9/6; *23* — Ак-Таш, погр. 4, и Ак-Таш 1/6; *24* — Астанино 23/3 и 23/13. *Условные обозначения: а* — памятники днепро-донской бабинской культуры; *б* — филоновская группа; *в* — евпаторийская группа

Fig. 1. Distribution area of the Dnieper-Don Babino culture and location of the "old belief" complexes: *1* — Yasinovsky 1/1; *2* — Filonovsky burial mound, burials 1 and 2; *3* — a burial mound near the village of Staraya Kalitva, burial 3; *4* — Kritsky 9/1; *5* — Sredny Ikorets 2/5 and 2/7; *6* — Abramovka 7/1; *7* — Chetverikovo, burial 2; *8* — Grigoryevka 22/4; *9* — Pologi, burial 2; *10* — Kichkas-II 11/6; *11* — Zhovtneve-II 5/1; *12* — Tyagunova Mogila 11/4; *13* — Gromovka-I 1/11; *14* — Novokamenka 1/2; *15* — Grigoryevka 22/4; *16* — Dalneye 3/3 and 3/6; *17* — Lugovoye 3/1 and Lugovoye 4–5/6; *18* — Leninskoye 4/5; *19* — Dalekoye 4/1; *20* — Krylovka 8/8; *21* — Akimovka, burial 2; *22* — Ilyichevo 4/2 and 9/6; *23* — Ak-Tash, burial 4 and Ak-Tash 1/6; *24* — Astanino 23/3 and 23/13. Legend: *а* — sites of the Dnieper-Don Babino culture; *б* — Filonovo group; *в* — Yevpatoria group

Таблица. Филоновский курган, радиоуглеродные даты

Table. Filonovskiy Kurgan, radiocarbon dates

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата calBC (1σ)
1	Погребение 1	SPb_3747	Кость человека	3385±55	1750–1610
2	Погребение 1	LEMA 2535	Кость человека	3365±25	1690–1620
3	Погребение 2 (объект 1)	LEMA 2395	Дерево	3481±30	1880–1750
4	Погребение 2	LEMA 2536	Кость человека	3486±25	1880–1750
5	Погребение 3	LEMA 2394	Дерево	3629±30	2030–1945
6	Погребение 3	LEMA 2537	Кость человека	3450±25	1870–1690
7	Погребение 3 (комплекс 1)	LEMA 2542	Кость лошади	3404±25	1745–1680

масс-спектрометрии (AMS) (табл., № 2–7). Всего было получено 11 датировок, для первых трех горизонтов — семь (табл.).

Напомним, что периодизация памятников финала среднего — начала позднего бронзового века Восточной Европы разделена на три фазы: посткатакомбный блок (ПКБ) I (2200–2100 calBC), ПКБ II (2100–2000 calBC) и ПКБ III (2000–1800 calBC) (*Мимоход*, 2021. Ил. 13; 2023. Рис. 6; *Мимоход и др*., 2022. С. 25).

Сначала была получена LSC-дата из лаборатории в Санкт-Петербурге для погребения 1 II стратиграфического горизонта (табл., № 1), однако с учетом архаичных признаков обряда (рис. 5, *3*) я посчитал ее сильно омоложенной. Как ни удивительно, но полученная AMS-дата (табл., № 2) из Мехико по этому же комплексу совпала с LSC-датировкой из Санкт-Петербурга в пределах XVII в. до н. э.[4] (табл., № 1). Совпадение двух дат, сделанных по разным технологиям на разных континентах, исключает их некорректность. Для захоронения 2 I стратиграфического горизонта (рис. 2, *1*; 4, *1*; 7, *3*) в Мехико были получены две датировки, которые совпали чуть ли не до года в пределах XIX–XVIII вв. до н. э. (табл., № *3, 4*). Отмечу два момента. Во-первых, даты I и II стратиграфических горизонтов (погребения 2 и 1) Филоновского кургана расположились по времени в соответствии с последовательностью совершения погребений (рис. 4, *1*). Во-вторых, остается устойчивое впечатление, что все четыре датировки, которые укладываются в фазу ПКБ III, не соответствуют архаичной обрядности комплексов, характерной для фазы ПКБ I.

При внимательном изучении можно заметить «странность» дат, полученных в Мексике для Филоновского кургана (см.: *Мимоход и др*., 2026). Даты покровского погребения 3 III стратиграфического горизонта выглядят древнее (табл., № 5–7) дат захоронения 1 II горизонта (табл., № 1, 2). Из этих трех датировок (табл., № 5–7; рис. 4, *1*) одна, полученная по дереву (табл., № 5), оказалась заметно древнее двух других даже без отрезка пересечения. Видимо, здесь мы имеем дело с хорошо известным эффектом удревнения древесины и поэтому сталкиваемся с датой, не соответствующей реальному возрасту комплекса. Две другие даты, определенные по кости человека (табл., № 6) и кости травоядного животного (табл., № 7), имеют хороший отрезок пересечения в пределах XVIII–XVII вв. до н. э. Однако нельзя не заметить, что датировка по кости человека древнее, чем по кости лошади. Кроме ^{14}C, стабильных изотопов у нас нет, но хорошо известно, что в отличие от человека резервуарный удревняющий эффект не может проявиться у травоядного животного (см.: *ван дер Плихт и др*., 2016; и др.), а потому лучше из двух дат ориентироваться именно на образец кости лошади (табл., № 7).

Далее, если сравнить эту дату с совпавшими датировками погребения 1 II стратиграфического горизонта, то разница между ними составит всего 19 лет. Здесь уточним, что у двух дат по образцам одного скелета погребения 1, сделанных в разных лабораториях, тоже имеется разница (а ведь комплекс один), которая составляет 20 лет (табл., № 1, 2). В рамках вероятностных значений радиоуглеродного датирования разница и в первом, и во втором случае ничтожна. Иными словами, уверенно можно констатировать, что корректные даты погребения 3 III стратиграфического горизонта Филоновского кургана и ^{14}C данные захоронения 1 II горизонта фактически совпадают. Это означает, что последовательность совершения захоронений при раскопках памятника была прослежена верно, и даты этому не противоречат. Их совпадение свидетельствует только об одном: «шаг стратиграфии» между устройством погребений 1 и 3 был очень небольшим, и на данном примере можно говорить о сосуществовании ДДБК и памятников покровского типа в Среднем Подонье на фазе ПКБ III. Тогда возникает вопрос интерпретации архаичного обряда фазы ПКБ I захоронений 2 и 1 Филоновского кургана, для которых получены поздние даты. В этом случае, рассматривая вопросы хронологии и особенности обрядово-инвентарного комплекса, можно предложить культурологические реконструкции.

Выяснилось, что на юге Среднего Подонья известна серия погребений ДДБК, в которых прослежены архаичные обрядовые признаки и имеются поздние типы пряжек. Причем в большинстве их присутствуют поясные детали того же типа, что и в погребении 2 Филоновского кургана (рис. 2, *1*). Пряжки относятся к типу 2о по классификации Р. А. Литвиненко (*Литвиненко*, 2009а. С. 49, 51), в который включены изделия, ровные в сечении и с двумя разновеликими отверстиями (рис. 2, *1–3*; 3, *6*).

Комплексы Старая Калитва/3[5], Высокая Гора 1/1, Филоновский/2, Четвериково/2

[4] Здесь и далее мы будем оперировать радиоуглеродными датам с вероятностью 1σ.

[5] Здесь и далее Старая Калитва/3 означает курган Старая Калитва, погребение 3.

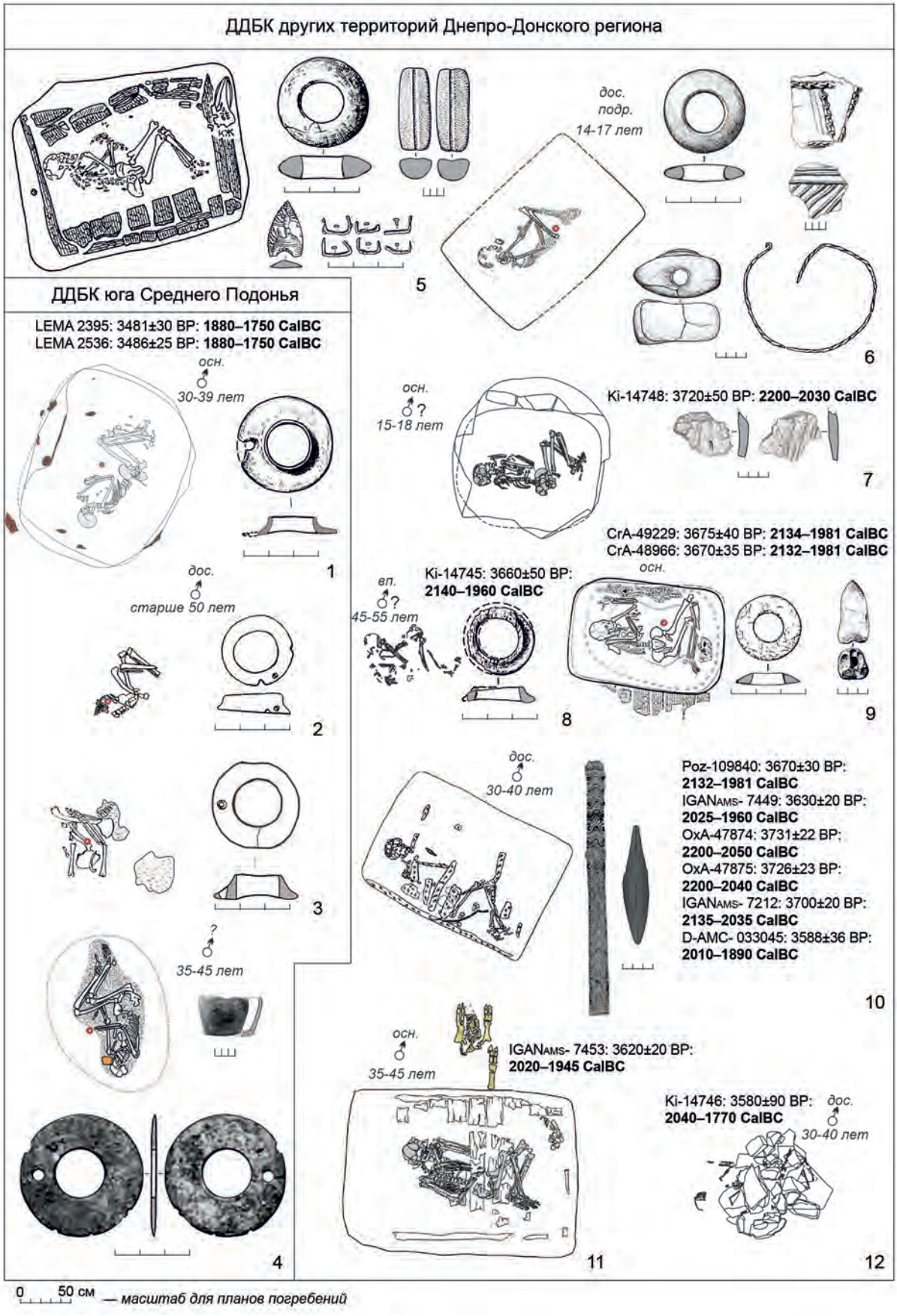

ДДБК других территорий Днепро-Донского региона
дос.
подр.
14-17 лет
5
6
ДДБК юга Среднего Подонья
LEMA 2395: 3481±30 BP: 1880–1750 CalBC
LEMA 2536: 3486±25 BP: 1880–1750 CalBC
осн.
30-39 лет
1
осн.
15-18 лет
Ki-14748: 3720±50 BP: 2200–2030 CalBC
7
CrA-49229: 3675±40 BP: 2134–1981 CalBC
CrA-48966: 3670±35 BP: 2132–1981 CalBC
дос.
старше 50 лет
2
вп.
45-55 лет
Ki-14745: 3660±50 BP:
2140–1960 CalBC
8
осн.
9
дос.
30-40 лет
Poz-109840: 3670±30 BP:
2132–1981 CalBC
IGANAMS- 7449: 3630±20 BP:
2025–1960 CalBC
OxA-47874: 3731±22 BP:
2200–2050 CalBC
OxA-47875: 3726±23 BP:
2200–2040 CalBC
IGANAMS- 7212: 3700±20 BP:
2135–2035 CalBC
D-AMC- 033045: 3588±36 BP:
2010–1890 CalBC
3
10
35-45 лет
4
осн.
35-45 лет
IGANAMS- 7453: 3620±20 BP:
2020–1945 CalBC
Ki-14746: 3580±90 BP:
2040–1770 CalBC
дос.
30-40 лет
11
12
0 50 см — масштаб для планов погребений

Рис. 2. Характеристики мужской обрядовой группы днепро-донской бабинской культуры юга Среднего Подонья и других территорий Днепро-Донского региона: *1* — Филоновский кург., погр. 2; *2* — Ясиновский 1/1; *3* — кург. у с. Старая Калитва погр. 3; *4* — кург. у с. Четвериково погр. 2; *5* — Новая Баранниковка 5/10; *6* — Керчик 16/5; *7* — Ясиновский III од. кург./19; *8* — Ясиновский III од. кург./6; *9* — Хомуш-Оба 2/8; *10* — Пологи 1/2; *11* — Мариенфельд 2/3; *12* — Ясиновский III од. кург./13 (погребения: осн. — основное, вп. — впускное, дос. — досыпка)

Fig. 2. Characteristics of the male ritual group of the Dnieper-Don Babino culture in the southern Middle Don region and other territories of the Dnieper-Don region: *1* — Filonovsky burial mound, burial 2; *2* — Yasinovsky 1/1; *3* — a burial mound near the village of Staraya Kalitva, burial 3; *4* — a burial mound near the village of Chetverikovo, burial 2; *5* — Novaya Barannikovka 5/10; *6* — Kerchik 16/5; *7* — Yasinovsky III, single burial mound/19; 8 — Yasinovsky III, single burial mound/6; *9* — Khomush-Oba 2/8; *10* — Pologi 1/2; *11* — Marienfeld 2/3; 12 — Yasinovsky III, single burial mound/13 (burials: осн. — primary, вп. — intrusive/secondary, дос. — additional fill)

(рис. 2, *1, 3, 4*; 3, *6*) характеризуются хорошо узнаваемыми обрядовыми стандартами ДДБК: левобочным положением скелета и ориентацией в южный, юго-западный и восточный секторы. Однако обращает на себя внимание, что в захоронениях с однотипными пряжками представлены принципиально разные обрядовые группы: архаичных фаз ПКБ I и II (рис. 2, *1–3*) и поздней фазы ПКБ III (рис. 3, *6*). Нестандартность ситуации проступает более отчетливо при анализе двух других комплексов с поздними пряжками — в Абрамовке 7/1 и Крицком 9/1 находились «пакетированные» скелеты (рис. 6, *1, 2*). В ДДБК обряд вторичного захоронения практиковался исключительно на раннем этапе (*Литвиненко*, 2011а. С. 20). Это хорошо подтверждает то, что в захоронениях с «пакетированными» скелетами ДДБК на основной территории встречены вещи-хрономаркеры раннего этапа развития ДДБК: наборы стрелоделов и корчаги (рис. 6, *3–5*) (*Литвиненко*, 1997; 1998; 1999). Эти категории инвентаря, кроме нашего случая, никогда не сочетаются с пряжками типа 2о, ровными в сечении и с двумя разновеликими отверстиями. Показательно, что датировка «пакетов» как рудиментов предшествующей эпохи фазой ПКБ I характерна и для других посткатакомбных культурных образований (*Мимоход*, 2013. С. 32, 33; 2023. Рис. 2, *8*).

Ситуация становится еще более интересной, если рассмотреть обряд комплекса Средний Икорец 2/7. Правобочное положение скелета с ориентацией на восток и руками, протянутыми к коленям (рис. 5, *2*), является ярким индикатором женской обрядовой группы архаичной ДДБК (*Отрощенко*, 1992. С. 165; *Литвиненко*, 2006. С. 218; 2007. С. 158; *Мимоход*, 2025. С. 65, рис. 3, *1, 2*). Для этого захоронения имеются антропологические определения: в могиле лежал подросток 12–15 лет, половая принадлежность не устанавливается. Однако в погребении 5 этого же кургана с правобочной позицией и ориентацией в восточный сектор, устроенном к тому же в яме с деревянной рамой (рис. 5, *1*), находилась именно женщина в возрасте 15–18 лет (*Маслихова, Сафонов*, 2014. С. 259). В связи с этим велика вероятность того, что и в захоронении 7 (рис. 5, *2*; 4, *2*) находилась девочка-подросток. В этом погребении обнаружена плоская костяная пряжка без бортика с большим центральными и малым боковым отверстиями, такая же, как в погребении 2 кургана у с. Четвериково (рис. 2, *4*; 3, *5*). Этот тип в классификации поясной гарнитуры ДДБК Р. А. Литвиненко не учтен, потому что он более характерен для комплексов горизонта колесничных культур фазы ПКБ III. Так, например, полностью аналогичное пряжкам из Среднего Икорца и Четвериково изделие происходит из склепа воинов-колесничих знаменитого Филатовского кургана (*Синюк, Козмирчук*, 1995. Рис. 9, *5*).

Если мы рассмотрим женскую обрядовую группу раннего этапа ДДБК, к которой относятся и погребения из Среднего Икорца, то получим такую же ситуацию, как в случае с «пакетом» и пряжкой фазы ПКБ III из комплекса Абрамовка 7/1 и расчлененными скелетами или вторичными захоронениями ДДБК фазы ПКБ I. Во всех этих случаях при однотипном очень архаичном обряде присутствуют категории инвентаря, которые не просто разновременны, но даже разделены хронологическим диапазоном фазы ПКБ II. Это подкреплено, помимо всего прочего, линией развития бабинских пряжек, которые являются самыми надежными хроноиндикаторами для периодизации культурного круга Бабино.

Три периода развития ДДБК маркируются четырьмя типами пряжек. По разработкам Р. А. Литвиненко, для раннего этапа характерны поясные детали типа 1, круглой формы с коническим или линзовидным сечением (рис. 2, *5, 6, 9*; 5, *6, 9, 10*), хронологическим маркером развитого этапа служат пряжки типа 2, с ровным сечением, одним отверстием и бортиком вокруг него (рис. 2, *8*). В конце этого периода появляются изделия

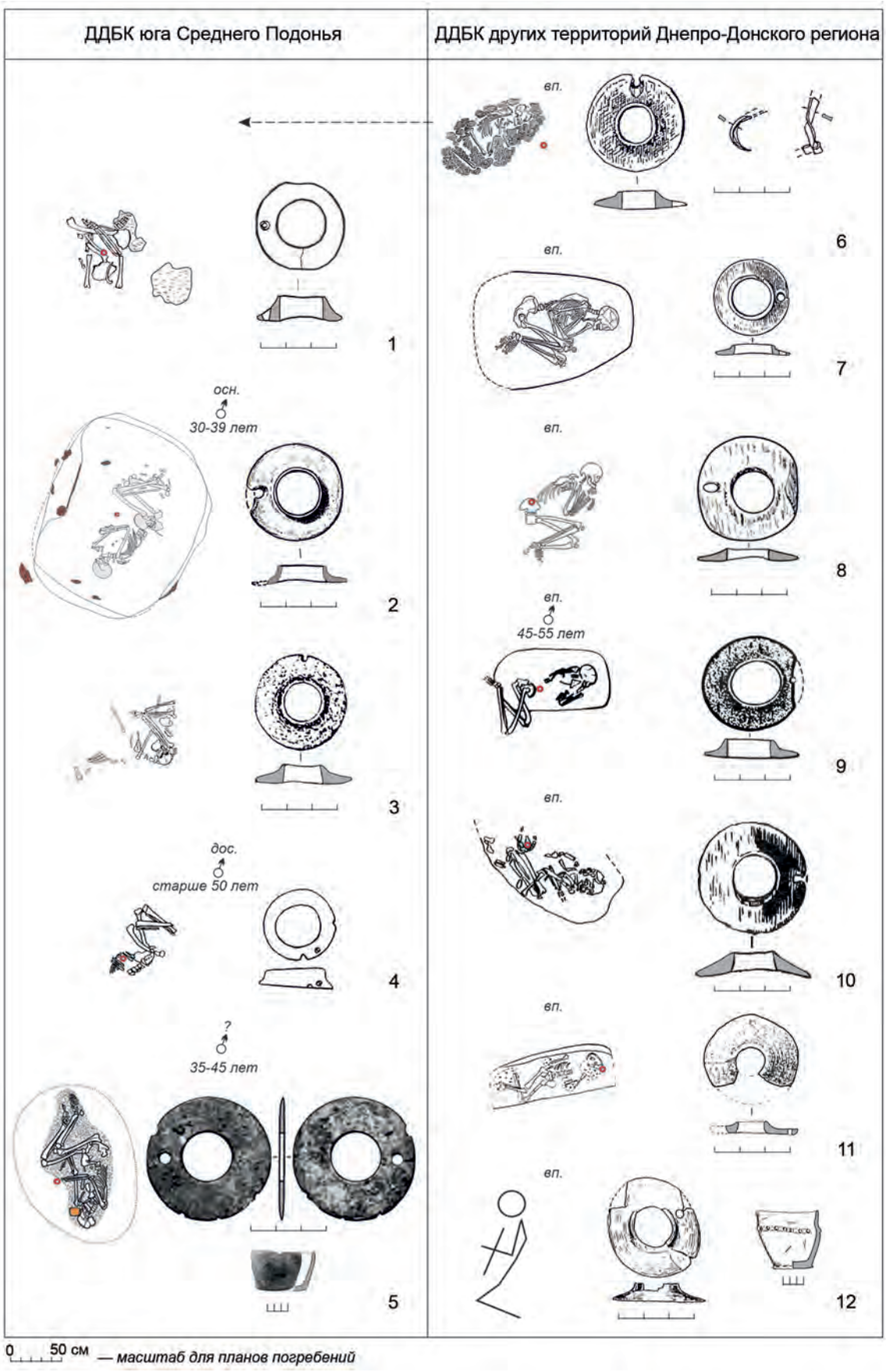

ДДБК юга Среднего Подонья
ДДБК других территорий Днепро-Донского региона
осн.
30-39 лет
дос.
старше 50 лет
?
35-45 лет
вп.
45-55 лет
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0 50 см — масштаб для планов погребений

Рис. 3. Обрядовые характеристики днепро-донской бабинской культуры юга Среднего Подонья и других территорий Днепро-Донского региона: *1* — кург. у с. Старая Калитва, погр. 3; *2*, *3* — Абрамовка 7/1; *4* — Ясиновский 1/1; *5* — Четвериково, погр. 2; *6* — Высокая Гора 1/1; *7* — Запорожец 1/19а; *8* — Арпачин 22/9; *9* — Чир II, кург. 2; *10* — кург. «Проклята Могила», погр. 16; *11* — Благовещенка (Попоризовка) 1/5; *12* — Берданосовка 3/13

Fig. 3. Ritual characteristics of the Dnieper-Don Babino culture in the southern Middle Don region and other territories of the Dnieper-Don region: *1* — a burial mound near the village of Staraya Kalitva, burial 3; *2, 3* — Abramovka 7/1; *4* — Yasinovsky 1/1; *5* — Chetverikovo, burial 2; *6* — Vysokaya Gora 1/1; *7* — Zaporozhets 1/19a; *8* — Arpachin 22/9; *9* — Chir II, burial mound 2; 10 — "Proklyata Mogila" burial mound, burial 16; *11* — Blagoveshchenka (Poporizovka) 1/5; *12* — Berdanosovka 3/13

типа 2о, плоские в сечении, с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального из них (рис. 2, *1–3*; 3, *6*), которые продолжают свое существование и на заключительном этапе ДДБК. В это же время появляются и существуют овальные изогнутые в сечении пряжки типа 3 с двумя разновеликими отверстиями (рис. 7, *12*) (*Литвиненко*, 2009а. С. 49, 51; 2016. Рис. 1).

При сравнении погребальной обрядности комплексов Средний Икорец 2/5 и 2/7 на юге Среднего Подонья (рис. 5, *1, 2*) фазы ПКБ III, для которых имеются антропологические данные, с захоронениями женской обрядовой группы с основной территории ДДБК (рис. 5, *4–13*) видна их полная идентичность вплоть до деталей. Особо следует отметить присутствие в обеих группах такого архаичного признака, как деревянные рамы (рис. 5, *1, 4, 13*). При этом в погребениях ДДБК, отнесем их к генеральной линии развития, просматривается органичное сочетание архаичных признаков как в обряде, так и в инвентаре. Так, в этой группе присутствуют исключительно пряжки типа 1 раннего этапа ДДБК (рис. 5, *6, 9, 10*)[6], в то время как в комплексе Средний Икорец 2/7 найдена одна из самых позднейших реплик в ряду изменений во времени пряжек.

В погребениях женской обрядовой группы на основных территориях распространения ДДБК помимо кольцевидных пряжек известны и другие узкодатируемые архаичные категории инвентаря: двухрожковые бусы (рис. 5, *5–7*) и лепестковидный бисер (рис. 5, *12*) — эти украшения маркируют преимущественно фазу ПКБ I (*Мимоход*, 2012; 2014). Одно из двух захоронений ДДБК женской обрядовой группы со Среднего Икорца 2/5 — безынвентарное, с деревянной рамой (рис. 5, *1*) — можно было бы легко отнести к фазе ПКБ I, а второе — Средний Икорец 2/7 — тогда рассматривать в качестве случайного девианта, тем более что пол умершего определить не удалось. Однако сложность заключается в том, что как раз безынвентарное захоронение Средний Икорец 2/7 имеет радиоуглеродную дату 1880–1760 calBC[7] (рис. 5, *2*). Нетрудно заметить, что, во-первых, эта датировка полностью совпадает с ^{14}C данными комплекса погребения 2 с пряжкой, совершенного по архаичной обрядности Филоновского кургана (рис. 2, *1*), а во-вторых, она оказывается гораздо моложе радиоуглеродных дат захоронений женской обрядовой группы ДДБК основной линии развития (рис. 5, *7, 8*). У двух последних, более древних, дат имеется интервал наложения в пределах 100 лет, и в то же время у них нет никакого отрезка пересечения с более поздней датировкой со Среднего Икорца.

Аналогичная ситуация прослеживается для еще одной малочисленной женской обрядовой группы ДДБК — погребений, в которых умершие были уложены на правый бок и головой ориентированы в южный сектор. Именно такое захоронение представляло II стратиграфический горизонт Филоновского кургана (рис. 5, *3*; 7, *7*). Для этой обрядовой группы получены две радиоуглеродные даты: одна — по комплексу ДДБК генеральной линии развития Ясиновский III од. кург./10 (рис. 5, *14*), вторая — по образцам из погребения 1 Филоновского кургана (рис. 5, *3*). Ситуация здесь такая же, как и в предыдущем случае: ясиновская дата оказалась значительно древнее филоновской и по времени она даже с ней не стыкуется.

Рассмотрим мужскую обрядовую группу ДДБК. В погребениях умершие были уложены на левый бок и головой ориентированы в западную

[6] Следует отметить, что пряжки в культурном круге Бабино — это атрибут преимущественно мужских захоронений. Приведенные на рис. 5 случаи обнаружения поясных деталей в захоронениях женской обрядовой группы (рис. 5, *6, 9, 10*) являются отклонением от нормы. Таких комплексов известно всего четыре (*Литвиненко*, 2004. С. 274, 275, рис. 8). Однако я специально поместил именно эти погребения в сопоставительную таблицу, чтобы показать, как отличаются пряжки в погребениях с одинаковым погребальным обрядом в ареале генеральной линии развития ДДБК и на территории юга Среднего Подонья.

[7] В статье, где опубликована эта дата, не указаны лаборатория, где проводилось датирование, и шифр (*Маслихова, Сафонов*, 2014. С. 259).

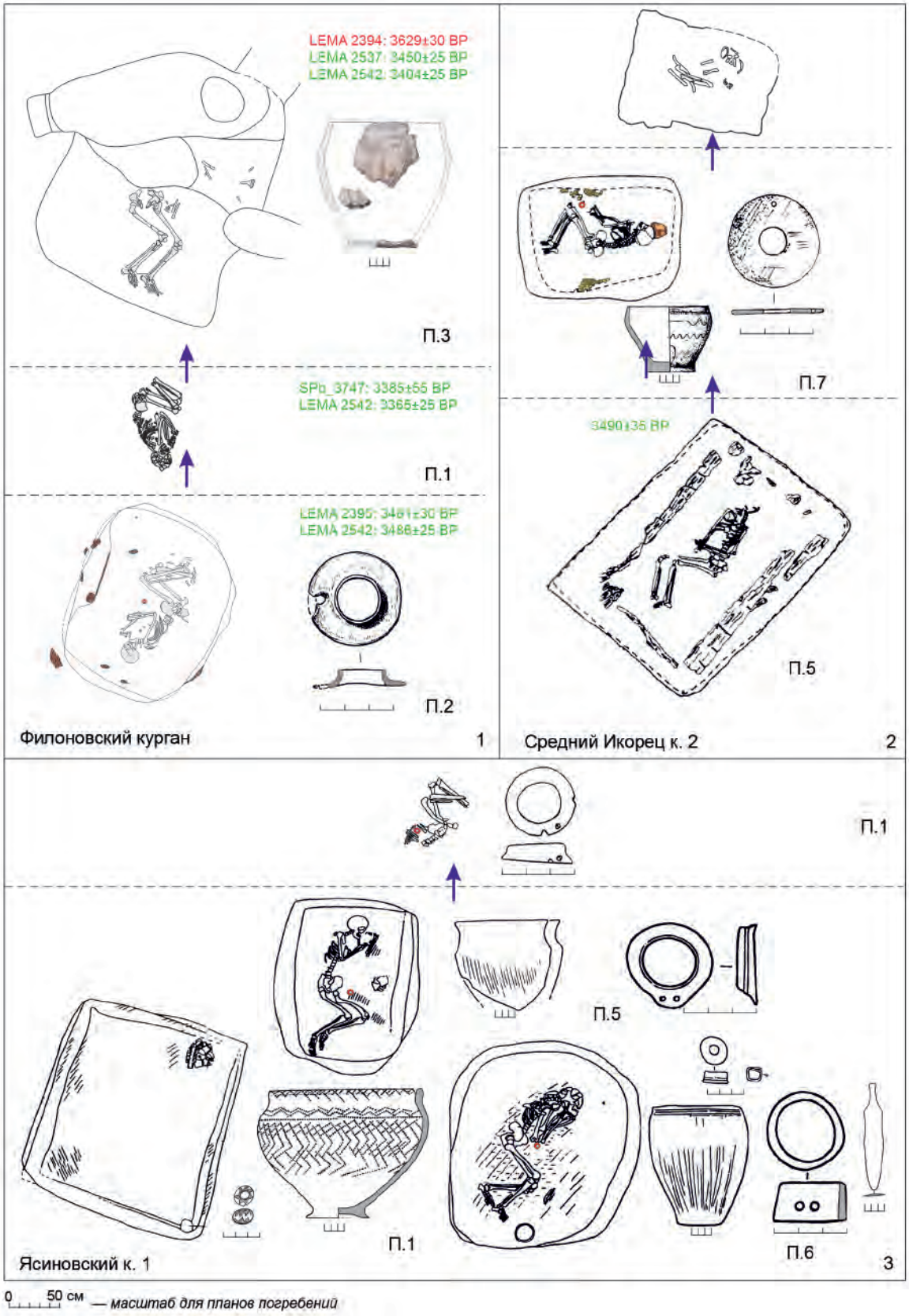

Рис. 4. Днепро-донская бабинская культура в стратиграфических колонках юга Среднего Подонья
Fig. 4. The Dnieper-Don Babino culture in stratigraphic columns of the southern Middle Don region

половину круга, реже — на юг. При детальном анализе комплекса Филоновский/2 (рис. 2, *1*) наблюдается близкая ситуация, как было показано выше. Большая яма с деревянным перекрытием, левобочная поза и юго-западная ориентация скелета являются классическими признаками мужской обрядовой группы ДДБК периода ее становления. Согласно антропологическим исследованиям, в этой могиле был погребен мужчина 30–39 лет.

Иными словами, для комплексов Филоновский/2 и Средний Икорец 2/5 и 2/7 полностью соблюдается гендерная дихотомия обряда, хорошо известная в ДДБК фазы ПКБ I и связанная с европейской миграцией, которая стала причиной формирования культурного круга Бабино (*Мимоход*, 2025). Здесь добавим, что обрядовые характеристики комплексов Старая Калитва/3, Четвериково/2, Абрамовка 7/1 и Крицкий 9/1 (рис. 2, *3*, *4*; 6, *1, 2*) также отсылают к архаичным обрядовым группам ДДБК, а трудность заключается в том, что обнаруженные в этих захоронениях пряжки относятся к фазе ПКБ III. На этом фоне в Среднем Подонье уже комплекс Высокая Гора 1/1 (рис. 3, *6*) выглядит в какой-то мере «аномальным», потому что он как раз демонстрирует все структурные элементы культурного круга Бабино фазы ПКБ III, а происходящая оттуда поясная деталь, аналогичная пряжкам из погребений с архаичной обрядностью, полностью соответствует времени заключительной фазы развития бабинских древностей.

Действительно, в завершающий период существования блока посткатакомбных культурных образований в культурном круге Бабино происходит существенная трансформация погребального обряда. Во-первых, в полный упадок приходит традиция собственного курганного строительства, во-вторых, кардинальные изменения прослеживаются в ориентации скелетов. Если на фазе ПКБ I для мужской обрядовой группы и на фазе ПКБ II уже для бабинских захоронений обоих полов характерна ориентация в западную половину круга, то на фазе ПКБ III наблюдаются восточные и северные направления.

В связи с этим имеет смысл сравнить обрядность погребений ДДБК с пряжками, имеющими плоское сечение и два отверстия (большое центральное, с бортиком вокруг него, и малое дополнительное (тип 2о, по Р. А. Литвиненко) с территории юга Среднего Подонья с захоронениями с аналогичными изделиями из ареала ДДБК генеральной линии развития. Налицо две противоположные тенденции: при одном типе поясных деталей обе группы погребений демонстрируют разнонаправленные векторы ориентации скелетов. На юге Среднего Подонья — это архаичные юго-западный и южный векторы (рис. 3, *1–4*), а на основных территориях ДДБК в это же время умерших укладывали головой преимущественно в восточный сектор, реже — в северный (рис. 3, *5–12*).

Показательно, что в большинстве днепродонских бабинских погребений фазы ПКБ III на Среднем Дону присутствуют обрядовые стандарты первых двух периодов развития ДДБК (рис. 2, *1–3*). Именно ориентации в западные секторы были характерны для бабинских погребений на основных территориях на фазах ПКБ I и II (рис. 2, *5–12*). Однако в отличие от среднедонских комплексов они сопровождались архаичными категориями инвентаря — кольцевыми пряжками типа 1 (рис. 2, *5, 6, 9*) и бронзовыми гривнами (рис. 2, *6*) фазы ПКБ I, а также пряжками типа 2 с одним отверстием и бортиком вокруг него (рис. 2, *8*) фазы ПКБ II.

Как в случае с вышерассмотренной женской обрядовой группой, показательны данные радиоуглеродного датирования. Для погребений ДДБК юга Среднего Подонья имеются четыре даты для погребений 1 и 2 Филоновского кургана (рис. 2, *1*; 4, *1*; 5, *3*), которые укладываются в XIX–XVII вв. до н. э. Если сравнить их с данными ^{14}C бабинских погребений генеральной линии развития, совершенных по аналогичной обрядности, видно, что все они значительно старше, в пределах XXII–XX вв. до н. э. (рис. 2, *7–11*), и тоже фактически без отрезка наложения с филоновскими датировками.

Выше отмечено, что на фазе ПКБ III наблюдается полная деградация курганного строительства ДДБК. Собственные курганы и досыпки фактически перестали сооружаться, и это хорошо известно, ведь на стадии становления блока посткатакомбных культурных образований наблюдается резкий рост примеров этой традиции. Однако на юге Среднего Подонья прослежена иная ситуация: большинство захоронений с пряжками фазы ПКБ III было связано с собственным курганным строительством. Комплексы Филоновский/2 и Крицкий 9/1 были основными в курганах (рис. 2, *1*; 6, *2*), а Абрамовка 7/1 (рис. 6, *1*), Средний Икорец 2/7 (рис. 5, *2*) и Ясиновский 1/1 (рис. 2, *2*) сопровождались досыпками. Сюда следует добавить погребение 1 II стратиграфического горизонта Филоновского кургана и Средний Икорец 2/5, которые тоже сопровождались досыпками.

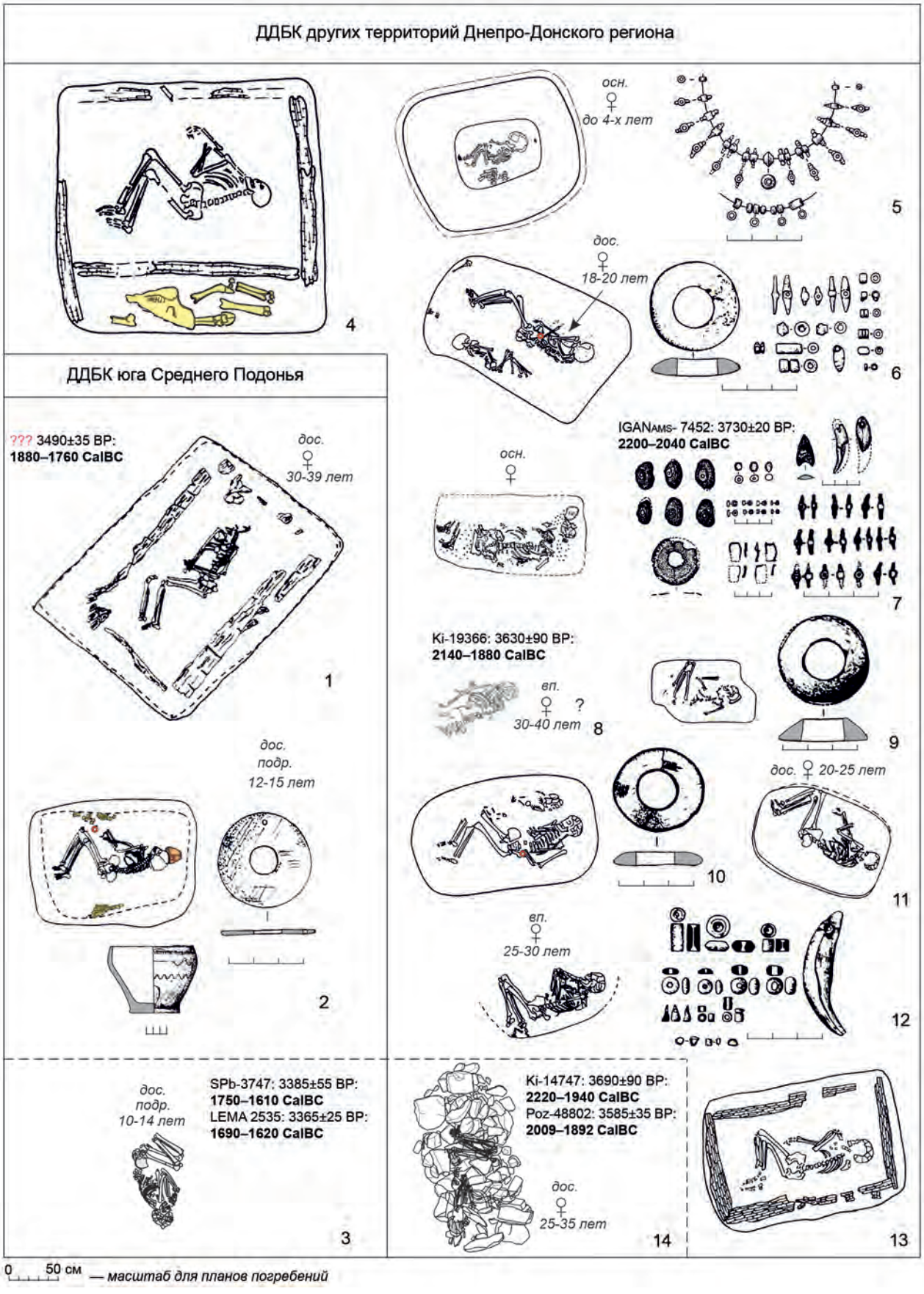

ДДБК других территорий Днепро-Донского региона
осн.
♀
до 4-х лет
5
4
дос.
♀
18-20 лет
6
ДДБК юга Среднего Подонья
??? 3490±35 BP:
1880–1760 CalBC
дос.
♀
30-39 лет
1
IGANAMS- 7452: 3730±20 BP:
2200–2040 CalBC
осн.
♀
7
Ki-19366: 3630±90 BP:
2140–1880 CalBC
вп.
♀ ?
30-40 лет
8
9
дос.
подр.
12-15 лет
дос. ♀ 20-25 лет
10
11
2
вп.
♀
25-30 лет
12
дос.
подр.
10-14 лет
SPb-3747: 3385±55 BP:
1750–1610 CalBC
LEMA 2535: 3365±25 BP:
1690–1620 CalBC
Ki-14747: 3690±90 BP:
2220–1940 CalBC
Poz-48802: 3585±35 BP:
2009–1892 CalBC
дос.
♀
25-35 лет
3
14
13
0 50 см — масштаб для планов погребений

Рис. 5. Обрядово-инвентарный комплекс женских захоронений днепро-донской бабинской культуры: *1* — Средний Икорец 2/5; *2* — Средний Икорец 2/7; *3* — Филоновский кург., погр. 1; *4* — Михайлики, погр. 1; *5* — Запорожец 1/16; *6* — Репный I 7/7; *7* — Викторовка 1/1; *8* — Чеботарев III 2/5; *9* — Углегорск 1/1; *10* — Мамай-Гора 161/7; *11* — Ребриковка II 1/5; *12* — Ребриковка II 1/7; *13* — Пришиб 2/14; *14* — Ясиновский III од. кург./10

Fig. 5. Ritual and artifact complex of female burials of the Dnieper-Don Babino culture: *1* — Sredny Ikorets 2/5; *2* — Sredny Ikorets 2/7; *3* — Filonovsky burial mound, burial 1; *4* — Mikhayliki, burial 1; *5* — Zaporozhets 1/16; *6* — Repny I 7/7; *7* — Viktorovka 1/1; *8* — Chebotarev III 2/5; *9* — Uglegorsk 1/1; *10* — Mamay-Gora 161/7; *11* — Rebrikovka II 1/5; *12* — Rebrikovka II 1/7; *13* — Prishib 2/14; *14* — Yasinovsky III single burial mound/10

Это разнится с динамикой развития ДДБК, когда на заключительном ее этапе традиция курганного строительства приходит в полный упадок, а погребения тотально являются впускными (рис. 3, *5–12*). Доля захоронений в рассматриваемой группе (рис. 7, *1–8*), которые сопровождались собственным курганным строительством, составляет 88,9 %. Фактически тот же показатель демонстрирует ДДБК фазы ПКБ I на основных территориях (*Литвиненко*, 2011б. С. 112).

В связи с этим обращает на себя внимание еще один любопытный факт. Дело в том, что для ранней ДДБК довольно строго были регламентированы секторы впуска погребений. Р. А. Литвиненко убедительно показал, что приоритетной здесь для захоронений как мужской, так и женской обрядовых групп была северная половина кургана (*Литвиненко*, 2006. С. 221, 223, рис. 6; 2012. С. 262, рис. 2). Комплексы Средний Икорец 2/5 и 2/7, совершенные по классической обрядности женщин ДДБК фазы ПКБ I (рис. 5, *1, 2*), Четвериково/2 мужской обрядовой группы (рис. 2, *4*), а также Абрамовка 7/1 (рис. 6, *1*) с «пакетированным» скелетом того же архаического времени были впущены именно в северную часть курганов (*Маслихова, Сафонов*, 2014. Рис. 2, *5*; *Медведев*, 2020. Рис. 157, *а*; *Крючков и др*., 2011. Рис. 1; 2).

На мой взгляд, весь комплекс охарактеризованных странных признаков нельзя объяснить иначе, как феноменом старообрядчества[8] в ДДБК. Похоже, что в Среднем Подонье население этой культуры каким-то образом сохранило все базовые признаки времени становления на фазе ПКБ I: собственное курганное строительство, впуск в северную половину кургана, гендерную дихотомию в обряде, ориентацию и другие архаичные признаки: умершие сопровождались поздними типами пряжек фазы ПКБ III, которым соответствуют полученные радиоуглеродные даты.

Показательной является стратиграфическая ситуация в кургане 1 могильника Ясиновский, который остается пока самым южным рассматриваемых в настоящей статье погребений (рис. 1). В кургане обнаружено погребение ДДБК с архаичной обрядностью фаз ПКБ I и II, которое содержало позднюю пряжку фазы ПКБ III (рис. 2, *2*). Это является хорошим примером изменений в интерпретации данных, логичное объяснение которых стало возможным только с накоплением новых материалов. В 1983 г. этот памятник был раскопан (*Житников*, 1983), а в 2011 г. опубликован (*Шарафутдинова, Житников*, 2011). Курган 1 имел вытянутую овальную форму. В его центральной части находилось пять погребений, которые можно отнести к памятникам покровского типа. Выкид одного из захоронений находился на погребенной почве, и в профилях четко прослеживается, что еще три могилы были впущены с уровня древнего горизонта. В связи с этим авторы сделали неизбежный вывод о том, что именно над этими захоронениями была возведена насыпь. В восточной части кургана исследовано погребение 1 с пряжкой, рассматриваемое здесь как старообрядческое (рис. 2, *2*). Авторитетный специалист по финалу среднего — позднему бронзовому веку Э. С. Шарафутдинова без сомнений и справедливо отнесла это погребение к культуре многоваликовой керамики (ныне — ДДБК). Однако возник другой вопрос: основными в кургане однозначно были покровские захоронения, из чего следует, что погребение 1 (совершенное по обряду с архаичными признаками) — впускное. Опираясь на тот непреложный факт, что ДДБК предшествует покровским древностям (что подтверждается на основных территориях), ей пришлось как-то разрешать эту дилемму.

[8] Я намеренно не использую кавычки для этого термина, который как нельзя лучше отражает не только суть явления, но и очень точен с точки зрения семантики русского языка. Мы все понимаем, что в отечественной истории феномен старообрядчества связан с никонианской эпохой. Однако тогда была воспроизведена, правда, в условиях жесткого реформаторства, модель, имманентно присущая человеческому мировоззрению, которая появилась и функционировала в разных культурах и в разное время задолго до церковного раскола.

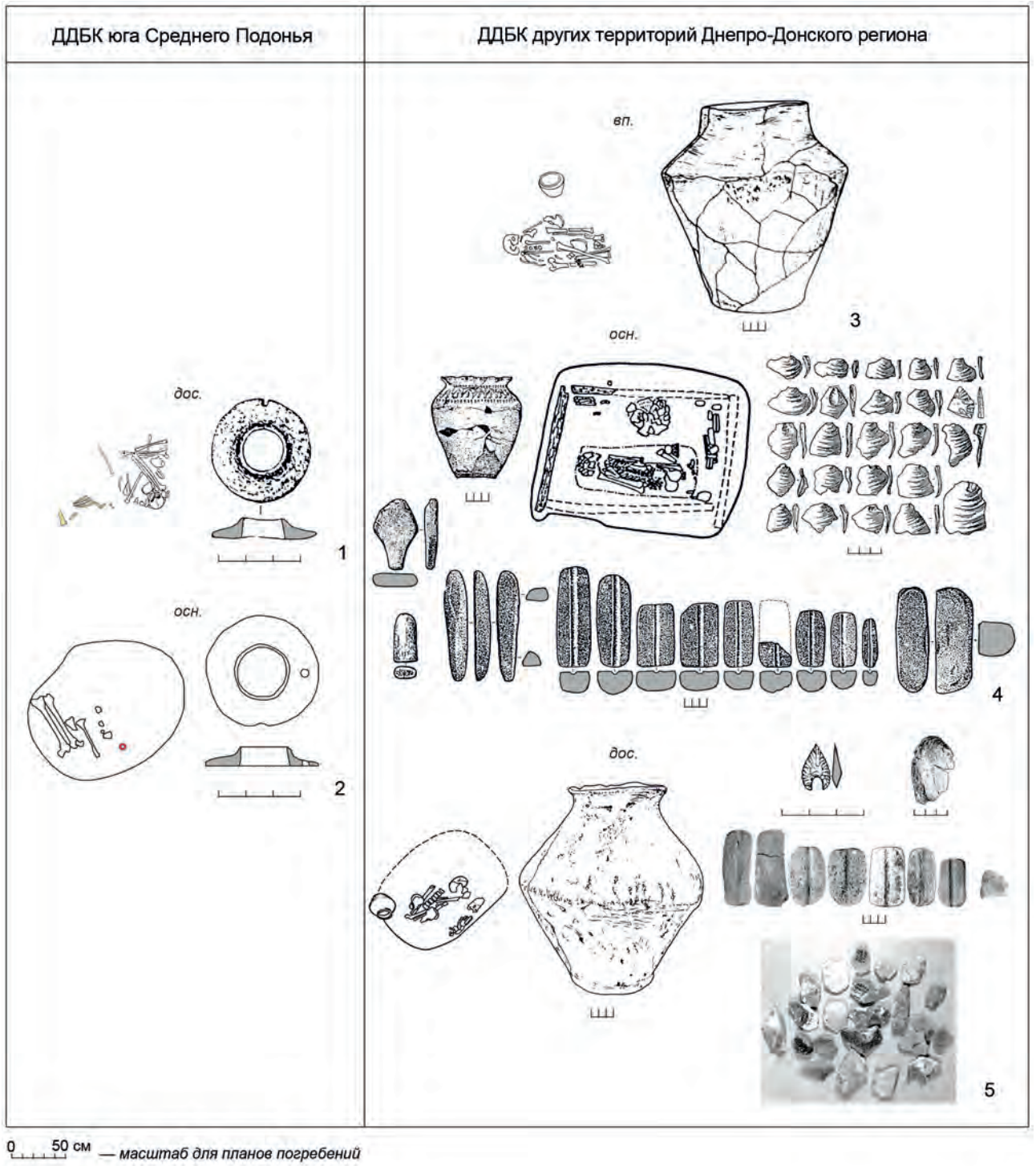

Рис. 6. Обрядово-инвентарные характеристики «пакетированных» скелетов днепро-донской бабинской культуры: *1* — Абрамовка 7/1; *2* — Крицкий 9/1; *3* — Черная Могила 3/2; *4* — Барвиновка 8/1; *5* — Актовое 7/21

Fig. 6. Ritual and grave-good characteristics of "bundled" skeletons of the Dnieper-Don Babino culture: *1* — Abramovka 7/1; *2* — Kritsky 9/1; *3* — Chernaya Mogila 3/2; *4* — Barvinovka 8/1; *5* — Aktovoye 7/21

С учетом того, что, по мнению Э. С. Шарафутдиновой, в профилях фиксировалась только одна насыпь — покровская, в монографии была предложена следующая объяснительная модель: «Насыпь для погребения 1 могла быть незначительной и, видимо, будучи перекрыта длинной насыпью над погребениями эпохи поздней бронзы, не прослеживалась» (*Там же*. С. 30). Как такое возможно в принципе, непонятно. Для меня 15 лет назад, сразу после прочтения этой монографии, было очевидно, что бабинское погребение 1 было впущено в покровскую насыпь (рис. 4, *3*). На этот факт более 30 лет назад, видимо, после работы с данными полевой документации, обратил внимание Р. А. Литвиненко (*Литвиненко*, 1995. С. 83).

Однако ситуация оказалась еще более интересной. Принимая во внимание, что старообрядцы фазы ПКБ III сохранили раннебабинскую традицию активного курганного строительства, при пересмотре профилей кургана 1 могильника Ясиновский была выявлена еще одна выраженная прослойка, залегавшая на покровской насыпи в восточной части кургана (*Шарафутдинова, Житников*, 2011. Рис. 69). Эта прослойка, которую следует интерпретировать не иначе как досыпку, планиграфически могла быть связана только с погребением 1. Авторы монографии в тексте ее не рассматривали, сделав упор на предложенную идею с несохранившимся ранним бабинским курганом. Справедливости ради отмечу, что в отчете эта линза упомянута: «В восточной части бровки <…> выявлена мощная линза гумуса, частично перекрывавшая восточный край насыпи. Основная масса гумуса покоилась на погребенной почве. По-видимому, [линза. — *Р. М.*] имеет эоловое происхождение» (*Житников*, 1983. С. 3). Описание в отчете не оставляет сомнения, что зафиксирована и охарактеризована досыпка, связанная с погребением 1 (эоловые процессы невозможны в задернованной степи).

Здесь любопытен другой факт. Старообрядцы ДДБК в точности сохранили еще одну характерную раннебабинскую черту. Речь идет о сооружении длинных курганов, когда носители бабинских традиций пристраивали свои насыпи с одной из сторон к более ранним курганам или к своим насыпям, превращая их в длинные курганы, что особенно характерно для ДДБК фазы ПКБ I (*Литвиненко*, 2010. С. 45). Именно такая ситуация наблюдается в кургане 1 могильника Ясиновский, с той лишь разницей, что бабинский курган был пристроен к покровскому. Благодаря этому памятнику увеличивается перечень наиболее архаичных признаков, к которым теперь можно относить традицию сооружения длинных курганов, а также отмеченный здесь случай обратной стратиграфии является консервацией феномена старообрядчества ДДБК в покровской среде.

Было отмечено, что погребения ДДБК на периферии ареала на юге Среднего Подонья малочисленны — не более полутора десятков. В фазах ПКБ I и II носители днепро-донских бабинских традиций находились в тесном контакте с социумами воронежской культуры, и, видимо, инокультурное присутствие создало предпосылки для консервации, хотя это касалось не всех бабинских групп. Так, некоторые из них вступали в тесное взаимодействие с воронежскими социумами, в результате чего образовывались синкретические комплексы (рис. 7, *9–11*). Еще меньше групп ДДБК на юге Среднего Подонья двигались по генеральной линии развития культуры (рис. 7, *12–14*). Однако большинство днепро-донского бабинского населения (≈60 %) пошло по пути консервации и сохранения всего комплекса обрядовых признаков времени становления культуры. Сначала этому способствовало соседство с чужим «постшнуровым миром» в виде воронежской культуры, затем консервация только усугубилась на фазе ПКБ III, когда коллективы ДДБК на юге Среднего Подонья стали реальным анклавом внутри мира колесничных культур. В этом случае речь не идет о локальном варианте или о какой-то новой культуре (*Литвиненко*, 2016. С. 37). Нет, это та же ДДБК в своем старообрядческом проявлении.

Рассматриваемый феномен старообрядчества удалось зафиксировать благодаря двум важным элементам доказательной базы. Первый — присутствие очень поздних узкодатируемых категорий инвентаря в комплексах с архаичной обрядностью. Старообрядчество как явление консервирует именно обряд, но оно не может остановить трансформацию материальной культуры. Второй — серии радиоуглеродных дат как для комплексов юга Среднего Подонья, так и для погребений ДДБК генеральной линии развития. Результаты их суммирования хорошо отражают хронологическую суть явления (рис. 8).

Интересно, что в рамках культурного круга Бабино есть еще одна территория, где зафиксирован и в определенной степени изучен феномен старообрядчества. Речь идет о степном Крыме и примыкающей к нему части Нижнего Поднепровья (рис. 1; 9). В 1990-е гг. здесь была выделена евпаторийская группа (*Тощев*, 1993; 1996). Для ее

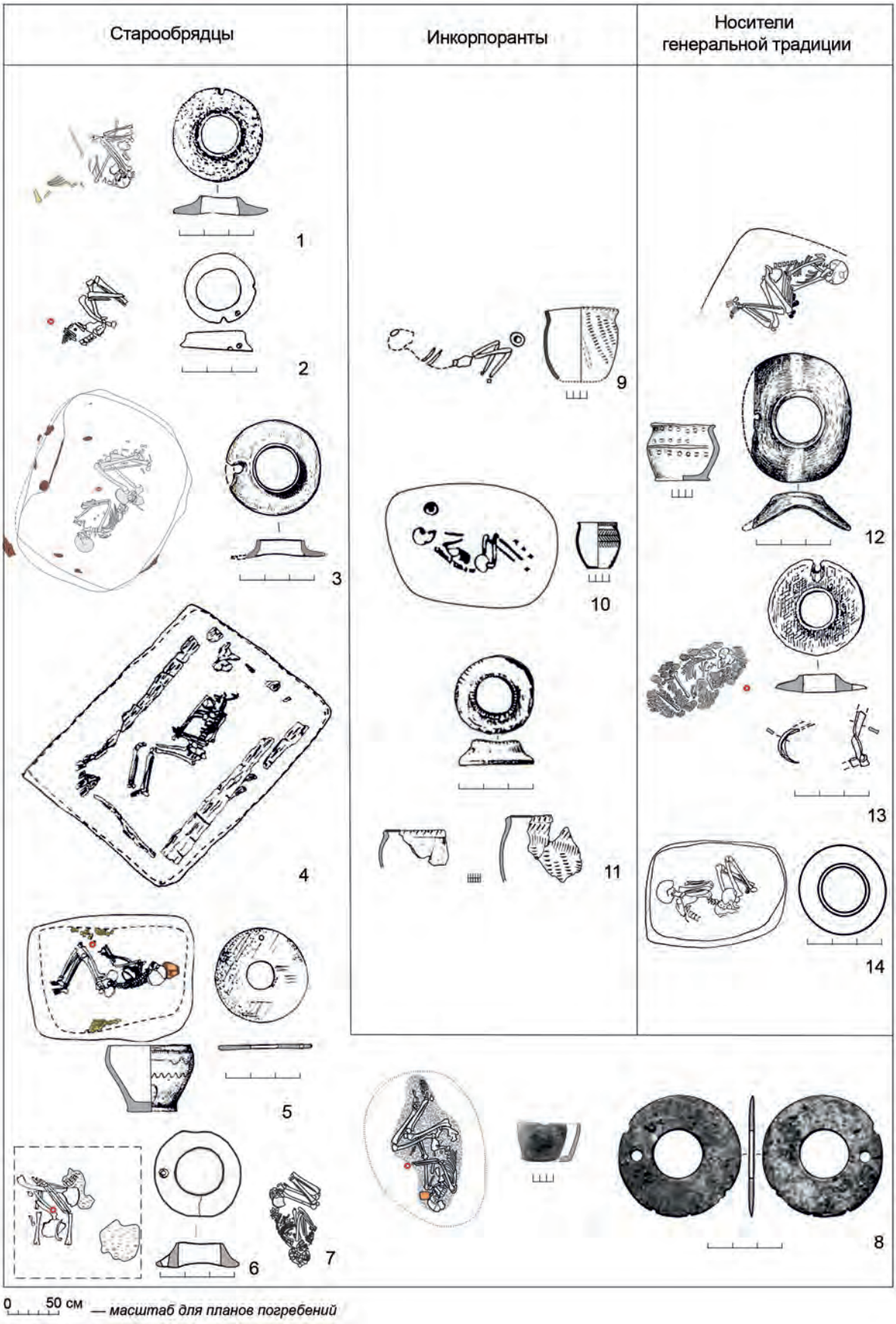

Старообрядцы
Инкорпоранты
Носители генеральной традиции
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0 50 см — масштаб для планов погребений

Рис. 7. «Судьбы» днепро-донской бабинской культуры Среднего Подонья: *1* — Абрамовка 7/1; *2* — Ясиновский 1/1; *3* — Филоновский кург., погр. 2; *4* — Средний Икорец 2/5; *5* — Средний Икорец 2/7; *6* — кург. у с. Старая Калитва, погр. 3; *7* — Филоновский кург., погр. 1; *8* — кург. у с. Четвериково, погр. 2; *9* — Хохольский 1/3; *10* — Павловский 3/1; *11* — Филатовский кург., погр. 6; *12* — Поповка-V 1/1; *13* — Высокая Гора 1/1; *14* — Ейский 1/1

Fig. 7. "Fates" of the Dnieper-Don Babino culture in the Middle Don region: *1* — Abramovka 7/1; *2* — Yasinovsky 1/1; 3 — Filonovsky burial mound, burial 2; *4* — Sredny Ikorets 2/5; *5* — Sredny Ikorets 2/7; *6* — a burial mound near Staraya Kalitva village, burial 3; *7* — Filonovsky burial mound, burial 1; *8* — a burial mound near Chetverikovo village, burial 2; *9* — Khokholsky 1/3; *10* — Pavlovsky 3/1; *11* — Filatovsky burial mound, burial 6; *12* — Popovka-V 1/1; *13* — Vysokaya Gora 1/1; *14* — Yeysky 1/1

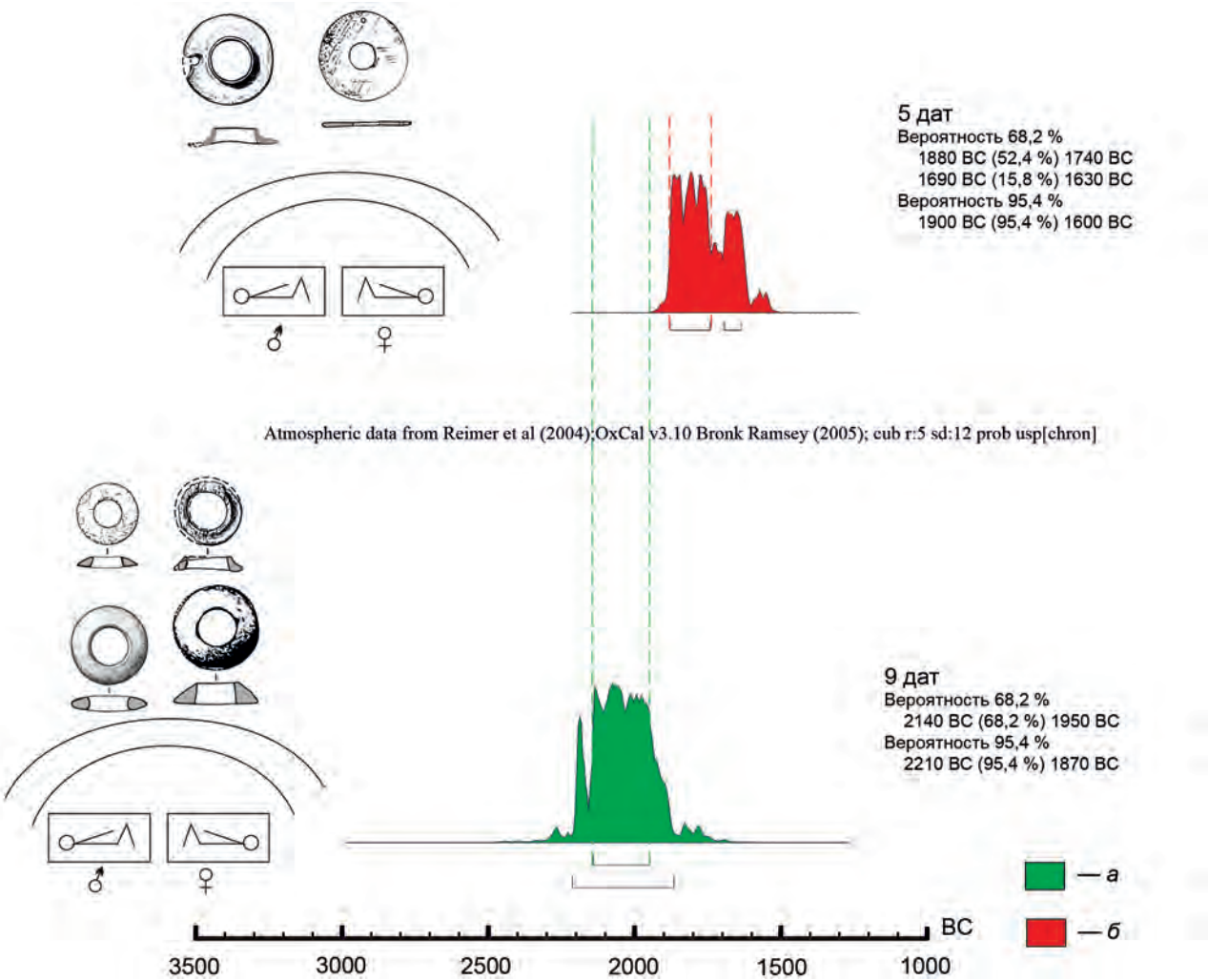

Рис. 8. Результаты суммирования радиоуглеродных дат старообрядческих комплексов днепро-донской бабинской культуры юга Среднего Подонья и других территорий Днепро-Донского региона (*а* — ^{14}C данные погребений носителей культуры фаз ПКБ I и II основных территорий; *б* — ^{14}C данные погребений носителей культуры фазы ПКБ III юга Среднего Подонья)

Fig. 8. Results of the summation of radiocarbon dates for "old belief" complexes of the Dnieper-Don Babino culture from the southern Middle Don region and other territories of the Dnieper-Don region (*a* — ^{14}C data from burials of culture bearers of phases post-catacomb unit I and II in the core territories; *б* — ^{14}C data from culture bearers of phase post-catacomb unit III in the southern Middle Don region)

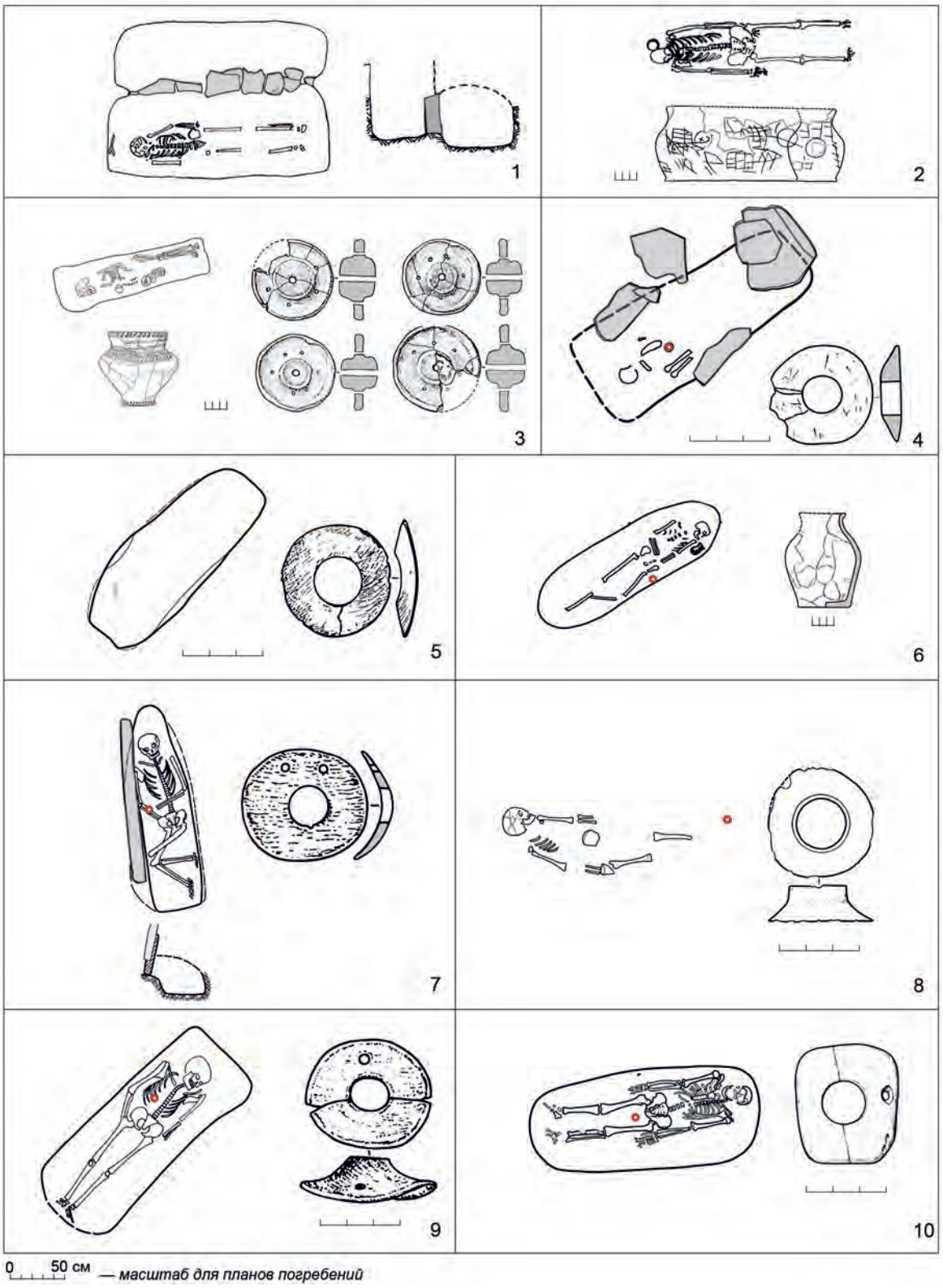

Рис. 9. Погребения евпаторийской группы: *1* — Астанино 23/3; *2* — Астанино 23/13; *3* — Ильичево 9/6; *4* — Ак-Таш 1/6; *5* — Луговое 3/1; *6* — Дальнее 3/3; *7* — Ильичево 4/2; *8* — Новокаменка 1/2; *9* — Ленинское 4/5; *10* — Громовка-1 1/11

Fig. 9. Burials of the Yevpatoria group: *1* — Astanino 23/3; *2* — Astanino 23/13; *3* — Ilyichevo 9/6; *4* — Ak-Tash 1/6; *5* — Lugovoye 3/1; *6* — Dalneye 3/3; *7* — Ilyichevo 4/2; *8* — Novokamenka 1/2; *9* — Leninskoye 4/5; *10* — Gromovka-1 1/11

погребального обряда характерны вытянутое на спине трупоположение в узких ямах и подбоях, что в культурном круге Бабино нигде больше не встречается. Евпаторийская группа существовала на всех фазах ПКБ, что надежно документируется соответствующими типами пряжек: ранними (рис. 9, *4, 5, 8*) и поздними (рис. 9, *7, 9, 10*). Исследователи справедливо связывают происхождение этого обряда с ингульской катакомбной культурой. Не используя термин «старообрядчество», Р. А. Литвиненко четко отразил суть этого явления для евпаторийской группы: «Возникнув в изолированном крымском анклаве, куда ДДБК почему-то не дошла <…> евпаторийская группа в своем погребальном ритуале смогла сберечь и трансформированную катакомбную конструкцию (продольный подбой), и вытянутую позу умершего. Однако общая малочисленность носителей данной традиции, очевидно, обусловила их растворение в среде родственной по происхождению общности ДПБК [днепро-прутская бабинская культура. — *Р. М.*]…, которая тоже существовала в степном Крыму» (*Литвиненко*, 2009б. С. 399). Скорее всего, речь не должна идти о растворении, потому что старообрядческая евпаторийская группа датируется и ранними, и поздними фазами посткатакомбного периода.

То же самое можно сказать и о старообрядцах юга Среднего Подонья. Возникает закономерный вопрос: где же тогда старообрядческие комплексы ДДБК фазы ПКБ I? Здесь отметим крайнюю малочисленность старообрядческих комплексов (их пока девять), и вполне вероятно, что «нулевые пациенты» пока не найдены, да и достоверные захоронения волго-донской бабинской культуры фазы ПКБ I в рассматриваемом регионе пока тоже единичны. Если давать название этой необычной группе, то можно назвать ее филоновской по Филоновскому кургану, который стал своеобразным ключом к решению этой загадки.

Хочется обратить внимание на отличия в реализации механизма старообрядчества в Крыму и на юге Среднего Подонья. В евпаторийской группе были законсервированы обрядовые характеристики предшествующего генетического субстрата — ингульской катакомбной культуры, а в филоновской группе были сохранены все структурные признаки погребального ритуала периода становления ДДБК, стимулированного европейским миграционным импульсом.

В заключение хочется высказать предостережение. Феномен старообрядчества — это конкретное явление. Его нельзя путать с такими реалиями как, например, формирование культуры, когда на раннем этапе нового культурного образования неизбежно будут представлены субстратные черты, или с синхронным существованием на сопредельных территориях культур, одна из которых выглядит архаичнее другой, и т. д. Чтобы констатировать то, что мы имеем дело с феноменом старообрядчества, нужно одно непременное условие: законсервированный комплекс обрядовых признаков раннего этапа развития культуры должен фактически в неизменном виде просуществовать до ее исчезновения, как это фиксируется для филоновской и евпаторийской групп. Если такой закономерности в материалах не прослеживается, мы можем говорить о чем угодно, но только не о старообрядчестве. Второй, вероятно, важный признак данного феномена проявляется в глубокой территориальной периферийности по отношению к основному ареалу культуры, по крайней мере, это так для культурного круга Бабино (рис. 1).

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2026 г.

Борисов и др., 2022 — *Борисов А. В., Каширская Н. Н., Юршенас Д. А., Хомутова Т. Э., Петросян А. А., Мимоход Р. А.* Палеоэкологические условия в степной зоне восточно-европейской равнины в посткатакомбное время // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 2. С. 83–99.

ван дер Плихт и др., 2016 — *ван дер Плихт Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П.* Радиоуглеродное датирование: Хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф, 2016 (Труды ГИМ; Вып. 203). 112 с.

Крючков и др., 2011 — *Крючков М. А., Трегуб Т. Ф., Тюрин Р. А., Федюнин И. В.* Результаты комплексного исследования кургана Четвериково на юге Среднего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. И. В. Федюнин. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2011. Вып. 14. С. 153–163.

Житников, 1983 — *Житников В. Г.* Отчет о работе Чирского отряда Ростовского Госуниверситета // НОА ИА РАН. 1983. Р-1, № 9872.

Литвиненко, 1995 — *Литвиненко Р. А.* Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II / Отв. ред. В. С. Бочкарев. СПб.: ИИМК РАН, Саратовский гос. ун-т, 1995 (Археологические изыскания; Вып. 25 (II)). С. 80–83.

Литвиненко, 1997 — *Литвиненко Р. А.* Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону: Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару / Ред. Ю. М. Бровендер и др. Київ; Вороніж; Перевальськ: Інститут археології НАН України, 1997. С. 29–33.

Литвиненко, 1998 — *Литвиненко Р. А.* Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК) / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 1998. С. 97–105.

Литвиненко, 1999 — *Литвиненко Р. А.* Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам´яного віку по раннє середньовіччя)» / Від. ред. І. Ф. Ковальова. Дніпропетровськ: [б. в.], 1999. С. 83–86.

Литвиненко, 2004 — *Литвиненко Р. А.* «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2004. Вип. 2. С. 257–290.

Литвиненко, 2006 — *Литвиненко Р. А.* Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2006. Т. 3. С. 215–236.

Литвиненко, 2007 — *Литвиненко Р. О.* Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2007. Вип. 7. С. 156–172.

Литвиненко, 2009а — *Литвиненко Р. О.* Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2009. Вип. 9. С. 44–90.

Литвиненко, 2009б — *Литвиненко Р. О.* Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток): Рукопис. дис. … д-ра іст. наук // НА ІА НАНУ. 2009. Ф. 12. Оп. 2. № 879. 798 с.

Литвиненко, 2010 — *Литвиненко Р. О.* До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я // Донецький археологічний збірник / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2010. № 13/14. С. 30–66.

Литвиненко, 2011а — *Литвиненко Р. О.* Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола // Донецький археологічний збірник. № 15 / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Донецьк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2011. С. 7–35.

Литвиненко, 2011б — *Литвиненко Р. А.* Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 108–123.

Литвиненко, 2012 — *Литвиненко Р. О.* Північ у поховальній обрядовості людності дніпро-донської бабинської культури // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної Україні: Матеріали ІІІ міжнар. іст.-археол. конф., присвяч. пам'яті С. Н. Братченка / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: [б. в.], 2012. С. 295–299.

Литвиненко, 2016 — *Литвиненко Р. О.* Пізній етап Дніпро-Донської бабинської культури // Донецький археологічний збірник / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Винниця: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2016. № 20. С. 7–43.

Маслихова, Сафонов, 2014 — *Маслихова Л. И., Сафонов И. Е.* Материалы исследований курганов у с. Средний Икорец Лискинского района Воронежской области (предварительные результаты) // Верхнедонской археологический сборник / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2014. С. 258–263.

Медведев, 2020 — *Медведев А. П.* Курганы в низовьях реки Елань. Воронеж: Изд. дом Воронежского гос. ун-та, 2020. 340 с.

Мимоход, 2012 — *Мимоход Р. А.* Фаянсовые бусы с выступами в Восточной Европе в контексте культурно-генетических процессов в конце средней — начале поздней бронзы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного археолога М. П. Грязнова / Редкол. В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 137–144.

Мимоход, 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16). 568 с.

Мимоход, 2014 — *Мимоход Р. А.* Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 18–33.

Мимоход, 2021 — *Мимоход Р. А.* Хронология и периодизация волго-донской бабинской культуры // Вопросы археологии Поволжья / Отв. ред. М. А. Турецкий. Самара: Слово, 2021. Вып. 9. С. 69–91.

Мимоход, 2023 — *Мимоход Р. А.* Западное и Южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группы к невинномысской культуре // РА. 2023. № 2. С. 20–33.

Мимоход, 2025 — *Мимоход Р. А.* Культурный круг Бабино и европейская миграция. 2200 CalBC // РА. 2025. № 3. С. 63–78.

Мимоход и др., 2022 — *Мимоход Р. А., Гак Е. И., Хомутова Т. Э., Рябогина Н. Е., Борисов А. В.* Палеоэкология — культурогенез — металлопроизводство: причины и

механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы в конце средней — начале поздней бронзы // РА. 2022. № 1. С. 20–34.

Мимоход и др., 2026 — *Мимоход Р. А., Родригес-Сеха М., Чавес Э., Загородняя О. Н.* Загадки Филоновского кургана финала средней — начала поздней бронзы: стратиграфическая колонка и радиоуглеродная хронология // КСИА. 2026. Вып. 283. С. 258–274.

Отрощенко, 1992 — *Отрощенко В. В.* О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины. К 90-летию XII Археологического съезда (Харьков — Старый Салтов, 19–21 октября 1992 г.): Тез. докл. / Отв. ред. В. В. Кравченко. Харьков: [б. и.], 1992. С. 163–165.

Синюк, Козмирчук, 1995 — *Синюк А. Т., Козмирчук И. А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.) / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 37–72.

Тощев, 1993 — *Тощев Г. Н.* Погребения КМК с вытянутыми костяками в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1993. Т. IV. С. 157–161.

Тощев, 1996 — *Тощев Г. Н.* Культуры эпохи бронзы Крымского полуострова // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы междунар. конф. Ч. 1 / Гл. ред. В. Н. Горбов. Донецк: Изд-во Донецкого гос. ун-та, 1996. С. 79–81.

Шарафутдинова, Житников, 2011 — *Шарафутдинова Э. С., Житников В. Г.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья) / Отв. ред. В. С. Бочкарев. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 180 с.

The "Old Belief" phenomenon in the Dnieper-Don Babino culture (2200–1800 cal BC)

R. A. Mimokhod[9]

Keywords: Eastern Europe, final of the Middle Bronze Age, Dnieper-Don Babino culture, phenomenon of "Old Belief", Filonovo group, Yevpatoria group, stratigraphy, chronology, radiocarbon dates, rite, buckles

The southern Middle Don region represents the periphery of the Dnieper-Don Babino culture's distribution during the final of the Middle Bronze Age. Archaeological complexes here are extremely scarce, and the overwhelming majority of them exhibit specific "anomalous" features relative to the general pattern of the culture's development in its core areas. This article is devoted to characterizing these burials, analyzing their radiocarbon dates and placing the entire body of data within the context of the overarching development strategy of the Babino culture sphere in its core territories, stretching from the Prut to the Volga. Such an analysis leads to the conclusion that the "Old Belief" phenomenon existed within the Dnieper-Don Babino culture in the south of the Middle Don region. This phenomenon manifests as the preservation — right up until the culture's decline — of virtually all ritual norms established during the culture's formative period, including those linked to European migration. It is significant that the "Old Belief" phenomenon in the south of the Middle Don region was not the only one within the Babino cultural complex; on its southern periphery, there is a typologically similar phenomenon. In the Crimean steppe and adjacent areas of the Lower Dnieper region, the Yevpatoria cultural group emerged during the formative stage of the Babino complex. This group retained the straightened inhumation rite and the reduced side-chamber grave structures characteristic of the preceding Ingul Catacomb culture. The phenomenon of "Old Belief" here takes a different form — connected to the local genetic substrate — while retaining its fundamental structural elements. The point is that the complex of archaic features, having appeared during the formative stage of the cultural complex, remained present throughout its entire existence until its disappearance.

[9] Roman A. Mimokhod — Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: mimokhod@gmail.com.

Смоленск — Гнёздово: некоторые параллели[1]

Н. А. Кренке[2]

Аннотация. *В статье рассматриваются новые данные для решения давно обсуждаемого вопроса о соотношении Смоленска и Гнёздова, привлекаются материалы раскопок последних лет в Смоленске. Основной вывод — система расселения в окрестностях Смоленска в I — начале II тыс. н. э. была сложной и изменчивой. «Центральное поселение» меняло локализацию, но на протяжении всего рассмотренного периода поселения на Соборном холме Смоленска и в устье р. Свинец существовали параллельно, менялось лишь их функциональное и размерное соотношение.*

Ключевые слова*: скандинавская культура, ранние славяне, система расселения*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-208-219

Тема сравнительного анализа материалов Смоленска и Гнёздова не нова, уже предпринималось несколько попыток решения этой задачи (*Булкин*, 2025; *Ляпушкин*, 1971; *Каменецкая*, 2019; *Кренке и др.,* 2020а; Смоленск и Гнёздово..., 1991). Материалы накапливаются небыстро, однако прирост всё же есть, даже с 2019 г., когда писалась последняя статья на эту тему. Теперь уже можно начать «послойный» анализ, избрав в качестве стержня хронологический вектор. При сопоставлении материалов в данной работе использовались лишь опубликованные данные по Гнёздовским памятникам, а материалы Смоленска были доступны автору в полном объеме — публикации и музейные коллекции. Это определяет предварительность выводов и необходимость продолжения работы при более полноценном включении в сравнение материалов Гнёздовского археологического комплекса.

Актуальность проведения намеченного сравнения очевидна: более 200 лет назад обосновано мнение, что Смоленск стоит на своем изначальном месте с центром на Соборной горе (*Ходаковский*, 1844. С. 30), а 120 лет назад было высказано другое предположение, что не Соборная гора, а Гнёздово идентично летописному («старому») Смоленску (*Спицын*, 1905. С. 7). Какое же из них верно? Даже оставляя в стороне борьбу за приоритет называться Смоленском, не менее важной, первостепенной задачей является поиск ответа на вопрос: существовали ли на удалении 12 км друг от друга два крупных поселенческих центра параллельно, или они сменяли один другой? Иными словами, была ли поселенческая структура биполярна или монополярна? Интерпретация самой поселенческой структуры — уже следующий этап исследования.

III–VII вв. Древности Смоленщины этого хронологического отрезка классифицируются и интерпретируются по-разному. Е. А. Шмидт все археологические памятники на Смоленщине объединял в тушемлинскую культуру и связывал с балтским этносом (*Шмидт*, 2003). Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев предложили выделять в древностях этого времени группу памятников III–V вв. типа Заозерье — Узмень и связывать ее генезис с киевской культурой, подразумевая их славянскую принадлежность (*Лопатин, Фурасьев*, 2007). В поздних работах Е. А. Шмидт отчасти признал эту точку зрения и начал писать о влияниях киевской культуры (*Шмидт*, 1999. С. 109). Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев также указывали на генетическую связь этой

[1] Работа выполнена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Институт географии РАН, Москва; e-mail: nkrenke@mail.ru.

© Кренке Н. А., 2026

группы с более поздними памятниками, которые обычно объединяются в колочинскую культуру. Связывать с колочинской культурой, по крайней мере, часть памятников Смоленщины V–VII вв., в том числе городище Демидовку, предлагал и А. М. Обломский (*Обломский*, 2016), при этом он не отрицал возможности использования параллельного (?) термина «тушемлинская культура». В свою очередь Н. В. Лопатин обосновывал мнение, что материалы тушемлинского городища отличаются уникальностью и не могут служить эталоном для объединения сходных памятников в культуру с тем же названием. Конкретное «наполнение» термина «тушемлинская культура» очень неоднородно, но он может сохраняться для обозначения древностей второй — третьей четвертей I тыс. н. э. на Смоленщине в качестве дани историографической традиции (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 100).

В ходе многолетнего мониторинга территории Гнёздовского комплекса Е. А. Шмидт собрал значительное количество подъемных материалов, датируемых III–VII вв. Хронологическими маркерами являются представленная в сборах Е. А. Шмидта керамика с расчесами III–IV вв. и гладкие горшки биконической формы с толстыми стенками и уплощенным верхним краем венчика (V–VII вв.). Ранним гнёздовским материалам посвящены две статьи Е. А. Шмидта, которые дополняют друг друга (*Шмидт*, 1974; 1999). Значительное количество находок, собранных на поверхности по кромке первой террасы Днепра, прорезанной руслом р. Свинец, делает обоснованным вывод Е. А. Шмидта о том, что здесь существовало поселение, протяженность которого вдоль берега Днепра составляла до 500 м (*Шмидт*, 1999. Рис. 2). Слабая насыщенность находками позволила высказать предположение, что плотность освоения территории была низкой, постройки могли стоять далеко друг от друга (*Шмидт*, 1974. С. 155). Опираясь на отчет о раскопках Центрального Гнёздовского городища 1940 г., Е. А. Шмидт предположил, что здесь также была найдена керамика, которую можно сопоставить с керамикой середины и третьей четверти I тыс. н. э. (*Там же*. С. 157). Эта коллекция, к сожалению, не сохранилась. Знакомство с фотографиями в отчете 1940 г., хранящемся в научном архиве ИИМК РАН, не позволило согласиться с Е. А. Шмидтом. На фототаблицах в отчете 1940 г., по моему мнению, представлена более поздняя керамика последней четверти I тыс. н. э. (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 289, рис. 3). Кроме того, нужно учитывать, что керамика V–VII вв. была найдена на территории, охватывающей площадку Центрального городища с востока, запада и юга. Трудно предположить, что участок городища не был включен в это раннее поселение, то есть обнаружение керамики второй — третьей четвертей I тыс. н. э. на его площадке весьма ожидаемо. И в этом контексте уже неслучайной выглядит находка шпоры V в. в западной части Центрального Гнёздовского селища (*Радюш*, 2021).

Несмотря на то, что гнёздовских находок рассматриваемого периода не так мало, особенно учитывая, что керамика из раскопов как И. И. Ляпушкина, так и Д. А. Авдусина и его учеников не опубликована, все же они существенно уступают по количеству и качеству находкам с городища Демидовка, расположенного на противоположном берегу Днепра в 4 км к югу от Центрального Гнёздовского городища. Под качеством в данном случае подразумеваются находки престижных вещей из серебра, оружия, снаряжения всадника, характерных для культуры «элиты» эпохи Великого переселения народов. Видимо, на городище Демидовка существовала и резиденция-холл, типичная для европейских властителей V в. (*Кренке и др*., 2021; 2023б). Обилие керамики и разнообразных бытовых отходов, наличие постройки «большого дома» с очагами не позволяют согласиться с Е. А. Шмидтом в том, что городище Демидовка являлось лишь городищем-убежищем для окрестного населения (*Шмидт*, 1999. С. 110). Вернее, на мой взгляд, трактовать это городище как центральное поселение округи. Поселение на берегу Днепра в районе устья его притока Свинца в таком случае могло играть роль своеобразных «ворот» для городища Демидовка, откуда могли расходиться разнообразные маршруты. Если вышеприведенный тезис может рассматриваться лишь как гипотеза, то вывод Е. А. Шмидта о том, что район Гнёздовского комплекса был хорошо обжит в эпоху переселения народов, может быть принят с несомненностью (*Шмидт*, 1974. С. 157).

Теперь обратимся к Смоленску. Находок из Смоленска немного, но и площадь раскопа, где сохранился малопотревоженный ранний культурный слой, совсем невелика — 43,5 кв. м. Все ранние находки происходят из шурфов 2015/2016 гг. на северном склоне и шурфа 2021/2022 г. на верхней площадке Соборной горы. Прежде всего нужно отметить, что здесь, в отличие от поселения на Свинце, не было найдено керамики с расчесами, которая, вероятнее всего, датируется III–IV вв. На Соборной горе в предматериковом

горизонте была найдена керамика «колочинско-демидовского» облика — гладкие горшки, сужающиеся кверху, видимо биконической формы, с ребром на тулове (*Кренке и др*., 2023а. Рис. 5). Показательна также находка ременной луженой бронзовой бляшки с рифлением (*Там же*. Рис. 4, *1*). Эта деталь пояса хотя и незначительна по размеру, но важна тем, что относится к поясам, имевшим престижное значение, использовавшимся для ношения оружия и т. п.

Иными словами, поселение V–VII вв. на Соборной горе, несомненно, существовало, но, видимо, возникло позже, чем поселение в устье Свинца, и было несколько меньшим (?) по размерам. Вероятно, эти два поселения были разнофункциональны. Поселение в устье Свинца, во-первых, контролировало «вход» из долины Днепра в долину маленькой речки Русановки (Лубни), на которой располагалось городище Демидовка; во-вторых, оно было приближено к прекрасным луговым и пахотным угодьям в долине Днепра. Неслучайно среди подъемного материала, собранного Е. А. Шмидтом, имеется серп. Показательно также, что в шурфе 2018 г. в пойме возле Ольшанского городища в погребенной почве на глубине около 1 м были найдены угольки, датированные радиоуглеродным методом 1554±25 BP (UOC-5860), что указывает при калибровке на даты в интервале V–VI вв. Спорово-пыльцевые анализы, проведенные Е. Г. Ершовой, показывают существенные изменения природной растительности, связанные с хозяйственной деятельностью людей (*Кренке и др*., 2025), то есть поселение в устье Свинца во второй — третьей четвертях I тыс. н. э. имело существенное хозяйственное значение.

Поселение на Соборной горе Смоленска занимало доминирующее ландшафтное положение, располагаясь на высоком берегу, откуда можно было контролировать окрестности в радиусе нескольких километров (по свидетельству А. Н. Лявданского, существовала даже визуальная связь между Соборной горой и Гнёздово). Мыс Соборной горы был удобен для устройства укрепления. Таким образом, можно выдвинуть предположение, что данное поселение играло роль пограничного форпоста для центрального поселения в Демидовке.

VIII–IX вв. Проблема соотношения древностей Смоленщины третьей четверти I тыс. н. э. и более поздних по-прежнему остается нерешенной. Пока не получено и ясных ориентиров для проведения хронологической границы, лишь ориентировочно можно говорить, что она пролегает где-то в пределах VIII в. В это время происходят важные разнохарактерные изменения во многих областях культуры, доступных археологическим наблюдениям. Существенно меняется облик керамики, хотя некоторые элементы преемственности в развитии керамического комплекса проследить можно (*Лопатин*, 2022). В то же время очевидно, что в последней четверти I тыс. н. э. происходила «деградация» в некоторых областях культуры — исчезли или стали более малочисленны престижные объекты, уменьшилось количество находок предметов вооружения и снаряжения всадника, нет керамики «улучшенного» качества со следами лощения. Однако в вещевом комплексе появляется много новых элементов, особенно это заметно при анализе набора украшений, сделанных из бронзы. Возникает курганный обряд погребения. В связи с этим легко можно выдвигать многочисленные предположения или предлагать различные объяснения, но «решающих» аргументов пока нет.

В Гнёздово зона распространения находок VIII — первой четверти X в. (в основном установлена по распространению лепной керамики, имеющей именно эту широкую дату) занимает ту же локацию, что и предшествующее поселение третьей четверти I тыс. н. э., но несколько большую по размерам, достигая площади 4 га, по Е. А. Шмидту (*Шмидт*, 1974. С. 160; 1999. Рис. 2). Открытие поселенческого слоя в пойме Днепра в последние годы заставляет повысить эту оценку по крайней мере еще на 1 га. Здесь выявлены стратиграфические горизонты с исключительно лепной керамикой, которая не дает узкой даты, но получены радиоуглеродные даты, позволяющие с относительной уверенностью говорить о IX в., а может быть, и о VIII в. (*Мурашева и др*., 2022). У поселения в устье Свинца нет «конкурентов» в ближайшей округе. При раскопках городища Демидовка не было найдено ничего, что могло бы указывать на последнюю четверть I тыс. н. э., то есть можно уверенно говорить, что поселение на Свинце становится центром микрорегиона. Вопрос заключается в том, как можно интерпретировать участок этого поселения, который совпадал с площадкой Центрального Гнёздовского городища. Можно привести косвенные аргументы в пользу того, что на площадке городища огороженное пространство возникло уже в VIII–IX вв., в эпоху появления здесь «поздней лепной керамики», о которой писал Н. В. Лопатин (*Лопатин*, 2022). Мощность слоя с этой керамикой по данным раскопок 1940 г.

довольно значительна — более 0,5 м (*Гиблова, Кренке*, 2024). Необходима публикация результатов недавних раскопок городища, чтобы окончательно прояснить вопрос о времени возникновения здесь укреплений[3].

Т. А. Пушкина датировала укрепления Центрального городища раннего этапа (эскарп на обращенном к Днепру южном склоне) второй четвертью X в., но, к сожалению, обоснования этой датировки не были детализированы (*Пушкина и др.*, 2015. С. 194). Можно лишь отметить, что состав находок из культурного слоя, заполнившего уступ эскарпа, указывает лишь на верхний хронологический рубеж, до которого эти укрепления были созданы. Спор о «длинной» и «короткой» хронологии Центрального городища не только не завершен, но, по сути, еще и не начат, аргументы и контраргументы не выдвинуты.

За несколько лет, прошедших с момента выхода последней статьи на тему «Смоленск и Гнёздово» (*Кренке и др.*, 2020а), произошло существенное приращение данных о Смоленске. Основные итоги изложены в серии публикаций (*Гусева и др.*, 2023; *Кренке*, 2023; *Кренке и др.*, 2023а). Выводы сводятся к следующему: на Соборной горе по ее периметру существовали оборонительный вал и, очевидно, какая-то деревянная стена, дополнявшая его, возведенные в IX в. Ниже и выше по склону Соборной горы находилась неукрепленная часть поселения, общая площадь которого могла достигать 2–4 га, то есть уступала гнёздовскому селищу в устье Свинца почти в два раза. Вокруг крепости на Соборной горе в радиусе 1,5 км существовало несколько поселений-спутников. Их единичные следы обнаружены в Заднепровье (Ново-Ленинградская ул.), на соседних с Соборной горой мысах высокого берега Днепра (пер. Реввоенсовета), на речке Чуриловке (Вяземский пер.). На нижнем уровне долины Днепра встречены следы поселения и могильник при устье Пятницкого ручья. Иными словами, начинают проступать контуры сложной поселенческой системы, которую пока не удается выявить в Гнёздово, хотя некоторое продвижение в этом направлении есть и здесь. Наличие весьма трудозатратных в возведении оборонительных укреплений на Соборной горе Смоленска показывает, что именно это место было точкой приложения «административных усилий» и, соответственно, может трактоваться как «центр силы», если использовать английский термин (power center). Гнёздово, в свою очередь, очевидно имело преимущество в обеспеченности важными для ведения хозяйства земельными ресурсами. Это следует из его ландшафтного положения, а также логично вытекает из самого факта существования большого поселения.

Таким образом, можно предположить, что на данном этапе поселенческая структура на Верхнем Днепре на участке от устья р. Катынки до устья р. Вязовеньки имела два центра, идентичных по культуре (кривичской). Сделав такой вывод, необходимо упреждающе ответить критикам, считающим, что вся найденная в Гнёздово лепная керамика может относиться к X в. Нет, в данном случае археологическая логика не позволяет согласиться с такой трактовкой. Керамика, о которой идет речь, датируется в широких пределах VIII — начала X в. Очевидно, что количественный пик ее распространения приходится на IX в. Брать за основу лишь датировку финала ее существования некорректно. При этом, возможно, следует согласиться с тем, что распространение на Смоленщине лепной керамики с чертами, характерными для роменской культуры (в том числе орнаментацией палочкой с намотанной на нее веревочкой), относилось к концу IX — началу X в.

X в. «Паритет» между Смоленском и Гнёздово исчезает. При многолетних раскопках в Смоленске фактически нет находок, которые бы можно было датировать второй — третьей четвертями X в. Гончарной керамики гнёздовского типа не найдено на Соборной горе, зато обнаружены следы хозяйственного использования ее территории — борозды распашки: эти борозды пересекают пятна заброшенных построек VIII–IX вв. на северном склоне. Верхняя дата этого поля определяется по составу находок из насыпи, перекрывавшей борозды, — это XI в. (*Кренке и др.*, 2020в).

Гнёздовские поселения (для этого периода уже можно уверенно говорить о них во множественном числе), наоборот, быстро растут вокруг Центрального и Ольшанского городищ. Особенно показательны недавние открытия на восточной окраине Центрального селища на границе с Лесной группой курганов (работы Т. А. Пушкиной и В. В. Новикова). Выяснилось, что поселение потеснило во второй половине X в. насыпанные ранее курганы.

[3] Это предположение подтвердилось. М. О. Жуковский, автор раскопок вала Центрального городища, в докладе в ИИМК в сентябре 2026 г. представил серию радиоуглеродных дат образцов из основания вала городища, указывающих на VIII–IX вв. Образцам сопутствовала исключительно лепная керамика, были выявлены следы ранней ограды.

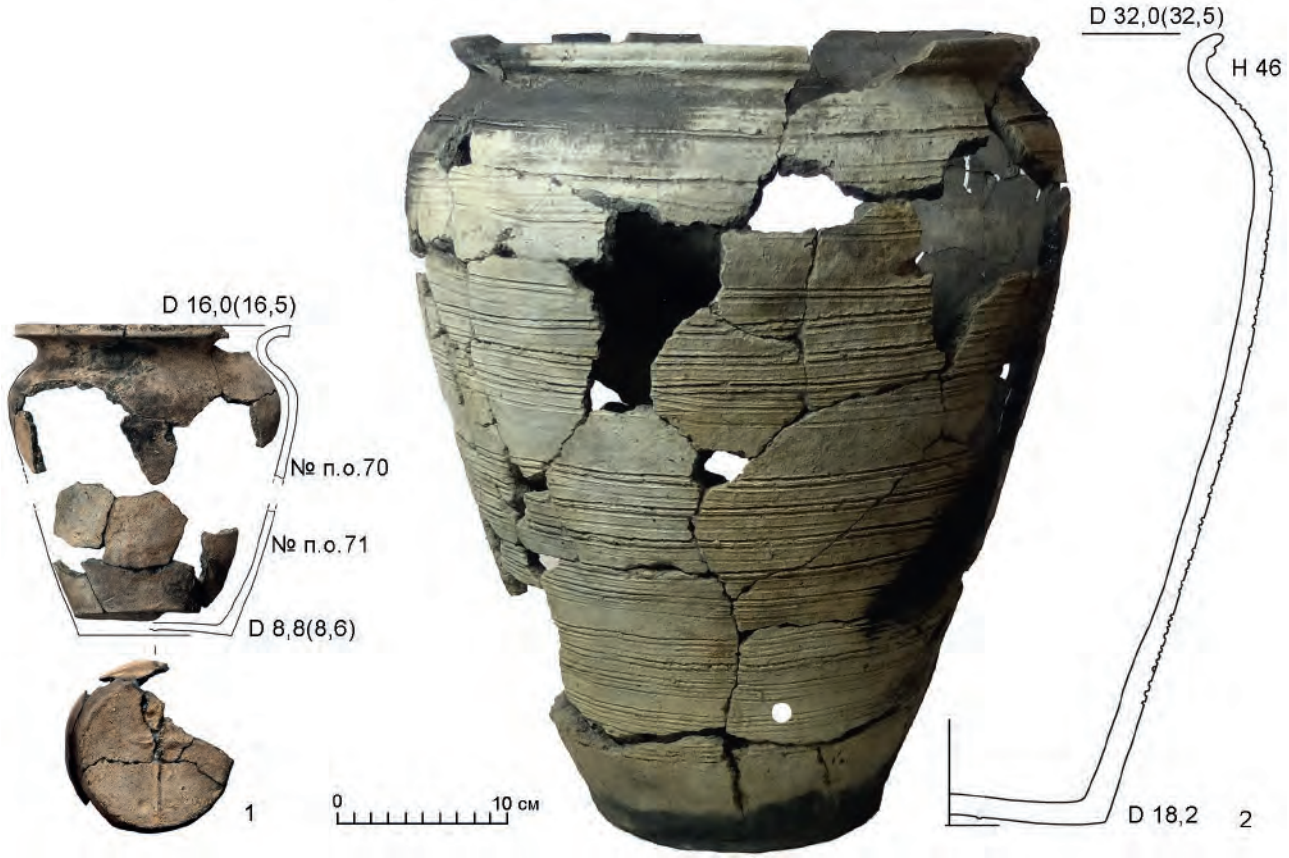

Рис. 1. Смоленск. Горшки: *1* — конец X — начало XI в., раскоп 2020 г. на ул. Соболева, 49; *2* — вторая половина X в., яма 16, раскоп 2020 г. на ул. Б. Краснофлотская, 1а

Fig. 1. Smolensk. Pots: *1* — late 10th — early 11th century, 2020 excavation at 49 Soboleva ul.; *2* — 2nd half of the 10th cent., pit 16, 2020 excavation at 1a B. Krasnoflotskaya ul.

В. А. Булкин, анализируя структуру и особенности гнёздовских курганных могильников, сделал ряд очень тонких и перспективных для дальнейших работ наблюдений. Он привел аргументы в пользу того, что во второй половине X в. произошла некая «бифуркация» — центральное кладбище на правом берегу Свинца перестает быть центральным, возникли новые «центральные» могильники на Ольше и по берегу Днепра, в которых, судя по наличию больших курганов, погребались лидеры отдельных групп гнёздовского населения (*Булкин*, 2025).

Недавние раскопки на территории Смоленска показали, что процесс «расползания» (?) Гнёздова во второй половине (конце?) X в. мог быть масштабнее и достигать окрестностей Соборной горы. Появились долгожданные «связки» между материалами Смоленска и Гнёздово. Эти находки приурочены к «Нижнему городу» Смоленска, что очень показательно, то есть осваивалась ландшафтная ниша, аналогичная гнёздовской.

На правом берегу ручья, впадающего в Днепр чуть выше устья р. Рачевки, в небольшом раскопе 2020–2023 гг. на перекрестке улиц Песочной и Соболева (ул. Соболева, 49) был изучен хорошо стратифицированный культурный слой древнерусского времени, датируемый временем начиная со второй половины XI в. На материке под культурным слоем были зафиксированы следы работы древних лопат. На одном уровне со слоем огорода в заплывшей западине был найден развал горшка, который может быть датирован временем более ранним, чем конец XI в. (рис. 1, *1*), возможно, рубежом X–XI вв. Следовательно, где-то рядом был расположен участок с несколько более ранней застройкой, чем тот, что попал в раскоп. Очень примечательна находка 42 из этого раскопа, обнаруженная в пласте 9 (дата пласта — XII в.). Это железное орнаментированное насечками и крестиками лучковое сверло (рис. 2, *1*). Три аналогичных сверла найдены в Гнёздово, в том числе одно (из погребения 44 в Днепровской группе) имело аналогичную со смоленской находкой

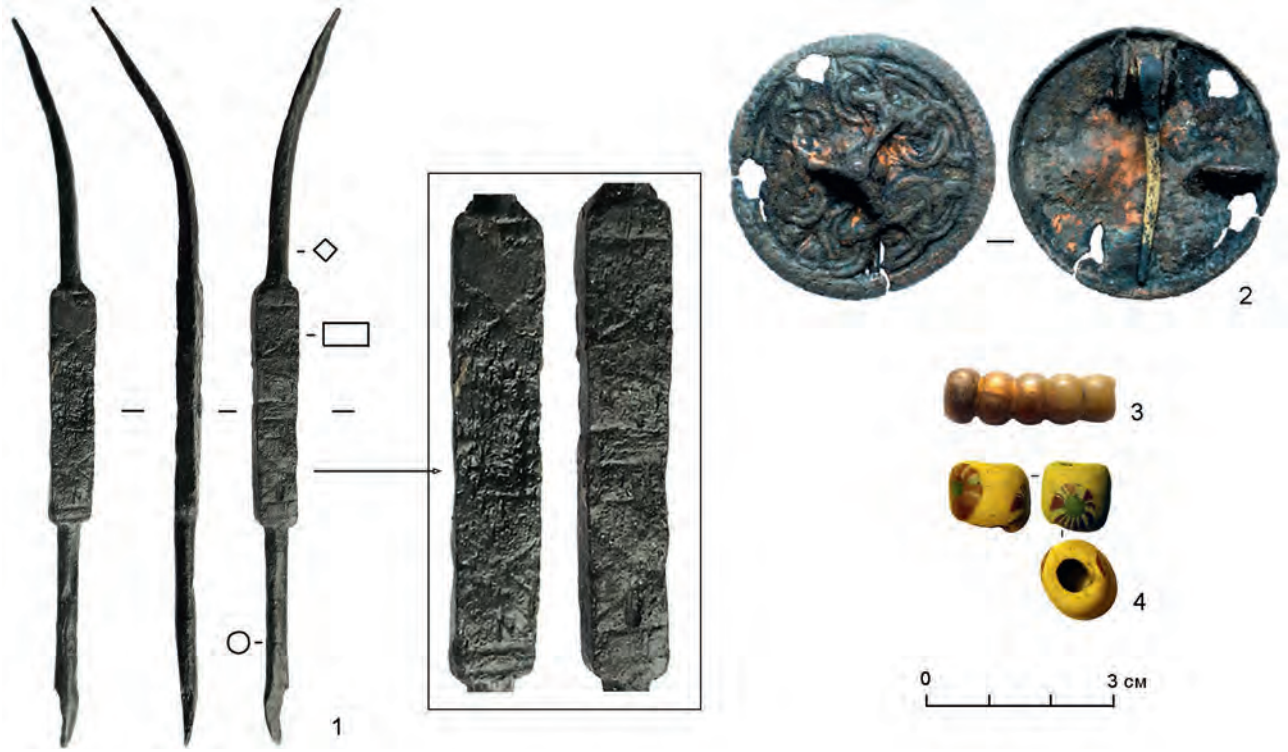

Рис. 2. Смоленск, находки: *1* — лучковое железное сверло, раскоп 2023 г. на ул. Соболева, 49, пласт 9; *2* — фибула в стиле «терслев», раскоп 3 на Пятницком конце; *3* — многочастная бусина с металлической прокладкой; *4* — мозаичная реснитчатая бусина (*3, 4* — раскоп 2020 г. на ул. Б. Краснофлотская, 1а, нижний пласт)

Fig. 2. Smolensk, finds: *1* — bow-shaped iron drill bit, 2023 excavation at 49 Sobolev St., stratum 9; *2* — fibula in the "Terslev" style, excavation 3 at Pyatnitsky Konets; *3* — multi-part bead with a metal insert; *4* — mosaic fringed bead (*3, 4* — 2020 excavation at 1a B. Krasnoflotskaya ul., lower stratum)

[2 — *Пронин, Соболь*, 2020. С. 248, рис. 239, *9*]

орнаментацию (*Ениосова, Розанова*, 2021. С. 109; *Сизов*, 1902. С. 97). Н. В. Ениосова предположила, что на орнаментированном сверле присутствуют «руновидные знаки», что «указывает на связь инструмента со скандинавской ремесленной традицией» (*Ениосова, Розанова*, 2021. С. 109). Не берясь оценивать достоверность предположения о «руновидности» знаков, нужно отметить, что известен другой предмет из раскопок Центрального городища с аналогичной орнаментацией — нож с волютообразным навершием (*Пушкина*, 2018. Рис. 1, *1*), то есть связь смоленской находки с гнёздовской традицией кажется очень вероятной. Возраст находок — X в.

Двигаясь вниз по течению Днепра, важно отметить находку геммы группы Alsengemmen в раскопе у подножия Соборной горы (*Даркевич*, 1965).

Наиболее важные для рассматриваемой темы находки были сделаны на правом берегу Пятницкого ручья. Материалы трех Пятницких раскопов были опубликованы в двух монографиях (*Пронин и др.,* 2011; *Пронин, Соболь*, 2020), однако выводы этих публикаций требуют некоторой корректировки в плане уточнения хронологии древнейшего комплекса из предматерикового горизонта.

Авторы публикации придерживались «традиционного» взгляда на хронологию смоленских древностей, согласно которой в Смоленске нет материалов древнее конца XI в. (*Пронин, Соболь*, 2020. С. 253). Вместе с тем полученные в ходе раскопок результаты позволяют допустить, что освоение участка началось раньше. Приведем эти факты. По углю из основания культурного слоя в раскопе 3 были получены две даты (*Александровский*, *Александровская,* 2020. Табл. 1). Одна из них, действительно, с наибольшей вероятностью указывает на вторую половину XI в., но вторая — 1100±60 BP (Ki-17872) — при калибровке указывает с наибольшей достоверностью на X в. Нахождение разновременных углей на одной поверхности, где только начинал накапливаться культурный слой, вполне допустимо. Таким образом, вполне вероятно, что обе даты правильные.

В раскопе 3 в нижнем строительном горизонте 10 совместно с вещами, возраст которых с несомненностью определяется концом XI в. (например, печать Феодосии, жены кн. Давида Ростиславовича, 1095–1096 гг.), найдены предметы и более раннего времени.

1. Перстень с изображением птицы (сокола?) (*Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 169, *1*). В Новгороде аналогичный найден в доярусном слое первой половины X в. (*Седова*, 1981. С. 137, рис. 50, *13*; приведены также другие аналогии из памятников X в. — Костромских курганов, Тимирёвского поселения).

2. Украшение, атрибутированное Г. Н. Прониным и В. Е. Соболем как ложнозерненая круглая привеска (*Пронин, Соболь,* 2020. Рис. 158, *10*), указаны новгородские аналогии из слоя X — первой половины XI в. (*Седова*, 1981. С. 37). Однако у смоленской находки отсутствует ушко для подвешивания, и она больше напоминает малую плоскую крестовидную фибулу (Flachkreuzfibeln), которые датируются от конца IX до X в. (*Arents, Eisenschmidt*, 2010. Abb. 49, S. 107).

3. Скандинавская (шведская) фибула с орнаментом в стиле «терслев» (рис. 2, *2*) с редкой для подобных украшений трехчастной композицией (*Пронин, Соболь*, 2020. С. 248, рис. 239, *9*) типа 6, по Аренту и Айзеншмидту (*Arents*, *Eisenschmidt*, 2010). Близкие формы «больших круглых фибул» по И. Янсону датируется X в. (*Jansson*, 1984). Следует отметить, что две трехчастные круглые большие фибулы в стиле «терслев» были найдены в Гнёздово (Центральное городище и курган Ц-198; *Ениосова*, 2015). Находка из Смоленска низкого качества и, возможно, является дериватом, но все равно ее вероятная дата — X в.

4. Височное кольцо диаметром 1,5 см с двумя завязанными концами (*Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 162, *5*). Авторы публикации в качестве аналогии приводят височное кольцо из раскопок в Полоцке, опубликованное Г. В. Штыховым, что не совсем корректно. Кольцо из Полоцка (*Штыхаў*, 1992. Мал. 58, *2*) имеет лишь один завязанный конец. Абсолютно идентичные смоленскому украшению височные кольца небольшого диаметра (1,5–2,5 см) с двумя завязанными концами были неоднократно найдены в комплексах Гнёздовского селища и могильника, которые датируются X в. (*Новиков, Пушкина*, 2018. С. 370, рис. 27; 32; *Пушкина*, 1987; *Сизов*, 1902. Табл. 4, *11*).

В раскопе 2 была встречена подвеска-дирхем (*Пронин и др.,* 2011. Рис. 118, *12*). По определению А. А. Гомзина, это подражание саманидскому дирхаму Исма'ила б. Ахмада (279–295 гг.х. / 892–907 гг.), которое датируется X в. В этом же раскопе обнаружен костяной односторонний составной орнаментированный гребень (*Пронин и др.,* 2011. Рис. 136, *2*), который может быть датирован не позднее XI в. (*Давидан*, 1962).

Керамика из нижнего 10 строительного горизонта Пятницкого раскопа 3 (*Пронин, Соболь*, 2020. Рис. 247) идентична комплексу из раскопок ювелирной мастерской на Рачевке в Смоленске (*Кренке и др*., 2020б. Рис. 3, *4*). Этот комплекс с наибольшей вероятностью относится ко второй половине XI в. (включая середину века). Таким образом, наблюдается некоторое противоречие в датировках: керамика выглядит несколько моложе группы вещей, тяготеющих к X в. Однако очевидно, что нельзя говорить лишь о конце XI в. как о времени формирования комплекса. Начало его формирования относится к более раннему времени, в том числе нельзя исключить и конец X — начало XI в., судя по вещевым находкам. Очень важно отметить присутствие, хотя и в небольшом количестве, «скандинавского компонента».

Раскоп 2020 г. площадью 482 кв. м (ул. Б. Краснофлотская, 1а) располагался на кромке первой террасы, в 70 м восточнее русла Пятницкого ручья, на его правом берегу. На всей площади раскопа, за исключением участков, испорченных поздними перекопами, сохранилась погребенная почва (в ее нижней части, на глубине 10–20 см от поверхности почвы, были встречены находки финально-палеолитического облика, а на поверхности почвы — погребения-кремации третьей четверти I тыс. н. э. и лепная окатанная керамика примерно того же времени). Выше уровня погребенной почвы залегал «слоеный пирог» отложений, включавший темноцветные прослойки культурного слоя, чередовавшиеся со светло-бежевыми стерильными супесчаными намывными прослойками. Судя по отметкам по системе балтийских высот (выше 175,5 м), эти светлые прослойки не могли быть результатами разливов реки, а являлись следом разливов Пятницкого ручья, то есть коллювиально-делювиальными по своему происхождению. Это предположение подтвердили раскопки 2021 г. выше по течению Пятницкого ручья, где также были зафиксированы аналогичные слоистые отложения и где возможность отложения аллювия была полностью исключена.

В основании культурного слоя в северо-восточной части раскопа была обнаружена улица, имевшая деревянное мощение (рис. 3). Ориентация улицы — по направлению запад — восток, ширина конструкции улицы — около 2,5 м.

Рис. 3. Смоленск, раскоп 2020 г. на Б. Краснофлотской улице на Пятницком ручье: *1* — общий вид с запада; *2* — вид с востока, остатки деревянного настила улицы конца X — начала XI в.; *3* — лаги уличного покрытия; *4* — зачистка материка в западной части раскопа, в левой части кадра видны ямы от изгородей, ограничивавших заселенный участок со стороны Пятницкого ручья. Фото К. А. Ганичева

Fig. 3. Smolensk, 2020 excavation on Bol'shaya Krasnoflotskaya ul. at Pyatnitsky Stream: *1* — general view from the west; *2* — view from the east, remains of a wooden street pavement from the late 10th — early 11th cent.; *3* — joists of the street pavement; *4* — unearthing of the natural ground in the western part of the excavation; on the left side of the frame, pits from fences that bounded the settled area on the side of the Pyatnitsky Stream are visible. Photo by K. A. Ganichev

Протяженность изученного участка составила 10 м. Деревянное мощение улицы представлено лагами и переводинами, видимо, от двух ярусов. Доски покрытия улицы почти не сохранились (были разобраны?). По обеим сторонам улицы прослеживались ограждения усадеб — либо плетневого типа, либо заборы из вертикально поставленных досок. Эти ограждения практически вплотную примыкали к уличному настилу. Древесина сохранялась плохо, но оказалась пригодной для радиоуглеродного датирования. Всего по образцам уличного мощения (лагам и переводинам), а также по остаткам жердей и досок заборов, окаймлявших улицу, было получено девять радиоуглеродных дат. Наиболее ранняя дата — 1210±30 BP (ГИН-16094) получена по плахе верхнего яруса дороги. Калиброванное значение даты имеет два пика вероятностей, охватывающих в целом интервал от 784 до 877 г. (68,2 %).

Семь дат попали в узкий хронологический интервал возрастов от 1120 до 1050 BP. Одна дата оказалась более молодой (возраст 960 лет) и указывает на конец XI — первую половину XII в. Вероятно, целесообразно не учитывать крайние даты, а ориентироваться на серию однородных, приведенных в таблице.

Комплекс однородных дат показывает, что верхний предел возраста древесины, из которой сделаны покрытие улицы и заборы вдоль нее, — конец X — начало XI в. Керамика из ям, примыкавших к забору усадеб, согласуется с такой датировкой[4]. Особенно показателен комплекс ямы 16, на дне которой лежал кол изгороди, по которому сделан анализ ГИН-16083: оттуда происходит целый горшок (рис. 1, *2*). Из вещевых находок

[4] Автор благодарен за консультации Е. Л. Каменецкой, осмотревшей коллекцию керамики.

Таблица. Радиоуглеродные даты для улицы на уч. Б. Краснофлотская ул., 1а
Table. Radiocarbon dates for the site 1a at Bol'shaya Krasnoflotskaya ul.

Лаб. номер	^{14}C дата, BP	Калиброванный возраст, AD	Паспорт образца, 2020 г., материал
ГИН-16094	1210±30	784 (41,4 %) 835 843 (26,9 %) 877	Кв. 91, пласт 7, плахи верхнего яруса дороги, древесина
ГИН-16094	1120±30	893 (34,1 %) 933 940 (34,2 %) 977	Кв. 79 пласт 6, на дне ямы 10, древесина
ГИН-16090	1120±30	893 (34,1 %) 933 940 (34,2 %) 977	Шурф 3, пласт 8а, древесина
ГИН-16085	1110±30	895 (29,6 %) 925 949 (38,7 %) 988	Кв. 79, пласт 5, глубина +65–+70 см, лага от дороги, древесина
ГИН-16083	1110±30	895 (29,6 %) 925 949 (38,7 %) 988	Кв. 107/121, яма 16, кол на дне, древесина
ГИН-16096	1090±30	890 (95 %) 1000	Кв. 79, яма 10, кол со дна, древесина
ГИН-16087	1080±30	898 (20,6 %) 920 957 (38,3 %) 996 1005 (9,4 %) 1017	Кв. 107/121, яма 16, древесина на дне ямы
ГИН-16093	1050±30	987 (68,3 %) 1026	Кв. 31/32, глубина +10 см, доска забора, древесина
ГИН-16084	960±30	1034 (12,6 %) 1048 1083 (55,7 %) 1151	Кв. 118/119, глубина -30 см, пласт 7а, нижний ярус дороги, древесина

следует указать на половинку серебряного дирхема (не определим), пятичастную золотостеклянную бусину-пронизку (рис. 1, *3*). Аналогичные бусы найдены на Центральном городище в Гнёздово в контексте X в. (*Гиблова, Кренке*, 2024. Рис. 5, *10*; *Доброва*, 2018). Желтая бусина с реснитчатым красно-белым глазком (рис. 1, *4*), сделанная в технике миллефиори, произведена на Востоке в конце X — начале XI в. (*Callmer*, 2022. Fig. 22.5, *2*). Битрапецоидная серебростеклянная бусина обнаружена в комплексе первой половины XI в. (*Захаров, Кузина*, 2008. С. 186); ребристые бусины, аналогичные найденной на Краснофлотской ул., также датируются X–XI вв. и встречены на Центральном городище в Гнёздово и в курганах (*Доброва*, 2018. С. 111).

Под прямым углом улицу пересекала линия оград, сделанных из тонких жердей, которые шли примерно параллельно руслу ручья с юга на север (рис. 3, *3*, *4*). Эти линии оград образовывали два параллельных скопления, разделенных друг от друга пустым пространством шириной 1,5 м. Более западная группа оград насчитывает четыре ряда, расположенная восточнее группа — шесть рядов. Очевидно, десять линий ограждений сменяли друг друга в течение длительного времени. Кроме того, с этой оградой связаны крупные столбовые ямы, в которые, вероятно, вставлялись вереи ворот (?). По древесному тлену из одной такой ямы (22) получена радиоуглеродная дата 1040±30 BP (ГИН-16088), что при калибровке указывает на интервал 992–1027 гг. н. э. (с вероятностью 68,3 %). Можно предполагать, что эта линия ограждения ограничивала не отдельную усадьбу, а весь «квартал» по правому берегу Пятницкого ручья.

В канавках частокола были найдены обломки глиняных тиглей закрытого типа (рис. 4). Аналогии им имеются в литейной мастерской, раскопанной на пойме в Гнёздово (*Мурашева*, 2014. Рис. 11).

Судя по вышеприведенным данным, время возникновения этого участка застройки на территории Смоленска, имевшей типично городской вид, относится к концу X в. «Скандинавский компонент» представлен на пятницких раскопах, кажется, не так ярко, как на селище и городище в Гнёздово (правда, для сравнения у меня данных недостаточно, тут необходимо участие специалиста из гнёздовской экспедиции). Интерпретации могут быть различными: улица на Пятницком ручье — это «выселки» Гнёздова или возрождающийся на местной основе Смоленск. Последнее предположение более вероятно, так как скадинавский компонент в материальной культуре Пятницких раскопов Смоленска незначителен. Напротив, материальная культура Гнёздово X в. вполне допускает трактовку, что это «шведская колония».

XI–XIII вв. Смоленск XI в. — это большой древнерусский город, протянувшийся по Днепру на 3 км, забравшийся глубоко на юг на смоленские горы, площадью более 100 га. Гнёздово XI–XIII вв. пока не стало темой специального всестороннего изучения. Очевидно, что оно утратило

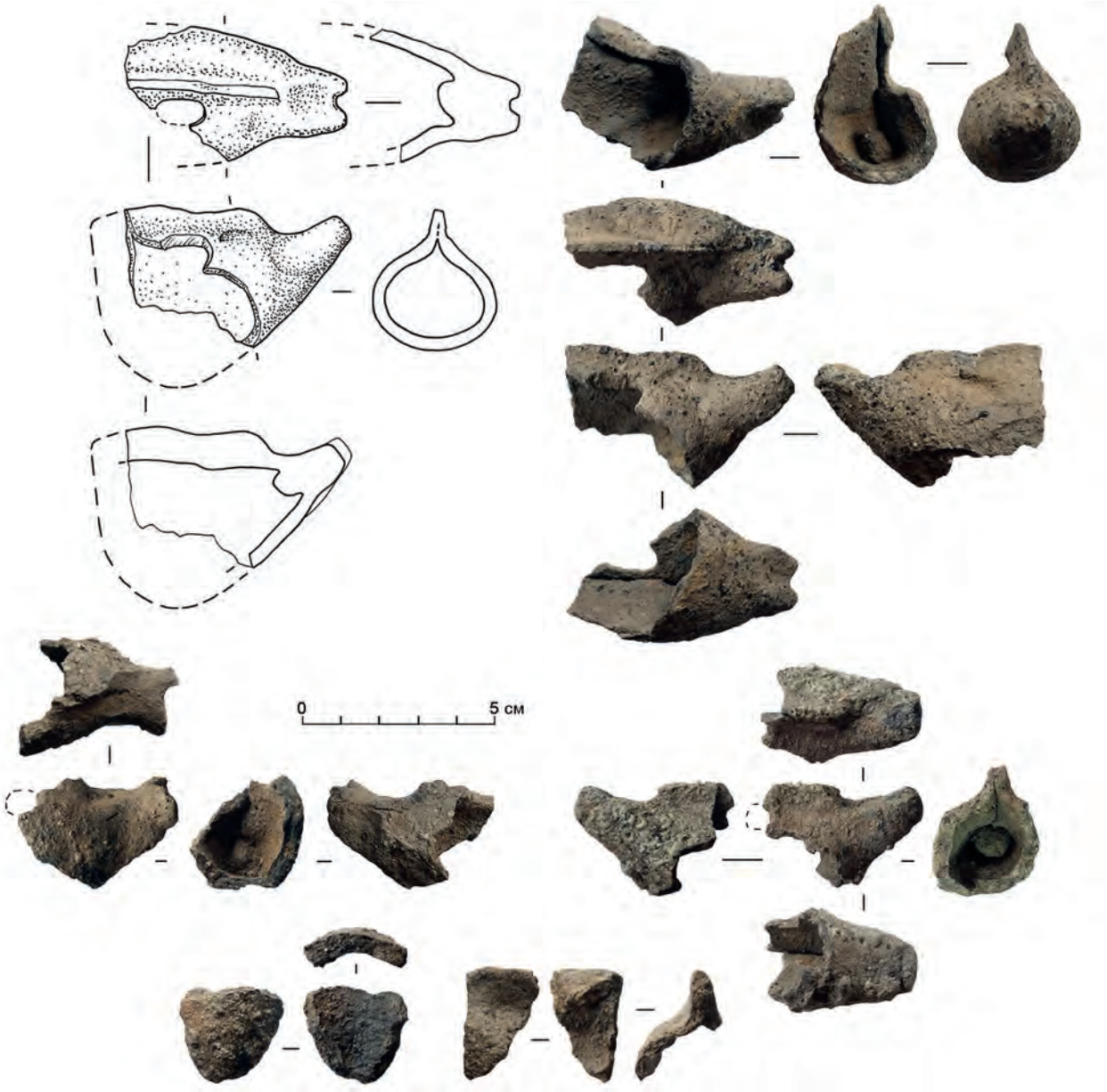

Рис. 4. Смоленск, раскоп 2020 г. на Б. Краснофлотской ул., 1а. Глиняные тигли

Fig. 4. Smolensk, 2020 excavation at 1a Bol'shaya Krasnoflotskaya ul. Clay crucibles

в это время черты скандинавской культуры и стало тождественным по культуре древнерусскому Смоленску. Изучение керамики показало, что площадь Гнёздовского поселения сократилась. Формы горшков, характерные для XII–XIII вв., встречены на Центральном городище, но примыкавшее к нему обширное поселение (селище) запустевает (*Каменецкая*, 1977). Трудно решаемый вопрос: была ли непрерывна жизнь на Гнёздовском поселении в XI в. или оно возродилось благодаря выходцам из Смоленска? Это задача будущих исследований. Мы не знаем, когда возникло церковное место на Ольшанском городище, возможно, уже в древнерусское время. Очевидно, что Гнёздово XI–XIII вв. входило в «орбиту» Смоленска, было его поселением-спутником сельского типа.

Таким образом, возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, можно сказать, что поселенческая структура была сложной и изменчивой. Видимо, никогда она не была полностью однополярной, но «центр» смещался по сложной траектории в последовательности: Демидовка — Соборная гора — Гнёздово — Соборная гора.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2026 г.

Александровский, Александровская, 2020 — *Александровский А. Л., Александровская Е. И.* Почвы и культурный слой Смоленска // *Пронин Г. Н., Соболь В. Е.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 307–315.

Булкин, 2025 — *Булкин В. А.* Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленскго Поднепровья / Отв. ред. Н. А. Кренке, В. Н. Седых. Смоленск: Свиток, 2025. 232 с.

Гиблова, Кренке, 2024 — *Гиблова А. А., Кренке Н. А.* Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г. // АВ. 2024. Вып. 44. С. 283–297.

Гусева и др., 2023 — *Гусева В. П., Клещенко Е. А., Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Певзнер М. М., Чаукин С. Н.* Могильник с кремациями VII–VIII вв. в Смоленске // КСИА. 2023. № 272. С. 237–248.

Давидан, 1962 — *Давидан О. В.* Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа (АСГЭ). Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. Вып. 4: Славянские древности. С. 95–108.

Даркевич, 1965 — *Даркевич В. П.* Гемма из Смоленска // КСИА. 1965. Вып. 104: Средневековые памятники Восточной Европы. С. 38–39.

Доброва, 2018 — *Доброва О. П.* Стеклянные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018 (Труды ГИМ; Вып. 210). С. 102–126.

Ениосова, 2015 — *Ениосова Н. В.* Фибулы стиля «Терслев» на территории Древней Руси // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 169–179.

Ениосова, Розанова, 2021 — *Ениосова Н. В., Розанова Л. С.* Кузнечные инструменты гнёздовских ювелиров // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). Вып. 2. С. 100–115

Захаров, Кузина, 2008 — *Захаров С. Д., Кузина И. Н.* Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Наука, 2008. С. 142–214.

Каменецкая, 1977 — *Каменецкая Е. В.* О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. 1977. Вып. VI. С. 3–13.

Каменецкая, 2019 — *Каменецкая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ «Университетская книга», 2019. 244 с.

Кренке, 2023 — *Кренке Н. А.* Лепная керамика середины — конца I тыс. н. э. в Смоленске // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь: ТНИИР-Центр, 2023. Вып. 15. С. 7–20.

Кренке и др., 2020а — *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.* Смоленск и Гнёздово // АВ. 2020. Вып. 28. С. 296–303.

Кренке и др., 2020б — *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.* Керамика второй половины XI в. из раскопок на набережной Горького (микрорайон Рачевка) в Смоленске // Смоленская керамика VIII–XIX вв.: новые материалы и старые коллекции: Сб. ст. М.; Смоленск: Свиток, 2020. С. 49–58.

Кренке и др., 2020в — *Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В.* Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Там же. С. 30–48.

Кренке и др., 2021 — *Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А.* Городища Демидовка и Вязовенька на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // РА. 2021. № 1. С. 102–121.

Кренке и др., 2023а — *Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Кованцев А. В., Крылович О. А., Лопатина О. А., Моисеенков Г. О., Раева В. А., Савинецкий А. Б.* Дискуссия о Смоленске — граде кривиче // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 281–302.

Кренке и др., 2023б — *Кренке Н. А., Лопатин Н. В., Александровский А. Л., Савинецкий А. Б., Бегунова В. В., Волков В. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Лопатина О. А., Певзнер М. М., Раева В. А., Тавлинцева Е. Ю., Чаукин С. Н.* Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы, постройки, керамика, кости животных // РА. 2023. № 4. С. 97–115.

Кренке и др., 2025 — *Кренке Н. А., Чернов А. В., Ершов И. Н., Ершова Е. Г.* Археологические и палеогеографические исследования в западной части Гнёздовского комплекса // РА. 2025. № 4. С. 70–84

Лопатин, 2022 — *Лопатин Н. В.* О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России // РА. 2022. № 3. С. 52–65.

Лопатин, Фурасьев, 2007 — *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 8). 252 с.

Ляпушкин, 1971 — *Ляпушкин И. И.* Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 33–37.

Мурашева, 2014 — *Мурашева В. В.* «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников: Сб. ст. / Отв. ред. Д. В. Журавлёв, Н. И. Шишлина. М.: ГИМ, 2014 (Труды ГИМ; Вып. 201). С. 187–203.

Мурашева и др., 2022 — *Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е.* Время возникновения поселения гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2022. № 4. С. 70–86 .

Новиков, Пушкина, 2018 — *Новиков В. В., Пушкина Т. А.* Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнёздовского комплекса археологических памятников // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018 (Труды ГИМ; Вып. 210). С. 349–390.

Обломский, 2016 — *Обломский А. М.* Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016 (Раннеславянский мир; Вып. 17). С. 10–113.

Пронин, Соболь, 2020 — *Пронин Г. Н., Соболь В. Е.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. 336 с.

Пронин и др., 2011 — *Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г.* Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: ИП И. А. Флиманкова, 2011. 208 с.

Пушкина, 1987 — *Пушкина Т. А.* Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3. М.: [б. и.], 1987. С. 51–57.

Пушкина, 2018 — *Пушкина Т. А.* Ножи редкой формы из Гнёздова // «Нескончаемое лето». Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 189–192.

Пушкина и др., 2015 — *Пушкина Т. А., Ениосова Н. В., Мурашева В. В.* Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Вестник РГНФ. 2015. № 3. С. 183–196.

Радюш, 2021 — *Радюш О. А.* Шпора эпохи Великого переселения народов из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021 (Труды ГИМ; Вып. 215). С. 299–314.

Седова, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

Сизов, 1902 — *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска. Вып. 1. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (МАР; № 28). 162 с.

Смоленск и Гнёздово..., 1991 — Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. 264 с.

Спицын, 1905 — *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1905. Вып. 15. С. 6–70.

Ходаковский, 1844 — *Ходаковский Д. Я.* Донесение о первых успехах путешествия в России Зорияна Долуга-Ходаковского. Из Москвы 13 липца 1822 // Русский исторический сборник. Т. 7. М.: Университетская тип., 1844. С. 1–367.

Шмидт, 1974 — *Шмидт Е. А.* К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск: Московский рабочий, 1974. Вып. VIII. С. 150–164.

Шмидт, 1999 — *Шмидт Е. А.* Древнейшие поселения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово в истории России: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. А. Кондрашенко, Д. И. Будаева. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1999. С. 105–118.

Шмидт, 2003 — *Шмидт Е. А.* Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2003. 296 с.

Штыхаў, 1992 — *Штыхаў Г. В.* Крывічы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.

Arents, Eisenschmidt, 2010 — *Arents U., Eisenschmidt S.* Die Gräber von Haithabu. Bd. 1. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2010. 368 s.

Callmer, 2022 — *Callmer J.* After the Big Waves. Oriental Millefiori Beads in Eastern and Northern Europe in the Late 10th and 11th Centure // Поиск длиною в жизнь. К 90-летию Ю. Л. Щаповой: Сб. ст. М.: Инфра-М, 2022 (Труды истфака МГУ; Т. 214). С. 233–245.

Jansson, 1984 — *Jansson J.* Grosse Rundspangen // Birka I: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. G. Arwidsson. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1984. S. 75–84.

Smolensk — Gnezdovo: some parallels

N. A. Krenke[5]

Keywords: Scandinavian culture, early Slavs, settlement pattern

This article examines new data to address the long-debated question of the relationship between Smolensk and Gnezdovo, drawing on materials from recent excavations in Smolensk. The main conclusion is that the settlement pattern in the vicinity of Smolensk during the 1st and early 2nd millennia AD exhibited complex chronological dynamics. The "central settlement" changed its location, but throughout the entire period under consideration, the settlements on Smolensk's Soborny Hill (Cathedral) and at the mouth of the Svinets River existed in parallel; only their functional and size-related relationship changed.

[5] Nikolay A. Krenke — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: nkrenke@mail.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ

Археометрические исследования инвентаря из детского погребения катакомбной культурно-исторической общности из кургана Токарево (Присивашье, Крым)[1]

М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба, А. М. Кульков, Ю. В. Кожуховская[2]

Аннотация. Статья посвящена комплексному междисциплинарному исследованию детского погребения катакомбной культурно-исторической общности из кургана Токарево (Присивашье, Крым). Погребальный обряд и особенности погребения реконструированы по архивным полевым материалам 1972 г. А. А. Щепинского и В. А. Колотухина. Археометрическое исследование сохранившегося погребального инвентаря (керамики, бус и двух «медальонов») впервые проведено для погребений бронзового века Крыма. Совокупность данных позволяет соотнести бронзовое ожерелье и помещение одного сосуда в другой с традицией финального этапа северокавказской культуры, а сам комплекс Токарево 23/7 датировать третьей четвертью III тыс. до н. э.

***Ключевые** слова: Крым, Присивашье, Токарево, средний бронзовый век, катакомбная культурно-историческая общность, погребальный инвентарь, археометрические исследования, северокавказские влияния*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-220-235

Введение

Изучение катакомбной культурно-исторической общности (далее — ККИО) на территории Крымского полуострова началось в конце XIX в., когда при раскопках курганов Таврической губернии, в том числе в Крыму, были открыты и исследованы погребения с «окрашенными костяками». Первые исследования тогда носили описательный характер, однако уже они заложили основу для последующего определения ККИО и разработки ее периодизации (*Тощев*, 2007. С. 9–19, 94; *Тощев, Кашуба*, 2017; *Копьева*, 2011. С. 5–20; 2021. С. 9–24). Спустя полвека после выделения катакомбной археологической культуры и ее локальных вариантов (собственно ККИО) такие древности в Крыму были опознаны, проанализированы и соотнесены с обширным миром катакомбных культур основного ареала (*Попова*, 1955. С. 11, 12, 67–69, 84–87, рис. 15; *Щепинский*, 1966. С. 10 сл., 20–22, рис. 1; 9; *Щепинский, Черепанова*, 1969. С. 48–52, 326; *Шапошникова*, 1971. С. 325, 326; *Евдокимов*, 1980; *Нечитайло*, 1984; *Братченко, Шапошникова*, 1985. С. 412–415, рис. 111).

К настоящему времени количество исследований по ККИО Крыма заметно возросло. Выделяются две крупные обобщающие работы, в которых сведены и систематизированы все доступные материалы, накопленные к началу XXI в. (*Тощев*, 2007. С. 94–140, рис. 43–74; *Копьева*, 2021). Г. Н. Тощев проанализировал доступный массив

[1] Исследование проведено при поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00065-Продление, https://rscf.ru/project/22-18-00065/ «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

[2] Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: kulkova@mail.ru. Кашуба М. Т. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: mirra-k@yandex.ru. Кульков А. М. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: aguacrystals@narod.ru. Кожуховская Ю. В. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь; e-mail: jv-k@mail.ru.

© Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Кульков А. М., Кожуховская Ю. В., 2026

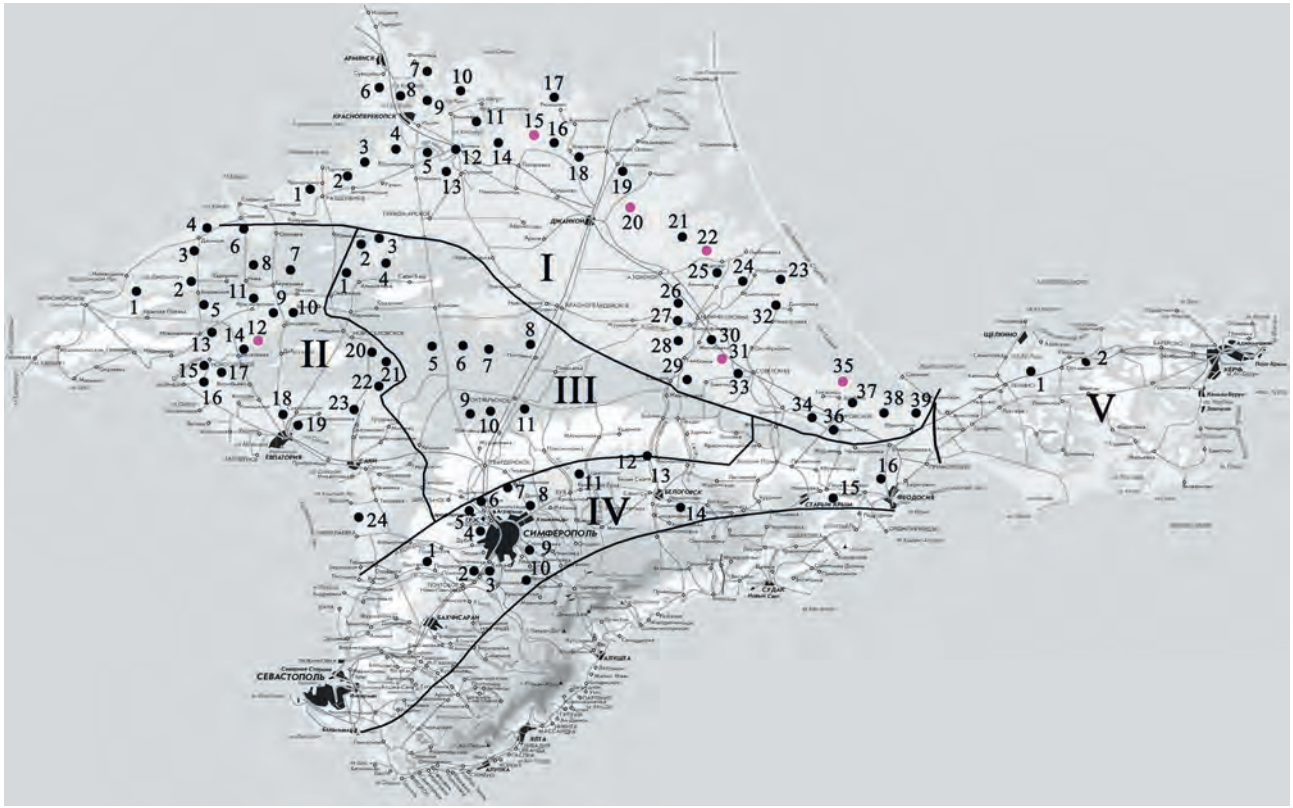

Рис. 1. Карта погребальных памятников катакомбной культуры в Крыму, распределенных по I–V территориальным районам. Цветом выделены комплексы, упомянутые в статье: I.*15* — Целинное, 1977, 1978; I.*20* — Болотное, 1978; I.*22* — Чкалово, 1977; I.*31* — Черноземное, 1971, 1985; I.*35* — Токарево, 1972; II.*12* — Наташино, 1983

Fig. 1. Map of the Catacomb culture burial sites in Crimea, distributed across territorial regions I–V. The complexes mentioned in the article are highlighted in color: I.*15* — Tselinnoe, 1977, 1978; I.*20* — Bolotnoye, 1978; I.*22* — Chkalovo, 1977; I.*31* — Chernozemnoye, 1971, 1985; I.*35* — Tokarevo, 1972; II.*12* — Natashino, 1983

[*Копьева*, 2021. С. 299, 310, рис. 1, там же районы и наименования памятников]

поселенческих и погребальных (более 500 захоронений) памятников культуры, тогда как Т. А. Копьева детально рассмотрела погребальные памятники (более 800), имея возможность оперировать в своей аналитической работе многочисленными неопубликованными данными (см. далее).

Исследователи отметили неравномерность распространения катакомбных памятников на территории полуострова и предложили авторские периодизации, которые в целом согласуются между собой и не противоречат друг другу. Г. Н. Тощев обосновал периодизацию культуры с выделением трех обрядовых групп, отметил близость этих материалов с памятниками степного Причерноморья, особенно прилегающих территорий Поднепровья и Приазовья, но рассматривал территорию Крыма как периферию ККИО, указывая на ограниченность внешних контактов катакомбного населения (с преобладанием северного вектора) и преимущественно локальные, внутренние связи (*Тощев*, 2007. С. 139, 140). Т. А. Копьева (2021), аргументируя в своих исследованиях, что крымские памятники являлись частью общей системы катакомбных культур, определила их статус как «крымский вариант днепро-азовской катакомбной культуры» (тем самым поддержав выдвинутую ранее гипотезу А. Л. Нечитайло). В рамках трехэтапной периодизации она выделила четыре культурные группы: I этап — раннекатакомбная; II этап — днепро-азовская; III этап — ингульская и катакомбы с обрядом скорченного трупоположения. По специфике обряда и локализации на полуострове Т. А. Копьева определила пять территориальных зон: четыре — основные (присивашская, западно- и центральнокрымские, предгорная) и дополнительная (керченская, восточнокрымская) (рис. 1). В своей работе она убедительно показала, что зона Присивашья была базовой, центральной, тогда как остальные — периферийными (*Копьева*, 2021. С. 98–116, рис. 1).

Проблемы хронологии оба исследователя разрабатывали по данным, имеющимся в их распоряжении, с упором на традиционные методы археологии — для крымских материалов тогда имелась единственная радиоуглеродная дата из Болотного 14/28[3] (Ki-1200): 4020±90 BP, Median ca. 2572 calBC[4] (*Пустовалов*, 2005. С. 206), тогда причисленная к слишком ранним (см.: *Тощев*, 2007. С. 209). Широко также привлекались материалы и радиоуглеродные даты из основного ареала ККИО. Г. Н. Тощев датировал в целом катакомбные памятники Крыма XXII–XVIII вв. до н. э. (*Там же*), а Т. А. Копьева — в широких пределах 2800–2000 гг. до н. э., определяя основной период ~2500–2000 гг. до н. э. с максимумом распространения на позднем этапе (ингульская группа и скорченные трупоположения), или в 2300–2000 гг. до н. э. (*Копьева*, 2021. С. 110).

В последние десятилетия в Крыму проведены масштабные раскопки курганов, однако комплексные междисциплинарные исследования погребальных структур и материалов эпохи бронзы, включая и ККИО, пока представлены единичными работами (*Веселкова и др*., 2021; *Rukavishnikova et al*., 2024). Между тем археометрические исследования, например погребального инвентаря, не только дают новую ценную информацию о самих предметах, но также являются важными маркерами, которые можно использовать для анализа культурно-исторических процессов и оценки вклада носителей соседних культур, оказавших влияние на формирование и специфику локальных вариантов катакомбной культурно-исторической общности на полуострове. Такие исследования впервые проведены для катакомбного погребения Токарево 23/7.

Контекст кургана 23
и описание погребения 7

Курган 23, расположенный в 1 км к северо-востоку от с. Токарево (Кировский район), раскопан в 1972 г. В. А. Колотухиным в рамках работ Северо-Крымской экспедиции под руководством А. А. Щепинского (*Щепинский*, 1972а; 1972б; *Колотухин*, 1972) (рис. 1, I.*35*). Материалы раскопок этого и других курганов возле Токарево остались неопубликованными; с 1973 г. они хранились и экспонировались в Народном музее археологии Крыма А. А. Щепинского. После расформирования музея в 1997 г. некоторые находки поступили в фонды Центрального музея Тавриды (г. Симферополь), часть материалов пропала, какую-то часть удалось спасти Т. А. Копьевой (*Щепинский*, биография). Материалы из Токарево, как и многие другие, были включены исследовательницей в подготовленный «Свод подкурганных катакомбных погребений» (*Копьева*, 2021. С. 142–423)[5]. Между тем недавно были выявлены важные особенности погребального обряда захоронения Токарево 23/7 по записям в полевом дневнике В. А. Колотухина (*Колотухин*, 1972. С. 39–41/210, 211) и частично сохранившиеся находки в личном фонде Колотухина — Копьевой (рис. 2, *2, 4–6*), что позволило авторам вновь обратиться к этому комплексу.

В кургане 23 (насыпь округлой в плане формы, диаметром 70,0 м и высотой 5,5 м) выявлено 22 разновременных погребения (от раннего бронзового века до средневековья и нового времени); основным было погребение 12, отнесенное исследователями к кеми-обинской культуре раннего бронзового века. Из трех захоронений ККИО, включенных Т. А. Копьевой в Свод (Токарево 23/7, 23/19 и 23/20 — *Копьева*, 2021. С. 164, 165, № 138–140)[6], наиболее информативным оказалось Токарево 23/7.

Погребение 7 находилось в 23,5 м к юго-западу от центра кургана на глубине 5,9 м от R^0 и представляло собой катакомбу, длинной осью ориентированную по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад, с камерой, выведенной под узкую северо-северо-восточную стенку (рис. 2, *1*). Входная яма имела в плане прямоугольную форму с сильно закругленными углами (размерами 0,90 × 0,65 м, глубиной 0,35 м) и была ориентирована в направлении северо-северо-восток–юго-юго-запад. Стенки отвесные, дно горизонтальное, в заполнении (на глубине 0,15 м от верхнего края) находилось скопление древесных углей, а на дне — два обломка трубчатых костей животного (рис. 2, *1*). У северной стенки колодца был устроен вход в погребальную камеру (ширина

[3] Здесь и далее Болотное 14/28 означает курган 14, погребение 28 могильника Болотное.

[4] Современная калибровка.

[5] Т. А. Копьева работала над монографией до своей безвременной кончины, текст рукописи подготовлен Ю. В. Кожуховской и опубликован в том виде, в каком был оставлен автором.

[6] Полная публикация материалов кургана 23 готовится к печати — по данным полевой документации в нем в целом было больше захоронений, как и погребений ККИО (см.: *Щепинский*, 1972б. С. 75–92; *Колотухин*, 1972).

Рис. 2. Погребение Токарево 23/7: *1* — план и разрез (*а* — астрагалы (?); *б* — сосуд 4 (не сохранился); *в* — ожерелье; *г, д* — сосуды 2 и 3 («матрешка»); *е* — сосуд 1; *ж* — камень (кварцит или кремень)); *2* — ожерелье в сохранившемся виде, собрано произвольно: бусы и «медальоны» в масштабе 1:1 и 2:1; *3–6* — сосуды *1–4*. *2* — бронза; *3–6* — обожженная глина

Fig. 2. The burial Tokarevo 23/7: *1* — plan and section (*а* — astragali (?); *б* — vessel 4 (not preserved); *в* — necklace; *г, д* — vessels 2 and 3 ("matryoshka" doll); *е* — vessel 1; *ж* — stone (quartzite or flint)); *2* — necklace as preserved, assembled arbitrarily: beads and "medallions" at scales of 1:1 and 2:1; *3–6* — vessels *1–4*. *2* — bronze; *3–6* — fired clay

[*1 — Копьева*, 2021. Рис. 30, *1*, с дополнениями по записям в полевом дневнике В. А. Колотухина (*Колотухин*, 1972. С. 39–41/210–211); *2–6* — личный фонд Колотухина — Копьевой]

отверстия 0,4 м, сохранившаяся высота 0,35 м), в которую вела ступенька высотой 0,2 м. Камера, ориентированная по линии запад–северо-запад—восток–юго-восток, в плане имела овальную (яйцевидную) форму (размерами 1,20 ×0,82 м[7]), сильно вытянутую к входному колодцу южной стороной. Дно ровное, стенки кверху с закруглением; на дне обнаружены коричневый тлен и слабые следы охры. На дне катакомбы, на высоте 0,18 м от ступеньки входного колодца, лежал обломок камня (кварцит?)[8] (не сохранился) (рис. 2, *1.ж*).

На дне камеры, ближе к ее северо-северо-восточной стенке, находились два детских скелета (рис. 2, *1*), из которых скелет 1 (южный) лучше сохранился. Скелет 1 располагался в среднескорченном положении, на спине, с согнутыми направо ногами[9] и был ориентирован головой на запад (лицевой частью на юг). Левая рука согнута так, что локоть под почти прямым углом отходил влево от скелета, кисть находилась на левом крыле таза. Правая рука вытянута вдоль скелета. Ноги согнуты под тупым углом в тазобедренном суставе и под острым (вправо) — в коленном. Стопы и голени образовывали острый угол. Скелет 2 (северный) располагался вплотную с севера от скелета 1, ближе к северной стенке камеры. Он находился в вытянутом положении на спине, головой на запад и повернутой на юг лицевой частью. Правая рука сдвинута, левая не сохранилась; ноги вытянуты, сохранившаяся правая стопа развернута вправо.

Зафиксированы три зоны нахождения погребального инвентаря: изголовье, область шейных позвонков, изножье (рис. 2, *1*).

1. Изголовье: 1) к западу от черепа скелета 1, вплотную к западной стенке, лежали две мелкие кости животных (астрагалы?), которые не сохранились (рис. 2, *1.а*); 2) к западу от черепа скелета 1, вплотную к западной стенке и севернее астрагалов стоял миниатюрный кубок со слабо отогнутым венчиком, выделенной шейкой, плечики подчеркнуты уступом, усеченноконическим туловом с максимальным диаметром в верхней трети его высоты, плоским дном; поверхность подлощена, сильно закопчена; размеры: высота — 7,5 см, диаметр венчика — 9,8 см, максимальный диаметр тулова — 10,0 см, диаметр дна — 5,4 см (рис. 2, *1.б, 3*) (сосуд 4, не сохранился);

2. Область шейных позвонков скелета 1: под нижней челюстью зафиксировано скопление мелких бронзовых предметов, описанное в полевом дневнике как «несколько мелких бронзовых бусин и более крупный слиток бронзы, своей формой напоминающий (случайно?) верхнюю часть фигуры человека (выше пояса)» (*Колотухин*, 1972. С. 39об./210об.). Предметы нами были отнесены к ожерелью (структура не прослеживается) и изучены с опорой на реконструкцию данных микротомографического сканирования (см. далее).

3. В изножье находились три сосуда.

1) Вплотную к ступням скелетов, на боку (повернутый ручкой к северо-востоку) лежал кувшин с короткой дуговидной шейкой, покатыми плечиками и удлиненно-яйцевидным туловом с максимальным диаметром на середине высоты сосуда, плавным переходом к плоскому дну. Ручка плоская, короткая и широкая, овальная в сечении соединяет край венчика и плечики. Кувшин по плечикам украшен двумя параллельными рядами оттисков треугольного штампа, ручка — оттисками короткого подпрямоугольного штампа вдоль посередине, по краям — короткими нарезками. Размеры: высота — 12,8–13,2 см, диаметр венчика — 12,6 см, максимальный диаметр тулова — 15,5 см, диаметр дна — 7,0–7,4 см, ручка — 6,0 × 2,2 см (рис. 2, *1.г, б*) (сосуд 2).

2) Внутри кувшина находился миниатюрный кубок с невысокой, слабо отогнутой шейкой, покатыми плечиками, округлобоким туловом с максимальным диаметром на середине высоты, плоским дном. Размеры: высота — 6,5 см, диаметр венчика — 7,0 см, максимальный диаметр тулова — 7,3 см, диаметр дна — 3,0 см (рис. 2, *1.д, 5*) (сосуд 3).

3) К юго-востоку от кувшина, вплотную к юго-восточной стенке, вверх дном стоял большой сосуд так называемой чугунковидной формы (сохранился в более чем 50 фрагментах). Сосуд с прямо срезанным краем венчика, короткой слабо отогнутой шейкой, уступчатыми плечиками, удлиненно-яйцевидным туловом, максимальный диаметр которого приходится на верхнюю треть высоты, небольшим плоским дном. Размеры: высота — 17,7 см, диаметр венчика — 17,5 см, максимальный диаметр тулова — 22,4 см, диаметр дна — 7,2 см (рис. 2, *1.е, 4*) (сосуд 1).

Археометрическими методами изучены сохранившиеся предметы погребального инвентаря:

[7] В Своде указаны другие размеры камеры — 1,3 × 0,9 м (*Копьева*, 2021. С. 164, № 1).

[8] Так по дневнику (*Колотухин*, 1972. С. 40/210), но в отчете описан как кремень (*Щепинский*, 1972б. С. 81).

[9] В Своде Т. А. Копьевой положение этого скелета описано как «на спине, с наклоном на правый бок (110°–70°)» (*Копьева*, 2021. С. 164, № 1).

три сосуда (рис. 2, *1.г–1.е, 4–6*; 3), бронзовые детали ожерелья (рис. 2, *1.в*, *2*; 4–7).

Методы исследования

*Петрографический анализ керамики***.** Исследования фрагментов керамики выполнялись в тонких шлифах с использованием поляризационных микроскопов Полам-111 (ЦКП «Геоэкология» РГПУ им. А. И. Герцена) и Leica DM4500 P с цифровой камерой Leica DFC 495 (РЦ РДМИ СПбГУ).

Метод микротомографии (m-CT) бронзовых предметов и керамики. Анализ бронзовых изделий и керамики методом рентгеновской компьютерной микротомографии был применен для оценки технологических особенностей внутренней структуры. Фрагменты изделий сканировали с помощью прибора SkyScan 1172 с энергией пучка 100 кВ, потоком 80 мкА и алюминиевым фильтром с разрешением 4–6 мкм, осуществляя поворот на 180° с шагом 0,4°. CTvox и CTan были использованы для визуализации. Для m-CT-томографии использовались фрагменты размером 20 × 20 × 15 мм. Разрешение сканирующего объема составляет 6,9 мкм/воксель. Методом рентгеновской компьютерной микротомографии была выполнена 3D-визуализация порового пространства керамики и определения типов выгоревших растительных остатков. Обработка результатов проводилась с помощью компьютерного программного обеспечения Bruker (NRecon, CTAn, CTVox)

Метод микрозондового анализа (SEM-EDX) бронзовых предметов. Анализ SEM-EDX проводился с использованием сканирующего электронного микроскопа SM20 (Melytec) на базе РЦ РДМИ СПбГУ (аналитик Е. С. Сухаржевская), позволяющим осуществлять качественный и/или количественный химический анализ элементов в точке и анализировать внутреннюю структуру образца. Размер объектов исследования от 101 нм до 100 мкм с пространственным разрешением 3 нм, съемка проводилась в диапазоне ускоряющих напряжений (до 200–30 000 В). Предварительно фрагмент поверхности бронзового предмета очищался от внешней коррозионной корки, и анализ химического состава производился три-четыре раза в одной точке.

Результаты исследований

Результаты петрографического анализа керамики (рис. 3, *2а–2в, 5а–5в, 8а–8в*) показали разные рецептуры формовочных масс для трех исследованных сосудов.

Сосуд 1 (рис. 2, *4*; 3, *1–3*). Керамика плотная, темно-коричневого цвета, тонкостенная, толщина стенок ≈8 мм, внешняя поверхность покрыта отмученной глиной бежевого цвета и заглажена кожей, центральная зона черного цвета. Изготовлена из глины смектитового состава, тощей, кластического материала — 25 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: плагиоклаз, кварц. В глине присутствуют включения остатков невыгоревшей органики, отдельные включения кости (размером 0,02 мм). Отощитель: 1) крупнозернистый, плохо окатанный песок (плагиоклаз, кварц) (10 %), размером 0,5–0,7 мм; 2) шамот (дробленая керамика различного состава, в том числе из каолинитовых глин), размером 0,3–1,5 мм (35 %). Пористость — 15 %, поры вытянутые в результате выгорания органики. Обжиг среднетемпературный (650–750 °С) долговременный в восстановительной атмосфере.

Сосуд 2 (рис. 2, *6*; 3, *4–6*). Керамика плотная, темно-коричневого цвета, тонкостенная, толщина стенок ≈5 мм, центральная часть черного цвета, поверхность хорошо заглажена. Изготовлена из глины смектитового состава, тощей, кластического материала — 25 %. Размер зерен — 0,02–0,06 мм, состав: плагиоклаз, кварц. В глине присутствуют включения остатков невыгоревшей органики. Отощитель: 1) дресва метаморфических пород (сланец) (8 %), размером 0,5–0,7 мм; 2) шамот (дробленая керамика различного состава, в том числе из каолинитовых глин), размером 0,3–0,7 мм (32 %). Пористость — 15 %, поры вытянутые в результате выгорания органики. Обжиг среднетемпературный (650–750 °С) долговременный в восстановительной атмосфере.

Сосуд 3 (рис. 2, *5*; 3, *7–10*). Керамика плотная, внешняя и внутренняя поверхности бежевого цвета, центральная зона — серо-коричневого. Тонкостенная — 7 мм. Состав: глины каолинитового состава, тощие, кластического материала — 35 %. Размер зерен — 0,02–0,06 мм, состав: плагиоклаз, кварц. Отощитель: 1) песок (плагиоклаз, кварц, слюда) (21 %), размером 0,25–0,5 мм; 2) шамот (дробленая керамика различного состава, в том числе из хлоритовых глин), размером 0,30–0,84 мм (25 %); 3) дресва кристаллических карбонатных пород (известняк с кристаллами кальцита) полуразложившаяся (10 %), размер включений 0,7 мм. Пористость — 15 %, поры вытянутые в результате выгорания органики. Обжиг среднетемпературный (700–850 °С) кратковременный в окислительной атмосфере.

Проведенные петрографические и микротомографические исследования (рис. 3, *2а–2в,*

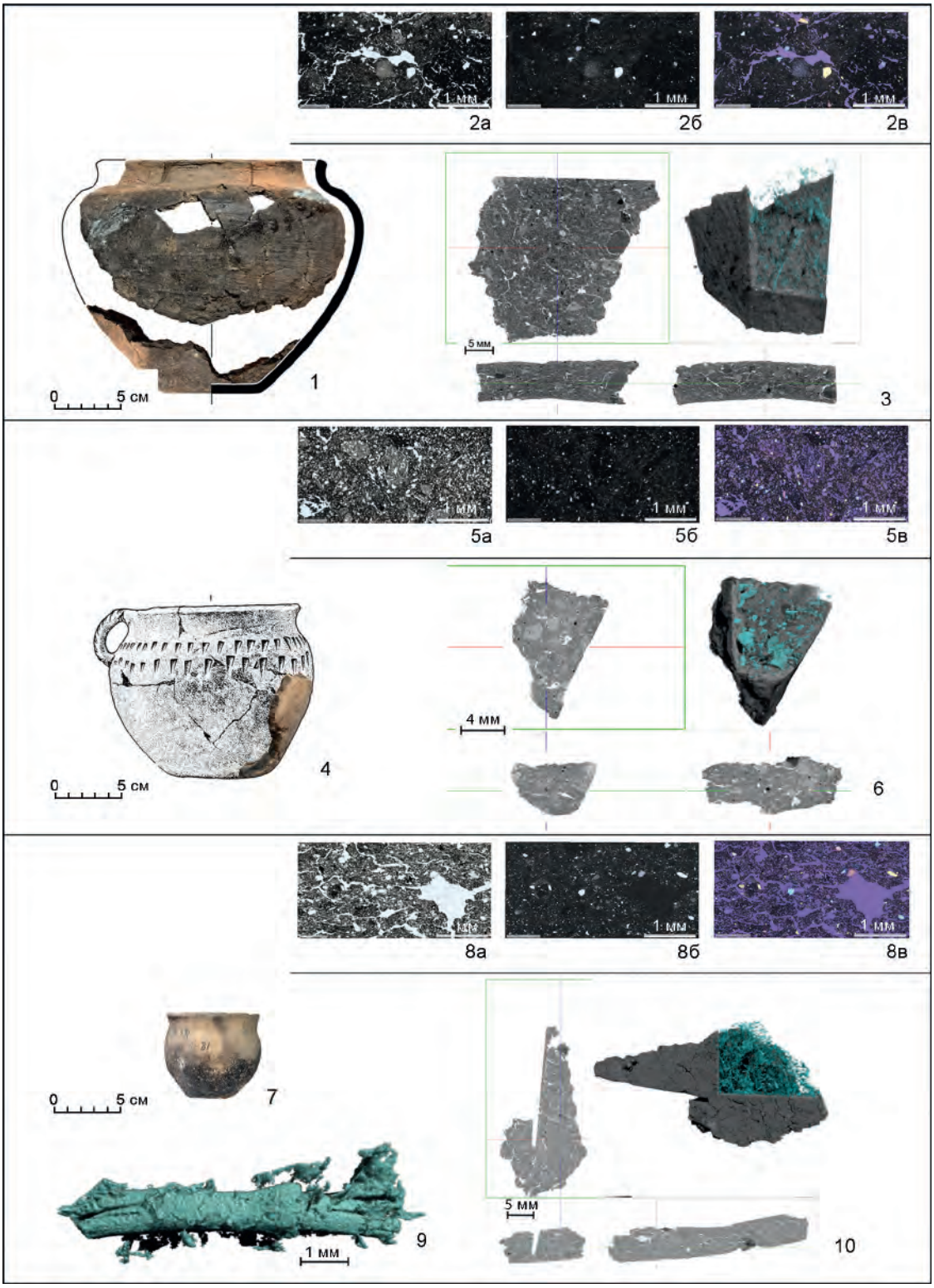

Рис. 3. Археометрические исследования трех глиняных сосудов из погребения Токарево 23/7: *1–3* — сосуд 1; *4–6* — сосуд 2; *7–10* — сосуд 3 (*1, 4, 7* — сосуд; *2а–2в, 5а–5в, 8а–8в* — петрография (*а* — без анализатора, *б* — в поляризационном свете, *в* — в поляризационном свете с кварцевой пластиной); *3, 6, 9, 10* — микротомография)

Fig. 3. Archaeometric studies of three clay vessels from the burial Tokarevo 23/7: *1–3* — vessel 1; *4–6* — vessel 2; *7–10* — vessel 3 (*1, 4, 7* — vessel; *2а–2б, 5а–5б, 8а–8в* — petrography (*а* — without an analyzer, *б* — under polarized light, *в* — under polarized light with a quartz plate); *3, 6, 9, 10* — microtomography)

Таблица. Погребение Токарево 23/7, состав бронзовых изделий ожерелья по данным SEM-EDX, массовая доля, %

Table. The burial Tokarevo 23/7, composition of the bronze necklace components based on SEM-EDX data, mass fraction, %

Точка анализов	Металлическая часть			Корродированная часть (вторичные минералы)					
	Cu	As	O	S	Cl	C	Ca	P	Na
«Медальон»									
Т. 1	64,84	16,27	11,91	3,32	0,62	3,05	–	–	–
Т. 2	62,78	18,44	15,91	0,58	1,22	–	1,07	–	–
Т. 3	37,29	3,32	40,38	0,47	9,38	5,06	1,61	2,48	–
Бусина									
Т. 1	28,35	18,93	30,62	–	3,19	12,34	4,73	0,84	1,00
Т. 2	25,60	15,74	35,78	–	4,27	9,56	5,31	2,63	1,11

3, 5а–5в, 6, 8–10) показали, что сосуды изготовлены с использованием рецептуры разных типов формовочных масс. Сосуды 1 и 2 имеют одинаковый минералого-геохимический состав глин. Они изготовлены из тощих глин смектитового состава с содержанием кластического материала ≈35 % и обогащенных растительными остатками, которые почти полностью выгорели. В качестве отощителя использовался одинаковый тип шамота, представленный мелкодробленой керамикой, состоящей из глин каолинитового состава. Второй тип используемого отощителя для этих двух сосудов разный: в формовочной массе сосуда 1 использовался крупнозернистый песок, в состав которого входит кварц, плагиоклаз; для сосуда 2 — дресва метаморфических пород, представленных сланцем. Оба сосуда были обожжены в восстановительных условиях при температуре около 650–750 °С.

Сосуд 3 отличается от первых двух по рецептуре формовочной массы, условиям и температуре обжига. Здесь характерно использование тощих глин каолинитового состава. В качестве отощителя использовались: песок, состоящий из зерен минералов кварца, плагиоклаза, слюды; шамот — дробленая керамика из глин хлоритового состава; дресва карбонатных пород (известняк). Обжиг проходил в окислительных условиях при более высоких, чем у первых двух сосудов, температурах — ≈700–850 °С.

Исследование бронзовых изделий методом микротомографии позволило определить форму бусин и с помощью 3D-реконструкции установить форму бронзового предмета, который был покрыт плотным толстым слоем коррозии и напоминал слиток. Под вторичными минеральными образованиями были восстановлены два бронзовых спиральных «медальона» (рис. 4). Учитывая, что по размерам это очень маленькие спекшиеся фрагменты, каждый из которых имеет диаметр 7–8 мм, реставрационные работы по удалению коррозионной корки не представлялись возможными, так как предмет очень хрупкий и разрушался, поэтому не было возможности отделить две подвески без утраты деталей. Наиболее эффективной технологией для реконструкции внутренней структуры предмета оказался метод компьютерной микротомографии (рис. 2, *1.в, 2*; 4).

Форма бронзовых бусин (2–3 мм) также была восстановлена методом микротомографии (рис. 5; 6). Можно отметить, что бусины имеют разную форму и разные размеры и были изготовлены индивидуально. Внутренняя часть бусин была расфальцована и зашлифована, что свидетельствует о высоком мастерстве ювелиров, которые изготавливали эти украшения. Внутри цепочки из бусин сохранилась веревочка, на которую они были нанизаны, что также удалось восстановить методом микротомографического исследования. Веревочка представляет собой две переплетенных нити из шерсти или растительных волокон, толщина которых 0,3–0,5 мм.

Исследования с помощью микрозондового анализа (SEM-EDX) бронзовых изделий (табл.; рис. 7) показывают, что подвеска и бусина изготовлены из одного и того же типа высокомышьякового медного сплава (мышьяковой бронзы), с содержанием CuO (78–60 %) и использованием в качестве легирующей добавки мышьяка (As — 16–19 %). Следует отметить, что составы коррозионных

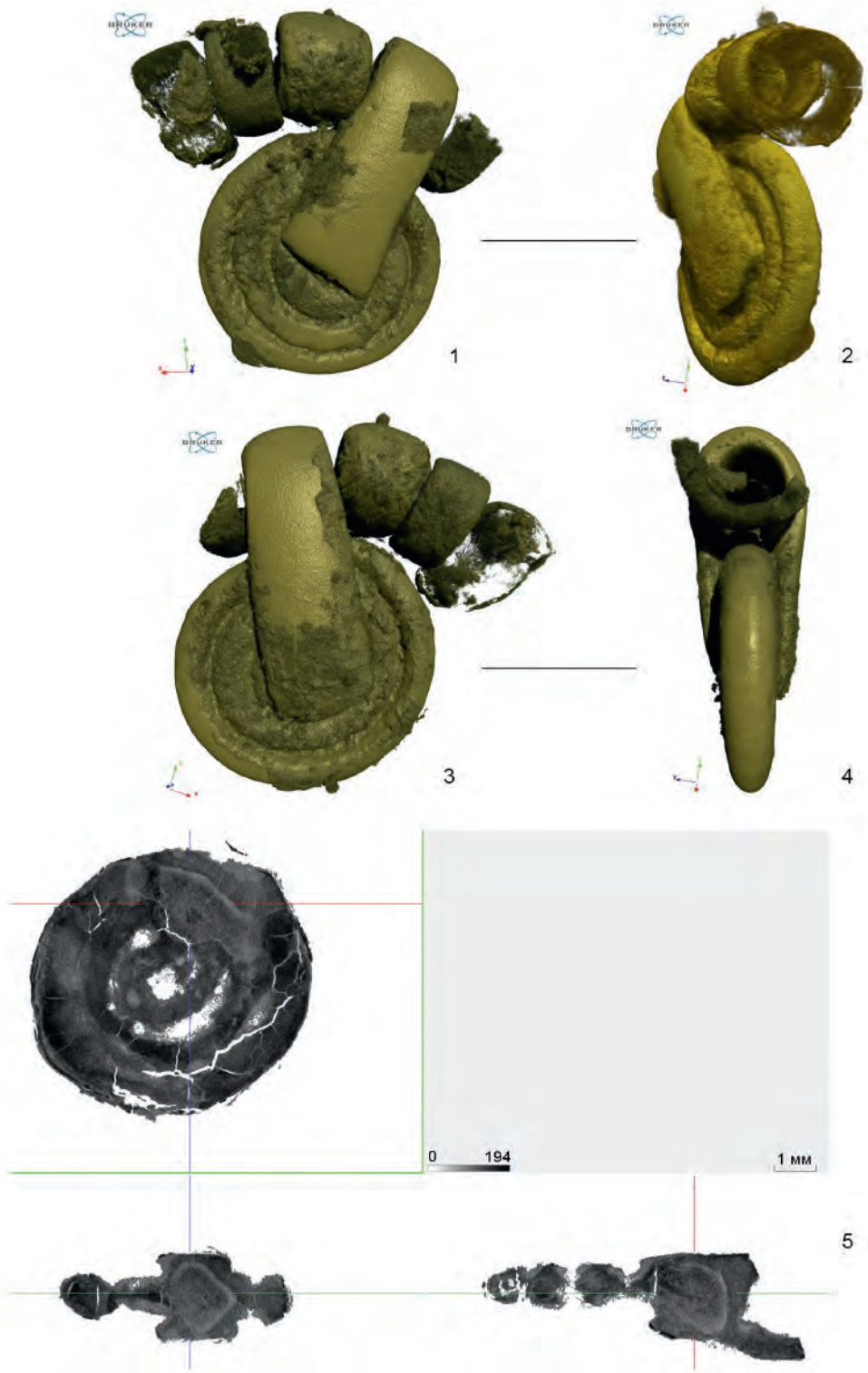

Рис. 4. Реконструкция «медальона» ожерелья из погребения Токарево 23/7 по данным микротомографического сканирования: *1–4* — внешний вид; *5* — взаимноперпендикулярные срезы (серый градиент отражает относительную рентгеновскую плотность материала образца (белое (0, воздух) — черное (100 %, зоны максимальной плотности вещества) (для рис. 4, *5*; 5, *3*))

Fig. 4. Reconstruction of the necklace "medallion" from the burial Tokarevo 23/7 based on microtomography scan data: *1–4* — external view; *5* — mutually perpendicular sections (the gray gradient reflects the relative X-ray density of the sample material (white (0, air) — black (100 %, areas of maximum material density)) (for fig. 4, *5*; 5, *3*))

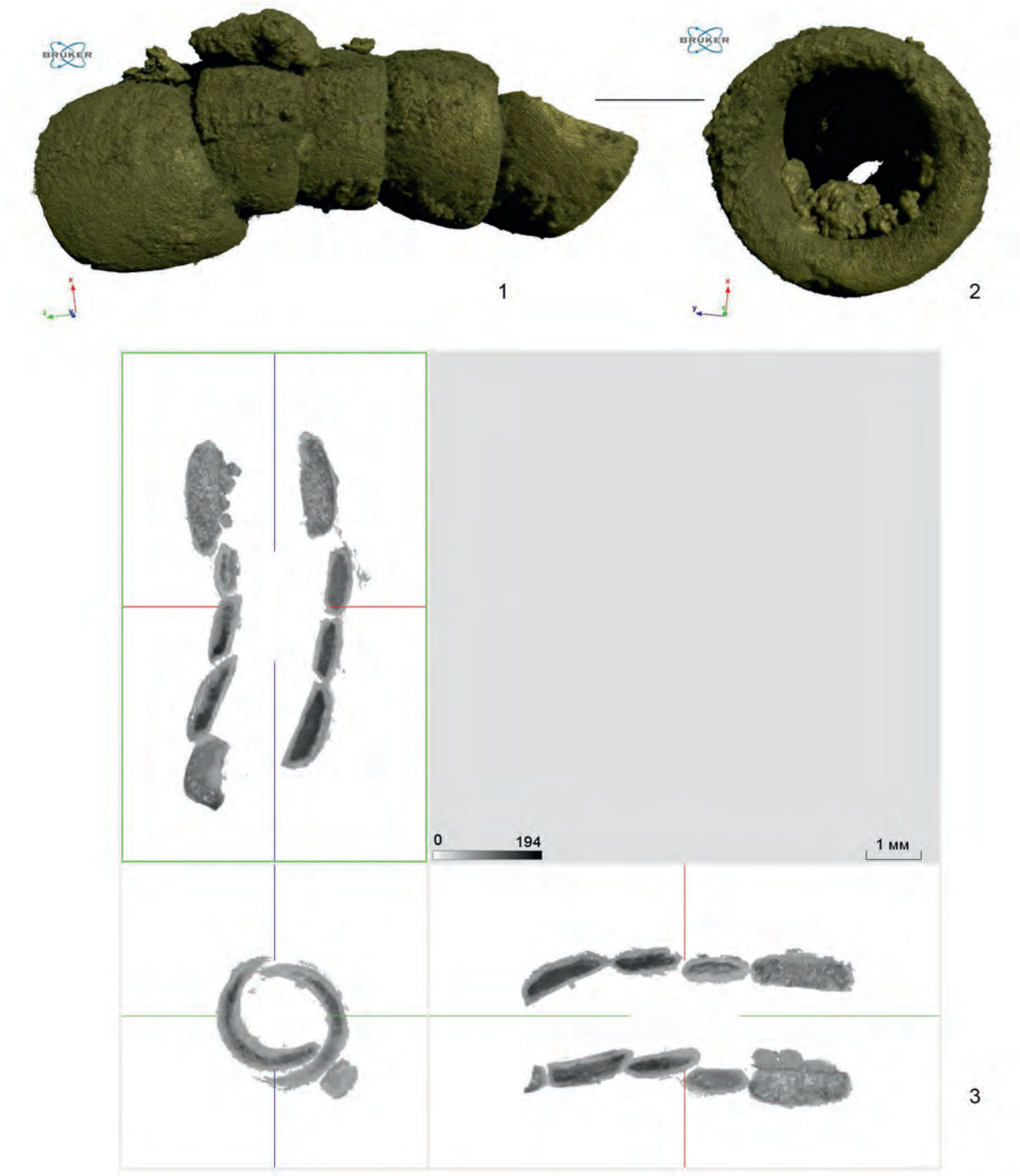

Рис. 5. Реконструкция нескольких бусин ожерелья из погребения Токарево 23/7 по данным микротомографического сканирования: *1, 2* — внешний вид; *3* — взаимноперпендикулярные срезы

Fig. 5. Reconstruction of several beads from the burial Tokarevo 23/7 based on micro-CT scan data: *1, 2* — external view; *3* — mutually perpendicular cross-sections

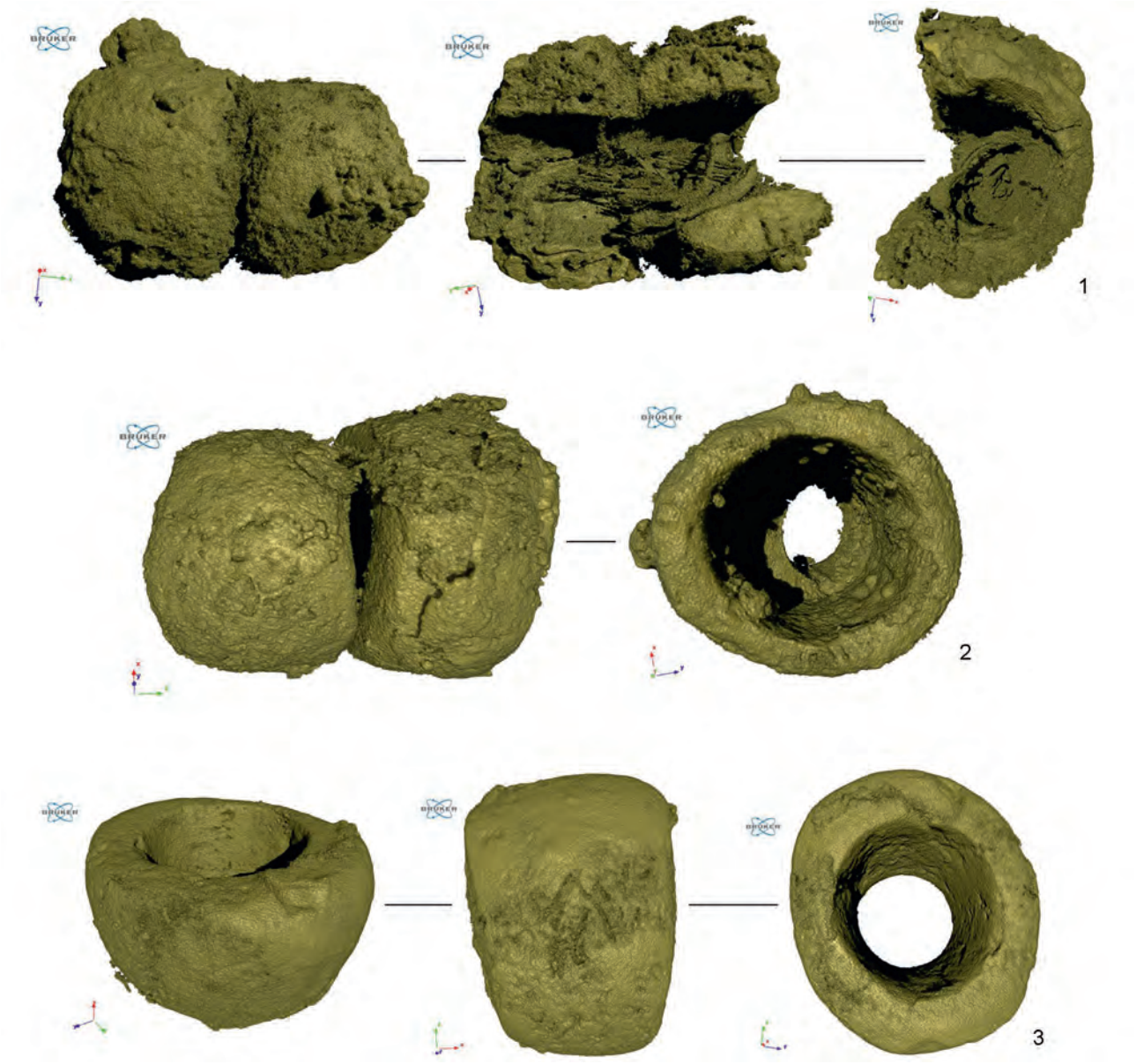

Рис. 6. Реконструкция нескольких бусин ожерелья из погребения Токарево 23/7 по данным микротомографического сканирования: *1–3* — внешний вид

Fig. 6. Reconstruction of several beads from a necklace found in the burial Tokarevo 23/7 based on micro-CT scan data: *1–3* — external view

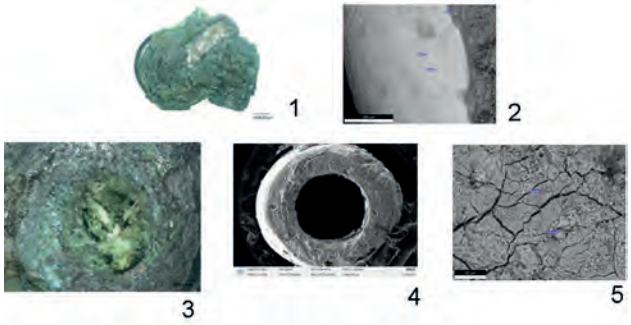

Рис. 7. Погребение Токарево 23/7, данные SEM-EDS анализа. *1, 2* — «медальон» (*1* —поверхность, на которой проведен SEM-EDS анализ (*2*)); *3–5* — бусина (поверхность (*3, 4*), на которой проведен SEM-EDS анализ (*5*))

Fig. 7. The burial Tokarevo 23/7, SEM-EDS analysis data. *1, 2* — "medallion" (*1* — surface on which SEM-EDS analysis was performed (*2*)); *3–5* — bead (surface (*3, 4*) on which SEM-EDS analysis was performed (*5*)

корочек на поверхности бронзовых предметов (подвески и бусин) отличаются, что свидетельствует о том, что процессы коррозии протекали по-разному. Это может объясняться как неоднородностью микроусловий коррозии, так и разной плотностью металла сплава.

На поверхности подвески в точке 1 состав коррозии близок к металлу, отмечается небольшое окисление, присутствуют сульфаты и некоторое количество хлоридов. Повышенное содержание мышьяка свидетельствует о хорошей сохранности исходного сплава. В точке 2 увеличивается количество сульфатов (гипса) и карбонатов. Кальций, вероятно, связан с почвенными карбонатами. Состав в точке 3 отражает состав вторичной минерализованной коррозионной зоны, сформированной на поверхности бронзовой подвески. Вторичная минерализация этой зоны характеризуется уменьшением доли мышьяка (As) с 16–18 до 3 %, снижением концентрации меди (Cu) в два раза, увеличением содержания кислорода, хлора, углерода, появлением фосфора. Этот слой является слоем селективного выщелачивания мышьяка (деарсенизации) с образованием продуктов коррозии меди. Геохимический состав может соответствовать вторичному образованию таких минералов, как хлориды меди (атакамитовая группа), карбонаты меди (малахит), сульфаты кальция (гипс), возможно, фосфаты меди. Увеличение хлора показывает, что эта зона подвергалась наиболее интенсивной коррозии.

Оценка химического состава металла в точках 1 и 2 на поверхности бусины показывает, что металл имеет гораздо худшую сохранность (Cu — 26–28 %; O — 30–36 %) по сравнению с подвеской и подвергся более интенсивному окислению и коррозии, что может объясняться некоторыми различиями структуры сплава бусин в отличие от подвески. По геохимическому составу коррозию на поверхности бусины можно охарактеризовать следующей группой вторичных минералов: окислами меди в виде куприта, карбонатами меди (малахит, азурит), хлоридами меди (группа атакамита) и натрия (галит), почвенными карбонатами кальция (кальцит, арагонит), фосфатами меди (либетенит), сульфатами (гипс, брошантит).

Таким образом, исходный сплав металлических изделий, судя по содержанию мышьяка 16–19 %, был практически одинаковым и относится к мышьяковой бронзе. Различия в составе продуктов коррозии обусловлены особенностями постдепозиционных процессов. На металле амулета наблюдается выраженная локальная деарсенизация, сопровождающаяся появлением хлоридов меди, тогда как на бусине преобладает карбонатно-фосфатно-оксидная коррозия с повышенным содержанием карбонатов кальция и фосфатов меди, что могло быть связано с тесным соприкосновением с костными остатками. На формирование разных типов коррозионных корок могли повлиять также разные структурные характеристики медных сплавов, использовавшиеся для изготовления подвески и бусин. Возможно, для изготовления бусин использовались капельки бронзы, оставшиеся в процессе выплавки сплава.

Обсуждение

При публикации комплекса Токарево 23/7 Т. А. Копьева на основе позы погребенных в сопоставлении с погребальным сооружением и инвентарем отнесла его к раннекатакомбным комплексам: погребенные — II обрядовая группа (скорченно на спине с наклоном на правый бок); катакомба (перпендикулярное сопряжение) — тип 1, вариант 2; сосуды — типы V/1 (сосуд 1, так называемый чугунок), VI/1 (сосуд 3 (миниатюрный кубок) и несохранившийся сосуд 4), IX (сосуд 2, кувшин); ожерелье — не рассматривалось (*Копьева*, 2021. С. 31–42, 164, 165, 339, рис. 30, *1–5*).

Проведенный анализ полевой документации, содержащий первичные наблюдения, описания погребений и план, убеждает в том, что в данном случае имеет место сочетание двух обрядовых групп: скелет 1 (южный) — в скорченном на спине положении с разворотом на правый бок (II обрядовая группа), скелет 2 (северный) — вытянуто на спине, но с разворотом головы на правый бок (IV обрядовая группа), соответственно, это погребение не относится к раннекатакомбным памятникам. По данным Т. А. Копьевой (*Там же*. С. 313, рис. 4) и выводам Г. Н. Тощева (*Тощев*, 2007. С. 117–139), сочетание двух обрядовых групп в сопоставлении с погребальным сооружением позволяет отнести этот комплекс к среднему этапу развития катакомбной культуры в Крыму.

Внести уточнения по хронологической позиции рассматриваемого комплекса позволяют типология и археометрические характеристики погребального инвентаря.

Технологические особенности изготовления керамики и рецептуры формовочных масс большого сосуда (сосуд 1; рис. 2, *4*; 3, *1–3*) и миниатюрного кубка (сосуд 3; рис. 2, *5*; 3, *7–10*) обнаруживают параллели с носителями катакомбных традиций как Северо-Кавказского региона, так и

Северного Причерноморья (*Кулькова и др.*, в печати). Использование в качестве отощителя таких добавок, как дресва метаморфических пород, крупнозернистый песок, дробленые известняк и кальцит, известно в формовочных массах керамики и более ранних культур Северо-Западного Кавказа, например, в керамике энеолитического периода на стоянке Мешоко (*Осташинский, Кулькова*, 2021; *Осташинский и др.*, 2023), а также в керамике из поселений и погребений новосвободненской и майкопской культур (*Резепкин*, 2018; *Резепкин, Кулькова*, 2019). Показателен сосуд с подчеркнутым уступом-переходом от шейки к тулову (сосуд 1; рис. 2, *4*; 3, *1*). Сосуды (так называемые чугунки) и жаровни с такими уступами (как и «расчесы» поверхности) встречены в Прикубанье в раннекатакомбной восточноприазовской и новотиторовской культурах (*Гей*, 2000. Рис. 7, *14*; 35, *10*; и др.), но отсутствуют в позднекатакомбное время (ср.: *Андреева*, 2014. Ил. 34; 35). Они характерны для закубанского варианта северокавказской культуры, керамический комплекс которого более тяготеет к степной традиции по сравнению с другими категориями погребального инвентаря — это горшки подтипа II-1, которые имеют широкие аналогии в синхронных памятниках Предкавказья и степной зоне Восточного Приазовья (*Клещенко*, 2013. С. 39–41, рис. 2, *1–6*; *Гей*, 2000. Рис. 7, *14*; 35, *10*; 42, *1–6, 16*; 44, *7–15, 19, 20*; *Санжаров*, 2001. Рис. 18, *1–6*).

Влияния северокавказской культуры также прослеживаются в традиции помещения миниатюрных сосудиков внутрь больших сосудов, что, по определению А. А. Клещенко, напоминает «матрешку» и является показателем позднего и финального этапов ее развития (*Клещенко*, 2024; 2026). Такого рода «матрешка» зафиксирована и в Токарево 23/7, но составляющие ее сосуды изготовлены в разных технологических традициях: кувшин (сосуд 2; рис. 2, *6*; 3, *4–6*) по составу формовочной массы близок к северокавказским традициям, а вложенный в него кубок (сосуд 3; рис. 2, *5*; 3, *7–10*) характерен для степной северопричерноморской группы. Рассматриваемый кувшин обнаруживает типологическую близость как к посуде катакомбной культуры Приазовья (см.: *Гей*, 2000. Рис. 9, *24*), так и в целом к северокавказскому ареалу, что также было отмечено Т. А. Копьевой, которая выделила его в отдельный IX тип (*Копьева*, 2021. С. 41).

Особенно примечательно в рассматриваемом комплексе ожерелье (рис. 2, *1.в, 2*; 4–6). При изучении предметов методом микротомографии (m-CT) с достаточной степенью уверенности распознаны и восстановлены отдельные бусины[10] и два дисковидных «медальона». Среди бусин преобладают короткие микробусины, округлые в поперечном сечении, с диаметром 2–3 мм, имеются также цилиндрические, длиной до 2 мм, однако наличие других типов подвесок и/или пронизей остается под вопросом (рис. 5; 6). «Медальоны» однотипные — дисковидные, из спиралевидно скрученной проволоки, с плоским держателем, их диаметр ≈6,5–7,0 мм (рис. 4).

Бронзовые изделия, представленные в основном культовыми предметами (булавками, бляхами) и украшениями («медальонами», подвесками и др.), по данным Д. А. Геворковой и А. А. Клещенко, являются наиболее яркими хронологическими индикаторами смены периодов в развитии северокавказской археологической культуры (*Геворкова*, 2025; *Геворкова, Клещенко*, 2026). В Токарево 23/7 ожерелье из бусин и двух закрученных в спирали дисковидных «медальонов» может быть сопоставлено по форме с «медальонами» из Константиновского могильника X, 1/11 (*Геворкова, Клещенко*, 2026. Рис. 1, *3*). Такая форма «медальона» характеризует финальный период северокавказской культуры, что приходится на третью четверть III тыс. до н. э. (*Геворкова, Клещенко*, 2026. С. 40; *Клещенко*, 2026. С. 77). По химическому составу «медальоны» и бусины ожерелья из Токарево 23/7 также соответствуют кавказским сплавам, представленным мышьяковой бронзой.

Заключение

Комплекс Токарево 23/7 ККИО представляет собой парное детское погребение. Археометрические исследования погребального инвентаря междисциплинарными методами, включающими петрографический и микротомографический анализ керамики, микротомографический и микрозондовый анализ фрагментов бронзовых бусин и «медальонов», позволили реконструировать технологию изготовления сосудов и деталей

[10] При описании параметров бусин (формы и размеров) авторы ориентировались на описания неметаллических бусин по методикам Ю. Л. Щаповой и Ю. Кальмера, использованных А. А. Клещенко и соавторами для характеристики таких изделий из погребений могильника Кёнделенская I северокавказской культуры, так как в комплексе Кёнделенская I 422/6 имеется одна бронзовая бусина аналогичных размеров с неметаллическими образцами (*Клещенко и др.*, 2026. С. 99, 100, рис. 3, *16*).

ожерелья, включая реконструкцию одного из «медальонов», а также установить их химический состав, соответствующий мышьяковой бронзе. Все три изученных сосуда характеризуются разными рецептурами формовочных масс и технологиями изготовления, что может отражать как контакты или смешение разных племенных групп, возможно, степного и предгорного населения, появляющегося на территории Крыма, так и различия в функциональном назначении сосудов в погребении.

Появление комплекса Токарево 23/7 и подобных захоронений в Присивашье Т. А. Копьева связывала с миграцией в раннекатакомбный период степных племен Предкавказья на основании аналогий, близких традициям катакомбных культур Восточного Приазовья и Предкавказья (*Копьева*, 2021. С. 48). Проведенные нами исследования позволили уточнить, что речь идет о сообществах северокавказской культуры позднего и финального этапов, или третьей четверти III тыс. до н. э. Этим временем также датируется Токарево 23/7. К подобным комплексам следует присоединить и другие погребения из Присивашья, в инвентаре которых присутствуют хорошо диагностируемые бронзовые украшения северокавказской культуры — «медальоны» с петелькой, мелкие шаровидные и/или каплевидные подвески, цилиндрические пронизи, бисер: Целинное 1/7, Черноземное 1/10, Болотное 14/8, Наташино 10/12, Чкалово 6/5 и др. (*Тощев*, 2007. Рис. 70, *8, 11*; *Копьева*, 2021. Рис. 38, *4, 6, 8*; 62, *9*; 89, *4*). Обращает на себя внимание расположение таких комплексов полосой с юго-востока на северо-запад (за исключением Наташино 10/12) вдоль восточного–северо-восточного побережья Крыма (рис. 1, I.*15*, I.*20*, I.*22*, I.*31*, II.*12*), что может быть своего рода маркером маршрутов передвижения степных племен. Однако это наблюдение и детальный анализ датировок этих комплексов требуют отдельного исследования.

Таким образом, проанализированные особенности комплекса Токарево 23/7 и археометрические исследования сохранившихся предметов погребального инвентаря позволили выйти на новый уровень интерпретации и расширить представление о культурно-исторических процессах, имевших место в сообществах ККИО Крымского полуострова как территории взаимодействия носителей синхронных и разных культур Северного Причерноморья, Восточного Приазовья и Северного Кавказа.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2026 г.

Андреева, 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: ТАУС, 2014. 272 с.

Братченко, Шапошникова, 1985 — *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. В 3 т. Т. 1: Первобытная археология / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1985. С. 403–420.

Веселкова и др., 2021 — *Веселкова Д. В., Свиркина Н. Г., Успенская О. И., Добровольская М. В., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Меньшиков М. Ю.* Случай обширной трепанации на черепе эпохи бронзы из кургана № 2 у с. Льговское // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 145–160.

Геворкова, 2025 — *Геворкова Д. А.* Бронзовые «медальоны» как элемент погребального костюма населения северокавказской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении. Материалы VIII конференции молодых ученых / Отв. ред. В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2025. С. 43–45.

Геворкова, Клещенко, 2026 — *Геворкова Д. А., Клещенко А. А.* Хронологические маркеры финального этапа северокавказской культуры (третья четверть III тыс. до н. э.) // Археологические исследования Северного Кавказа в XIX — начале XXI в.: традиции и инновации. Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIV Крупновские чтения» / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Владикавказ: ВНЦ РАН, 2026. С. 40–44.

Гей, 2000 — *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 223 с.

Евдокимов, 1980 — *Евдокимов Г. Л.* О культурно-хронологических различиях катакомбных памятников Нижнего Поднепровья, Приазовья и Крыма // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. (Днепропетровск, апрель 1980 г.): Тез. докл. XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск: [б. и.], 1980. С. 48–50.

Нечитайло, 1984 — *Нечитайло А. Л.* О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы степного Крыма / Отв. ред. В. Н. Корпусова. Киев: Наукова думка, 1984. С. 108–114.

Клещенко, 2013 — *Клещенко А. А.* Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. 2013. № 2. С. 37–43.

Клещенко, 2024 — *Клещенко А. А.* Северокавказская культура: современные источники, результаты и перспективы исследования // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа

в XX — первой четверти XXI века. Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения» / Отв. ред. Д. С. Коробов. М.: ИА РАН, 2024. С. 69–72.

Клещенко, 2026 — *Клещенко А. А.* Погребения «архонской культурной группы» из могильника у с. Ногир Республики Северная Осетия — Алания // Археологические исследования Северного Кавказа в XIX — начале XXI века… Владикавказ: ВНЦ РАН, 2026. С. 74–77.

Клещенко и др., 2026 — *Клещенко А. А., Столярова Е. К., Япрынцев А. Д., Окулов А. В.* Фаянсовые и каменные украшения северокавказской культуры могильника Кёнделенская I в контексте традиций эпохи бронзы Предкавказья // Stratum plus. 2026. № 2: «Прозрев глубины древней были…». С. 95–131. DOI: 10.55086/sp26295131

Колотухин, 1972 — *Колотухин В. А.* Дневник археологических раскопок кургана № 23 у с. Токарево Кировского района // А. А. Щепинский. Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР 1972 г. Полевые материалы // НА ИА Крыма РАН. Инв. кн. «ФЛЩ». Инв. № 33. П. 35. Тетрадь № 1. С. 1–82/191–273.

Копьева, 2011 — *Копьева Т. А.* Катакомбная культура на территории Крыма (история изучения и исследований) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011. Вып. XVII. С. 3–29.

Копьева, 2021 — *Копьева Т. А.* Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-История, 2021. 424 с.

Кулькова и др., в печати — *Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Малярова А. Д., Старкова Е. Г., Кульков А. М., Стрельцов М. А.* Петрография керамики позднебронзового поселения Каменка Восточного Крыма (по материалам раскопок В. Д. Рыбаловой в XX в.) // Российская археология, в печати.

Осташинский, Кулькова, 2021 — *Осташинский С. М., Кулькова М. А.* Результаты петрографического анализа керамики поселения Мешоко // Кавказология. 2021. № 1. С. 12–25.

Осташинский и др., 2023 — *Осташинский С. М., Черленок Е. А., Кулькова М. А.* Особенности технологии изготовления керамики навеса Мешоко // Кавказология. 2023. № 4. С. 15–28. DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-15-28. EDN: AATLJS

Попова, 1955 — *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1955 (Труды ГИМ; Вып. 24). 180 с.

Пустовалов, 2005 — *Пустовалов С. Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с.

Резепкин, 2018 — *Резепкин А. Д.* Петрографический анализ керамики новосвободненской культуры из погребений в курганном могильнике «Клады» // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 247–254.

Резепкин, Кулькова, 2019 — *Резепкин А. Д., Кулькова М. А.* Сравнительный анализ керамики из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 24–40. DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-24-40

Санжаров, 2001 — *Санжаров С. Н.* Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та им. В. Даля, 2001. 172 с.

Тощев, 2007 — *Тощев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский нац. ун-т, 2007. 304 с.

Тощев, Кашуба, 2017 — *Тощев Г. Н., Кашуба М. Т.* Полтора века изучения бронзового века Крыма: ответы и вопросы // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. Коллективная монография / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 40–66.

Шапошникова, 1971 — *Шапошникова О. Г.* Катакомбна культурна область // Археологія Української РСР у трьох томах. Т. 1: Первісна археологія / Від. ред. Д. Я. Телегін. Київ: Наукова думка, 1971. С. 317–334.

Щепинский, биография — *Щепинский Аскольд Александрович* [электронный ресурс] // URL: Щепинский Аскольд Александрович | Открытая Археология (дата обращения: 08.06.2026).

Щепинский, 1966 — *Щепинский А. А.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966. № 2. С. 10–23.

Щепинский, 1972а — *Щепинский А. А.* Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР 1972 г. Полевые материалы // НА ИА Крыма РАН. Инв. кн. «ФЛЩ». Инв. № 33. П. 35.

Щепинский, 1972б — *Щепинский А. А.* Северо-Крымская экспедиция 1972 г. Отчет о работах Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1972 году // НА ІА НАН України. Інв. № 7885. Ф. э. 1972/124.

Щепинский, Черепанова, 1969 — *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969 (Древности степного Крыма). 328 с.

Rukavishnikova et al., 2024 — *Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Veselkova D. V., Svirkina N. G.* Kurgan architecture of the Bronze Age in the Northern Black Sea region: studies of the Kurgan embankment near the village of Lgovskoye // Tumuli and Megaliths in Eurasia / Eds. J. Caninas et al. Cambridge Scholars Publishing, 2024. P. 141–156.

Archaeometric studies of the grave goods from a child's burial of the Catacomb culture at the Tokarevo burial mound (Sivash region, Crimea)

M. A. Kulkova, M. T. Kashuba, A. M. Kulkov, Y. V. Kozhukhovskaya[11]

Keywords: Crimea, Sivash region, Tokarevo, Middle Bronze Age, Catacomb cultural-historical community, grave goods, archaeometric studies, North Caucasian influences

This article presents the results of a comprehensive interdisciplinary study of the grave goods from a paired children's burial of the Catacomb culture at the burial mound 23 in Tokarevo (Sivash region, Crimea). The burial rite, characteristics of the complex, and the typological and morphological features of the grave goods have been reconstructed based on archival field data from 1972 by A. A. Shchepinsky and V. A. Kolotukhin. The preserved grave goods — fragments of a bronze necklace and clay vessels — were examined using a range of modern analytical methods. Petrographic and micro-computed tomography (m-CT) analyses were used to reconstruct the manufacturing techniques of three vessels. The elements of the bronze ornament were studied using micro-computed tomography (m-CT) and scanning electron microscopy with energy-dispersive X-ray spectroscopy (SEM-EDX). Based on a 3D reconstruction, the shapes of the beads were restored and the characteristics of the "medallion" — covered by a thick layer of secondary corrosion — were identified. In addition, the manufacturing techniques were studied, and the metal composition was determined to correspond to arsenic bronze. This evidence allows us to confidently attribute the bronze necklace to the final phase of North Caucasian culture, as well as the tradition of placing one vessel inside another in the form of "matryoshka" dolls, and to date the burial to the 3rd quarter of the 3rd millennium BC. Studies of the three molded vessels have shown that they differ in terms of typology, the composition of the molding materials, and the firing conditions and temperatures. These differences indicate the existence of distinct regional cultural traditions during the Catacomb period, reflecting the interaction and close contacts between the populations of the steppe region of the Azov Sea and the bearers of North Caucasian culture. A similar composition of grave goods (beads, glass beads, "medallions" etc.) has been found in Catacomb culture burials at Tselinnoye 1/7, Chernozemnoye 1/10, Bolotnoye 14/8, Natashino 10/12, Chkalovo 6/5, and other sites in the Sivash region; however, their absolute and relative chronology requires further study. The combination of archaeological and archaeometric data from the Tokarevo 23/7 burial reveals connections among the populations of the Northern Black Sea region, the Eastern Azov region, and the North Caucasus during the 3rd quarter of the 3rd millennium BC. By applying an interdisciplinary archaeometric approach to the study of the grave goods from the Tokarevo 23/7 burial, researchers were able, for the first time, to reconstruct the manufacturing techniques used to create the artifacts, their degree of preservation during burial, their cultural affiliation was determined, connections with neighboring regions were identified, and the burial's dating was refined — all of which demonstrate the promising potential of this approach in the study of ancient burial complexes.

[11] Marianna A. Kul'kova — Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; e-mail: kulkova@mail.ru. Maya T. Kashuba — Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: mirra-k@yandex.ru. Alexander M. Kul'kov — Herzen State Pedagogical University of Russia; Saint-Petersburg State University, St. Petersburg; e-mail: aguacrystals@narod.ru. Yulia V. Kozhukhovskaya — Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg; Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol; e-mail: jv-k@mail.ru.

Археометрическая база данных «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма»: принципы организации и методы автоматизированного анализа[1]

М. А. Стрельцов, М. А. Кулькова[2]

Аннотация. *В статье представлена архитектура археометрической базы данных «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма», реализованной на основе СУБД PostgreSQL с расширением PostGIS, а также методы хранения и автоматизированного анализа петрографических данных. Показано, что интеграция базы данных с ГИС и веб-приложением расширяет возможности анализа и верификации археологических гипотез.*

Ключевые слова: *археометрия, база данных, петрография керамики, PostGIS, Python, геоинформационные системы, автоматизированный анализ, бронзовый век, Крым*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-236-245

При изучении на современном уровне культур эпохи бронзы Крымского полуострова необходим переход от накопления разрозненных дескриптивных характеристик к системному анализу на основе единых цифровых стандартов. Традиционные методы публикации археологической керамики часто грешат субъективностью и не позволяют проводить корректную статистическую обработку. Внедрение формализованных параметров позволяет минимизировать «человеческий фактор» и интегрировать результаты исследований в общую аналитическую среду (*Ozturk et al.*, 2015).

Целью настоящей статьи является описание архитектуры базы данных (БД), созданной на стеке PostgreSQL + PostGIS, и демонстрация алгоритмов хранения и автоматизированного анализа петрографических данных. Разрабатываемый инструментарий является логическим развитием ранее созданной междисциплинарной базы данных, включающей разнородные археометрические материалы (каменные, металлические и керамические изделия, шлаки и др.) (*Кулькова и др.*, 2024; *Стрельцов и др.*, 2024), и отражает переход к более узкоспециализированной системе, ориентированной на анализ керамики как одного из наиболее сложных и информативных археологических материалов. В то же время представленная разработка развивает методические подходы к созданию информационных ресурсов и аналитических инструментов для изучения археологической керамики (*Кулькова и др.*, 2026). Разрабатываемый инструментарий позволяет сопоставлять археологический контекст с естественнонаучными данными, превращая БД из пассивного хранилища в активную исследовательскую среду для реконструкции древнего производства (*Стрельцов и др.*, 2025а; *Стрельцов и др.*, 2025б). Выбор СУБД PostgreSQL в связке с расширением PostGIS обусловлен необходимостью оперировать пространственно-распределенными данными. PostGIS позволяет хранить геометрию объектов в формате WKB Geometry, что открывает возможности для автоматического пространственного анализа — от расчета расстояний до источников сырья до построения моделей

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25-78-10114, «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма: археометрическая база данных») в ЦКП «Геоэкология» РГПУ им. А. И. Герцена.

[2] Стрельцов М. А., Кулькова М. А. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: michail1996@mail.ru, kulkova@mail.ru.

© Стрельцов М. А., Кулькова М. А., 2026

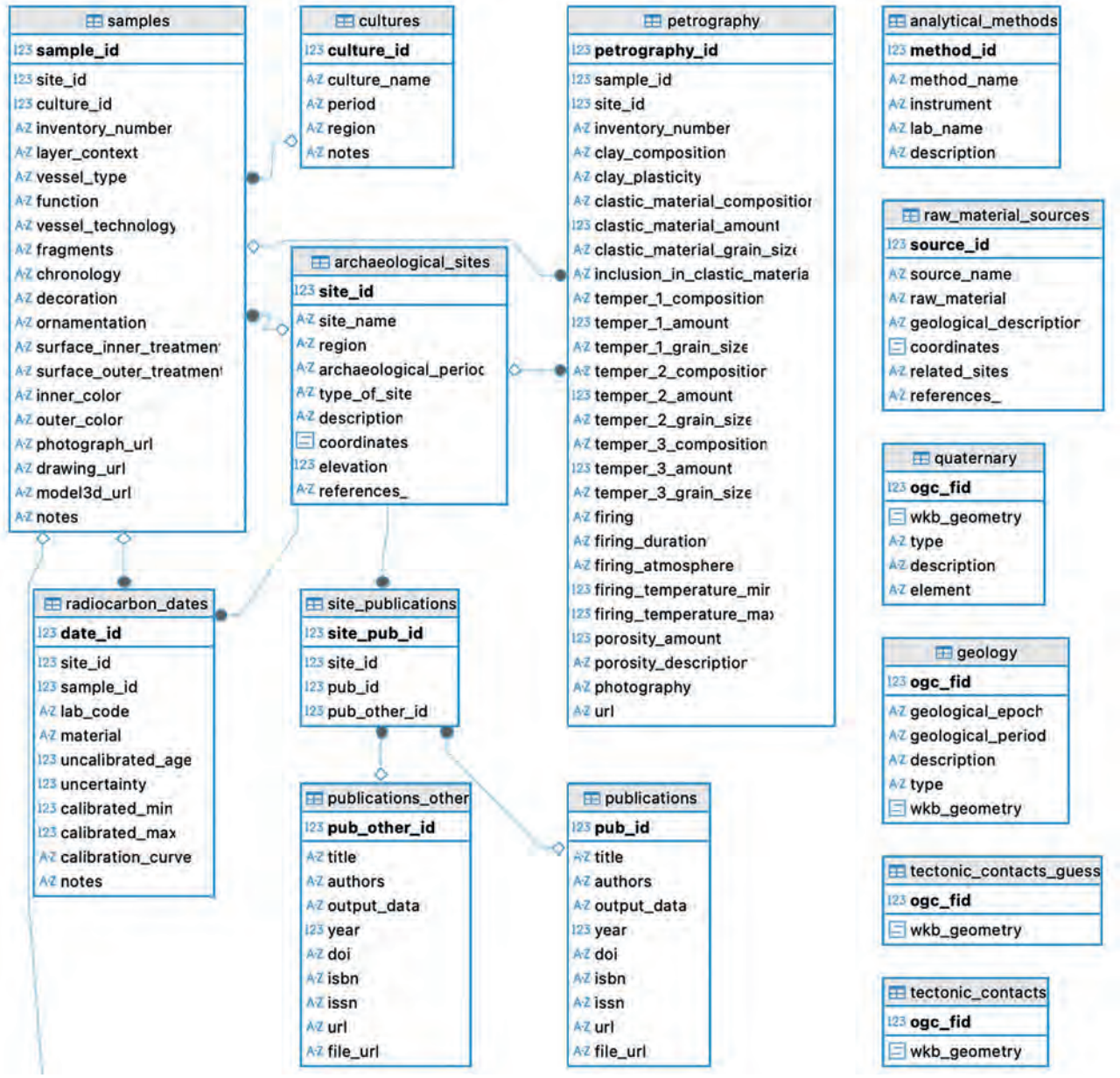

Рис. 1. Схема реляционной БД «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма» (приложение DBeaver)

Fig. 1. Relational database schema "Bronze Age Ceramics from the Steppe Crimea Sites" (application DBeaver)

распространения конкретных технологических рецептов (*Обе, Хсу*, 2023).

Структура представленной БД является реляционной и ориентирована на решение комплексных междисциплинарных задач, связанных с изучением археологической керамики. Логика организации данных основана на принципе иерархической и семантической связности, обеспечивающей интеграцию разнородной информации — от полевых наблюдений до результатов лабораторных анализов (рис. 1). Базовый уровень системы формируется блоком, описывающим географический и культурный контексты археологических памятников. Центральное место здесь занимает таблица archaeological_sites, содержащая сведения о локализации объектов (включая координаты в формате пространственной геометрии), их типологической принадлежности (поселения, курганы и др.) и хронологической атрибуции. С ней тесно связана справочная таблица cultures, позволяющая соотносить памятники и находки с определенными археологическими культурами и тем самым встраивать данные в более широкий культурно-исторический контекст.

Ключевым связующим элементом структуры выступает таблица samples, в которой аккумулируется информация о конкретных археологических образцах — фрагментах керамики. Она реализует связь между памятниками и культурами посредством внешних ключей (site_id и culture_id), а также содержит морфологические характеристики изделий, включая тип сосуда, особенности орнаментации, цвет, относительную и абсолютную хронологию, археологический контекст. Таким образом, samples выполняет функцию ядра, объединяющего археологические, технологические и аналитические данные в рамках единой записи (*Кулькова и др*., 2026).

Следующий уровень представлен аналитическим блоком. Таблица petrography содержит результаты петрографического анализа, включая данные о минеральном составе глинистой матрицы, характере и фракционности включений, присутствии отощителей, а также текстурных особенностях, отражающих условия формирования пористости и обжига. Радиоуглеродные данные структурированы в таблице radiocarbon_dates, где фиксируются лабораторные коды, некалиброванные и калиброванные значения возраста, что позволяет интегрировать абсолютную хронологию в общую систему анализа. Таблица analytical_methods, в свою очередь, обеспечивает метаописание используемых методик и оборудования, что важно для воспроизводимости результатов и корректной интерпретации данных.

Существенным компонентом базы является блок, описывающий геолого-минералогическую среду. Интеграция геологических и стратиграфических данных обеспечивает возможность пространственно-ориентированного анализа происхождения керамического сырья и сопоставления керамики с потенциальными источниками (*Garrido-García et al*., 2025). В связи с этим важное место занимает таблица raw_material_sources, в которой систематизированы данные о потенциальных источниках сырья, включая их координаты, генезис и геологический возраст. Таблицы geology и quaternary содержат стратиграфические и литологические характеристики территории, представленные в том числе в виде пространственных объектов (полигоны в формате WKB Geometry), что позволяет осуществлять их прямую интеграцию с ГИС-инструментами (*Большакова и др*., 2026).

Информационное обеспечение базы данных дополняется библиографическим блоком, включающим таблицы publications и publications_other, содержащие сведения о научных работах, а также таблицу связей site_publications, реализующую отношение «многие-ко-многим» между памятниками и публикациями.

Особое внимание уделено методологии систематизации петрографических данных, основанной на формализации качественных микроскопических наблюдений в виде структурированных параметров, пригодных для последующего количественного и статистического анализа. Петрографическое исследование шлифов предоставляет объективную информацию о составе формовочных масс и является одним из ключевых методов изучения технологии древней керамики (*Кулькова,* 2015; *Кулькова и др*., 2018; *Растегаева,* 2022). В последние годы особое значение приобретает интеграция таких данных в специализированные цифровые базы, обеспечивающие их стандартизацию, сопоставимость и возможность автоматизированной обработки (*Quinn et al*., 2011). В рамках разработанной базы данные аккумулируются в специализированной таблице petrography, связанной с таблицами образцов (samples) и археологических памятников (archaeological_sites) через систему идентификаторов, что обеспечивает их контекстуализацию в общей структуре. На текущий момент база содержит 148 петрографических описаний для семи археологических памятников.

Основной задачей петрографического анализа является характеристика структуры и состава формовочной массы в тонком шлифе под поляризационным микроскопом (рис. 2), что позволяет определить минеральный состав глинистой матрицы и непластичных включений, их морфологию, гранулометрические характеристики и распределение. Минералы диагностируются по комплексу оптических свойств в проходящем и поляризованном свете, включая прозрачность, цвет, форму зерен, двулучепреломление, а также изотропизм или анизотропизм. Глинистая матрица в керамических изделиях состоит из глинистых минералов, размер которых меньше 2 микрон в диаметре, и других минеральных зерен (кластического материала), размерность которых соответствует алевритовой составляющей. На основании процентного содержания алевритовой составляющей можно разделить глинистую массу на «жирные» или «тощие» глины, что является технологической характеристикой. Анализ процентного содержания включений, состава, размера зерен, формы и их пространственного распределения в глинистой матрице позволяет отличать природные примеси от искусственно

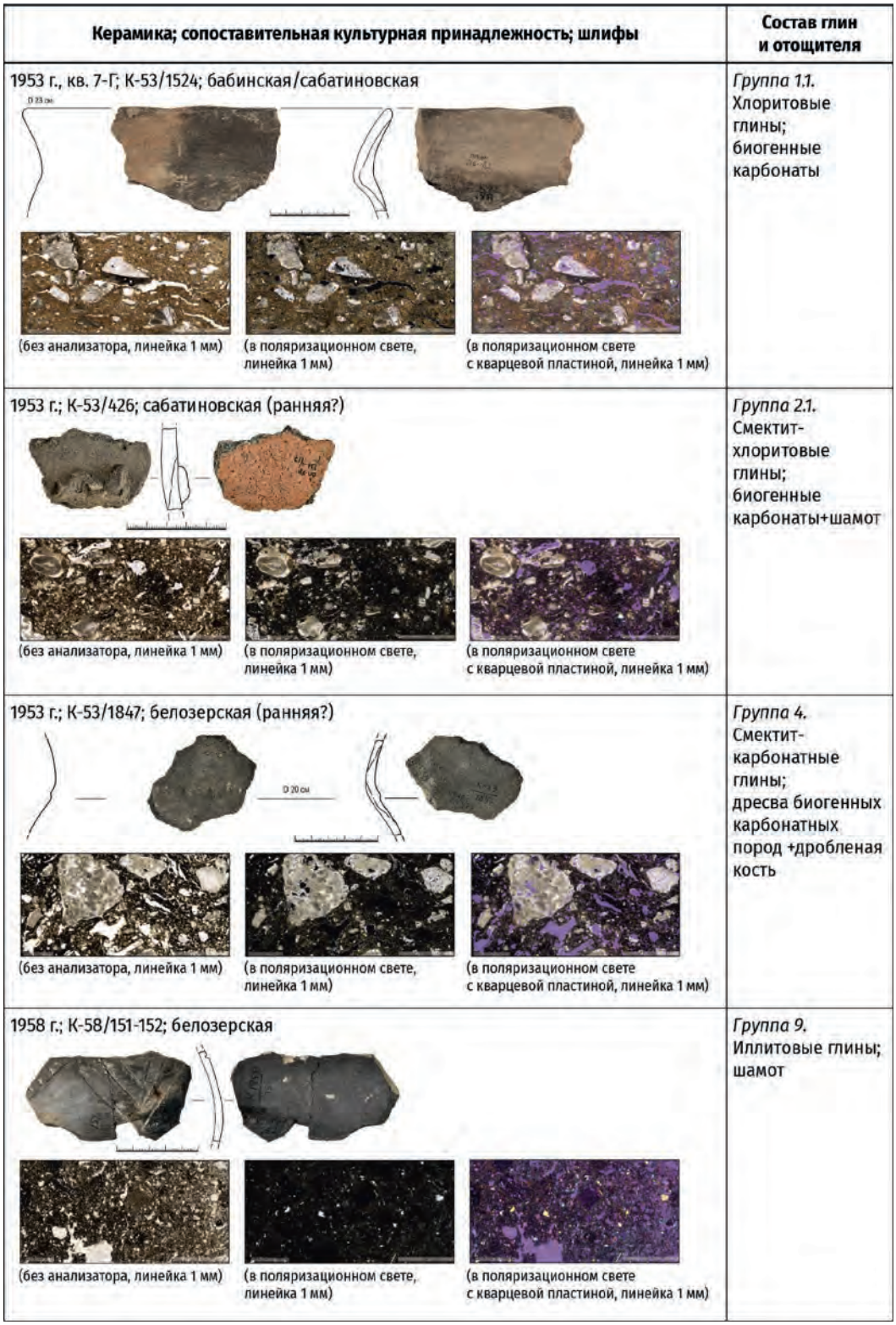

Рис. 2. Петрографический анализ керамики бабинской, сабатиновской и белозерской культур из поселения Каменка Восточного Крыма, раскопки В. Д. Рыбаловой в 1953 и 1958 гг.

Fig. 2. Petrographic analysis of ceramics from the Babino, Sabatinovka and Belozerka cultures from the Kamenka settlement in Eastern Crimea, excavated by V. D. Rybalova in 1953 and 1958 [*Кулькова и др.*, в печати]

введенных отощителей, а также реконструировать условия формирования пористости и температурные параметры обжига. В шлифах могут быть диагностированы разнообразные добавки, включая дресву горных пород, песок, шамот (обожженную и дробленую керамику), уголь и золу, шлак, органические остатки, солому, костные включения и другие технологические компоненты, отражающие особенности рецептуры формовочной массы.

При реконструкции технологий изготовления древней керамики через практические эксперименты по методу А. А. Бобринского (*Бобринский*, 1978) изучаются принципы, которые использовались древними гончарами. Для того чтобы понять, как была изготовлена керамика в прошлом, нужно попытаться воссоздать процесс ее изготовления с использованием аналогичных материалов и техник. Полученные экспериментальные образцы сравниваются с археологическими по микроструктуре, прочности, наличию включений, которые определяют с помощью бинокуляра при увеличении в 10–40 раз. Обычно такое увеличение дает возможность установить в археологической керамике макроостатки (включения шамота, песка, дресвы, остатки чешуи, органические волокна), но не позволяет определить минеральный состав составляющих формовочной массы и провести анализ распределения включений в глинистой матрице, а также установить их характер (естественные или искусственные примеси). Особенности обжига археологических фрагментов также могут быть установлены по методу А. А. Бобринского только предположительно, по сравнению с экспериментальными образцами, которые не являются точными аналогами археологических образцов.

Изучение древней керамики по методу А. А. Бобринского помогает восстановить технологические традиции древних культур, такие как способы лепки и формовки, техники обработки поверхности, орнаментации, позволяет определить уровень развития ремесла, понять организацию технологического производства, выявить культурные связи между регионами, что дает возможность практической реконструкции последовательности операций технологий изготовления керамики в реальных условиях природной обстановки. Однако практическая реализация подобных реконструкций сопряжена с рядом трудностей, прежде всего связанных с подбором глин и отощителей, максимально близких к исходным материалам, использовавшимся в древности. Во многих случаях природные выходы сырья, эксплуатировавшиеся древними гончарами, в настоящее время утрачены или существенно трансформированы, что ограничивает возможность точного воспроизведения исходных рецептур и условий изготовления изделий.

Можно отметить, что реконструкция гончарных технологий и петрографический анализ археологической керамики — это два разных уровня получения информации о “chaîne opératoire” древней керамики, которые являются дополняющими друг друга. Метод А. А. Бобринского позволяет понять, как древние гончары лепили древнюю керамику, дает представление о навыках мастеров и восстанавливает цепочку технологических операций. Петрографический анализ керамики позволяет определить, из чего сделаны глиняные сосуды, выявить рецептуру формовочной массы, установить температуру и условия обжига. Точные данные о составе и географии выходов источников сырья используются для доказательств локального или импортного происхождения керамики, установления синкретичных типов, смены культурных традиций. В совокупности эти методы не просто дают представление об отдельных операциях изготовления глиняного сосуда, а реконструируют систему знаний и навыков, передаваемых из поколения в поколение, что является характеристикой культурной традиции.

Возвращаясь к рассматриваемой БД, отметим, что в ней структура хранения петрографической информации организована по нескольким взаимосвязанным параметрическим блокам. Прежде всего фиксируются свойства глинистой матрицы, включая ее минеральный состав и степень пластичности. Параллельно описывается кластический материал: его минеральный состав, количественное содержание и гранулометрические характеристики. Дополнительно фиксируются специфические включения, такие как биогенные остатки или микрофауна, позволяющие уточнять генезис сырья. Особое внимание в системе уделено отощителям, которые также являются индикатором технологических традиций (табл. 1). Структура БД предусматривает регистрацию нескольких типов примесей для одного образца с раздельным указанием их состава, концентрации и размерных характеристик.

Отдельный блок параметров отражает условия обжига керамики. В БД фиксируются как качественные характеристики, так и количественные оценки температурного диапазона, определяемые на основе анализа минерального состава

Таблица 1. Группировка отощителей (TEMPER_GROUPS)
Table 1. Grouping of tempering agents (TEMPER_GROUPS)

Группа	Значения из базы	Описание
Sand	Sand (quartz); sand (feldspar); sand (gneiss); sand (slate); sand (fragments of metamorphic rocks); sand with fragments of carbonate breccia; sand (well-rounded quartz); sand (crushed effusive rock); flint	Песчаные примеси различного минерального состава и генезиса
Grog	Grog-crushed pottery; crushed grog	Шамот
Carbonate	Crushed carbonate rocks; crushed carbonate limestones; crushed biogenic limestones; crushed biogenic carbonate; crushed shell; crushed oolitic carbonate rocks; crushed oolitic limestones; crushed crystalline carbonates; crystalline carbonate rocks; carbonate rocks (almost completely decomposed); calcite; dolomite; ankerite	Карбонатные материалы различного происхождения
Igneous	Crushed effusive igneous rocks; crushed intrusive igneous rocks; crushed effusive and intrusive igneous rocks; crushed magmatic rocks; crushed mafic intrusive igneous rock; crushed intermediate igneous rock; plagioclase; pyroxene; amphibole; olivine	Изверженные породы и их минералы
Metamorphic	Crushed metamorphic rocks; crushed metamorphic rock; gneiss; phyllite; slate; amphibolite; quartzite; chlorite slate	Метаморфические породы
Mixed lithic	Igneous and metamorphic; igneous and carbonate; metamorphic and carbonate; igneous, metamorphic and carbonate; crushed effusive and intrusive igneous rocks and crushed metamorphic rocks; crushed basic intrusive igneous rocks and crushed metamorphic rocks; crushed basic intrusive igneous rocks and crushed biogenic carbonate; crushed effusive and intrusive igneous rocks and crushed biogenic carbonate; crushed basic intrusive igneous rocks, crushed metamorphic rocks and crushed biogenic carbonate	Смешанные отощители
Organic	Chopped plant; burnt plant remains; plant remains	Органические примеси растительного происхождения
Bones	Crushed bone; bone	Костные включения
Secondary	Gypsum; secondary minerals	Вторичные минералы и новообразования

формовочной массы и признаков минеральных и фазовых преобразований, происходящих при нагреве. Эти данные дополняются показателями пористости, представленными в виде количественных оценок и интерпретации их генезиса (табл. 2). В частности, особенности формы и распределения пор, а также наличие углеродистых остатков позволяют выявлять следы выгорания органических включений и реконструировать условия обжига и состав исходных добавок.

Дополнительным элементом системы является блок документации, обеспечивающий верифицируемость и воспроизводимость петрографических наблюдений. Для каждого образца в таблице petrography предусмотрено хранение ссылок на микрофотографии шлифов и аналитические отчеты, размещенные во внешнем облачном хранилище (Яндекс Диск). Такая организация позволяет интегрировать в базу не только формализованные параметры, но и первичные визуальные и текстовые данные, используемые при интерпретации.

Разработка системы укрупненных фильтров и автоматизированной аналитики представляет собой важный этап трансформации первичных петрографических описаний в формализованные данные, пригодные для количественного анализа. Исходная проблема связана с высокой вариативностью текстовых описаний шлифов, где сходные по смыслу характеристики фиксируются различными терминами. Для преодоления этой неоднородности в рамках проекта реализована система стандартизации, основанная на введении укрупнённых аналитических категорий, позволяющих агрегировать данные по минералогическим, технологическим и генетическим признакам. Ключевым инструментом данной системы является

Таблица 2. Группировка пористости (POROSITY_GROUPS)
Table 2. Grouping by porosity (POROSITY_GROUPS)

Группа	Значения из базы	Описание
Fracturing	Fracturing	Пористость, обусловленная развитием трещиноватости
Carbonate dissolution	Carbonate dissolution; carbonate decomposition; partial carbonate dissolution; partial dissolution of carbonate; extensive carbonate dissolution; extensive carbonate decomposition; carbonate destruction; partial carbonate destruction	Поры, образованные в результате растворения или разрушения карбонатных включений
Organic burnout	Organic burnout; burnout of organic inclusions; burnout of organic matter; plant burnout; burnout of plant remains	Пористость, возникающая вследствие выгорания органических компонентов
Carbonate burnout	Carbonate burnout; burnout of carbonate inclusions	Поры, образованные при термическом разрушении карбонатных включений
Biogenic burnout	Shell burnout; organic and shell burnout	Пористость, связанная с выгоранием биогенных компонентов (раковин, органики)
Mineral loss	Mineral grain loss	Поры, возникающие в результате утраты минеральных зерен
Combined	Fracturing and mineral grain loss; fracturing and carbonate dissolution; fracturing and organic burnout; carbonate dissolution and organic burnout; mineral grain loss and carbonate dissolution; burnout of organic and carbonate; fracturing, partial carbonate; fracturing, carbonate decomposition; fracturing, partial dissolution	Комбинированные механизмы формирования пористости

конфигурационный файл группировки, в котором зафиксированы правила сопоставления детализированных описаний и аналитических категорий (табл. 1; 2). Он выполняет функцию интерпретационного слоя между «сырыми» данными и их статистической репрезентацией, позволяя автоматически классифицировать разнообразные варианты описаний отощителей, кластического материала, глинистых минералов и генезиса пористости. Так, например, различные формулировки, описывающие дробленые карбонатные породы (известняк, доломит, кальцит и др.), приведены к единой категории “carbonate”, а сочетания изверженных и метаморфических компонентов — к категории “mixed lithic”. Такая схема обеспечивает воспроизводимость классификации и уменьшение дискретности данных.

Автоматизированная обработка данных реализована в виде специализированного скрипта на языке Python, интегрированного с реляционной базой данных через SQL-запросы. На этапе загрузки выполняется объединение таблиц петрографии, образцов, памятников и культур в единый аналитический массив, что позволяет работать с данными как с целостной системой. Существенным элементом является этап предварительной обработки, включающий парсинг числовых параметров из текстовых полей с использованием регулярных выражений, а также генерацию производных признаков (средней температуры, диапазона обжига, суммарного содержания примесей). Параллельно осуществляется автоматическая категоризация компонентов на основе функций нормализации, что обеспечивает переход от текстовых описаний к дискретным аналитическим переменным.

Система предусматривает гибкую фильтрацию данных, реализованную через механизм параметризации запуска скрипта. Использование интерфейса командной строки позволяет задавать условия отбора, что делает аналитический процесс адаптивным к различным исследовательским задачам. В зависимости от режима работы осуществляется либо детальный анализ отдельного памятника, либо сравнительное исследование нескольких объектов, что особенно важно для выявления различий между памятниками в технологических традициях.

Заключительный этап включает статистическую обработку и визуализацию данных. Python-скрипт реализует комплекс методов,

Рис. 3. Пример результатов автоматизированного анализа

Fig. 3. Example of automated analysis results

включая корреляционный анализ, непараметрические критерии (Краскела — Уоллиса), анализ сопряженности (χ^2) и метод главных компонент (PCA), что позволяет выявлять как линейные зависимости, так и скрытую многомерную структуру данных. Применение подобных методов соответствует современным подходам к статистическому моделированию археологических данных и анализу керамических коллекций, где многомерные и вероятностные методы играют ключевую роль в выделении технологических и сырьевых групп (*Bishop*, 2017; *Michelaki et al.*, 2013; *Kazakis, Tsirliganis*, 2015). Результаты представляются в виде стандартизированного набора графиков (распределения, диаграммы рассеяния, тепловые карты, профильные графики), автоматически сохраняемых в высоком разрешении. Такая автоматизация исключает субъективность при выделении технологических групп и обеспечивает воспроизводимость аналитических процедур, что принципиально важно для интерпретации археометрических данных и построения обоснованных реконструкций технологических традиций (рис. 3).

Важным компонентом системы является разрабатываемое веб-приложение, ориентированное на обеспечение удобного пользовательского взаимодействия с базой данных. Архитектура решения предполагает доступ к данным через API (Application Programming Interface — программный интерфейс приложения) и интеграцию с картографическим интерфейсом на базе Яндекс Карты. Это позволяет реализовать интерактивную работу с пространственными слоями, включая визуализацию памятников, образцов и источников сырья, а также динамическую фильтрацию данных по заданным параметрам. Подобный подход снижает порог входа для пользователей и делает аналитические инструменты доступными без необходимости непосредственной работы с SQL или программным кодом (рис. 4).

Следует отметить, что разрабатываемая археометрическая база данных «Керамика эпохи бронзы из памятников степного Крыма» представляет собой инструмент, ориентированный на интеграцию, стандартизацию и аналитическую обработку разнородных данных. Использование реляционной модели в сочетании с пространственными возможностями PostGIS и автоматизированными процедурами анализа на языке Python дает возможность эффективно

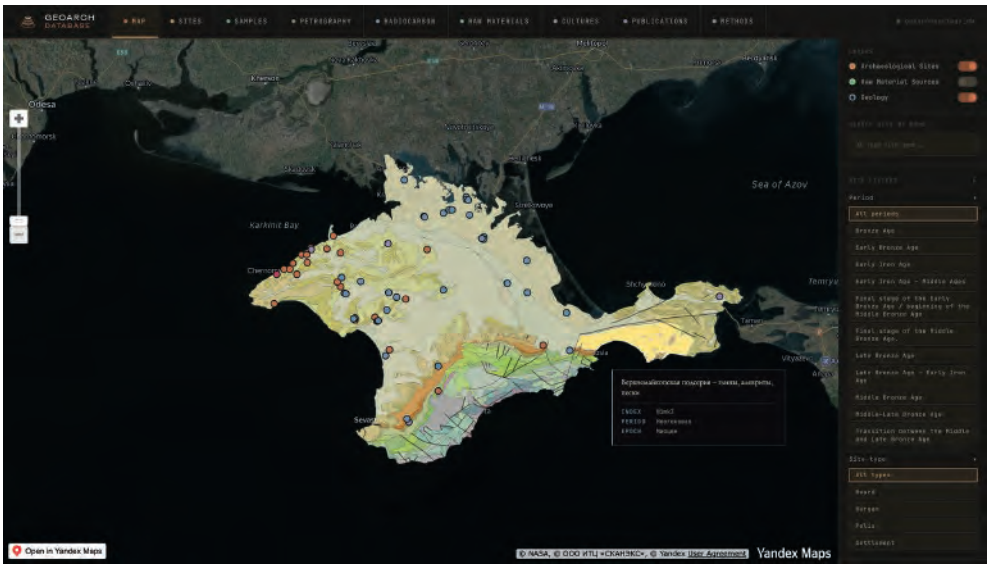

Рис. 4. Интерфейс разрабатываемого веб-приложения

Fig. 4. Interface of the web application under development

работать с большими массивами информации, обеспечивая высокую степень воспроизводимости результатов. Перспективы дальнейшего развития связаны с расширением аналитического блока за счет включения данных рентгенофлуоресцентного анализа, рентгенофазового анализа, электронной микроскопии, термических исследований и микротомографии, что позволит сформировать многоуровневую цифровую модель керамического производства и более надежно реконструировать технологические процессы древности.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2026 г.

Бобринский, 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Большакова и др., 2026 — *Большакова Д. Р., Стрельцов М. А., Кулькова М. А.* Первые результаты пространственного анализа расположения археологических памятников бронзового века в Крыму относительно геологического строения территории // LXX Герценовские чтения. География: развитие науки и образования: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2026. С. 251–257.

Кулькова, 2015 — *Кулькова М. А.* Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 100–107.

Кулькова и др., 2018 — *Кулькова М. А., Смекалова Т. Н., Федосеев Н. Ф.* Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы междунар конф. / Ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. Ч. 2. СПб.: С.-Петербургский гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2018. С. 297–304.

Кулькова и др., 2024 — *Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Стрельцов М. А., Кожуховская Ю. В., Кульков А. М., Тихомиров В. А., Маркова М. А., Климушина А. И.* Геоархеология Северного Причерноморья: данные междисциплинарных исследований. Свидетельство о регистрации базы данных № 2024624873 от 02.11.2024.

Кулькова и др., 2026 — *Кулькова М. А., Стрельцов М. А., Малярова А. Д.* Археологическая керамика: информационные базы данных и аналитические ресурсы // АВ. 2026. Вып. 50. С. 232–238.

Кулькова и др., в печати — *Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Малярова А. Д., Старкова Е. Г., Кульков А. М., Стрельцов М. А.* Петрография керамики позднебронзового поселения Каменка Восточного Крыма (по материалам раскопок В. Д. Рыбаловой в XX в.) // Российская археология. В печати.

Обе, Хсу, 2023 — *Обе Р. О., Хсу Л. С.* PostGIS в действии. М.: ДМК Пресс, 2023. 736 с.

Растегаева, 2022 — *Растегаева М. Н.* Керамическая петрография: история метода и современное состояние // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 110–125.

Стрельцов и др., 2024 — *Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т. и др.* Фонд источников:

принципы формирования и структура базы данных по материалам Северного Причерноморья // Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы — раннем железном веке / Науч. ред. М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 9–13.

Стрельцов и др., 2025а — *Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т.* Геоинформационная система и база данных «Геоархеология Северного Причерноморья: междисциплинарный подход»: инструмент интеграции междисциплинарных данных для изучения древних ландшафтов и культур // Древности античной и средневековой Таврики: проблемы хронологии, интерпретации, картографирования / Отв. ред. Э. А. Хайрединова, М. Т. Кашуба; ред.-сост. Н. Н. Чемодуров. Симферополь: Антиква, 2025. С. 42–43.

Стрельцов и др., 2025б — *Стрельцов М. А., Кулькова М. А., Кашуба М. Т., Кульков А. М., Маркова М. А.* База данных «Геоархеология Северного Причерноморья: междисциплинарный подход»: интеграция археологических, минералого-геохимических и палеоэкологических данных для изучения древних культур Крыма // Геоархеология и археологическая минералогия — 2025. Материалы XII Всерос. науч. конф. с междунар. участием им. проф. В. В. Зайкова / Отв. ред. М. Н. Анкушев, Н. Н. Анкушева. Миасс; Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2025. С. 205–209.

Bishop, 2017 — *Bishop G.* Statistical Modeling for Cera mic Analysis // The Oxford Handbook of Archaeological Ceramic Analysis / Ed. A. Hunt. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 58–72.

Garrido-García et al., 2025 — *Garrido-García C., Gómez-Gras D., Roigé M., Moreno Gil A., Risch R.* The methodological centrality of geo-archaeological surveys in ceramic provenance analysis: A re-assessment of El Argar pottery production and circulation // Journal of Archaeological Science. 2025. Vol. 183. P. 106394.

Kazakis, Tsirliganis, 2015 — *Kazakis N. A., Tsirliganis N. C.* Provenance of Ceramics: Methods and Practices // Best Practices of GeoInformatic Technologies for the Mapping of Archaeolandscapes / Ed. A. Sarris. Oxford: Archaeopress, 2015. P. 239–250.

Michelaki et al., 2013 — *Michelaki K., Hughes M. J., Hancock R. G. V.* On establishing ceramic chemical groups: exploring the influence of data analysis methods and the role of the elements chosen in analysis // Open Journal of Archaeometry. 2013. Vol. 1, no. 1. P. e1.

Ozturk et al., 2015 — *Ozturk A., Eyango L., Waksman S., Lallich S., Darmont J.* Warehousing Complex Archaeological Objects // Modeling and Using Context. CONTEXT 2015. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 9405 / Eds. H. Christiansen, I. Stojanovic, G. Papadopoulos. 2015. P. 226–239.

Quinn et al., 2011 — *Quinn P., Rout D., Stringer L., Alexander T., Armstrong A., Olmstead S.* Petrodatabase: an on-line database for thin section ceramic petrography // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38 , no. 9. P. 2491–2496.

Archaeometric Database “Bronze Age Ceramics from the Archaeological Sites of the Steppe Crimea”: Principles of Organization and Methods of Automated Analysis

M. A. Streltsov, M. A. Kulkova[3]

Keywords: archaeometry, database, ceramic petrography, PostGIS, Python, geographic information systems (GIS), automated analysis, Bronze Age, Crimea

The article presents the architecture of the archaeometric database “Bronze Age Ceramics from the Steppe Crimea Sites”, implemented using the PostgreSQL DBMS with the PostGIS extension, as well as methods for storing and automated analysis of petrographic data. The developed toolkit represents a logical continuation of a previously created interdisciplinary database incorporating diverse archaeometric materials (stone, metal, ceramic artefacts, slags, etc.), and reflects a transition to a more specialized system focused on the analysis of ceramics as one of the most complex and informative categories of archaeological materials (*Kulkova et al.*, 2024; *Streltsov et al.*, 2024). The proposed approach enables a transition from descriptive characteristics to formalized parameters suitable for statistical processing and interdisciplinary integration. The principles of relational structure organization and a system of aggregated filters, implemented as a software toolkit in Python, are discussed. It is demonstrated that the integration of the database with GIS and web-application significantly expands the possibilities for data analysis and the verification of archaeological hypotheses.

[3] Michail A. Streltsov, Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg; e-mail: michail1996@mail.ru, kulkova@mail.ru.

Новые находки древнерусских перегородчатых эмалей в Суздале: технология изготовления предметов и состав эмалей[1]

И. Е. Зайцева, С. И. Валиулина, А. Н. Федорина, С. И. Милованов, Е. С. Коваленко, П. В. Гурьева, Н. М. Родионов, О. А. Кондратьев, К. М. Подурец, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина[2]

Аннотация. *В статье излагаются результаты комплексного аналитического изучения двух бронзовых позолоченных предметов XII — начала XIII в. из Суздаля, створки креста-энколпиона и половины чечевицеобразного колта, украшенных перегородчатыми эмалями трех цветов: синего, белого и красного. Металлические основы предметов имеют одинаковые дефекты литья — непроливы, закрытые пластинками металла. Результаты исследований позволяют предполагать местом их изготовления Суздаль, что расширяет круг древнерусских городов, где практиковалась работа с многоцветными эмалями. Изучение химического состава эмалей показало, что для эмалей энколпиона было использовано стекло римских мозаичных плиток. В колте применено стекло византийского производства и многократно переработанный бой тех же плиток.*

Ключевые слова: *древнерусские предметы с эмалями, технология изготовления, состав металла, состав эмали, рентгеновская томография*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-246-262

Введение

В ходе археологического изучения культурного слоя г. Суздаля, начавшегося в 1930-х, планомерно продолженного в 1970–1990-х гг. и масштабно развернувшегося в последнюю четверть века в рамках охранно-спасательных работ, собраны многотысячные коллекции индивидуальных находок из разных материалов. Исследованию подверглись участки, расположенные практически во всех частях средневекового города: как в центре, так и на периферии (*Седова,* 1997; *Федорина и др.,* 2023). Золотые изделия с эмалевым декором, известные в других городах в основном по кладовым комплексам (*Макарова*, 1975), пока в Суздале и округе не найдены. Более демократичные бронзовые эмалевые предметы относятся к числу чрезвычайно редких находок и сразу привлекают к себе внимание.

В 1956 г. Н. Н. Воронин подробно рассмотрел круглый медный позолоченный медальон с эмалевым рисунком из раскопок А. Ф. Дубынина в Суздальском кремле (*Воронин,* 1956. С. 25–28). Предмет был найден в перемешанном слое. Он имеет диаметр 59 мм, толщину 2 мм (рис. 1, *1*). Сверху одно над другим пробиты два отверстия, вероятно, для крепления ушка, которое утрачено. В центре медальона расположена поясная фигура Спаса Эммануила с благословляющей правой

[1] Исследования проведены при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий № 075-15-2025-451 от 30.05.2025.

[2] Зайцева И. Е., Федорина А. Н., Милованов С. И. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: izaitseva@yandex.ru, nasfed@yandex.ru, milovan@bk.ru. Валиулина С. И. — Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан; e-mail: svaliulina@inbox.ru. Коваленко Е. С., Гурьева П. В., Родионов Н. М., Кондратьев О. А., Подурец К. М., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б. — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва; e-mail: Kovalenko_ES@nrcki.ru, Gureva_PV@nrcki.ru, fallenangel13666@bk.ru, edelier@mail.ru, podurets@yandex.ru, elenatereschenko@yandex.ru, yatsishina_eb@nrcki.ru.

© Зайцева И. Е., Валиулина С. И., Федорина А. Н., Милованов С. И., Коваленко Е. С., Гурьева П. В., Родионов Н. М., Кондратьев О. А., Подурец К. М., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б., 2026

Рис. 1. Предметы с эмалями из археологических работ в Суздале и его округе: *1* — образок из Суздаля; *2–4* — кресты: *2* — из Михалей 4; *3* — из Теренеево 1; *4* — из Семеновского-Советского 3

Fig. 1. Enameled objects from archaeological excavations in Suzdal and its environs: *1* — small icon from Suzdal; *2–4* — crosses: *2* — from Mikhali 3; *3* — from Tereneevo 1; *4* — from Semenovskoye-Sovetskoye 3

рукой и евангелием в левой, сделанная в технике перегородчатой эмали. Использована эмаль трех цветов: синяя, белая, красная. Рисунок выложен перегородками несколько грубовато. По периметру медальона находятся синие эмалевые надписи IC XC и АЗЪ ЕСМЕ СВЪТ (Евангелие от Иоанна). Исследователь отнес изделие к продукции местного ремесла (*Воронин,* 1956. С. 26, 27)[3]. По мнению А. А. Гиппиуса, предмет может быть датирован первой половиной XIII в.[4]

В ходе полевых работ Суздальской экспедиции Института археологии РАН на сельских памятниках Суздальского ополья в последние два десятилетия собраны многочисленные предметы из сплавов на основе меди с эмалями, но преимущественно это широко распространенные по всей древнерусской территории кресты-тельники (*Макаров, Зайцева*, 2023), выемки которых залиты желтой или зеленоватой древнерусской по происхождению свинцово-кремнеземной бесщелочной эмалью ($PbO\text{-}SiO_2$). К этому же классу относятся эмали красного, белого и желтого цветов, украшавшие выемки бронзового креста из селища Михали 4 (рис. 1, *2*). Бронзовая основа без эмалей для подобного креста происходит и из раскопок в Суздале (*Федорина и др.,* 2023. С. 242). Еще один

[3] В этой же статье рассмотрена украшенная эмалями дарохранительница в виде голубя европейской работы из Рождественского собора Суздаля.

[4] Благодарим А. А. Гиппиуса за палеографическое определение находки.

такой эмалевый бронзовый крест, но имеющий в ветвях перегородки в виде городков, обнаружен в Муроме (*Бейлекчи, Данилов*, 2019. С. 171, 172).

Разделенные перегородками многоцветные эмали небольшого бронзового позолоченного креста из Теренеево 1 (рис. 1, *3*) можно отнести к натриевым стеклам с повышенным содержанием свинца (Na_2O-CaO-PbO-SiO_2). Краситель красной эмали — медь; в белой эмали и краситель, и глушитель — оксид олова; зеленая эмаль: краситель — оксид меди, глушитель — оксид олова[5]. Детально исследованы техника изготовления и состав стекла синего, красного, белого и темно-серого (черного) цветов двустороннего бронзового позолоченного образка с изображениями Христа Эммануила и св. Нестора из Семеновского-Советского 3 (рис. 1, *4*; *Столярова и др.,* 2021; 2025). Изучение эмалей этого образка вместе с двумя предметами конца XII — первой трети XIII в. из раскопок Владимира (колтом и крестом) позволило прийти к заключению об импортном (византийском) происхождении стекол, используемых для эмалей. Е. К. Столярова предположила вероятным местом изготовления этих предметов Киев (*Столярова и др.,* 2025. С. 211).

Цель настоящей работы — представить результаты комплексного изучения двух новых находок с многоцветными эмалями из раскопок в Суздале: створки креста-энколпиона и половины подвески-колта. Исследование этих предметов по единой с проанализированными ранее изделиями методике позволяет делать более обоснованные выводы о развитии древнерусского эмальерного дела и его региональной специфике.

Створка энколпиона (рис. 2, *1а, 1б*) обнаружена в 2020 г. на участке Окольного города (ул. Ленина, 57), а часть колта — в 2024 г. в Суздальском кремле (*Федорина, Милованов,* 2025. С. 188). Раскоп по ул. Ленина, 57, расположен в непосредственной близости от рвов, окружавших Мономаховы стены. В этой части укрепленного посада зафиксирована плотная городская застройка, возникшая не позднее начала XII в. Несмотря на то что створка энколпиона находилась в переотложенном состоянии в заполнении траншеи, затронувшей верхние слои крупного подполья, ее хронологическая позиция и принадлежность к вещевому комплексу усадьбы эпохи расцвета города несомненна.

Половина колта найдена во время археологических наблюдений, проводившихся при благоустройстве Кремлевского сада (рис. 2, *2а, 2б*). Эта территория находится в северной части Суздальского кремля в 100 м к северо-востоку от собора Рождества Богородицы. Находка происходит из переотложенного гумусированного слоя, в котором обнаружены и другие средневековые предметы: створка бронзового энколпиона с выступами в средокрестии, фрагмент бронзовой булавы, свинцовая вислая печать XI в. нотаря Григория. Эти довольно редкие предметы, связанные с обиходом знати, могут указывать на расположение в этой части Суздальского кремля нерядовых усадеб, культурный слой которых был поврежден при проводившихся здесь ранее земляных работах в XIX–XX вв.

Методы исследования

Оба предмета изучались комплексом малоинвазивных методов. Первоначально они были исследованы с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН. Методом оптической микроскопии на стереомикроскопе Carl Zeiss Stemi 508 и растровой электронной микроскопии на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH проанализирована поверхность предметов для установления следов технологических операций. Методом энергодисперсионного рентгеновского микроанализа на микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15 в режиме высокого вакуума по методу фундаментальных параметров определен состав металла основ украшений и видимого покрытия на колте. Чувствительность метода составляет 0,1–0,3 %. Коррозионный слой при изучении металлических основ был удален на микроучастках с оборотных сторон предметов.

Более углубленные исследования объектов проведены в НИЦ «Курчатовский институт». Визуализация их конструкции выполнена методом рентгеновской томографии (РТ) на промышленном рентгеновском томографе X5000 (NSI). Теневые проекции регистрировались позиционно-чувствительным детектором рентгеновского излучения (Perkin Elmer). Обработка данных проводилась с помощью программного пакета Volume Graphics studio 3.5.2.

Элементный состав эмалей исследовался в два этапа: крупномасштабное рентгенофлуоресцентное (РФлА) картирование на спектрометре

[5] Анализ состава эмалей предметов из Суздальского ополья выполнен методом растровой электронной микроскопии с рентгеновским микроанализом (РЭМ/ЭРМ) в НИЦ «Курчатовский институт». Интерпретация результатов проведена канд. ист. наук Е. К. Столяровой.

Рис. 2. Предметы с эмалями из археологических работ в Суздале: *1а, 1б* — створка креста-энколпиона; *2а, 2б* — створка колта. Рисунки выполнены А. С. Дементьевой

Fig. 2. Enameled objects from archaeological excavations in Suzdal: *1a, 1б* — valve of an encolpion cross; *2a, 2б* — valve of a calt-pendant. Drawings by A. S. Dementyeva

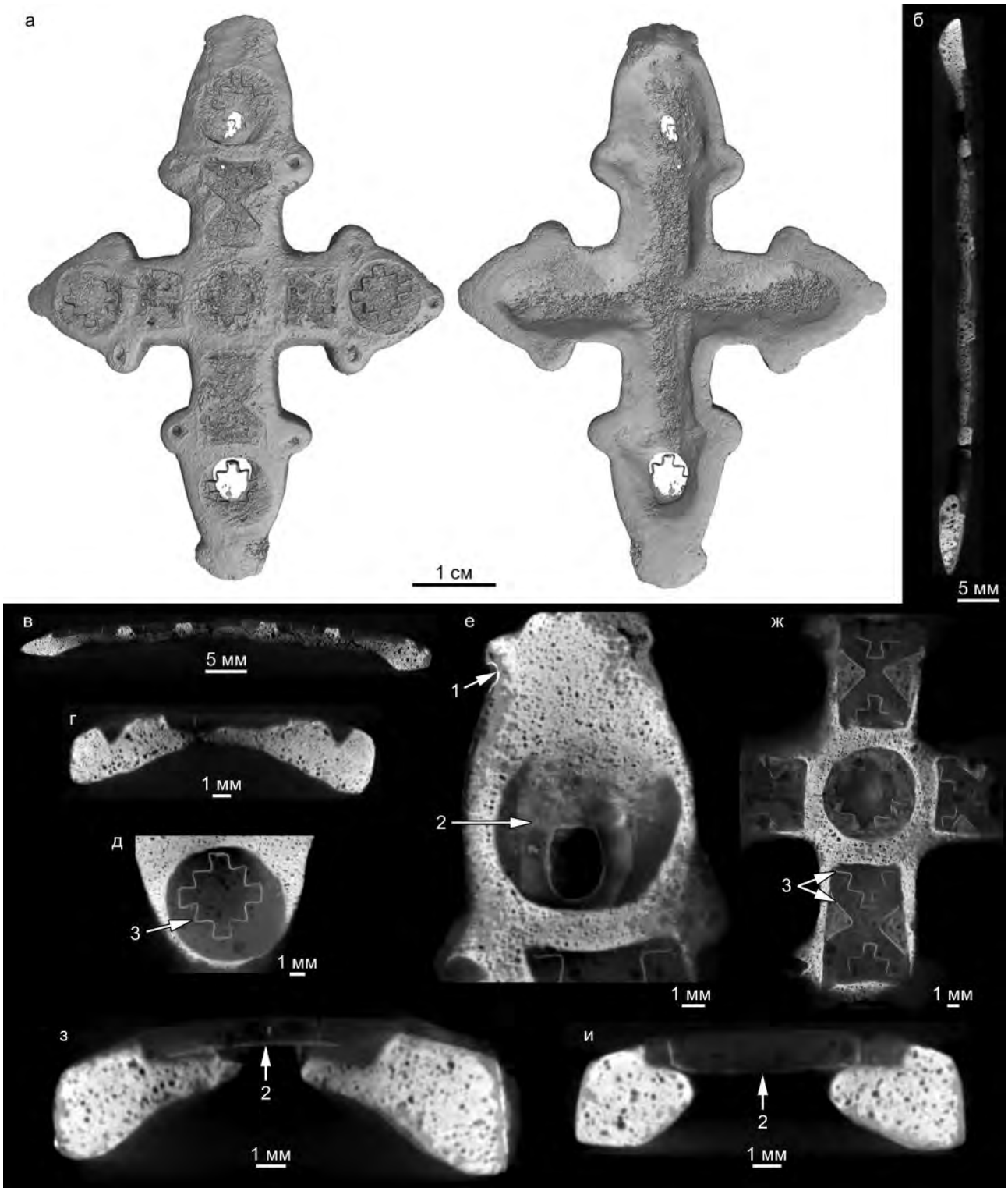

Рис. 3. Крест-энколпион, результаты РТ: *а* — объемная модель; *б*, *в* — сечения, проходящие через центр объекта в продольном и поперечном направлениях соответственно; *г, з*, *и* — поперечные сечения (*г* — проходящее по центру выемок в слезках; *з*, *и* — дефектов литья основы с пластинками, закрывающими верхнее и нижнее отверстия соответственно); *д–ж* — продольные сечения (*д* — нижней округлой эмалевой вставки; *е* — пластинки на дне верхнего сквозного отверстия; *ж* — центральных эмалевых изображений) (*1* — контрастный слой на поверхности; *2* — пластинки, перекрывающие дефекты литья; *3* — перегородки)

TORNADO M4 (Brucker) для уточнения распределения элементов по поверхности и выбора точек для дальнейших измерений и масс-спектрометрия с индуктивно связанной плазмой с пробоотбором методом лазерной абляции (МС-ИСП-ЛА) на приборе ELAN DRC-e (Perkin Elmer) с приставкой лазерного пробоотбора NWR 213 (New Wave Research)[6]. Учитывая плохую сохранность предметов, измерения проводили по следующей схеме: на каждом из объектов выделяли области с визуально одинаковым цветом эмалей или металлов, и в каждой зоне производился анализ. Металл предметов и каждый вид цветной эмали измерялись не менее пяти раз для лучшего описания и усреднения состава, если обнаруживалась неоднородность — количество измерений увеличивалось. Содержание элементов для эмалей переводили в оксиды и усредняли с приведением к 100 %.

Результаты исследований

Технологическое описание и металл

Энколпион. Створка креста-энколпиона размером 60,0 × 44,8 мм относится к типу энколпионов с прямым средокрестием, округлым завершением ветвей с парными «слезками» по бокам (тип V с перегородчато-выемчатой эмалью, по А. А. Песковой; *Корзухина, Пескова,* 2003. С. 179–186). У нее отсутствуют петли крепления и снизу, и сверху: на их местах располагаются уплощенные площадки. Возможно, она не была доделана и не находилась в готовом изделии[7]. На обороте имеется глубокая полость для помещения реликвий. Створка энколпиона по данным МС-ИСП-ЛА была отлита из чистой меди. По данным РТ толщина металла створки увеличивается от центра к краям от 1,7 до 3,7 мм (рис. 3, *а–в*). Металл однороден, содержит большое количество пустот округлой формы диаметром до 0,6 мм, образовавшихся, вероятно, при отливке (рис. 3, *г–и*). Поверхность створки подверглась коррозии. Наибольшая толщина коррозионного слоя (до 1,2 мм) наблюдается на концах ветвей. На лицевой стороне створки при литье получены выемки округлой и подпрямоугольной формы для создания эмалевого декора. В верхней и нижней частях вертикальной ветви в них имеются сквозные отверстия (верхнее — 3,2 × 2,3 мм, нижнее — 5,4 × 3,9 мм), являющиеся дефектами литья (рис. 3, *а, е, з, и*). Отверстия закрыты пластинками медной фольги (верхняя — размерами 5,2 × 4,8 × 0,1, нижняя — 5,5 × 4,9 × 0,1 мм) (рис. 3, *е, з, и* (*2*); 4, *б* (*2*)). Этот прием сокрытия дефекта никогда ранее не выявлялся нами.

На торцах створки в толще коррозии и поверхностных загрязнений дифференцируется слой толщиной около 80 мкм, сильно поглощающий рентгеновское излучение по сравнению с металлом основы (рис. 3, *е* (*1*)). По данным РФлА — это позолота, которая полностью отсутствует на лицевой стороне (рис. 5).

На всю глубину выемок помещено эмалевое изображение, различные цвета которого (синий, белый, красный) разделены перегородками (рис. 3, *а*, *д*, *ж* (*3*)). В средокрестии и на концах ветвей выемки имеют округлую форму диаметром 7,4–8,0 мм, глубиной 0,6–1,0 мм. Центральный круг оконтурен выпуклым гладким бордюром. В круглых выемках находятся рисунки прямоконечных крестов с четырьмя выступами в средокрестии. Каждое изображение сформировано из одной изогнутой полоски (перегородки), изготовленной из оловянно-свинцовой бронзы[8] и сомкнутой встык или с небольшим перекрытием около 0,7 мм без пайки (рис. 3, *д, ж* (*3*)). Центральный крест заполнен белой эмалью, остальные — синей. Поле вокруг центрального креста красное, вокруг остальных — белое. На ветвях креста располагаются четыре выемки прямоугольной формы размерами: вертикальные — 8,9–9,5 × 6,5 мм, боковые — 5,9–6,2 × 4,7–5,2 мм, глубиной 0,3–1,0 мм. В них помещен рисунок из четырех перегородок: двух V-образных и двух полосок, согнутых в форме городков (рис. 4, *а*). Эмалевые массы трех цветов шероховатые и пористые, цвета на многих участках смешиваются. В «слезках»

[6] Методом МС-ИСП-ЛА исследован также состав металла предметов.

[7] Такие случаи известны (см., например: *Зайцева*, 2009).

[8] Сильная коррозия металла позволяет провести только качественный анализ.

Fig. 3. Encolpion cross, X-ray tomography results: *а* — 3D model; *б в* — cross-sections passing through the object's center in the longitudinal and transverse directions, respectively; *г, з, и* — transverse sections (*г* — passing through the center of the recesses in the "teardrop" elements; *з, и* — casting defects in the base, plates covering the upper and lower openings, respectively); *д–ж* — longitudinal sections (*д* — lower rounded enamel insert; *е* — plate at the bottom of the upper through-hole; *ж* — central enamel images) (*1* — contrast layer on the surface; *2* — plates covering casting defects; *3* — partitions)

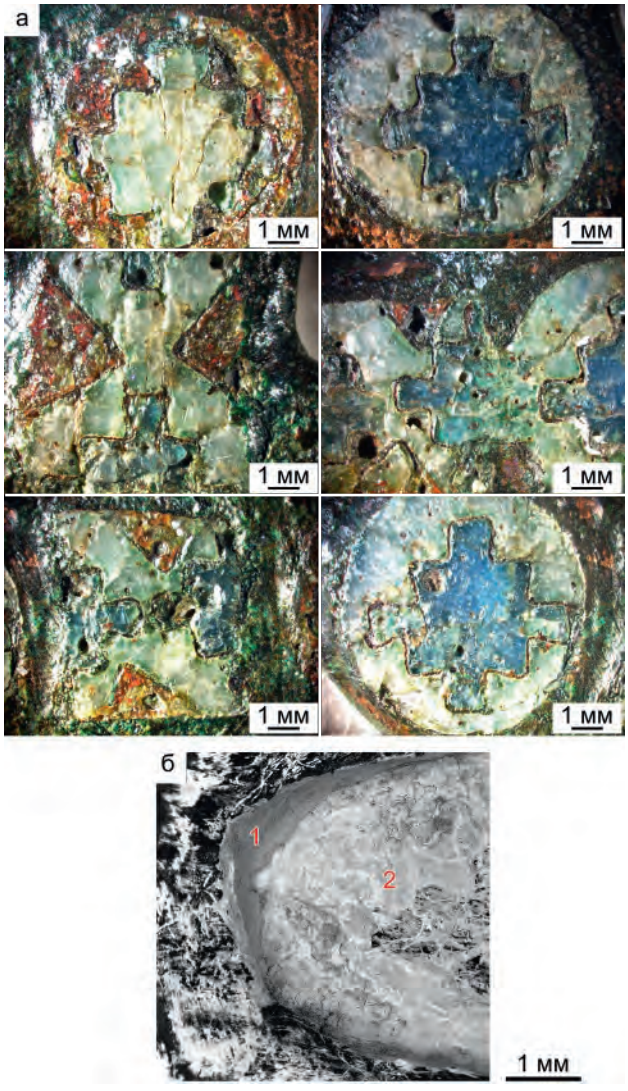

Рис. 4. Крест-энколпион: *а* — макрофотографии деталей створки энколпиона; *б* — РЭМ-изображение обратной стороны створки в области нижнего сквозного отверстия (*1* — слой эмали; *2* — пластинка, перекрывающая отверстие на дне выемки)

Fig. 4. Encolpion cross: *a* — macro-photographs of enkolpion valve details; *б* — SEM image of the valve's reverse side in the area of the lower through-hole (*1* — enamel layer; *2* — plate covering the opening at the bottom of the recess)

на концах ветвей имеются круглые выемки диаметром 1,2–1,9 мм и глубиной около 0,7–1,0 мм, имеющие в разрезе V-образную форму (рис. 3, *г*), они заполнены синей эмалью.

Толщина перегородок составила 0,09–0,10 мм. Их торцы выступают на лицевую поверхность. На поперечных томографических сечениях видно, что большая их часть достигает металла основы (рис. 3, *б*, *в*).

В материале эмали присутствуют газовые пустоты округлой формы до 1,0 мм и единичные контрастные включения диаметром до 0,2 мм. Различий в ослаблении рентгеновского излучения синей и белой эмалями нет. Красная эмаль контрастна относительно эмалей других цветов (рис. 3, *ж*). Эмаль частично затекла под пластинки, закрывающие сквозные отверстия, и видна на оборотной стороне предмета (рис. 3, *з, и*; 4, *б* (*1*)).

Колт. Половина чечевицеобразного колта размером 40,1 × 31,0 мм имеет вид выпуклой пластины с выступающим бортиком по краю тыльной стороны. Толщина пластины без учета углублений под эмаль увеличивается от 1,4 мм в верхней части до 3,2 мм к нижнему краю (рис. 6, *а–в*). По результатам МС-ИСП-ЛА пластина отлита из оловянной бронзы с низкой концентрацией олова — 2,00–2,40 % и свинца — 0,35–0,63 %. Металл содержит большое количество пустот округлой формы диаметром до 0,5 мм, вероятно, образовавшихся при отливке, и контрастных включений размером до 0,5 мм (рис. 6, *б, в*). Поверхность тыльной стороны шероховатая. По краям предмета расположены два сквозных отверстия диаметром 2,5 мм (рис. 6, *а, в*). Поверхность створки подверглась коррозии. Наибольшая толщина коррозионного слоя (до 1 мм) наблюдается на оборотной стороне.

Лицевая сторона створки колта гладкая. В ней при литье были получены семь выемок округлой формы: одна крупная, в центре, диаметром 14,2 мм, глубиной 1,2–1,4 мм и шесть по нижнему краю диаметром 6,7–8,4 мм, глубиной 1,5–1,9 мм. Две выемки в левой части створки имеют сквозные отверстия (верхнее — 3,8 × 2,6 мм, нижнее — 3,9 × 3,1 мм), хорошо видимые с оборота, что является дефектом литья (рис. 6, *а* (*3*)). Отверстия закрыты пластинками фольги прямоугольной формы из оловянно-свинцовой бронзы (верхняя — 5,2 × 3,6 × 0,1 мм, нижняя — 5,3 × 3,4 × 0,1 мм) (рис. 6, *е, ж, з* (*4*); 7, *в* (*2*)). Кроме того, фольга (5,5 × 2,8 × 0,1 мм) присутствует и на дне одной выемки, не имеющей отверстия (рис. 6, *а* (*5*), *е* (*4*)). На лицевой и боковой поверхностях колта за пределами выемок выявляется слой толщиной около 60 мкм, сильно поглощающий рентгеновское излучение относительно металла основы. Исходя из карт распределения золота и ртути, это позолота, выполненная из листа фольги амальгамным способом (рис. 6, *ж* (*1*); 7, *а, б*; 8). В золоте содержится около 2,0 % серебра, 1,6 % меди и 1,2 % свинца.

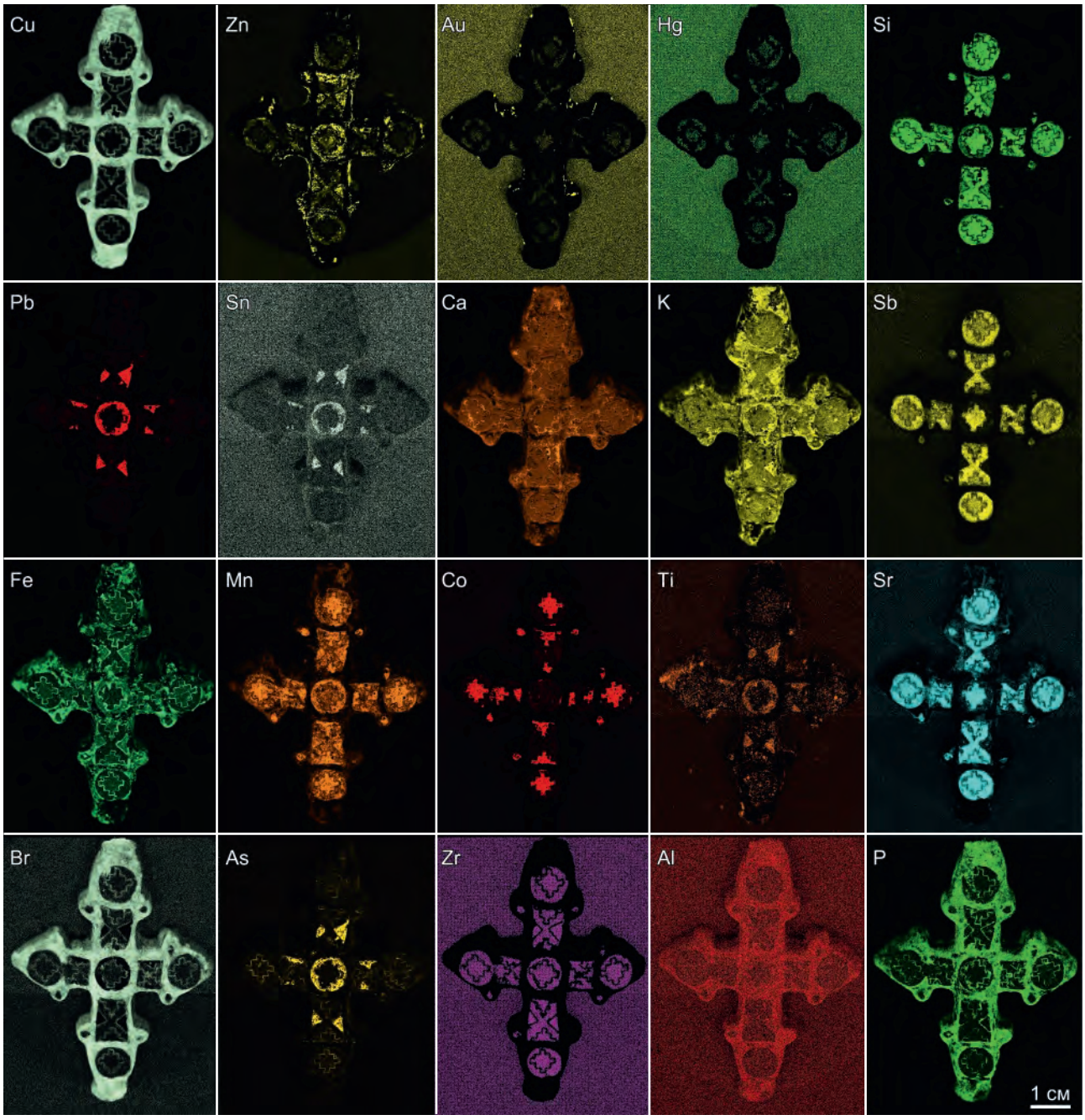

Рис. 5. Крест-энколпион. Карты распределения элементов на поверхности по результатам РФлА

Fig. 5. Encolpion cross. Surface elemental distribution on XRF maps

Все выемки заполнены эмалями синего, белого и красного цветов, разделенными перегородками и образующими геометрический рисунок. Эмали различных цветов отличаются по ослаблению рентгеновского излучения, при этом наиболее поглощающей является красная эмаль, а наименее — белая (рис. 6, *г*). В толще эмалей присутствуют пустоты округлой формы размером до 1,1 мм и контрастные включения диаметром до 0,5 мм, в основном содержащиеся в эмали красного цвета.

Разные эмали разделены поставленными на ребро небольшими полосками металла — перегородками, которые в большинстве мест достигают основы. Их высота близка к толщине эмалевого слоя, ширина — 0,08–0,10 мм (рис. 6, *б*, *в*; 7, *а*). Изображение в центральной выемке сформировано из четырех полосок, изогнутых в форме

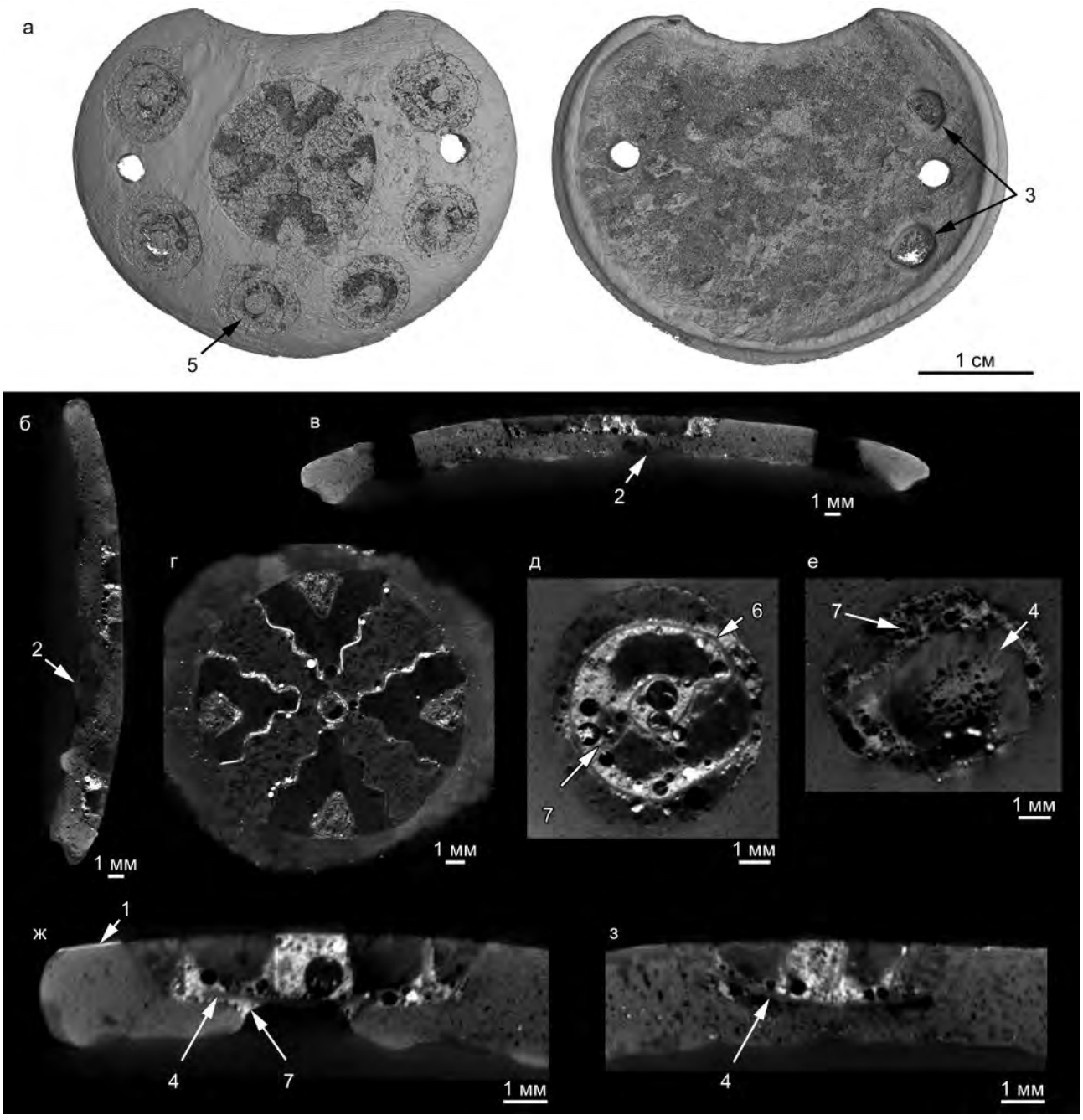

Рис. 6. Колт, результаты РТ: *а* — объемная модель; *б*, *в* — сечения, проходящие через центр объекта в продольном и поперечном направлениях соответственно; *г–е* — продольные сечения (*г* — центральной эмалевой вставки; *д* — боковой эмалевой вставки; *е* — пластинки, расположенной на дне нижнего сквозного отверстия); *ж, з* — поперечные сечения (*ж* — дефекта литья основы с пластинкой, закрывающей отверстие; *з* — боковой эмалевой вставки с пластинкой на дне) (*1* — контрастный слой на поверхности колта; *2* — области коррозии; *3* — дефекты литья; *4* — пластинки на дне выемок; *5* — выемка без отверстия с пластинкой на дне; *6* — перегородка; *7* — контрастный слой, фиксирующий перегородки)

Fig. 6. Calt-pendant, X-ray tomography results: *а* — 3D model; *б, в* — cross-sections of the object's center in the longitudinal and transverse directions, respectively; *г–е* — longitudinal sections (*г* — central enamel insert; *д* — lateral enamel insert; *е* — plate located at the bottom of the lower through-hole); *ж, з* — cross-sections (*ж* — casting defect in the base with a plate covering the opening; *з* — side enamel insert with a plate at the bottom) (*1* — contrast layer on the calt-pendant surface; *2* — corrosion zones; *3* — casting defects; *4* — plates at the bottom of the recesses; *5* — recess without an opening, with a plate at the bottom; *6* — partition; *7* — contrast layer securing the partitions)

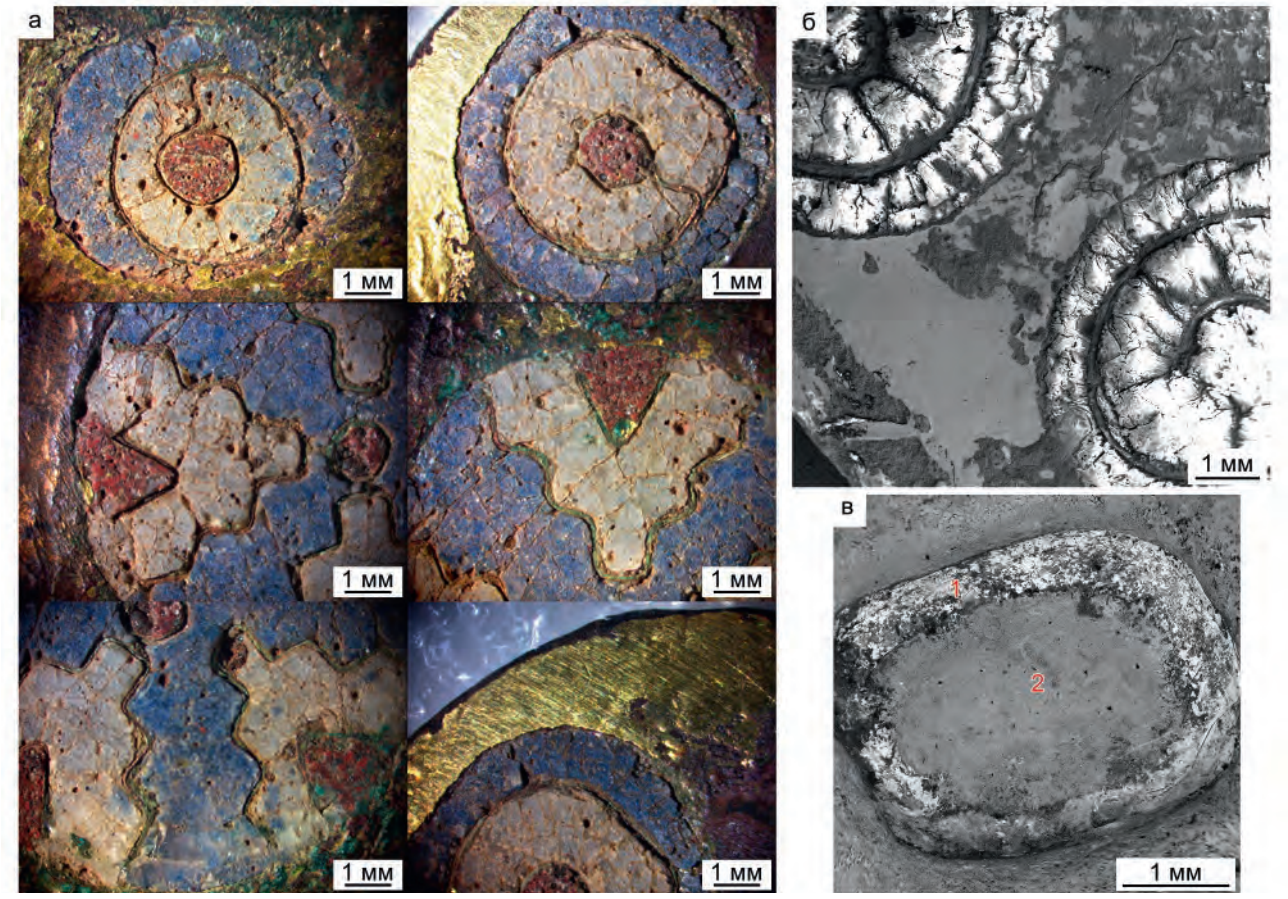

Рис. 7. Колт: *а* — макрофотографии деталей створки; *б* — РЭМ-изображение слоя золочения; *в* — РЭМ-изображение обратной стороны в области нижнего сквозного отверстия (*1* — слой эмали; *2* — пластинка, перекрывающая отверстие на дне выемки)

Fig. 7. Calt-pendant: *а* — macrophotographs of valve details; *б* — SEM image of the gilding layer; *в* — SEM image of the reverse side in the area of the lower through-hole (*1* — enamel layer; *2* — plate covering the opening at the bottom of the recess)

городков, четырех V-образных перегородок, ограничивающих треугольники, и одной, образующей центральный круг (рис. 6, *г*). В каждой периферийной выемке перегородки получены одной изогнутой полоской, разделяющей кружок на три зоны: внешний ободок шириной 1,1–1,4 мм, заполненный синим цветом, средний ободок шириной 1,4–1,5 мм, заполненный белым цветом, и центральный красный кружок диаметром 0,7–1,0 мм (рис. 6, *д* (*6*); 7, *а*). Белый и синий цвета на некоторых участках смешаны. Материалы, использовавшиеся для создания перегородок и пластин, расположенных на дне углублений, близки по ослаблению рентгеновского излучения. По результатам МС-ИСП-ЛА это оловянно-свинцовая бронза с содержанием в среднем свинца 28,1 % и олова 6,4 %. Позолоты на перегородках нет (рис. 8).

В области контакта эмали и основы визуализируется контрастный в РТ пористый неравномерный по толщине слой, смачивающий стенки перегородок и углублений вплоть до поверхности (рис. 6, *д, ж* (*7*), *з*). По ослаблению рентгеновского излучения контрастный слой близок к красной эмали. На поперечных томографических сечениях видно, что перегородки крепятся на основание с помощью этого слоя (рис. 6, *ж*, *з*). В районе сквозных отверстий фиксирующий слой частично вытек за периметр перекрывающих их фрагментов фольги и наблюдается на оборотной стороне предмета (рис. 6, *е, ж* (*7*); 7, *в* (*1*)).

Эмали

Визуально эмали креста-энколпиона и колта, белая, синяя и красная, выглядят одинаково (рис. 2), разве что эмали энколпиона имеют худшую

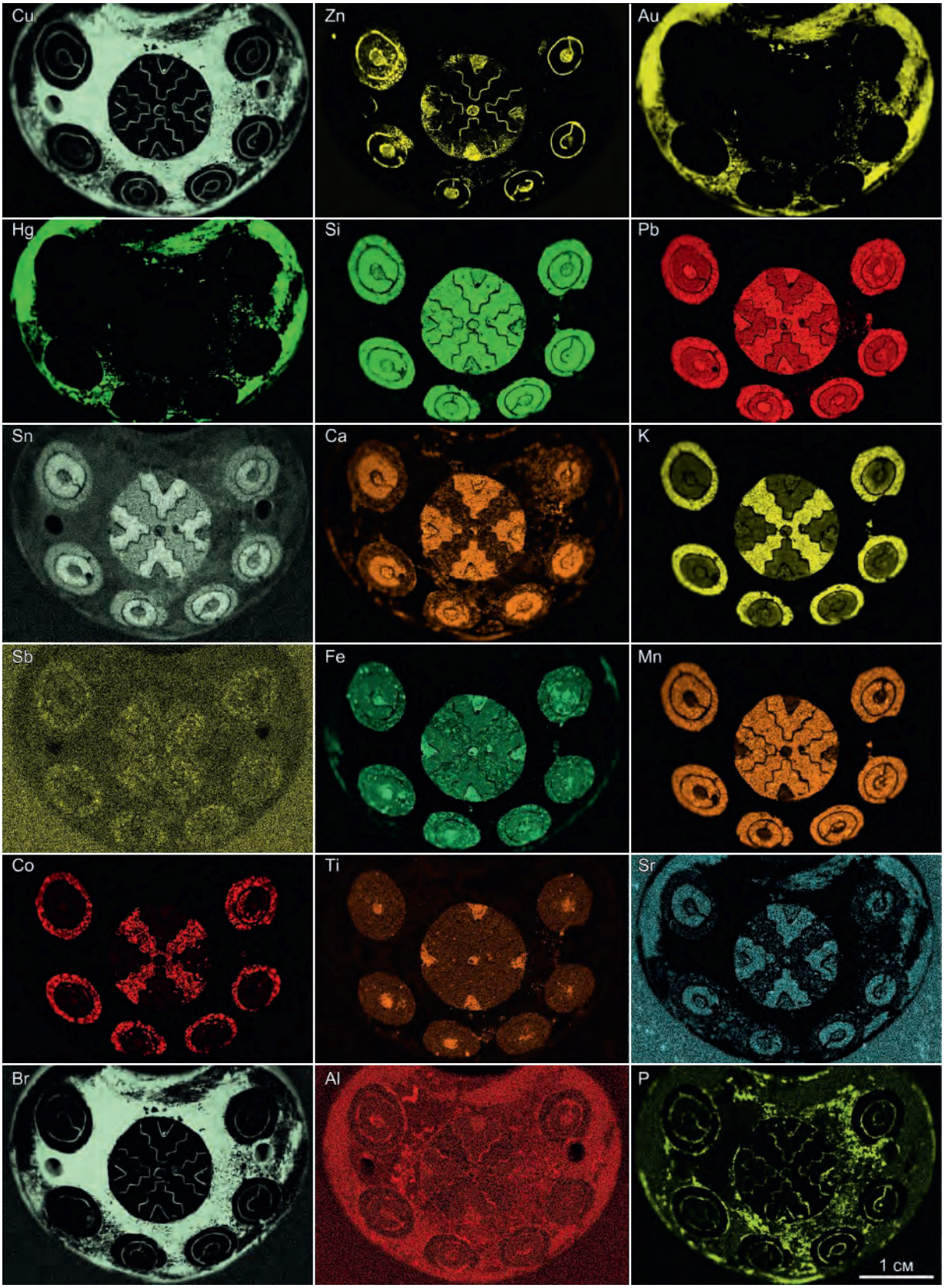

Рис. 8. Колт, карты распределения элементов на поверхности по результатам РФлА

Fig. 8. Calt-pendant, surface elemental distribution on XRF maps

Таблица 1. Крест-энколпион. Результаты исследования элементного состава эмалей методом МС-ИСП-ЛА, масс. %
Table 1. Encolpion cross. Results of enamel elemental composition analysis using the LA-ICP-MS method, mass %

Вещ-во	Цвет					
	Белый	Синий	«Слезка»	Красный		
	Значение					
	Средн.	Средн.	Средн.	Средн.	Min	Max
B_2O_3	0,063	0,048	0,051	0,037	0,028	0,053
Na_2O	15,958	16,125	15,900	10,340	8,150	12,200
MgO	0,750	0,517	0,475	0,993	0,513	1,840
Al_2O_3	2,522	3,266	2,458	2,679	1,500	4,070
SiO_2	69,589	68,458	68,960	41,750	34,300	54,000
P_2O_5	0,114	0,198	0,154	0,649	0,106	2,010
SO_3	0,269	0,246	0,304	0,271	0,219	0,360
Cl	0,334	0,246	0,335	0,141	0,099	0,186
K_2O	0,579	0,604	0,635	1,083	0,714	1,480
CaO	6,441	6,885	6,632	5,440	4,390	7,500
TiO_2	0,078	0,079	0,071	0,129	0,074	0,254
V_2O_5	0,002	0,003	0,003	0,003	0,002	0,005
Cr_2O_3	0,002	0,002	0,002	0,002	0,001	0,004
MnO	0,228	0,475	0,378	0,390	0,216	0,665
Fe_2O_3	0,536	0,829	0,803	3,401	1,610	5,260
CoO	0,003	0,084	0,056	0,004	0,002	0,008
NiO	0,001	0,004	0,003	0,008	0,003	0,022
Cu_2O	0,091	0,356	0,704	2,554	1,400	6,130
ZnO	0,016	0,006	0,007	0,099	0,026	0,310
As_2O_3	0,010	0,004	0,009	0,019	0,005	0,054
SrO	0,050	0,049	0,046	0,050	0,039	0,071
ZrO_2	0,007	0,007	0,006	0,008	0,005	0,016
Ag_2O	0,005	0,005	0,020	0,002	0,001	0,003
SnO_2	0,004	0,007	0,008	0,405	0,131	0,724
Sb_2O_3	2,219	1,198	1,626	0,294	0,056	0,507
BaO	0,023	0,028	0,105	0,025	0,017	0,044
PbO	0,102	0,235	0,303	29,210	10,600	44,300

Таблица 2. Колт. Результаты исследования элементного состава эмалей методом МС-ИСП-ЛА, масс. %
Table 2. Colt-pendant. Results of enamel elemental composition analysis using the LA-ICP-MS method, mass %

Вещ-во	Цвет				
	Красный	Белый	Синий		
	Значение				
	Средн.	Средн.	Средн.	Min	Max
B_2O_3	0,019	0,024	0,030	0,017	0,046
Na_2O	0,680	8,138	3,267	0,908	6,910
MgO	0,890	1,644	0,298	0,060	0,604
Al_2O_3	5,141	1,003	1,020	0,342	2,050
SiO_2	26,622	44,300	40,380	30,500	52,700
P_2O_5	1,057	0,208	0,125	0,075	0,152
SO_3	<ПО*	0,178	0,149	<ПО	0,280
Cl	<ПО	0,149	0,063	<ПО	0,160
K_2O	2,926	2,859	3,492	2,820	4,610
CaO	5,667	5,514	2,156	0,444	4,660
TiO_2	0,199	0,068	0,059	0,051	0,067
V_2O_5	0,005	0,002	0,001	0,001	0,002
Cr_2O_3	0,003	0,001	0,001	<ПО	0,003
MnO	0,145	0,684	0,743	0,366	0,994
Fe_2O_3	2,024	0,453	0,555	0,140	1,300
CoO	0,004	0,005	0,139	0,001	0,395
NiO	0,003	0,002	0,002	0,001	0,003
Cu_2O	1,656	0,698	0,423	0,121	0,901
ZnO	0,122	0,010	0,033	0,005	0,135
As_2O_3	0,005	0,009	0,126	0,004	0,349
SrO	0,039	0,042	0,022	0,009	0,040
ZrO_2	0,015	0,006	0,005	0,003	0,006
Ag_2O	0,025	0,036	0,028	0,001	0,088
SnO_2	0,282	2,173	1,117	0,816	1,380
Sb_2O_3	0,010	0,059	0,564	0,005	1,470
BaO	0,064	0,045	0,047	0,025	0,065
PbO	52,28	31,670	45,100	24,000	61,800

* <ПО — содержание элемента меньше предела обнаружения используемого масс-спектрометра.

сохранность поверхности (рис. 4). Однако в результате исследований установлено, что они у этих предметов относятся к разным химическим типам: эмаль креста, используя разные красители, представляет один тип — натриево-кальциево-силикатное стекло, в то время как эмали колта показали более сложный и неоднородный состав (табл. 1; 2).

Эмаль энколпиона является классическим содовым стеклом с низким (< 1 %) содержанием калия и магния, а также по концентрации кальция, алюминия, кремния, их соотношениям и заметному наличию сурьмы во всех трех цветовых вариантах: от 0,294 до 2,219 % (табл. 1) (здесь и далее будут указаны средние

значения оксидов в массовых долях, %). Этот состав характерен для стекол Средиземноморья на протяжении всего римского периода (*Whitehouse et al.,* 2000. P. 90; *Gedzevičiūtė et al.,* 2009. C. 16). Известен он и за его пределами: например, такого состава посудное стекло исследовано в римском портовом полисе Аспабота (Каракабак) на Мангышлаке (*Валиулина и др.,* 2025а. Табл. 2). Изготовление содового стекла не прекратилось и после IX–X вв., когда на Ближнем Востоке произошел масштабный технологический переход с производства щелочного минерального на щелочное растительное зольное стекло. Некоторые центры стеклоделия, прежде всего византийские, продолжали римскую технологическую традицию и в эпоху зрелого средневековья (*Brill, Stapleton,* 2012; *Gauthier et al.,* 1996; *Verità, Zecchin,* 2011. P. 84; *Bugoi et al*., 2013. P. 2890; *Freestone,* 2015).

В рамках единого химического типа эмали энколпиона разных цветов имеют свои особенности, что выражается в элементном составе и в их соотношении (табл. 1; рис. 5). Красителем белого цвета и глушителем эмали выступает сурьма в количестве 2,219 % , возможно, в виде антимоната кальция. Сурьма такой высокой концентрации и в таком качестве, кроме того, могла обесцветить железо (0,536 %), марганца для этого было недостаточно. Эмаль этого же состава заполняет «слезку» на одной из поперечных ветвей энколпиона, но в ней присутствует значимое красящее количество кобальта 0,056 % (табл. 1), обусловленное близостью ячейки с синей эмалью. Эти синие вкрапления на белом фоне отчетливо видны при увеличении.

Все показатели основных стеклообразующих элементов синей эмали креста соответствуют базовому стеклу. Эмаль окрашена кобальтом в большом количестве (0,084 %), способном обеспечить стеклу ярко выраженный синий цвет (*Wedepohl,* 2003). Очевидно, неслучайно в составе отмечено наличие сурьмы (1,198 %). В кобальтовом стекле ее присутствие исследователи видят только в качестве глушителя (*Gedzevičiūtė et al.,* 2009). В синей эмали отмечено также повышенное, по сравнению с белой, содержание железа (0,829 %) и марганца (0,475 %), эти два элемента — рудные спутники кобальта (*Whitehouse et al.,* 2000. P. 90). Важными микропримесями кобальта являются никель и цинк как индикаторы происхождения хромофора: считается, что никель сопровождает европейский кобальт, а цинк — иранский. В синей эмали суздальского энколпиона присутствуют оба элемента, но цинка чуть больше никеля (табл. 1). Самый известный кобальтовый рудник Камсар, расположенный к юго-западу от г. Кашан в Центральном Иране, долгое время считался основным источником кобальтовой руды с древних времен до начала XX в. (*Matin, Pollard,* 2017. P. 171).

Красная эмаль энколпиона, не меняя базового химического типа, обладает своеобразием, которое отличает красные глухие стекла с римского времени до византийских изделий позднего средневековья (*Henderson,* 1985. P. 281; *Freestone,* 1987). Изделия с перегородчатыми эмалями из древнерусских городов, исследуемые в последнее время, являются примерами такого единства в химии стекла (*Валиулина и др.,* 2022; *Столярова и др*., 2025*; Валиулина и др.,* 2025б).

Глухое стекло насыщенного красного цвета окрашено купритом (Cu_2O) (*Brill, Stapleton,* 2012. P. 457), в среднем 2,554 %. Необходимая для формирования кристаллов куприта «слегка восстановительная атмосфера» (*Gedzevičiūtė et al.,* 2009. P. 22) обеспечивалась добавкой древесного угля или золы, свинца, железа, марганца (*Freestone,* 1987. P. 183; *Moretti, Gratuze,* 2000. P. 228). На использование угля указывает концентрация калия (1,083 %), фосфора (0,649 %) и магния (0,993 %): в красной эмали суздальского креста они значительно превосходят их количества в белой и синей эмалях (табл. 1). Особенно показательно наличие свинца, который выступает в роли полифункционального компонента: будучи сильным флюсом, свинец понижал температуру плавления кремния, являлся сопутствующим куприту красителем. Среднее количество свинца в красной эмали составляет 29,21 %. Казалось, в таком объеме он должен был бы занять место среди стеклообразующих элементов, изменив химический тип стекла, но исследователи оставляют ему только вышеназванные функции. Однако присутствие свинца не могло не повлиять на количество и соотношение основных стеклообразующих: свинец «потеснил» натрий — он составляет 10,34 %, кремний — 41,75 % и кальций — 5,44 %. Все составы эмалей трех цветов с химической точки зрения созданы рационально.

Рассмотрим эмали створки колта также последовательно по цветам (рис. *2, 2;* 7; 8). Белая эмаль представляет собой стекло типа Na_2O-K_2O-CaO-PbO-SiO_2, то есть щелочное растительно-кальциево-свинцово-силикатное, сваренное на золе южных растений с преобладанием солей натрия над солями калия. Стекло отличается пониженным содержанием щелочей, суммарно Na_2O и K_2O составляют всего 10,997 %, и очень

чистым кварцевым песком или кварцитом, использованным при производстве стекла, количество Al_2O_3 составляет 1,003 % (табл. 2). В отличие от белой эмали энколпиона, цвет и непрозрачность стекла были достигнуты введением 2,173 % олова, сурьма присутствует как микропримесь в сотых долях процента и не влияет ни на цвет, ни на заглушение стекла (табл. 2).

Результаты анализа синей эмали показали фактически свинцово-кремнеземный тип стекла двойной шихты, где оксид свинца составляет 45,100 %, а кремнезем — 40,380 %, суммарное количество щелочных элементов равно 6,759 %, а значит, оксиды натрия и калия близки к статусу примесей. Элементы, характеризующие силикатное сырье для получения синей эмали практически тождественны составу подобных в белой эмали, то есть показывают общую сырьевую базу силикатного сырья. По сравнению с белой эмалью значительно сократились щелочноземельные элементы: оксид кальция достигает только 2,156 % против 5,514 %, а оксид магния сократился до 0,298 % от 1,644 % (табл. 2). Красителя кобальта тоже значительно больше (0,139 %), чем в синей эмали энколпиона (0,084 %). Сопоставление концентрации цинка и никеля гораздо выразительнее в пользу цинка по сравнению с синей эмалью креста (табл. 2). Также достаточным оказалось и для глушения 1,117 % олова совместно с 0,564 % сурьмы.

Красная глухая эмаль представлена стеклом двойной шихты свинцово-кремнеземного типа $PbO\text{-}SiO_2$ (табл. 2). Так же как красная эмаль энколпиона, своим цветом и непрозрачностью она обязана куприту (Cu_2O, 1,656 %). Состав отражает все необходимые для его получения ингредиенты: уголь (K_2O — 2,926 % и P_2O_5 — 1,057 %, при низкой концентрации магния — 0,890 %), железо — 2,024 %, марганец — 0,145 %. При наличии свинца как стеклообразующего элемента (52,280 %) не было нужды в олове, его всего 0,282 %. Вероятно, в стекле использован общий с белой эмалью источник кальция (5,667 %) и неожиданно высокая концентрация алюминия (5,141 %), что указывает на особенное силикатное сырье или, скорее всего, случайное попадание глинозема в расплав в процессе варки.

Заключение

Древнерусские бронзовые позолоченные изделия с многоцветными эмалями не входили в состав драгоценных кладов, а потому известны в очень ограниченном количестве. Наибольшим числом среди них представлены кресты-энколпионы. На 2003 г. А. А. Пескова собрала данные о 26 таких предметах, из которых 12 являются типом с закругленными концами и «слезками»[9]. Вслед за Т. И. Макаровой исследовательница отмечает, что среди них нет серийных экземпляров, каждое изделие уникально. Датировка крестов — преимущественно вторая половина XII в., место изготовления — Киев и, возможно, Галич (*Корзухина, Пескова,* 2003. С. 179, 180). Судя по опубликованным целым экземплярам, створка из Суздаля должна была быть оборотной: на лицевых створках обычно помещались фигуративные изображения, а вот оборотные, как правило, украшались орнаментом из городков, крестов и кринов (*Макарова,* 1975. Табл. 29). Синий, белый и красный цвета эмалей были наиболее распространены.

Подражающие золотым бронзовые позолоченные чечевицеобразные колты с многоцветным эмалевым декором также чрезвычайно редки. Пять предметов были рассмотрены в монографии Т. И. Макаровой. Из них только колт с городища Райки отмечен тонкой работой (*Там же*. С. 88). Еще одна находка из Владимира была изучена комплексно по разработанной нами программе исследований (*Столярова и др.,* 2024). Тогда же была установлена технология изготовления колтов: отливка двух отдельных половин и их соединение пайкой с использованием полосы металла, служившей дном украшения. Отсутствие видимых следов соединения суздальской половины колта с другими частями позволяет полагать, что вещь не была доделана. Орнаментация нашей находки — центральное круглое поле с синим косым крестом и красными треугольниками, окаймленное по низу рядом малых кругов с трехцветной эмалью, — полностью соответствует тыльным сторонам колтов из Русского музея (Клады Древней Руси, 2015. С. 75) и Государственного Исторического музея (*Макарова,* 1975. С. 89).

Несмотря на то что энколпион и колт найдены в разных частях Суздаля, одинаковый прием закрытия литейного брака пластинкой металла, который ранее нами никогда не фиксировался, и незаконченность обоих предметов позволяет предположить их местное изготовление.

Эмали в створке энколпиона были однослойными. В колте мы видим другой прием: первоначальную заливку придонной части выемок красной эмалью, затем установку на нее перегородок

[9] Еще несколько подобных находок опубликовано позже (*Моргунов,* 2012. С. 173–175).

и только потом заполнение ячеек основными цветами; иными словами, эмали были двуслойными.

Эмали креста-энколпиона представляют один химический тип и являются примером классического содового стекла, изготовлены на основе природной соды и содержат сурьму в качестве глушителя и красителя в белый цвет. Этот тип, возникший в римском стеклоделии, продолжил существовать в результате переработки римских мозаичных плиток. В средние века такая практика приобрела большую популярность, о чем сообщают не только археологические материалы (*Freestone,* 2015. P. 37, 38), но и знаменитый трактат Теофила (*Теофил*, 2008).

Археологическая аналитика обладает возможностью установить, является ли стекло первичным или получено в результате переработки стеклобоя. Индикаторами являются элементы в составе стекла, количество которых выше естественной примеси в сырье и ниже их полезного введения в стекло. В эмалях энколпиона все функционально необходимые элементы представлены в достаточном количестве, и присутствие каждого оправдано технологической необходимостью. Есть все основания полагать, что эмали суздальского энколпиона были получены из мозаичной смальты римского времени, так же как и эмали, использованные при производстве вставки золотого квадрифолия, найденного в Новгороде (*Валиулина и др.,* 2022. С. 116).

Створку колта украшают эмали тех же трех цветов, но они представляют совсем другую картину. В качестве базового можно рассматривать бесцветное стекло, сваренное на золе растений-галофитов южной зоны, и это один из византийских химических типов. Для получения белой эмали стекло окрашено и заглушено оксидом олова. Два других стекла — синее и красное — являются результатами творческих поисков на его основе, в итоге появились варианты, которым трудно найти аналогии. В эмалях колта, в отличие от эмали креста, узнаваем процесс рециклинга римских мозаичных плиток, но, что важно, конечный результат оказался удачным — эмали получились качественными. Таким образом, рассмотренные находки демонстрируют эмали, полученные прямым использованием римских мозаичных плиток (крест-энколпион) или переработкой подобных плиток (колт). Вероятно, суздальские ювелиры покупали готовое стекло и стеклянный бой, которые использовали для создания эмалевых рисунков.

Детальное комплексное изучение предметов с многоцветными эмалями позволяет расширить круг древнерусских городов, где они изготавливались: сегодня мы с большой долей уверенности можем говорить не только о Киеве (*Корзухина, Пескова,* 2003; *Столярова и др.,* 2025), но и о Смоленске (*Валиулина и др.,* 2025б) и Суздале.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2026 г.

Бейлекчи, Данилов, 2019 — *Бейлекчи Вал. В., Данилов О. В.* Редкие изделия с эмалью из Мурома (по материалам раскопок 2017–2018 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 9. С. 169–174.

Валиулина и др., 2022 — *Валиулина С. И., Румянцева О. С., Ващенкова Е. С., Волков П. А., Исмагулов А. М., Мандрыкина А. Н., Ретивов В. М., Куликов А. Г., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.* Эмалевый медальон золотой подвески из Великого Новгорода // РА. 2022. № 3. С. 107–121.

Валиулина и др., 2025а — *Валиулина С. И., Астафьев А. Е., Богданов Е. С., Нуретдинова А. Р., Красильников П. В.* Химический состав посудного стекла городища Каракабак (Казахстан) // Археология Казахстана. 2025. № 4 (30). С. 231–249.

Валиулина и др., 2025б — *Валиулина С. И., Стрикалов И. Ю., Зайцева И. Е., Терещенко Е. Ю., Коваленко Е. С., Гурьева П. В., Родионов Н. М.* Древнерусские эмалевые дробницы из Смоленска // Мир Средневековья. Вып. 3 Проблемы методики исследований: полевые работы и новые подходы и интерпретации. М.: ИА РАН, 2025. С. 54–70.

Воронин, 1956 — *Воронин Н. Н.* Археологические заметки // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 17–32.

Зайцева, 2009 — *Зайцева И. Е.* Предметы христианского культа из раскопок Серенска // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 5. С. 213–223.

Клады Древней Руси, 2015 — Клады в собрании Русского музея. СПб.: Palace Editions, 2015. 96 с.

Корзухина, Пескова, 2003 — *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с.

Макаров, Зайцева, 2023 — *Макаров Н. А., Зайцева И. Е.* Христианские предметы: общий состав коллекции, пространственное распространение, хронология // Археология Суздальской земли. В 2 т. Т. 2. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 139–157.

Макарова, 1975 — *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 135 с.

Моргунов, 2012 — *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. СПб.: Искусство России, 2012. 254 с.

Седова, 1997 — *Седова М. В.* Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 236 с.

Столярова и др., 2021 — *Столярова Е. К., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Подурец К. М., Зайцева И. Е., Грешников Э. А., Преснякова Н. Н., Глазков В. П., Борисова П. А., Светогоров Р. Д., Ениосова Н. В., Гогин А. А.* Двухсторонняя эмалевая иконка из Суздальского Ополья: технологическое исследование // Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Т. Ив. Макаровой: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Жилина. М.: ИА РАН, 2021. С. 185–213.

Столярова и др., 2024 — *Столярова Е. К., Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Подурец К. М., Зайцева И. Е., Мухина Т. Ф., Гурьева П. В., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.* Имитации перегородчатых эмалей в древнерусском искусстве (на примере археологических находок из Владимиро-Суздальской земли) // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2024. Т. 14. С. 766–777.

Столярова и др., 2025 — *Столярова Е. К., Мухина Т. Ф., Исмагулов А. М., Волков П. А., Куликов А. Г., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.* Химический состав полихромных эмалей трех древнерусских бронзовых предметов из Владимиро-Суздальской Руси // Кристаллография. 2025. Т. 20, № 1. С. 141–162.

Теофил, 2008 — *Теофил.* О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства. СПб.: Азбука-Классика, 2008. С. 169–374.

Федорина, Милованов, 2025 — *Федорина А. Н., Милованов С. И.* Новое в археологии города Суздаля. По материалам работ ИА РАН последних лет // РА. 2025. № 4. С. 179–191.

Федорина и др., 2023 — *Федорина А. Н., Макаров Н. А., Милованов С. И., Баранов Н. А.* Суздаль: формирование городской территории в X–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2: Культура, общество, идентичность / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. Н. Д. Угулава. М.; Вологда: Древности Севера, 2023. С. 231–252.

Brill, Stapleton, 2012 — *Brill R. H., Stapleton R. H.* Chemical analyses of early Glasses. Vol. 3: The Years 2000–2011, Reports and Essays. Corning, New York: The Corning Museum of Glass, 2012. 727 p.

Bugoi et al., 2013 — *Bugoi R., Poll I., Mănucu-Adameşteanu Gh., Neelmaeijer C., Eder F.* Investigations of Byzantine glass bracelets from Nufăru, Romania using external PIXE–PIGE methods // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40, is. 7. P. 2881–2891.

Freestone, 1987 — *Freestone I. C.* Composition and microstructure of early opaque red glass // Early Vitreous Materials / Eds. M. Bimson, I. C. Freestone. London: British Museum, 1987 (British Museum. Occasional Paper; Vol. 56). P. 173–190.

Freestone, 2015 — *Freestone J.* The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // Journal of Glass Studies. 2015. Vol. 57. P. 29–40.

Henderson, 1985 — *Henderson J.* The raw materials of early glass production // Oxford Journal of Archaeology. 1985. Vol. 4 (3). P. 267–291.

Gauthier et al., 1996 — *Gauthier M.-M., Barriere B., Becquet D. J., Taburet-Delahaye E., Drake Boehm B., Pastoureau M., de Chancel-Bardelot B., Biron I., Pete Dandridge P., Wypyski M. T.* Enamels of Limoges 1100–1350. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1996. 480 p.

Gedzevičiūtė et al., 2009 — *Gedzevičiūtė V., Welter N., Schüssler U., Weiss C.* Chemical composition and colouring agents of Roman mosaic and millefiori glass, studied by electron microprobe analysis and Raman microspectroscopy // Archaeological and Anthropological Sciences. 2009. Vol. 1. P. 15–29.

Matin, Pollard, 2017 — *Matin M., Pollard M.* Historical Accounts of Cobalt Ore Processing from the Kashan Mine, Iran // Iran. Jornal of the British Institute of Persian Studies. 2017. Vol. 53, is. 1. P. 171–183.

Moretti, Gratuze, 2000 — *Moretti C., Gratuze B.* Vetri rossi al rame. Confronto di analisi e ricette // Annales du 14-e Congres Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Milano, 1998. Lochem: Associaciation Internationale pour l'histoire du verre, 2000. P. 227–232.

Verità, Zecchin, 2011 — *Verità M., Zecchin S.* Origini della vetraria veneziana tradizione romana o tecnologia orientale? // Produzione e distribuzione del vetro nella storia: un fenomeno di globalizzazione. Atti delle XI Giornate Nazionali di Studio sul vetro in memoria di Gioia Meconcelli (Bologna, 16–18 dicembre 2005). Trieste: Editreg, 2011. P. 81–85.

Wedepohl, 2003 — *Wedepohl K. H.* Glas in der Antike und im Mittelalter. Geschichte eines Werkstoffs. Stuttgart: Schweizerbart, 2003. 227 S.

Whitehouse et al., 2000 — *Whitehouse D., Pilosi L.,Wypyski M. T.* Byzantine silver stain // Journal of Glass Studies. 2000. Vol. 42. P. 85–96.

New finds of Kievan Rus' cloisonné enamels from Suzdal. Manufacturing technology and composition of enamels

I. E. Zaytseva, S. I. Valiulina, A. N. Fedorina, S. I. Milovanov, E. S. Kovalenko, P. V. Guryeva, N. M. Rodionov, O. A. Kondratyev, K. M. Podurets, E. Yu. Tereschenko, E. Yu. Yatsishina[10]

Keywords: Kievan Rus' enameled jewelry, manufacturing technology, metal composition, enamel composition, X-ray tomography

This article presents the results of a comprehensive analytical study of two gilded bronze objects from the 12th — early 13th cent.: the valve of an encolpion cross and half of a lenticular calt-pendant decorated with three-color cloisonné enamel: blue, white, and red. The metal bases of the objects exhibit identical casting defects — unfilled cavities covered with metal plates. The research findings suggest that they were manufactured in Suzdal, thereby expanding the list of Kievan Rus' cities where polychrome enamel work was produced. Analysis of the enamel composition revealed that glass from Roman mosaic tiles was used for the encolpion, whereas the calt-pendant incorporated Byzantine-produced glass alongside repeatedly recycled shards from the same tiles.

[10] Irina E. Zaytseva, Anastasia N. Fedorina, Sergey I. Milovanov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: izaitseva@yandex.ru, nasfed@yandex.ru, milovan@bk.ru. Svetlana I. Valiulina — Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan; e-mail: svaliulina@inbox.ru. Ekaterina S. Kovalenko, Polina V. Guryeva, Nikita M. Rodionov, Oleg A. Kondratiev, Konstantin M. Podurets, Elena Yu. Tereschenko, Ekaterina B. Yatsishina — National Research Centre "Kurchatov Institute", Moscow; e-mail: Kovalenko_ES@nrcki.ru, Gureva_PV@nrcki.ru, fallenangel13666@bk.ru, edelier@mail.ru, podurets@yandex.ru, elenatereschenko@yandex.ru, yatsishina_eb@nrcki.ru.

ИСТОРИЯ НАУКИ

«Ревностный член анийской школы»: трагический жизненный путь Николая Николаевича Тихонова (1882–1915)[1]

М. В. Медведева[2]

Аннотация. *В Анийской экспедиции (1892–1917) под руководством Н. Я. Марра полевую школу архитектурно-археологических работ прошли многие молодые специалисты — востоковеды, архитекторы, историки искусства, археологи. Большинство их впоследствии стали выдающимися учеными, но судьба некоторых до сих пор малоизвестна. К числу последних принадлежит студент, ученик и незаменимый помощник Н. Я. Марра в экспедиции Николай Николаевич Тихонов, погибший в 1915 г. на западном фронте. Архивные документы помогли восстановить этапы его жизненного пути и показать вклад в исследования на Кавказе.*

Ключевые слова: *Анийская экспедиция, Н. Н. Тихонов, исследования Н. Я. Марра, история науки, архивные документы, кавказоведение, археология*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-263-274

В 1915 г. востоковед В. В. Бартольд и историк искусства, археолог Я. И. Смирнов представили труды Н. Я. Марра по научному изучению древнего города Ани в 1912–1915 гг. Императорскому Русскому археологическому обществу к награждению золотой медалью имени графа А. С. Уварова (*Бартольд, Смирнов*, 1916). В своем отзыве ученые обрисовали «главнейшие археологические работы Н. Я. Марра и созданной им анийской археологической школы на городище былой столицы Великой Армении» (*Там же*. С. 404). В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов дали самую высокую оценку результатам многолетних исследований, с которыми были знакомы не понаслышке, так как неоднократно сами посещали экспедицию во время полевых сезонов. С горестью они отметили последнюю потерю экспедиции — истекавший 1915 г., «наименее удобный для каких-либо научных работ, тяжелый год войны, навсегда» отнял у «анийской школы» одного «из наиболее ревностных и полезных членов ее, Николая Николаевича Тихонова» (*Там же*. С. 403). В том же году академик Н. Я. Марр опубликовал некролог «Памяти безвременно погибшего кавказоведа Н. Н. Тихонова» в тифлисской газете «Кавказское слово» (*Марр*, 1915а). Своему ученику он посвятил трогательные слова: «Какая жалость потерять идейного работника… Глубокое огорчение вызовет печальная весть для тех, кто знал и видел его в работе. Тяжело писать эти строки мне, потерявшему в нем часть своего духовного „я“ <…> Это был редкий по своим духовным качествам, по безграничной правдивости и честности, по находчивости в самые трудные минуты и особенно по необычайно развитой силе воли и выносливости человек» (*Там же*. С. 3). Н. Я. Марр написал эти строки 19 июня 1915 г., находясь на городище Ани, в развитие археологического изучения которого Н. Н. Тихоновым было «внесено много бескорыстного труда, и где он начал проходить свою

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00354-П, https://rscf.ru/project/22-18-00354-П «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.») в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете.

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва; e-mail: marriyam@mail.ru.

© Медведева М. В., 2026

Рис. 1. Н. Н. Тихонов. 1904 г.
Фотография из студенческого дела

Fig. 1. Nikolay Nikolaevich Tikhonov. 1904.
Photo from his student file
[ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 48]

кавказоведную школу в роли простого рабочего» (*Там же*).

«Студент Коля», как доверительно называли Н. Н. Тихонова по его же просьбе между собой «анийцы», неоднократно упоминается на страницах рукописных и печатных отчетов экспедиции 1906–1914 гг., а также в монографии 1934 г. «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» (*Марр*, 1908а. С. IV–VI; 1908б. С. XII; 1910а. С. XXXVI; 1915б. С. 508; 1934. С. 78; 1968. С. 8) как один из постоянных участников работ Анийской экспедиции, наравне с И. А. Орбели, Т. Тораманяном и С. Н. Полторацким. Н. Н. Тихонов довольно долго учился в Санкт-Петербургском университете; в 1914 г. он наконец сдал выпускные экзамены и намеревался приступить к полноценной научной работе, но не успел... С годами имя его забылось, но благодаря архивным материалам НА ИИМК РАН, ЦГИА СПб, СПбФ АРАН и дореволюционным публикациям оказалось возможным восстановить биографию Н. Н. Тихонова и понять, чем заслужил он особое внимание выдающихся исследователей.

Н. Н. Тихонов родился 4 сентября 1882 г. в г. Тифлисе в семье титулярного советника. Его отец Н. И. Тихонов в молодости служил в Дербентском полку, но довольно быстро вышел в отставку по семейным обстоятельствам и стал работать на разных должностях в Интендантском управлении. С 1882 г. он заведовал Ахалцихским продовольственным магазином военного ведомства, где в 1887 г. скоропостижно скончался прямо на рабочем месте в возрасте 39 лет (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 57об.–62). Николай в течение 11 лет обучался во второй Тифлисской гимназии, где в то же время получали образование и другие будущие сотрудники анийской экспедиции. В школьные годы Н. Н. Тихонов характеризовался отличным поведением, «удовлетворительной» любознательностью и «достаточным» прилежанием; в выпускном аттестате зрелости он почти по всем предметам имел твердую «3» (за исключением «4» по истории и географии) (*Там же*. Л. 5).

Желая продолжить образование, Н. Н. Тихонов в 1904 г. подал прошение о зачислении на отделение восточных языков историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (рис. 1). Во время учебы он собирался проживать у своей тетки или же у двоюродного брата, лаборанта Политехнического института С. П. Гвоздова[3] (*Там же*. Л. 51). Н. Н. Тихонова зачислили, но вскоре после начала учебы охваченный патриотическим порывом студент ушел добровольцем на Русско-японскую войну, вступив 9 ноября 1904 г. в ряды Российского общества Красного Креста в качестве санитара. «Его влекло все, требовавшее проявления сил и энергии, везде он стихийно стремился быть на передовой позиции» (*Марр*, 1915а. С. 3). Сначала Н. Н. Тихонов сопровождал от Петербурга до ст. Талайджоу (Китайская восточная железная дорога) имущество русско-голландского отряда. 22 декабря 1904 г. он прибыл в Харбинский резерв Управления главноуполномоченного Красного Креста и уже через несколько дней был командирован в Мукден. Вместе с партией санитарок и вагоном груза

[3] Гвоздов Сергей Петрович (1879–1956) — химик, профессор, заведующий кафедрой общей химии Политехнического института.

Николай Николаевич добрался туда 1 января 1905 г. Его направили служить в 6-й Московский летучий отряд санитаром. Созданные Красным Крестом летучие отряды имели большое значение в деле спасения жизни раненых во время Русско-японской войны. Их главная задача заключалась в оказании первой медицинской помощи на полях сражений. «Отряд следовал за войсковой частью, а раненые, нуждающиеся в госпитализации, препровождались военной администрацией в ближайшие стационарные госпитали. В том случае, когда войсковая часть задерживалась на одном месте, летучий отряд превращался во временный госпиталь» (*Рудой*, 2012. С. 61). 25 мая 1905 г. Н. Н. Тихонова назначили заведующим санитарным транспортом отряда генерал-майора П. К. Ренненкампфа, где он и служил до момента расформирования подразделения в октябре 1905 г. «За самоотверженный уход за ранеными» и «за подачу» им «помощи под огнем неприятеля» во время ожесточенных боев в феврале 1905 г.[4] приказом командующего Маньчжурской армией от 21 мая 1905 г. Н. Н. Тихонов был награжден серебряной медалью «За храбрость» 4-й степени для ношения на груди на Георгиевской ленте, а приказом от 14 ноября 1905 г. — серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 71об., 72, 92, 92об.). К сожалению, доброволец-санитар на полях Маньчжурии не только заслужил награды, но и пострадал сам, в заметной степени лишившись слуха (*Марр*, 1915а. С. 3).

Вернувшись с театра военных действий, Н. Н. Тихонов не смог сразу приступить к учебе: из-за революционных событий и студенческих волнений Санкт-Петербургский университет осенью 1905 г. приостановил занятия на неопределенное время. Поэтому Н. Н. Тихонов, не заезжая в Петербург, уехал на родину[5], на Кавказ, и провел там длительное время, пока не появилась возможность вновь начать учебу в университете в августе 1907 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 17–18).

В этот период он неоднократно пытался устроиться в востоковедческие экспедиции: «…после японской войны редкая крупная научная экспедиция на Восток обходилась без обращения к ее начальнику со стороны этого кипевшего силами студента и просьбы принять его в качестве хотя бы простого служителя, но просьбы его оставались неудовлетворенными» (*Марр*, 1915а. С. 3). Тогда же Н. Н. Тихонов впервые предстал и перед Н. Я. Марром, преисполненный желания принять участие в Анийской археологической кампании. Сделал он это весьма оригинальным способом, немало говорящим о свойствах его характера. Позднее Н. Я. Марр вспоминал об этом событии: «Мое знакомство с Н. Н-чем началось летом 1906 года. Я остановился в Тифлисе по пути в Ани для продолжения раскопок известного круглого храма Св. Григория, постройки царя Гагика. Узнав, что днем трудно меня застать одного, но что я встаю рано, Н. Н. Тихонов постучался ко мне в номер в 5 часов утра. Отворив дверь, я увидел перед собою высокую фигуру в блузе со студенческой фуражкой, в местной обуви („чусты“). На предложение войти и присесть посетитель прикрыл за собой дверь, продвинувшись боком правее, но не сделал ни шага вперед, а прислонился спиной к закрепленной створке дверей и на мой вопрос: „Что вам угодно?“ — ответил: „Профессор, я хочу ехать с вами на работу, я студент историко-филологического факультета Петербургского университета“. „Какую же работу я Вам могу предоставить, если Вы по Востоку специально не занимались?“ „Вы видите эту грудь?“ — сказал мне оригинальный посетитель, проводя ладонью левой руки по выпяченной вперед широко развитой груди: „Посмотрите, профессор, на мои мускулистые руки“, — продолжал он, протягивая их ко мне: „Я могу работать, как простой рабочий!“ „Хорошо, идемте, я согласен взять вас рабочим“, ответил я» (*Там же*).

Сперва руководитель Анийской экспедиции Н. Я. Марр решил проверить новичка и определил Н. Н. Тихонова рядовым рабочим возить тачки на раскопках храма Гагика. Работа студента сразу же обратила на себя всеобщее внимание.

[4] Видимо, подразумевается масштабное, длительное и кровопролитное Мукденское сражение, во многом предопределившее печальный исход Русско-японской войны (*Иванов*, 2005).

[5] Н. Я. Марр приводит другую версию: «Во время студенческих брожений в Петроградском университете он [Тихонов] был в первых рядах захваченного активным движением студенчества, отстаивая по своему разумению принцип „университет без политики“, „университет для науки“. В искренности убеждений Н. Н-ча не сомневались и противники, особенно близко знавшие его. Когда по одному из студенческих дел был назначен университетский суд, Н. Н. оказался в числе свидетелей: его показания отличались захватывающей ясностью и исключительным беспристрастием, как о том передавал мне профессор Пергамент, бывший в составе судей» (*Марр*, 1915а. С. 3).

В то время как все остальные по очереди наполняли и возили тачки в восемь–девять лопат земли, «студент Коля» требовал, чтобы ему грузили в тачку по 15 лопат и возил их непрерывно, воодушевляя тем самым других, но «сравняться с ним никто не мог» (*Там же*). Н. Я. Марр сразу приметил у Н. Н. Тихонова бесценный в полевых исследованиях дар быстро завоевывать симпатии рабочих и договариваться с местными жителями. Еще не зная ни одного восточного языка, Николай сумел найти способы и темы для «несмолкаемой» беседы с рабочими армянами и турками и очень скоро расположил к себе и тех, и других.

«Убедившись в серьезности молодого человека», в первый же сезон (1906) Н. Я. Марр поручил Н. Н. Тихонову самостоятельно провести частичные разведочные раскопки у церкви Св. Апостолов (*Там же*), которые оказались довольно успешны. Открытые надписи позволили предположить, что храм являлся родовой церковью одной из древнейших княжеских династий Пахлавуни (*Марр*, 1907. С. 51). В 1907 г. Н. Н. Тихонов, по словам Н. Я. Марра, прекрасно выполнил также раскопки снаружи Карсских ворот, не просто руководя рабочими, но продолжая рядом с «ними копать, насыпать тачки и носить землю. Он старался и трапезу делить с ними, не разлучаться» (*Марр*, 1915а. С. 3). Кроме работ непосредственно на Анийском городище Н. Н. Тихонов в 1907 г. под началом Н. Я. Марра принял участие в летней поездке к Ереруйской базилике вместе с архитектором Т. Тораманяном, художником С. Н. Полторацким и тогда еще студентом И. А. Орбели (*Марр*, 1908б. С. XIII).

Оценив потенциал молодого и деятельного сотрудника, начальник экспедиции привлек его к более ответственной работе — фотодокументированию анийских раскопок и находок. Уже на следующий 1907 год Н. Н. Тихонов исполнил свыше 180 фотографий с анийских памятников древности (*Марр*, 1908а. С. IV–VI). Н. Я. Марр всегда придавал важное значение в археологических исследованиях такому точному и беспристрастному способу фиксации, как фотография (*Медведева*, 2023). Уже в 1892–1893 гг. во время первых анийских раскопок им лично было сделано порядка 300 ценнейших крупноформатных снимков на стекле. Не располагая средствами, Н. Я. Марр до 1906 г. продолжал фотографировать сам и делал это хорошо и качественно. После появления в экспедиции Н. Н. Тихонова он передал анийскую фотографическую часть ему, а позже — А. М. Вруйру[6]. «Студент Коля» добился больших успехов в фотографировании древностей. Из публикации Н. Я. Марра известно, что фотографии Н. Н. Тихонова вызывали общий восторг ценителей-археологов, сам руководитель считал его снимки древних армянских надписей безупречными. Между тем никто не знал, в каких условиях производились отпечатки: «У нас не было не только сносной, но хоть какой-либо фотографической комнаты: то в раскопанном амбаре, то в землянке со скорпионами студент Коля, сделав днем снимки, работал над их проявлением до полуночи, до часу ночи. Утром к пяти часам он был всегда со мною на раскопках или на пунктах для снимков, наиболее благоприятное освещение которых выслеживалось. Фотографическое собрание Анийского музея древностей эти работы студента Коли содержат в многих сотнях экземпляров» (*Марр*, 1915а. С. 3).

Одновременно с фотоделом Н. Н. Тихонов продолжал активно осваивать методику раскопок, образцово вел полевые дневники и довольно скоро смог не только замещать Н. Я. Марра в минуты отсутствия на раскопках, но и вести их независимо (*Там же*). Если верить академику, то Н. Н. Тихоновым в 1908 г. совершенно самостоятельно было раскопано самое загадочное в Ани здание о четырех пилонах, которое считают древнейшей постройкой на городище (*Там же*; *Марр*, 1910а. С. XXXVI). В мае 1909 г. перед основными работами в Ани Н. Н. Тихонов вместе с архимандритом Гарегином Овсепяном совершили по поручению Н. Я. Марра две археологические разведки в Апаран и Гарни (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2929. Л. 1–38; Оп. 3. Д. 934. Л. 9–14об.; Оп. 6. Д. 464). Впоследствии Николай Николаевич вместе с Н. Я. Марром и Я. И. Смирновым принял активное участие в раскопках античного храма в Гарни и исследованиях вишапов в Гехамских горах (*Марр*, 1915а. С. 3; *Марр, Смирнов*, 1931. С. 65), во время которых также занимался фотосъемкой. Несколько лет спустя Н. Я. Марр вспоминал о показательном случае бесконечной преданности Н. Н. Тихонова делу и его очевидных лидерских качествах во время организации Гарнийских работ: «На раскопки в Гарни я повез опытных анийских рабочих, армян и турок. Н. Н. Тихонов взялся сопровождать их. Фургон, нанятый в Эривани,

[6] Последний раз основная нагрузка по фоточасти экспедиции возлежала на Н. Н. Тихонове в 1910 г. С 1911 г. фотографом в Ани был приглашен А. М. Вруйр (*Марр*, 1934. С. 78, 87).

Рис. 2. Типы лазов. Турецкий Лазистан, 1909 г. (фото Н. Н. Тихонова)
Fig. 2. Types of Laz people. Turkish Lazistan, 1909, photo by N. N. Tikhonov
[НА ИИМК РАН. ФО. Q 741/8]

был полон раскопочных орудий, скарба, рабочих и провизии. Время от времени некоторые из рабочих подсаживались в фургон, но большинство шло пешком, и с ними пешком шел Н. Н. Дорогой, тянувшейся верст почти сорок, их настигла гроза. Фургон вступил было в Куру-Селаф, вблизи Гарни, в тот момент, когда хлынули разъяренные потоки дождевой воды, образуя громады мутных волн и с грохотом катя по обычно сухому руслу целые скалы, смывая все на своем пути. Едва успел спастись фургон, эриванские лошади обессилели, не могли одолеть подъема с грязью, ливень все усиливался, рабочие было решили вернуться обратно, но присутствия Н. Н. Тихонова и его примера было достаточно, чтобы весело, с пением, провести всю ночь под проливным дождем при весьма низкой температуре. К утру была получена от него записка о критическом положении дела, и на помощь им были высланы несколько пар волов. Выехал и я навстречу и был свидетелем, как промокшие до костей и продрогшие рабочие вместе с руководителем шли бодро, точно после весело проведенного времени, а не страданий от страшного ненастья» (*Марр*, 1915а. С. 3).

После работ в Гарни в начале сентября 1909 г. Н. Я. Марр и Н. Н. Тихонов отправились в лингвистическую поездку в Лазистан, основной целью которой стало изучение чанского языка (*Марр*, 1910б). Попутно с этим Н. Я. Марр планировал провести археологические и этнографические наблюдения. На Н. Н. Тихонова было возложено дело фотофиксации видов края, этнографических типов и предметов материальной культуры (рис. 2). Научные занятия путешественников сразу встретили крайне недоброжелательное отношение со стороны местного населения, и за ними установился постоянный «общественный и полицейский сыск». Их подозревали в том, что они —

«переодетые военные лазутчики» и приехали для снятия военно-топографических планов; не стеснялись в лицо называть «гяурами» (неверными). В своем докладе о результатах поездки на заседании историко-филологического отделения 24 марта 1910 г. Н. Я. Марр рассказывал о встреченных трудностях: «Конечно, сознательные и интеллигентные лазы нас защищали не раз, но положение в общем было такое, что я боялся гибели своих лингвистических записок. Всякие вопросы истолковывались превратно, всякие фотографические снимки возбуждали подозрение или, когда вопрос касался женских типов, действовал раздражающе на мусульманский фанатизм населения. Постановка самых невинных географических вопросов требовала необычайной осторожности. Н. Н. Тихонову, ведшему фотографическую часть, пришлось сузить до крайности сюжеты для снимков и часто заниматься фотографированием отнюдь неинтересных типов, чтобы приручить несколько публику. Когда, таким образом, нам удалось устранить всякое основание для заподозревания нас в военных целях, меня стали было признавать младолазом, возбуждающим лазское население. Но тут наступил и день моего выезда» (*Марр*, 1910б. С. 568).

Особенно сильно доставалось от местных студенту Н. Н. Тихонову, обладавшему богатырским телосложением. Ему досаждали бесконечными вопросами о цели путешествия, «говорили прямо в лицо, что не верят, спрашивали вызывающе, когда же, наконец», путешественники уберутся. В одном местечке сам Н. Я. Марр еле избежал задержания, в другом к Н. Н. Тихонову стали приставать с насмешками, «продолжая твердить, что он переодетый казак, и сопровождает переодетого русского полковника», что Н. Я. Марр лишь притворно занимается лазским языком. Но студенту удалось быстро разрядить обстановку благодаря чувству юмора и умению мгновенно сориентироваться в опасной ситуации: «Когда Н. Н. Тихонов вошел в кофейню, полную посетителей, один лаз настолько обнаглел, что стал требовать от него показать паспорт, если он не шпион; кругом собралась толпа и вызывающе стала обступать его; среди толпы были и понимающие по-русски, раздавались угрожающие возгласы. Зачинщик орал: „У него нет паспорта! Он — шпион! Пусть покажет паспорт! Где паспорт?“ Н. Н. Тихонов, качнувшись мощными плечами, чтобы растолкать обступивших, крикнул зычным голосом: „Вот мой паспорт“ — и поднес сжатый внушительный кулак к носу оторопевшего лаза, тут же присевшего на место, а кругом толпа разразилась смехом, и, переменив настроение, повела с ним дружескую беседу, в которой принял участие и присмиревший зачинщик» (*Марр*, 1915а. С. 3).

С 1907 по 1911 г. Н. Н. Тихонов продолжал учебу на историко-филологическом отделении Санкт-Петербургского университета и являлся стипендиатом Кавказского учебного округа (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 28, 66) (рис. 3, *1*). Среди его преподавателей числились И. А. Шляпкин (литература петровской эпохи), Б. В. Фармаковский (история античного искусства), Н. В. Ястребов (история славян), А. И. Введенский (история новой философии), Н. И. Кареев (новая история), Б. А. Тураев (история древнего Востока), С. А. Жебелёв (классическая археология России), А. И. Малеин (латинский семинар), Э. Д. Гримм (история Рима), И. М. Гревс (эпоха разложения Римской империи), В. Д. Айналов (история античной живописи), А. С. Лаппо-Данилевский (методология истории), Е. М. Придик и И. И. Толстой (греческие авторы), В. Н. Бенешевич (история Византии) (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 116–126).

Одновременно с учебой Н. Н. Тихонов постоянно принимал участие в полевых исследованиях Анийской экспедиции. Н. Я. Марр отмечал его поразительную наблюдательность и предполагал, что в дальнейшем молодой специалист обратится к исследованиям этнографии. В своем знакомстве с культурой Кавказа Н. Н. Тихонов всегда изначально основывался на собственных заключениях, а затем постепенно обращался к чужим работам и литературе (*Марр*, 1915а. С. 3). В какой-то момент «студенту Коле» стало ясно, что нельзя углубляться в изучение вещественных памятников Кавказа, археологических и этнографических, и их художественных форм без знания местных языков, и он принялся за грамматику древнеармянского языка. Затем, окончив курс историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета, в 1912 г. Н. Н. Тихонов подал прошение о принятии в качестве слушателя на восточный факультет, на отделение армяно-грузинской словесности, куда был зачислен в ноябре 1912 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 1–2) (рис. 3, *2*). Исполняющий дела наместника его величества на Кавказе одобрил перевод кавказского стипендиата Н. Н. Тихонова на факультет восточных языков с условием, что по окончании курса он будет обязательно привлечен к службе на Кавказе (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 14, 14об). На восточном факультете

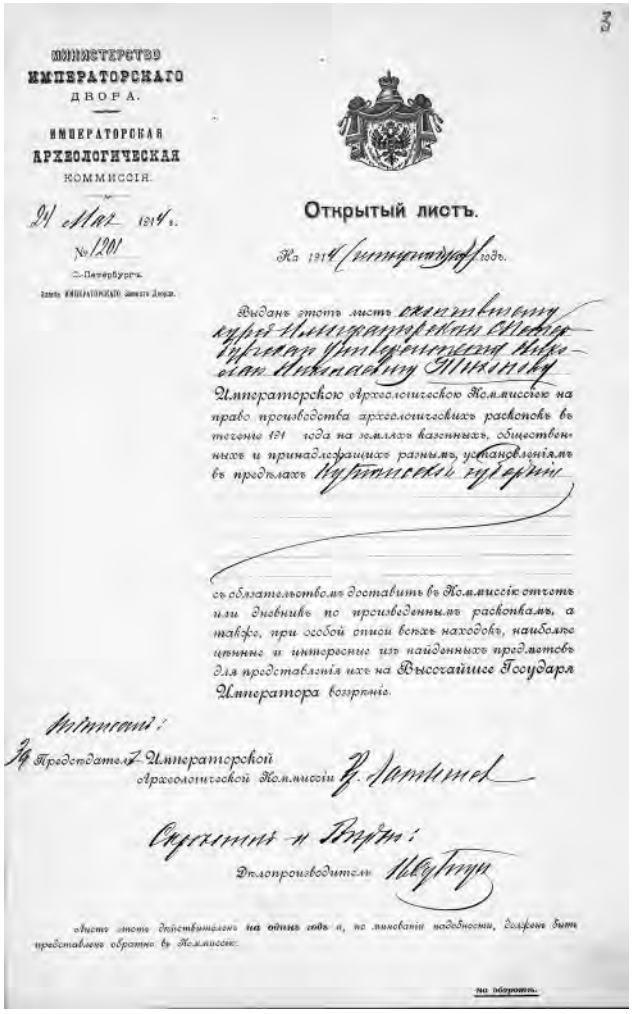
Рис. 3. Н. Н. Тихонов, фотографии: *1* — из студенческого дела, 1907 (?) г.; *2* — из студенческого билета для входа в Императорский Санкт-Петербургский университет, 1912 г.

Fig. 3. N. N. Tikhonov, photo: *1* — from his student file, 1907 (?); *2* — иrom a student ID card for admission to the Imperial University of St. Petersburg, 1912

[ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. *1* — Л. 116; *2* — Л. 31об.]

Н. Н. Тихонов изучал армянский (Н. Я. Марр), грузинский (И А. Джавахов), арабский (И. Ю. Крачковский) и персидский (В. А. Жуковский) языки; прослушал курсы по истории Востока (Б. А. Тураев) и Греции (С. А. Жебелёв), Армении (Н. Г. Адонц) и Грузии (И. А. Джавахов) (Там же. Л. 33–35об.) и другие специальные предметы. Грамматика грузинского языка была им усвоена настолько основательно, что Н. Н. Тихонов «мог разбираться в трудных грузинских текстах, а свободному их чтению мешал лишь недостаточный запас грузинских слов. Над одолением этого препятствия он и работал с обычной энергией и приобретенным за это время уменьем работать систематично» (*Марр*, 1915а. С. 3).

Выпускные государственные экзамены Н. Н. Тихонов сдал в мае 1914 г. Его результаты по различным дисциплинам сводились к оценкам «удовлетворительно» и «весьма удовлетворительно» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 6, 6об.). В итоге Николай Николаевич получил диплом второй степени и приступил к поиску работы. Из его писем Н. Я. Марру, сохранившихся в личном фонде ученого, известно, что в июне 1914 г. Н. Н. Тихонов побывал в Тифлисе у директоров средних учебных заведений и в канцелярии попечительства Кавказского учебного округа, чтобы разузнать о вакансиях преподавателя и условиях педагогической работы (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 934. Л. 15об.); также его пригласил к себе

Министерство
Императорского
Двора.

Императорская
Археологическая
Коммиссия.

21 Мая 1914 г.
№ 1201
С.-Петербургъ.

Открытый листъ.

На 1914 (тысяча девятьсот четырнадцатый) годъ.

Выдан этот листъ [illegible]
[illegible]
[illegible] Николаевичу Тихонову

Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіе 191 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ, установленіямъ въ предѣлахъ Кутаисской губерніи

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчетъ или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а также, при особой описи всѣхъ находокъ, наиболѣе цѣнные и интересные изъ найденныхъ предметовъ для представленія ихъ на Высочайшее Государя Императора возрѣніе.

Подписали:
За Предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи [illegible]

Скрѣпилъ и выдалъ:
Дѣлопроизводитель [illegible]

Листъ этотъ дѣйствителенъ на одинъ годъ и, по минованіи надобности, долженъ быть представленъ обратно въ Коммиссію.

На оборотѣ.

Рис. 4. Открытый лист, выданный Н. Н. Тихонову на производство раскопок в Кутаисской губернии в 1914 г. (копия)

Fig. 4. Permit issued to N. N. Tikhonov for conducting excavations in the Kutaisi Governorate in 1914. Copy

[НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 325. Л. 3]

директор Кавказского музея и объяснил ему обязанности и условия труда, если Н. Н. Тихонов решит поступить на службу в музей (Там же. Л. 15об., 16об.). Сам выпускник университета мечтал получить должность учителя в Кавказском учебном округе и планировал посвятить себя «еще большему познанию Кавказа и распространению любви этого познания среди подрастающего поколения, путем ли бесед с питомцами или устраивания ученических экскурсий» (*Марр*, 1915а. С. 3), чтобы затем постепенно перейти к научной работе.

Пока решался вопрос трудоустройства, Н. Н. Тихонов по заданию Н. Я. Марра летом 1914 г. исполнял важное «научное предприятие с необычайной обстоятельностью». Николай Яковлевич рекомендовал Н. Н. Тихонова Академии наук как уже сложившегося специалиста для руководства разведочными раскопками в поисках местонахождения могилы Максима Исповедника в местности Мури Лечхумского уезда Кутаисской губернии, которые требовалось провести по просьбе Святейшего Синода. В мае 1914 г. Николай Николаевич по представлению Академии наук получил первый собственный открытый лист, выданный Императорской археологической комиссией (рис. 4), и направился к месту работ. К нему присоединились другие ученики Н. Я. Марра, Е. Д. Микеладзе и Д. А. Кипшидзе, а также его жена О. И. Тихонова (в девичестве Гофман, дочь коллежского советника), с которой он вступил в законный брак в начале 1912 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 90) (рис. 5, *1*). Синод выделил финансирование на раскопки у Мурской церкви, а сделанные в процессе обследований Н. Н. Тихоновым фотографии были отпечатаны за счет расходов Анийской экспедиции. Значительную помощь во время работ археологам оказал уездный начальник А. К. Энкель.

В конце июня — начале июля 1914 г. исследователями были произведены раскопки вокруг небольшой часовни в Мури (рис. 5, *3*). В процессе работ молодые специалисты обнаружили фундаменты древнего храма; открыли погребения, скорее всего поздние, не содержащие материалов «для признания в какой-либо из них захоронения какого-либо св. мученика»; составили описание трех близлежащих крепостей; провели разведки в окрестностях с описанием христианских древностей, особенно Цхетской церкви, откуда направлялась в старину религиозная процессия в Мурскую святыню; выяснили и записали со слов стариков, участников процессии, ее путь (рис. 5, *4*); собрали материалы этнографического характера, имеющие отношение к почитанию Мурской святыни (*Бриллиантов*, 1917. С. 6; *Калаиджишвили*, 2010; *Марр*, 1915б; СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 2618. Л. 1–68; Оп. 6. Д. 252). По мнению Н. Я. Марра, посетившего с семьей место работ 13–16 июля 1914 г., чрезвычайно трудные раскопки были произведены «артистически». Исследователи должны были подготовить полученные материалы к публикации в одном из ближайших выпусков журнала «Христианский Восток», а в следующем году продолжить работы, но началась Первая мировая война…

Рис. 5. Мури, 1914 г.: *1* — участники раскопок в группе местных жителей, 7 июля, слева направо: Д. А. Кипшидзе, Е. Д. Микеладзе, О. И. Тихонова; *2* — Н. Н. Тихонов около пушек у дворца князя Дадиани; *3* — часовня Максима Исповедника, начало раскопок; *4* — религиозная процессия мужчин к Мурской святыне, июль. *1, 3, 4* — фото Н. Н. Тихонова

Fig. 5. Muri, 1914: *1* — participants in the excavationswith a group of local residents. July 7, from left to right: D. A. Kipshidze, E. D. Mikeladze, O. I. Tikhonova; *2* — N. N. Tikhonov by the cannons at Prince Dadiani's palace; *3* — the Chapel of St. Maximus the Confessor, beginning of excavations in 1914; *4* — a religious procession of men to the Muri shrine, July. *1, 3, 4* — photo by N. N. Tikhonov

[НА ИИМК РАН. ФО: *1* — Q 706/23; *2* — Q 706/28; *3* — Q 706/8; *4* — Q 706/39]

Рис. 6. Портрет вольноопределяющегося Н. Н. Тихонова в галерее павших смертью храбрых в иллюстрированном приложении к газете «Новое время» за июль 1915 г.

Fig. 6. Portrait of volunteer N. N. Tikhonov in the gallery of those who died a hero's death. An illustrated supplement to the newspaper "Novoye Vremya". July 1915

Несмотря на изменившиеся обстоятельства, судьба Н. Н. Тихонова в смысле работы устроилась самым наилучшим образом: директор Кавказского музея древностей, А. Н. Казнаков, предложил его кандидатом на вновь созданную должность старшего этнографа. Своими выборами в общем собрании 13 сентября 1914 г. Академия наук одобрила это предложение (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 23).

Однако в то же самое время Н. Н. Тихонов уже был намечен на службу старшим помощником уполномоченного 15-го передового отряда Красного Креста. Он не мог оставаться в стороне от происходившего и отправился на фронт добровольцем. Вернувшись через два-три месяца с работы в Красном Кресте, Н. Н. Тихонов рассказал Н. Я. Марру, что «эта деятельность его не удовлетворяет, что он хочет идти на войну воином, и пошел он простым солдатом» (*Марр*, 1915а. С. 3). Все это время Николай Николаевич не прекращал самосовершенствоваться. Отправляясь к передовым позициям в качестве старшего уполномоченного 15-го передового отряда Красного Креста, Н. Н. Тихонов захватил с собой и материалы для работы над грузинским языком, чтобы заниматься в редкие минуты передышек. Еще в марте 1915 г. он вел переписку с университетом о пересылке в Кавказский музей древностей документов, подтверждающих его образование, однако вскоре в процессе этой переписки в личном деле студента Н. Н. Тихонова появилась лаконичная запись: «Погиб на войне — убит» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 36–37). В 1915 г. до Петроградского университета докатились слухи о том, что Н. Н. Тихонов убит на войне, и учреждение попыталось выяснить его участь в Главном штабе, в Особом производстве о раненых, больных и пропавших без вести воинах (Там же. Л. 39).

Приехав в Ани в 1915 г., о смерти Н. Н. Тихонова из объявления в газете «Новое время» от 3 июня 1915 г. узнал и Н. Я. Марр: «Доброволец-пластун, бывший старший помощник уполномоченного 15-го передового отряда Красного Креста Николай Николаевич Тихонов скончался от ран, о чем извещают с глубокою скорбью жена, сын и родные» (Новое время, 1915а. С. 1). В июле портрет Н. Н. Тихонова появился в галерее павших смертью храбрых в иллюстрированном приложении к «Новому времени» (Новое время, 1915б. С. 219) (рис. 6).

Официальное подтверждение гибели Н. Н. Тихонова поступило в Петроградский университет только спустя полгода. В медицинском заключении, составленном врачом действующей армии 3 декабря 1915 г., сообщалось: «14 мая 1915 года в лазарет 3-й стрелковой дивизии был доставлен доброволец 4-й сотни 10-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска Николай Николаевич Тихонов; раненный в живот, он 14 мая в лазарете же и скончался» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591. Л. 44). По сведениям из открытой базы данных офицеров и формирований русской императорской армии начала XX в., вольноопределяющийся 2-го разряда Н. Н. Тихонов был произведен в офицеры (прапорщик) за боевые отличия в 1915 г., но затем тяжело ранен и умер от ран 14.05.1915 г. у д. Ниешвицы (Галиция) (*Тихонов*, 2021).

Так закончился жизненный путь одного из любимых учеников Н. Я. Марра, много сделавшего для исследований Анийской экспедиции, чье имя практически неизвестно в науке. Н. Я. Марр отмечал, что Н. Н. Тихонов «был редчайшим кавказцем по выбору своей специальности и по направлению, принятому им в ее усвоение. Обладая большой физической силой и неисчерпаемой энергией, проникнутый чисто славянским духом вечных исканий на почве… реального служения народу», он «никогда, казалось бы, не мог замкнуться в условия

кабинетной жизни и выработаться в теоретика-ученого» (*Марр*, 1915а. С. 3), но судьбе было угодно «пресечь начинавшуюся самостоятельную жизнь практика-ученого», уникального «типа, почти отсутствующего в области гуманитарных наук». Не успев по-настоящему раскрыть свой научный потенциал, Н. Н. Тихонов погиб как настоящий герой и патриот своего Отечества.

Вновь выявленные биографические сведения и документы по деятельности Н. Н. Тихонова позволяют воздать должное его трудам на благо кавказоведения и заново переосмыслить оставленное им научное и фотографическое наследие, не опубликованное и атрибутированное не в полном объеме до настоящего времени. В личном рукописном архиве его учителя академика Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится несколько подробных дневников полевых работ Н. Н. Тихонова, а в фотографическом собрании научного архива ИИМК РАН удалось найти его замечательные фотографии — вероятно, к снимкам Н. Н. Тихонова можно отнести целую серию отпечатков отличного качества из раскопок Ани 1906–1910 гг., из обследований Гарнийского храма и из поездки в Лазистан в 1909 г., а также из раскопок в Мури в 1914 г., на одной из которых оказался изображен сам Н. Н. Тихонов (рис. 5, *2*).

Статья поступила в редакцию 24 июля 2026 г.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 325: Дело ИАК о выдаче Императорской Академии наук Открытого листа на раскопки в Кутаисской губ. 4 л.

СПбФ АРАН. Ф. 800.

Оп. 1. Д. 2618: Ани. Раскопки 1914 г. Дневник раскопок (в 3 тетрадях: Ширакаван, Мури, Ани). 206 л.; Д. 2929: Рукопись доклада о работах летом 1909 г. 113 л.

Оп. 3. Д. 934: Письма Н. Н. Тихонова Н. Я. Марру. 21 л.

Оп. 6. Д. 252: Кипшидзе Д. 1914. Предание о св. Максиме Исповеднике. 53 л.; Д. 464: Тихонов Н. Н. 1909. Дневник поездки в Эчмиадзин, Абаран, Гарни. 43 л.

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61591: Личное дело студента Санкт-Петербургского университета. Тихонов Николай Николаевич. 129 л.

Бартольд, Смирнов, 1916 — *Бартольд В. В., Смирнов Я. И.* Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). 1916. Вып. 23. С. 373–411.

Бриллиантов, 1917 — *Бриллиантов А. И.* О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника // Христианский Восток. Т. 6, вып. 1. Пг., 1917. С. 1–62.

Иванов, 2005 — *Иванов В. В.* Мукденское сражение. К 100-летию Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2005. № 3. С. 131–138.

Калаиджишвили, 2010 — *Калаиджишвили С.* Об археологических раскопках в монастыре прп. Максима Исповедника в окрестностях Цагери // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. Вып. 20-1. С. 393–396.

Марр, 1907 — *Марр Н. Я.* О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (предварительный отчет). (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. X). СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. IV, 64 с., 18 ил., 17 л. ил.

Марр, 1908а — *Марр Н. Я.* Реестр предметов древности из VI-й (1907 г.) археологической кампании в Ани. Анийская серия, № 2. СПб.: Тип. Имп. АН, 1908. [4], VIII, 64 с.

Марр, 1908б — *Марр Н. Я.* Ереруйская базилика, армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани // ЗВОРАО. Т. XVIII. 1907–1908. СПб.: Тип. Имп. АН, 1908. С. XII–XIV.

Марр, 1910а — *Марр Н. Я.* Раскопки в Ани в последнюю археологическую кампанию // ЗВОРАО. Т. XIX. 1909. СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. С. XXXVI–XXXVIII.

Марр, 1910б — *Марр Н. Я.* Из поездки в Турецкий Лазистан (впечатления и наблюдения). I. Путешествие // Известия Императорской академии наук. Серия VI. 1910. Т. 4, № 7. С. 547–570.

Марр, 1915а — *Марр Н. Я.* Памяти безвременно погибшего кавказоведа Н. Н. Тихонова // Газета «Кавказское Слово». № 149. Тифлис, 3 июля 1915 г. С. 3.

Марр, 1915б — *Марр Н. Я.* Исследование местности Мури // Известия Императорской академии наук. Серия VI. 1915. Т. IX. Январь — июнь, № 1–11. Первый полутом. С. 507–508.

Марр, 1934 — *Марр Н. Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. XII, [2], 133 с., 58 с. ил.

Марр, 1968 — *Марр Н. Я.* Ереруская базилика. Армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 38 с., 10 л. ил.

Марр, Смирнов, 1931 — *Марр Н. Я., Смирнов Я. И.* Вишапы. Л.: ОГИЗ, 1931 (Труды ГАИМК; Т. I). 108 с.+ 24 табл.

Медведева, 2023 — *Медведева М. В.* Шестнадцать Анийских кампаний Н. Я. Марра: репрезентативность фотодокументов в архивном собрании ИИМК РАН // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой,

Е. Ю. Станюкович-Денисовой. М.; СПб.: МГУ имени М. В. Ломоносова; НП-Принт, 2023. С. 213–228.

Новое время, 1915а — Газета «Новое время». № 14090, Среда, 3-го (16-го) июня 1915 г. Пг.: Тип. Т-ва А. С. Суворина. 8 с.

Новое время, 1915б — Иллюстрированное приложение к газете «Новое время» за июль 1915 г. № 14090, суббота, 11-го (24-го) июля 1915 г. Пг.: Тип. Т-ва А. С. Суворина. С. 5–12 (212–224).

Рудой, 2012 — *Рудой Н. А.* Деятельность Красного Креста во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. № 6. С. 59–61.

Тихонов, 2021 — Тихонов Николай Николаевич // Открытая база данных «Офицеры русской императорской армии» // URL: https://ria1914.info/index.php?title=Тихонов_Николай_Николаевич (дата обращения: 01.05.2026).

“A zealous member of the Ani school”: the tragic life of Nikolay N. Tikhonov (1882–1915)

M. V. Medvedeva[7]

Keywords: Ani expedition, N. N. Tikhonov, research by N. Ya. Marr, history of science, archival documents, Caucasus’ studies, archaeology

During the Ani Expedition (1892–1917), led by N. Ya. Marr, many young specialists — orientalists, architects, art historians and archaeologists — underwent field training in architectural and archaeological work. Most of them went on to become outstanding scholars, but the fates of some remain little known to this day. Among them was Nikolai Nikolaevich Tikhonov, a student, disciple and indispensable assistant to N. Ya. Marr during the expedition, later fallen on the WWI in 1915. Archival documents have helped reconstruct the stages of his life and highlight his contribution to research in the Caucasus.

[7] Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Moscow; e-mail: marriyam@mail.ru.

Система камеральной обработки и передачи в музеи археологических коллекций ГАИМК (1931–1937)[1]

К. В. Конончук, Д. С. Филимонова[2]

Аннотация. *В статье реконструирована система камеральной обработки и передачи в музеи археологических коллекций ГАИМК в 1931–1937 гг. Анализ источников показал, что попытка создания централизованных структур в сфере камеральной работы провалилась из-за дефицита кадров, непрерывной реорганизации, внутренних конфликтов и непоследовательной политики руководства.*

Ключевые слова: *Академия, РАИМК, ГАИМК, археологические коллекции, камеральная обработка, история науки*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-275-289

Научная литература содержит фрагментарные сведения о системе камеральной обработки и передачи археологических коллекций в Академии истории материальной культуры (далее — РАИМК, ГАИМК, Академия). Как правило, исследователи затрагивают данную тему в контексте истории формирования музейных собраний (*Тихонов,* 2013. С. 16, 254, 338, 339 и др.). Исключение составляет монография о материалах из Ноин-Улы (*Медведева и др.,* 2023), в которой воссозданы основные этапы изучения находок до их поступления в фонды Государственного Эрмитажа (далее — ГЭ). Авторы статьи ранее обращались к учетно-хранительской деятельности РАИМК/ГАИМК, однако верхние хронологические рамки публикаций ограничивались началом 1931 г. (*Конончук, Филимонова,* 2023; 2024). Настоящая работа построена на критическом анализе большой группы источников из фондов научного архива ИИМК РАН. Помимо отчетов и 82 актов передачи для реконструкции событий использовались материалы проверок, стенограммы совещаний, служебные записки. Предложенный подход не просто описывает формальную организацию работы, но и демонстрирует межличностные конфликты, кадровые решения и бюрократические коллизии, определявшие практику обращения с археологическими коллекциями.

В 1920-е гг. обработка коллекций в РАИМК/ГАИМК осуществлялась сотрудниками разрядов, секций и комиссий, после чего предметы передавались на склад древностей для последующего распределения по музеям. Основные усилия персонала Академии были направлены на разбор собраний, унаследованных от учреждений Российской империи. Данная система удовлетворительно функционировала в условиях сворачивания из-за нехватки средств экспедиционной деятельности, однако с 1925 г. масштаб полевых работ начал неуклонно возрастать (Археологические экспедиции…, 1962), и к исходу десятилетия в ГАИМК сконцентрировались обширные археологические коллекции. Новый курс, ориентированный на отказ от долгосрочного хранения артефактов, получил оформление в постановлении Комиссии по ликвидации склада древностей от 9 октября 1930 г. Этот документ определил два магистральных направления, на годы вперед определивших стратегию распределения находок. Прежде всего планировалось форсировать передачу дореволюционных собраний, а затем организовать масштабное перемещение в музеи

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012).

[2] Конончук К. В., Филимонова Д. С. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

© Конончук К. В., Филимонова Д. С., 2026

материалов, добытых экспедициями 1920-х гг. (*Конончук, Филимонова,* 2024. С. 111).

Процесс распределения коллекций совпал с реорганизацией Академии, сопровождавшейся кадровыми сокращениями. Наиболее серьезный отток опытных специалистов пришелся на 1930 г. Именно тогда ГАИМК покинули работники, непосредственно занимавшиеся технической обработкой и учетом археологических материалов. В их числе оказались научные сотрудники II разряда А. М. Оранжиреева и Е. Р. Малкина; научно-технические сотрудники В. К. Быстржинский, Н. В. Владимирова, В. А. Головкина, Г. П. Гроздилов (был призван в армию), Т. И. Милова, А. И. Серова-Любимова, а также весь персонал склада древностей (Н. Э. Успенская, Е. П. Столица и А. И. Григоль-Солнцева). Одной из причин массовых увольнений стало введение новой структуры учреждения. После упразднения в октябре 1930 г. отделений и разрядов было сформировано три сектора[3]. При каждом из них организовали «кабинет» со штатом, включавшим заведующего (ученого секретаря сектора) и двух научно-технических сотрудников (САФ получил четырех научно-технических сотрудников). На этих служащих возлагалась вся научно-вспомогательная деятельность: сбор литературы, составление картотек, подготовка выставок и систематизация всего поступающего во временное пользование ГАИМК вещественного материала (НА ИИМК РАН. РО[4]. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 1. Л. 8, 131, 132). Из-за ограниченного состава кабинеты не справлялись с широким перечнем функций. Служебная записка ученого секретаря САНФ Л. М. Славина, составленная весной 1931 г., подробно описывает данную проблему.

«В помещениях Античного сектора находится на хранении Ольвийская археологическая коллекция. Она включает в себя предметы, найденные раскопками Б. В. Фармаковского в Ольвии с 1901 по 1915 гг.

После раскопочных работ каждого года часть предметов оставлялась владельцу земли, на которой расположена Ольвия, — Мусину-Пушкину (граф А. А. Мусин-Пушкин. — *К. К., Д. Ф.*). Все остальное присылалось в Петербург, Археологической комиссии.

Уникальные предметы из Ольвийских находок комиссия передавала Эрмитажу и другим музеям (Москва, Одесса и т. д.). Главная же часть всех находок оставалась в комиссии. Инвентаря этому фонду составлено не было.

Когда была создана в 1919 г. Академия истории материальной культуры, ей были переданы все дела и имущество Археологической комиссии, в том числе и Ольвийская археологическая коллекция. Здесь было приступлено к составлению инвентаря, который к настоящему времени насчитывает 24 119 номеров.

В 1924 и 1925 гг. при организации в Эрмитаже эллино-скифского отделения туда было передано из Ольвийской коллекции ГАИМК около трех с половиной тысяч предметов.

Таким образом, в настоящее время в коллекции находится свыше 20 000 предметов. Кроме того, в секторе имеется незначительное количество предметов древности (преимущественно — керамика) из Березани и Керчи.

Хранение всего этого материала во все время его нахождения в ГАИМК было поставлено без всякой научной системы. Выставлены были „красивые“ вещи по типологическому признаку, все остальное было сложено в шкафах без какого-нибудь определенного порядка. Проверки всего этого материала за все годы существования ГАИМК сделано не было.

Принятые на работу в ГАИМК в 1929 г. т.т. Славин, Карасев, Головкина, Леви вместе с раньше работавшими здесь т.т. Шульцем и Миловой приступили к разборке этих материалов и их первичной классификацией. Однако в связи с перемещением коллекции из 3-го этажа во 2-ой и вторичного перемещения в пределах 2-го этажа в комнаты, ныне занимаемые сектором, значительная часть работы была обесценена. После Ольвийской экспедиции 1930 г. в связи с организацией кабинета при Античном секторе снова было приступлено к упорядочению хранения вещественных материалов по годичной системе, по годам раскопок в Ольвии (1901–1915 гг.). Годичный способ размещения материалов является первым этапом

[3] В 1930-е гг. названия основных подразделений ГАИМК менялись несколько раз (подробнее: Алёкшин, 2013. С. 113, 114). Поэтому в тексте статьи будут использоваться следующие аббревиатуры: САФ — Сектор архаических формаций (1930–1931); СДО — Сектор дородового (доклассового) общества (1932–1933); ИИДО — Институт истории доклассового общества (1934–1937); САНФ — Сектор античной формации (1930–1931); СРФ — Сектор рабовладельческой формации (1932–1933); ИИРО — Институт истории рабовладельческого общества (1934–1935); ИИДМ — Институт истории Древнего мира (1936–1937); СФФ — Сектор феодальной формации (1930–1933); ИИФО — Институт истории феодального общества (1934–1937).

[4] Далее все ссылки даны на архивные дела, хранящиеся в рукописном отделе научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО), поэтому указываются только соответствующие фонд (Ф.) и опись (Оп.).

по организации научного хранения ольвийской коллекции. К 15 декабря эта задача была выполнена.

Для дальнейшего упорядочения хранения вещественных памятников необходимо проделать следующую работу.

1) Проверить по инвентарю наличие предметов.

2) Составить список-акт о недостающих заинвентаризированных предметах.

3) Разобрать группу материалов, выявленную во время работ конца 1930 г. без инвентарных №№ и восстановить утерянные инвентарные №№ и заинвентаризировать ту часть, которая выявится как не попавшая в инвентарь.

Только после этого возможно будет разместить материалы коллекции в такой системе, которая будет способствовать и помогать работе над ней (разделение на „город" и „некрополь", в пределах „города" по слоям, в пределах „некрополя" по погребальным комплексам).

На данном этапе работы античного сектора этот материал необходим для научно-исследовательской работы групп сектора: 1) промышленность, 2) сельскохозяйственной, 3) населения, поскольку он содержит основную массу ольвийского археологического материала.

Кроме того, пятилетний план сектора предусматривает обработку и издание добытого раскопками археологического материала.

Ольвийская коллекция, находящаяся в секторе, значительно облегчит и ускорит эту работу в отношении Ольвии.

Провести всю эту работу силами одного научно-технического сотрудника, в настоящее время работающего в кабинете и нагруженного работой по картотекам и др., — невозможно. Необходимо привлечь хотя бы еще одного научно-технического работника, который в основном бы вел работу по материалу…» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 21. Л. 11–11об.)[5].

В это же время острая нехватка персонала побудила ученого секретаря САФ П. Н. Третьякова обратиться в Президиум ГАИМК. Петр Николаевич писал: «В настоящее время из числа 4-х научно-технических сотрудников Сектора архаической формации — двое (т.т. Койшевский и Запольская) находятся в отпуске по болезни, это ставит сектор под угрозу срыва технического оформления материалов экспедиций 1930 г. Особо остро вопрос стоит в отношении материалов Северо-Кавказской экспедиции, обработка которых поручена т. Запольской. Для выполнения работы сектор просит Правление ГАИМК об отпуске средств для оплаты временного научно-технического сотрудника сроком на 2 месяца (июнь–июль)» (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 1. Л. 172).

Достоверных сведений об упразднении кабинетов обнаружить не удалось, однако со второй половины 1932 г. упоминания о них исчезают из документов ГАИМК. Новая система предполагала более широкую вовлеченность персонала Академии в камеральную работу. С 1933 г. каждый сотрудник мог внести в план-карту время, необходимое ему для разбора коллекций. При этом вспомогательный персонал (младшие научные и научно-технические сотрудники) не участвовал в самостоятельном планировании и привлекался к обработке археологических материалов по поручению руководителя подразделения (Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 12. Л. 1–7)[6].

Кадровые чистки и структурная реорганизация не остановили процесс распределения коллекций благодаря самоотверженному труду сотрудников Академии. В начале 1931 г. председатель Комиссии по ликвидации склада древностей В. В. Гольмстен направила в музеи Ленинграда порядка 8000 единиц хранения (табл., 1–7). С апреля 1932 г. к обработке находок из раскопок в Ольвии (1901–1915) приступила научно-технический сотрудник СРФ Е. Г. Кастанаян. Менее чем за два года (до февраля 1934 г.) она сдала в ГЭ 12 608 артефактов (табл., 21, 25)[7]. В период с мая 1932 по июль

[5] Здесь и далее орфография и пунктуация приведены к современным нормам правописания с сохранением особенностей стилистики.

[6] В качестве примера функционирования данной системы приведем выдержку из документа, составленного бригадой (В. И. Кашин, М. И. Артамонов, А. А. Иессен) по проверке ИИДО в 1936 г. «В качестве недостатка планирования работы необходимо отметить неполный учет камеральной работы по экспедиционному материалу, как в плане, так и по фактическому выполнению. В план-картах предусматривается в среднем 400 часов на экспедиции, в т. ч. 300 часов на полевую работу и 100 — на камеральную обработку. Бригада считает норму в 1/3 времени полевой работы на камеральную обработку вообще недостаточной, в особенности для руководящих работников экспедиций, что подтверждается опытом всех работников ИИДО, затрачивающих на камеральную обработку значительно больше времени, чем им положено по плану» (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 108. Л. 150).

[7] В отчете, составленном 26 января 1934 г., Е. Г. Кастанаян сообщает о 12 666 предметах, направленных в ГЭ (Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 12. Л. 158). Не исключено, что она участвовала в обработке материалов (порядка 2146 предметов), переданных в ГЭ до середины 1933 г. Однако во всех актах этого периода фигурирует лишь фамилия ученого секретаря СРФ Л. М. Славина (табл., 12, 16, 17).

1933 г. из СДО в музейные фонды поступило более 20 коллекций из экспедиций 1920-х гг. (табл., 8–11, 14–15, 19–20)[8]. Значимый вклад в эту работу внес Н. Н. Чернягин, который «произвел учет всего палеолитического материала, находившегося в ГАИМК» (Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 61. Л. 116). Ученый секретарь СФФ Н. Н. Воронин курировал отправку находок Судакской и Псковской экспедиций (табл., 22, 24)[9]. Обе коллекции пролежали в ГАИМК более трех лет, и для их передачи пришлось приложить серьезные административные усилия (Ф. 2. Оп. 1. 1933. Д. 39а. Л. 1, 2; Д. 167. Л. 36, 37, 41).

Успехи, достигнутые ГАИМК при распределении археологических коллекций, нивелировались массовыми поступлениями предметов из новостроечных экспедиций, число которых в первой половине 1930-х гг. непрерывно росло (*Смирнов,* 2004. С. 11). Выступая на Пленуме ГАИМК в октябре 1932 г., А. В. Шмидт констатировал, что «…необходимо обратить внимание на то, что с обработкой экспедиционных материалов [дело] в Академии обстоит неблагополучно: они залеживаются и долго остаются без обработки» (Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 11. Л. 2об.). Для исправления ситуации осенью 1932 г. был учрежден Комитет по работам Академии на новостройках. В задачи нового подразделения входила организация экспедиционных и камеральных работ в зонах строительств и последующее направление находок в местные музеи (Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 5. Л. 110).

Дальнейшая централизация системы обработки коллекций выразилась в создании зимой 1934 г. Сектора полевых исследований (далее — сектор, СПИ)[10]. Данное подразделение наделили широким спектром функций, включавшим «…планирование, организацию и проведение полевой работы Академии, разработку вопросов методики и техники полевых исследований и вопросов охраны объектов полевых исследований, систематизацию и подготовку для передачи материалов по полевой деятельности Академии и других советских, а также дореволюционных учреждений, первичную камеральную обработку полученных в результате полевой работы экспедиционных материалов…» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 71. Л. 34, 94). Серьезное влияние на работу СПИ оказало «обследование состояния вещевого археологического материала», проведенное комсомольцами Академии в марте — апреле 1934 г. Для проверки сформировали бригаду в составе П. И. Борисковского, С. Н. Бибикова и А. П. Круглова. Документ, подготовленный проверяющими, характеризует проблемы, порожденные бессистемным хранением археологических коллекций, и с учетом его высокой информативности публикуется полностью.

«Проверка состояния хранения и учета коллекций, произведенная 3/III и 25/III т.г. по инициативе Бюро коллектива ВЛКСМ, выявила целый ряд исключительных безобразий, проявленных в отношении материалов, находящихся ныне в ведении СПИ. Прежде всего, обезличка и „кустарщина“ привели к тому, что бригадой обнаружено значительное количество объектов, вовсе не имеющих охранных описей, и даже неизвестно место их нахождения. Разрозненные и рассованные по углам части коллекций, имеющих шифр, могут быть определены либо участниками той экспедиции, либо лицами, непосредственно работавшими над отдельными коллекциями, а следовательно, восстанавливающие их принадлежность, полагаясь на память. Есть случаи, когда выборочный раскопочный инвентарь, служивший предметом выставки еще в 1932 г., до сих пор не разнесен по местам изъятия. Большие залежи материалов, накопившиеся за ряд лет, например Кобяково городище, имеют охранные описи (соответствие которых вещевым данным сомнительно) — следовательно, ждут передачи для изучения в музей. Однако составление научных отчетов задерживает это мероприятие, что влечет к превращению временного хранилища для первичной обработки в постоянный склад древностей в худшем смысле. В отношении некоторых коллекций возникает вопрос согласия со стороны музеев взять их под свое попечительство. При такой постановке научное обесценивание их налицо. Следовательно, необходимо привлечь более компетентных лиц для выяснения научной ценности отдельных коллекций. Отсутствие соответствующего оборудования и общая бесхозяйственность привели к тому, что ряд коллекций размещен по различным местам вплоть до нахождения отдельных предметов на письменных столах и в ящиках с упаковочным материалом. Организация хранения охранных описей, их централизация находится в весьма неблагополучном состоянии.

[8] В это же время из СДО передавались коллекции, сформированные в учреждениях Российской империи (табл., 13, 18, 20 (частично)).

[9] Также Н. Н. Воронин осуществил передачу в фонды ГЭ материалов Хорезмской экспедиции 1929–1930 гг. (табл., 23).

[10] Официальной датой создания СПИ считается 20 января 1934 г., однако личный состав сектора утвердили в феврале, положение о его работе подготовили в марте, а план-карты сотрудников подписали к 1 апреля 1934 г. (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 71. Л. 94).

Нет определенного лица, следившего бы как за порядком хранения материалов, так и за правильной постановкой учетного дела. Нет определенного трафарета в составлении охранных описей, благодаря чему есть случаи неопределенной принадлежности объектов.

В заключение обследовательская бригада считает, что настоящее положение в СПИ по линии содержания и учета раскопочных материалов является преступным. Необходима немедленная коренная перестройка организации работы, так как поступающий в текущем году раскопочный материал с новостроек окажется в нелучшем состоянии.

Бригада предлагает:

1. Организовать просмотр бесхозного материала с целью хотя бы частичного его определения.

2. Наладить правильный учет уже имеющихся коллекций, выделив для этого специального сотрудника, в служебные обязанности которого входило бы хранение охранных описей и выдачи их только под расписку, учет и хранение вновь поступающих коллекций и имеющихся. Причем следует отметить, что данный работник выделяется только на основе внутренних возможностей и должен иметь квалификацию не ниже младшего научного сотрудника.

3. Ввиду чрезвычайной запущенности дела следует собрать и проверить попредметно соответствие записей в охранных описях с наличным материалом.

4. Наладить передачу первично обработанных коллекций в местные и провинциальные музеи.

5. Выделить консультантов для определения научной ценности отдельных коллекций.

6. Отпустить минимальное количество средств для оборудования разборочного помещения (стеллажи и пр.).

7. Поставить вопрос перед Президиумом Академии о необходимости привлечения научных работников к научной обработке с целью издания работ на основе материалов, находящихся в СПИ, в которые были вложены большие средства Академии (Кобяково, Тамань и др.), т. к. денежные средства, затраченные на организацию экспедиций, часто вовсе не находят своего отражения в работах сотрудников. Это явление не только подчеркивает игнорирование добытого фактического материала, но и характеризует бесцельность затрат на подобные экспедиции» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 80. Л. 12–13).

Масштабные задачи, поставленные перед СПИ, требовали надлежащего кадрового ресурса. Формально штатная численность подразделения не уступала отдельным институтам[11], однако часть сотрудников участвовала в работе ИИДО (П. И. Борисковский, Г. П. Гроздилов, А. П. Круглов, Т. С. Пассек, Г. В. Подгаецкий и В. И. Равдоникас) и ИИФО (Н. И. Репников). Общее руководство осуществляли заместитель заведующего сектором Б. А. Латынин и ученый секретарь П. И. Борисковский, ответственный за передачу находок «из раскопок прошлых лет». Сверку и описание предметов вели младшие научные (В. С. Адрианов, Г. П. Гроздилов, А. П. Круглов, Н. Н. Чернягин) и научно-технические сотрудники (В. В. Храмова). За неполный 1934 г. этот коллектив направил в музеи около 30 000 единиц хранения[12]. В первую очередь распределялись все еще хранившиеся в Академии собрания из учреждений Российской империи (табл., 30, 37, 43, 44) и коллекции из раскопок 1920-х — начала 1930-х гг. (табл., 26, 27, 30, 31, 34–37, 42–44). Параллельно производилась обработка материалов полевого сезона 1933 г., и уже к началу августа 1934 г. в музейные фонды поступили артефакты, собранные Амурской, Баксанской, Беломоро-Балтийской, Манычской, Нуринской и Ферганской экспедициями (табл., 31, 36, 38, 40, 42, 45).

Под управлением СПИ находилась камеральная обработка коллекций из раскопок 1934 г. Приемку предметов и документации производили В. С. Адрианов, С. А. Дубинский, А. П. Круглов и М. М. Худяк. Обустройством разборочных мастерских и временного хранилища занимались практически все работники, что объясняется четырьмя переездами, случившимися за неполный календарный год[13]. Поступающие в сектор полевые описи в процессе сверки преобразовывались в коллекционные. Возникавшие при этом проблемы зафиксированы в актах обследования экспедиций. Так, начальник Новгородской

[11] На 15 октября 1934 г. в ИИДО числилось 19 сотрудников; в ИИРО — 18; в ИИФО — 39; в Институте археологической технологии — 13; в СПИ — 12 (Ф. 2. Оп. 6. Д. 67. Л. 8–12). Информация о личном составе СПИ представлена в научных публикациях (*Сорокина*, 2021. С. 61).

[12] Институты Академии в 1934 г. продолжали самостоятельно обрабатывать и направлять в музеи коллекции. Информация о материалах, переданных из ИИРО (табл., 25, 39, 41, 47) и ИИФО (табл., 28–29, 32–33, 46), приведена в таблице.

[13] Информация о переездах отражена в отчете В. В. Храмовой: «…А. С 3-го этажа в комнату бывшего Красного уголка. Б. Из Красного уголка в подвал. В. Из подвала в комнату бывшего кабинета Кипарисова. Г. Из комнаты кабинета Кипарисова в комнату бывшего издательства» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 74. Л. 23об.).

экспедиции К. К. Романов отмечал: «Инвентарная опись, составленная в СПИ, носит характер описания состава коллекции, а не инвентарной в строгом смысле и нет прямого перехода от отметки предметов в полевой описи к №№ описи камеральной» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 126. Л. 27). Руководитель Оскольской экспедиции К. Г. Болтенко жаловался, что специалисты сектора не выделили костный материал в отдельную опись (*Там же*. Л. 39об.). Реставрацию артефактов проводили специалисты Института исторической технологии (далее — ИИТ) под наблюдением А. П. Круглова и Г. П. Гроздилова. Работу фотомастерской (структурно входившей в состав ИИТ) курировал А. П. Круглов, а изготовление чертежей Г. В. Подгаецкий. На завершающем этапе готовились отчеты, в написании которых участвовали П. И. Борисковский, А. П. Круглов, Б. А. Латынин, Т. С. Пассек, В. И. Равдоникас, Н. И. Репников и Г. В. Подгаецкий (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 71. Л. 106–107).

Внедрение централизованной системы обработки коллекций сопровождалось бюрократизацией, что вызывало недовольство сотрудников, не входивших в структуру СПИ. Первые возражения против новой модели высказал ученый секретарь ИИРО Л. М. Славин. На совещании 25 июня 1934 г. он заявил: «Институт истории рабовладельческого общества считает, что для него было бы удобнее, если бы вся камеральная и научная обработка археологических материалов, получаемых в результате экспедиций, производилась непосредственно в институте» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 4. Л. 36). Примером более жесткой позиции служит выступление П. Н. Третьякова на производственном совещании работников Академии. Петр Николаевич с негодованием заявил: «Возьмите, например, Сектор полевых исследований. Он был создан, просуществовал год и был расформирован (речь произнесена 28 ноября 1935 г. — *К. К., Д. Ф.*), несмотря на то, что при его создании целый ряд работников был против этого создания, было много разговоров, но тогда никто наших доводов не принял во внимание. А разве это можно было назвать серьезным подходом, когда, например, Третьяков, приезжая из экспедиции, ищет себе научно-технического сотрудника, следит за обработкой материала, а потом этот материал сам себе из Сектора полевых исследований сдает в Доклассовый институт? Материал весь обрабатывает тот, кто его раскопал, так что незачем было создавать лишней волокиты…» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 3. Л. 144–146).

Наиболее острый конфликт произошел 27 сентября 1934 г., когда научно-технический сотрудник О. В. Михайлова, выполняя поручение директора ИИФО М. М. Цвибака, взяла из помещений сектора несколько коробок с материалами Новгородской экспедиции. Спустя неделю ученый секретарь СПИ П. И. Борисковский подготовил служебную записку, в которой сообщалось, что предметы были вынесены без уведомления ответственных работников СПИ и начальника экспедиции М. К. Каргера, а после демонстрации на пленуме Института оказались перепутанными. В ответном заявлении О. В. Михайлова отметила, что не знакома с правилами, «господствующими в СПИ», а лица, ответственные за выдачу артефактов, отсутствовали на месте (Ф. 2. Оп. 3. Д. 440. Л. 26–27). Итогом инцидента стало распоряжение № 37/Н, подписанное Ф. В. Кипарисовым 10 октября 1934 г. Документ регламентировал порядок работы камеральных лабораторий. Вводилась персональная ответственность сотрудников за сохранность коллекций в каждой комнате, предписывалось держать помещения запертыми и исключить доступ посторонних. Вынос находок допускался только с разрешения ученого секретаря СПИ или курирующего лабораторию научного сотрудника (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 33. Л. 46).

Осенью 1934 г. в Академии началась очередная структурная перестройка, связанная с назначением на пост директора ИИТ А. И. Кауля (*Панкратова, Смирнов,* 2022. С. 178). На совещании, состоявшемся 9 сентября 1934 г., М. В. Фармаковскому и Н. П. Тихонову поручили разработку нового «Положения об ИИТ» (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 288. Л. 1). Итоговый проект был представлен на заседании Президиума ГАИМК 25 октября 1934 г., в тот же день вышло постановление, содержавшее пункт, по которому планировалось «передать ИИТ дело технической организации и проведения полевых исследований, создав с этой целью в нем специальную кафедру методики и техники полевых исследований и мастерскую камеральной обработки». Таким образом происходило слияние ИИТ и СПИ, в связи с чем сектор как самостоятельная структура подлежал ликвидации к 31 декабря 1934 г. (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 4. Л. 45об., 51об., 52). Для передачи дел в ИИТ распоряжением № 58/Н по ГАИМК от 17 декабря 1934 г. организовали приемно-сдаточную комиссию в составе М. В. Фармаковского (председатель), Б. А. Латынина, П. И. Борисковского, главного бухгалтера Академии Б. И. Ильвеса, а также «представителей общественности» в лице С. Н. Бибикова и К. Г. Болтенко. В задачи комиссии входили проверка наличия инвентаря и оценка

состояния археологических коллекций и научной отчетности (Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 33. Л. 46).

Слияние ИИТ и СПИ оказалось фактически сорвано из-за внезапно возникших форсмажорных обстоятельств. В начале весны 1935 г. Б. А. Латынина выслали в Куйбышев «по соцпроисхождению» (Архивные документы, 2000. С. 57), А. П. Круглова, Г. В. Подгаецкого и Б. А. Койшевского подвергли кратковременному аресту (*Пиотровский,* 1995. С. 121; *Лебедев,* 2018. С. 121), а В. С. Адрианова по просьбе директора Зоологического института АН СССР командировали на территорию Ямало-Ненецкого округа (*Панкратова,* 2020. С. 132). Таким образом, в мастерской камеральной обработки остался один штатный сотрудник С. Н. Аносов, а для компенсации кадровых потерь срочно назначили троих временных работников: С. Н. Бибикова (временного заведующего), Н. Г. Оболдуеву и В. Д. Запорожскую. Освобожденный из-под ареста А. П. Круглов с 1 мая вернулся к заведыванию мастерской, однако спустя два месяца он надолго отбыл в экспедицию, а исполнение его обязанностей возложили на аспиранта И. В. Щербакова (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 17. Л. 38, 97, 100).

Изначально предполагалось, что мастерская камеральной обработки освободит институты от технической работы, отвлекающей от научных исследований. Поэтому на персонал подразделения возложили прием, сверку, подготовку для фотографирования и передачу предметов (в Институты ГАИМК и музеи), а также изготовление иллюстраций, карт и чертежей к отчетам (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 18. Л. 167, 167об.). К середине 1935 г. появились новые задачи: например, С. Н. Аносов производил закупки инвентаря для экспедиций, а И. В. Щербаков готовил помещения для хранения артефактов, а также принимал и распределял коллекции, поступавшие в 1935 г. (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 234. Л. 96–97). Штат из трех сотрудников не мог эффективно справляться с такой нагрузкой, что привело к резкому ухудшению некоторых показателей. В фондах научного архива ИИМК РАН удалось обнаружить всего три акта передачи находок, датированных 1935 г. (табл., 48–50).

Руководство ИИТ негативно восприняло новые функции, большинство из которых выполнялось под руководством начальников экспедиций. Бригада в составе П. И. Борисковского, В. Ф. Гайдукевича и Г. П. Сосновского, проверявшая Институт в первом квартале 1935 г., отметила, что мастерская камеральной обработки находилась «…на отлете ИИТ», комплектовалась исключительно временными сотрудниками, а сведения о ее работе даже не включили в общий отчет подразделения (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 20. Л. 16–17). Ученый секретарь ИИТ М. В. Фармаковский весной 1935 г. направил Ф. В. Кипарисову докладную записку. В ней он оспаривал присоединение мастерской камеральной обработки к ИИТ и просил переподчинить ее структурам, ответственным за планирование и проведение археологических раскопок. Документ примечателен тем, что на его страницах Мстислав Владимирович излагает свой взгляд на организацию процесса разбора коллекций. Приведем небольшой фрагмент из подготовленного им текста: «Всякий прибывающий в ГАИМК ящик экспедиционного материала поступает в приемник, где он в разборочной распаковывается в присутствии начальника экспедиции, получает очередной номер и этикетку, по которым идет в регистрационную, откуда в порядке очередности и по проведении описания поступает в мастерскую технической обработки, где материал чистят, моют, склеивают, если нужно дезинфицируют и отбирают по соглашению с начальником экспедиции вещи, требующие серьезной лабораторной реставрации. Эти последние передаются в реставрационную лабораторию ИИТ, где они обрабатываются за 20 % резервного времени. Ни одна вещь не может переходить в институты иначе, как через приемник с его тремя этапами… Приемник существует как самостоятельная организация, совершенно не связанная с ИИТ…» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 18. Л. 167об.–168).

В 1935 г. при институтах ГАИМК сформировали лаборатории камеральной обработки, которые моментально столкнулись с жесточайшим кадровым голодом. Например, в первом квартале 1935 г. ИИТ передал в ИИДО девять коллекций, в разборе которых пришлось задействовать практически весь состав подразделения (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 17. Л. 11, 21, 87). Хорошо иллюстрирует ситуацию с персоналом выступление П. Н. Третьякова на производственном совещании работников Академии 28 ноября 1935 г. Петр Николаевич с негодованием заявил: «Наш институт (ИИДО. — *К. К., Д. Ф.*) находится в несколько особом положении, которое заключается в том, что наши экспедиции выросли больше чем в 10 раз, а следовательно, и наш материал вырос более чем в 10 раз, а технические возможности не увеличились, а даже уменьшились, в результате за два последних года у нас накопился огромный новый материал, в котором мы буквально задыхаемся из-за невозможности его обработать, но ведь

вы знаете, что значит обработка археологических коллекций. Это ведь тысячи и десятки тысяч мелких объектов, с которыми работать чрезвычайно трудно. Несколько лет тому назад мы в Эрмитаж передавали наши коллекции, и мне, и Гроздилову пришлось затратить массу сил и энергии на это дело (см.: табл., 10. — *К. К., Д. Ф.*). А что мы можем сделать с одним научно-техническим сотрудником? Полгода назад об этом говорилось, а до сих пор в этой линии ничего не сделано. Мы по штатному расписанию имеем трех научно-технических сотрудников, но сколько раз мы обращались к администрации… нам отвечали, что денег нет, и мы опять оставались с одним научно-техническим сотрудником…» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 3. Л. 144–146). Несмотря на все трудности, к концу года коллектив ИИДО успешно завершил обработку материалов и даже пополнил штат двумя научно-техническими сотрудниками — Н. Н. Гуриной и А. А. Костромцовым (Ф. 2. Оп. 6. Д. 81. Л. 23об.).

Вспомогательный персонал ИИРО состоял из единственного научно-технического сотрудника — до сентября 1935 г. данную должность занимала Е. Г. Кастанаян. При этом требовалось обработать находки, собранные за два полевых сезона (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 334. Л. 1–3). В Ленинграде к разбору коллекций из Керченской экспедиции 1934 г. на сдельной основе привлекли М. А. Наливкину (Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 54. Л. 28, 28об.). Материалы Ольвийской экспедиции 1935 г. оставили в Киеве, где с ними работали сотрудники ИИМК Всеукраинской АН. Применение подобной практики обсуждалось на совещании у Ф. В. Кипарисова 20 ноября 1935 г. Приведем фрагмент стенограммы развернувшейся там дискуссии.

«**Л. М. Славин** (начальник Ольвийской экспедиции. — *К. К., Д. Ф.*). Несколько слов еще о камеральной обработке. Она уже начата и в основном будет вестись в Киеве, там уже находятся все материалы этого года. Отчет должен быть готов к 1.05.1936, причем отчет будет как о работах этого года, так и по участку „И“ работ предыдущего года…

В. Ф. Гайдукевич (старший научный сотрудник ИИРО. — *К. К., Д. Ф.*). Чем вызвано то обстоятельство, что материалы находятся в Киеве? Нельзя ли часть материала, связанного с работами наших Гаимковских работников, перебросить сюда?

В. И. Селиванов (ученый секретарь ГАИМК. — *К. К., Д. Ф.*). Мне кажется, что наши работники, несомненно, должны участвовать в обработке материалов. Наше участие только в полевой работе, конечно, недостаточно. Надо пересмотреть формы нашего участия в этой работе.

Киселев С. В. (старший научный сотрудник МО ГАИМК. — *К. К., Д. Ф.*). У нас имеется опыт совместной работы с Украиной, и мы посылаем своих работников за их счет. Это во-первых, а во-вторых, они совершенно не интересуются материалом как таковым, и мы получили обещание, что после обработки материал поступит к нам в Москву.

Л. М. Славин. Дело обстоит таким образом: все вещи сейчас в Киеве. Над ними ведется большая работа по технической обработке — их надо мыть, клеить, шифровать и т. п. Потом мы приступим к научной обработке. Мы полагаем, что на обработку вещей нужно примерно месяц. То, что не удастся проделать в Киеве, может быть закончено здесь, и вещи могут быть взяты сюда. Украина ничего не имеет против того, чтобы часть вещей поступила к нам…» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 3. Л. 83–84).

Археологические исследования ИИФО в 1935 г. ограничились раскопками в Саркеле. Причем в них участвовали всего три сотрудника: М. И. Артамонов, А. Л. Якобсон и аспирант М. П. Лездина. Камеральную обработку коллекции пришлось проводить в помещениях института, который практически не имел в своем составе специалистов-археологов[14]. Тем не менее к концу года была оформлена большая часть чертежей, проведена сверка и реставрация находок. Подобные успехи стали возможны благодаря организаторским способностям М. И. Артамонова, сумевшего привлечь большое количество временных работников из числа «вузовцев» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 18. Л. 54).

Таким образом, структуры, специализирующиеся на разборе и передаче коллекций, оказались неэффективны в условиях кадрового голода. Поэтому 7 декабря 1935 г. была сформирована комиссия, которой предстояло определить порядок распределения «материалов археологических экспедиций прежних лет». В состав комиссии вошли ученый секретарь ИИДО П. Н. Третьяков (председатель), заведующий мастерской камеральной обработки А. П. Круглов и младший научный сотрудник Г. П. Гроздилов (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 160.

[14] Данный тезис подтверждает выступление Н. Н. Воронина на совещании у Ф. В. Кипарисова 7 января 1935 г. Приведем фрагмент стенограммы: «…В институте истории феодального общества из 44 сотрудников максимум 10 человек знакомы с вещественными источниками, из 26 аспирантов только один имеет предшествующую археологическую практику. Так же неблагополучно обстоит этот вопрос в отношении младших научных и научно-технических сотрудников» (Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 3. Л. 7).

Л. 159). К сожалению, в фондах научного архива ИИМК РАН не удалось обнаружить документ, содержащий итоги работы данной комиссии. Однако в распоряжении № 936/л по ГАИМК сообщается, что после ликвидации объединенной мастерской камеральной обработки с 1 января 1936 г. ее младший научный сотрудник С. Н. Аносов[15] переводится на аналогичную должность в ИИДО (Ф. 35. Оп. 5. Д. 9. Л. 27об.). Функции, связанные с хранением и закупкой полевого инвентаря, передали складу экспедиционного имущества (также фигурирует в документах как склад камеральной мастерской), а его заведующим назначили бывшего кладовщика И. А. Федорова[16].

В 1936 г. практика массового привлечения студентов к камеральной обработке находок под наблюдением сотрудников Академии получила широкое распространение в ИИДО. Силами временного персонала были разобраны предметы, полученные Сухумской и Окской экспедициями 1935 г. Коллекциями Северо-Кавказской экспедиции 1926–1930-х гг. занимались четыре внештатных работника и научно-технический сотрудник А. А. Костромцов. Возобновились массовые передачи предметов в музейные фонды (табл., 51, 53–55, 57–58, 60). В этой работе участвовали Г. П. Гроздилов, А. А. Костромцов, Н. Н. Гурина, С. Н. Аносов, Г. В. Подгаецкий и Н. А. Прокошев, студенты Ленинградского института философии, лингвистики и истории и персонал музеев. Труд временных сотрудников осуществлялся на возмездной основе из средств подразделения, в результате чего пропадала возможность покупать оборудование и оплачивать рисовку артефактов (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 106. Л. 47–48, 56; Д. 108. Л. 151).

Сотрудники ИИРО в 1936 г. работали с материалами Ольвийской и Керченской экспедиций. Как и прежде, часть ольвийской коллекции разбиралась в УССР под руководством Л. М. Славина и Т. Н. Книпович, командированных в Киев и Николаев на 1,5 месяца (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 106. Л. 39–40). С увеличением числа экспедиций остро встал вопрос своевременной передачи артефактов в музеи[17]. Особое внимание на этот факт обратила бригада по обследованию института (М. В. Фармаковский, М. В. Левченко и Е. Э. Липшиц). Проверяющие отметили, что из-за преобладания в Институте научных тем, «основанием для которых являются письменные источники», не удается сосредоточить достаточные силы на обработке вещественного материала (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 108. Л. 164–167). Аналогичные проблемы испытывал ИИФО. В 1936 г. под его эгидой состоялось четыре экспедиции (Саркельская, Эски-Керменская, Владимиро-Суздальская и Казахстанская), а в камеральной работе удалось задействовать единственную научно-техническую сотрудницу — А. С. Боброву[18]. При этом младшие научные сотрудники ИИФО Ф. А. Розенбаум и А. А. Гаврилова готовили «Указатель Публичных актов». Нехватка кадров компенсировалась привлечением студентов, а консервация, реставрация и чертежи выполнялись на сдельной основе (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 106. Л. 92).

Осенью 1936 г. начался переезд Академии в Новомихайловский дворец, а в июле 1937 г. ГАИМК преобразовали в ИИМК АН СССР (*Алёкшин,* 2013. С. 115). Происходившие изменения сильно усложнили работу с коллекциями. Новые помещения оказались небольшими по площади, поэтому находки из экспедиций П. П. Ефименко, Г. П. Сосновского и М. М. Герасимова долгое время не удавалось даже извлечь из ящиков (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 108. Л. 148, 151). Плохое состояние комнат, выделенных под камеральную лабораторию ИИФО, привело к срыву сроков обработки материалов Саркельской экспедиции (Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 16. Л. 10об.). Много времени отнимала внеплановая сверка предметов из раскопок «прошлых лет», предпринятая сотрудниками ИИДО и ИИДМ (Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 106. Л. 149; 1937. Д. 16. Л. 12об.). Тем не менее к лету 1937 г. существенная часть поступлений прошлого года была

[15] Заведующий мастерской камеральной обработки А. П. Круглов также был переведен в ИИДО (Ф. 2. Оп. 6. Д. 81. Л. 23об.).

[16] Иван Андреевич Федоров родился в 1909 г. в семье крестьянина Санкт-Петербургской губернии в селе Ново-Сиверская. В 1925–1935 гг. трудился разнорабочим на фабриках и в артелях Ленинграда. Принят на должность кладовщика в ГАИМК в августе 1935 г., с 15 марта 1936 г. назначен заведующим складом камеральной мастерской. Уволен в связи с сокращением штатов 3 декабря 1937 г. (Ф. 2. Оп. 3. Д. 691).

[17] При этом в 1936–1937 гг. завершалась работа по передаче в ГЭ материалов из раскопок в Ольвии 1901–1915 гг. (табл., 56, 59). Теперь за это направление отвечала научно-технический сотрудник М. А. Наливкина, сменившая на этой должности Е. Г. Кастанаян, поступившую в аспирантуру.

[18] Нехватка вспомогательного персонала отражалась на работе ИИФО по распределению коллекций. Авторам статьи удалось найти всего один акт передачи предметов с конца 1934 г. по середину 1937 г. (табл., 52).

обработана и частично передана в музеи (табл., 61). Достичь таких показателей удалось благодаря массовому привлечению временных сотрудников, качество подготовки которых зачастую не устраивало руководство институтов (Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 16. Л. 12об.).

Таким образом, за короткий период (1931–1937) в ГАИМК неоднократно трансформировалась система работы с археологическими коллекциями. В 1931–1933 гг. эта деятельность носила комбинированный характер. Собрания склада древностей распределялись по музеям В. В. Гольмстен, а персонал секторов был задействован в разборе материалов из учреждений Российской империи, экспедиций 1920-х гг. и текущих поступлений. На фоне общего увеличения объемов полевых исследований в 1934–1935 гг. руководство Академии попыталось создать централизованные структуры для камеральной обработки, учета и передачи артефактов. Однако в условиях непрекращающейся структурной реорганизации, кадрового дефицита и внутренних конфликтов данная попытка закончилась неудачей. С 1936 г. утвердилась децентрализованная модель, при которой вся работа с находками осуществлялась внутри институтов. Несмотря на противоречивость описанных процессов, за 6,5 лет сотрудники ГАИМК обработали и направили в музейные фонды сотни тысяч предметов. Опыт 1931–1937 гг. продемонстрировал, что успешная работа с археологическими коллекциями невозможна без стабильного кадрового состава, четкого разграничения обязанностей и последовательной политики администрации научного учреждения.

Таблица. Акты передачи на постоянное хранение из ГАИМК в музеи за 1931–1937 гг.

Table. Records of transfers for permanent storage from the SAHMC to museums for 1931–1937

№ п.п.	Информация о передаваемой коллекции	Музей	Дата	Кол-во
1	Предметы из склада древностей. Коллекция из раскопок П. К. Козлова у Ноин-Улы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 750. Л. 30)	ГРМ*	31.12.1930	511 ед. хр.
2	Предметы из склада древностей. Материалы из Пермской губернии (1906, 1910, 1912, 1913), в том числе из работ В. Я. Толмачева на Шигирском торфянике (Там же. Л. 31)	ГРМ	31.12.1930	439 ед. хр.
3	Предметы из склада древностей. Коллекции А. А. Бобринского, Г. И. Боровки, Н. И. Веселовского, К. К. Мерса, В. В. Новокрещенных, А. А. Спицына и др. (Там же. Л. 32–35)	ГЭ	03.01.1931	6905 ед. хр.
4	Предметы из склада древностей. Коллекции А. А. Бобринского, Н. И. Веселовского, А. А. Миллера и К. К. Романова (Там же. Л. 38–41)	МАЭ АН СССР	13.01.1931	81 ед. хр.
5	Предметы из склада древностей. Коллекции А. А. Бобринского, А. М. Романова, собрание Мраморного дворца (Там же. Л. 42, 42об.)	ГРМ	19.01.1931	116 ед. хр.
6	Материалы бывшего разряда этнографии ГАИМК (Там же. Л. 43)	ГРМ	31.01.1931	94 ед. хр.
7	Предметы из склада древностей. Коллекция из раскопок И. П. Кузнецова в Енисейской губернии (Там же. Л. 44–45)	ГЭ	12.02.1931	43 ед. хр.
8	Антропологические материалы из раскопок В. И. Равдоникаса в Карелии (1929, 1930) (Там же. 1932. Д. 81. Л. 4, 8)	МАЭ АН СССР	06.04.1932	25 пакетов
9	Материалы Северо-Кавказской экспедиции (1925). Поселения и могильники по р. Кубани, Кобяково городище (Там же. Л. 9)	ГЭ	11.05.1932	648 ед. хр.
10	Палеолитические коллекции: Костёнки I (1926, 1932); Костёнки II (1927); Костёнки III, Костенки IV (1927, 1928); Борщёво II (1925, 1929); Супонево. Неолит: сборы Н. В. Сибелева и Н. И. Гумилевского в районе Вышнего Волочка; собрание Т. С. Пассек и Б. А. Латынина в районе Брянска. Бронза: вырезка погребения из раскопок А. А. Миллера у Нальчика; стоянка Яндашева Чувашской АССР; Костёнки у моста (1928, 1929); сборы Н. В. Сибилева и др. лиц в районе с. Борщёво Центрально-Черноземной области. Железо: Гавердовский могильник (1928); Самарская Лука (материалы В. В. Гольмстен и П. П. Ефименко); Борщёвское городище и курганы (1928–1929); Вичмарский и Воробьевский могильники (Там же. Л. 13)	ГЭ	04.07.1932	331 ящик

Таблица, продолжение

№ п.п.	Информация о передаваемой коллекции	Музей	Дата	Кол-во
11	Материалы Северо-Кавказской экспедиции (1925). Поселения и могильники по р. Кубани, Кобяково городище, городище у ст. Недвиговской (Там же. Л. 16–21)	ГЭ	18.07.1932	90 ед. хр.
12	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1903–1915) (Там же. Д. 247. Л. 2–4)	ГЭ	26.07.1932	46 ед. хр.
13	Материалы из раскопок А. А. Миллера у ст. Елизаветинской (1910, 1911) (Там же. Д. 81. Л. 23–35)	ГЭ	31.07.1932	330 ед. хр.
14	Материалы археологического обследования П. П. Ефименко в долине р. Оки (1928) (Там же. 1933 г. Д. 167. Л. 1)	Рязанский базовый Средне-Окский музей	09.01.1933	Нет данных
15	Материалы из раскопок В. И. Равдоникаса в Гатчине (Там же. Л. 3)	МАЭ АН СССР	19.01.1933	20 скелетов
16	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1901–1905) (Там же. Л. 4–7)	ГЭ	26.01.1933 (4 акта)	1477 предм.
17	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1906) (Там же. Л. 8)	ГЭ	28.01.1933	623 предм.
18	Материалы из раскопок в районе Шигирского озера (Там же. Л. 19–19об.)	ГРМ	19.03.1933	32 ед. хр.
19	Материалы Северо-Кавказской экспедиции 1925 г. Дополнение к акту от 02.05.1932 г. (Там же. Л. 20)	ГЭ	Не указана	10 ед. хр.
20	Материалы из раскопок А. А. Миллера у ст. Елизаветинской (1910, 1911, 1928) (Там же. Л. 27)	ГЭ	03.07.1933	60 предм.
21	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1907–1910) (Там же. Л. 28–31)	ГЭ	22.07.1933 (4 акта)	4598 предм.
22	Материалы из раскопок К. К. Романова в Псковском кремле (1930) (Там же. Л. 38)	Псковский музей	15.11.1933	2971 ед. хр.
23	Коллекция восточных вещей из Ургенча и Миздахкана (Там же. Д. 39а. Л. 4–5об.)	ГЭ	19.11.1933	2240 предм.
24	Судакские экспедиции (1928, 1929) и подъемные материалы из Балаклавы и Чабан-Куле (Там же. Л. 45–47)	ГИМ	31.12.1933	Более 7000 ед. хр.
25	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1901–1915) (Там же.1934. Д. 108. Л. 1–8)	ГЭ	23.02.1934 (8 актов)	8010 предм.
26	Материалы Северо-Кавказской экспедиции (1925). Предметы, найденные у ст. Усть-Лабинской. Дополнение к акту от 18.07.1932 г. (Там же. Д. 78. Л. 37)	ГЭ	27.03.1934	7 ед. хр.
27	Предметы из раскопок П. К. Козлова у Ноин-Улы (Там же. Д. 108. Л. 9)	ГЭ	08.04.1934	6 ед. хр.
28	Материал из раскопок Эски-Керменской экспедиции (1930) (Там же. 1933 г. Д. 39а. Л. 27)	ГЭ	05.04.1934	Нет данных
29	Материал из раскопок Эски-Керменской экспедиции (1932, 1933) (Там же. Л. 28)	ГЭ	15.04.1934	214 ед. хр.
30	Материалы из раскопок: А. В. Тищенко на городище у д. Ловницы; С. С. Гамченко на Сестрорецком побережье Финского залива; А. А. Спицына на Лахте (1923) и др. коллекции П. А. Путятина из сборов на стоянке у Бологовского озера (Там же. 1934. Д. 78. Л. 19–20)	ГЭ	08.05.1934	107 ед. хр.
31	Материалы Волго-Донской (1929), Северо-Кавказской (1929), Таманской (1930–1931), Донской (1932), Манычской (1933), Нуринской (1933) экспедиций и сборы К. Г. Болтенко в районе Днепростроя (Там же. Д. 78. Л. 72–74; 78–79)	ГЭ	22.05.1934 (4 акта)	7687 ед. хр.

Таблица, продолжение

№ п.п.	Информация о передаваемой коллекции	Музей	Дата	Кол-во
32	Материалы из раскопок Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви в Киеве (1908–1909) (Там же. Д. 108. Л. 12)	ГМЭ	25.05.1934	5 ящиков
33	Подъемный материал с киевских городищ и селищ, собранный А. Я. Якобсоном (1929); подъемный материал, собранный при осмотре траншей Псковского водопровода в 1930 г. на Некрасовской ул.; один планшет из раскопок 1885–1888 гг. в Стрелочной башне Старо-Ладожского городища (Там же. Л. 10–11)	ГМЭ	26.05.1934	124 предм.
34	Материалы Северо-Кавказской экспедиции (1923–1929). Станицы Гниловская и Некрасовская (Там же. Д. 78. Л. 71, 75, 77, 80–85)	ГЭ	27.05.1934 (6 актов)	Более 15 553 предм.
35	Коллекция, привезенная А. А. Миллером и А. А. Иессеном (Там же. Л. 65)	ГМЭ	29.05.1934	Нет данных
36	Материалы из раскопок В. И. Равдоникаса в Карелии (1929, 1930) и на стоянке у моста близ с. Костёнок (1932). Материалы из раскопок и сборов С. Н. Замятнина в ст. Ильской (1926, 1928); у с. Отрожка близ Воронежа (1927); на р. Соже в БССР (1927); у с. Сучкина (1930), в Кисловодске (1933). Материалы из сборов Г. П. Сосновского в Сестрорецке (1933). Материалы Эгейской комиссии (Там же. Л. 17, 58)	МАЭ АН СССР	01.06.1934	Более 34 коробок и ящиков
37	Материалы из раскопок А. А. Миллера у ст. Елизаветинской (1910, 1911, 1928) (Там же. Л. 76)	ГЭ	02.06.1934	991 ед. хр.
38	Материалы Амурской экспедиции ГАИМК (1933) (Там же. Д. 78. Л. 106)	ГМЭ	07.06.1934	21 предм.
39	Предметы из золота и серебра, оказавшиеся в составе Ольвийской коллекции Б. В. Фармаковского (Там же. Д. 376. Л. 9)	ГЭ	09.06.1934	4 ед. хр.
40	Материалы из сборов В. Ф. Землякова и В. М. Тимофеева на стоянках у р. Негежмы, д. Челмужи, Медвежьей горы и пос. Повенец (Там же. Д. 78. Л. 108)	ГРМ	29.06.1934	1242 ед. хр.
41	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (до 1915) (Там же. Д. 376. Л. 11)	ГЭ	03.07.1934	1329 предм.
42	Антропологический материал из могильника у с. Зеюково (Баксанская экспедиция, 1933 г.) и из курганного могильника у с. Ивановки (Волго-Донская экспедиция 1929 г.) (Там же. Д. 78. Л. 104)	ГРРИ	29.07.1934	969 предм.
43	Зоологические материалы: стоянка Супонево; Кобяково городище; поселение Сосновый Солонец на Самарской Луке; Ольвия; городище близ хутора Потайновского; поселение Бураны в Киргизской ССР; местность Тележный Лог; коллекция С. С. Гамченко; поселение Старая Ладога; стоянка Костёнки 1 (Там же. Д. 108. Л. 19)	ГИН АН СССР	03.08.1934	14 ящиков, 2 пакета, 8 лотков
44	Антропологические материалы: Ольвия (1910, 1911, 1914); поселение Бураны в Киргизской ССР; остров Голодай в Ленинграде; коллекция С. С. Гамченко; местность Валы (Там же. Д. 78. Л. 16)	МАЭ АН СССР	05.08.1934	14 ящиков
45	Материалы Ферганской экспедиции (1933) (Там же. Д. 108. Л. 17)	ГЭ	04.09.1934	Нет данных
46	Материалы из раскопок Д. В. Милеева в усадьбе Десятинной церкви в Киеве (1908, 1909). Дополнение к акту от 25.05.1934 г. (Там же. Д. 108. Л. 16)	ГМЭ	17.11.1934	20 ящиков
47	Нумизматическая коллекция из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1901–1916) (Там же. Д. 376. Л. 12, 13)	ГЭ	28.12.1934	3136 ед. хр.
48	Материалы из раскопок железоплавильни в Чубере в Верхней Сванетии (1930) (Там же. 1935. Д. 182. Л. 5).	ГМЭ	01.02.1935	4 ящика
49	Материалы из раскопок Северо-Кавказской экспедиции в окрестностях г. Нальчика (Там же. Л. 8)	ГЭ	17.02.1935	658 ед. хр.

Таблица, окончание

№ п.п.	Информация о передаваемой коллекции	Музей	Дата	Кол-во
50	Материалы из раскопок А. С. Сидорова в Автономной области Коми (1928) (Там же. Л. 10)	Коми областной музей	22.02.1935	Нет данных
51	Материалы из раскопок стоянки Мальта (1932, 1934) (Там же. 1936. Д. 328. Л. 60)	МАЭ АН СССР	20.01.1936	1496 ед. хр.
52	Материалы Новгородской экспедиции ГАИМК (1934) из раскопок на Рюриковом городище (Там же. 1933. Д. 39а. Л. 87)	Новгородский музей	17.02.1936	Нет данных
53	Материалы из раскопок Г. П. Сосновского на стоянках: Каменный Лог, Катучный лог, Кокорево I–IV, Переселенческий пункт, Тележный лог (Там же. 1936. Д. 328. Л. 61)	МАЭ АН СССР	27.03.1936	475 ед. хр.
54	Материалы Оскольской экспедиции (1934) (Там же. Д. 407. Л. 1)	ГЭ	13.06.1936	Нет данных
55	Материалы Ангарской (1934), Волго-Донской (1934), Камской (1932–1935), Манычской (1934), Оскольской (1934), Уфимской (1934) экспедиций (Там же. Д. 328. Л. 62–63)	ГЭ	19.06.1936	Нет данных
56	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1901–1915) (Там же. Л. 26–58).	ГЭ	16.08.1936	1545 предм.
57	Материалы Камской (1935, 1936) и Уфимской (1934 г.) экспедиций (Там же. Л. 64)	ГЭ	Октябрь 1936	17 537 предм.
58	Золотая бляшка из раскопок Волго-Донской экспедиции 1929 г. с. Ивановка, курган 1 (Там же. Л. 65)	ГЭ	04.01.1937	1 предм.
59	Материалы из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии (1904–1915) (Там же. 1937. Д. 249. Л. 1–4)	ГЭ	20.01.1937	163 ед. хр.
60	Материалы из могильника Кызыл-Ванк (1926); раскопки И. И. Мещанинова и А. А. Миллера (Там же. Д. 386. Л. 1)	Азгос-музей	26.06.1937	111 ед. хр.
61	Материалы Казахстанской экспедиции (1936) (Там же. Д. 383. Л. 1)	ГЭ	24.07.1937	238 ед. хр.

* Азгосмузей — Азербайджанский государственный музей; ГИМ — Государственный исторический музей; ГИН АН СССР — Геологический институт; ГМЭ — Государственный музей этнографии; ГРМ — Государственный Русский музей; ГРРИ — Государственный рентгенологический и радиологический институт; ГЭ — Государственный Эрмитаж; МАЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2026 г.

НА ИИМК РАН. РО.

Ф. 2.

Оп. 1. 1931. Д. 1: Деятельность Академии. 280 л.; Д. 5: Распоряжения по Академии. 133 л.; Д. 21: Дело кабинета сектора античной формации. 73 л.; Д. 750: Комиссия по ликвидации Склада Древностей (передача по актам). 52 л.;

1932. Д. 11: Протоколы заседаний Пленумов ГАИМК. 124 л.; Д. 61: Отчеты секторов и индивидуальные сотрудников ГАИМК за I и II полугодие 1932 г. 121 л.; Д. 81: Передача предметов древности разным учреждениям. 43 л.; Д. 247: Акты передачи предметов из ГАИМК в ГЭ. 7 л.;

1933. Д. 12: Отчеты секторов и научно-вспомогательных учреждений о работе за 1933 г. 230 л.; Д. 39а: Акты и расписки по сдаче и приемке материалов Института. 96 л.; Д. 167: О передаче предметов древности разным учреждениям. 49 л.;

1934. Д. 4: Протоколы Президиума Академии и совещаний при нем. 113 л.; Д. 33: Переписка об организации экспедиций, о выставках и обработке материалов и коллекций. 74 л.; Д. 71: Сектор полевых исследований в 1934 г. 110 л.; Д. 74: Отчеты сотрудников сектора полевых исследований по полугодиям и за весь 1934 г. 25 л.; Д. 78: Передаточные акты и описи сектора полевых исследований за 1934 г. 108 л.; Д. 80: Выводы бригад по обследованию полевого инвентаря и по учету и хранению археологических коллекций. 30 л.; Д. 108: О передаче в ГЭ и ГМЭ предметов древности. 29 л.; Д. 126: Дело о работе бригад по проверке работ экспедиций Академии в 1934 г. 59 л.; Д. 288.

Материалы по реорганизации Института. 188 л.; Д. 376: О передаче предметов из ГАИМК в ГЭ. 13 л.;

1935. Д. 3: Протоколы и стенограммы совещаний у Председателя Академии. 177 л.; Д. 17: Отчеты о работе институтов за I квартал и I полугодие 1935 г. 178 л.; Д. 18: Отчеты о работе институтов за 1935 г. 217 л.; Д. 20: Выводы бригад по проверке выполнения работы по институтам за I квартал 1935 г. 18 л.; Д. 160: Об организации экспедиций и выставки экспедиций за 1934 г. 159 л.; Д. 182: Переписка о передаче и получении материалов из раскопок во временное пользование, акты о передаче предметов древности из раскопок ГЭ. 43 л.; Д. 234: Отчеты о работах Института, его кафедр, мастерской и лаборатории. 102 л.; Д. 334: Акты передачи материалов из института истории рабовладельческого общества. 10 л.;

1936. Д. 106: Отчеты о деятельности Институтов ГАИМК. 172 л.; Д. 108: Отчет о работе Институтов Академии за 1936 г. 189 л.; Д. 328: О передаче в ГЭ материала из раскопок в Ольвии за года 1901–1915. 58 л.; Д. 407: Копия акта передачи в ГЭ археологического материала Оскольской экспедиции 1934 г. 3 л.;

1937. Д. 16: Отчеты институтов и вспомогательных учреждений ГАИМК за 1-е полугодие. 34 л.; Д. 54: Штаты, структура ГАИМК. 27 л.; Д. 249: Акты о передаче в Античный сектор ГЭ материалов из раскопок в Ольвии за 1904–1915 гг. 4 л.; Д. 383: Акт о передаче в ГЭ находок Казахстанской экспедиции. 11л.; Д. 386: Акт передачи материалов из раскопок могильника Кызыл-Ванк в 1926 г. в Азербайджанский государственный музей. 3 л.

Оп. 3. Д. 440: Михайлова Ольга Васильевна. Личное дело. 48 л.; Д. 691: Федоров Иван Андреевич. Личное дело. 15 л.

Оп. 6. Д. 67: Списки сотрудников ГАИМК за 1934 г. 45 л.; Д. 81: Списки сотрудников ГАИМК за 1936 г. 112 л.

Ф. 35. Оп. 5. Д. 9: Аносов Сергей Николаевич. Личное дело. 43 л.

Алёкшин, 2013 — *Алёкшин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Археологические экспедиции…, 1962 — Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР. 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962. 264 с.

Архивные документы, 2000 — Архивные документы // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. С. 50–63.

Конончук, Филимонова, 2023 — *Конончук К. В., Филимонова Д. С.* Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919–1930 годы) // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 160–169.

Конончук, Филимонова, 2024 — *Конончук К. В., Филимонова Д. С.* Ликвидация Склада древностей: причины, события и последствия // Записки ИИМК РАН. 2024. № 30–31. С. 107–115.

Лебедев, 2018 — *Лебедев А. И.* Жизненный путь Бориса Андреевича Койшевского (1902–1945) // Уфимский археологический вестник. 2018. № 18. С. 119–124.

Медведева и др., 2023 — *Медведева М. В., Сутягина Н. А., Эрдэнэ-Очир Н., Кукина Д. А.* Неизданный каталог ноин-улинской коллекции. Архивные материалы. 1920–1930-е гг. СПб.: ИИМК РАН, 2023 (Архивное наследие ИИМК РАН; Т. 2). 420 с.

Панкратова, 2020 — *Панкратова Е. Г.* Письмо, изменившее судьбу… (неопубликованные материалы к биографии В. С. Адрианова) // Российская археология (РА). 2020. № 2. С. 130–141.

Панкратова, Смирнов, 2022 — *Панкратова Е. Г., Смирнов Н. Ю.* К истории ликвидации ГАИМК: «Заявление» В. Ф. Зыбковца А. А. Жданову // РА. 2022. № 1. С. 174–186.

Пиотровский, 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995. 288 с.

Смирнов, 2004 — *Смирнов А. С.* История отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет отделу охранных раскопок. Труды отдела охранных раскопок. Т. 2. Тула: Гриф и К, 2004. С. 10–26.

Сорокина, 2021 — *Сорокина И. А.* Организация и регламентация полевых исследований в предвоенный период // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов): Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 61–63.

Тихонов, 2013 — *Тихонов И. Л.* История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге, XVIII — первая четверть XX в.: Дис. … д-ра ист. наук: 07.00.06 / Археология. СПб., 2013. 502 с.

The system for the cataloging and transfer of the State Academy for the History of Material Culture Archaeological Collections to museums (1931–1937)

K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova[19]

Keywords: the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC), archaeological collections, post-excavation processing, history of science

This article is devoted to the reconstruction of the system for the administrative processing and transfer of archaeological collections at the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC) in 1931–1937. The study draws on a wide range of archival sources from the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) of the Russian Academy of Sciences, including departmental reports, acts of transfer of objects to museums for permanent storage (table), meeting transcripts, memos, and audit materials. The article comprehensively traces the evolution of the Academy's cataloging and storage activities up to its transformation into IHMC of the USSR Academy of Sciences in July 1937.

In the 1920s, collections were processed by various departments, sections, and commissions, after which the artifacts were sent to the antiquities' warehouse for subsequent distribution to museums. As fieldwork increased toward the end of the decade, the system could no longer handle the artifacts' volume. The turning point came in 1930, when the commission for the liquidation of the antiquities' warehouse decided to expedite the transfer of pre-revolutionary collections and materials from the 1920s expeditions to museum collections.

From 1931 to 1933, work on the collections took on a combined nature. The holdings of the antiquities' warehouse were distributed among museums by V. V. Golmsten, while staff from the various departments were engaged in cataloging materials from institutions of the Russian Empire, expeditions of the 1920s and newly acquired items. A severe shortage of staff and an increase in the volume of fieldwork prompted the SAHMC leadership to create new organizational units. In 1934, the Field Research Sector (FRS) was established to coordinate all of the Academy's expeditionary, cataloging and storage activities. During the incomplete year of 1934, FRS specialists (with the participation of various institutes) sent approximately 30 000 storage units to museums.

The introduction of bureaucratic procedures and the exclusion of the institutes from processing the collections caused discontent among staff members who were not part of the FRS. As a result of another reorganization, effective January 1, 1935, the FRS — along with its dedicated workshop for office-based processing — was incorporated into the Institute of Historical Technology. Personnel losses that occurred in the spring of 1935 (the deportation of B. A. Latynin, the arrests of A. P. Kruglov and others) effectively paralyzed the activities of the desk-based processing workshop. By this time, the institutes under the SAHMC had established their own desk-based processing laboratories, which paved the way for a return to a decentralized model. Starting in 1936, all work on the collections was concentrated within the institutes. The acute shortage of support staff was addressed by enlisting large numbers of students to sort through expedition materials, which had a negative impact on the departments' budgets. In the fall of 1936, the Academy began its move to the Novomikhailovsky Palace, accompanied by an unscheduled inventory of the collections being relocated and the urgent refurbishment of storage facilities in the new building.

Thus, in the mid-1930s, the SAHMC failed to establish centralized structures for coordinating the processing and distribution of archaeological collections. The reasons for this failure included chronic staff shortages, continuous reorganizations, interpersonal and interdepartmental conflicts, inconsistent policies of the senior staff and a sharp increase in the number of new expeditions. Nevertheless, over the course of 6,5 years (1931–1937), SAHMC staff processed and transferred hundreds of thousands of artifacts to museum collections. The experience of 1931–1937 demonstrated that successful work with archaeological collections is impossible without a stable staff, a clear division of responsibilities and a consistent policy on the part of the scientific institution's administration.

[19] Konstantin V. Kononchuk, Dar'ya S. Filimonova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

«Скифский хлеб» и «125 блокадных грамм» (о судьбе В. А. Петрова)[1]

Ю. А. Виноградов[2]

Аннотация. *Статья посвящена судьбе и научной деятельности сотрудника ИИМК В. А. Петрова. Являясь биологом по образованию, он сделал многое для изучения растительных остатков, происходящих из археологических раскопок. Всю блокаду исследователь провел в Ленинграде, где изучал, в частности, остатки просяной лепешки, найденные на Пастырском городище (Поднепровье).*

Ключевые слова: *история археологии, растительные остатки, Пастырское городище, просяная лепешка*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-290-298

Работа в научном архиве (НА) ИИМК РАН, как, впрочем, и в других архивах, направленная на поиск новых материалов для решения тех или иных научных вопросов, непременно дает положительный результат. Необходимые материалы, пусть не без труда, как правило, выявляются и становятся доступными для изучения. Достаточно типичной надо признать и ситуацию совсем другого порядка, когда вдруг обнаруживаются документы, которые специально не разыскивались и о существовании которых не приходилось даже подозревать. Их появление можно уподобить вспышке молнии, позволяющей увидеть и оценить некий момент истории, ранее забытый или даже вовсе не замеченный, но в новой обстановке приобретающий особое, можно сказать, символическое значение.

В 2025 г., перелистывая документы НА ИИМК РАН, относящиеся ко времени Великой Отечественной войны, я буквально вздрогнул, когда в моих руках оказался с виду простой лист бумаги — «Календарный план работы» сотрудника Института В. А. Петрова в 1942 г., датированный 2 мая этого года. В нем значилось, что составитель плана к 8 мая подготовит доклад «Скифский хлеб по находке, сделанной Коршенко в Пастерской», а к 25 мая завершит написание статьи по названной теме (НА ИИМК РАН. РО[3]. Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 14). В моем сознании невольно возникли бессмертные строки Ольги Берггольц: «Сто двадцать пять блокадных грамм / С огнем и кровью пополам».

Хорошо известно, что с февраля 1942 г. в Ленинграде суточная норма выдачи хлеба иждивенцам составляла не 125, а 300 г, но разве в цифрах дело. Суть вопроса заключается не в них, а в удивительной стойкости людей, продолжавших трудиться в блокированном городе, несмотря на ужас голодного существования. В таком контексте пока еще непонятный для меня «скифский хлеб» стал представляться неким символом, мечтой изголодавшегося человека о спасении.

О сотруднике ИИМК АН СССР, составившем «Календарный план работы» на 1942 г., мы знаем не очень много (Академическая археология..., 2013. С. 374; *Тараканова,* 2019; *Чубур*, 2020. С. 117–120). До сих пор нет ни одной исследовательской публикации, посвященной его жизни и научной деятельности в Институте. По этой причине будет оправданно сначала изложить сведения о биографии В. А. Петрова, а уж потом обратиться к его работе «Скифский хлеб».

Всеволод Алексеевич Петров (1896–1955) прожил очень содержательную, насыщенную делами и событиями жизнь. Он родился в Петербурге в музыкальной семье: отец был профессором

[1] Работа выполнена по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

[2] Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

© Виноградов Ю. А., 2026

[3] Все ссылки в статье сделаны на материалы, хранящиеся в рукописном отделе (РО) НА ИИМК РАН. Далее указаны только номера соответствующих фонда, описи, дела.

С.-Петербургской консерватории, мать — скрипачкой, преподавательницей музыки. В 1907 г. мальчик в тяжелой форме заболел малярией и в 1908 г. был отправлен на лечение в Швейцарию[4]. После выздоровления и возвращения в Россию он поступил в VI гимназию С.-Петербурга. Во время обучения в гимназии, летом 1900, 1912 и 1914 гг., вместе с родителями выезжал за границу, где слушал летние курсы в цюрихском Политехникуме (Швейцария), проводил практикумы в Альпах, занимался в Уппсале (Швеция). Получив среднее образование, В. А. Петров в 1914 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 23). Стоит обратить внимание, что его высшее образование осталось неоконченным (Там же. Л. 25, 45). По этому поводу В. А. Петров писал в автобиографии, датированной 1947 г., что сдал экзамены за четвертый курс (кроме государственных), но вынужден был оставить университет по семейным обстоятельствам — в конце 1918 г. умер отец, а мать была больна (Там же. Л. 55).

Еще будучи студентом, в 1915 г. В. А. Петров работал в геоботанической экспедиции на Южном Урале, а в 1917 г. — в экспедиции, проводившей исследования по линии Мурманской железной дороги, под руководством будущего академика В. Л. Комарова. С 1918 г. он был зачислен в Бюро по прикладной ботанике Главного управления земледелия и землеустройства, даже временно заведовал этим учреждением, передав управление приехавшему в 1921 г. из Саратова Н. И. Вавилову (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 23об.). Как видим, жизнь сводила В. А. Петрова с великими учеными. В 1919 г. увидела свет его первая научная публикация, подготовленная в соавторстве с выдающимся российским ботаником А. А. Еленкиным; она была посвящена редким лишайникам, обнаруженным в окрестностях станции Сиверская под Петербургом (*Еленкин, Петров*, 1919). Свои наблюдения за природно-географическими особенностями районов, прилегающих к Мурманской трассе, он суммировал в специальной статье (*Петров*, 1924).

В дальнейшем места работы В. А. Петрова и исполняемые им должности часто менялись. Вряд ли в этом следует видеть особое пристрастие Всеволода Алексеевича к перемене мест, просто это отражало характер жизни в стране: открывались новые научные направления, а другие, напротив, закрывались. С 1921 г. он являлся членом Сапропелевого комитета, заведующим Опытной сапропелевой станцией, с 1926 г. — доцентом кафедры фитогеографии Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, через год перешел в Главный ботанический сад, где сначала трудился ассистентом, затем старшим ботаником и, наконец, помощником заведующего отделом живых растений. К этому времени относятся его первые поездки на Дальний Восток. В 1931 г. В. А. Петров по приглашению Комиссии по пересмотру флоры СССР на каучуконосность при СНК СССР переехал в Москву, стал сотрудником Всесоюзного института каучука и гуттаперчи и возглавил экспедицию на побережье Японского моря. Затем Институт каучука поручил ему руководить экспедицией в Закавказье, которая впоследствии была передана в Институт ботаники МГУ. С 1934 по 1938 г. В. А. Петров работал в этом Институте, в 1935–1936 гг. был его ученым секретарем, провел пять экспедиций в Закавказье (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 23об.). В июне 1938 г. ученым советом Московского университета он был утвержден в степени кандидата биологических наук без защиты диссертации (Там же. Л. 2). Позднее исследователь опубликовал статью о первых этапах развития ботаники в Московском университете (*Петров*, 1940а).

Главное правило своей научной деятельности тех лет В. А. Петров определил следующими словами — «лучшее из прошлого на службу социалистическому обществу» (*Петров*, 1939а. С. 217). Он активно выступал за обогащение видового состава флоры Азербайджана, распространение там культуры эвкалиптов (*Петров*, 1939б; 1939в). К этому времени относятся две монографии В. А. Петрова. В первой, отличающейся сравнительно небольшим объемом, исследователь выступил за сохранение традиционных растительных красителей в ковровом деле (*Петров*, 1940б). Вторая, более крупная, названа «Этноботаника Нагорного Карабаха» (*Петров*, 1940в). В ней обобщены наблюдения В. А. Петрова способов использования местным населением распространенных в регионе растений. Книга ценна как для ботаников, так и для этнографов. Стоит отметить, что в своей полевой работе автор проводил сборы археологических материалов, пусть в очень небольших количествах (*Там же*. С. 15).

В 1939 г. В. А. Петров организовал субтропический отдел Биологического института Азербайджанского филиала АН СССР и вполне мог бы переселиться в Баку, но в 1940 г. принял приглашение поступить в Лабораторию консервации

[4] Здоровье у В. А. Петрова, как можно считать, было слабым. В 1916 г. он был призван в армию и зачислен на ускоренные военные курсы, но заболел и не окончил их (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 23).

и реставрации документов АН СССР (Ленинград) в должности старшего научного сотрудника (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 24).

Вернувшись в родной город, Всеволод Алексеевич завершил свои странствия по стране. Тогда ему было 44 года, время расцвета сил и творческих потенций. Вскоре произошло его знакомство с ИИМК АН СССР, куда в январе 1941 г. он был принят на должность старшего научного сотрудника (Там же. Л. 1). Это была временная акция, затем его освобождали от работы в Институте, зачисляли вновь и т. д. Образование и большой опыт работы В. А. Петрова в области ботаники позволили ему с успехом специализироваться в области палеоботанических исследований. Свои знания он стремился приложить к изучению растительных остатков, добываемых при раскопках археологических памятников. Еще 1 июля 1940 г. Всеволод Алексеевич выступил на ученом совете ИИМК с масштабным докладом о приемах исследования растительных остатков, происходящих из археологических раскопок (*Петров*, 1940г). В этой области его, как представляется, интересовало все: волокнистые вещества из мордовского средневекового могильника (*Петров*, 1941а); состав древней монгольской бумаги (*Петров*, 1941б); находки зерен злаковых из раскопок Кармир-Блура (см.: *Пиотровский*, 1944. С. 175–177); растительные остатки, происходящие из культурных слоев Старой Ладоги (*Петров*, 1945) и глиняных обмазок трипольских поселений (*Петров*, 1947); изучение документа XVII в., обнаруженного у восточного побережья Таймыра (*Петров*, 1951). Перечисление этих публикаций несколько отвлекает от главной темы статьи, связанной с Великой Отечественной войной, но без него обойтись невозможно.

В очередной раз В. А. Петров был уволен из ИИМК 16 июля 1941 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 6), что, конечно, ухудшило его материальное положение. Настала первая блокадная зима, и в январе 1942 г. он обратился с письмом к С. Н. Бибикову, исполнявшему тогда обязанности директора Института, в котором сообщал, что последние три месяца трудился в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР, где по поручению ИИМК проводил исследования палеоботанических материалов, а также памятников древней восточной письменности. Поскольку работа Лаборатории по причинам военного времени была законсервирована, то В. А. Петров просил зачислить его в штат ИИМК, где он мог бы продолжить трудиться по той же самой теме (Там же. Л. 7–8). Эта просьба была удовлетворена, и он был принят в Институт с 31 января; на него было возложено общее руководство и наблюдение за фотолабораторией и реставрационными мастерскими (Там же. Л. 9, 13). В каких условиях ему и другим сотрудникам Института пришлось тогда трудиться и выживать, мы можем лишь с ужасом догадываться.

К первым месяцам 1942 г. относятся документы из личного дела В. А. Петрова, связанные с хлопотами о получении продуктовых карточек «категории рабочих» (Там же. Л. 11) и заботой о сохранении жилплощади (Там же. Л. 12). Как и все ленинградцы, он исполнял обязанности, связанные с тяготами военного времени, — в июне 1942 г. находился, как сказано в приказе, «на трудработах» (Там же. Л. 16).

В июле 1942 г. ИИМК подлежал полной эвакуации. Приказ об этом распространялся и на В. А. Петрова (Там же. Л. 18), но вскоре его изменили, и Всеволод Алексеевич был оставлен в Ленинграде в составе группы сотрудников, которые под руководством О. И. Бич должны были следить за сохранностью имущества Института (Там же. Л. 17). В характеристике, выданной ему 27 января 1944 г. и подписанной Ольгой Ивановной, сказано, что он много потрудился над сохранением документальных и коллекционных фондов академических учреждений, стал инструктором МПВО, организовал работу по противопожарной безопасности здания Академии наук (Университетская наб., 5), исполнял обязанности ответственного дежурного по зданию библиотеки Академии наук, был членом многих комиссий и т. д. (Там же. Л. 27).

При всей важности этих хлопот и такой деятельности, не к ним, конечно, сводилась суть существования ученого. Напомню, что на май 1942 г. был запланирован его доклад «Скифский хлеб по находке, сделанной Коршенко в Пастерской», а также подготовка соответствующей статьи (Там же. Л. 14)[5]. Нетрудно понять, что В. А. Петров исследовал остатки древнего хлеба, обнаруженные

[5] Трудно поверить, но В. А. Петров тогда работал по нескольким исследовательским темам. Кроме «Скифского хлеба» среди них были: «Содержимое сосуда с перфорированным дном из раскопок Б. Б. Пиотровского в Кармир Блуре (VII в. до н. э.)», «Растения в погребальном обряде Киргизии конца I в. до н. э. по находкам А. Н. Бернштама», «Находка смешанного зерна в раскопках Кармир Блура и проблема смешанных посевов как стадиальное явление в истории полевых культур», «Урартский чай по находкам в Кармир Блуре (VII в. до н. э.)», «Сезон погребения в Шибе на Алтае и о возможности определения сезона года погребения по растительным остаткам», «Работа Ч. Дарвина в области археологии» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 14–15).

при раскопках Пастырского городища на Днепровском правобережье[6]. Эта находка, как можно полагать, была передана ему украинским археологом С. В. Коршенко.

С уверенностью нельзя понять, сумел ли В. А. Петров выступить с докладом о хлебе в 1942 г., хотя в упомянутой выше характеристике записано: «8-го февраля 1942 г. им был прочитан на заседании Сектора Палеолита и Неолита ИИМК доклад „Скифский хлеб по находкам, сделанным Коршенко в Пастерской“ и в течение 1942 г. закончена статья под таким же названием» (Там же. Л. 26). Эта информация, однако, не вполне соответствует сведениям, приведенным самим В. А. Петровым, который, как отмечалось выше, в «Календарном плане…», составленном 2 мая 1942 г., планировал выступить с докладом лишь 5 мая (Там же. Л. 14). Нельзя исключать, однако, что первое (пробное) выступление по заявленной теме было сделано 8 февраля в секторе палеолита и неолита, а вот о том, было ли заслушано его сообщение 5 мая, сведения отсутствуют.

Вместе с тем нет никакого сомнения, что свой доклад Всеволод Алексеевич прочитал уже после окончания Великой Отечественной войны, и произошло это на заседании сектора древнего Причерноморья ИИМК АН СССР 29 июня 1945 г. (Ф. 312. Оп. 1. Д. 240. Л. 19). Доклад был назван «Пищевой остаток Пастерского городища»; в архивном деле сохранилось его резюме (Там же. Л. 20).

«Пастерское городище в Золотопольском районе Кировоградской области УССР хорошо известно в археологической литературе как городище скифов-земледельцев. Оно датируется V–IV вв. до н. э. В 1939 г. Институт Археологии Украинской АН совместно с Центральным Историческим Музеем в Киеве поручили сотруднику Музея С. В. Коршенко произвести разведку на месте старых раскопок[7]. Раскоп С. В. Коршенко вскрыл остатки жилища, в центре его кучу золы очага, среди которой были найдены обугленные остатки зернистого сложения, обломки керамики, в том числе круглой керамической сковороды, столь типичной для скифских находок.

Исследование обугленных кусков показало, что они представляют около половины лепешки, сохранившей на одной из поверхностей оттиски трех пальцев и части ладони. При реконструкции размер лепешки определен в 11,6 см дл<ины>, 7,8 см шир<ины> и от 1,9 до 2,2 см толщины <(рис. 1)>. Форма ее была эллиптически-ромбической, поверхность в центре слабо куполовидно-вздутая. Микроскопический анализ как зерен, слагающих лепешку, так и аморфного вещества (занимающего до 7 % площади шлифов) показывает, что лепешка была приготовлена из хорошо очищенной крупы и муки из зерна метельчатого проса (<Panicum miliaceum L.>). Никаких посторонних веществ в лепешку введено не было; отсутствует и примесь песка, поверхностные участки не отслаиваются; вещество лепешки вполне гомогенно, зерно не сосредоточено у одной из поверхностей. Попытка воспроизвести скифскую лепешку из современной пшенной крупы[8] не удалась. Только после того, как крупа была намочена в воде, нагрета в муфельной печи до 150–160° (в результате чего часть крахмала декстринизировалась)[9] и смешана с 7–10 % муки, полученной истиранием термически обработанной крупы, удалось воспроизвести лепешку, аналогичную собранной С. В. Коршенко. Эти эксперименты косвенно показывают, какой могла быть техника приготовления крупы в скифское время.

Скифская лепешка совершенно не похожа на те лепешки, которые известны из остатков свайных построек Ц<ентральной> Европы и были исследованы в 1916 г. А. Маруцио[10]. Наоборот, по форме и по технике приготовления совершенно аналогичны находке на Пастерском городище те лепешки, которые были обнаружены А. Н. Бернштамом в Киргизии, в гуннском погребении I в. н. э. Найденные в Киргизии лепешки входили в состав погребального инвентаря и имеют, по-видимому, отношение к ритуалу похорон.

Количество пищевых остатков в наших музеях, где хранятся археологические материалы, слишком малочисленны, чтобы на основании их делать широкие обобщения. Доклад, в котором подробно изложен весь ход анализа остатка из Пастерского городища, имеет задачей привлечь внимание археологов к сбору подобного рода материалов».

[6] В русскоязычной литературе городище порой называется Пастерским, что явно ошибочно.

[7] Имеются в виду раскопки В. В. Хвойки в 1898 г. (*Хвойко*, 1905. С. 102).

[8] Для производства пшена выращивают преимущественно просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*). Зерна проса очищают от колосковых чешуек с помощью обдирки, затем шлифуют, в результате чего получаются гладкие круглые крупинки желтого цвета. — *Примеч. Ю. В.*

[9] В процессе приготовления кулинарной продукции крахмал подвергается воздействию высоких температур (свыше 100 °С) и действию ферментов, в результате чего происходит его деструкция. Процесс термического расщепления сухого крахмала называется декстринизацией, а ферментативного расщепления — ферментативным гидролизом. — *Примеч. Ю. В.*

[10] Действительно, находки лепешек из свайных поселений Швейцарии не имеют сходства с лепешкой из Пастырского городища (см.: *Maurizio*, 1916. Taf. I).

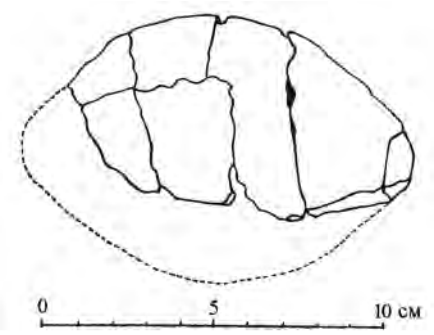

Рис. 1. Просяная лепешка

Fig. 1. Millet flatbread

[*Петров*, 1948]

Неудивительно, что доклад вызвал очень большой интерес у собравшихся (Там же. Л. 19). Председательствовавший на заседании профессор С. И. Ковалёв заявил, что археологам следует приветствовать «исследования ботанического материала методом точных наук». Соглашаясь с ним, М. А. Тиханова отметила, что желательно было бы уточнить дату пищевого остатка, поскольку «говорить о Пастерском городище как о скифском нельзя, т. к. оно охватывает слои многих эпох». По ее мнению, пищевой остаток мог относиться и к более позднему времени, «поскольку вместе с ним найден как скифский материал, так и более поздний». А. Н. Карасёв признал, что общий вывод В. А. Петрова очень убедителен, но эту лепешку надо бы видеть собственными глазами, ведь археологи, не разбираясь в наружном виде пищевых остатков, вполне могут выбросить их вместе с золой и прочим мусором.

В заключительном слове В. А. Петров поблагодарил М. А. Тиханову «за ценные указания». В отношении пожелания А. Н. Карасёва докладчик заявил, что показать лепешку не может, поскольку ее у него не было. Свою работу он сделал «лишь на основании письменных материалов, присланных Коршенко». Такое признание, естественно, оставляет несколько недоуменных вопросов. К примеру, кто и где провел микроскопический анализ «пищевого остатка»? Ясно, что В. А. Петров, если верить его словам, сделать этого не мог. Если лепешки в его руках не было, то и смоделировать процесс ее приготовления было невозможно. Однако сомнений в том, что «хлеб» был прислан В. А. Петрову, быть не может. Сравнительно недавно опубликовано пространное письмо, написанное им академику В. Л. Комарову в 1943 г.[11] В нем, в частности, сказано: «Еще в 1940 году киевский археолог Коршенко привез мне на анализ горсть пепла со скифского очага IV века до нашей эры. В этом пепле нашелся обломок скифского хлеба, вернее, лепешки, ококсовавшейся и хрупкой, как стекло. „Хлеб“ оказался сделанным из пшенной крупы, удалось восстановить всю технологию обработки проса от зерна до крупы и до пищевого продукта» (см.: *Тараканова*, 2013. С. 319). В июне 1945 г. исследователь не смог продемонстрировать эти обломки коллегам, присутствовавшим на докладе, а значит, их у него уже не было. Вряд ли можно предполагать, что В. А. Петров избавился от этого ценнейшего артефакта, просто выбросив его. Самое убедительное объяснение ситуации предложила Е. Ю. Басаргина во время обсуждения моего доклада о «скифском хлебе» на «Миллеровских чтениях — 2026» в С.-Петербургском филиале Архива АН СССР. По всей видимости, измученный голодом ученый съел эти обугленные остатки в первую блокадную зиму, а позднее ему было стыдно признаться в таком поступке. Этот факт, доказать который невозможно, но и сомневаться в его достоверности, на мой взгляд, нельзя, является еще одним свидетельством того, в каких нечеловеческих условиях находились жители блокадного города, если даже «ококсовавшиеся и хрупкие, как стекло» обломки древней лепешки могли показаться спасительными от голодной смерти.

В 1948 г. большая статья В. А. Петрова, посвященная находке с Пастырского городища, была опубликована в Киеве (*Петров*, 1948). В ней были повторены основные положения доклада 1945 г. и приведен рисунок лепешки, который, возможно, был сделан автором публикации (рис. 1). Исследователь продолжал считать эту лепешку скифской, датируя ее V–IV вв. до н. э. Как видим, особого внимания замечанию М. А. Тихановой он не уделил. Скифская принадлежность Пастырского городища представлялась ему бесспорной, что в известной степени верно (*Тітенко*, 1956; *Яковенко*, 1968; *Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 262–264). Однако памятник существовал и в более позднее время — в VII–VIII вв. н. э. (*Брайчевский*, 1951. С. 164; *Брайчевський,* 1955. С. 76; 1960; *Приходнюк,* 1998; 2005. С. 85–89; *Казанский*, 2014. С. 65–70).

Имеющаяся информация о находке пищевого остатка очень кратка. С. В. Коршенко сообщал В. А. Петрову, что он был обнаружен в древнем жилище, в золе очага. Вместе с ним были найдены «фрагменты круглой сковороды, типичной для скифского времени» (*Петров*, 1948. С. 79, 85). Надо признать, что круглые сковороды не были типичны для Скифии, но, возможно, исследователь

[11] Благодарю М. В. Медведеву, обратившую мое внимание на эту публикацию.

имел в виду плоские сосуды овальной формы, зафиксированные на некоторых памятниках скифской степи (см.: *Гаврилюк*, 1999. С. 242, рис. 48, *12*). Кроме того, на Пастырском городище были обнаружены круглые сосуды, которые подходят под определение сковородок (*Казанский*, 2014. С. 115, рис. 20, *1, 2*; 123, рис. 29, *8, 12*), но они относятся к относительно позднему этапу существования памятника.

Просо занимало важное место среди культурных растений степной Скифии V–IV вв. до н. э. (*Шрамко, Янушевич*, 1985. С. 57; *Гаврилюк*, 1999. С. 162; *Горбаненко и др.*, 2008. С. 57). Для позднего времени оно еще более характерно (*Горбаненко и др.*, 2008. С. 45). Тем не менее О. М. Приходнюк считает, что «просяной корж» был обнаружен в землянке скифского времени (*Приходнюк*, 2005. С. 8), хотя такое утверждение вызывает некоторые сомнения. Неслучайно, что ныне упоминание этой находки фигурирует почти в каждой статье, посвященной хозяйственной деятельности не скифских, а славянских племен (*Горбаненко и др.*, 2008. С. 45). Но даже если предположение о «скифском хлебе» является сомнительным, исследование В. А. Петрова стало принципиально важным, этапным в изучении состава культурных растений земледельцев Поднепровья, более того — приготовления пищи жителями этого региона.

Апрелем 1945 г. датирована рукопись Всеволода Алексеевича «Инструкция по сбору и фиксации растительных остатков во время полевых археологических работ», хранящаяся в рукописном отделе НА ИИМК РАН (Ф. 35. Оп. 2. Д. 753). К сожалению, она осталась неизданной.

Деятельность В. А. Петрова в блокированном городе была отмечена заслуженными государственными наградами. В 1943 г. ему была вручена медаль «За оборону Ленинграда», в 1944 г. — орден «Знак почета», в 1945 г. — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 46об.). Жестокие испытания военного времени, конечно, не прошли бесследно. В характеристике, датированной 8 февраля 1947 г., сказано: «Научную работу по специальности В. А. Петров смог возобновить только в 1945 г., после длительной, тяжелой болезни» (Там же. Л. 47).

В мирной обстановке его профессиональная деятельность, казалось бы, поначалу развивалась вполне нормально. Летом 1945 г. В. А. Петров выезжал в археологическую экспедицию в Старую Ладогу, в 1946 г. принял участие в полевых исследованиях на Украине и в Молдавии; 7 марта 1947 г. на него было возложено заведование химической лабораторией ЛО ИИМК (Там же. Л. 44); 4 декабря 1947 г. ученый совет ИИМК АН СССР утвердил В. А. Петрова в звании старшего научного сотрудника по специальности «Археология» (Там же. Л. 56). Стоит отметить, что двумя годами ранее он был принят в ряды ВКП(б). Правда, уже в 1946 г. партийное бюро Института «указало тов. Петрову на недостойное члена ВКП(б) поведение <…> в быту» (Там же. Л. 57), но в чем именно это проявилось, остается неизвестным.

Приказом от 21 мая 1949 г. на В. А. Петрова было возложено заведование лабораторией камеральной обработки ИИМК. К 25 мая ему было поручено представить план ее работы с учетом заявок секторов Института на химические и палеоботанические исследования (Там же. Л. 65). Может даже сложиться впечатление, что правление ИИМК вспомнило об Институте археологической технологии, существовавшем в структуре РАИМК — ГАИМК, в деятельности которого очень большую позитивную роль играл М. В. Фармаковский (см.: *Виноградов, Шауб*, 2022. С. 718, 720). Сбор ботанических остатков при археологических раскопках входил в круг его научных интересов (Сбор органических остатков, 1924. С. 15, 16). Возрождение такого подразделения, пусть в виде лаборатории, оказалось бы очень полезным для развития археологической науки в нашей стране, но на деле все было совсем по-другому. Деятельность В. А. Петрова перестала устраивать институтское руководство.

В июне 1949 г. структура археологической лаборатории ЛО ИИМК была еще раз реорганизована. Лабораторию разделили на две группы: камеральной обработки (зав. С. С. Сорокин) и химических и палеоботанических исследований (зав. В. А. Петров). Общее руководство лабораторией возлагалось на М. П. Грязнова (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 74). Однако уже в следующем месяце В. А. Петров был переведен на должность младшего научного сотрудника, правда, с сохранением прежнего оклада в 2000 руб. (Там же. Л. 75). В 1950–1951 гг. он принимал участие в работах Волго-Донской экспедиции, продолжал в поле свои палеоботанические исследования (Там же. Л. 79–80).

В это же время обозначились весьма негативные моменты. В характеристике, датированной 21 мая 1948 г. и подписанной зам. директора ИИМК В. И. Равдоникасом и секретарем партбюро А. П. Окладниковым, было отмечено: «Исследовательская деятельность В. А. Петрова в условиях ЛО ИИМК как археологического учреждения не может быть обеспечена необходимой научно-технической базой. ЛО ИИМК не может также обеспечить В. А. Петрову соответствующий

контроль и помощь специалистов. Работая по самому характеру своих исследований независимо от остальных сотрудников, В. А. Петров должной активности не проявляет: результаты его производственной работы за 1947 г. с точки зрения Института не могут быть признаны вполне удовлетворительными» (Там же. Л. 57).

В октябре 1948 г. В. И. Равдоникас направил в отдел кадров АН СССР записку следующего содержания: «Ввиду того, что В. А. Петров занимается работами ботаническими и палеоботаническими, то совершенно естественно надлежащую оценку научной значимости его исследований могут дать только специалисты в области ботаники. Не подлежит сомнению, что результаты по определению палеоботанических остатков, находимых в археологических памятниках, представляют значительный интерес для археологической науки. Однако правильность применяемых В. А. Петровым при таких исследованиях методических приемов, а следовательно, и правильность его выводов может быть вполне компетентно проверена только ботаниками» (Там же. Л. 58). Эти меры явно были направлены на увольнение неугодного сотрудника. В марте 1949 г. ему был объявлен выговор «за нарушение труддисциплины, выразившееся в непредупреждении Института своевременно о своей болезни и наличии больничного листа» (Там же. Л. 63). Причина выговора, на мой взгляд, смехотворна; администрация вполне могла бы обойтись замечанием.

В 1950 г. В. А. Петров работал по трем темам (Ф. 312. Оп. 1. Д. 313. Л. 48): 1) «Дендрохронологическое исследование торцовых спилов бревен, происходящих из Пазырыкских курганов»; 2) «Отчет о палеоботанических исследованиях в Волго-Донской экспедиции 1950 г.»; 3) «Материалы для истории древнего земледелия по археологическим зерновым остаткам (из раскопок М. И. Артамонова)».

В 1951 г. научная тема была сформулирована схожим образом — «Палеоботанические исследования растительных материалов Волго-Донской экспедиции и дендрологические анализы по материалам Башадарских курганов» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 331. Л. 12). С формальной стороны все выглядит очень убедительно.

Однако в январе 1952 г. до сотрудников ЛО ИИМК был доведен приказ директора Института, чл.-кор. АН СССР А. Д. Удальцова, в котором говорилось, что при подведении итогов выполнения производственного плана за 1951 г. «был выявлен ряд недостатков, как в организации планирования и контроля за ходом выполнения плана внутри секторов, отделов и групп Института, так и нарушений трудовой дисциплины и служебного долга со стороны отдельных сотрудников Института». В результате В. А. Петрову «за невыполнение производственного плана» был объявлен строгий выговор с предупреждением (Там же. Л. 85). Почти нет сомнения, что на такое решение повлияла приведенная выше служебная записка В. И. Равдоникаса, направленная в отдел кадров АН СССР, но, вероятно, имелись и другие подобные документы. А. А. Чубур обоснованно считает, что все это похоже на травлю ученого (*Чубур*, 2020. С. 123).

Вполне возможно, что такие обвинения строились не на пустом месте, предвоенное акме Всеволода Алексеевича явно прошло[12], и у него действительно имелись проблемы с выполнением производственного плана, но в чем была их причина, никто разбираться не стал. В общем, 10 июля 1952 г. В. А. Петров был освобожден от занимаемой должности «в связи с переводом на инвалидность» (Ф. 35. Оп. 5. Л. 86). Ему было тогда 56 лет, заслуженного человека можно было бы проводить на пенсию (по инвалидности!) с почетом, но этого не сделали. Любопытно, что В. И. Равдоникас, выдвигавший обвинения против Всеволода Алексеевича, был уволен из ИИМК чуть раньше, как сказано в постановлении Президиума АН СССР от 28 марта 1952 г., «за грубое нарушение трудовой дисциплины и отсутствие научной продукции на протяжении последних двух лет» (Ф. 312. Оп. 1. Д. 896. Л. 3). Здесь невольно вспоминается вечный русский вопрос: «А судьи кто?».

Между тем в 1950 г. после публикации работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» началась борьба с «марризмом», в 1952 г. прошел XIX съезд ВКП(б)/КПСС, потребовавший от советских ученых не только дальнейшего развития марксистского учения, но и всестороннего укрепления дисциплины, искоренения «семейственности» в научных учреждениях и т. д. В ЛО ИИМК 4 марта 1953 г. (накануне смерти И. В. Сталина!) состоялось общее собрание сотрудников, посвященное мерам по устранению недостатков в работе с кадрами (Ф. 312. Оп. 1. Д. 365-А). На нем с большим докладом выступил заместитель директора ИИМК Е. И. Крупнов. В частности он сказал: «Вспомните, как долго мы не решались освободить от работы в ИИМК члена-корреспондента АН В. И. Равдоникаса и мл. научного сотрудника В. А. Петрова — злостных нарушителей

[12] Библиография В. А. Петрова насчитывает порядка 50 публикаций (Ф. 35. Оп. 5. Д. 239. Л. 66–67), но лишь четыре из них относятся к послевоенному времени (*Петров*, 1945; 1947; 1948; 1951).

трудовой дисциплины, ежегодно не выполнявших своих производственных заданий. <Ради> справедливости стоит отметить, что долго мы возились с этим делом отчасти потому, что в ЛО ИИМКе находилось немало защитников этих нарушителей государственной дисциплины, особенно В. И. Равдоникаса, убеждавших дирекцию ИИМК не принимать решительных мер, надеясь на их исправление. Время показало, насколько эти надежды были неосновательными» (Там же. Л. 18–19). Из сказанного следует, что Всеволод Алексеевич являлся не просто ученым, деятельность которого в археологическом учреждении было трудно контролировать, или сотрудником, научная продукция которого в последние годы снизилась, но злостным нарушителем трудовой дисциплины. И хотя в дальнейшем выступавшие по докладу больше говорили совсем о других персонажах, в постановлении собрания было отмечено, что увольнение В. И. Равдоникаса и В. А. Петрова, а также ряда других сотрудников, не соответствовавших «по своим деловым и политическим качествам требованиям, предъявляемым к работникам АН СССР», стало частью мероприятий «по улучшению работы с кадрами» (Там же. Л. 157). Для В. И. Равдоникаса такая характеристика, конечно, не означала забвения, все-таки фигура ученого была слишком значительна. О В. А. Петрова этого сказать нельзя, и о нем, к сожалению, надолго забыли.

Статья поступила в редакцию 1 мая 2026 г.

НА ИИМК РАН. РО.

Ф. 35.

Оп. 2. Д. 753: Петров В. А. Инструкция по сбору и фиксации растительных остатков во время полевых археологических работ. 31 л.

Оп. 5. Д. 239: Личное дело Всеволода Алексеевича Петрова. 84 л.

Ф. 312. Оп. 1. Д. 240: Протоколы заседаний сектора древнего Причерноморья за 1945 год. 47 л.; **Д. 313:** Отчет о деятельности Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР за 1950 г. 206 л.; **Д. 331:** Краткий отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за три квартала 1951 г. 43 л.; **Д. 365-А:** Стенографический отчет общего собрания сотрудников Ленинградского Отделения Института истории материальной культуры с повесткой дня «О мерах по устранению недостатков в работе с кадрами АН СССР». 157 л.; **Д. 896:** Постановление Президиума АН СССР о научной и научно-организационной деятельности ЛО ИИМК. 20 л.

Академическая археология..., 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН. 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 414 с.

Брайчевский, 1951 — *Брайчевский М. Ю.* Работы на Пастерском городище в 1949 г. // КСИИМК. 1951. Вып. 36. С. 155–164.

Брайчевський, 1955 — *Брайчевський М. Ю.* Нові розкопки на Пастирському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. 1955. Т. V. С. 67–76.

Брайчевський, 1960 — *Брайчевський М. Ю.* Кузница на Пастырском городище // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 9. С. 99–103.

Виноградов, Шауб, 2022 — *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 709–725.

Гаврилюк, 1999 — *Гаврилюк Н. А.* История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев: ИА НАН Украины, 1999. 420 с.

Горбаненко и др., 2008 — *Горбаненко С. А., Журавльов О. П., Пашкевич Г. О.* Сільське господарство жителів Пастирского городища. Київ: Академпородика, 2008. 188 с.

Еленкин, Петров, 1919 — *Еленкин А. А., Петров В. А.* О некоторых редких лишайниках для Петроградской губернии // Известия Главного Ботанического сада РСФСР. 1919. Т. 19. Вып. 1. С. 15–20.

Ильинская, Тереножкин, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 378 с.

Казанский, 2014 — *Казанский М. М.* Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 15). С. 45–137.

Петров, 1924 — *Петров В. А.* Естественно-географические районы вдоль Мурманской железной дороги // Известия Русского географического общества. 1924. Т. 15, вып. 2. С. 3–13.

Петров, 1939а — *Петров В. А.* Опыт классификации красильных растений и растительных красок южной части Нагорно-Карабахской автономной области // Труды Ботанического института Азербайджанского филиала АН СССР. 1939. Т. 6. С. 187–220.

Петров, 1939б — *Петров В. А.* История культуры эвкалиптов в Азербайджане // Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1939. Вып. 1–2. С. 9–15.

Петров, 1939в — *Петров В. А.* Распределение и состояние посадок эвкалиптов в АзССР с июля 1938 года // Там же. С. 17–37.

Петров, 1940а — *Петров В. А.* Первые этапы развития ботаники в Московском университете // Ученые записки Московского университета. 1940. Вып. 54. С. 259–268.

Петров, 1940б — *Петров В. А.* Растительные красители Азербайджана. Баку: Изд-во АзФАН, 1940. 47 с.

Петров, 1940в — *Петров В. А.* Этноботаника Нагорного Карабаха. Баку: Изд-во АзФАН, 1940. 167 с.

Петров, 1940г — *Петров В. А.* Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок (содержание доклада на Ученом совете ИИМК 1 июня 1940 г.) // КСИИМК. 1940. Вып. VII. С. 37–46.

Петров, 1941а — *Петров В. А.* Приложение. Анализ археологических образцов из раскопок в Мордовской Автономной ССР. Образцы волокнистых веществ из Паньжинского могильника (раскопки 1940 г.) // Записки [Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры]. История и археология. 1941. Вып. 3. С. 44–47.

Петров, 1941б — *Петров В. А.* Анализ древней монгольской бумаги как памятника материальной культуры // КСИИМК. 1941. Вып. X. С. 86–88.

Петров, 1945 — *Петров В. А.* Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX–X век) // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 42–51.

Петров, 1947 — *Петров В. А.* Растительные остатки из глиняных обмазок раннетрипольского времени с Украины // Рефераты научно-исследовательских работ 1945 года. Отделение истории и филологии / Отв. ред. В. П. Волгин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 99.

Петров, 1948 — *Петров В.* Харчові решткі з Пастирського городища // Археологія. 1948. Т. 2. С. 79–85.

Петров, 1951 — *Петров В. А.* Анализ материала документа // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса / Ред. А. П. Окладников. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 145–146.

Пиотровский, 1944 — *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1944. 364 с.

Приходнюк, 1998 — *Приходнюк О. М.* Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. 1998. № 3. С. 4–24.

Приходнюк, 2005 — *Приходнюк О. М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина, 2005. 244 с.

Сбор органических остатков, 1924 — Сбор органических остатков при палеоэтнологических и археологических раскопках / Ред. М. И. Тихий. Л.: Тип. Российского гидрологического ин-та, 1924 (Материалы по методике археологической технологии, издаваемые Институтом археологической технологии РАИМК; Вып. 1). 16 с.

Тараканова, 2019 — *Тараканова И. Г.* Письмо палеоботаника В. А. Петрова президенту АН СССР академику В. Л. Комарову из блокадного Ленинграда // Археографический ежегодник. 2013 / Отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 2019. С. 309–330.

Тітенко, 1956 — *Тітенко Г. Т.* Розкопки памя'ток скіфського часу на Пастирському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. 1956. Т. VI. С. 52–55.

Хвойко, 1905 — *Хвойко В. В.* Городища среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. Т. I. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1905. С. 93–104.

Чубур, 2020 — *Чубур А. А.* «Кладовая солнца» и белорусская археология (по материалам переписки К. М. Поликарповича с пионерами спорово-пыльцевого метода и болотоведения) // Россия в эпоху политической и культурной трансформации. Вып. VI / Ред. В. Ф. Блохин. Брянск: Курсив, 2020. С. 108–128.

Шрамко, Янушевич, 1985 — *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2. С. 47–64.

Яковенко, 1968 — *Яковенко Е. В.* Пастирське городище скіфського часу (за матеріалами розкопок 1955 р.) // Археологія. 1968. Т. 21. С. 175–186.

Maurizio, 1916 — *Maurizio A.* Verarbeitung des Getreides zu Fladen seit den urgeschichtlichen Zeiten // Anzeiger für Schweizerische Altertumskunde. 1916. Heft 1. S. 1–30.

"Scythian bread" and "125 grams of the Siege" (on the life and work of V. A. Petrov)

Yu. A. Vinogradov[13]

Keywords: history of archaeology, plant remains, Pastyrskoye settlement, millet flatbread

This article is devoted to the life and scientific work of V. A. Petrov, a researcher at the Institute for the History of Material Culture (IHMC RAS). A biologist by education, he made significant contributions to the study of plant remains recovered from archaeological excavations. He spent the entire Siege of Leningrad in the city, where he studied, among other things, the remains of a millet flatbread found at the Pastyrskoye settlement (Dnieper region).

[13] Yuri A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

ПЕРСОНАЛИИ

Античная и раннесредневековая проблематика Средней Азии в полевых исследованиях и научных публикациях Владимира Алексеевича Завьялова (10.02.1946–02.08.2020)[1]

В. А. Алёкшин, В. П. Никоноров[2]

Аннотация. *Статья посвящена творческому пути выдающегося исследователя древней Средней Азии и замечательного человека Владимира Алексеевича Завьялова (1946–2020). Также представлена подробная информация о совместном заседании Ученого совета ИИМК РАН и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в честь 80-летия ученого, состоявшемся 11 февраля 2026 г., на котором его коллеги выступили с восемью докладами, тематически связанными с профессиональными интересами Владимира Алексеевича.*

Ключевые слова: *Владимир Алексеевич Завьялов, археология Средней Азии, совместное заседание Ученого совета ИИМК РАН и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа*

DOI 10.31600/1817-6976-2026-52-299-307

В 1978 г. среднеазиатская группа сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР (ныне отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН) приняла в свой состав нового сотрудника — Владимира Алексеевича Завьялова (рис. 1). К этому времени он был уже сложившимся ученым. Еще будучи студентом кафедры археологии Ленинградского государственного университета (1968–1974), Володя Завьялов освоил методику раскопок курганов как с земляными, так и с каменно-земляными насыпями в степной зоне России, а также принял участие в исследовании гуннских поселений Забайкалья. С 1971 г. он работал в новостроечных экспедициях ЛОИА АН СССР, выезжая летом на раскопки и проводя зимой камеральную работу на условиях хоздоговорного финансирования. В 1974 г. выпускник кафедры археологии был принят в штат Красноярской экспедиции ЛОИА, а в 1975 г. — в состав лаборатории камеральной обработки института, став ее ученым секретарем.

Однако свои научные предпочтения молодой специалист связывал с изучением древних культур Востока. Ученик одного из крупнейших отечественных археологов-востоковедов В. М. Массона, Володя Завьялов с 1971 г. наряду с работами в новостроечных экспедициях института часть полевого сезона проводил в Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР. Экспедиция, которой руководил его учитель, в течение многих лет проводила раскопки в Юго-Восточном Туркменистане на городище Алтын-депе — одном из самых крупных памятников Центральной Азии энеолита и бронзового века. Здесь Владимир Алексеевич осваивал методику раскопок сырцовой архитектуры первобытных поселений Центральной Азии (рис. 2, *1*). Вскоре он стал руководителем работ на раскопе 13, где выявил комплекс домовладений, относящийся к началу среднего бронзового века. Эта архитектура синхронна ранним отложениям слоя V поселения Намазга-депе, расположенного на юге Центрального Туркменистана. Участие Владимира Алексеевича в Каракумской экспедиции длилось до 1981 г. Результаты своих изысканий на Алтын-депе он опубликовал в двух статьях (*Завьялов*, 1974; 1980).

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем средневековье» (FMZF-2025-0008).

[2] Алёкшин В. А., Никоноров В. П. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: valyokshin1@yandex.ru, vpnikonorov@mail.ru.

© Алёкшин В. А., Никоноров В. П., 2026

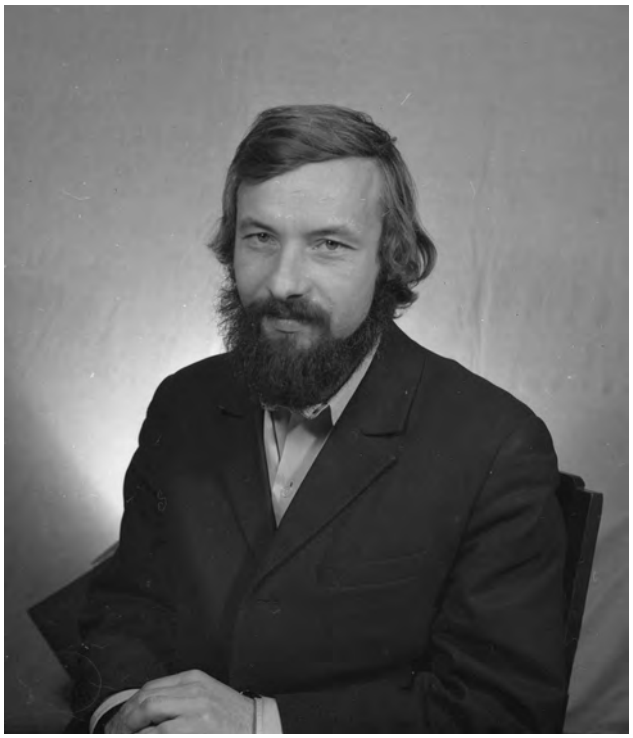

Рис. 1. В. А. Завьялов, Ленинград, 1970-е гг.
Fig. 1. Vladimir A. Zav'yalov, Leningrad, 1970s

Однако и позднее исследователь обращался к проблематике первобытной археологии Центральной Азии. В 1990 г. в составе Сумбарской экспедиции ЛОИА АН СССР, возглавляемой И. Н. Хлопиным, Владимир Алексеевич исследовал могильники бронзового века на юго-западе Туркменистана в долине р. Сумбар и проводил разведки в поисках синхронных им поселений. После кончины И. Н. Хлопина, случившейся в 1994 г., Владимир Алексеевич совместно с ныне покойной сотрудницей рукописного отдела научного архива ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН Е. В. Бобровской, бессменной участницей раскопок в долине Сумбара, подготовил к изданию в качестве ответственного редактора два тома Трудов Сумбарской экспедиции (*Хлопин*, 1997; 2002). Эти публикации ввели в научный оборот результаты раскопок уникальных могильников бронзового века Центральной Азии, сделав их доступными как отечественным, так и зарубежным исследователям, что явилось крупнейшей заслугой Владимира Алексеевича перед среднеазиатской археологией.

Позднее он внес свою лепту и в изучение легендарного Северного холма Анау — памятника, с раскопок которого экспедицией под руководством американского геолога Р. Пампелли началась в 1904 г. первобытная археология Центральной Азии. Спустя почти 100 лет другой американский исследователь, Ф. Хиберт, возобновил исследования этого поселения, организовав туркменско-американский проект и пригласив для участия в нем Владимира Алексеевича, который трудился здесь в 2000 и 2003 гг.

В 2010 г. ученый принял участие в работах Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, которая исследовала Завалишина 5, поселение конца III тыс. — первой половины II тыс. до н. э. в Мурманской области. Здесь и климатические условия, и тип поселенческих комплексов, и структура культурных остатков значительно отличались от того, с чем сталкивался Владимир Алексеевич в Центральной Азии, но полевой опыт ученого помог ему выполнить поставленные задачи и на этом археологическом направлении.

Однако основной вклад Владимира Алексеевича в изучение древностей Центральной Азии связан с кушанской археологией. Вадим Михайлович Массон ориентировал своего ученика на исследование городской культуры Бактрии в позднеантичное время. В 1972 г. Бактрийский отряд Каракумской экспедиции, в составе которого находился и В. А. Завьялов (рис. 2, *2*), выбрал кушанский памятник Зартепа в Ангорском районе Сурхандарьинской области Узбекской ССР для организации стационарных раскопок. В результате была создана Бактрийская экспедиция ЛОИА АН СССР при активном участии археологов Института археологии АН Узбекской ССР и сотрудников областного Сурхандарьинского музея (г. Термез).

С 1975 по 1986 г. Бактрийской экспедицией в поле фактически руководил Владимир Алексеевич. Интерпретация археологических материалов, добытых им в ходе раскопок этого эталонного памятника позднеантичной и раннесредневековой культуры Центральной Азии, является существенным вкладом исследователя в разработку дискуссионных проблем кушанской археологии (*Завьялов*, 1977; 1979а; 1979б; 1979в; 1986; 1993; *Zavyalov*, 1994; *Завьялов, Осипов*, 1976; *Абдуллаев, Завьялов*, 1985а; 1985б; *Завьялов, Мешкерис*, 1985; *Завьялов, Галибин*, 1990; *Завьялов, Пидаев*, 2001; 2002).

По результатам полевых изысканий на Зартепа Владимир Алексеевич защитил в 2005 г. кандидатскую диссертацию «Культура Бактрии — Тохаристана кушано-сасанидского времени (по материалам Зартепа)» на Ученом совете ИИМК РАН (*Завьялов*, 2005а). Это квалификационное исследование, явно уровня докторской диссертации, вскоре было издано в виде монографии (*Завьялов*,

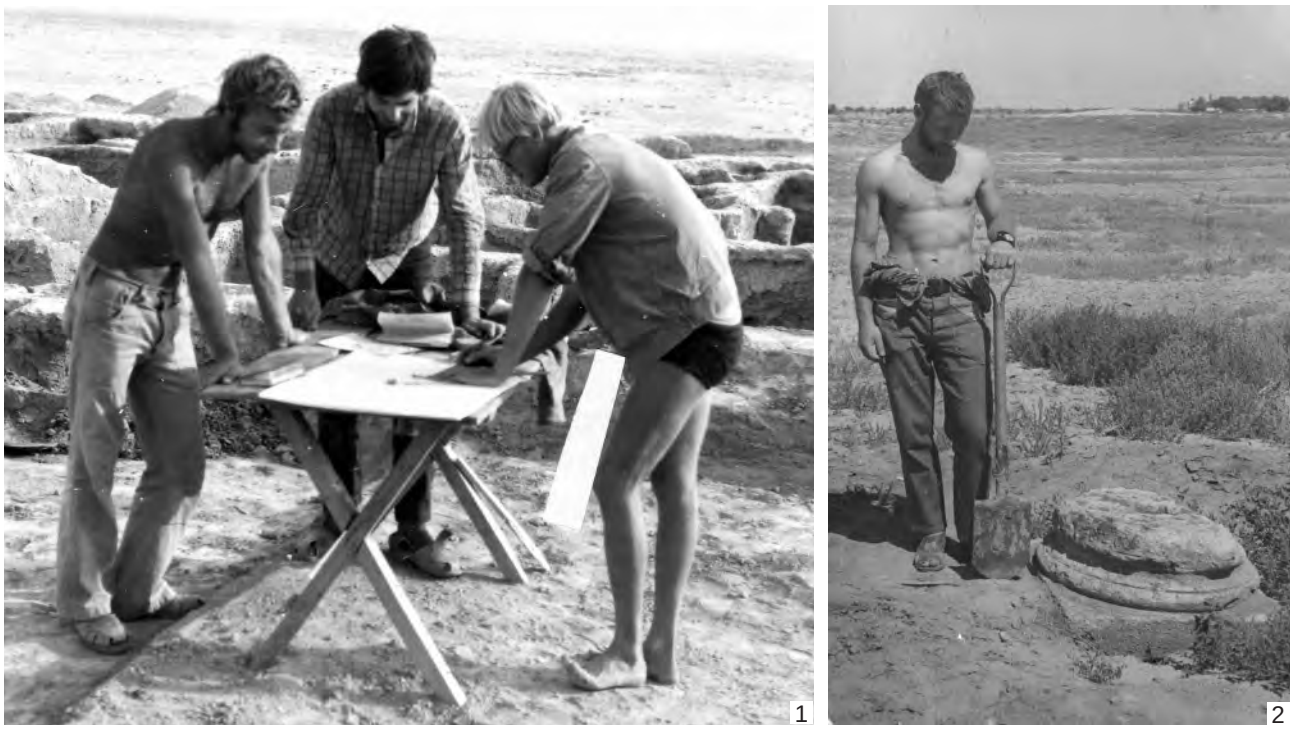

Рис. 2. *1* — В. А. Завьялов, В. А. Алёкшин, Ю. Е. Берёзкин (Алтын-депе, Туркменистан, 1978 г.); *2* — В. А. Завьялов в Узбекистане, Зартепа, 1972 г.

Fig. 2. *1* — V. A. Zav'yalov, V. A. Alyokshin, Yu. Ye. Beryozkin (Altyn-Depe, Turkmenistan, 1978); *2* — V. A. Zav'yalov in the Uzbekistan, Zartepa, 1972

2008). В книге освещены многие аспекты не только культурного, но и политического развития городов давно исчезнувшего Кушанского царства, о котором сохранились лишь скупые сведения в сочинениях античных авторов и их современников, китайских хронистов. Для понимания сущности происходивших в кушанском обществе процессов культурогенеза решающее значение приобрел анализ нумизматических и археологических комплексов, который был блестяще осуществлен Владимиром Алексеевичем.

В 1991 г. он возглавил раскопки древней крепости Каладжик в Хорезмской области Узбекистана, которые продолжались только один сезон (*Zav'yalov*, 1996).

В первой половине 1990-х гг. многие среднеазиатские экспедиции ЛОИА АН СССР, преобразованного в 1991 г. в ИИМК РАН, из-за отсутствия финансирования прекратили свою деятельность. В связи с этим Владимир Алексеевич стал участником совместных зарубежных проектов по изучению археологических памятников Центральной Азии (в частности, международного туркменско-английского проекта «Древний Мерв»). В этот период его научные интересы фокусируются на исследовании фортификации Центральной Азии античной и раннесредневековой эпох (рис. 3, *1*), и он по праву стал ведущим отечественным специалистом в этой области археологической науки. Результаты работ на фортификационных объектах Старого Мерва он частично опубликовал (*Завьялов*, 1999; 2005б; *Zavyalov*, 2007).

Затем Владимир Алексеевич переключился на изучение средневековой фортификации Южной Сибири, когда принял участие в раскопках укрепления Пор-Бажин в Туве, организованных Культурным фондом «Пор-Бажин» в 2007–2008 гг.

Коллеги исследователя отдавали должное его умению чувствовать и видеть культурный слой, а также фиксировать, а в дальнейшем убедительно интерпретировать тончайшие нюансы различных археологических контекстов. Именно поэтому маститые ученые приглашали Владимира Алексеевича в свои экспедиции. Ученый работал в составе Пенджикентской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2001 и 2002 гг., а также участвовал в раскопках городища Старая Ниса (рис. 3, *2*) в Туркменистане (экспедиция ИА РАН, руководитель В. Н. Пилипко) в 2006 г.

Закономерно, что исследователь с такой обширной практикой раскопок стал в 2002 г.

Рис. 3. В. А. Завьялов в Туркменистане (*1* — Гяур-Кала в Старом Мерве, 2003 г.; *2* — Старая Ниса, 2006 г.) и в последние годы в Санкт-Петербурге (*3* — 2016 г.; *4* — 2018 г.)

Fig. 3. V. A. Zav'yalov in Turkmenistan (*1* — Gyaur-Kala in Old Merv, 2003; *2* — Old Nisa, 2006) and in recent years in St. Petersburg (*3* — 2016 г.; *4* — 2018 г.)

председателем Санкт-Петербургской группы отдела полевых исследований ИИМК РАН. На этой должности он не только курировал полевые работы всех археологов Санкт-Петербурга, но и передавал свой богатый полевой опыт молодым сотрудникам института. Он входил также и в состав Ученого совета ИИМК РАН.

Владимир Алексеевич проводил исследования и за рубежом, изучая поселения культуры Донгнай во Вьетнаме в 1989, 1991 и 2008–2010 гг.

Коренной петербуржец, влюбленный в свой город, он внес свою лепту и в его археологическое изучение. В 1998 и 1999 гг. исследователь принимал участие в раскопках исторических парков и собора Святой Екатерины в Царском Селе.

С 2011 по 2014 г. Владимир Алексеевич работал в Туве, где в составе экспедиции Государственного Эрмитажа принимал участие в раскопках погребально-поминального комплекса Чинге Тэй 1, а в составе Тувинской экспедиции ИИМК РАН исследовал могильники скифской эпохи Белое Озеро 1, 2 и 4.

Нельзя не упомянуть и о литературных дарованиях Владимира Алексеевича. Наряду с прекрасной академической подготовкой он обладал «легким пером». Также важно подчеркнуть, что в течение ряда лет он входил в состав редколлегии журнала «Археологические вести».

11 февраля 2026 г. в ИИМК РАН было проведено совместное заседание Ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, приуроченное к 80-й годовщине со дня рождения В. А. Завьялова. На нем были заслушаны восемь докладов. Содержание первого из них — «В поисках исчезнувших городов и цивилизаций», сделанного В. А. Алёкшиным, в целом изложено выше.

В. П. Никоноров подробно осветил главное направление научной деятельности В. А. Завьялова — изучение культуры Бактрии в кушано-сасанидский период (доклад «Владимир Алексеевич Завьялов и археология позднекушанской Бактрии»). С 1975 по 1986 г. Владимир Алексеевич был полевым директором раскопок позднеантичного квартала на городище Зартепа в Ангорском районе Сурхандарьинской области Узбекской ССР, осуществлявшихся Бактрийской экспедицией ЛОИА АН СССР под общим руководством В. М. Массона. Там было открыто и проанализировано множество артефактов, характеризующих материальную и духовную культуру населения позднекушанской Бактрии, и все это легло в основу кандидатской диссертации, защищенной Владимиром Алексеевичем в 2005 г. (*Завьялов*, 2005а), а тремя годами позже в доработанном автором виде увидевшей свет в виде монографии (*Завьялов*, 2008), которая, несомненно, на сегодняшний день является лучшим и наиболее полным исследованием по кушано-сасанидской археологии не только в отечественной, но и зарубежной историографии. В ней было наглядно и убедительно продемонстрировано, что в Бактрии — Тохаристане (Кушаншахре) во второй половине III — IV в. н. э. функционировал собственный рынок, в полной мере обеспеченный кушано-сасанидскими монетами. Сам Кушаншахр представлял собой автономию в рамках Сасанидской империи со своеобразной культурой, в значительной степени сохранившей великокушанские традиции в керамике, терракотовой пластике, письменности и религии. Чеканка кушано-сасанидских монет продолжалась в Кушаншахре до самого конца IV в., что определяет верхнюю хронологическую границу существования там власти сасанидских наместников. Безусловно, монография В. А. Завьялова «Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа)» — это образец вдумчивого, методически выверенного научного труда, написанного на основе как прекрасного знания отечественной и зарубежной историографии по проблемам исследования, так и самого тщательного анализа всех видов изучаемых вещественных материалов.

Кроме того, В. П. Никоноров особо выделил и тот факт, что он сам очень многому научился у Владимира Алексеевича при постижении премудростей раскопок памятников сырцовой архитектуры во время работ на городищах Зартепа в 1985 г. и Каладжик (в Богатском районе Хорезмской области Узбекской ССР) в 1991 г. Также был отмечен большой организаторский талант В. А. Завьялова, который, весьма плотно занимаясь устройством быта экспедиции и решением по ходу полевого сезона разного рода бюрократических вопросов, успевал подолгу лично руководить раскопками. В данной связи интересно, что Р. Г. Марковский, шофер с московской автобазы АН СССР, много работавший с экспедициями В. М. Массона в Узбекистане и Туркменистане в 1980-х гг., а также с московскими коллегами (в частности, с экспедицией И. Р. Пичикяна на Тахти-Сангине в Таджикистане), както в присутствии докладчика специально подчеркнул, что в плане организации работы лучшей на его памяти была экспедиция В. А. Завьялова на Зартепа.

Комплексный анализ последовательности экспансии кушан на территории долины Кашмира,

Верхнего Инда и Памира представила В. Л. Денисенко (доклад «К вопросу о северо-восточных границах Кушанского царства»). Вследствие того что владычество кушан связано с развитием торговли и дипломатических связей, это способствовало созданию новых торговых путей, часть которых проходила через горные перевалы Северной Индии. Автором выделены основные миграционные маршруты между Северной Индией, Центральной Азией и Китаем с помощью ГИС-технологий. Источниковой базой исследования выступили поселенческие комплексы, могильники, местонахождения петроглифов, эпиграфики и монет. Установлено, что долина Кашмира была самой северо-восточной областью, заселенной кушанами, вероятно, начиная с правления Куджулы Кадфиза, где большинство поселений представляют собой сельскохозяйственные угодья, расположенные вблизи поймы р. Джелам или ее притоков, что также отмечается Калханой в «Раджатарангини». От Кашмира ведут несколько маршрутов через Гилгит и Хунзу в Синьцзян. Ко времени правления Вимы Такто относятся основания крепостей на Памире для защиты основных торговых путей Вахана. Вима Кадфиз, видимо, расширил границы Кушанского царства, включив в него долину Верхнего Инда, о чем свидетельствуют находки керамики в Пуриге и Нубре в совокупности с эпиграфическими материалами и антропоморфными петроглифами с тамгами. Находки в Нубре подтверждают существование пути от Леха по р. Шйок в направлении Хотана и Яркенда.

П. Б. Лурье (Государственный Эрмитаж) осуществил разбор эпиграфических памятников бухарским письмом (доклад «К вопросу о бухарско-согдийском полукурсиве (2)»). На этот раз темой рассмотрения стали надписи на керамике и кости из Пайкенда, Варахши, Гулам-тепе и Бухары, а также печать из Варданзе. Автор стремился показать, что все они начертаны тем же письмом, что и известные бухарские надписи на серебряных сосудах и монетах, однако менее формальным *дуктом*. Наиболее ранние надписи, выделенные в особую подгруппу, найдены в слое III в. н. э. в ходе недавних раскопок в Бухаре; к ним же примыкает надпись на костяном изделии из Пайкенда.

Т. К. Мкртычев (Государственный институт искусствознания, Москва) дал характеристику сложной религиозной жизни, сформировавшейся в кушанское время на обширном пространстве, которое занимала Кушанская империя, где важную роль играл буддизм (доклад «Буддизм в Северной Бактрии в кушанское и посткушанское время»). История появления буддизма в Северной Бактрии уже привлекала внимание специалистов (Б. А. Литвинский, Б. Я. Ставиский, Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе и др.), которые предлагали широкие даты — от I в. до н. э. до I в. н. э. — на основании письменных источников и ряда косвенных материалов. На сегодня данные нумизматики позволяют уточнить, что это приходится на вторую половину — конец I в. н. э. (строительство первых буддийских сооружений). Обзор литературы, посвященной буддизму в Северной Бактрии, показывает особенности процесса распространения и существования буддизма на северо-западной окраине Кушанской империи. Подсчеты известных буддийских объектов кушанского времени свидетельствуют о значительном присутствии этой религии в регионе (11 памятников по Б. Я. Ставискому). Вместе с тем важным вопросом, отражающим региональную специфику, является дискуссионная принадлежность ряда известных объектов, традиционно считающихся буддийскими (Айртам, Дт-1 на Дальверзинтепа, святилище на раскопе 2 Зартепа и др.). Имеются объекты, изучение которых еще не завершено, но которые могут быть интерпретированы как буддийские, например подземное сооружение на Кампыртепа. Анализ имеющихся материалов дает основание считать, что в период сасанидского завоевания Северной Бактрии (230-е гг.) буддийские сооружения не были объектами разрушений иноземцами, хотя во второй половине III в. в регионе наблюдается процесс стагнации буддийских объектов (сокращение обживаемой территории, ухудшение качества ремонтных работ и т. п.). Очевидно, это связано со сменой правителей Бактрии — Тохаристана и уменьшением помощи местной буддийской общине. Впрочем, некоторые буддийские памятники продолжали существовать и в кушано-сасанидское время — это Каратепа, монастырь (?) на раскопе 7 Зартепа. На основании комплекса материалов можно заключить, что буддизм в сложной религиозной ситуации в Северной Бактрии — Тохаристане со второй половины — конца I в. н. э. по конец IV в. н. э., продолжая сохранять связи с разными буддийскими общинами Индии, вынужден был сменить социальную базу своих последователей — от местной элиты к более широким слоям населения.

М. С. Назарова (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна) рассмотрела монументальные скальные рельефы парфянского времени с изображениями правителей, сцен инвеституры и

местной знати (доклад «Образы парфян на рельефах Хузестана и Фарса рубежа II–III вв.»). Значительное количество подобных памятников находится в провинции Хузестан на юго-западе современного Ирана. Близ города Изе расположено несколько таких рельефов, датированных от времени правления Митридата I до рубежа II–III вв. н. э. Другая группа рельефов аршакидского периода высечена на скалах в Танг-и Сарваке, в пределах территории древнего горного святилища. Эти памятники являются важными источниками по истории парфянского придворного костюма и развитию костюмных комплексов древней Элимаиды. Также докладчик рассмотрела рельефы раннесасанидской эпохи из провинции Фарс — боевой рельеф Ардашира I в Фирузабаде и инвеститурный рельеф этого же царя в Накш-е Рустаме.

А. В. Омельченко (Государственный Эрмитаж) и В. Илария (независимый исследователь, Италия) представили результаты своих раскопок в Бухарском оазисе (доклад «Кушано-Сасанидский комплекс в Бухарском оазисе»). Они особо отметили, что в 2008 г. вышла замечательная монография Владимира Алексеевича Завьялова «Кушаншахр при Сасанидах», в которой были подытожены его многолетние археологические исследования на городище Зартепа в Северной Бактрии — Тохаристане. Благодаря детальной периодизации комплексов кушано-сасанидского времени эта книга стала незаменимой для всех, кто занимается данным периодом. В это же время велись раскопки Узбекско-Российской экспедиции в Пайкенде и Узбекско-Итальянской — на городище Уч-Кулах — древних памятниках в Западном Согде. Исследованиями выявлены свидетельства масштабных строительных работ на цитадели Пайкенда во второй половине III — начале IV в. н. э., а затем в середине IV — V в. и в других частях города. Многие детали архитектуры местного храма огня обнаруживают очевидные параллели в иранских культовых памятниках архитектуры того времени: Тахт-и Сулейман, Кух-и Хваджа, Меле-Хайрам, Бандиан и др. Это же касается сюжетов настенных росписей Пайкенда и замка Уч-Кулах, которые похожи на те, что можно видеть на сасанидских скальных рельефах (Накше-Рустам, Бишапур) и в монументальной живописи (Гулбиян, Кух-и Хваджа). Также происходит значительная трансформация материальной культуры Бухарского оазиса, имеющей теперь прямые аналогии не в общесогдийском комплексе (Самарканд, Кеш), а в кушано-сасанидских древностях, например, из Зартепа. Другими становятся керамические сосуды и ряд мелких изделий, а монетный чекан представлен как подражаниями великокушанскому, так и сасанидскими и кушано-сасанидскими выпусками. А. В. Омельченко и В. Илария полагают, что такое резкое изменение направления вектора развития было связано с захватом Западного Согда войсками шахиншахов Ирана. Причем, видимо, было два этапа сасанидского завоевания, разделенных хионитским нашествием: при Шапуре I (вторая половина III в.) и при Шапуре II (вторая половина IV в.). Одним из важных последствий этих событий стало ускорение процессов урбанизации на всей территории Бухарского оазиса, что отразилось, в частности, в строительстве замка Уч-Кулах, а в V в. — оборонительных стен шахристана I в Пайкенде.

Е. О. Стоянов дал скрупулезный анализ письменной традиции о Бактрах — главном городе сатрапии, а затем и Греко-Бактрийского царства (доклад «Города эллинистической Бактрии: опыт систематизации письменных источников. 1. Бактры / Зариаспы»). Автор уделил особое внимание проблеме двойного именования города в античной традиции (Бактры / Зариаспы). Значительную часть доклада заняла полемика с недавно высказанной гипотезой К. Рапена, предложившего (по мнению докладчика, безосновательно) отождествлять Зариаспы не с Бактрами, а с Маракандами — столицей Согда.

Вне всякого сомнения совместное заседание Ученого совета ИИМК РАН и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, посвященное 80-летию В. А. Завьялова, прошло очень успешно и достойно почтило память выдающегося археолога. На нем присутствовали сотрудники разных научных и культурно-просветительских учреждений Санкт-Петербурга и Москвы, была организована онлайн-трансляция, которую посмотрели коллеги из других городов Российской Федерации, а также из зарубежья. Заседание посетили вдова В. А. Завьялова Фаина Ефимовна Васильева и их дочь Мария Владимировна, специально для этого приехавшая из Франции.

Владимир Алексеевич Завьялов (рис. 3, *3, 4*), помимо своих больших научных заслуг, был и просто замечательным человеком. Мягкий и очень добрый по своей натуре, он никогда публично не позволял себе повышать на кого-либо голос, никогда ни о ком не отзывался плохо. Он всегда был готов прийти на помощь друзьям и коллегам и советом, и делом. Светлая память о Владимире Алексеевиче навсегда сохранится в сердцах всех тех, кому посчастливилось знать его лично.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2026 г.

Абдуллаев, Завьялов, 1985а — *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (по материалам Зартепе) // Вестник древней истории (ВДИ). 1985. № 4. С. 111–121.

Абдуллаев, Завьялов, 1985б — *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985. № 1. С. 202–211.

Завьялов, 1974 — *Завьялов В. А.* Раскопки жилого квартала // Памятники Туркменистана. 1974. № 2 (18). С. 20–21.

Завьялов, 1977 — *Завьялов В. А.* К характеристике внутренней структуры кушанского города // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1977. С. 46–47.

Завьялов, 1979а — *Завьялов В. А.* Зартепинский археологический комплекс позднекушанского времени // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана»: Тезисы докладов / Отв. ред. А. А. Аскаров, М. И. Филанович. Ташкент: Фан, 1979. С. 16–19.

Завьялов, 1979б — *Завьялов В. А.* Кушанский медальон с изображением Хувишки // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4 / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1979. С. 86–87.

Завьялов, 1979в — *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975–1976 гг. // СА. 1979. № 3. С. 141–154.

Завьялов, 1980 — *Завьялов В. А.* Исследование части жилого комплекса эпохи бронзы на Алтын-депе в 1974 г. // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 84–89.

Завьялов, 1986 — *Завьялов В. А.* Культура позднекушанского города (по раскопам Зартепа) // Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.): Тезисы докладов советско-французского коллоквиума / Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1986. С. 38–40.

Завьялов, 1993 — *Завьялов В. А.* Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 31–41.

Завьялов, 1999 — *Завьялов В. А.* Фортификация Эркалы и Гяур-калы // Культурные ценности. Международный ежегодник: 1997–1998. СПб.: Европейский дом, 1999 (Bibliotheca Turkmennika). С. 20–35.

Завьялов, 2005а — *Завьялов В. А.* Культура Бактрии — Тохаристана кушано-сасанидского времени (по материалам Зартепа): Автореф. дис. … канд. ист. наук — 07.00.06 / Археология. СПб.: ИИМК РАН, 2005. 30 с.

Завьялов, 2005б — *Завьялов В. А.* Оборонительные сооружения Антиохии Маргианской (Гяур Калы Старого Мерва) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. М. Беленицкого / Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005. С. 90–98.

Завьялов, 2008 — *Завьялов В. А.* Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2008 (Труды ИИМК РАН; Т. XXVII). 296 с.

Завьялов, Галибин, 1990 — *Завьялов В. А., Галибин В. А.* Бронзовая посуда позднекушанского времени из Зартепе // КСИА. 1990. Вып. 199. С. 95–101.

Завьялов, Мешкерис, 1985 — *Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийский музыкант с флейтой Пана // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1985. № 1. С. 52–55.

Завьялов, Осипов, 1976 — *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зар-Тепе в 1973 г. // Бактрийские древности (предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана): Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1976. С. 51–58.

Завьялов, Пидаев, 2001 — *Завьялов В. А., Пидаев Ш. Р.* Изображения бодхисатв в терракотах Северной Бактрии кушанского времени // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Сборник научных статей, посвященных археологическим исследованиям в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан / Под ред. Э. В. Ртвеладзе, Ш. Р. Пидаева. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 59–63.

Завьялов, Пидаев, 2002 — *Завьялов В. А., Пидаев Ш. Р.* Изображения бодхисаттв в терракотах Северной Бактрии кушанского времени // Культурное наследие Средней Азии / Гл. ред. Р. Х. Сулейманов. Ташкент: Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, 2002. С. 96–101.

Хлопин, 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997 (Труды ЮТАКЭ; Т. 20). 302 с.

Хлопин, 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (Труды ЮТАКЭ; Т. 21). 336 с.

Zavyalov, 1994 — *Zavyalov V. A.* Zar-tepe: a Kushanian town in Southern Uzbekistan // New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia / Ed. V. M. Masson. St. Petersburg: IHMC RAS, 1994 (Archaeological Studies; Is. 16). P. 67–74.

Zav'yalov, 1996 — *Zav'yalov V. A.* Excavations of Kaladzhik-Tepe in Khorezm // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1996. Vol. 3, no. 2-3. P. 298–317.

Zavyalov, 2007 — *Zavyalov V. A.* The Fortifications of the City of Gyaur Kala, Merv // Proceedings of the British Academy. London, 2007. Vol. 133. P. 313–329.

Problems of Antique and Early Medieval Archaeology of Central Asia in the fieldworks and scholarly publications by Vladimir A. Zav'yalov (10.02.1946–02.08.2020)

V. A. Alyokshin, V. P. Nikonorov[3]

Keywords: Vladimir A. Zav'yalov, Central Asian archaeology, joint sitting of the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, as well as of the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus

The article deals with the creative path of an outstanding researcher of ancient Central Asia and a remarkable person, Vladimir A. Zav'yalov (1946–2020), and also contains detailed information about a joint meeting of the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and as well of the Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus in honour of the 80th anniversary of this scholar, which took place on February 11, 2026, where his colleagues presented eight reports thematically related to the professional interests of Vladimir A. Zav'yalov.

[3] Vadim A. Alyokshin, Valeriy P. Nikonorov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; e-mail: valyokshin1@yandex.ru, vpnikonorov@mail.ru.

AD MEMORIAM

Памяти Ольги Александровны Соффер (1942–2026)

19 июня 2026 г. ушла из жизни профессор О. А. Соффер. Исследовательница родилась в оккупированной немцами Югославии в семье русских эмигрантов. После войны семья перебралась в Италию, потом в Америку. Начав свой путь в модельном бизнесе, О. А. Соффер в Нью-Йоркском городском университете вначале занялась изучением искусства, а затем переключила внимание на археологию. Свободное владение русским языком открыло перед ней малоизвестный на Западе мир палеолита Восточной Европы.

Начиная с 1977 г. О. А. Соффер часто и подолгу работала в различных научных центрах Советского Союза. Кроме анализа публикаций, отчетов и коллекций, исследовательница принимала участие в полевых работах в Авдеево и Межиричах. В итоге на свет появилась созданная на основе докторской диссертации фундаментальная монография "The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain" (1985). Сочетание методических приемов, разработанных в американской археологии, с богатейшими материалами, накопленными отечественными специалистами, дало интересные результаты в плане реконструкции сезонности обитания и характера хозяйственной деятельности древнего человека.

Благодаря незаурядным организаторским способностям и кипучей энергии О. А. Соффер в 1989 г. состоялся советско-американский полевой семинар с посещением опорных верхнепалеолитических стоянок Русской равнины. По итогам собрания под редакцией О. А. Соффер и Н. Д. Праслова был издан сборник статей "From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic — Paleoindian Adaptations" (1993). В 1991 г. последовал ответный визит группы советских специалистов в США, давший редкую возможность ознакомиться с палеоиндейскими памятниками на территории Северной Америки.

Важнейшей вехой в деле изучения процессов расселения древнего человека по планете стал представительный симпозиум, проведенный А. А. Величко и О. А. Соффер в 1993 г. в Подмосковье. Помимо трудов симпозиума, под редакцией О. А. Соффер вышли книга "The Pleistocene Old World: Regional Perspectives" (1987) и двухтомное издание "The World at l8 000 BP" (1990), рисующее картину палеолитических культур в различных частях планеты в период максимума последнего оледенения. Отметим изданный при участии Я. Козловского (J. Kozlowski) и автора этих строк том, посвященный сравнительному изучению жилищ и поселений в плейстоцене "Perceived Landscapes and Built Environments: The Cultural Geography of Late Paleolithic Eurasia" (2003).

Ольга Александровна Соффер
Olga Alexandrovna Soffer

Трудно перечислить усилия, предпринимавшиеся О. А. Соффер для налаживания международного сотрудничества в области первобытной археологии. Ей был издан многоязычный словарь специальной терминологии, относящейся к описанию каменных орудий. О. А. Соффер долгое время активно сотрудничала с англоязычным журналом «Советская антропология и археология», помещавшим на своих страницах переводы отечественных научных статей. При ее поддержке в Оксфорде увидела свет монография М. Д. Гвоздовер, посвященная великолепной серии произведений палеолитического искусства из раскопок стоянки Авдеево "Art of mammonth hunters. The finds from Avdeevo" (1995).

В последующие годы О. А. Соффер, опираясь на материалы стоянок Чехословакии, сосредоточилась на анализе технологий палеолита — процессов производства керамических статуэток, плетения и ткачества. Данные сюжеты привели исследовательницу к тематике гендерной археологии. Совместно с М. Конки (M. Conkey), Д. Стратменом (D. Stratmann) и Н. Г. Яблонски (N. G. Jablonski) был издан сборник, посвященный социальной значимости ранней знаковой деятельности "Beyond Art. Pleistocene Image and Symbol" (1997). В соавторстве с Д. Адовазио (J. M. Adovasio) и Д. Пейджем (J. Page) О. А. Соффер выпустила адресованную широкому кругу читателей книгу "The Invisible Sex" (2007) с развернутым анализом роли женщины в жизни древнейших сообществ.

Многие годы О. А. Соффер преподавала в Департаменте антропологии Университета Иллинойса в Урбана-Шампейн, длительное время возглавляя также Департамент славянских языков и литературы. Она читала лекционные курсы в России (на кафедре археологии Московского гос. университета) и во Франции, активно занималась распространением научных знаний, выступая в популярных фильмах и передачах. В последние годы жизни О. А. Соффер отошла от науки, посвятив себя семье и общественной деятельности.

На протяжении десятилетий О. А. Соффер была частым гостем в отделе палеолита нашего института. За активное содействие международному научному сотрудничеству и в знак признания выдающихся достижений в области изучения верхнего палеолита Восточной и Средней Европы ей было присуждено звание Почетного доктора ИИМК РАН.

С. А. Васильев

Список сокращений

АВ — Археологические вести.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН — Академия наук.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
НА — научный архив.
НАН — национальная академия наук.
НОА — Научно-отраслевой архив.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и источники по археологии СССР.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
РАН — Российская академия наук.
РА — Российская археология.
РО — рукописный отдел.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. ст. — сборник статей.
СО — Сибирское отделение.
УрО — Уральское отделение.
ФО — фотографический отдел.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 52

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректоры: О. К. Чеботарева, Л. Н. Образцова
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
http://www.archeo.ru; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-83461 от 24.06.2022,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписано в печать 15.10.2026. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 38,75. Тираж 60 экз. Заказ 1135.
Дата выхода: 30.10.2026 г.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 52 —

